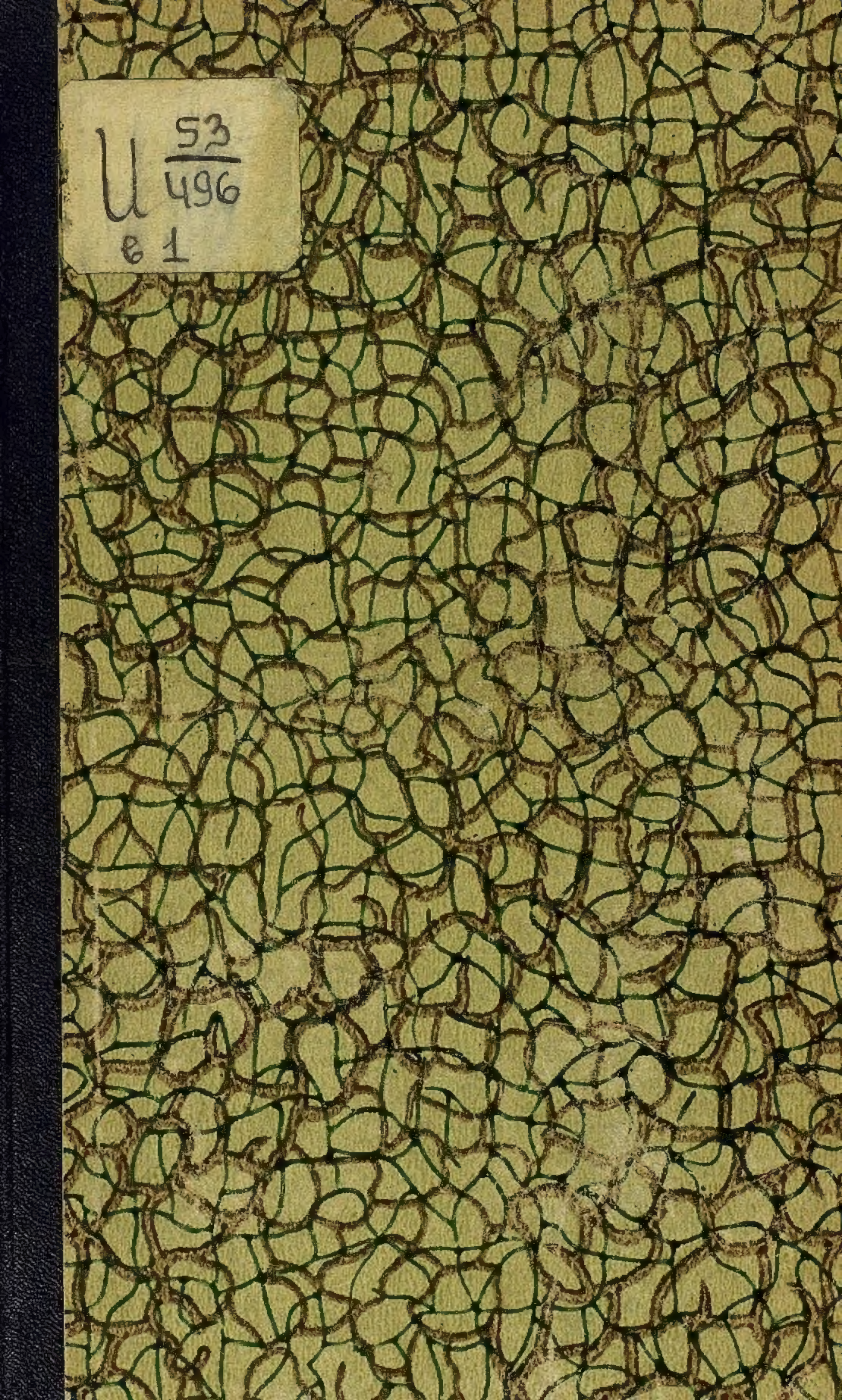
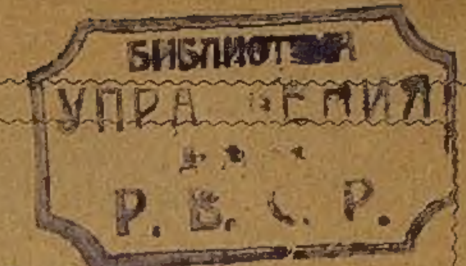

U 53/496
6 1

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ИСТОРІИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

И

ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

СБОРНИКЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ КОМИТЕТОМЪ ПО УСТРОЙСТВУ СЕВАСТОПОЛЬСКАГО МУЗЕЯ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Н. ДУБРОВИНА.

ВЫПУСКЪ I.

ПОРТРЕТЫ:

Императора Николая I-го.
Адмирала князя Меншикова.
Адмирала Нахимова.
Вице-адмирала Корнилова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1871.

2007081640

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ИСТОРІИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

И

ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

СБОРНИКЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ КОМИТЕТОМЪ ПО УСТРОЙСТВУ СЕВАСТОПОЛЬСКАГО МУЗЕЯ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Н. ДУБРОВИНА.

ВЫПУСКЪ I.

ПОРТРЕТЫ:

Императора Николая I-го.
Адмирала князя Меншикова.
Адмирала Нахимова.
Вице-адмирала Корнилова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ, ЛИТЕЙНЫЙ ПРОСПЕКТЪ Д. № 39.
1871.

МАТЕРІАЛЫ

для

ИСТОРІИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

и

ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Защитники чести Россіи и славы!
Вашъ подвигъ и древнихъ героевъ затмилъ:
Отъ васъ получили *четыре* державы
Лишь груды развалинъ! да груды могилъ!
Мы любимъ отчизну! но вы намъ явились
Примѣромъ высокой, священной любви!
Одиннадцать мѣсяцевъ слишкомъ вы бились
Подъ адскимъ огнемъ, утопая въ крови!
Нѣтъ! въ жизни народовъ все можетъ случиться!
Вновь силу событій извѣдаетъ свѣтъ,
Но Крымское дѣло едвали повторится,
Хоть Русь проживетъ за три тысячи лѣтъ!!
Такъ тостъ нашъ за тѣхъ, *кто отъ бомбъ и отъ дыма,*
Отъ вылазокъ, штурмовъ остался въ живыхъ!
За васъ, безпардонные витязи Крыма,
Мы пьемъ какъ за кровныхъ, безцѣнныхъ родныхъ!

(Изъ стих. П. Григорьева, сказаннаго на обѣдѣ черноморскимъ героямъ).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

АЛФАВИТЫ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Комитетъ по устройству Севастопольскаго музея, приступивъ къ изданію *„Матеріаловъ для исторіи крымской войны и обороны Севастополя“*, имѣетъ единственною цѣлію сохранить отъ забвенія и собрать въ одно цѣлое, *заслуживающія вниманія*, статьи, написанныя какъ объ оборонѣ Севастополя, такъ и относительно, находящихся въ связи съ обороною, военныхъ дѣйствій въ Крыму и на Черномъ морѣ. Мысль эта, родившаяся въ комитетѣ, едва-ли не со времени его учрежденія, не приводилась въ исполненіе единственно только потому, что комитетъ, до сихъ поръ, не могъ располагать тѣми средствами, которыя необходимы для ея осуществленія. Между тѣмъ собраніе въ одно цѣлое такихъ статей, которыя разбросаны по разнымъ періодическимъ изданіямъ и газетамъ, сдѣлавшимся въ настоящее время библіографическою рѣдкостью, становится необходимымъ. По этому, не смотря на ограниченность средствъ, но пользуясь только тѣмъ, что Севастопольскій музей осчастливленъ милостивымъ вниманіемъ **Государя Императора** и въ нѣкоторой мѣрѣ обезпеченъ средствами, Всемилостивѣйше пожалованными отъ щедротъ Его Величества и что въ настоящее время музей нѣсколько пополненъ и приведенъ въ порядокъ, комитетъ нынѣ же приступилъ къ изданію сборника матеріаловъ, отдѣльными выпусками, не менѣе какъ по 30 печатныхъ листовъ въ каждомъ.

Условія, въ которыхъ поставленъ комитетъ Севастопольскаго музея, дозволяютъ ему издавать не болѣе двухъ выпусковъ въ годъ, такъ какъ онъ не разсчитываетъ не только на денежныя выгоды, но даже и на возвратъ затраченной на изданіе суммы.

Предлагая читателямъ первый выпускъ матеріаловъ, редакція считаетъ своею обязанностію сказать нѣсколько словъ относительно его состава. Постановивъ себѣ цѣлью

собрать въ одно цѣлое и перепечатать исключительно только тѣ статьи, которыя относятся до военныхъ дѣйствій въ Крыму и до славной обороны Севастополя, и не касаясь вовсе другихъ театровъ войны, комитетъ считаетъ однако же необходимымъ, для ознакомленія читателей съ политическими событіями предшествовавшими военнымъ дѣйствіямъ, перепечатать главнѣйшія изъ статей этого рода и притомъ на столько, чтобы возможно было прослѣдить причины, приведшія насъ къ столкновенію съ четырьмя государствами Европы. Понятно, что, при такой ограниченной и спеціальной рамкѣ изданія, нѣтъ возможности перепечатывать всѣхъ появившихся книгъ, статей и брошюръ, касающихся политическаго хода происшествій на Востокѣ. Ограничившись перепечаткою главнѣйшихъ и наиболѣе важныхъ статей этого рода, редакція перечислила, въ примѣчаніи на страницѣ 124, тѣ изъ статей невошедшихъ въ сборникъ, которыя заслуживаютъ вниманія и могутъ служить къ болѣе обширному и разностороннему знакомству съ политическими событіями, предшествовавшими войнѣ 1853—1856 годовъ.

Такъ какъ предполагается перепечатать только тѣ статьи, относящіяся до крымской войны и до обороны Севастополя, которыя разбросаны въ различныхъ журналахъ и газетахъ и которыя не вошли потомъ въ отдѣльныя изданія, то, независимо отъ сдѣланныхъ на 124 страницѣ указаній, для облегченія изученія кампаніи вообще, въ концѣ послѣдняго выпуска матеріаловъ будетъ приложенъ систематическій библіографическій указатель всѣхъ тѣхъ сочиненій, какъ русскихъ такъ и иностранныхъ, которыя будутъ извѣстны редакціи. Все стараніе будетъ приложено къ тому, чтобы сдѣлать этотъ указатель наиболѣе полнымъ и предоставить всѣмъ, желающимъ заняться, готовые матеріалы, сведенные въ одно цѣлое и расположенные по отдѣламъ.

НИКОЛАЙ 1[й]

[illegible]

ПОЛИТИЧЕСКІЯ СОБЫТІЯ,

ПРЕДШЕСТВОВАВШІЯ НАЧАЛУ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Посольство князя Меншикова въ Турцію и пребываніе его въ Константинополѣ.

Въ понедѣльникъ, $^{16}/_{28}$ февраля утромъ, прибылъ въ Буюкдере изъ Одессы, на пароходо-фрегатѣ «Громоносецъ», Императорскій россійскій генералъ-адъютантъ, адмиралъ князь *Меншиковъ*, въ званіи чрезвычайнаго посла при Оттоманской Портѣ. Россійскій повѣренный въ дѣлахъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Озеровъ*, выѣхалъ, на пароходѣ «Грозный», на встрѣчу его свѣтлости въ Буюкдере. Въ два часа по полудни пароходъ «Громоносецъ» прибылъ въ Топхане, гдѣ всѣ чиновники русскаго посольства и пребывающіе здѣсь русскіе ожидали князя верхомъ. Его свѣтлость сошелъ на берегъ и отправился во дворецъ русскаго посольства, въ сопровожденіи прибывшихъ съ нимъ генералъ-адъютанта вице-адмирала *Корнилова*, генералъ-маіора *Непокойчицкаго*, статскаго совѣтника графа *Нессельроде* и другихъ особъ его свиты. На другой день утромъ, султанскій церемоніймейстеръ Кіамиль-Бей явился къ князю съ поздравленіемъ, отъ имени Порты, о его прибытіи. Третьяго дня его свѣтлость, въ сопровожденіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Озерова* и перваго драгомана посольства г. *Аргиропуло*, посѣтилъ великаго визиря (1).

---

(1) «Сѣверная Пчела» 1853 года № 61.

мѣсто Мегемета-Рудши-Паши, а сей командиромъ гвардейскаго корпуса, съ правомъ засѣданія и голоса въ министерскомъ совѣтѣ, на мѣсто уволеннаго отъ этой должности Рустема-Паши; въ то же время назначенъ *Решидъ-Паша* министромъ иностранныхъ дѣлъ, на мѣсто Рифата-Паши, возведеннаго въ прежнее его званіе предсѣдателя государственнаго совѣта. Новый великій визирь, *Мустафа-Паша*, былъ долгое время кандійскимъ генералъ-губернаторомъ; сынъ его, Вели-Паша, нынѣ посломъ въ Парижѣ. *Решидъ-Паша* занималъ уже прежде должности министра иностранныхъ дѣлъ и посла въ Парижѣ и Лондонѣ, а потомъ былъ нѣсколько лѣтъ великимъ визиремъ. Другими султанскими повелѣніями, 6-го мая (24-го апрѣля ст. ст.), перемѣщены: министръ торговли *Ахметъ-Фети-Паша* въ прежнюю должность его фельдцейхмейстера, или главнаго начальника артиллеріи, а фельдцейхмейстеръ *Намикъ-Паша* въ должность министра торговли. Сверхъ того, повелѣніемъ 11 ч. (29-го апрѣля ст. ст.) бывшій предсѣдателемъ государственнаго совѣта *Арифъ-Паша* назначенъ министромъ безъ портфеля. Совѣтъ министровъ въ новомъ своемъ составѣ собирался вчера, въ 4 часа пополудни, у султана въ чераганскомъ дворцѣ, и засѣданіе его продолжалось до 7 часовъ вечера. Сегодня же пополудни происходило вновь собраніе совѣта, подъ предсѣдательствомъ новаго великаго визиря *Мустафы-Паши* (1).

Свиданіе князя Меншикова съ Решидъ-Пашой.

Россійскій посолъ, князь Меншиковъ, переѣхалъ въ субботу, 7-го мая (25-го апрѣля ст. ст.), во дворецъ русскаго посольства, въ Буюкдере. 1-го мая, назначено было, въ первомъ часу пополудни, совѣщаніе его свѣтлости въ Портѣ съ великимъ визиремъ, военнымъ министромъ, начальникомъ артиллеріи и министромъ иностранныхъ дѣлъ; но совѣщаніе это не состоялось, такъ какъ князь отпра-

---

(1) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1853 г. № 113.

вился въ чераганскій дворецъ, гдѣ былъ принятъ въ аудіенціи султаномъ. 2-го мая утромъ его свѣтлость ѣздилъ на пароходѣ «Бессарабія» въ *яли* (загородный домъ) новаго министра иностранныхъ дѣлъ *Решида-Паши* и имѣлъ съ нимъ совѣщаніе. Послѣ утренняго засѣданія совѣта министровъ, имѣлъ совѣщаніе съ Решидомъ-Пашею и россійскій повѣренный въ дѣлахъ г. *Озеровъ* (¹).

Циркуляръ россійскаго правительства 30-го мая 1853 г., о восточномъ вопросѣ.

Въ Journal de St. Pétersbourg напечатано:

«Иностранныя газеты распространили множество ложныхъ и преувеличенныхъ слуховъ относительно посольства князя Меншикова въ Константинополь, а потому мы уполномочены сообщить циркуляръ, отправленный россійскимъ правительствомъ ко всѣмъ своимъ посланникамъ и дипломатическимъ агентамъ. Обзоръ событій, содержащихся въ немъ, и важный документъ, приложенный къ оному, достаточно объясняютъ весь ходъ дѣлъ, какъ по первоначальному вопросу о Святыхъ Мѣстахъ, такъ и по нынѣшнему положенію всего дѣла».

С.-Петербургъ, 30-го мая 1853 г.

Посольство Князя Меншикова въ Турцію подало поводъ къ самымъ преувеличеннымъ слухамъ, которые еще болѣе усилятся съ его отъѣздомъ и послѣдовавшимъ отъ того прекращеніемъ сношеній. Потому почитаю необходимымъ передать по сему предмету нѣсколько общихъ свѣдѣній для исправленія тѣхъ невѣрныхъ данныхъ, которыя могли бы распространиться въ мѣстѣ вашего пребыванія.

Почитаю излишнимъ говорить, что нѣтъ ни слова правды въ тѣхъ газетныхъ извѣстіяхъ, по которымъ, мы будто бы требуемъ увеличенія нашихъ владѣній, или выгоднѣй-

(¹) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1853 г. № 113.

шаго опредѣленія азіатскихъ нашихъ границъ, или права назначенія и увольненія константинопольскихъ патріарховъ, или же, наконецъ, другаго какого религіознаго протекторства, переходящаго за предѣлы нынѣшняго, которымъ мы издавна, по дѣлу и по праву, пользуемся въ Турціи, въ силу прежнихъ нашихъ трактатовъ. Вы довольно хорошо знаете политику Государя Императора, и что Его Императорское Величество не желаетъ ни разрушенія, ни уничтоженія Оттоманской Имперіи, двукратно Имъ спасенной; напротивъ того, Его Величество всегда считалъ и считаетъ нынѣшнее положеніе дѣлъ (status quo) наилучшею комбинаціею для выгодъ всѣхъ европейскихъ державъ, которыхъ столкновеніе было бы неминуемо на Востокѣ, еслибъ тамъ произошло какое-нибудь политическое измѣненіе. Что касается до покровительства православнаго вѣроисповѣданія въ Турціи, то, для соблюденія выгодъ онаго, намъ не нужно другихъ правъ, исключая признанныхъ за нами прежними трактатами, нашимъ положеніемъ и вліяніемъ религіознаго сочувствія, существовавшаго между пятидесятью милліонами русскихъ православныхъ и между большинствомъ христіанъ, подданныхъ султана. Это вліяніе вѣковое, неизбѣжное, потому-что основано на дѣлѣ, а не на словахъ, и Государь Императоръ, при восшествіи своемъ на престолъ, изволилъ принять уже сіе вліяніе, отъ котораго нынѣ, по причинѣ несправедливыхъ подозрѣній, возбужденныхъ онымъ, Его Величество не можетъ отказаться, не отрекаясь отъ славнаго наслѣдія Августѣйшихъ своихъ предшественниковъ.

Это доказываетъ вамъ, какъ неосновательны слухи, распространенные о посольствѣ князя Меншикова, которое никогда не имѣло другой цѣли, исключая устройства дѣла о Святыхъ Мѣстахъ.

Слишкомъ пространно было бы исчислять вамъ всѣ подробности историческаго хода сего вопроса съ 1850 г. Мы по совѣсти убѣждены, что не первые коснулись его. Мы слишкомъ хорошо знали, что послѣдствія сего вопроса могутъ быть опасны для спокойствія Востока, а можетъ быть и для всеобщаго мира. Съ самаго начала мы обра-

щали вниманіе великихъ державъ на положеніе, въ которое поставитъ насъ сей вопросъ, и на послѣдствія, которыя произойдутъ отъ него. Постепенное развитіе, принятое симъ вопросомъ, довело до нынѣшняго перелома, который слишкомъ хорошо оправдываетъ наши печальныя предсказанія. Достаточно напомнить вамъ, что, при первыхъ уступкахъ, сдѣланныхъ Франціи въ пользу католиковъ въ Іерусалимѣ, въ ущербъ вѣковыхъ привиллегій, дарованныхъ православнымъ, Его Императорское Величество, видя ежедневно, что явное пристрастіе Порты къ католикамъ увлекаетъ ее болѣе и болѣе къ важнѣйшимъ уступкамъ, нарушающимъ права и выгоды православнаго вѣроисповѣданія на Востокѣ, изволилъ признать необходимымъ обратиться къ султану по сему предмету съ дружественнымъ, но серьезнымъ письмомъ. Слѣдствіемъ этой мѣры было, во первыхъ, составленіе коммисіи изъ однихъ турецкихъ улемовъ, которая занялась пріисканіемъ средствъ къ соглашенію обоюдныхъ требованій, а затѣмъ, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, полученъ былъ Государемъ Императоромъ отъ султана отвѣтъ, возвѣщавшій окончательное рѣшеніе вопроса съ самыми торжественными обѣщаніями о сохраненіи всѣхъ древнихъ правъ, данныхъ Портою православной церкви. Въ то же время сообщенъ намъ былъ *фирманъ* съ подробностями сего рѣшенія. Въ главѣ сего фирмана, собственноручнымъ *гатти-шерифомъ* султана, признавались и подтверждались самымъ формальнымъ образомъ всѣ предшествовавшіе акты, данные въ пользу православныхъ въ разныя эпохи султаномъ Махмудомъ и подтвержденные нынѣшнимъ султаномъ.

Хотя это письмо и фирманъ были написаны въ такомъ духѣ и въ такихъ выраженіяхъ, которыя отдалялись нѣсколько отъ настоящаго положенія дѣлъ, которое мы всегда старались сохранить, но какъ эти документы Государь Императоръ изволилъ найти удовлетворяющими до нѣкоторой степени справедливую заботливость Его Величества о правахъ и пользахъ православной вѣры въ Іерусалимѣ, то, движимый миролюбіемъ, Его Величество соизволилъ принять ихъ въ видѣ торжественнаго и окончательнаго усло-

вія. Послѣ сихъ ясныхъ документовъ, оффиціально сообщенныхъ, по окончаніи продолжительныхъ и трудныхъ переговоровъ, россійское правительство почитало на всегда оконченными сіи пренія, которыхъ опасность устранена была его миролюбіемъ, предоставлявшимъ католикамъ пріобрѣтенныя ими новыя выгоды. Вы знаете, что, по несчастію, оказалось иначе.

Я слишкомъ увлекся бы, еслибъ въ подробности исчислилъ всѣ послабленія, вліянія и лукавства, обнаруженныя оттоманскими начальствами, когда надобно было исполнить обязанности, принятыя въ отношеніи къ намъ, и обнародовать въ Іерусалимѣ заведеннымъ порядкомъ означенный фирманъ, внесенія его въ роспись и исполненія онаго. Турецкій коммисаръ, посланный въ Іерусалимъ для сего, согласно увѣренію, полученному нашимъ посольствомъ въ Константинополѣ, осмѣлился объявить нашему консулу въ Іерусалимѣ, требовавшему прочтенія и записки фирмана, что онъ ничего не знаетъ о немъ, и что въ его инструкціяхъ не упомянуто о семъ документѣ. Хотя потомъ, въ слѣдствіе нашихъ требованій, фирманъ сей и былъ наконецъ прочтенъ и внесенъ въ роспись въ Іерусалимѣ, но это было сдѣлано съ ограниченіями, оскорбительными для православной церкви. Что касается до самаго документа, то, исключая исполненія сихъ форменныхъ обрядовъ, главныя статьи его явно были нарушены. Главное нарушеніе состояло въ передачѣ католическому патріарху ключа отъ главныхъ дверей Виѳлеемской церкви. Эта передача совершенно противорѣчила точнымъ словамъ фирмана. Она глубоко оскорбила духовенство и все народонаселеніе православнаго исповѣданія, потому-что, по мнѣнію усвоенному въ Палестинѣ, обладаніе симъ ключемъ какъ бы обозначаетъ обладаніе всѣмъ храмомъ. Такимъ образомъ турецкое правительство обнаружило предъ всѣми, и вопреки собственнымъ своимъ выгодамъ, преимущество даруемое имъ другому вѣроисповѣданію, а не тому, къ которому принадлежитъ большинство его подданныхъ.

Подобное забвеніе самыхъ опредѣлительныхъ обѣщаній, изложенныхъ въ письмѣ султана къ Государю Императору,

столь явная недобросовѣстность, усиленная поступками и насмѣшливыми рѣчами министровъ султана, должны были побудить Августѣйшаго нашего Государя, оскорбленнаго въ своемъ достоинствѣ, въ дружественной довѣренности и религіозныхъ чувствахъ, раздѣляемыхъ имъ съ своими вѣрноподданными, къ немедленному востребованію безотлагательнаго удовлетворенія. Государю Императору легко было бы это сдѣлать, еслибъ, согласно всегдашнимъ несправедливымъ слухамъ, Его Величество искалъ только предлоговъ къ ниспровержению Оттоманской Имперіи. Но Его Величество не желалъ сего. Государь Императоръ изволилъ предпочесть получить это удовлетвореніе миролюбивыми переговорами. Его Величество еще разъ старался вразумить султана въ несправедливости противъ насъ и противъ собственныхъ своихъ выгодъ, указывая благоусмотрѣнію султана на ошибки его министерства, а для сей то цѣли Его Величество отправилъ князя Меншикова въ Константинополь.

Посольству сему предстояло два дѣла относительно вопроса о Святыхъ Мѣстахъ.

1) Вести переговоры о замѣнѣ уничтоженнаго фирмана новымъ условіемъ, которое, не отнимая у католиковъ полученныхъ ими въ послѣднее время выгодъ (потому что мы не хотѣли, требуя уничтоженія этихъ выгодъ, поставить Порту въ отношеніи къ Франціи въ такое же затруднительное положеніе, въ какомъ Порта была въ отношеніи къ намъ), объяснило бы по-крайней-мѣрѣ сіи уступки такимъ образомъ, чтобъ не придать имъ вида торжества надъ православною церковью, и возстановило бы нѣкоторыми законными вознагражденіями равновѣсіе, нарушенное въ ущербъ сего вѣроисповѣданія.

2) Составить изъ новаго сего соглашенія формальный актъ, который послужилъ бы намъ какъ удовлетвореніемъ за прошедшее, такъ и ручательствомъ за будущее.

Эта первая часть порученія, возложеннаго на нашего чрезвычайнаго посла, была очень трудна и щекотлива, потому-что надобно было согласить права и обоюдныя, хотя противорѣчащія, выгоды Россіи и Франціи; но мы дѣйст-

вовали въ ней со всевозможнымъ желаніемъ примиренія, и должны отдать справедливость, что французское правительство съ своей стороны содѣйствовало намъ. Послѣ продолжительныхъ обсужденій, часть эта была окончена и результатомъ сего было составленіе двухъ новыхъ фирмановъ, полученныхъ безъ сопротивленія со стороны французскаго посланника.

Но, какъ сказано выше, былъ еще одинъ предметъ переговоровъ. Соглашеніе по вопросу не означало еще всего. Безъ акта, подтверждающаго оное и ручающагося за точное и ненарушимое исполненіе на будущее время новыхъ фирмановъ, какъ въ основаніяхъ, такъ и въ послѣдствіяхъ оныхъ, очевидно, что документы сіи, послѣ явнаго нарушенія предшествовавшихъ, не могли имѣть въ глазахъ нашихъ болѣе цѣны, нежели предъидущіе. Это ручательство было тѣмъ важнѣе для Государя Императора, что составляло одно и единственное удовлетвореніе, требуемое Его Величествомъ за оскорбленіе, нанесенное Его сану недобросовѣстностью Оттоманской Порты, особенно послѣ обстоятельствъ, сдѣлавшихъ сіе оскорбленіе еще болѣе явнымъ.

Князю Меншикову поручено было стараться о полученіи этого ручательства заключеніемъ конвенціи, которую онъ и долженъ былъ подписать вмѣстѣ съ турецкимъ правительствомъ. О заключеніи собственно трактата никогда не было и рѣчи.

Возставали противъ формы этой конвенціи, какъ бы нарушающей верховную власть султана и какъ бы предоставляющей намъ, именемъ религіи, постоянное право вмѣшательства во внутреннія дѣла Турціи. Мы полагаемъ, что это одна мечта, и что опасенія существуютъ болѣе въ воображеніи, нежели на дѣлѣ.

По основнымъ правиламъ подобная конвенція, или даже трактатъ, не имѣютъ ничего необыкновеннаго, и мы не понимаемъ, чѣмъ бы они нарушили права единовластія султана болѣе, нежели *капитуляціи,* или другіе акты, полученные отъ Турціи Франціею и Австріею, потому-что по основнымъ правамъ, то есть въ томъ, что касается до не-

зависимости султана, все равно: примѣняется ли подобный актъ къ большему и меньшему числу подданныхъ, въ пользу которыхъ пріобрѣтены права другою державою. Обезпеченіе трактатомъ, данное другой державѣ въ пользу иноземнаго вѣроисповѣданія, было пріобрѣтаемо во всѣ историческія времена. Въ эпоху реформаціи разныя державы, даже великія католическія державы, заключали съ другими трактаты или конвенціи, которыми обезпечивали протестантамъ разныя привиллегіи, выгоды и льготы, такъ-что и теперь гражданское положеніе этого вѣроисповѣданія основано тамъ на сихъ договорахъ, и государства, давшія подобныя обезпеченія, вовсе не почитаютъ нарушенными правъ своего владычества, или своей политической независимости. Тѣмъ болѣе могутъ быть заключаемы, по основнымъ правиламъ, подобные акты съ мусульманскою державою, въ которой христіанскіе подданные столь часто терпѣли и нынѣ терпятъ не только въ льготахъ своихъ, но въ своей собственности и въ своемъ существованіи.

Что касается до самаго дѣла, оно уже существуетъ, и форма конвенціи, предложенной нами, не представляетъ ничего новаго въ отношеніи къ религіозному покровительству. Кайнарджійскій трактатъ, которымъ Порта обязуется постоянно покровительствовать христіанамъ и ихъ церквамъ въ своихъ владѣніяхъ, служитъ для насъ достаточнымъ правомъ къ надзору и предостереженіямъ. Это право вновь подтверждено и яснѣе изложено въ адріанопольскомъ трактатѣ, служащемъ утвержденіемъ всѣхъ прежнихъ. Кайнарджійскій заключенъ въ 1774 г., слѣдственно нынѣ исполнилось восемдесятъ лѣтъ, какъ мы имѣемъ на бумагѣ право, нынѣ у насъ оспариваемое, и возстановленіе котораго почитаютъ измѣненіемъ всѣхъ нашихъ прежнихъ сношеній съ Оттоманскою Портою, какъ бы предоставляя намъ дѣйствительное владычество надъ огромнымъ большинствомъ ея подданныхъ. Конечно, еслибъ во все это время мы расположены были употребить во зло сіе право (какъ неисправимыя подозрѣнія упрекаютъ насъ), то много имѣли бы къ тому случаевъ, особенно въ послѣднія времена, когда Европа была предана безначалію, когда правительства были

безсильны противъ внутреннихъ своихъ несогласій и были отвлечены или заняты революціями на западѣ, а на востокѣ открыто было обширное поприще честолюбивымъ видамъ, въ которыхъ насъ подозрѣваютъ. Еслибъ мы имѣли эти намѣренія, то развѣ ожидали бы, для исполненія ихъ, возстановленія спокойствія въ Европѣ? Расположили бы наши силы такимъ образомъ, чтобъ дать нашимъ сосѣдямъ нравственную и матеріальную помощь? Старались бы съ такимъ усердіемъ (какъ это дѣйствительно дѣлали) примирить нашихъ союзниковъ и устранить все, что лично препятствовало тѣсному союзу между державами? Напротивъ, мы старались бы продлить безконечнымъ образомъ ихъ несогласія. Мы предоставили бы европейскимъ правительствамъ бороться между собою, или съ возмутившимися ихъ подданными, а сами безпрепятственно обратились бы къ цѣли завоевательной политики, которую въ насъ предполагаютъ. Нынѣ же, когда общественный порядокъ, по счастію, вездѣ утвержденъ, когда государства, возстановленныя въ основныхъ своихъ правахъ, могутъ свободно располагать своими дѣйствіями и своими силами, выборъ времени для подобной политики былъ бы очень страненъ.

Ни въ основныхъ правилахъ, ни на дѣлѣ, конвенція съ Портою въ пользу нашихъ единовѣрцевъ не представляетъ ничего новаго. Въ ней нѣтъ никакихъ выгодъ, которыхъ мы уже давно не имѣли бы, и которыхъ не могли бы употребить во зло, еслибъ намѣренія наши были таковы, какъ предполагаютъ. Если мы сильны, то не имѣемъ въ нихъ надобности; если слабы, то не сдѣлаемся опасны отъ подобной конвенціи. Это до того справедливо, что мы никогда не думали бы и предлагать объ этомъ, по спеціальному вопросу о Святыхъ Мѣстахъ, еслибъ Порта не заставила насъ, забвеніемъ прежнихъ обѣщаній, сильнѣе принудить ее къ соблюденію въ нынѣшнемъ положеніи и порядкѣ Палестинскихъ Святынь, и еслибъ, когда мы протестовали противъ уступокъ, сдѣланныхъ въ ущербъ намъ, Порта не отвѣчала, въ свое извиненіе, что, касательно Святыхъ Мѣстъ, съ Франціею есть трактатъ, а съ Россіею нѣтъ.

Впрочемъ, мы никогда не выставляли конвенціи непремѣннымъ условіемъ (sine qua non) соглашенія нашего съ Портою. Хотя, при отправленіи князя Меншикова въ Константинополь, и была дана ему подобная форма для предстоящихъ переговоровъ, но ему предоставлена была полная и совершенная свобода измѣнить ее въ выраженіяхъ, или даже получить въ другомъ видѣ, который менѣе нарушалъ бы щекотливость Порты, или другихъ дипломатовъ. По сему-то полномочію князь Меншиковъ, по прибытіи на мѣсто, и убѣдясь, что нашъ проектъ конвенціи встрѣтитъ препятствія, ограничился требованіемъ заключенія *сенеда* (1), акта, наиболѣе соотвѣтствующаго восточнымъ обычаямъ и заключающаго въ себѣ менѣе значенія, соединеннаго съ словомъ конвенція по общенародному европейскому праву. Двѣ статьи сенеда, которыми мы требовали (вопреки газетнымъ увѣреніямъ), не права утверждать выборы патріарховъ константинопольскихъ, а простаго сохраненія привиллегій духовныхъ лицъ и мірскихъ выгодъ, издревле (ab antiquo) дарованныхъ Портою четыремъ патріархамъ: константинопольскому, антіохійскому, александрійскому и іерусалимскому, а равно митрополитамъ, епископамъ и прочему высшему духовенству православнаго исповѣданія, встрѣтили слишкомъ сильныя сопротивленія, а потому князь Меншиковъ согласился уничтожить ихъ совершенно. Составленъ былъ второй проектъ сенеда, на принятіе котораго князь долго настаивалъ. Наконецъ, въ послѣднюю минуту, когда Порта настоятельно отвергла всякое соглашеніе взаимно обязующаго, обоюднаго договора, посланникъ нашъ, по духу своихъ инструкцій, объявилъ, что если Порта приметъ и тотчасъ же подпишетъ ноту, которой копія при семъ приложена, онъ согласится довольствоваться подобнымъ документомъ и почтетъ его достаточнымъ удовлетвореніемъ и ручательствомъ.

Вотъ каковы были истинныя послѣднія условія (ultimatum), предложенныя россійскимъ кабинетомъ. Замедленіе Порты въ принятіи означеннаго документа принудило на-

---

(1) См. Приложенія.

шего уполномоченнаго возвратиться въ Одессу и прервать наши дипломатическія сношенія съ турецкимъ правительствомъ.

Постепенная уступка въ формѣ и существѣ нашихъ предложеній распространилась и на срокъ, первоначально данный для принятія ихъ. Послѣ долгаго и безплоднаго ожиданія, предписано было потребовать у Порты окончательнаго отвѣта чрезъ три дня, и хотя этотъ отвѣтъ князь долженъ былъ бы получить 8-го мая, н. с., однако только 21 числа выѣхалъ онъ изъ Константинополя.

Послѣ трехмѣсячныхъ, безпрерывныхъ и трудныхъ переговоровъ, истощивъ до конца всевозможныя уступки, Государь Императоръ находитъ себя отнынѣ вынужденнымъ рѣшительно настаивать на простомъ и непремѣнномъ принятіи проекта ноты. Движимый, однако же, всегда чувствами долготерпѣнія и кротости, Государь Императоръ изволилъ дать Портѣ еще недѣлю срока на рѣшеніе. П. сего, какихъ бы усилій ни стоило миролюбивому его рас положенію, Его Величество будетъ принужденъ принять болѣе рѣшительное положеніе для полученія удовлетворенія, которое доселѣ старался получить мирными средствами.

Съ живѣйшимъ и глубокимъ сожалѣніемъ приметъ Его Величество сіе положеніе. Ослѣпленіе и упорство Порты будутъ въ томъ виновны, что поставятъ Его Величество въ такое положеніе, гдѣ Россія, дойдя до крайней степени умѣренности, не можетъ уже ни на шагъ отступить, не унизивъ политическаго своего достоинства.

Сообщите, м. г., всѣ эти подробности правительству, при которомъ вы акредитованы, сообщивъ и о важномъ документѣ, при семъ приложенномъ. Мы просимъ его обратить на оный все свое вниманіе, потому что въ эту минуту онъ составляетъ гордіевъ узелъ всего вопроса, который мы желаемъ развязать миролюбиво, хотя и стараются довести насъ до того, чтобъ мы разорвали его. Представляя послѣднія наши условія на безпристрастное вниманіе кабинетовъ, мы предоставляемъ имъ рѣшить: можно ли было, послѣ всѣхъ важныхъ проступковъ Порты противъ насъ,

послѣ всѣхъ законныхъ причинъ съ нашей стороны къ неудовольствіямъ, довольствоваться меньшимъ удовлетвореніемъ? Добросовѣстный разборъ проекта нашей ноты докажетъ, что, не имѣя формы ни трактата, ни взаимно обязующаго договора, она ни въ чемъ не нарушаетъ правъ верховной власти султана и не обнаруживаетъ съ нашей стороны преувеличенныхъ требованій, въ которыхъ насъ упрекаетъ недовѣрчивость, столь же оскорбительная для насъ, какъ и мало оправдываемая прежними нашими дѣйствіями. Надѣемся, что это разсмотрѣніе будетъ достаточно для прекращенія ложныхъ слуховъ о нашихъ надменныхъ требованіяхъ, и для доказательства, что если последнепредложенныя нами средства къ соглашенію затрудненій, возникшихъ по вопросу о Святыхъ Мѣстахъ, будутъ отвергнуты и чрезъ то произойдутъ запутанности, могущія нарушить миръ, то отвѣтственность въ томъ предъ всѣми должна пасть не на насъ [1]. Подписано: «Нессельроде».

Проектъ ноты, предложенный Портѣ княземъ Меншиковымъ.

Приложеніе. *Проектъ ноты*. Высокая Порта, тщательно и внимательно разсмотрѣвъ требованія, составляющія цѣль посольства князя Меншикова, и представивъ результатъ этого разсмотрѣнія е. в. султану, почитаетъ своею обязанностью поспѣшить симъ сообщить е. с. посланнику рѣшеніе Его Вел., воспослѣдовавшее въ видѣ высочайшаго *ираде* отъ.... (число мусульманское и христіанское).

Е. в. султанъ, желая дать августѣйшему своему союзнику и другу, Императору Всероссійскому, новое доказательство своей искренней дружбы и душевнаго желанія къ утвержденію прежнихъ дружественныхъ и добрососѣдственныхъ отношеній, существовавшихъ между обоими государствами, питая притомъ полную довѣренность свою ко всегдашнимъ благосклоннымъ намѣреніямъ Его Императорскаго Величества къ сохраненію цѣлости и независимости Турецкой имперіи, удостоилъ оцѣнить и принять въ долж-

---

[1] „Сѣверная Пчела“ 1853 годъ № 120.

ное внимание откровенныя и искреннія представленія российскаго посланника въ пользу православнаго вѣроисповѣданія на востокѣ, къ коему принадлежитъ и Августѣйшій союзникъ его, равно и большинство ихъ подданныхъ.

Въ слѣдствіе сего нижеподписавшійся получилъ приказаніе дать сею нотою торжественное удостовѣреніе россійскому правительству, коего представителемъ теперь при е. в. султанѣ е. с. князь Меншиковъ, въ неизмѣнномъ попеченіи и въ великодушныхъ чувствахъ вѣротерпимости, одушевляющихъ е. в. султана, для безопасности и благосостоянія въ его владѣніяхъ православнаго духовенства, церквей и духовныхъ заведеній.

Чтобы увѣренія сіи были еще яснѣе; чтобы опредѣлить главные предметы сего высокаго попеченія формальнымъ образомъ; утвердить дополнительными объясненіями, требуемыми ходомъ современности, смыслъ статей прежнихъ договоровъ, заключенныхъ между обоими государствами и касающихся до религіозныхъ вопросовъ, и чтобы, наконецъ, навсегда устранить всякую тѣнь недоразумѣній и несогласій по сему предмету между обоими правительствами, нижеподписавшійся имѣетъ порученіе отъ е. в. султана объявить слѣдующее:

1) Православное вѣроисповѣданіе на востокѣ, духовенство его, церкви, имущества, а равно и духовныя заведенія будутъ пользоваться на будущее время ненарушимо, подъ защитою е. в. султана, привиллегіями и льготами, которыя имъ даны издревле (ab antiquo), или вновь по временамъ даруемы были милостію е. в. и, на основаніи высокихъ правилъ правосудія, будутъ участвовать во всѣхъ выгодахъ, данныхъ прочимъ христіанскимъ исповѣданіямъ, какъ и иностраннымъ посольствамъ при высокой Портѣ, согласно конвенціямъ, или особымъ распоряженіямъ.

2) Е. в. султанъ, почитая необходимымъ и справедливымъ подтвердить и объяснить свой Высочайшій фирманъ, облеченный Гатти-Гумайуномъ, отъ 15-й луны Ребіулъ-Ахира 1268 (16-го февраля 1852), Высочайшимъ фирманомъ отъ... повелѣвъ, сверхъ того, другимъ фирманомъ отъ числа... возобновить куполъ храма Гроба Господня; оба сіи

фирмана будутъ буквально выполнены и въ точности соблюдаемы, дабы сохранить нынѣшній порядокъ дѣлъ относительно къ святымъ мѣстамъ, коими владѣютъ православные одни, или обще съ другими вѣроисповѣданіями.

Безъ сомнѣнія, это обѣщаніе распространяется на всѣ права и льготы, коими издревле пользуются церковь и духовенство православнаго исповѣданія, какъ въ Іерусалимѣ, такъ и въ окрестностяхъ, не нарушая притомъ правъ прочихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій.

3) Въ случаѣ, если Россійскій Дворъ потребуетъ, то въ Іерусалимѣ, или въ окрестностяхъ отведено будетъ приличное мѣсто для построенія церкви, для богослуженія въ ней русскому духовенству, а равно для госпиталя бѣдныхъ и больныхъ богомольцевъ. Оба эти учрежденія будутъ состоять подъ особеннымъ надзоромъ россійскаго генеральнаго консульства въ Сиріи и въ Палестинѣ.

4) Даны будутъ фирманы и надлежащія приказанія кому слѣдуетъ, и греческимъ патріархамъ, для исполненія сихъ Высочайшихъ повелѣній, а потомъ будутъ условлены подробности, необозначенныя какъ въ фирманахъ касающихся до Святыхъ Мѣстъ, такъ и въ настоящемъ сообщеніи (1).

Нижеподписавшійся и проч. и проч.

Фирманъ, дарованный грекамъ въ январѣ 1852 г., и два фирмана, полученные княземъ Меншиковымъ.

Переводъ Гатти-Гумайуна, написаннаго въ главѣ фирмана, относящагося до Святыхъ Мѣстъ.

Въ распоряженіяхъ моего настоящаго высочайшаго фирмана заключается истинный и окончательный результатъ полныхъ изысканій, произведенныхъ недавно въ древнихъ и противорѣчащихъ актахъ, находящихся въ рукахъ грековъ, нашихъ подданныхъ и франкскихъ монаховъ, касающихся до Святыхъ Мѣстъ Іерусалима, до нынѣ подлежащихъ спору, а также подтвержденіе высочайшихъ фирма-

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1853 г. № 121.

новъ, дарованныхъ грекамъ нашими августѣйшими предками, а особенно нашимъ чтимымъ родителемъ, подтвержденныхъ и возобновленныхъ нѣкогда и съ нашей стороны, а потому да остерегутся когда либо нарушить чѣмъ нибудь сей фирманъ.

Переводъ фирмана.

Губернатору Іерусалима, моему визирю Гафисъ-Ахметъ-Пашѣ, іерусалимскому кади, и членамъ совѣта того же города привѣтъ!

Распри, возникавшія по временамъ между греками и католиками, относительно къ нѣкоторымъ Святымъ Мѣстамъ, находящимся въ городѣ Іерусалимѣ и въ окрестностяхъ его, нынѣ вновь возобновились, почему составлена была коммисія изъ достаточныхъ мушировъ, уважаемыхъ кази-эскеровъ и другихъ лицъ, для разсмотрѣнія и повѣрки вопроса во всѣхъ отношеніяхъ. Результатомъ изслѣдованій этой коммисіи и министерскихъ совѣтовъ, созванныхъ затѣмъ, было, что мѣста, оспориваемыя обоими вѣроисповѣданіями, суть: большой куполъ *храма Камамэ*, малый куполъ въ томъ же храмѣ, находящемся на мѣстѣ, называемомъ гробомъ Господа Іисуса (св. гробъ Господень), Камень Помазанія, Джулджули (Голгоѳа); въ томъ же храмѣ придѣлъ Пресвятой Богородицы, Sitti-Mariam; большой храмъ, находящійся въ деревнѣ Виѳлеемѣ, и Вертепъ подъ этою церковью, который есть истинное мѣсто Рождества Господа Іисуса Христа и гробница Божіей Матери.

Изъ этихъ мѣстъ большой куполъ принадлежитъ ко всей церкви, и притязанія католиковъ на присвоеніе исключительно себѣ этого большаго купола, а также малаго купола и Камня Помазанія и Голгоѳы, и придѣла, и большой церкви въ Виѳлеемѣ и мѣста Рождества не основаны на истинѣ. И такъ настоящее положеніе всѣхъ этихъ мѣстъ утверждено.

Такъ какъ дано было предварительно грекамъ, католикамъ, армянамъ, каждымъ по ключу отъ двухъ дверей, находящихся на сѣверѣ (химадъ), югѣ и юго-востокѣ (киблэ) Вертепа Рождества, находящагося въ этомъ большомъ хра-

мѣ, и отъ одной изъ дверей этого самаго храма, что также было подтверждено и ратификовано фирманомъ, дарованнымъ грекамъ въ 1170 году гиджры, то дарованное остается какъ оно есть. Не смотря на то, такъ какъ не было дозволено ни измѣнять настоящаго положенія (status-quo) сего храма, ни отправлять въ семъ храмѣ богослуженія католикамъ и, наконецъ, ни вводить какія либо нововведенія съ какой то бы ни было стороны, въ отношеніи ли къ проходу изъ храма въ пещеру, или въ другихъ отношеніяхъ, ни чтобъ были измѣнены правила, имѣвшія въ теченіе многихъ лѣтъ силу и нынѣ дѣйствующія, то никогда не будутъ дозволены и приняты во вниманіе какія бы то ни было притязанія въ этомъ отношеніи и чтобъ не было вводимо никакого измѣненія въ настоящемъ положеніи дверей вышеупомянутаго храма.

Оба сада, прилегающіе къ монастырю франковъ, на которые католики также предъявляютъ притязанія, находятся, по древнимъ и новѣйшимъ актамъ, подъ надзоромъ обѣихъ сторонъ, а потому они будутъ утверждены такимъ же образомъ.

Что касается до гробницы Божіей Матери, то хотя католики вновь намѣревались присвоить ее исключительно себѣ, основываясь на нѣкоторыхъ распоряженіяхъ, находящихся въ ихъ рукахъ, однако это притязаніе также несогласно съ истиною. Но такъ какъ греки, армяне, ассирійцы и копты отправляютъ въ настоящее время богослуженіе своего исповѣданія въ этой священной гробницѣ, т. е. что отправленіе своего богослуженія въ семъ святомъ мѣстѣ не принадлежитъ исключительно одному какому исповѣданію, то выражено было, что правосуднѣе было бы подтвердить христіанамъ католическаго исповѣданія дозволеніе, которымъ они владѣютъ издревле (ab antiquo), объ исполненіи своего богослуженія въ мѣстѣ, гдѣ отправляютъ уже принадлежащіе къ другимъ исповѣданіямъ, съ условіемъ, чтобъ не было производимо никакой перемѣны въ администраціи этой гробницы и въ ея настоящемъ положеніи.

Такъ какъ это рѣшеніе подтверждаетъ и укрѣпляетъ

полученныя права, которыя были дарованы грекамъ, моимъ подданнымъ, со стороны моихъ августѣйшихъ предковъ, которыя также были подтверждены и ратификованы высочайшими фирманами, мною данными и украшенными моимъ высочайшимъ гаттомъ, и сохраненіе которыхъ правъ составляетъ одно изъ моихъ пламеннѣйшихъ желаній, то оно было также принято съ моей стороны, и повелѣно, чтобы на будущее время не было дѣлаемо никакихъ усилій, съ какой бы то ни было стороны, въ противность сему рѣшенію.

Католики нынѣ отправляютъ свое богослуженіе однажды въ годъ, т. е. въ день Вознесенія Господа Іисуса Христа, во внутренности храма *Куббетъ-улъ-Месс'ада,* находящагося на Масличной горѣ въ Іерусалимѣ, между тѣмъ, какъ греки совершаютъ свои молитвы внѣ самаго храма. Между тѣмъ, какъ въ этомъ мѣстѣ находится *Михрабъ* Исламисма, и какъ онъ не можетъ быть исключительно предоставленъ ни одному изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, то моимъ правосуднымъ началамъ показалось несообразнымъ, чтобы подданные моего правительства, греческаго исповѣданія, были лишены возможности отправлять свое богослуженіе внутри сего храма. И такъ съ условіемъ, что ничего не будетъ измѣнено въ положеніи, въ которомъ сей храмъ нынѣ находится, и что всегда будетъ состоять, какъ то было донынѣ, при дверяхъ сего храма, мусульманскій привратникъ, грекамъ не будетъ впредь препятствовать, также какъ и католикамъ, отправлять свое богослуженіе и совершать молитвы въ семъ храмѣ *Куббетъ-улъ-Месс'ада*, въ теченіе дней, означенныхъ въ обрядахъ христіанъ. Это распоряженіе будетъ внесено въ архивахъ на полѣ фирмана, изданнаго около половины луны Шевàля 1254 года. О всемъ предшествовавшемъ я выразилъ мою рѣшительную высочайшую волю, почему послѣдовало высочайшее повелѣніе, въ силу котораго изданъ настоящій фирманъ, украшенный моимъ высочайшимъ гаттомъ, и отданъ въ руки греческаго народа.

Когда дойдетъ до вашего свѣдѣнія сей высочайшій фир-

манъ, вы приложите наибольшее стараніе, чтобы не произошло ничего противнаго сему рѣшенію въ противность моему высочайшему повелѣнію ни со стороны тѣхъ, которые принадлежатъ къ греческому, армянскому, ассирійскому и коптскому вѣроисповѣданію, ни со стороны католиковъ. Мое настоящее высочайшее повелѣніе будетъ внесено въ архивы суда и оставлено въ рукахъ грековъ.

Вы обратите все ваше вниманіе, чтобы настоящій фирманъ былъ навсегда сохраняемъ и соблюдаемъ. Число, 1268, въ половинѣ луны Ребіулъ-Ахира (въ концѣ января ст. ст., 1852 года) (1).

Переводъ фирмана, адресованнаго моему сіятельному визирю Гафизу-Ахметъ-Пашѣ, губернатору іерусалимскаго санджака и его округовъ; іерусалимскому кади, муфтію и намѣстнику Накибъ-уль-Ешрафа, извѣстнымъ своими знаніями, и другимъ достопочтеннымъ членамъ совѣта.

Мнѣ донесено, что нѣкоторыя статьи моего высочайшаго повелѣнія, отъ послѣднихъ дней луны Джеммази-уль-Эвель, тысяча двѣсти шестьдесятъ осьмаго года (первыхъ дней марта 1852), украшеннаго моею высочайшею подписью, изданнаго съ намѣреніемъ рѣшить и примирить распри, возникшія между греками и католиками относительно къ нѣкоторымъ Святымъ Мѣстамъ, находящимся внутри и внѣ города Іерусалима, и посланнаго къ тебѣ, губернатору, и всѣмъ тѣмъ, до кого это касается, еще не исполнены. Но какъ мое высочайшее желаніе состоитъ въ томъ, чтобы повелѣніе мое было приведено въ исполненіе, то дѣло это было обсуждаемо въ совѣщаніяхъ моихъ достопочтенныхъ министровъ, и съ цѣлію какъ разъяснить и подтвердить это повелѣніе, такъ въ то же время дополнить и истолковать его, и составленъ документъ, содержащій въ себѣ шесть нижеслѣдующихъ статей.

«Если ключъ отъ большихъ дверей Виѳлеемскаго храма и данъ католикамъ, то этимъ имъ даровано только право входа въ этотъ храмъ, какъ то было прежде, не предостав-

(1) С.-Петербургскія Вѣдомости 1853 г. № 122.

ляя имъ тѣмъ ни права отправлять богослуженіе въ этомъ храмѣ, ни права общаго владѣнія имъ, совокупно съ православными. Этимъ не было дозволено имъ ни перемѣнять настоящаго положенія этого храма, ни отправлять католическаго богослуженія внутри его, ни вводить ничего новаго въ какой бы то ни было его части, въ отношеніи ли къ проходу изъ храма въ Вертепъ, или въ иномъ отношеніи, наконецъ ни измѣнять въ храмѣ порядка, существующаго съ давнихъ временъ еще и понынѣ. Какъ привратникомъ этого храма издревле (ab antiquo) бывало духовное лицо православнаго исповѣданія, подданный моей высокой Порты, и какъ ему никоимъ образомъ не дозволялось запрещать входа въ храмъ народамъ, издревле имѣвшимъ на него право, то на будущее время должно поступать въ этомъ отношеніи такъ же, какъ прежде.

На мѣсто звѣзды, которая находилась въ Вертепѣ, существующемъ во внутренности Виѳлеемскаго храма, и которая утратилась въ 1847 г., поставлена вновь, ей подобная, чтобы прекратить тѣмъ всякія распри, и какъ торжественный отъ моего величества подарокъ на память христіанскимъ народамъ. Но этимъ не дается никакому христіанскому народу какого-либо особаго и новаго права, и на будущее время не будетъ никакого измѣненія по этому дѣлу.

«Касательно гробницы Божіей Матери, христіанскіе народы, имѣющіе право совершать у ней свое богослуженіе и посѣщать ее, могутъ посѣщать ее и совершать тамъ свое богослуженіе ежедневно. Поставляя условіемъ не препятствовать совершенію богослуженія и посѣщеніямъ другихъ народовъ, дозволяется на будущее время совершать богослуженіе каждому народу, всякое утро, начиная съ восхода солнца, въ теченіе полутора часа, сначала грекамъ, потомъ армянамъ и послѣ нихъ католикамъ. Это распоряженіе вводится по повелѣнію и съ утвержденія высокой Порты.

«Оба сада, прилегающіе къ Франкскому монастырю въ деревнѣ Виѳлеемѣ, останутся, какъ и прежде, подъ надзоромъ православныхъ и католиковъ, и пользованіе ими дол-

жно быть такое, какое было понынѣ, безъ права перевѣса въ пользу той или другой стороны.

«Какъ, исключая сихъ, не было другихъ новыхъ уступокъ, сдѣланныхъ въ пользу какой-либо націи въ силу офиціальныхъ повелѣній, то все прочее останется въ своемъ настоящемъ положеніи.

«Святыя Мѣста, которыя въ настоящее время находятся въ рукахъ православныхъ, католиковъ и армянъ, въ общемъ или отдѣльномъ владѣніи, должны на всегдашнія времена пребывать въ ихъ рукахъ, какъ и нынѣ».

По поднесеніи мнѣ этого документа и по испрошеніи моего утвержденія, выражена моя высочайшая воля исполнить его въ вышепоказанномъ смыслѣ. На этотъ предметъ дано мое высочайшее повелѣніе, и въ слѣдствіе того издается и отправляется настоящій высочайшій фирманъ, украшенный моимъ высочайшимъ подписомъ. Вы, паша, муфтій и прочіе, до которыхъ повелѣніе это касается, по полученіи о немъ увѣдомленія, прикажите внести настоящій высочайшій фирманъ въ регистры суда, и дѣйствуйте согласно его содержанію, всегда постоянно, безъ всякаго измѣненія. Когда вы будете поставлены о семъ въ извѣстность, пребудьте вѣрными моему высочайшему имени. Данъ въ послѣдніе дни единственнаго Реджеба тысяча двѣсти шестьдесятъ девятаго года (въ апрѣлѣ ст. ст. 1853 г.)

Переводъ фирмана, адресованнаго моему сіятельному визирю Гафизъ-Ахметъ-Пашѣ, губернатору іерусалимскаго санджака и его округовъ; іерусалимскому кади, муфтію и намѣстнику Накибъ-уль-Ешрафа; извѣстнымъ своими знаніями, и другимъ достопочтеннымъ членамъ совѣта.

Въ 1257 году было издано высочайшее повелѣніе объ исправленіи нѣкоторыхъ частей храма *Камамэ* (Воскресенія), находящагося въ Іерусалимѣ, которыя требовали поправокъ; но намъ вновь донесено, что исправленіе купола до-сихъ-поръ еще не начиналось, и такъ-какъ онъ угрожаетъ разрушеніемъ, то настоитъ крайняя нужда въ его исправленіи. Это подтверждено и инженеромъ, котораго нарочно посылали въ Іерусалимъ съ этою цѣлью.

Между-тѣмъ было постановлено, съ моего высочайшаго разрѣшенія, что этотъ куполъ будетъ исправленъ въ его настоящемъ видѣ со стороны моего высочайшаго правительства, подъ моимъ правосуднымъ покровительствомъ; и что еслибъ случилось какое либо измѣненіе въ настоящемъ его видѣ, то греческій іерусалимскій патріархъ уполномочивается войти съ представленіемъ о недопущеніи сего.

Сверхъ того, не дозволяется ломать зданій, прилегающихъ къ вышеупомянутому храму, кои суть мусульманская богадѣльня и мечеть; но окна этихъ зданій, выходящія на куполъ, будутъ заложены камнемъ и заслонены возведеніемъ стѣны.

Вотъ почему издается и отправляется отъ моего высочайшаго дивана настоящее мое высочайшее повелѣніе, содержащее въ себѣ это рѣшеніе.

Вы, мой сіятельный визирь и кади, когда узнаете изъ вышеизложеннаго, что исправленіе этого купола со стороны моего высочайшаго правительства разрѣшено въ настоящемъ его видѣ чрезъ посредство особо назначеннаго къ тому лица, то поспѣшите обнародовать этотъ фирманъ, и принять мѣры къ его исполненію. Сдѣлайте еще распоряженіе о заложеніи камнемъ и заслоненіи оконъ, о которыхъ выше была рѣчь и которыя выходятъ на куполъ, дабы тѣмъ немедленно уничтожить неудобство, ими причиняемое. Считайте это вамъ извѣстнымъ и пребудьте вѣрными моему высочайшему имени.

Данъ въ послѣдніе дни единственнаго Реджеба, тысяча двѣсти шестьдесятъ девятаго года (въ апрѣлѣ ст. ст. 1853) [1].

Положеніе Франціи относительно своихъ единовѣрцевъ, находящихся въ Турціи.

Французскіе и англійскіе журналы, по поводу посольства князя Меншикова, стараются доказать, что покровительство, оказываемое Франціею католикамъ на востокѣ, не можетъ быть сравниваемо съ тѣмъ, которое, по ихъ

(1) Сѣверная Пчела 1853 г. № 122.

словамъ, требуетъ для себя Россія, потому что это покровительство относится только до католиковъ-иностранцевъ, водворенныхъ въ Турціи, а не до католиковъ, подлежащихъ владычеству Порты.

Всѣ, слѣдящіе за движеніями французской политики на востокѣ, особенно въ отношеніи къ сиріянамъ и моронитамъ, могутъ легко привести данныя для доказательства противнаго. Сверхъ того, мысль, которою въ этомъ отношеніи издавна пользовалось французское правительство, выражена яснымъ образомъ въ одномъ протоколѣ по дѣламъ Греціи, отъ 13 февраля 1830 г., за № 3. Въ этомъ протоколѣ, подписанномъ за Францію ея уполномоченнымъ графомъ Монморанси-Лавалемъ, содержится слѣдующее мѣсто:

«Французскій уполномоченный просилъ конференцію обратить вниманіе на особенное положеніе, въ которомъ находится его правительство въ отношеніи къ одной части греческаго народонаселенія».

«Онъ представилъ, что уже нѣсколько столѣтій Франція владѣетъ правомъ имѣть, въ пользу католиковъ, *подвластныхъ султану*, особенное покровительство, которое его христіаннѣйшее величество считаетъ обязанностью вручить нынѣ будущему монарху Греціи *въ отношеніи только тѣхъ провинцій, которыя должны войти въ составъ новаго государства*; но, лишая себя этого права, его христіаннѣйшее величество обязано, въ отношеніи къ самому себѣ и въ отношеніи къ народонаселенію, находившемуся столь долгое время подъ покровительствомъ предковъ е. в., потребовать, чтобы католики на материкѣ и на островахъ получили, при организаціи, которая дарована будетъ Греціи, ручательства, достаточныя для замѣны того вліянія, которое Франція донынѣ оказывала въ ихъ пользу.

«Уполномоченные Великобританіи и Россіи оцѣнили справедливость этого требованія, и было положено, что католическое исповѣданіе будетъ пользоваться въ новомъ государствѣ правомъ свободнаго и публичнаго исполненія своихъ обрядовъ; что его имущества будутъ за нимъ обезпечены, что за его епископами будетъ утверждена ненарушимость сана, правъ и привилегій, которыми они

пользовались подъ покровительствомъ короля французскаго, и что, наконецъ, по тому же основному правилу, имѣнія, принадлежащія древнимъ французскимъ миссіямъ, будутъ признаны за ними и сохранены».

Такимъ образомъ, съ одной стороны, мы видимъ, что Франція нисколько не колеблется объявить, въ формальномъ дипломатическомъ актѣ, что она владѣетъ особеннымъ покровительствомъ въ пользу католиковъ, *подластныхъ* султану, и что это покровительство она считаетъ обязанностью передать будущему монарху Греціи, *въ отношеніи только тѣхъ провинцій, которыя должны войти въ составъ новаго государства*; съ другой стороны, что уполномоченный Великобританіи не имѣлъ равномѣрно никакого недоумѣнія приложить къ акту свою подпись, вѣроятно, потому, что его правительство не находило въ ясномъ опредѣленіи сего покровительства нарушенія независимости Турціи и самодержавія султана ([1]).

Фирманъ султана о привиллегіяхъ и свободѣ богослуженія христіанскимъ церквамъ.

Константинополь 14 іюня. Во вторникъ, 6 іюня (26 мая ст. ст.), пребывающіе въ Константинополѣ христіанскіе патріархи приглашены были къ министру иностранныхъ дѣлъ Решиду-Пашѣ, въ Балта-Лиманъ, гдѣ сообщенъ имъ былъ султанскій *ираде* (указъ съ собственноручною подписью султана), въ коемъ подтверждаются всѣ права и привиллегіи, дарованныя нынѣ царствующимъ султаномъ и его предшественниками, находящимся въ Турціи христіанскимъ церквамъ и монастырямъ, какъ относительно свободы богослуженія, такъ и принадлежащихъ имъ земель и помѣстьевъ; содержится обѣщаніе о пресѣченіи вкравшихся по этому предмету злоупотребленій, и предоставляется патріархамъ право о всякомъ нарушеніи дарованныхъ имъ преимуществъ немедленно доводить до свѣдѣнія Порты.

([1]) Сѣверная Пчела 1853 г. № 128.

Третьяго-дня, въ воскресенье, этотъ ираде прочтенъ былъ публично во всѣхъ патріархіяхъ [1].

Въ Journal de Constantinople обнародованъ французскій переводъ султанскаго фирмана, подтверждающій всѣмъ христіанскимъ церквамъ въ Турціи ихъ привиллегіи и свободу богослуженія. Вотъ нѣкоторыя мѣста сего фирмана: «Въ слѣдствіе сего, воля моя состоитъ въ томъ, чтобъ особенныя привиллегіи церквей и монастырей въ имперіи оставались *неприкосновенными*, а равно и дарованныя землямъ, недвижимой собственности и мѣстамъ пребыванія духовенства, зависящимъ отъ сихъ церквей и монастырей. Права и льготы, принадлежащія такимъ образомъ храмамъ, подобныя же привиллегіи и дозволенія, изложенныя въ бератахъ, касательно древнихъ условій съ патріархами и ихъ уполномоченными, а равно привиллегіи, льготы и дозволенія духовнымъ лицамъ, вѣрноподданнымъ моей имперіи; (слѣдуетъ названіе духовной общины), дарованныя знаменитыми моими предками и подтвержденныя мною, нынѣ вновь подтверждаются». Фирманъ данъ въ концѣ мѣсяца Шабана 1269 года (6 іюня 1853 г.).

«Какъ благопріятныя дѣйствія и полезные результаты сихъ мѣръ очевидны и неоспоримы, то я желаю прекратить нѣкоторыя злоупотребленія, нечувствительно вкравшіяся *нерадѣніемъ* или *лѣностью*, и тѣмъ предупредить, чтобы они впредь не случались. Въ слѣдствіе сего и изданъ сей рѣшительный и справедливый ираде, чтобы принятъ былъ онъ въ руководство; и кто нарушитъ его, тотъ подвергнется моему высочайшему гнѣву. Всѣ начальства должны получить извѣстіе о семъ повелѣніи, а также патріархъ и проч., для исполненія онаго». Ираде оканчивается словами: «если произойдетъ какое-либо нарушеніе сего декрета, ты немедленно долженъ донести о семъ высокой Портѣ» [2].

---

(1) Сѣверная Пчела 1853 г. № 137.
(2) Сѣверная Пчела № 138.

Приближеніе союзныхъ эскадръ къ Дарданелламъ и составъ ихъ.

Парижъ 10-го іюня. Сегодня въ Мониторѣ объявлено что французское и англійское правительства рѣшили немедленно приблизить свои соединенныя эскадры къ Дарданеламъ. Приказанія о семъ отправлены изъ Тулона и Марсели 4-го іюня къ адмираламъ: Ласюссу и Дундасу (1).

Флотъ, командуемый адмираломъ Ласюссомъ состоитъ изъ восьми кораблей, а именно пяти парусныхъ: «Городъ Парижъ» о 120-ти пушкахъ (адмиральскій корабль), «Вальми» о 120-ти пушкахъ (подъ флагомъ контръ-адмирала Жакино), «Генрихъ IV» о 100 пушкахъ, «Баярдъ» о 90 пушкахъ, «Юпитеръ» о 80-ти пушкахъ, и трехъ винтовыхъ кораблей: «Наполеонъ» (въ тысячу силъ) о 90 пушкахъ. «Шарлемань» о 80-ти пушкахъ (въ пятьсотъ силъ), «Монтебелло» о 120-ти пушкахъ (съ машиною въ сто шестьдесятъ силъ) всего 800 пушекъ. При этой эскадрѣ находятся паровые фрегаты въ пятьсотъ силъ: «Санс», «Могадоръ», «Магелланъ», и корветъ (въ двѣсти двадцать силъ) «Катонъ». Сверхъ эскадры адмирала Ласюсса находится въ Левантѣ французская дивизія контръ-адмирала Роменъ-Дефоссе. Къ ней принадлежатъ паровой фрегатъ въ пять-сотъ силъ «Гомеръ», корветы въ двѣсти двадцать силъ: «Шапталь». «Геронъ», «Нарваль» и пароходъ «Ла-Сантинель».

Англійская эскадра вице-адмирала Дундаса состояла, 2-го іюня, изъ шести линейныхъ кораблей: «Британія» о 120-ти пушкахъ (адмиральскій корабль), «Трафальгаръ» о 120-ти пушкахъ, «Родней» о 92-хъ пушкахъ, «Альбіонъ» о 90-ти пушкахъ, «Вендженсъ» о 84-хъ пушкахъ, «Беллерофонъ» о 80-ти пушкахъ. Всего 586 пушекъ. Къ сей эскадрѣ принадлежатъ три парусные фрегата: «Аретуза». «Фаэтонъ», «Энфатигабль», о 50-ти пушкахъ каждый; паровые фрегаты: «Ретрибюшенъ», «Файербрандъ», «Сампсонъ», «Фирне», «Тигеръ», «Энфлексибль»; корветы: «Нигеръ», «Спитфайеръ», «Ширвартеръ». Къ сему должно присоединить

(1) „Сѣв. Пчела“ 1853 г. № 125.

эскадру контръ-адмирала Корри, вышедшую въ прошедшемъ мѣсяцѣ изъ Плимута и получившую приказаніе присоединиться къ адмиралу Дундасу. Она состоитъ изъ трехъ кораблей: «Принцъ-Регентъ» о 90-та пушкахъ, (адмиральскій корабль), «Лондонъ» о 90-ти пушкахъ, «Санъ-Парель», винтовой корабль о 80-ти пушкахъ, въ пятьсотъ силъ; всего 226-ть пушекъ. Сверхъ того три винтовые фрегата: «Эмперіезъ» о 50-ти пушкахъ, «Амфіонъ» о 34-хъ пушкахъ, «Гайфлайеръ» о 22-хъ пушкахъ и корветъ «Леопардъ». Сверхъ сихъ судовъ Англія имѣетъ еще въ Средиземномъ морѣ корветъ «Модестъ» и пароходы: «Васпъ», «Карадокъ» и «Вультуръ» ([1]).

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ.

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

Всероссійскій, Царь Польскій,

и проч. и проч. и проч.

ОБЪЯВЛЯЕМЪ ВСЕНАРОДНО:

Извѣстно любезнымъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, что защита православія была искони обѣтомъ блаженныхъ предковъ Нашихъ.

Съ того самаго времени, когда Всевышнему Промыслу угодно было вручить Намъ наслѣдственный престолъ, охраненіе сихъ святыхъ обязанностей, съ нимъ неразлучныхъ, было постоянно предметомъ заботливости и попеченій Нашихъ; и они, имѣя основаніемъ Кайнарджійскій договоръ, подтвержденный послѣдующими торжественными тракта-

---

([1]) «Сѣв. Пчела» 1853 г. № 126.

тами съ Оттоманскою Портою, всегда направлены были къ обезпеченію правъ церкви православной.

Но, къ крайнему прискорбію, въ послѣднее время, вопреки всѣхъ усилій нашихъ защитить неприкосновенность правъ и преимуществъ нашей православной церкви, многія самопроизвольныя дѣйствія Порты нарушали сіи права и грозили, наконецъ, совершеннымъ ниспроверженіемъ всего увѣковѣченнаго порядка, столь православію драгоцѣннаго.

Старанія наши удержать Порту отъ подобныхъ дѣйствій остались тщетными, и даже торжественно данное намъ самимъ султаномъ слово было вскорѣ вѣроломно нарушено.

Истощивъ всѣ убѣжденія и съ ними всѣ мѣры миролюбиваго удовлетворенія справедливыхъ нашихъ требованій, признали мы необходимымъ двинуть войска наши въ Придунайскія княжества, дабы доказать Портѣ, къ чему можетъ вести ея упорство. Но и теперь не намѣрены мы начинать войны; занятіемъ княжествъ мы хотимъ имѣть въ рукахъ нашихъ такой залогъ, который бы во всякомъ случаѣ ручался намъ въ возстановленіи нашихъ правъ.

Не завоеваній ищемъ мы: въ нихъ Россія не нуждается. Мы ищемъ удовлетворенія справедливаго права, столь явно нарушеннаго. Мы и теперь готовы остановить движеніе нашихъ войскъ, если Оттоманская Порта обяжется свято наблюдать неприкосновенность православной церкви. Но если упорство и ослѣпленіе хотятъ противнаго, тогда, призвавъ Бога на помощь, Ему предоставимъ рѣшить споръ нашъ, и, съ полной надеждой на Всемогущую Десницу, пойдемъ впередъ за вѣру православную. (1)

Данъ въ Петергофѣ, въ 14-й день іюня мѣсяца, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемь сотъ пятьдесятъ третіе, царствованія же нашего въ двадцать осьмое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: «Николай».

---

(1) Сѣверная Пчела № 132.

Циркулярная депеша Императорскаго Русскаго Правительства, разосланная къ посланникамъ и дипломатическимъ агентамъ нашимъ. С.-Петербургъ 20 іюня 1853.

Циркулярною депешею моею, отъ 30 минувшаго мая, (¹) вы уже извѣщены о прекращеніи нашихъ дипломатическихъ сношеній съ оттоманскимъ правительствомъ. Я поручилъ вамъ тогда изложить кабинету, при которомъ вы акредитованы, причины жалобъ, какія мы имѣемъ на Порту, поставить также оный въ извѣстность о напрасныхъ стараніяхъ нашихъ получить отъ нея удовлетвореніе и о постепенныхъ уступкахъ, къ которымъ насъ склоняло искреннее желаніе сохранить съ турецкимъ правительствомъ добрыя и дружественныя сношенія. Вы знаете, что, отказавшись постепенно отъ ручательства въ видѣ конвенціи, *сенеда*, или всякаго другаго взаимнаго договорнаго акта, мы ограничились требованіемъ подписанія лишьноты, той самой, коей текстъ вамъ былъ сообщенъ. Вы, безъ сомнѣнія, усмотрѣли, что, независимо отъ постановленій, преимущественно касающихся до Св. Мѣстъ, она въ сущности не заключаетъ въ себѣ ничего другаго, относительно общаго ручательства, требуемаго въ пользу церкви, кромѣ простаго подтвержденія тѣхъ обязательствъ, которыя уже давно имъ даны. Я замѣтилъ вамъ, м. г., что подписаніе такого акта составляло для Государя Императора то единственное и справедливое удовлетвореніе, какое Его Императорскому Величеству возможно было принять за нанесенное ему оскорбленіе, нарушеніемъ фирмана 1852 г. и личныхъ обѣщаній, присовокупленныхъ султаномъ къ сему фирману. Подобный актъ, какъ объяснено было въ томъ же циркулярѣ, необходимъ и потому, что изданіе новыхъ фирмановъ, которые, точно также какъ и первый, могутъ быть нарушены, не представляетъ уже намъ достаточнаго ручательства въ будущемъ. При всемъ этомъ я не скрывалъ, что если Порта Оттоманская, послѣ осьмидневнаго размышленія, откажетъ въ удовлетвореніи нашихъ требованій, то Государь Императоръ поставленъ будетъ въ необходимость, для полученія

(¹) См. стр. 5 настоящаго Сборника.

сего удовлетворенія, прибѣгнуть къ мѣрамъ болѣе рѣшительнымъ, нежели простое прекращеніе сношеній.

Поставляя Портѣ это послѣднее условіе, мы подробнѣе извѣстили кабинеты великихъ державъ о нашихъ намѣреніяхъ. Франціи и Великобританіи въ особенности предлагали мы не затруднять своимъ образомъ дѣйствія запутаннаго положенія дѣлъ, не принимать поспѣшныхъ мѣръ, которыя, съ одной стороны, поощрили бы Порту къ сопротивленію, съ другой, принудили бы Государя Императора сильнѣе настаивать на томъ, что требуютъ его честь и достоинство. . . . .

Съ сожалѣніемъ долженъ я васъ теперь увѣдомить, что старанія наши остались безъ дѣйствія. Порта, какъ вы усмотрите изъ прилагаемаго письма ко мнѣ Решидъ-Паши, отвѣчала отрицательно, или, по крайней мѣрѣ, уклончиво.

Съ другой стороны, обѣ морскія державы не заблагоразсудили согласиться съ уваженіями, на которыя мы просили ихъ обратить вниманіе. Прежде насъ приступая къ дѣйствію, они признали необходимымъ тотчасъ же предупредить мѣрою *дѣйствительною* тѣ мѣры наши, которыя мы имъ представляли еще какъ *условно-возможныя;* ибо приведеніе оныхъ въ исполненіе мы подчинили окончательнымъ рѣшеніямъ Порты, и даже въ эту самую минуту, какъ я вамъ пишу, исполненіе ихъ не возъимѣло еще своего начала. Эти державы немедленно отправили свои флоты въ мѣста, близкія къ Константинополю. Нынѣ онѣ уже занимаютъ воды и гавани оттоманскихъ владѣній возлѣ самыхъ Дарданеллъ. Такимъ поспѣшнымъ образомъ дѣйствія, вмѣщающимъ даже въ себѣ проявленіе какъ бы нѣкоторыхъ угрозъ, обѣ державы еще болѣе увеличили, какъ мы это имъ предсказывали, всѣ нынѣшнія затрудненія.

Получивъ отъ Порты отказъ, въ коемъ она поддерживается самою мѣрою, принятою Франціею и Англіею, мы еще менѣе прежняго можемъ измѣнить тѣ рѣшенія, которыя Государь Императоръ постановилъ, какъ слѣдствіе сего отказа. . . . .

Поэтому Его Императорское Величество изволилъ нынѣ

дать войскамъ нашимъ, расположеннымъ въ Бессарабіи, повелѣніе перейти границу и занять княжества.

Они вступаютъ туда не съ цѣлію вести противъ Порты наступательную войну: мы будемъ всячески избѣгать ея, доколѣ Порта сама не вынудитъ насъ къ оной. Войска наши вступаютъ потому, что Порта, отказывая намъ съ упорствомъ въ нравственномъ ручательствѣ, котораго мы были въ правѣ ожидать, тѣмъ самымъ заставляетъ насъ замѣнить временно это нравственное ручательство другимъ, уже существеннымъ; сверхъ того, самое положеніе, принятое обѣими державами въ водахъ и гаваняхъ Оттоманской имперіи, въ виду самой столицы ея, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ иначе не можетъ быть нами понимаемо, какъ занятіемъ чужихъ владѣній морскою силою, и даетъ намъ право возстановить взаимное равновѣсіе занятіемъ же военной позиціи. Впрочемъ, мы нисколько не намѣрены держать эту позицію долѣе, нежели сколько того потребуетъ наша честь, или безопасность. Она будетъ токмо временная; она будетъ намъ служить единственно залогомъ, доколѣ министры султана не послѣдуютъ лучшимъ внушеніямъ. Занимая княжества временно, мы напередъ отрекаемся отъ всякой мысли завоеванія. Не имѣемъ никакихъ преобладательныхъ замысловъ. Не будемъ также преднамѣренно и добровольно побуждать къ какому-либо возстанію христіанскія племена Турціи. Лишь только она сдѣлаетъ должное намъ удовлетвореніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ прекратится мѣра, принятая нынѣ двумя морскими державами, и наши войска немедленно возвратятся въ предѣлы Россіи. Что касается до жителей княжествъ, то пребываніе нашихъ войскъ не обременитъ ихъ ни новыми повинностями, ни новымъ налогомъ. Поставки для нашихъ войскъ будутъ имъ уплачиваться изъ нашихъ военныхъ кассъ въ свое время, и по цѣнѣ, напередъ назначенной, по соглашенію съ ихъ правительствами. Начала и правила, какими мы въ этомъ отношеніи предположили руководствоваться, изъяснены въ прокламаціи, при семъ прилагаемой, которую поручено генералу князю Горчакову содѣлать всѣмъ извѣстною, при вступленіи его въ княжества.

Мы вполнѣ сознаемъ, какое значеніе имѣетъ принимаемая нами мѣра и какія могутъ изъ того произойти послѣдствія, если турецкое правительство принудитъ насъ вывести эту мѣру изъ тѣснаго и ограниченнаго круга, въ которомъ мы желаемъ ее заключить. Но положеніе, въ какое Порта насъ повергаетъ, доводя дѣло до крайности, отказывая намъ во всякомъ законномъ удовлетвореніи и не дѣлая никакой уступки взамѣнъ всѣхъ тѣхъ, которыя князь Меншиковъ постепенно сдѣлалъ, какъ въ формѣ, такъ и въ первоначальномъ содержаніи нашихъ предложеній, не оставляетъ намъ инаго средства. Скажу болѣе: начала, съ такою рѣшительностью высказанныя, не смотря на умѣренность выраженій, въ отвѣтномъ письмѣ Решидъ-Паши, а равно въ его нотѣ отъ 26-го минувшаго мая къ представителямъ четырехъ державъ въ Константинополѣ, если принимать сіи начала въ буквальномъ ихъ смыслѣ, повели бы прямо къ тому, чтобы подвергнуть сомнѣнію всѣ пріобрѣтенныя нами права, уничтожить всѣ наши прежніе договоры.

Дѣйствительно, если оттоманское правительство считаетъ несовмѣстнымъ съ своею независимостью и съ правами своей верховной власти всякое дипломатическое обязательство, даже въ видѣ простой ноты, въ которомъ заключалось бы съ другимъ правительствомъ условіе, относящееся до религіи и церквей, то какое будетъ имѣть значеніе ручательство, Портою прежде намъ данное, въ формѣ несравненно болѣе обязательной, оказывать въ своихъ владѣніяхъ покровительство нашей религіи и ея церквамъ?

Если мы хотя сколько-нибудь допустимъ такое начало, то намъ прійдется собственными руками разорвать договоръ кайнарджійскій, а равно и всѣ тѣ, которые подтверждаютъ оный, и добровольно отказаться отъ права, ими намъ предоставленнаго, наблюдать, чтобы греческая церковь пользовалась въ Турціи дѣйствительнымъ покровительствомъ.

Того ли домогается Порта? Намѣрена ли она сложить съ себя всѣ прежнія обязательства и направить нынѣшній

кризисъ къ тому, чтобы навсегда отмѣнить порядокъ вещей, освященный временемъ?

Всѣ безпристрастные умы въ Европѣ, безъ сомнѣнія, поймутъ, что если вопросъ приметъ такой оборотъ, то не будетъ ли для Россіи, не смотря на самыя миролюбивыя ея побужденія, никакой возможности мирнаго его разрѣшенія, потому что для насъ въ такомъ случаѣ дѣло бы шло о нашихъ трактатахъ, о нашемъ вѣковомъ вліяніи, о нашемъ нравственномъ уваженіи, о самыхъ драгоцѣнныхъ для насъ чувствахъ народности и вѣры.

Но да дозволено будетъ высказать всю правду: настоящій споръ, которому газеты, независимо отъ кабинетовъ, придали такую гласность, основанъ на чистомъ недоразумѣніи, или недостаткѣ должнаго вниманія къ прежнимъ нашимъ политическимъ отношеніямъ.

Не знаютъ, по видимому, или теряютъ изъ виду, что Россія, по своему положенію, по силѣ самыхъ трактатовъ, существенно пользуется давнимъ правомъ наблюдать за охраненіемъ единовѣрной церкви на востокѣ, и поддержаніе этого-то давняго права, отъ котораго ей нельзя отказаться, представляютъ себѣ какимъ-то новымъ притязаніемъ *на покровительство*, вмѣстѣ религіозное и политическое, и преувеличиваютъ его значеніе и послѣдствія въ будущемъ.

Отъ такого жалкаго недоразумѣнія проистекаетъ настоящее положеніе дѣлъ.

Значеніе и послѣдствія нашего мнимаго новаго политическаго покровительства не существуютъ въ дѣйствительности. Мы требуемъ для нашихъ единовѣрцевъ на востокѣ не болѣе какъ утвержденія доселѣ бывшаго порядка вещей (status quo), сохраненія тѣхъ преимуществъ, которыми они пользуются *издревле*, подъ покровомъ своего владѣтеля. Мы не отрицаемъ, что для Россіи изъ этого порядка вещей проистекаетъ то, что можно справедливо назвать религіознымъ вліяніемъ. Но мы всегда имѣли его на востокѣ. И если до нынѣ независимость и верховная власть Турціи совмѣщались съ этимъ вліяніемъ, то какимъ образомъ онѣ потерпятъ отъ того въ будущемъ, когда требова-

нія наши въ сущности не имѣютъ другой цѣли, кромѣ подтвержденія прежняго порядка?

Мы уже объявили и повторяемъ: Государь Императоръ не желаетъ нынѣ, какъ не желалъ и прежде, ниспроверженія оттоманской имперіи, или распространенія своихъ владѣній въ ея ущербъ. Послѣ того, какъ онъ столь умѣренно воспользовался въ 1829 году побѣдою и взятіемъ Адріанополя, когда эта побѣда и ея послѣдствія предоставили Турцію его произволу; какъ онъ, одинъ во всей Европѣ, въ 1833 г., спасъ Турцію отъ неминуемаго раздѣла; какъ онъ, въ 1839 г. первый сдѣлалъ державамъ предложенія, которыя, будучи исполнены общими силами, отвратили вторично отъ султанскаго престола опасность перейти во власть новаго арабскаго государства; послѣ всего этого было бы излишнимъ приводить еще доказательства сей истины. Нѣтъ, основнымъ началомъ политики нашего Августѣйшаго Повелителя всегда было—сохраненіе, сколько возможно долѣе, настоящаго политическаго устройства (status quo) на востокѣ. Онъ этого желалъ и продолжаетъ желать, потому что, окончательно, сего же требуетъ здраво понятный интересъ Россіи, достаточно обширной, дабы не нуждаться въ новыхъ пріобрѣтеніяхъ; потому что, спокойная, мирная и безвредная оттоманская имперія, занимая съ пользою мѣсто промежду сильныхъ державъ, отвращаетъ тѣмъ самымъ столкновеніе соперничествующихъ сторонъ, которыя, при ея паденіи, немедленно вступили бы въ споръ о ея развалинахъ; потому, наконецъ, что человѣческая прозорливость истощается въ тщетномъ изысканіи лучшихъ средствъ, дабы восполнить въ политическомъ равновѣсіи ту пустоту, которую оставило бы въономъ уничтоженіе сего государства. Но когда таковы виды Государя Императора, виды дѣйствительные, явно признаваемые, искренніе, то, дабы онъ могъ твердо имъ слѣдовать, необходимо и Турціи, въ отношеніи къ намъ, поступать такъ, чтобы представлялась намъ возможность существовать вмѣстѣ съ нею: она должна для этого уважать наши съ нею договоры и проистекающія изъ нихъ послѣдствія, и не ставить насъ своими вѣроломными дѣйствіями тай-

ными гоненіями и безпрерывными притѣсненіями, устремленными противъ единовѣрной намъ церкви, въ такое положеніе, которое, дѣлаясь наконецъ нестерпимымъ, принудило бы насъ искать всему врачеванія другими путями.

Всѣ таковыя разсужденія поручается вамъ сообщить...... Правительству, поставивъ его въ извѣстность о рѣшеніи и намѣреніяхъ Его Императорскаго Величества.

Примите увѣреніе и проч.

(Подписалъ) графъ Нессельродъ.

Переводъ письма Решидъ-Паши къ государственному канцлеру изъ Константинополя отъ $^{4}/_{16}$ іюня 1853 года.

Я поспѣшилъ представить на благоусмотрѣніе Его Величества, моего августѣйшаго повелителя, депешу отъ 19 минувшаго мая, которую имѣлъ честь получить отъ вашего сіятельства.

Его Величество султанъ оказывалъ во всѣхъ случаяхъ постоянное и высокое уваженіе къ Его Величеству Императору Всероссійскому, котораго почитаетъ своимъ искреннимъ союзникомъ и благонамѣреннымъ сосѣдомъ. Блистательная Порта, нисколько не сомнѣваясь въ великодушныхъ побужденіяхъ Его Императорскаго Величества, глубоко сожалѣетъ о прекращеніи сношеній, которое, къ несчастію, произошло, быть можетъ, оттого, что не довольно была постигнута существенная для нея невозможность при вопросѣ, возбужденномъ княземъ Меншиковымъ: включить дарованныя греческой церкви религіозныя преимущества въ дипломатическое обязательство. Порта находитъ, однако же, утѣшеніе въ сознаніи, что, съ своей стороны, она нисколько не подавала повода къ подобному обороту дѣлъ. Оттоманское правительство, дѣйствительно, съ самаго начала явило полное желаніе облегчить всѣми средствами рѣшеніе вопросовъ, о которыхъ представлялъ князь Меншиковъ, по повелѣнію Государя Императора. Даже въ столь затруднительномъ дѣлѣ, каковъ вопросъ о религіозныхъ преимуществахъ греческой церкви, Порта постоянно руководствовалась миролюбивыми чувствами и, не отказываясь дать такія обѣщанія, которыя могли бы разсѣять и совер-

шенно искоренить всякія на этотъ счетъ сомнѣнія, надѣялась, что князь Меншиковъ, по извѣстному своему благоразумію, удовольствуется проектомъ ноты, сообщеннымъ ему въ послѣднее время и заключавшимъ всѣ увѣренія, какихъ онъ требовалъ. Несмотря на все это событіе, достойное сожалѣнія, совершилось.

Его свѣтлость князь Меншиковъ, конечно во второмъ проэктѣ сократилъ предложенный имъ сначала текстъ *сенеда* и, представивъ наконецъ проэктъ ноты, сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія какъ въ выраженіяхъ, такъ и въ общемъ изложеніи и наименованіи самаго акта; но тѣмъ не менѣе въ ономъ оставался по прежнему смыслъ обязательный. И какъ дипломатическое обязательство такого рода несовмѣстно ни съ независимостью Оттоманскаго правительства, ни съ правами его верховной власти, то и причинъ, по которымъ блистательная Порта находитъ существенно невозможнымъ дать на оное свое согласіе, нельзя назвать отказомъ и считать это дѣло вопросомъ чести для Его Величества Императора Всероссійскаго. Притомъ же Россія, жалуясь на такую невозможность и приписывая все это недовѣріе къ себѣ, не ставитъ ни во что всѣхъ самыхъ торжественныхъ увѣреній блистательной Порты и, требуя чтобы оныя были включены въ актъ, имѣющій силу обязательства, не подаетъ ли скорѣе тѣмъ явнаго доказательства собственнаго недовѣрія къ турецкому правительству? и правительство это, въ свою очередь, не имѣетъ ли права жаловаться?

Но она полагается, въ этомъ отношеніи, на высокую, всѣмъ извѣстную справедливость Его Величества Императора Всероссійскаго, а также на высокое благоразуміе и на отлично-миролюбивыя ваши чувства, всѣми сознаваемыя и цѣнимыя.

Е. в. султанъ нынѣ снова подтвердилъ своимъ фирманомъ, скрѣпленнымъ его августѣйшимъ *гатти-шерифомъ*, всѣ преимущества, права и льготы, которыми пользуются издревле духовенство и церкви греческаго исповѣданія.

Блистательная Порта никогда не усомнится исполнить и дать увѣренія, которыя изложены и обѣщаны были въ

проектѣ ноты, представленномъ князю Меншикову, незадолго до его отъѣзда.

Въ депешѣ вашего сіятельства упоминается о намѣреніи дать россійскимъ войскамъ повелѣніе перейти границу.

Такое объявленіе несовмѣстно съ увѣреніями о мирѣ и доброжелательствѣ Его Императорскаго Величества. Оно поистинѣ столь мало согласуется съ тѣмъ, чего бы слѣдовало ожидать отъ дружественной державы, что блистательная Порта не знаетъ, какъ почитать сіе объявленіе.

Военныя приготовленія и всѣ распоряженія, дѣлаемыя по приказанію Порты, въ ея защиту, вынуждены, какъ о томъ объявлено было офиціально державамъ, значительными вооруженіями Россіи; они составляютъ чисто оборонительную мѣру. Правительство султана, не имѣя противъ Россіи никакого враждебнаго намѣренія, изъявляетъ желаніе, чтобы прежнія дружескія сношенія, которыя е. в. султанъ считаетъ столь драгоцѣнными, и которыхъ выгоды такъ многочисленны и такъ очевидны для обѣихъ сторонъ, были возстановлены въ ихъ первоначальномъ видѣ.

Я надѣюсь, что россійскій дворъ съ чувствомъ довѣрія оцѣнитъ искреннія и прямодушныя намѣренія блистательной Порты и приметъ во вниманіе дѣйствительную для нея невозможность согласиться на желанія, которыя были предъявлены. Лишь только эта невозможность будетъ оцѣнена какъ слѣдуетъ, и блистательная Порта, я могу въ томъ удостовѣрить ваше сіятельство, не замедлитъ отправить въ С.-Петербургъ чрезвычайнаго посла, съ цѣлію возобновить переговоры и, обще съ правительствомъ Его Величества Императора Всероссійскаго, изыскать способъ къ соглашенію, который, будучи пріятенъ Его Величеству, могъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ быть принятъ Портою безъ всякаго ущерба какъ основаній ея независимости, такъ и верховной власти султана.

Ваше сіятельство можете быть вполнѣ увѣрены, что, съ моей стороны, я всемѣрно желаю таковаго окончанія дѣла. Ласкаю себя при этомъ надеждою, что вы раздѣляете тѣ же самыя чувства.

Примите увѣреніе и прочъ. ([1]).

ПРОКЛАМАЦІЯ.

Жители Молдавіи и Валахіи!

Государь Императоръ, Августѣйшій мой повелитель, изволилъ указать мнѣ занять вашъ край войсками, ввѣренными моему начальству.

Вступая въ ваши предѣлы, мы не намѣрены искать завоеваній, ни измѣнять коренныхъ законовъ, коими вы управляетесь, ни политическаго вашего положенія, утвержденнаго торжественными договорами. Временное занятіе княжествъ, которое мнѣ поручено привести въ исполненіе, не имѣетъ другой цѣли, кромѣ непосредственнаго и дѣйствительнаго покровительства въ непредвидѣнныхъ и важныхъ обстоятельствахъ, когда турецкое правительство, забывая многочисленные знаки искренней дружбы, которые Императорскій Дворъ не переставалъ ему оказывать со времени Адріанопольскаго трактата, отвѣтствуетъ на наши предложенія, самыя справедливыя, отказами; на наши безкорыстные совѣты—оскорбительною недовѣрчивостью.

Въ Своемъ долготерпѣніи, въ Своемъ постоянномъ желаніи сохранить миръ на Востокѣ, какъ и въ Европѣ, Государь Императоръ намѣренъ избѣгать наступательной войны противъ Турціи, доколѣ сіе будетъ совмѣстно съ Его достоинствомъ и съ интересами Его Имперіи.

Лишь только Его Величество получитъ должное удовлетвореніе и ручательство, котораго Онъ въ правѣ требовать для будущаго—и войска Его возвратятся въ предѣлы Россіи.

Жители Молдавіи и Валахіи! По повелѣнію Его Императорскаго Величества, объявляю вамъ также, что пребываніе Его войскъ въ вашей странѣ не повлечетъ за собою никакихъ новыхъ для васъ повинностей и налоговъ, и что поставки жизненныхъ припасовъ будутъ уплачиваться въ свое время нашими военными кассами, и по цѣнѣ, напередъ условленной съ вашими Правительствами.

([1]) Сѣверная Пчела 1853 г. № 139.

Взирайте безъ боязни на вашу будущность. Продолжайте спокойно заниматься земледѣліемъ и дѣлами торговыми, повинуйтесь законамъ земли вашей и установленнымъ въ ней властямъ. Вѣрнымъ исполненіемъ сихъ обязанностей вашихъ вы пріобрѣтете лучшія права на великодушное о васъ попеченіе и могущественное покровительство Его Величества Государя Императора (¹).

Газетныя свѣдѣнія о состояніи военныхъ силъ Турціи.

Въ «Journal de Débats» напечатано письмо изъ Константинополя, *отъ 6 іюня*, съ слѣдующими подробностями о турецкой арміи и флотѣ. Флотъ раздѣленъ на двѣ эскадры: одна стоитъ въ милѣ отъ входа въ Босфоръ, упираясь лѣвымъ флангомъ въ Буюкдере, на европейскомъ берегу, а правымъ на Ункіаръ-Скелесси — на азіатскомъ. Она состоитъ изъ двухъ трехдечныхъ кораблей, четырехъ семидесяти четырехъ и осьмидесяти-пушечныхъ кораблей и четырехъ фрегатовъ. Остальные корабли и фрегаты, съ командиромъ флота, находятся у самаго входа въ Черное море. Помощникомъ командира сего флота англійскій офицеръ Адольфъ Следъ, давно уже находившійся въ турецкой службѣ и издавшій нѣсколько путешествій по востоку и нѣсколько политическихъ сочиненій о Левантѣ. Первое его сочиненіе, появившееся въ 1833 году имѣло въ свое время большой успѣхъ, потому что авторъ на мѣстѣ слѣдилъ, въ 1829 г., за всѣми дѣйствіями кампаніи въ Балканахъ. Не смотря на многолѣтнія старанія г. Следа и нѣсколькихъ другихъ англійскихъ офицеровъ, турецкій флотъ далеко еще не достигъ той степени, на которой находятся флоты западныхъ государствъ. У него главный недостатокъ въ офицерахъ и слѣдственно онъ дурно управляется. Сухопутныя силы вовсе не такъ многочисленны, какъ о нихъ писали. При величайшихъ усиліяхъ, румелійская армія (регулярная) будетъ доведена только до 80,000 человѣкъ пѣхоты и кавалеріи, съ 220 орудіями. Къ этому надо присоединить отъ 20 до 30 т. человѣкъ редифа (резерва),

---

(¹) Сѣвер. Пчел. 1853 г. № 139.

которыхъ съ поспѣшностью отправляютъ въ Дунайскія крѣпости. Лучшая часть въ турецкой арміи, это артиллерія, въ чемъ всѣ согласны. Слѣдственно, созвавъ оба разряда резерва, Турція не въ состояніи выставить въ Европѣ болѣе 120 или 130 т. чел. Но Порта занимается въ то же время формированіемъ и азіатской арміи, которую надѣются довести до 30 или 40 т. чел. какъ регулярныхъ, такъ и иррегулярныхъ войскъ, не считая курдовъ; къ послѣднимъ сдѣлано уже воззваніе, но на нихъ не смѣютъ разсчитывать. Всѣ эти приготовленія истощаютъ и безъ того разстроенные финансы Турціи. Настоящее положеніе уже разорительно, а по предстоящимъ расходамъ можно предвидѣть, что, даже по возстановленіи мира и согласія съ Россіею, турецкое правительство будетъ въ весьма затруднительномъ положеніи (¹).

По словамъ «Journal de Constantinople» турецкое правительство предписало привести въ военное положеніе свои морскія и сухопутныя силы. Турецкій флотъ расположился въ сѣверной оконечности Босфора, отъ Терапіи до входа въ Черное море; главная часть его стоитъ насупротивъ мѣстечекъ Буюкдере и Сари-Эри; въ немъ считаютъ до 35 судовъ разнаго размѣра; командованіе имъ ввѣрено будетъ, какъ слышно, подъ главнымъ начальствомъ Капудана-Паши, возвратившемуся съ береговъ Албаніи вице-адмиралу Ахмету-Пашѣ. Въ Румиліи и Булгаріи набираются и сосредоточиваются, какъ слышно два корпуса, отъ 45,000 до 50,000 человѣкъ каждый, подъ главнымъ начальствомъ Омера-Паши, котораго главная квартира будетъ въ Шумлѣ; туда отправляются изъ Константинополя штабъ-офицеры военнаго училища, въ числѣ которыхъ есть французскій маіоръ, въ службѣ Порты, Маньянъ (²).

Копія депеши государственнаго канцлера тайному совѣтнику Киселеву изъ С.-Петербурга, 4-го августа 1853.

Напечатанные въ Монитерѣ два циркуляра г- Друэна-

(¹) Сѣв. Пч. 1853 г. № 136.
(²) Сѣв. Пчела 1853 г. № 137.

де-Люиз, отъ 25-го іюня и 15-го іюля, изъ которыхъ г. маркизу Кастельбажаку поручено было прочесть мнѣ последній, дошли до меня въ такое время, когда мы получали со всѣхъ сторонъ, и именно изъ самой Франціи, разные проекты для примиренія нашего съ Портою. Питая тотъ же самый духъ миролюбія, который внушилъ сіи различныя сообщенія, мы сочли за лучшее предварительно разсмотрѣть, что можемъ мы принять изъ нихъ, вмѣсто того чтобъ входить въ тягостные переговоры, въ которыхъ столкновенія противорѣчивыхъ мнѣній скорѣе могутъ произвести разногласіе, нежели сближеніе. Но какъ въ депешахъ французскаго правительства заключаются нѣкоторые взгляды на прежнія наши дѣйствія и намѣренія, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ вѣрные, то я считаю нужнымъ сообщить вамъ, какое впечатлѣніе они произвели въ Императорскомъ кабинетѣ.

Мы не можемъ допустить, во-первыхъ, чтобъ не было никакой связи между частнымъ соглашеніемъ о Святыхъ Мѣстахъ и общимъ обезпеченіемъ, котораго мы требуемъ въ пользу религіозныхъ правъ церкви православной. Съ самаго начала нынѣшнихъ преній, мы заключали оба сіи требованія въ одномъ и томъ же вопросѣ. Въ первомъ нашемъ циркулярѣ мы ясно изложили, что предоставленіе выгодъ латинамъ въ Іерусалимѣ, въ ущербъ нашимъ единовѣрцамъ, было довершеніемъ цѣлаго ряда подобныхъ тому дѣйствій, свидѣтельствующихъ со стороны турокъ объ умышленномъ и постоянномъ ихъ недоброжелательствѣ къ нашей церкви и явномъ пристрастіи къ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ. Мы прибавили къ тому, что это направленіе, проявляющееся съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, побудило Государя Императора принять средства къ прекращенію онаго, что съ сею цѣлію отправленъ былъ въ Константинополь князь Меншиковъ, и что данное ему порученіе имѣло, какъ мы сказали, только одну цѣль, что въ немъ не было ничего такого, что относилось бы не къ религіозному вопросу, и что оно заключало въ себѣ два отдѣльные предмета: 1) частное приведеніе въ порядокъ

нынѣшнихъ затрудненій; 2) общее обезпеченіе на будущее время.

Князь Меншиковъ равномѣрно формальнымъ образомъ представилъ оба сіи предмета въ самомъ началѣ переговоровъ своихъ въ Константинополѣ. Въ изложеніи жалобъ нашихъ, представленныхъ имъ Портѣ $^4/_{16}$ марта, именно сказано: что «требуемое въ духѣ вѣротерпимости и добраго «согласія условіе, не можетъ отнынѣ ограничиваться без-«плодными и неполными увѣреніями, которыя могутъ вновь «быть пренебрежены въ послѣдствіи, но что *торжествен-«ное обязательство* должно отнынѣ свидѣтельствовать объ «искреннемъ согласіи, которое надлежитъ утвердить по се-«му предмету между обоими правительствами». И далѣе, въ той же бумагѣ, изъявивъ жалобу на то, какимъ образомъ Порта Оттоманская принимаетъ совѣты Императорскаго правительства въ вопросѣ о Черногоріи, о патріархѣ константинопольскомъ и о разныхъ несправедливостяхъ, которымъ подвергаются христіанскіе раи, нашъ посолъ настаивалъ на «необходимости прекратить глубокое и спра-«ведливое неудовольствіе Его Величества Государя Импе-«ратора, *искреннимъ актомъ*, который отклонилъ бы на «будущее время всякую тѣнь несогласія между обоими мо-«нархами».

Въ словесной нотѣ, сообщенной княземъ Меншиковымъ Рифаатъ-Пашѣ, $^7/_{19}$ апрѣля, сказано это еще яснѣе. Исчисливъ и подкрѣпивъ вновь свидѣтельствами, въ полномъ видѣ, прежнія наши требованія, «посолъ, сказано въ ней, «долженъ повторить здѣсь господину министру иностран-«ныхъ дѣлъ то, что онъ *имѣлъ уже случай повторять* «*ему нѣсколько разъ*: что Россія не требуетъ у Порты усту-«покъ политическихъ. Она желаетъ успокоить встревожен-«ные умы православныхъ увѣреніемъ въ поддержаніи того, «что существуетъ теперь и существовало искони донынѣ. «И такъ, въ слѣдствіе непріязненныхъ направленій, ока-«зывающихся въ послѣдніе годы противъ всего, что ка-«сается Россіи, она требуетъ *гласнаго и положительнаго* «*акта* въ пользу духовныхъ правъ православнаго испов-

«данія, акта, который ни въ чемъ не коснется иныхъ испо-
«вѣданій, ни отношеній Порты къ другимъ державамъ».

Изъ этого явствуетъ, что всѣ требованія князя Меншикова были составлены и изложены вполнѣ съ самаго начала. Какъ же можно послѣ этого сказать, что отнюдь нѣтъ никакой связи между двумя предметами, изъ коихъ состояло его посольство, что пріобрѣтеніемъ двухъ фирмановъ, столь же шаткихъ, какъ и фирманъ 1852 года, удовлетворялось наше *единственное требованіе* на Порту; что требованіе обезпеченія предъявлено было послѣ того; что это былъ вопросъ совершенно новый, и что французское правительство было нечаянно изумлено требованіями, которыхъ нельзя было подозрѣвать въ Константинополѣ? Это требованіе, по крайней мѣрѣ для французскаго правительства, было такъ нечаянно, что уже съ марта мѣсяца объемъ нашихъ требованій казался ему довольно значительнымъ, чтобъ послать свою эскадру въ Левантъ, и если эта эскадра оставалась въ послѣдствіи у Саламина, не доходя до Дарданеллъ, то единственною тому причиною былъ отказъ Англіи участвовать въ этой демонстраціи.

Если, узнавъ объ утвержденіи султаномъ въ Константинополѣ новыхъ фирмановъ по дѣлу о Святыхъ Мѣстахъ, ваше превосходительство, равно какъ и я, поздравляли французское правительство и французскаго посланника въ С.-Петербургѣ съ счастливымъ окончаніемъ сего дѣла, это свидѣтельствуетъ только, что мы были довольны рѣшеніемъ той части переговоровъ, которая могла бы, на нѣкоторое время, непосредственно противупоставить духовныя наши права выгодамъ французскаго правительства. Но изъ этого ни мало не слѣдуетъ, чтобъ съ той самой минуты мы считали посольство князя Меншикова конченнымъ, ибо оставалось еще достигнуть другаго предмета, который мы притомъ въ виду имѣли.

Въ подтвержденіе общаго обезпеченія, котораго мы требовали для упроченія соглашенія о Святыхъ Мѣстахъ, мы ссылались на наши трактаты, и утверждали, что требуемъ только тѣхъ правъ, льготъ и преимуществъ духовныхъ, которыя заключаются въ сихъ трактатахъ. Г. Друэнъ-де-

Люизъ опровергаетъ силу сихъ трактатовъ. По его мнѣнію, ни въ одномъ пунктѣ ихъ нѣтъ того общаго смысла, который мы тщимся придать имъ, и именно трактатъ Кайнарджійскій, говоритъ онъ, даетъ право Россіи покровительства ограниченное и опредѣленное надъ церковью, въ которой отправляли бы богослуженіе русскіе священники, и которую предполагалось основать въ предмѣстіи Галатѣ. Но намъ кажется, что г. министръ иностранныхъ дѣлъ выпустилъ изъ виду то, что предшествуетъ условіямъ, заключающимся въ параграфахъ 7-мъ и 14-мъ. Въ 7-мъ параграфѣ постановлено правиломъ, что султанъ обѣщаетъ покровительство христіанской религіи и ея церквамъ. Какъ греческая религія и греческія церкви находятся въ числѣ христіанскихъ, мы полагаемъ, что, оказывая покровительство исповѣданію и его церквамъ, онъ, въ исполненіе сего условія, обязанъ оставить за ними права, льготы и преимущества, которыми они пользуются, которыя принадлежатъ имъ издавна, и суть именно тѣ самыя, о которыхъ мы ходатайствуемъ. Мы не хотимъ ничего инаго, кромѣ сохраненія дѣлъ нынѣшняго положенія и если обѣщаніе, заключающееся въ Кайнарджійскомъ трактатѣ, не казалось противнымъ верховнымъ правамъ султана, то мы не видимъ, какимъ образомъ простое подтвержденіе онаго можетъ нарушить сіе право болѣе.

Желая доказать, что, по крайней мѣрѣ по теоріи (ибо здѣсь рѣчь идетъ только объ отвлеченномъ правилѣ) право религіознаго покровительства надъ подданными не-христіанской державы не до такой степени несовмѣстно съ политическою независимостью, какъ думаютъ, мы привели, между прочимъ, въ примѣръ покровительство, которое Франція во всякое время оказывала католикамъ на востокѣ. Въ циркулярѣ г. Друэнъ-де-Люизъ говоритъ, что въ этомъ отношеніи нѣтъ никакого сходства. Въ немъ утверждаютъ, что Франція всегда требовала на востокѣ права покровительства только надъ католиками и учрежденіями французскими, не простирая онаго на католическихъ подданныхъ султана. Французское правительство говоритъ этимъ языкомъ впервые. Извѣстно, по исторіи, что во всѣ вре-

мена, съ Франциска I до насъ, Франція принимала на себя покровительство надъ всѣми католиками на востокѣ, даже надъ подданными Порты Оттоманской; скажу болѣе: во многихъ случаяхъ она домогалась этого права преимущественно предъ всѣми другими католическими державами. Еще недавно, въ религіозныхъ замѣшательствахъ на Ливанѣ, послѣдовавшихъ за восточнымъ переломомъ въ 1840 году, и въ войнѣ, вспыхнувшей между друзами и маронитами, французское правительство выставляло свое право оказывать покровительство, именемъ Франціи, всему христіанскому населенію Сиріи. Въ подтвержденіе показанія своего, г. Друэнъ-де-Люизъ привелъ нѣсколько фразъ изъ записки графа де-Сенъ-При, бывшаго французскимъ посломъ въ Константинополѣ. Но мнѣніе этого дипломата, что такова была общая и господствующая мысль во Франціи, именно доказывается стараніемъ его опровергнуть мнѣніе противное. Какъ бы то ни было, но должно согласиться, что личный авторитетъ представителя Франціи не можетъ войти ни въ какое сравненіе съ мнѣніемъ самого французскаго правительства, заключающемся и провозглашеннымъ въ одномъ публичномъ европейскомъ актѣ. Уже говорено было, что протоколъ, подписанный 3-го февраля 1830 года въ Лондонѣ, тремя державами, основательницами Греціи, въ этомъ пунктѣ ясенъ и положителенъ. Въ немъ постановлено, что «въ теченіе многихъ вѣковъ Франція имѣетъ «право особенно покровительствовать католикамъ, *поддан- «нымъ султана*, и что его христіаннѣйшее величество считаетъ долгомъ передать сіе право будущему государю Греціи, поколику оное касается областей, долженствующихъ «составлять новое государство». Это значитъ, что Франція удерживаетъ за собою право сіе въ областяхъ, которыя, по-прежнему, останутся въ обладаніи султана. Далѣе постановлено, именемъ трехъ державъ, «что католическое «вѣроисповѣданіе будетъ пользоваться въ новомъ государ- «ствѣ свободнымъ и всенароднымъ отправленіемъ своего «богослуженія; что собственность его будетъ обезпечена, «что его епископы останутся при своихъ должностяхъ, пра-

«вахъ и преимуществахъ, которыми пользовались *подъ по-«кровительствомъ королей французскихъ*».

Вотъ м. г., кромѣ частнаго авторитета графа де-Сенъ-При. оффиціальный актъ, облеченный всѣми формами дипломатическими, свидѣтельствующій, что Франція пользовалась и пользуется дѣйствительно религіознымъ покровительствомъ надъ подданными султана, актъ, по которому Англія и мы сами признавали за Франціею право требовать, въ пользу подданныхъ чужаго государя, сохраненія нѣкоторыхъ духовныхъ правъ, льготъ и преимуществъ. Ни Англія, ни мы не находили этого права противнымъ независимости и верховной власти какъ будущаго государя Греціи, такъ и правительства Оттоманскаго.

Прибавимъ къ сему одно общее замѣчаніе. Въ недавнее только время, стараясь ввести Турцію въ кругъ европейскаго права, вздумали прилагать такимъ рѣшительнымъ образомъ, относительно покровительства, верховной власти и независимости, правила, руководствующія державами европейскими, къ государству магометанскому, въ которомъ всѣ понятія о правѣ гражданскомъ и политическомъ существенно отличаются отъ наблюдаемыхъ между народами и правительствами христіанскими. Дѣло это казалось возможнымъ въ теоріи, но на практикѣ уклоняются отъ него безпрерывно. Есть ли гдѣ, напримѣръ, христіанское государство, въ которомъ можно было бы устранить иностранцевъ отъ законной подсудности мѣстнымъ властямъ, и подчинить ихъ непосредственному вѣдѣнію ихъ посольствъ или консульствъ? При всякомъ нарушеніи выгодъ католика или протестанта, Франція и Англія вступаются за него дѣятельно, и въ такихъ формахъ, которыя во всѣхъ другихъ странахъ, можетъ быть, не всегда согласовались бы съ правилами политической независимости, повсюду признанными. И въ самомъ дѣлѣ, иначе быть не можетъ въ государствѣ, гдѣ христіане, стоящіе, въ качествѣ раевъ, на низшей степени права противъ племенъ магометанскихъ, подвержены безчисленнымъ обидамъ и преслѣдованіямъ со стороны народа или пашей, часто подвергаются потерѣ достоянія, религіи и жизни, какъ доказано недавними кровопролитіями

въ Алепѣ, преслѣдованіями, разореніями, разрушеніемъ церквей, насильнымъ обращеніемъ въ магометанство и жестокостями всякаго рода въ Болгаріи, въ Босніи и въ Герцеговинѣ. И такъ, мы не можемъ допустить, безъ всякаго ограниченія, совершенной независимости всякаго иностраннаго покровительства въ дѣлахъ религіи съ верховными правами султана, и французское правительство вспомнитъ, можетъ быть, что въ одномъ недавнемъ случаѣ, гдѣ мы, съ Австріею, настаивали на обязанности иностранцевъ подвергаться повсюду законамъ и вѣдомству судовъ той страны, гдѣ они живутъ, французское правительство само затруднялось принять составленное нами правило въ повсемѣстное и безусловное исполненіе, приводя въ доказательство невозможность строгаго приложенія онаго въ странахъ магометанскихъ или языческихъ.

Мы желали бы, м. г., ограничить симъ наши замѣчанія, еслибъ, въ заключеніе циркуляра, не было выставлено сравненіе между нашимъ поведеніемъ съ Турціею и дѣйствіями французскаго правительства. Въ немъ стараются выставить, въ неблагопріятномъ для насъ свѣтѣ, умѣренность Франціи противъ нашихъ требованій и угрозъ. И такъ, мы обязаны напомнить, если въ самомъ дѣлѣ поведеніе французскаго правительства въ послѣднее время доказывало миролюбіе, которому, впрочемъ, мы поспѣшили отдать справедливость, то языкъ его и положеніе въ первыхъ порахъ вопроса, и особенно во многихъ дѣлахъ, исключительнѣе касавшихся Франціи, не всегда, по нашему мнѣнію, отличались симъ свойствомъ. Г. министръ иностранныхъ дѣлъ выставлялъ пожертвованія, которыя будто бы принесла Франція для сохраненія спокойствія на востокѣ, и для прекращенія затрудненій Порты Оттоманской, чтобъ имѣть право ожидать, что и мы будемъ руководствоваться подобными поводами. Можетъ быть, мы сами имѣли бы право спросить у него: всегда ли спокойствіе востока и затрудненія Порты были до такой степени предметомъ его заботливости, и не говорилъ ли онъ самъ въ томъ побудительномъ тонѣ, въ которомъ упрекаетъ насъ? Не угрозою ли бомбардированія, подкрѣпленною внезап-

нымъ появленіемъ его флота, пріобрѣлъ онъ удовлетвореніе требованій своихъ въ Триполѣ? Не кончилось ли дѣло въ Янинѣ подобнымъ короткимъ судомъ? Не требовало ли французское правительство, до отысканія другими державами предлога, который дозволилъ бы, на законномъ основаніи, входъ военному кораблю «Шарлемань» въ Дарданеллы, не требовало ли оно, говоримъ, въ весьма повелительныхъ формахъ, допуска этого корабля, не смотря на точный смыслъ трактата 1841 года, на который оно теперь ссылается противъ насъ, и, наконецъ, неужели не употребляли угрозъ въ первыхъ уступкахъ, пріобрѣтенныхъ имъ, къ нашему ущербу, въ дѣлѣ о Святыхъ Мѣстахъ со стороны Порты Оттоманской, и въ послѣдовавшемъ нарушеніи самыхъ торжественныхъ обѣщаній, данныхъ Императору султаномъ? Онъ позволитъ намъ сказать: эта, употреблявшаяся до нынѣшнихъ временъ, система устрашенія, тяготѣя надъ Портою, устраняя на время въ Константинополѣ всякое вліяніе кромѣ французскаго, и ослабляя положеніе всѣхъ другихъ кабинетовъ, недавно заставила Австрію, при отправленіи графа Лейнингена, облечь свои требованія въ форму, которую она не привыкла употреблять въ обыкновенныхъ дружественныхъ своихъ сношеніяхъ съ Портою. Само французское правительство принудило насъ дать посольству князя Меншикова совсѣмъ не тотъ характеръ, которымъ мы желали бы облечь его во всякихъ другихъ обстоятельствахъ. Въ этомъ отношеніи, если французскому правительству угодно внимательно разсмотрѣть все свое прежнее поведеніе, оно усмотритъ, что мы не можемъ принять на себя исключительной отвѣтственности во всѣхъ этихъ запутанностяхъ, которыя постепенно довели дѣла въ Турціи до того состоянія, въ которомъ они находятся нынѣ, и что оно само не такъ совершенно свободно отъ отвѣтственности въ нынѣшнемъ переломѣ, какъ оно думаетъ.

Остается, м. г., еще одинъ пунктъ, въ отношеніи котораго г. Друэнъ-де-Люизъ позволитъ намъ равномѣрно оговориться.

По нашему мнѣнію, онъ слишкомъ распространяетъ

объемъ трактата 1841 г., представляя его общимъ ручательствомъ, которое дали державы въ неприкосновенности Имперіи Оттоманской, и которое обязываетъ насъ, потому что мы сей трактатъ подписали. Трактатъ 1841 года не имѣетъ и никогда не имѣлъ этого значенія. Особенною его цѣлію было со стороны высокихъ договаривающихся сторонъ просто «признать общимъ формальнымъ актомъ «единодушное ихъ намѣреніе согласоваться съ стариннымъ «правиломъ Оттоманской Имперіи, по которому проходы «чрезъ оба пролива, Дарданельскій и Босфорскій, должны «быть всегда закрыты для иностранныхъ военныхъ судовъ, «доколѣ Порта находится въ мирномъ положеніи». Прочтите три статьи, составляющія трактатъ, и ничего инаго не увидите. Подавая тѣмъ султану, какъ сказано во вступленіи, «свидѣтельство уваженія своего къ ненарушимости его «верховныхъ правъ, державы выражаютъ и искреннее же«ланіе видѣть упроченіе спокойствія въ его имперіи». Но выраженіе желанія, помѣщенное только во вступленіи къ трактату, не имѣетъ силы обязательной. Здѣсь находимъ выраженіе намѣренія, а отнюдь не формальное обязательство, заключенное по условію и на всякій возможный случай. И мы желаемъ видѣть упроченіе мира въ Турціи, котораго она достигнетъ, даровавъ законное удовлетвореніе религіознымъ чувствамъ большинства ея христіанскаго народонаселенія. Свидѣтельствомъ намѣренія нашего, не измѣнять ничего въ настоящемъ положеніи границъ востока, служили всѣ наши предшествующіе акты и самое сдѣланное нами объявленіе, когда мы неохотно употребили противъ Турціи строгую временную мѣру, что отрекаемся отъ всякой мысли о завоеваніи или распространеніи нашихъ предѣловъ. И такъ ручательство, котораго требуетъ французское правительство, существуетъ въ самомъ дѣлѣ. Оно существуетъ нравственно въ нашихъ видахъ, въ убѣжденіи Государя Императора, въ выгодахъ самой Россіи, требующихъ, какъ мы сказали, чтобъ ничто не могло нарушить нынѣшняго равновѣсія дѣлъ на востокѣ. Но политическія, религіозныя и коммерческія наши сношенія съ Оттоманскимъ Правительствомъ такъ многочисленны, такъ многосложны, и слу-

чаи къ разногласію встрѣчаются такъ часто, что Россія не можетъ отказаться на всегда и во всякомъ случаѣ отъ возможности пріобрѣсть собственными средствами удовлетвореніе въ своихъ частныхъ требованіяхъ, и обязаться трактатомъ прибѣгать къ другимъ державамъ при каждомъ нарушеніи, которому подвергнутся ея выгоды. По внимательномъ обсужденіи, мы не могли согласиться на то, чтобъ увѣрили Турцію, будто она не подвергается никакой опасности, нанося намъ вредъ, на освобожденіе ея, формальнымъ образомъ, отъ всякихъ поводовъ бояться и уважать насъ, на порученіе другимъ, а не намъ самимъ, охраненія нашей чести и самыхъ драгоцѣнныхъ выгодъ. Россія всегда будетъ готова уважать чужую независимость, но никогда не доведетъ этого уваженія до пожертвованія ему своею собственною.

Таковы, м. г., мысли, возбужденныя въ насъ первымъ циркуляромъ г. Друэна-де-Люиза. Благоволите сообщить ему оныя офиціально.

Примите и проч. (1).

Копія депеши тайному совѣтнику Киселеву въ Парижъ изъ С.-Петербурга, 1-го августа 1853 г.

Отвѣчая предъидущею моею депешею на первый циркуляръ г. Друэна-де-Люиза, я равномѣрно разсмотрѣлъ часть втораго циркуляра, относящуюся къ религіозному вопросу. Мнѣ остается обратить здѣсь вниманіе на то, что, въ сей послѣдней депешѣ, относится особенно къ временному занятію нами княжествъ, на ту точку, съ которой мы должны были смотрѣть на отправленіе англо-французскаго флота въ Левантъ, и на сужденіе французскаго правительства о нынѣшнемъ нашемъ положеніи.

Оставимъ въ сторонѣ показаніе, будто въ Константинополѣ ни одинъ иностранный представитель не употреблялъ никакого понужденія, и не принималъ какого либо участія въ отказѣ Порты Оттоманской на принятіе послѣд-

(1) Сѣверная Пчела 1854 г. № 44.

нихъ условій, предложенныхъ ей княземъ Меншиковымъ. Мы имѣемъ о томъ собственное свое мнѣніе, основанное на свѣдѣніяхъ, которыя не совершенно согласуются съ показаніями французскаго правительства.

Но мы не можемъ не повторить выраженія собственныхъ нашихъ мнѣній о дѣйствіяхъ и характерѣ, которыми, какъ намъ кажется, ознаменовано морское движеніе обѣихъ державъ.

По соображенію чиселъ, сдѣланному г. Друэномъ-де-Люизу, очевидно, что приказаніе, данное эскадрамъ, стать у Дарданеллъ, послѣдовало по первому извѣстію о прекращеніи сношеній между княземъ Меншиковымъ и Портою, и прежде нежели могли знать въ Парижѣ или въ Лондонѣ, на что мы рѣшимся. И такъ это приказаніе предшествовало извѣщенію о мѣрахъ, просто предполагаемыхъ, которыхъ исполненіе зависѣло отъ отвѣта, какой будетъ данъ въ Константинополѣ. Прибытіе флотовъ на турецкія воды произошло также ранѣе этого отвѣта. Не имѣемъ ли мы основанія сказать, что присутствіе сихъ двухъ эскадръ сильно подѣйствовало на окончательныя рѣшенія Порты, слѣдственно и на собственныя наши рѣшенія?

Намъ возражаютъ, что наши мѣры возвѣщены были такимъ образомъ, что не оставляли никакого сомнѣнія въ твердомъ нашемъ намѣреніи привести оныя въ исполненіе. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что исполненіе ихъ зависѣло отъ неопредѣленнаго поведенія турецкаго правительства. Оно могло принять наши послѣднія условія. Оно могло, и не принимая ихъ, отвѣчать такимъ образомъ, чтобъ оставалась возможность къ принятію вновь во вниманіе нашихъ мѣръ и тѣхъ убѣжденій, съ которыми Австрія обратилась къ намъ въ семъ смыслѣ, то-есть могло отвѣчать не такъ, какъ отвѣчалъ Решидъ-Паша: не обращая вниманія на обязательства, которыя правительство его приняло уже въ послѣднемъ проэктѣ ноты, адресованной на имя князя Меншикова, и принимая правило, которымъ совершенно опровергалась статья Кайнарджійскаго трактата касательно религіи и церквей. И такъ намъ кажется, что нельзя было почитать нашихъ мѣръ уже невозвратно испол-

ненными, когда мы о нихъ только предувѣдомляли. Сверхъ того явствуетъ, что обѣ державы предписали своимъ флотамъ идти въ Левантъ еще прежде, нежели они узнали о семъ предувѣдомленіи.

Г. министръ иностранныхъ дѣлъ не станетъ отрицать, что это дѣйствіе державъ, предварявшее наши послѣднія намѣренія, затронуло честь нашу, тѣсно связанную съ рѣшеніемъ сего вопроса, если онъ признаетъ, по выраженіямъ его перваго циркуляра, что всякое правительство есть единственный судья въ томъ, чего требуетъ его достоинство.

Г. Друэнъ-де-Люизъ не соглашается на выставляемую нами одинаковость положенія Россіи и Франціи съ Англіею въ отношеніи къ Турціи. Это неоспоримо, и мы никогда не утверждали, чтобъ мы находились къ Турціи въ такомъ же отношеніи, какъ обѣ сіи державы. Мы полагаемъ себя въ правѣ утверждать, что сіи державы, принятымъ ими положеніемъ на морѣ, подали намъ новый поводъ искать равносильной замѣны въ военной позиціи на сушѣ. И если мы говоримъ *равносильной*, то еще полагаемъ, что далеко не достигли истиннаго значенія сего слова. Были ли флоты *въ виду* столицы оттоманской или нѣтъ, это споръ о словахъ, которымъ просимъ позволенія не заниматься серіозно. Охотно беремъ назадъ это выраженіе, если оно не точно въ географическомъ отношеніи. Но неоспоримо то, что заливъ Безика находится не въ далекомъ разстояніи отъ Дарданеллъ; что, во время занятія этой позиціи морскими державами, мы не знали, равно какъ и онѣ, какимъ образомъ Порта будетъ смотрѣть на вступленіе наше въ княжества; что, по свидѣтельству самого г. Друэна-де-Люиза, Порта оставалась совершенно свободною въ своихъ рѣшеніяхъ, что она имѣла, и теперь еще, по его мнѣнію, имѣетъ право, видѣть въ нашей мѣрѣ дѣйствіе воинственное, и объявить объ открытіи Дарданеллъ и Босфора для входа эскадръ Франціи и Англіи. Въ подобномъ предположеніи остается только измѣрить пространство, или, лучше сказать, взвѣсить препятствія, которыя должно преодолѣть съ обѣихъ сторонъ, для того, чтобъ рѣшить, кто

ближе, мы ли къ Константинополю, на сушѣ, считая даже не отъ нашихъ границъ, а отъ береговъ Дуная, или эти державы на морѣ къ нашимъ берегамъ и портамъ.

Представлять временное и условленное пребыванiе двухъ величайшихъ морскихъ державъ Европы съ явно объявленною цѣлiю, въ видѣ безобидной стоянки немногихъ отдѣльныхъ судовъ, посѣщающихъ на время дружественные порты, открытые всякой морской силѣ, по нашему мнѣнiю, значитъ ставить ни во что наши справедливыя подозрѣнiя и не менѣе основательныя опасенiя. Мы изложили выше, что, въ нѣкоторомъ случаѣ, положенiе, занятое союзными державами, могло бы гораздо болѣе угрожать намъ, нежели мы угрожали Константинополю. Но, оставивъ въ сторонѣ этотъ крайнiй случай, спросимъ: не достаточно ли малѣйшаго порыва вѣтра, чтобъ заставить союзныя эскадры превратить нынѣшнюю свою стоянку въ положенiе совершенно иное? Могли ли мы забыть, что въ 1849 году, когда оба двора вздумали, безъ всякой нужды, занять подобное положенiе (говоримъ: безъ всякой нужды, потому что, еще до полученiя ихъ первыхъ сообщенiй, Государь Императоръ, изъ дружественнаго уваженiя къ султану приславшему къ нему чрезвычайнаго посла, отказался, по собственному своему побужденiю, отъ настоянiя на важнѣйшей части своихъ требованiй), могли ли мы забыть, говорю, что въ то самое время непогода послужила адмиралу Паркеру достаточнымъ предлогомъ, чтобъ оставить стоянку при Безикѣ и проникнуть въ Дарданеллы? И внѣ пролива, и не будучи въ виду Константинополя, не могутъ ли обѣ державы, однимъ присутствiемъ своихъ флотовъ, считаться владычицами его въ нравственномъ отношенiи? Въ случаѣ безпокойствъ въ столицѣ, не будутъ ли въ ихъ рукахъ судьбы имперiи Оттоманской? И можемъ ли мы равнодушно смотрѣть на преобладанiе ихъ безусловнаго, исключительнаго влiянiя, въ ущербъ тому участiю въ дѣйствiяхъ и во влiянiи, котораго Францiя, по справедливости, домогается въ Турцiи, но которыхъ и Россiя имѣетъ такое же право искать въ свою пользу? Намъ кажется, что эти вопросы отвѣчаютъ сами за себя.

Видя, какъ еще недавно случилось въ одномъ турецкомъ портѣ, открытомъ для всякой морской силы, что военныя суда націй, равно дружественныхъ съ Портою Оттоманскою, готовятся къ битвѣ, и турецкія власти смотрятъ на эти приготовленія въ безсиліи и неподвижности, можемъ судить, какъ велика независимость, которую оставитъ туркамъ присутствіе иностранныхъ судовъ въ ихъ портахъ и на свободныхъ водахъ.

И такъ мы имѣли поводъ видѣть въ морской позиціи обѣихъ державъ не простую стоянку отдѣльныхъ судовъ въ портѣ, открытомъ всякимъ судамъ отдѣльно, а военную демонстрацію, и принуждены были приписать этой позиціи понудительный характеръ въ отношеніи къ намъ, характеръ стѣсненія нашихъ намѣреній. . . . . . .

Въ дополненіе нашихъ мыслей, сообщаемъ г. Друэну-де-Люизу одно предположеніе. . .

Предположимъ (отъ чего, Боже сохрани!), что между Франціею и Англіею возникло одно изъ тѣхъ важныхъ разногласій, отъ которыхъ вдругъ можетъ произойти война или, по крайней мѣрѣ, прекращеніе мира, и въ самомъ разгарѣ этого спора Англія, на основаніи союзнаго трактата или какого либо другаго предварительнаго условія, пригласитъ насъ оказать ей помощь нашими морскими силами. Вдругъ, и безъ извѣщенія нами французскаго правительства, пятнадцать или двадцать русскихъ вооруженныхъ кораблей выйдутъ изъ Балтики и станутъ вмѣстѣ съ морскими силами Великобританіи въ одномъ изъ ея портовъ, въ бо́льшемъ или ме́ньшемъ разстояніи отъ береговъ и морскихъ постовъ Франціи. Что увидитъ въ этомъ Франція? Мирную ли стоянку въ портахъ и водахъ, открытыхъ всякому? Не почувствуетъ ли она права назвать такое движеніе понудительною демонстраціею?

Обращаемъ сей вопросъ въ довѣренности къ ея прамодушію и чувству народной чести. . . . .

Циркуляръ заключается весьма важнымъ обвиненіемъ, въ которомъ выставляютъ переходъ нашъ чрезъ Прутъ новизною, вводящею въ народное право никогда небыва-

лое правило, принятію котораго воспротивится общая польза всего свѣта.

Надѣемся, что г. министръ иностранныхъ дѣлъ, хладнокровно разсмотрѣвъ это дѣло, убѣдится, что вступленіе наше въ княжества не есть новизна, и не влечетъ за собою такихъ важныхъ послѣдствій.

Во всѣ времена, въ публичномъ правѣ Европы существовало рѣзкое различіе между положительнымъ военнымъ дѣйствіемъ и мѣрами, просто понудительными. Французское правительство безъ труда найдетъ примѣры этого различія въ современной исторіи и въ собственныхъ своихъ политическихъ дѣйствіяхъ. Не говоримъ о вступленіи французскихъ войскъ въ Морею, во время греческой революціи, для изгнанія войскъ султанскихъ, когда султанъ громогласно вопіялъ противъ этого нарушенія неприкосновенности земли, которую онъ тогда почиталъ своею собственностью, о блокадѣ береговъ ея, о взятіи и даже объ истребленіи судовъ оттоманскихъ: этотъ рядъ дѣйствій военной силы не назывался, однако, военнымъ положеніемъ. Мы можемъ припомнить еще, что Франція, послѣ 1830 г., въ согласіи съ Англіею, но въ прямомъ противодѣйствіи Россіи, Австріи и Пруссіи, заняла землю, которую король нидерландскій не соглашался еще уступить, требовала, чтобъ онъ вывелъ свои войска; потомъ бомбардировала Антверпенъ, блокировала, съ своею союзницею, порты голландскіе, не смотря на протестъ короля и трехъ другихъ большихъ державъ, убѣждавшихъ короля къ добровольному принятію сдѣланныхъ ему предложеній. Франція и Англія называли тогда всѣ эти дѣйствія мѣрами понудительными, заключавшимися въ извѣстномъ кругу, предварительно ими начертанномъ. Мы донынѣ не доводили, сколько намъ извѣстно, средствъ понужденія до такой степени. Для полученія удовлетворенія, въ которомъ намъ отказывали, мы вошли въ область, состоящую, правда, подъ верховною властью Порты, но въ которой нѣтъ ни одного турка, съ которымъ наши войска могли бы столкнуться, и каковы бы ни были опасности, сопряженныя, какъ мы сознаемся, съ такимъ двусмысленнымъ положе-

ніемъ, между тѣмъ, по существующему уже различію между понудительными средствами и войною, и на основаніи этого различія въ случаяхъ, гораздо сложнѣйшихъ нынѣшняго, мы не принимаемъ на себя упрека, будто впервые ввели въ свѣтъ новое правило, влекущее за собою всѣ тѣ послѣдствія, которыя выводитъ изъ него г. Друэнъ-де-Люизъ.

Сообщивъ настоящую депешу французскому правительству, благоволите, м. г., предложить ему сіи сужденія, служащія отвѣтомъ на его сообщенія. Мы обязаны были возстановить нѣкоторые бывшіе случаи въ точномъ ихъ видѣ, и поддержать нѣкоторыя изъ нашихъ мнѣній, оцѣненныя имъ, какъ намъ кажется, не совершенно справедливо. Но въ то самое время, какъ, по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Вѣны, по видимому, мы не должны совершенно терять надежду на примиреніе съ Турціею, мы увидѣли бы съ сожалѣніемъ продолженіе съ Франціею пренія, которое, основываясь на дѣлахъ былыхъ, съ трудомъ могло бы привести въ согласіе противоположныя мнѣнія. Не смотря на это разномысліе, мы все еще готовы, какъ и всегда, искать дѣйствительнаго средства для сближенія между Россіею и Портою, въ чемъ свидѣтельствуетъ выраженная нами готовность одобрить послѣднія предложенія, сдѣланныя Австріею въ Константинополѣ. Теперь будетъ зависѣть отъ французскаго правительства содѣйствовать, своими рѣчами и совѣтами Портѣ, къ ускоренію мирнаго рѣшенія, котораго никто не приметъ такъ искренно, какъ Государь Императоръ, если только оно сколько-нибудь согласно съ его выгодами и съ его достоинствомъ (1).

Примите и пр.

Вѣнская конференція, ея дѣятельность и ея послѣдствія.

Константинополь, 14 іюня. Австрійскій интернунцій при Портѣ, *баронъ Брукъ*, прибылъ сюда сегодня утромъ

(1) Сѣверная Пчела 1854 г. № 45.

изъ Тріеста на австрійскомъ военномъ пароходѣ «Кустоцца» ([1]).

3 августа. ...Въ нижней палатѣ лордъ Джонъ Россель объявилъ, что въ конференціи, происходившей недавно въ Вѣнѣ между представителями Австріи, Пруссіи, Франціи и Англіи, предложенія, касающіяся мирнаго рѣшенія несогласія, приняты единогласно и отправлены 31 (19) іюля въ С.-Петербургъ ([2]).

....Въ «Монитёрѣ» объявлено, что, по извѣстіямъ изъ С.-Петербурга отъ 3-го августа, Государь Императоръ всероссійскій одобрилъ ноту, полученную изъ Вѣны, и если эта нота будетъ принята Портой безъ измѣненія, то Его Императорское Величество соглашается принять посланника султана ([3]).

Константинополь, 12 (24) августа. Вся минувшая недѣля занята была переговорами и совѣщаніями по поводу полученнаго изъ Вѣны предложенія на счетъ разрѣшенія восточнаго вопроса, не достигнувшими еще, однакожъ, ожидаемаго окончанія. Въ понедѣльникъ, 3 (15) числа, австрійскій интернунцій, баронъ Брукъ, имѣлъ поутру аудіенцію у султана, въ Чераганскомъ дворцѣ, и представилъ е. в. собственноручное письмо императора австрійскаго относительно предложеннаго разрѣшенія восточнаго вопроса, доставленное въ тотъ самый день утромъ, прибывшимъ изъ Вѣны на галацкомъ пароходѣ, полковникомъ Руффомъ. Въ тотъ же день по полудни французскій посолъ г. Делакуръ имѣлъ аудіенцію у султана по тому же предмету. Во вторникъ и среду были совѣщанія какъ между турецкими министрами, такъ и между Решидомъ-Пашею и представителями великихъ державъ. Въ четвергъ, 6 (18) ночью, происходило собраніе большаго совѣта, назначенное было прежде на вторникъ, и въ этомъ собраніи рѣшено было, что Порта не можетъ принять безъ измѣненій предложенія, присланнаго изъ Вѣны; рѣшеніе это подтвер-

---

([1]) Сѣверная Пчела 1853 г. № 139.
([2]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1853 г. № 166.
([3]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1853 г. № 170.

ждено было въ министерскомъ совѣтѣ, собиравшемся въ пятницу ночью, у военнаго министра, и въ субботу 20-го августа сообщено было представителямъ Франціи, Англіи, Австріи и Пруссіи въ Константинополѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отправлено къ турецкимъ посланникамъ въ Вѣну, Берлинъ, Парижъ и Лондонъ. Порта въ нотѣ своей по этому предмету настаиваетъ, какъ слышно, на нѣкоторомъ измѣненіи проекта ноты, посланнаго изъ Вѣны, но въ чемъ состоитъ это измѣненіе, неизвѣстно; новая нота ея можетъ быть получена въ Вѣнѣ не ранѣе 15 (27) августа. Въ понедѣльникъ, на этой недѣлѣ, 10 (22) августа, австрійскій интернунцій и полковникъ Руффъ имѣли снова аудіенцію у султана, и его вел. вручилъ имъ отвѣтъ свой на письмо австрійскаго императора, съ которымъ полковникъ Руффъ въ тотъ же день и отправился черезъ Тріестъ въ Вѣну ([1]).

Австрія. Въ «Австрійской корреспонденціи» напечатана слѣдующая статья о восточномъ вопросѣ: «Со времени истолкованія Решидомъ-Пашей измѣненій въ проектѣ посредничества, нельзя было сомнѣваться въ томъ, какъ они будутъ приняты санктпетербургскимъ кабинетомъ. Французскія и англійскія газеты, пользующіяся наибольшимъ довѣріемъ, объявили, что Оттоманская Порта, не понявшая смысла и значенія вѣнской ноты, не можетъ надѣяться на то, чтобы обѣ морскія державы поддерживали сопротивленіе противъ ноты, ими одобренной, а тѣмъ менѣе, чтобы Европа отмѣнила свой посредническій приговоръ, изъ уваженія къ мусульманскому самообольщенію. Его Величество Императоръ Всероссійскій призналъ ноту вѣнской конференціи удовлетворительною, во вниманіе къ желаніямъ своихъ высокихъ союзниковъ и всей Европы; въ слѣдствіе чего россійскій кабинетъ не сдѣлалъ въ ней ни малѣйшаго измѣненія; очевидно было, что Россія, уваживъ посредничество другихъ державъ, поставитъ непремѣннымъ условіемъ, что будетъ свободна отъ даннаго ею слова, если Оттоманская Порта не приметъ съ своей стороны проэкта ноты. И такъ, когда Россійское Императорское Правительство объявляетъ,

---

([1]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1853 г. № 191.

что почтетъ несогласіе оконченнымъ, если Порта приметъ вѣнскій проэктъ безъ перемѣнъ, когда отъ одной только Турціи зависитъ положить конецъ несогласію со всѣми его послѣдствіями, лишь бы только она покорилась посредническому приговору Европы, то мы видимъ въ этомъ несомнѣнное доказательство любви къ миру и просвѣщенныхъ видовъ могущественнаго Императора Всероссійскаго. Въ этомъ положеніи Оттоманская Порта поставитъ себя въ противорѣчіе съ извѣстными намѣреніями всѣхъ великихъ державъ Европы, если будетъ настаивать на отказѣ своемъ въ простомъ и безусловномъ принятіи проэкта ноты, что она можетъ сдѣлать безъ всякаго нарушенія своихъ самодержавныхъ правъ или своего достоинства, такъ какъ союзные и дружественные дворы сами не нашли въ нотѣ ничего подобнаго. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что представители великихъ европейскихъ державъ растолкуютъ совѣтникамъ султана ту отвѣтственность, которую повлечетъ за собою дальнѣйшее сопротивленіе Порты, и что, съ другой стороны, будутъ дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы вліяніемъ разума обуздать вредныя манифестаціи фанатизма. Но мы имѣемъ вѣрныя причины полагать, что Европа не допуститъ, чтобы, отверженіемъ ея рѣшенія, ее противъ воли лишили благодѣяній общаго мира» (1).

Въ «J. de St.-P.» напечатано слѣдующее:

Вѣнскій корреспондетъ «Indépendance Belge» пишетъ изъ Вѣны, отъ 25-го сентября: «Всѣ удивлены здѣсь враждебнымъ выраженіямъ, съ какими англійскія газеты отзываются о документѣ: разборъ измѣненій, сдѣланныхъ Оттоманскою Портою въ вѣнской нотѣ, напечатанномъ въ берлинской газетѣ «Zeit». Англійскія газеты находятъ въ этомъ документѣ возобновленіе требованій князя Меншикова и заключаютъ, что нота, могущая быть подобнымъ образомъ истолкована, можетъ дѣйствительно нарушить права верховной власти султана, и, слѣдственно, не можетъ быть ему предложена державами, обязавшимися поддерживать его права. Упомянутый документъ ни въ формѣ,

---

(1) С.-Петербургскія Вѣдомости 1853 г. № 204.

ни въ существѣ не подаетъ повода къ подобному заключенію. Касательно формы, мы можемъ удостовѣрить, что эта статья не имѣетъ офиціальнаго характера, ей приписываемаго. Это не циркуляръ, долженствующій служить отвѣтомъ на ноту, приложенную Портою къ проэкту измѣненій, произведенныхъ ею въ вѣнской нотѣ. Россійское правительство, не получивъ офиціальнаго сообщенія турецкой ноты, не имѣло необходимости и отвѣчать на нее; оно оставалось въ томъ же положеніи, въ какомъ было при принятіи предложеній вѣнской конференціи. Оно не переставало полагать, что безусловное его согласіе возлагало на конференцію обязанность получить и со стороны Порты безусловное же согласіе. Но, сохраняя это положеніе, с.-петербургскій кабинетъ имѣлъ въ виду доставить своимъ представителямъ при союзныхъ державахъ доводы, опровергающіе тѣ, которые были представлены Портою, и тѣмъ доказать невозможность принятія предложенныхъ ею измѣненій. Это заставляетъ насъ сказать нѣсколько словъ и о самомъ документѣ. Таковъ ли онъ, чтобы возбудить щекотливость англійскихъ газетъ? Мы утверждаемъ противное, и увѣрены, что мнѣніе это раздѣляетъ и вѣнскій кабинетъ. Изложимъ вкратцѣ весь вопросъ. Въ чемъ состояли въ сущности требованія Россіи? Она желала улучшить участь христіанъ, находящихся въ подданствѣ султана, и, посредствомъ формальныхъ условій, дать ему возможность къ осуществленію благосклонныхъ его намѣреній, столь же часто выраженныхъ, но, по несчастію, столь же часто останавливаемыхъ и даже прекращаемыхъ неблагонамѣренными или коварными исполнителями. Вотъ въ чемъ состояла мысль с.-петербургскаго кабинета. Представленная первоначально въ видѣ трактата, потомъ въ видѣ сенеда, или ноты, она возбудила щекотливость Порты и произвела разрывъ въ сношеніяхъ между обоими государствами. Какая была цѣль вѣнской конференціи при этомъ положеніи дѣлъ? Она состояла въ томъ, чтобъ найти форму, могущую согласить требованія Россіи, отъ которыхъ она никогда не намѣрена отступать, съ щекотливою формою, въ какой требованія эти были представлены. Вотъ въ чемъ заключались намѣ-

ренія конференціи. Она осуществила ихъ въ нотѣ, составленной въ Вѣнѣ, и почти буквально основанной на проектѣ ноты, которая была составлена въ Парижѣ. Россія объявила свое согласіе на эту ноту и, слѣдственно, очевидно было, что она удовлетворена была въ существѣ своихъ требованій, которыя она первоначально выразила и отъ которыхъ, какъ объявила, никогда не отступитъ. Измѣненія, предложенныя Портою, отняли у ноты это значеніе и въ вышеупомянутомъ актѣ: разборъ измѣненій и пр. объяснено это обстоятельство. Такимъ образомъ актъ этотъ остается въ предѣлахъ намѣреній самой конференціи, и вовсе не можетъ подать повода морскимъ державамъ къ оставленію спасительнаго пути, которому онѣ дотолѣ слѣдовали для миролюбиваго окончанія несогласій, давно уже безпокоящихъ Европу. Заключеніе наше состоитъ въ томъ: или морскія державы, участвуя въ редакціи вѣнскаго проэкта, были убѣждены, что онъ удовлетворяетъ требованіямъ Россіи, и въ такомъ случаѣ имъ нельзя удивляться нынѣшнему истолкованію проекта; или онѣ желали предложенною редакціею только видимымъ образомъ удовлетворить Россію и въ существѣ устранить ея требованія? Въ такомъ случаѣ онѣ не должны осуждать, что Россія возвратила редакціи тотъ смыслъ, который должна была имѣть нота. Но какъ втораго предположенія нельзя допустить, то первое и остается во всей своей силѣ ([1]).

Въ газетѣ «Porto foglio Maltese» заключаются нѣкоторыя подробности о результатѣ большаго совѣта, происходившаго $^{6}/_{18}$ августа въ Константинополѣ, по случаю вѣнской ноты. Шейхъ-уль-исламъ, или муфтій, глава закона, равно какъ и всѣ члены духовнаго сословія объявили себя въ пользу безусловнаго отверженія. Это мнѣніе принято главнымъ начальникомъ артиллеріи Ахметомъ-Фети-Пашей, военнымъ министромъ Мегемедомъ-Али-Пашей, морскимъ министромъ Махмудомъ-Пашей и нѣкоторыми другими значительными лицами. Съ другой стороны, бывшій великій визирь, престарѣлый Рауфъ-Паша, и вся пар-

---

([1]) „С.-Петерб. Вѣдомости“, 1853 г. №.215.

тія мира требовали безусловнаго принятія ноты; но султанъ заранѣе уже принялъ рѣшеніе. Онъ потребовалъ, чтобы, не нарушая достоинства и независимости Турціи, изъисканы были средства къ предотвращенію кровопролитія. Это мнѣніе, поддерживаемое великимъ визиремъ и Решидомъ-Пашей, одержало верхъ и нота была отослана съ нѣкоторыми измѣненіями (¹).

Въ новой Мюнхенской официальной газетѣ напечатана, 21 іюня, статья по восточному вопросу, которая оканчивается слѣдующими словами: «Изъ послѣднихъ условій (ultimatum) Россіи, о которыхъ такъ много говорили, оказывается, что виды Россіи миролюбивы, и что требованія ея въ нынѣшней формѣ ихъ будутъ отвергнуты, и если дунайскія княжества будутъ заняты русскими войсками, то мирныя намѣренія с.-петербургскаго кабинета отъ того не измѣнятся, потому что вступленіе сіе основано на трактатѣ, дающемъ Россіи на то право въ извѣстномъ только случаѣ, и не можетъ быть почитаемо объявленіемъ войны Портѣ. Мы полагаемъ, что и прочія державы, участвующія въ восточномъ вопросѣ, не почтутъ вступленія русскихъ войскъ въ дунайскія княжества прямымъ объявленіемъ войны (casus belli), и что если даже этотъ случай и представится, миръ Европы не будетъ нарушенъ, потому что всѣ державы желаютъ сохраненія онаго» (²).

Рѣшеніе Порты объ объявленіи войны Россіи.

Въ «Porto foglio Maltese» сообщаютъ слѣдующія подробности о засѣданіи дивана, въ которомъ рѣшена была война. Султанъ повелѣлъ собраться дивану 25 сентября, для чрезвычайнаго засѣданія. Диванъ произнесъ свое рѣшеніе 26 числа, въ десять часовъ вечера. Въ немъ засѣдало 280 человѣкъ: министровъ, визирей, улемовъ, сановниковъ перваго и втораго класса и офицеровъ арміи, подъ

(¹) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1853 года № 197.
(²) „Сѣв. Пч.“ 1853 г. № 137.

предсѣдательствомъ великаго визиря Мустафы-Паши и въ присутствіи Шейхъ-уль-ислама и шерифа Магомедъ-Ибнъ-Наума. Решидъ-Паша изложилъ собранію историческую часть турецко-россійскаго вопроса и объяснилъ, что Порта потеряла надежду на принятіе Россіею измѣненій вѣнской ноты. Немедленно составленъ былъ протоколъ, въ видѣ выраженія народной воли, съ объявленіемъ, что «дипломатическіе переговоры по турецко-россійскому вопросу окончены, и турки предлагаютъ султану свою жизнь и имущество, дабы силою оружія возвратить права свои въ отношеніи къ Россіи, которая, занявъ дунайскія провинціи, отвергала благодѣянія мира въ ту самую минуту, какъ Порта и вся Европа наиболѣе желали сохранить оный». Послѣ сего рѣшенія военный министръ Мегемедъ-Али-Паша объявилъ, что регулярныя войска на Дунаѣ и на границахъ Анатоліи простираются до 217,000 человѣкъ, не считая иррегулярныхъ войскъ и многочисленныхъ отрядовъ волонтеровъ. Сверхъ того, министръ объявилъ собранію, что резервы регулярныхъ войскъ составляютъ 180,000 человѣкъ, готовыхъ къ выступленію. Рѣшено, чтобъ эти значительныя силы направлены были частью на границу Румеліи, а частью на азіятскія границы. Морской министръ Махмудъ-Паша изъявилъ желаніе объѣхать съ флотомъ Черное море. Наконецъ Мухтаръ-Бей-Эффенди объявилъ, отъ имени египетскаго намѣстника, что Аббасъ-Паша готовъ на всѣ пожертвованія, чтобъ доказать свою преданность султану. Одинъ членъ пожелалъ знать: будетъ ли персидскій шахъ содѣйствовать Портѣ въ этой войнѣ, и министры собирались уже отвѣчать на этотъ вопросъ, какъ вдругъ шерифъ Магомедъ-Ибнъ-Наумъ всталъ и вскричалъ: «Да содѣлаетъ Аллахъ мечъ султана острымъ!» Шерифъ уже болѣе пятнадцати лѣтъ занимаетъ это мѣсто въ Меккѣ и, по званію потомка Магомета, имѣетъ чрезвычайное вліяніе на племена Аравіи, Сиріи и Курдистана. Онъ объявилъ затѣмъ, что духовенство предоставило на военныя издержки свои огромные капиталы. Решидъ-Паша хвалилъ миролюбивое поведеніе христіанскихъ жителей въ Турціи, и объявилъ, что правительство султана имѣетъ особенное о нихъ попе-

ченіе. Главы духовенства подтвердили это показаніе и прибавили, что христіане, вѣрные султану, не должны бояться никакихъ притѣсненій. Въ концѣ засѣданія Шейхъ-ульисламъ произнесъ свою *фетву*, или окончательное рѣшеніе, по званію главы духовенства и намѣстника султана (¹).

Вѣна, 17 октября. Извѣстіе объ объявленіи войны прислано 6 октября къ турецкому посланнику въ Вѣну. Чрезъ нѣсколько часовъ г. Буркеней получилъ изъ Константинополя депеши, подверждающія извѣстіе, что султанъ уступилъ единогласному рѣшенію дивана и утвердилъ объявленіе войны, поручивъ министрамъ составить объяснительныя ноты и манифестъ, которые и должны быть обнародованы съ объявленіемъ о войнѣ. Сужденія по симъ документамъ продолжались въ Константинополѣ три дня, съ 27 по 30 сентября.

Брюссель, 19 октября. Въ «Indépendance Belge» пишутъ: «Мы получили манифестъ Турціи о войнѣ. Главное значеніе этого документа заключается въ двухъ послѣднихъ статьяхъ, ибо остальныя касаются до исторической части восточнаго вопроса. Въ двухъ послѣднихъ параграфахъ сказано, что султанъ отправилъ къ Омеръ-Пашѣ самыя положительныя инструкціи: пригласить *князя Горчакова* очистить княжества и начать непріязненныя дѣйствія, если, по истеченіи пятнадцати дней со времени отсылки депеши въ русскій лагерь, онъ получитъ отрицательный отвѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ русскіе дипломатическіе агенты должны выѣхать изъ Турціи, и коммерческія сношенія между подданными обоихъ правительствъ должны быть прекращены; но, вопреки прежнимъ обычаямъ, на русскія коммерческія суда не будетъ наложено амбарго. Имъ предоставлено будетъ отправиться, по выбору, въ Черное море или въ Средиземное, въ теченіе срока, который будетъ опредѣленъ впослѣдствіи. Сверхъ того, оттоманское правительство, не желая препятствовать коммерческимъ сношеніямъ подданныхъ союзныхъ державъ, дозволяетъ ком-

(¹) „Сѣверная Пчела“ 1853 г. № 227.

мерческимъ судамъ, подъ ихъ флагомъ, проходить сквозь проливы и во время войны (¹).

Въ «Аугсбургской газетѣ» напечатано слѣдующее о возможномъ вступленіи англо-французскаго флота въ Дарданеллы: «Въ Вѣнѣ и Берлинѣ не покидали надежды на то, что Турція откажется отъ войны. Эта надежда была тѣмъ сильнѣе, что возможное вступленіе англо-французскаго флота должно было повлечь за собою самыя важныя затрудненія и неизбѣжно придать несогласію европейскій характеръ. Въ Берлинѣ и Вѣнѣ, какъ и въ С.-Петербургѣ, полагали, что дѣло Порты рѣшить: составляетъ ли занятіе придунайскихъ княжествъ нарушеніе трактатовъ между Россіею и Турціею и должна ли она отвѣчать на него войною? Порта предпочла миръ и продолженіе переговоровъ. Четыре великія державы предложили себя въ посредницы, а слѣдовательно еще менѣе Порты видѣли въ означенномъ занятіи поводъ къ войнѣ. Россія приняла предложенія, сдѣланныя четырьмя державами, и въ Ольмюцѣ объявила готовность свою дать самыя успокоительныя объясненія на счетъ формы нотъ, которыхъ должно было ожидать. На основаніи этихъ обѣщаній, Австрія и Пруссія продолжаютъ переговоры, тогда какъ Франція и Англія обѣщаютъ продолжать роль посредницъ. И такъ, если въ такомъ положеніи вещей эти двѣ державы пошлютъ всю свою эскадру въ Константинополь, то это будетъ нарушеніемъ европейскаго договора, который Австрія и Пруссія также заключили и обезпечили. А онѣ не дали своего согласія на отмѣну этого договора; онѣ протестуютъ противъ всякаго нарушенія его и допустили отправленіе въ Константинополь извѣстнаго числа военныхъ пароходовъ (ни одинъ линейный корабль еще не проходилъ черезъ Дарданеллы) только въ видѣ мѣры предосторожности, въ отношеніи къ христіанскому населенію, а въ случаѣ нужды, въ видѣ средства подать помощь султану, на случай внутренняго возмущенія. Коль скоро этотъ актъ покровительства обратился въ формальное занятіе турецкихъ водъ, которыя Европа

(¹) „Сѣверная Пчела“ 1853 г. № 227.

объявила нейтральными, то это будетъ оскорбленіемъ для *всѣхъ* другихъ европейскихъ державъ (¹).

Турція. Въ газетѣ «Ind. Belge» напечатано слѣдующее, 13 сентября: «Мы получили сегодня, чрезъ Галацъ, письмо изъ Константинополя отъ 1-го сентября. Несомнѣнно, что умы очень склонны къ войнѣ въ Оттоманской имперіи, и что Турція весьма дѣятельно продолжаетъ свои приготовленія. Мы уже говорили, что этотъ образъ дѣйствій Турціи, въ то время, когда предложенныя ею измѣненія представлены на утвержденіе Императора Всероссійскаго, служитъ для этого Государя одной изъ причинъ отверженія ихъ. Сами турки, по видимому, полагаютъ, что предложенія дивана врядъ ли будутъ приняты Россіей; они придаютъ имъ по этому огромное значеніе и тѣмъ признаютъ, что принятіе ихъ Россіей было бы со стороны этой державы огромной уступкой, а потому не думаютъ, чтобы она ихъ утвердила. Не должно ли это побудить Императора отказать имъ въ своемъ утвержденіи? Представителямъ державъ, по видимому, удалось побудить диванъ къ отсрочкѣ обнародованія новаго манифеста къ оттоманской націи, хотя этотъ документъ уже напечатанъ. Онъ написанъ въ воинственномъ духѣ и заключаетъ въ себѣ нѣчто въ родѣ воззванія къ оружію. Если это правда, то представители державъ поступили благоразумно, потому что появленіе такого манифеста еще болѣе бы запутало настоящее положеніе дѣлъ (²).

ИНОСТРАННЫЯ БРОШЮРЫ, НАПИСАННЫЯ ВЪ ЗАЩИТУ ПРАВЪ РОССІИ И СПРАВЕДЛИВЫХЪ ЕЯ ТРЕБОВАНІЙ.

Мнѣніе „Times“ о причинѣ посылки князя Меншикова въ Константинополь.

По случаю опасеній въ парижскомъ финансовомъ мірѣ при нынѣшнихъ происшествіяхъ на востокѣ, въ одной французской газетѣ перепечатаны слѣдующія размышленія

(¹) „С-Петерб. Вѣдомости“ 1853 г. № 220.
(²) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ № 198.

«Times»: «Опасенія, возбужденныя сбивчивыми и преувеличенными разсказами нѣкоторыхъ иностранныхъ газетъ о происшествіяхъ на востокѣ, теперь отчасти уже прекратились, и когда нынѣшнія событія явятся въ настоящемъ своемъ видѣ, всѣ усмотрятъ, что они не имѣли приписываемой имъ важности. Достовѣрно, что, черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ князя Меншикова и по свиданіи его съ великимъ визиремъ, англійскій повѣренный въ дѣлахъ, полковникъ Розъ, почелъ нужнымъ, по просьбѣ ли турецкаго правительства, или по собственному побужденію, отправить въ Мальту пароходъ, для приглашенія адмирала Дондаса съ англійскимъ флотомъ войти въ Дарданеллы. Мы говоримъ *для приглашенія*, полагая, что полковникъ не могъ имѣть и не могъ предполагать, что имѣетъ право предписать адмиралу сдѣлать столь важный шагъ. Дѣйствительно, хотя нынѣшнее положеніе дѣлъ уже давно было предусмотрѣно нашимъ правительствомъ, хотя оно существовало уже и при посольствѣ графа Лейнингена, но нашему повѣренному въ дѣлахъ не было дано власти посылать предписанія англійскому флоту. По всей справедливости, должно прибавить, что французскій повѣренный въ дѣлахъ, съ которымъ совѣтовался полковникъ Розъ, не одобрилъ дѣйствій своего сотоварища: это доказываетъ неблагоразуміе со стороны полковника Роза. Ошибка его лучше всего можетъ доказать, какъ должно сожалѣть о томъ, что посланникъ нашъ, лордъ Страдфордъ-Каннингъ, опоздалъ прибытіемъ къ своему посту. По счастію, когда пароходъ «Васпъ» привезъ въ Мальту депеши полковника Роза, адмиралъ Дондасъ, обсуживая положеніе дѣлъ лучше, не почелъ себя въ правѣ, по своимъ инструкціямъ, явиться на приглашеніе полковника Роза. Онъ поспѣшилъ донести объ этомъ правительству, которое одобрило его осторожность и предписало ему оставаться въ Мальтѣ. Надѣемся, что прежде, нежели нашъ повѣренный въ дѣлахъ успѣетъ отправить новыя депеши, лордъ Страдфордъ уже будетъ на своемъ постѣ. По полученіи извѣстія, что полковникъ Розъ потребовалъ прибытія англійскаго флота, французское правительство вдругъ рѣшилось отправить свою эскадру въ гре-

ческія моря, не разсудивъ узнать сперва: какой результатъ будетъ имѣть требованіе полковника Роза. Вѣроятно, французскій флотъ прогуляется безъ всякой пользы и будетъ ожидать дальнѣйшихъ событій въ Аѳинахъ или Смирнѣ. Когда эти событія откроются въ точности, увидятъ, что требованія Россіи были не такъ велики, какъ воображали. Но еслибъ всѣ слухи и были справедливы, къ чему послужили бы полдюжины французскихъ кораблей при входѣ въ Дарданеллы, и какъ бы они воспрепятствовали движенію событій?. . . . .

Обсуждая весь ходъ дѣлъ по восточному вопросу, говоритъ сказанная газета, на который многія англійскія газеты смотрѣли ошибочно, можемъ убѣдиться, что первое нападеніе на Турцію произошло со стороны Франціи. Во-первыхъ, должно предположить, что, безъ чрезвычайныхъ уступокъ, къ которымъ маркизъ Лавалетъ побудилъ Порту въ пользу Франціи прошедшею осенью, не возникло бы и причины къ отправленію князя Меншикова. Причина эта заключается отнюдь не въ черногорской войнѣ (какъ сказано въ одной нынѣшней газетѣ), или въ важныхъ измѣненіяхъ адріанопольскаго трактата; причина, побудившая Россію къ отправленію посольства, состоитъ въ нравственной необходимости поддержать въ цѣлости всѣ права православной церкви. Конечно, всѣ еще помнятъ, что прошедшимъ лѣтомъ, когда дѣло шло о титулахъ, которые приметъ Лудовикъ-Наполеонъ при восшествіи своемъ па. тронъ, рѣчь шла и о титулѣ покровителя Святыхъ Мѣстъ. Нѣтъ сомнѣнія, что ни Турція, ни Россія не признали бы подобнаго наименованія; но г. Лавалетъ получилъ формальныя инструкціи употребить всѣ средства къ усиленію вліянія Франціи въ Палестинѣ, стараясь распространить права и судебную власть католическихъ монастырей. По этому случаю данъ былъ фирманъ, потомъ отмѣненъ, потомъ снова обнародованъ въ пользу франковъ. Преслѣдованія, претерпѣнныя по сему случаю диваномъ отъ французскаго посланника, были одною изъ главныхъ причинъ паденія Решидъ-Паши и увольненія министерства Али-Паши. Россія, узнавъ о происшедшемъ въ Константинополѣ, немед-

ленно объявила, что никогда не покорится этой перемѣнѣ, унижающей православныхъ передъ католиками. Вѣроятно, французское правительство дѣйствовало въ этомъ случаѣ по внушенію ультра-католической партіи, имѣя на то причины внутренней политики, которыхъ мы здѣсь разсматривать не будемъ. Вопросъ достигъ теперь такой точки, что Франція должна или отказаться отъ непомѣрныхъ уступокъ, полученныхъ ею отъ Порты, или придумать средство къ поддержанію ихъ. Вотъ точная исторія всего этого запутаннаго дѣла. Оказывается, что Россія рѣшилась принять въ немъ дѣятельное участіе тогда только, когда увидѣла себя принужденною защищать права своей церкви противъ явнаго нападенія французскаго посланника. Спрашивается теперь: зачѣмъ намъ вмѣшиваться въ эти споры? Развѣ Англія обязана отвѣчать за дерзости маркиза Лавалета и развѣ мы должны поддерживать вліяніе Франціи на востокѣ въ дѣлѣ покровительства латинской церкви? Отвѣтъ на этотъ вопросъ очевиденъ. Конечно, французское правительство поставлено въ затруднительное положеніе, но это его дѣло, и ему одному можно приписать первые удары, нанесенные независимости Порты. Забавно было бы думать, что Англія станетъ играть роль кошки, вытаскивающей каштаны изъ печи, и поддерживать требованія, которыхъ никогда не слѣдовало бы предъявлять, и которыя рано или поздно имѣли бы послѣдствіемъ занятіе Египта Франціею.... ([1])

ПРАВОТА РОССІИ ([2]).

I.

СПОРЪ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ ВЪ ВОПРОСѢ О СВЯТЫХЪ МѢСТАХЪ. РОССІЯ ВЪ ЭТОМЪ НЕ ОТВѢЧАЕТЪ.

Въ такомъ сложномъ дѣлѣ всего нужнѣе имѣть ясное

([1]) „Сѣверная Пчела» 1853 г., № 70

([2]) Приводимъ эту статью изъ любопытной англійской брошюрки, появив-

и точное понятіе о предметѣ спора. Можетъ казаться страннымъ, чтобъ въ предметѣ такой важности, и послѣ столь продолжительныхъ споровъ, могла быть еще какая-либо неясность въ томъ, какія именно причины произвели этотъ споръ. Между тѣмъ очевидно, что это дѣло, въ самомъ основаніи своемъ, происходитъ отъ недоразумѣнія, и что каждая сторона старается сложить съ себя отвѣтственность въ разрывѣ, и приписываетъ оный причинамъ, отъ нея независѣвшимъ.

Графъ Нессельродъ, въ дипломатической нотѣ своей, обращенной 30-го мая (12-го іюня), къ дворамъ европейскимъ, говоритъ, что князю Меншикову предписано было-во-первыхъ, требовать заключенія условій касательно Святыхъ Мѣстъ, и, во-вторыхъ, подтвердить сіи условія формальнымъ актомъ, то есть письменнымъ документомъ, который служилъ бы въ одно время и удовлетвореніемъ за прошедшее, и обезпеченіемъ въ будущемъ. Въ нотѣ ска-

шейся на дняхъ въ Лондонѣ, подъ заглавіемъ: Russia in the right, or the other side of the Turkish question. By J. Moseley, B. C. L. London, Clarke Beeton and Co. Fleet Street; 73 стр. Авторъ ея, между прочимъ, говоритъ въ предисловіи: „Всякій, кто имѣетъ убѣжденія, противорѣчащія общему мнѣнію о какомъ либо дѣлѣ, обязанъ ихъ обнародовать. Я нахожусь въ этомъ случаѣ. Никто еще не излагалъ у насъ (въ Англіи) этого важнаго и значительнаго дѣла съ истинной точки зрѣнія. Органы общественнаго мнѣнія, журналы англійскіе и французскіе, представляютъ этотъ вопросъ одностороннимъ образомъ, оставляя въ тѣни существенную часть спора и затемняя ее сколь можно болѣе. Ежедневно слышимъ мы громкіе возгласы въ пользу Турціи и изступленныя нападенія на политику Россія. Самыя важныя заблужденія, о существѣ этого дѣла, господствуютъ въ просвѣщенномъ мірѣ. Считаю обязанностью обнародовать мое сужденіе о сихъ дѣлахъ, какъ бы ни было ничтожно мое личное мнѣніе. Въ нынѣшнемъ положеніи вещей я вижу не только несчастіе Россіи, лишенной всѣхъ средствъ къ объясненію своихъ требованій: она не имѣетъ и неоспоримаго права, предоставляемаго всякому подсудимому, требовать, чтобъ выслушали ея оправданіе, права ли она или не права. Но еще большее несчастіе вижу я для Англіи: она увлекается невозвратно въ раздоръ, не понимая причинъ этого раздора. Непремѣнно должно объяснить это дѣло, взвѣсить подробно и добросовѣстно права обѣихъ сторонъ. Многіе у насъ думаютъ, что дѣло Россіи отчаянное, что оно не основано на справедливости, и потому не можетъ быть поддержано. Но, во всякомъ спорѣ, каждая сторона слишкомъ мало уважаетъ право своихъ противниковъ; немногіе рѣшаются выслушать защиту противной партіи, и потомъ дивятся, узнавъ, сколько можно было сказать въ ея пользу.

зано, что онъ успѣлъ въ первомъ требованіи, т. е. въ заключеніи условія касательно Святыхъ Мѣстъ, но послѣднее, присовокупляютъ, было отринуто, не смотря на то, что оно было три раза измѣнено различнымъ образомъ, и что именно это упорное сопротивленіе Порты заставило отозвать князя Меншикова изъ Константинополя.

Кабинеты французскій и англійскій принимаютъ событія, изложенныя нами, какъ явствуетъ изъ ноты г. Друэна-де-Люиза отъ 15-го іюля, но настаиваютъ на томъ, что второе требованіе князя Меншикова не имѣло никакой связи съ первымъ, ни съ предметомъ спора, и что оно было предъявлено послѣ 10-го мая, т. е. той эпохи, когда вопросъ о Святыхъ Мѣстахъ былъ рѣшенъ предварительно. При этомъ ссылаются на слова, сказанныя г-мъ Киселевымъ г-ну Друэну-де-Люизу въ Парижѣ, и графомъ Нессельродомъ г-ну Кастельбажаку въ С.-Петербургѣ. Словомъ, по собственному отзыву французскаго министра: «требованія, представленныя княземъ Меншиковымъ въ послѣдствіи, когда главный предметъ его посольства былъ уже рѣшенъ, когда объявлено было о его возвращеніи, никакимъ образомъ не были связаны съ тѣми требованіями, которыя приняла Порта; вопросъ былъ новый и гораздо важнѣйшій».

И такъ обѣ стороны соглашаются, что поводомъ къ явному разрыву было несоглашеніе на принятіе втораго требованія, т. е. на составленіе формальнаго акта. Но г. Друэнъ-де-Люизъ пытается обвинить въ томъ Дворъ петербургскій, утверждая, что это второе требованіе не имѣло никакой связи съ первоначальнымъ предметомъ спора, и что оно предъявлено было княземъ Меншиковымъ по совершенномъ окончаніи всѣхъ прочихъ дѣлъ.

Но, во-первыхъ, дѣйствительно ли событія происходили точно такимъ образомъ? Въ показаніяхъ, выше изложенныхъ, предполагается, что окончательное рѣшеніе дѣла, по случаю котораго объявили о возвращеніи князя Меншикова, послѣдовало 10-го мая, а лордъ Кларендонъ, въ депешѣ своей къ сэру Симуру отъ 16-го іюля о сношеніяхъ князя Меншикова съ Портою, говоритъ совсѣмъ не

то. Въ этой депешѣ сказано, что князь Меншиковъ именно извѣщалъ Порту 23-го апрѣля (5-го мая), что онъ считаетъ дальнѣйшую проволочку (отвѣта на предложеніе касательно греческой церкви) знакомъ неуваженія къ его правительству, а это возлагаетъ на него самую тяжкую обязанность, и что 29-го апрѣля (11-го мая) князь Меншиковъ писалъ еще: «Если правила, служащія основаніемъ (разсматриваемымъ пунктамъ), будутъ отринуты, если блистательная Порта будетъ съ умышленнымъ упорствомъ препятствовать продолженію совѣщаній дружественныхъ и прямыхъ, онъ будетъ принужденъ считать посольство свое конченнымъ, прекратить сношенія съ кабинетомъ е. в. султана, и возложить отвѣтственность за всѣ послѣдствія, которыя могли бы произойти оттого, на министра его». И наконецъ, въ письмѣ его отъ $^{3}/_{15}$-го мая къ министру Порты, князь Меншиковъ присовокупилъ: «Предоставляю благоразумію Вашего Превосходительства взвѣсить всѣ неисчислимыя послѣдствія и великія бѣдствія, которыя могли бы произойти отъ того, и которыя пали бы, всею своею тяжестью, на отвѣтственность министровъ е. в. султана».

Очевидно, что очень трудно согласовать это исчисленіе безпрерывныхъ угрозъ, которыми князь Меншиковъ стращалъ Порту отъ 5-го до 15-го мая, съ прежнимъ показаніемъ г. Друэна-де-Люиза, будто-бы 10-го того же мѣсяца послѣдовало счастливое рѣшеніе вопроса о Святыхъ Мѣстахъ, или съ отзывомъ лорда Кларендона въ Верхней Палатѣ парламента, 12-го августа, будто это соглашеніе произошло 5-го числа, по поводу предварительнаго рѣшенія того же вопроса. Это покажется несбыточнымъ, особенно если мы обратимъ вниманіе на письмо князя Меншикова, отъ 11-го мая, т. е. на другой день того самаго числа, въ которое, по показанію г. Друэна-де-Люиза, политическій горизонтъ былъ такъ чистъ и такъ ясенъ. Сверхъ того, не худо замѣтить, что г. Друэнъ-де-Люизъ не говоритъ, чтобъ окончаніе всего дѣла 10-го числа извѣстно было ему самому, а извлекаетъ это заключеніе изъ словъ, сказанныхъ графомъ Нессельродомъ въ С.-Пе-

тербургѣ и г. Киселевымъ въ Парижѣ. Не можно ли предполагать, что сіи государственные люди говорили о своихъ надеждахъ и ожиданіяхъ, а не о дѣйствительныхъ событіяхъ, или, видя принятіе существенныхъ условій, ласкались надеждою, что и прочее окончится такъ же благополучно, между тѣмъ какъ форма, въ какую слѣдовало облечь сіи условія, сдѣлалась главнымъ предметомъ спора, не рѣшеннымъ даже до нынѣшняго времени.

Какъ бы то ни было, г. Друэнъ-де-Люизъ усиливается, въ изложеніи сихъ событій, обременить с.-петербургскій кабинетъ отвѣтственностью въ происшедшемъ отъ того разногласіи, «ибо, говоритъ: онъ представилъ новыя требованія, которыя не имѣли никакой связи съ предложеніями, принятыми Портою касательно Святыхъ Мѣстъ».

Между тѣмъ, никакъ нельзя сказать, чтобъ это второе требованіе, предложенное Россіею, именно подтвержденіе принятыхъ уже условій соглашенія какимъ-либо формальнымъ, т. е. письменнымъ актомъ, который могъ бы служить удовлетвореніемъ за прошедшее и обезпеченіемъ въ будущемъ, не относилось прямо къ первоначальному вопросу.—Мы знаемъ, что Россія видѣла нарушеніе уваженія къ себѣ въ уступкахъ, сдѣланныхъ Портою Франціи по вопросу о Святыхъ Мѣстахъ (какъ мы имѣемъ право думать, по послѣдовавшему со стороны Франціи отреченію отъ сихъ уступокъ); знаемъ заподлинно, что фирманы, данные, по требованію Россіи, въ пользу греческой церкви, были явно нарушены: и такъ нельзя найти ничего предосудительнаго въ томъ, что Россія требовала не только приведенія въ порядокъ главнаго дѣла, но и удовлетворенія за нанесенное ей оскорбленіе, и обезпеченія въ будущемъ. Нелѣпо утверждать, что такое удовлетвореніе и такое обезпеченіе не имѣютъ связи съ главнымъ вопросомъ. Другими словами, это значило бы, что удовлетвореніе не имѣетъ никакой связи съ нанесеннымъ оскорбленіемъ, и будущее обезпеченіе съ предъидущими нарушеніями обѣщаній. Обременять охужденіемъ и отвѣтственностью одну сторону въ пользу другой, при помощи такихъ неосновательныхъ доводовъ, дѣло непростительное!

Когда требуемое удовлетвореніе превосходитъ мѣру оскорбленія, или испрашиваемое обезпеченіе, по свойству своему, не можетъ быть дано, тогда, и только тогда, вина въ спорѣ, произведенномъ отказомъ, падаетъ на ту сторону, которая требовала несправедливаго. Но доколѣ это не доказано, несправедливо обвинять послѣднюю, ибо она, какъ мы знаемъ, имѣла неоспоримое право требовать у своего противника и удовлетворенія за прошедшее, и обезпеченія въ будущемъ. Слѣдственно другихъ, а не ее должно укорять въ непринятіи сихъ требованій и въ происшедшемъ отъ того разрывѣ.

И такъ доказано, что никогда не было благополучнаго рѣшенія вопроса о Святыхъ Мѣстахъ.

Ложно и то, что говоритъ «Times», а за нимъ другіе журналы, будто настоящій раздоръ не имѣетъ никакого отношенія къ вопросу о Святыхъ Мѣстахъ, ибо споръ происходитъ не только отъ несправедливой выдачи ключей Виѳлеемской церкви, но отъ оскорбленій и нарушенія обязательствъ, въ чемъ Порта виновна предъ Россіею. Первая часть спора была кончена, но вторая никогда.

И такъ отвѣтственность въ этомъ раздорѣ нимало не падаетъ на Россію, по крайней мѣрѣ она не предъявляла никакихъ новыхъ требованій послѣ такъ называемаго окончанія переговоровъ о главномъ вопросѣ. Какія же были причины къ разрыву? Разсмотримъ это въ слѣдующей главѣ.

II.

РОССІЯ, ТРЕБУЯ ПОКРОВИТЕЛЬСТВА НАДЪ СВОИМИ ЕДИНОВѢРЦАМИ ВЪ ТУРЦІИ, СДѢЛАЛА ТОЛЬКО ТО, ЧТО ДѢЛАЛИ ПРЕЖДЕ НЕЯ ФРАНЦІЯ, АВСТРІЯ, ПРУССІЯ, И ОСОБЕННО, ЕЩЕ НЕДАВНО, АНГЛІЯ.

Во всякомъ спорѣ, между націями ли, или между частными людьми, встрѣчаются причины разногласія двухъ родовъ: во-первыхъ, причины извѣстныя, признанныя, осязаемыя, видныя, признаваемыя тяжущимися сторонами, и провозглашаемыя въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, и во-

вторыхъ, причины скрытныя, не признаваемыя, порывы зависти, ненависти и чаще всего подозрѣнія, причины неизбѣжныя, но не признаваемыя спорящими. Въ раздорѣ турецко-русскомъ видимъ много причинъ обоихъ родовъ: тѣ и другія требуютъ внимательнаго разсмотрѣнія. Но прежде всего должно изложить каждую изъ сихъ причинъ отдѣльно и ясно.

Въ числѣ признанныхъ причинъ раздора въ семъ вопросѣ главная, безспорно, заключается въ требованіи Россіею покровительства въ пользу греческой церкви въ Турціи.

Нѣтъ спора, что, на основаніи народнаго права, никакая страна не имѣетъ права вмѣшиваться въ религіозныя дѣла другой, точно такъ, какъ не можетъ вмѣшиваться въ дѣла гражданскія. Между тѣмъ, на зло законникамъ, событія безпрерывно противорѣчатъ этимъ правиламъ. Извѣстно, что Кромвель успѣшно вступился въ пользу протестантовъ савойскихъ, и, при посредствѣ своего пуританскаго посла сэра Самуила Морленда, заключивъ, въ 1655 году, трактатъ въ Пиньеролѣ, утвердилъ за ними свободу ихъ вѣроисповѣданія. Такой же трактатъ заключенъ былъ стараніями г. Гилля въ 1704 г.; наконецъ, въ 1727 году, г. Геджесъ протестовалъ, именемъ Англіи, противъ жестокаго обращенія съ сею несчастною націею. Подобные трактаты часто были вынуждаемы въ Германіи. Г. Филлиморъ приводитъ, въ недавно изданной имъ брошюрѣ, большое число случаевъ, похожихъ на приведенный нами болѣе или менѣе, но всѣ они относятся къ участію правительствъ въ духовныхъ дѣлахъ своихъ единовѣрцевъ въ чужихъ краяхъ. При такихъ многочисленныхъ исключеніяхъ, приведенное нами общее правило не могло удержаться, и самъ Ваттель называетъ исключеніемъ «случаи, въ которыхъ преслѣдованіе сдѣлается невыносимымъ». Трудно опредѣлить въ точности, что значитъ «невыносимое преслѣдованіе». При такомъ неопредѣленномъ и общемъ значеніи, правило это должно ограничиваться немногими случаями.

Но, какъ бы ни были шатки правила и обычаи наро-

довъ христіанскихъ и просвѣщенныхъ по сему предмету, въ отношеніи къ Имперіи Оттоманской они не подлежатъ никакому сомнѣнію. Каждая изъ четырехъ великихъ державъ Европы (Англія, Пруссія, Франція и Австрія), въ теченіе послѣднихъ лѣтъ принуждала Турцію къ уступкамъ въ пользу единовѣрныхъ съ нею турецкихъ подданныхъ, и эти уступки были точно такія, какихъ нынѣ требуетъ правительство русское. И эти державы, точно какъ князь Меншиковъ, не были разборчивы въ употребленіи средствъ, которыми можно было достигнуть желаемой цѣли. Всѣ еще помнятъ, какимъ образомъ Австрія, въ прошедшую зиму, посредствомъ графа Лейнингена, настаивала на исполненіи ея требованій, касательно покровительства ея надъ римско-католическими подданными Порты въ Босніи и Герцеговинѣ, подкрѣпляя эти требованія приближеніемъ своей арміи къ турецкой границѣ. Что же касается до Франціи, всему свѣту извѣстно, что она безпрестанно требовала права на покровительство надъ латинскою церковью во владѣніяхъ султана, всегда этимъ правомъ пользовалась, и еще недавно получила отъ Порты уступки въ пользу сей церкви.

Всѣ эти нападенія на Турцію ничтожны въ сравненіи съ тѣми, которыя произвела на нее Англія. Остановимся на этомъ предметѣ долѣе, потому что онъ, можетъ быть, извѣстенъ менѣе другихъ, или, по крайней мѣрѣ, по весьма понятнымъ причинамъ, онъ былъ рачительно скрываемъ отъ общаго вниманія, хотя мы имѣемъ о немъ самое вѣрное и ясное понятіе, и можемъ, въ подтвержденіе нашихъ словъ, представить доказательства неоспоримыя.

Въ февралѣ 1841 года лордъ Пальмерстонъ, бывшій въ то время министромъ иностранныхъ дѣлъ, получилъ просьбу сэра Томсона Беринга, президента одного изъ обществъ Экстеръ-Голла (1), о пріобрѣтеніи отъ турецкаго правительства позволенія на сооруженіе симъ обществомъ про-

---

(1) „Exeter-Hall," зданіе въ Лондонѣ, служащее мѣстомъ сходбища разнымъ духовнымъ сословіямъ и обществамъ. *Перев.*

тестантской церкви въ Іерусалимѣ (¹). Онъ сообщилъ немедленно просьбу сію англійскому послу въ Константинополѣ лорду Понсонби, предоставивъ благоусмотрѣнію его превосходительства избрать вѣрнѣйшія средства къ достиженію сей цѣли, «касающейся предмета», прибавилъ онъ, «въ которомъ кабинетъ ея величества принимаетъ живѣйшее участіе, и въ пользу котораго должно дѣйствовать усердно». Не знаемъ, составилъ ли уже благородный лордъ въ умѣ своемъ какой-либо планъ дѣйствій, какое-либо рѣшительное предначертаніе, въ то время, когда дѣлалъ этотъ первый шагъ. По крайней мѣрѣ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что это обстоятельство сдѣлалось съ того времени основаніемъ, на которомъ составили и исполнили проэктъ полнаго устроенія церкви протестантской во владѣніяхъ султана. Истина этого явствуетъ изъ того, что въ слѣдующемъ іюлѣ король прусскій, чрезъ посланника своего г. Бунзена, предлагалъ правительству британскому «заключить съ нимъ тѣсный трактатъ, съ главною цѣлію пріобрѣсть, общими переговорами въ Константинополѣ, отъ Порты Оттоманской признаніе протестантской церкви въ Турціи, какъ духовнаго общества, и на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ существуютъ въ ней общества латинскія, греческія или армянскія; или, по крайней мѣрѣ, что-нибудь подобное, такимъ образомъ, чтобъ протестанты, турецкіе подданные или живущіе въ Турціи, могли составлять приходы въ мѣстахъ своего жительства, и дѣйствовать на семъ основаніи, т. е. пріобрѣтать собственность, какъ лица, признанныя законами, строить церкви, имѣть епископовъ и другихъ священнослужителей, принимать желающихъ присоединиться къ нимъ, и вообще пользоваться всѣми законными правами, принадлежащими признанному правительствомъ обществу».

Существованіе такого документа не оставляетъ сомнѣнія, что, между Пруссіею и Англіею, заключено было

(¹) Всѣ приведенныя здѣсь событія и документы находятся въ *Синей Книгѣ* (Blue Book), собраніи парламентскихъ дѣлъ за 1841, подъ заглавіемъ: «Кореспонденція касательно протестантовъ въ Турціи».

Примѣч. ред. „Сѣверной Пчелы“.

условіе для пріобрѣтенія у Порты Оттоманской не только мѣста для всенароднаго богослуженія въ Іерусалимѣ, въ пользу подданныхъ Англіи и Пруссіи, не простаго обѣщанія вѣротерпимости протестантамъ, собственнымъ подданнымъ Порты, но полнаго устройства духовнаго правленія и формальнаго учрежденія церкви съ епископами и другими священнослужителями. Замѣтить должно, что ни въ этой конвенціи, ни въ инструкціяхъ, данныхъ лордомъ Пальмерстономъ лорду Понсонби, не было рѣчи ни о какомъ уже существующемъ трактатѣ, на которомъ можно было бы основаться въ отношеніи къ Портѣ, между тѣмъ какъ Россія, по своей справедливости, ссылается на прежніе свои трактаты. Здѣсь же, всѣ требованія основаны были на правѣ, по которому простая часть какого-либо христіанскаго исповѣданія можетъ ходатайствовать въ пользу своихъ единовѣрцевъ посредствомъ общихъ переговоровъ. Вскорѣ увидимъ, какой духъ предсѣдалъ въ этихъ «общихъ переговорахъ».

Лордъ Понсонби дѣятельно трудился для достиженія указанной ему цѣли, и въ депешѣ къ лорду Пальмерстону, отъ 15-го сентября 1841, сообщивъ, что надѣется получить отъ Порты не болѣе, какъ гласное позволеніе на постройку церкви въ Іерусалимѣ, съ запрещеніемъ тамошнему кади препятствовать въ этомъ, присовокупляетъ: «Если мы получимъ эти уступки, то я увѣренъ, что вскорѣ, этимъ самымъ, пріобрѣтемъ возможность дѣлать все, чего, по справедливости, можемъ желать относительно сооруженія протестантскихъ церквей вообще. Полагаю, что правительство ея величества не станетъ стѣснять Порты въ дѣлѣ, которое такъ близко касается религіознаго чувства турокъ». Изъ послѣднихъ словъ явствуетъ, какъ думалъ благородный лордъ, о дѣйствительныхъ намѣреніяхъ своего правительства.

Дѣйствія, которыми г. Понсонби полагалъ лучше всего достигнуть предположенной цѣли, и духъ, въ какомъ производились такъ называемые общіе переговоры съ Портою Оттоманскою, ясно видны изъ слѣдующихъ депешъ къ лорду Абердину, который, между тѣмъ, сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ Англіи. «Въ послѣднемъ

свиданіи съ Рифаатъ-Пашею повторилъ я ему всѣ доводы, въ пользу требуемаго нами позволенія построить церковь въ Іерусалимѣ. Паша пришлетъ ко мнѣ 9-го числа оффиціальную ноту съ отвѣтомъ на мои предложенія, и въ то же время съ отказомъ въ нашемъ требованіи. Министры оттоманскіе лично тому не противятся, но боятся улемовъ Совѣта и Шейхъ-уль-ислама, ихъ начальника. Я говорилъ съ Рифаатомъ очень сильно, представлялъ ему, на что отваживается Порта, оскорбляя правительство ея величества отказомъ въ томъ, что дано другимъ; сказалъ ему, что онъ крайне обманывается, оспаривая наше право, и требовалъ у него согласія, основываясь не только на причинахъ, изложенныхъ въ моей оффиціальной нотѣ, но еще особенно на правахъ, которыя мы имѣемъ по старѣйшимъ нашимъ трактатамъ». Благородный лордъ намекаетъ здѣсь на капитуляцію, которою султанъ Магометъ уступилъ англичанамъ, всѣ привиллегіи, которыми дотолѣ пользовались французы и венеціяне, и которыя потомъ даны были, въ тѣхъ же выраженіяхъ, русскимъ по Кайнарджійскому трактату. Далѣе прибавляетъ онъ: «Я утверждалъ, что мы имѣемъ право основаться на трактатѣ, что всѣ, какія бы то ни были, привиллегіи, которыя даны были французамъ, должны быть признаваемы уступленными намъ, и что, слѣдственно, отказъ въ этомъ можемъ мы счесть оскорбленіемъ. Его превосходительство Рифаатъ-Паша утверждалъ, что на это дѣло нельзя смотрѣть такимъ образомъ. Я отвѣчалъ, что на бѣду это дѣло зависитъ не отъ его превосходительства, а отъ правительства Ея Величества, которое можетъ видѣть оное съ другой стороны. Тонъ нашей бесѣды былъ совершенно дружественный, и мнѣ кажется, что паша непремѣнно согласился бы на наши требованія, еслибъ могъ». Наконецъ, въ одномъ письмѣ къ Рифаатъ-Пашѣ лордъ Понсонби говоритъ касательно вышеупомянутаго трактата: «Остается Вашему Превосходительству разсудить, какія послѣдствія могутъ произойти для блистательной Порты отъ нарушенія ея трактатовъ съ Великобританіею».

Слыша такой языкъ, всякъ согласится, что «общіе не-

реговоры», которыми Пруссія и Англія старались выхлопотать у министровъ оттоманскихъ позволеніе на религіозныя учрежденія протестантовъ турецкихъ, подданныхъ ли Порты или другихъ, суть не иное что, какъ вынужденіе согласія угрозами. Толковать, на что отваживаются турки, оскорбляя правительство ея величества, или утверждать, что отказъ въ уступкѣ есть оскорбленіе, или же напоминать турецкому министру, что на бѣду не онъ можетъ судить, оскорбленіе ли это или нѣтъ, и еще совѣтовать ему подумать о томъ, какія послѣдствія можетъ имѣть его упорство—все это дружественныя ли объясненія? А если дружественныя, какъ же можно въ слогѣ князя Меншикова, очень похожемъ на эти выраженія, видѣть иное что, а не такіе же переговоры.

Въ слѣдствіе этихъ угрозъ лорда Понсонби, наконецъ дано было протестантамъ безмолвное позволеніе на начатіе постройки ихъ церкви. Но лишь только начались работы, онѣ были остановлены недоброжелательнымъ вмѣшательствомъ турецкихъ начальствъ, и оставались въ этомъ положеніи до 1843 года. Тогда лордъ Абердинъ написалъ къ тогдашнему англійскому послу въ Константинополѣ, сэру Страдфордъ-Каннингу, объ этомъ предметѣ: «Я колебался предписать вашему превосходительству о вытребованіи у Порты положительнаго фирмана по вышеупомянутому предмету, ибо мнѣ кажется неблагоразумнымъ накликать себѣ второй и формальный отказъ, подобный тому, который мы уже получили по такому же дѣлу». И такъ нѣтъ сомнѣнія, что фирманъ, данный въ слѣдствіе исчисленныхъ нами угрозъ, былъ вынужденъ у Порты.

Кажется, однако, что лордъ Абердинъ не былъ расположенъ содѣйствовать къ осуществленію плана, составленнаго Англіею и Пруссіею для правильнаго основанія протестантской церкви во владѣніяхъ султана. Не предвидѣлъ ли благородный лордъ тѣхъ затрудненій, которыя могли возникнуть въ послѣдствіи, когда бы Россія потребовала подобнаго покровительства надъ греческою церковью, или дѣйствовалъ онъ единственно на основаніи общихъ началъ народнаго права? Никто этого не знаетъ, да и знать не

нужно. Но, по разсмотрѣніи приведенныхъ нами документовъ, неоспоримо то, что онъ уклонился отъ энергической, но не столь осторожной политики, которою такъ дѣятельно руководствовался лордъ Пальмерстонъ.

Между тѣмъ эти два министра, послѣ благороднаго совмѣстничества и политическаго несогласія, служащіе нынѣ оба въ одномъ кабинетѣ, были различнаго мнѣнія не о правѣ и не о позволительности участія въ подобномъ дѣлѣ, а только о предѣлахъ, которыми должно было ограничиваться сіе участіе. Дѣйствительно, въ началѣ 1844 года, когда полтораста человѣкъ греческаго исповѣданія въ Газбѣе (въ Палестинѣ), обратившіеся въ исповѣданіе протестантское, встрѣтили препятствія въ исполненіи обрядовъ своей вѣры, нашъ консулъ въ Дамаскѣ, г. Вудъ, принявъ ихъ подъ свое покровительство, горячо вступился за нихъ предъ турецкимъ правительствомъ и даже употреблялъ сильныя угрозы. Онъ напомнилъ сирійскому патріарху, какъ самъ доносилъ лорду Абердину 11-го сентября 1844 года, «что сохраненіе правилъ религіозной терпимости въ Сиріи всегда было одною изъ священнѣйшихъ обязанностей агента Ея Величества въ сей странѣ». И лордъ Абердинъ, въ депешѣ 19-го сентября къ генеральному консулу Розу по сему предмету, непосредственно по полученіи упомянутаго письма, говоритъ, что совершенно одобряетъ успѣшное и общее покровительство, оказываемое всѣмъ христіанамъ въ Турціи, только бы не благопріятствовали обращенію изъ одной вѣры въ другую. Другимъ письмомъ къ сэру Страдфордъ-Каннингу, отъ 6-го апрѣля 1846 года, также относящимся къ обращеннымъ въ протестанство армянамъ, подвергшимся тогда гоненію патріарха, лордъ Абердинъ предлагаетъ посланнику дружески выразить Портѣ, съ какимъ сожалѣніемъ правительство ея величества видитъ эту систему обидъ, чтобъ не сказать совершеннаго преслѣдованія, въ отношеніи къ симъ новообращеннымъ. Такова была политика лорда Абердина. Но, по выходѣ его изъ службы, лордъ Пальмерстонъ, сдѣлавшись опять министромъ иностранныхъ дѣлъ, тотчасъ возобновилъ свои энергическія дѣйствія, какъ въ то время, когда трудился

за одно съ правительствомъ прусскимъ. Прусскій посланникъ кавалеръ Бунзенъ напоминаетъ, въ письмѣ 22-го февраля 1849 года, что «при оказаніи покровительства протестантамъ въ Турціи, въ подобныхъ случаяхъ, кажется, слѣдуетъ держаться правила, что протестантскій армянскій приходъ долженъ, во-первыхъ, пользоваться тѣми самыми правами, которыя даны другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ въ Турціи, то есть имѣть отдѣльное свое внутреннее управленіе, собственныхъ своихъ представителей и агентовъ при блистательной Портѣ на томъ самомъ основаніи, какъ и другія исповѣданія. Во-вторыхъ, это признаніе должно почитаться слѣдствіемъ требованій обоихъ правительствъ въ 1841 г.» Пальмерстонъ препроводилъ сію ноту къ нашему послу при Портѣ Оттоманской, г. р. Веллеслею, упомянувъ, что совершенно съ нею соглашается. Эти новообращенные, въ пользу которыхъ Англія и Пруссія принимали такія рѣшительныя мѣры, принадлежали прежде того къ церкви армянской, на которую главнѣйше дѣйствовали наущенія миссіонеровъ американскихъ. Сэръ Страдфордъ-Каннингъ говоритъ, что ихъ не преслѣдовали, а они подвергались только «тѣмъ мелкимъ придиркамъ, которыя неизбѣжны для отщепенцевъ во всѣхъ странахъ вообще». Между тѣмъ англійское посольство сдѣлалось убѣжищемъ всякаго изъ этихъ новообращенныхъ протестантовъ въ случаѣ какихъ либо, общихъ или частныхъ, притѣсненій. Сэръ Страдфордъ-Каннингъ, вѣроятно, въ исполненіе полученныхъ имъ инструкцій, препроводилъ родъ *толковаго списка* всѣхъ мелкихъ притѣсненій, которыя претерпѣвала эта секта, и въ слѣдствіе этого лордъ Пальмерстонъ, для защиты ихъ, вступилъ съ турецкимъ дворомъ въ жаркую дипломатическую переписку. Министерство турецкое сначала отказало ему рѣшительно, основываясь очень умно на злоупотребленіи, происходящемъ отъ стараній переманивать изъ одной вѣры въ другую. Когда же представительства въ ихъ пользу сдѣлались чаще и настойчивѣе, турецкое министерство отвѣчало англійскому министру, что «такъ какъ армянъ якобитскихъ въ полтораста разъ болѣе нежели протестантскихъ, то всякая

уступка въ пользу послѣднихъ сдѣлается оскорбленіемъ для первыхъ». Эти слова доказываютъ самымъ разительнымъ образомъ, въ какомъ затрудненіи находилось турецкое правительство вслѣдствіе этого вмѣшательства чужаго правительства во внутреннія дѣла его страны.

Между тѣмъ турецкое правительство должно было знать, что лордъ Пальмерстонъ не такой человѣкъ, чтобъ смутился этимъ трогательнымъ признаніемъ. Не знаемъ ни свойства, ни изложенія доводовъ, употребленныхъ противъ Порты. ибо корреспонденція объ этомъ предметѣ, какъ видно, была устранена отъ обнародованія, но позволено предполагать (особенно по молчанію противной стороны), что употреблены были тѣ же способы, которыми пользовались прежде того при настояніи на проэктѣ учрежденія протестантской церкви въ Іерусалимѣ, то есть жаловались на «оскорбленіе отказомъ правительства ея величества», внушали министерству турецкому «подумать, какія слѣдствія произойдутъ отъ отказа и пр.», словомъ, всячески старались преодолѣть упрямство Порты и побудить ее къ согласію.

Впрочемъ. каковы бы ни были доводы, употребленные при семъ случаѣ, они увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ. Сначала были даны обращеннымъ въ протестанство армянамъ покровительство и терпимость безмолвныя; потомъ исходатайствовали для нихъ письменное обязательство, и наконецъ, по безпрерывнымъ настояніямъ англійскаго посла, Порта даровала одинъ изъ вожделѣнныхъ фирмановъ, въ которомъ заключался полный проэктъ вѣротерпимости и духовнаго устройства, со всею системою складчинъ и метрическихъ книгъ, и все это состояло подъ вѣдѣніемъ старшины того исповѣданія, съ обязательствомъ Турціи наблюдать за охраненіемъ всѣхъ сихъ правъ и преимуществъ. Копія съ сего фирмана была выдана каждому консульству во всей Оттоманской имперіи, и лордъ Страдфордъ-Редклифъ, восхищаясь успѣхомъ проэкта лорда Пальмерстона и удачностью своихъ собственныхъ дѣйствій, писалъ къ благородному лорду изъ Терапіи отъ 18-го ноября 1850: «Издавна старался я неусыпно о пріобрѣтеніи отъ

Порты формальнаго и постояннаго признанія прихода протестантскихъ подданныхъ султана. Съ живѣйшимъ удовольствіемъ имѣю нынѣ честь донести вашему превосходительству о совершенномъ моемъ успѣхѣ: торжество это мнѣ тѣмъ пріятнѣе, что оно было плодомъ моего долготерпѣнія». Благородный лордъ имѣлъ, въ семъ случаѣ, еще больше причинъ радоваться, нежели самъ догадывался: вскорѣ другой предметъ потребовалъ у него долготерпѣнія еще значительнѣйшаго.

Изъ этихъ документовъ явствуетъ, что Англія и Пруссія недавно требовали и вынудили у Турціи, угрозами и насиліемъ, законное покровительство надъ протестантскими подданными Порты, точно такимъ образомъ, какъ Россія старалась получить оное въ пользу церкви греческой. Требованія предъявлены были сначала безъ ссылки на «древнѣйшій» изъ нашихъ трактатовъ, который приведенъ былъ лордомъ Понсонби гораздо позже, и который никакимъ образомъ не могъ имѣть силы въ особенномъ вопросѣ о новообращенныхъ армянахъ. Намъ нѣтъ нужды доискиваться, какіе поводы побуждали къ принятію подобной политики, и судить, дѣйствительно ли лордъ Пальмерстонъ требовалъ построенія церкви въ Іерусалимѣ по внушенію Экстеръ-Голла, или, терзая несчастнѣйшаго изъ смертныхъ, именуемаго турецкимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, онъ трудился просто по любви къ религіозной свободѣ, или же, видя, что въ Турціи дѣла духовныя составляютъ важнѣйшую часть правленія, онъ хотѣлъ, чтобъ, въ готовящейся или продолжающейся распрѣ между великими европейскими націями, и Англія имѣла свое исповѣданіе, свое религіозное знамя, которое слѣдуетъ поддерживать. Одной изъ вышеприведенныхъ причинъ, безъ сомнѣнія, достаточно въ землѣ протестанства и прозелитизма, какова Англія, для пріобрѣтенія общей хвалы политикѣ благороднаго лорда. Я же, уважая его великій талантъ и опытность въ подобныхъ дѣлахъ, вѣрю, что онъ имѣлъ достаточные поводы къ своимъ дѣйствіямъ. Намъ довольно здѣсь засвидѣтельствовать только, что дѣйствительно существовало вмѣ-

шательство, поддерживаемое угрозами и нравственнымъ насиліемъ: это доказано ясно и неоспоримо.

И такъ Россія, требуя покровительства въ пользу греческой церкви въ Турціи, основаннаго на единовѣріи съ нею, и ссылаясь равномѣрно на существующіе трактаты, сдѣлала на самомъ дѣлѣ не болѣе того, что дѣлали еще недавно и прежде ея Австрія, Франція, Англія и Пруссія. И слова въ помянутой дипломатической нотѣ ея отъ 30-го мая (11-го іюня): «мы говоримъ по совѣсти, что не первые возбудили сей вопросъ», заключаютъ въ себѣ чистую и сущую правду.

Намъ возразятъ: «Если прочія державы нарушили права султана, слѣдуетъ ли изъ того, чтобъ Россія поступала справедливо, дѣйствуя такимъ же образомъ?» Не выставляю этого правила, но прошу позволенія объясниться примѣромъ. Величайшею нелѣпостью и вопіющею неправдою было бы, еслибъ вздумали выдать свидѣтельство безпорочности и благонравія четверымъ преступникамъ, обремененнымъ недавнею добычею, которые стали бы жаловаться, именемъ правосудія и законовъ, на пятаго, обвиненнаго въ похищеніи. Точно такимъ образомъ гг. де-Лакуръ, графъ Лейнингенъ и лордъ Редклифъ, втискивая въ карманы свои исторгнутый насиліемъ актъ вѣротерпимости, возстаютъ на князя Меншикова, виновнаго въ томъ, что онъ требовалъ такого же акта.

Скажу болѣе: въ самомъ дѣлѣ, на сторонѣ Россіи находится право неотъемлемое. Дѣйствительно, всѣмъ извѣстно, что Турція есть сущее поле битвы, просторная шахматная доска, на которой играютъ въ судьбу новой Европы, и каждый изъ министровъ, соперничествующихъ между собою, христіанскихъ исповѣданій, старается обыграть другаго. Всякъ понимаетъ, какъ безразсудно было бы утверждать, что Франція, Австрія, Пруссія и Англія имѣютъ право пріобрѣтать всякія преимущества для церкви, состоящей подъ ихъ покровительствомъ, а Россія, въ свою очередь, не смѣетъ требовать ничего въ пользу своей. Еслибъ дошло дѣло до раздѣла Турціи, неужели одна Россія не могла бы имѣть доли въ общемъ дѣлежѣ? Согласимся скорѣе, что еслибъ Англія

и Франція вздумали поддерживать когда либо подобное ученіе, онѣ должны были бы слѣдовать ему сами, и не подавать Россіи примѣра вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Порты, по крайней мѣрѣ сколько нужно было для защиты христіанъ отъ угнетающаго ихъ преслѣдованія. Если же выгоды ихъ требовали, чтобъ онѣ дѣйствовали такимъ образомъ, то очевидно, что симъ самымъ онѣ лишили себя права препятствовать другимъ брать съ нихъ примѣръ. Утверждать противное было бы выгодно, но справедливо ли?

Возражаютъ, что существуетъ важное различіе въ покровительствѣ, требуемомъ Англіею и Франціею въ пользу церкви латинской и протестантской, и въ оборонѣ греческой церкви русскими. Причину этого различія полагаютъ въ числѣ членовъ первыхъ двухъ изъ сихъ церквей, весьма маломъ противъ числа исповѣдующихъ православіе: турецкое-де правительство нимало не опасается первыхъ, но послѣдніе ему страшны. Но если судьба нѣсколькихъ тысячъ единовѣрцевъ даетъ западу право блюсти ихъ выгоды, можно ли запретить Россіи пещись объ участи ея единовѣрцевъ единственно потому, что ихъ нѣсколько милліоновъ! Или станутъ утверждать, что степень численности есть мѣрило справедливости и несправедливости, или, по крайней мѣрѣ, даетъ право на извѣстный кругъ дѣйствій, и достаточна для того, чтобъ оправдать всякое нападеніе? По видимому, Россія должна была дожидаться того времени, когда бы секты, покровительствуемыя Англіею и Франціею, сдѣлались равны числомъ своихъ членовъ исповѣданію православному, чтобъ возстать и двинуться въ свою очередь! У кого такія требованія, тотъ долженъ, по крайней мѣрѣ, имѣть смѣлость въ нихъ признаться. Впрочемъ, правда ли, что усиленіе сектъ протестантскихъ и латинскихъ въ Турціи не угрожаетъ никакою опасностью сей имперіи, въ нынѣшнемъ разстроенномъ и гниломъ ея состояніи? Христіане ливанскіе, римскіе католики на венгерской границѣ, равно какъ и члены латинской церкви и новообращенные протестанты, число которыхъ, какъ намъ извѣстно по раздорамъ епископовъ, быстро возрастаетъ и въ Константинополѣ, и въ провинціяхъ, составляютъ ядро

иновѣрцевъ, которые теперь не такъ страшны, какъ христiане греческiе, но, подъ искуснымъ руководствомъ Францiи и Англiи, могутъ сдѣлаться грознымъ затрудненiемъ для Турецкой имперiи. Всѣмъ извѣстно и признано впрочемъ, что это затрудненiе уже существуетъ въ лицѣ христiанъ ливанскихъ.

Доказано, что тѣ, которые хотятъ пользоваться подобными доводами, обнаруживаютъ тѣмъ неправость своего собственнаго дѣла. Несправедливость поступка нимало не зависитъ отъ величины нанесенной обиды или отъ опасности, съ которою была сопряжена обида: она измѣряется степенью нарушенiя правилъ нравственности. И такъ тѣ люди, которые пожелали бы этими доводами оправдать дѣйствiя Францiи и Англiи, не должны отнынѣ говорить о высокомѣрномъ притѣсненiи или о тиранскомъ нападенiи со стороны Россiи, ибо вынужденiе силою уступки, не опасной или не весьма опасной благоденствiю уступающей стороны, точно такъ же противно правиламъ строгаго правосудiя, какъ и прiобрѣтенiе уступки важной, сопряженной съ опасностью.

Скажемъ въ заключенiе отвѣта на этотъ вопросъ: Вопервыхъ, не было ничего предосудительнаго, не было тиранскаго нападенiя со стороны Россiи, когда она требовала права на покровительство греческой церкви въ Турцiи, ибо доказано, что Францiя, Австрiя, Англiя и Пруссiя въ подобномъ случаѣ поступили точно такъ же, тѣмъ болѣе, что Россiя, въ нѣкоторомъ смыслѣ, была принуждена ихъ собственными дѣйствiями поступить такимъ образомъ для охраненiя въ цѣлости своего политическаго и духовнаго влiянiя, которому угрожали опасностью въ Турцiи и на востокѣ. Вовторыхъ, каковы бы ни были угрозы, которыми князь Меншиковъ хотѣлъ вынудить покровительство, требуемое въ пользу греческой церкви, онъ сдѣлалъ точно тоже, что сдѣлали прежде его посолъ австрiйскiй и, какъ мы сказали, посолъ англiйскiй; онъ ничѣмъ не нарушилъ ни обычаевъ, ни стиля, наблюдаемыхъ великими державами въ сношенiяхъ съ Турцiею.

Наконецъ, приведя сiи угрозы въ исполненiе, отозвавъ

своего посла изъ Константинополя, занявъ провинціи Молдаво-Валахскія (а это изъ всѣхъ понудительныхъ средствъ, которыя Россія могла употребить для поддержанія своихъ требованій, было наименѣе насильственное), сія держава сдѣлала только то, что сдѣлаетъ всякій, кто уважаетъ самого себя, въ случаѣ неполученія добровольнаго удовлетворенія, которымъ обязаны за нанесенное ему оскорбленіе; сдѣлала, словомъ, только то, что принуждена была бы сдѣлать Англія, когдабъ ея угрозы остались тщетными, что принуждена была сдѣлать Австрія зимою 1852 года, поставивъ значительныя военныя силы на австрійской границѣ, что сдѣлала предъ лицемъ свѣта Англія за четыре года предъ симъ противъ Греціи, по поводу денежныхъ выгодъ жида Пасифико.

III.

НѢТЪ НИКАКОЙ ПРИЧИНЫ ПРЕДПОЛАГАТЬ, ЧТОБЫ РОССІЯ, ВЪ СПОРѢ СЪ ТУРЦІЕЮ, ПОМЫШЛЯЛА О РАСПРОСТРАНЕНІИ СВОИХЪ ЗАВОЕВАНІЙ.

Знаемъ, что турецко-русское несогласіе происходитъ не столько отъ причинъ явныхъ и извѣстныхъ, сколько отъ причинъ невидимыхъ или невѣдомыхъ. Разсуждать о послѣднихъ, безспорно, гораздо опаснѣе и труднѣе, потому, во-первыхъ, что, находясь подъ вліяніемъ страстей, онѣ сильнѣе и упорнѣе; во-вторыхъ, сами по себѣ онѣ такъ ничтожны, и ставятъ спорящую сторону въ такое положеніе, что, стыдясь за ихъ существованіе, она не хочетъ, во взаимныхъ своихъ сношеніяхъ, ни упоминать объ нихъ, ни принимать ихъ во вниманіе. Такимъ образомъ сіи причины постоянно ускользаютъ отъ того искренняго и прямодушнаго пренія, отъ того добросовѣстнаго изслѣдованія, которое существенно способствуетъ къ устраненію отъ спора другихъ, болѣе бурныхъ вопросовъ.

Скажемъ откровенно. Истинная причина нашихъ враждебныхъ дѣйствій заключается, безспорно, въ томъ опасеніи, что Россія, подъ предлогомъ покровительства гре-

ческой церкви въ Турціи, старается единственно объ утвержденіи тамъ своего владычества. Устраните эти подозрѣнія, и дѣло уладится само собою. По крайней мѣрѣ извѣстно, что Англія, съ своей стороны, никогда не рѣшится отважиться на случайности войны, за которую, безъ сомнѣнія, поплатится нѣсколькими сотнями милліоновъ для того, чтобы рѣшить вопросъ: латинскій ли епископъ или греческій патріархъ долженъ быть хранителемъ ключа Виѳлеемской церкви, и какъ будетъ прекращено несогласіе, происшедшее отъ сего спора: дипломатическою ли нотою, сенедомъ-ли или другимъ обоюдно-обязательнымъ актомъ. И такъ, для насъ чрезвычайно важно, крайне нужно опредѣлить, основательны или неосновательны сіи опасенія завоеваній, потому что, въ сущности, около этого пункта исключительно и вращается грозный вопросъ.

Причины, предъявляемыя Россіею относительно несогласія съ Турціею, суть: пристрастье, оказанное Турціею латинской церкви по дѣлу о Святыхъ Мѣстахъ, пренебреженіе и нарушеніе правъ греческой церкви, наконецъ оскорбительныя выходки министровъ султана противъ с.-петербургскаго Двора, настаивавшаго на удовлетвореніи своихъ требованій. Выражусь словами графа Нессельрода, заключающимися въ циркулярной нотѣ, адресованной симъ министромъ къ разнымъ европейскимъ дворамъ: «достаточно напомнить вамъ, что при первыхъ уступкахъ, сдѣланныхъ Франціи въ пользу католиковъ въ Іерусалимѣ, въ ущербъ вѣковыхъ привилегій, дарованныхъ православнымъ. Его Императорское Величество, видя ежедневно, что явное пристрастіе Порты къ католикамъ увлекаетъ ее болѣе и болѣе къ важнѣйшимъ уступкамъ, нарушающимъ права и выгоды православнаго вѣроисповѣданія, призналъ необходимымъ обратиться къ султану по сему предмету, съ дружественнымъ, но серіезнымъ письмомъ».

Далѣе въ нотѣ сказано, что, въ слѣдствіе этого сообщенія, наряжена была коммисія улемовъ для разсмотрѣнія и соглашенія требованій обѣихъ церквей, что былъ выданъ фирманъ, который, равно какъ и письмо султана къ нему приложенное, былъ принятъ Россіею какъ удовлетво-

рительное рѣшеніе несогласія; но когда фирманъ присланъ былъ въ Іерусалимъ, для внесенія въ число законовъ и обнародованія—формальность, необходимая для исполненія и даже для законнаго его значенія — мѣстныя начальства отозвались, что ничего не знаютъ о такомъ документѣ, и когда, наконецъ, фирманъ былъ прочитанъ и внесенъ въ роспись, то былъ явно и умышленно нарушенъ. «Подобное пренебреженіе самыхъ опредѣлительныхъ обѣщаній, изложенныхъ въ письмѣ султана къ Государю Императору (сказано въ циркулярѣ), столь явная недобросовѣстность, усиленная поступками и насмѣшливыми отзывами министровъ султана, должны были побудить Августѣйшаго нашего Государя, оскорбленнаго въ своемъ достоинствѣ, въ дружественной довѣренности, въ своемъ исповѣданіи и религіозныхъ чувствахъ, раздѣляемыхъ имъ съ своими вѣрноподданными, къ немедленному востребованію гласнаго удовлетворенія». Таковы причины, или, лучше, таково изложеніе событій, которое Россія рѣшилась, по собственному побужденію, сообщить всѣмъ европейскимъ дворамъ, хорошо зная, что сіи дворы имѣли всѣ средства убѣдиться въ ихъ достовѣрности. Слѣдственно, мы можемъ съ полною довѣренностью признавать ихъ истинными до тѣхъ поръ, пока не будемъ имѣть въ рукахъ оффиціальныхъ и положительныхъ данныхъ для ихъ опроверженія. Это намъ тѣмъ позволительнѣе, что и кабинеты Сенъ-Джемскій и Версальскій не отрицали сихъ фактовъ въ отвѣтахъ своихъ на ноту графа Нессельрода.

Теперь скажу, что мы имѣемъ три основныя начала, три особенно важныя правила для обсужденія предполагаемыхъ причинъ какого либо дѣйствія. Сіи три правила суть:

1) Сообразны ли побудительныя причины съ дѣйствіями, то есть, вполнѣ ли предъявляемыя причины соразмѣрны, при внимательномъ ихъ разсмотрѣніи, съ дѣйствіями, которыя имъ приписываются? Сверхъ того, можно ли ихъ признать самыми естественными и самыми вѣроятными изъ всѣхъ тѣхъ, которыя могли бы произвести подобныя дѣйствія?

2) Есть ли что нибудь несообразное между общимъ поведеніемъ стороны, предъявляющей сіи побудительныя причины, и сими самыми причинами.

3) И, на оборотъ: дѣйствительно ли такое поведеніе несовмѣстимо со всѣми прочими причинами, какія только вообразить можно, независимо отъ извѣстныхъ?

Не подлежитъ сомнѣнію, что причины, предъявленныя Россіею въ разногласіи ея съ Турціею, дѣйствительно соразмѣрны съ этимъ споромъ, и вполнѣ могутъ произвести оный. Съ незапамятныхъ временъ церкви греческая и латинская были раздѣлены на Востокѣ непримиримою враждою. Эта вражда была одною изъ главныхъ причинъ паденія Константинополя въ XV вѣкѣ, и съ тѣхъ поръ не прекращалась никогда. Въ послѣднее время, предметомъ распри обѣихъ церквей было обладаніе Святыми Мѣстами. Всѣ путешественники по Востоку свидѣтельствуютъ единогласно о печальныхъ явленіяхъ, возобновляющихся ежегодно, въ праздникъ Пасхи, въ храмѣ Гроба Господня, причемъ погибаетъ иногда человѣкъ до ста. Наконецъ, религіозная вражда распространилась и на европейскіе народы, и какъ Франція объявила себя защитницею латинской церкви, то Россія, разумѣется, приняла подъ свое покровительство церковь греческую. Распря, какъ понятно, не уменьшилась подъ вліяніемъ столь сильнаго покровительства, и, къ вящшему распаленію вражды, уже существовавшей въ каждомъ селеніи на Востокѣ, происходила, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, дипломатическая борьба между обѣими націями при Константинопольскомъ Дворѣ, кончившаяся, какъ упомянуто, торжествомъ Франціи.

Не трудно представить себѣ, что, при такомъ положеніи дѣлъ, Россія не могла не оскорбиться успѣхами, пріобрѣтенными, при Оттоманскомъ Дворѣ, Франціею по вопросу о Святыхъ Мѣстахъ.

Россія, дѣйствительно, была побѣждена, и притомъ въ вопросѣ не только чисто дипломатическомъ, доступномъ единственно министрамъ и дворамъ, но и въ дѣлѣ общеизвѣстномъ, котораго важность оцѣнитъ всякій священникъ, всякій крестьянинъ въ Россіи. С.-Петербургскій Кабинетъ

былъ униженъ въ глазахъ всего Востока, и даже предъ собственными своими подданными, и новое предпочтеніе, дарованное Портою Франціи въ вѣковомъ дѣлѣ, оскорбляло Самого Императора, особъ императорскаго дома и всѣхъ русскихъ въ ихъ священнѣйшихъ чувствахъ. Положительно извѣстно, что въ слѣдствіе упомянутаго рѣшенія Порты, возникла въ Россіи сильная партія для поддержанія православной вѣры, и что эта партія въ такой степени была поддерживаема народнымъ чувствомъ, что не разъ угрожала нарушеніемъ умѣреннѣйшей политики своего Монарха.

И такъ, Россія видѣла себя не только оскорбленною со стороны Турціи въ дѣлахъ своей вѣры, но это оскорбленіе было, по видимому, внушено соперничествующею державою, съ которою она нашлась въ дипломатической борьбѣ по предмету, для нея весьма важному. Перевѣсъ Франціи и Англіи надъ Оттоманскою Портою былъ, къ несчастію, причиною незавиднаго торжества первой изъ сихъ державъ въ дѣлѣ о Святыхъ Мѣстахъ. Сама Франція созналась въ неумѣстности своихъ дѣйствій, отказавшись отъ преимуществъ, полученныхъ ею въ пользу латиновъ ко вреду греческой церкви, или, что все равно, отъ пріобрѣтеннаго ею, по наущенію Англіи. Такимъ образомъ, сугубая причина способствовала растравленію раны, нанесенной чести Россіи: она была оскорблена въ своей вѣрѣ, и ударъ былъ нанесенъ рукою восторжествовавшей соперницы. Негодованіе ея было естественно и понятно, и не должно было удивляться непоколебимости ея воли и непремѣнному желанію возвратить утраченное. Что могло быть проще намѣренія не только прекратить религіозную распрю, но и получить торжественное обезпеченіе въ будущемъ и удовлетвореніе въ прошедшемъ? И можно ли было сомнѣваться, что причины, предъявленныя Россіею въ спорѣ съ Турціею, именно оскорбленія, нанесенныя ей въ вопросѣ о Святыхъ Мѣстахъ, были причины дѣйствительныя и истинныя? Можемъ ли мы, англичане, еще недавно готовые перевернуть у себя все вверхъ дномъ и поразить сабельными ударами гордыню папизма, по поводу билля о церковныхъ титулахъ, можемъ ли мы не вѣрить, чтобъ Монархъ и нація стали не-

годовать на оскорбленіе, нанесенное исповѣдуемой ими вѣрѣ рукою религіи враждебной? На основаніи какого правила здраваго смысла, по какому отвлеченному умозаключенію не хотимъ мы допустить въ семъ дѣйствіи причинъ непосредственныхъ, причинъ, не только могущихъ произвести это дѣйствіе, но, судя по всѣмъ человѣческимъ вѣроятностямъ, дѣйствительно произведшихъ оное, и все это для того, чтобы приписать эти дѣйствія причинамъ постороннимъ, неправдоподобнымъ и отдаленнымъ!

И такъ причины несогласія, предъявленныя Россіею, вполнѣ соразмѣрны съ предметомъ спора, и не могутъ не существовать въ подобныхъ обстоятельствахъ. Теперь посмотримъ, согласовались ли дѣйствія Россіи, съ самаго начала вопроса, съ предъявленными ею причинами.

Неоднократно было говорено, что требованія, предложенныя княземъ Менщиковымъ, не могли быть приняты, что с.-петербургскій Дворъ зналъ это, и что самый способъ ихъ представленія и поддержки былъ разсчитанъ для произведенія неминуемаго разрыва. Изъ этого заключили, что Императоръ никогда не могъ быть искреннимъ въ своихъ обѣщаніяхъ, и что Его мнимое желаніе кончить дѣло миролюбиво и требованіе удовлетворенія, на которое онъ имѣлъ право, служили только личиною для сокрытія завоевательной цѣли.

Главное требованіе князя Менщикова касалось покровительства греческой церкви въ Турціи. Императоръ зналъ, что не первый возбуждалъ вопросъ, по поводу котораго Франція, Австрія, Англія и Пруссія недавно получили уступки, подобныя тѣмъ, которыхъ требовала Россія, слѣдовательно онъ не могъ предполагать, чтобы по этому предмету возникло какое-либо важное затрудненіе, а еще менѣе, чтобы сіе затрудненіе могло произойти отъ той или другой державы, благопріятствуемой туркамъ. Если мнѣ возразятъ, что прочіе Дворы никогда не домогались упрочить сдѣланныя имъ уступки договоромъ или конвенціей, но получали только фирманъ въ пользу покровительствуемаго ими исповѣданія, я скажу, что это вполнѣ справедливо. Но, предполагая даже, что дипломатическій

этикетъ, или условія національной независимости, воспрещаютъ правительству формально обязываться предъ другимъ относительно религіозной терпимости для нѣкоторыхъ подданныхъ, все же Турція согласилась обязаться предъ Россіею, по крайней мѣрѣ, такимъ же образомъ, какъ обязалась предъ другими кабинетами, и, въ сущности, она дѣйствительно обязалась фирманомъ, даннымъ въ пользу этой державы для Святыхъ Мѣстъ. Мы видѣли однако, что Порта нарушила свои обязательства въ отношеніи къ Россіи, не исполнивъ своего фирмана. Какія же справедливыя опасенія могло возбудить то простое обстоятельство, что С.-Петербургскій Кабинетъ, убѣжденный въ недавнихъ нарушеніяхъ Портою собственныхъ ея фирмановъ, потребовалъ у нея болѣе надежнаго, по формѣ своей, обязательства? Развѣ сама Англія не знаетъ по опыту неуваженія Турціи къ даваемымъ ею обѣщаніямъ? Не такъ ли поступила Порта и относительно фирмана о построеніи протестантской церкви въ Іерусалимѣ? Это короткое знакомство съ турецкою системою и побудило лорда Страдфорда къ «настойчивымъ требованіямъ уступокъ въ пользу протестантовъ, въ формѣ болѣе торжественной». . . .

Сверхъ того, изъ ноты графа Нессельроде отъ 22-го іюня видно, что причины, на которыхъ основывалась Турція для оправданія уступокъ, сдѣланныхъ ею Франціи, заключалась въ существованіи трактатовъ съ этою державою о Святыхъ Мѣстахъ, тогда какъ Россія ихъ не имѣла. Должно ли, послѣ сего, удивляться, что Россія желала, при прекращеніи спора, заключить трактатъ и съ своей стороны? И справедливо ли утверждать, что, стараясь уравнять уступки въ свою пользу съ уступками, полученными Франціею, или дать имъ обязательную силу, какъ ей предписывала собственная опытность и опытность всей Европы въ оттоманской недобросовѣстности, справедливо ли, говорю, утверждать, будто тѣмъ самымъ Россія въ тайнѣ посягала на независимость Турціи? Когда можно приписать одному дѣйствію двѣ побудительныя причины, безразсудно упускать изъ вида ближайшую, естественную, указываемую и возбуждаемую самымъ ходомъ обстоятельствъ, и приписывать

все причинѣ отдаленной, существованіе которой можно и опровергать, и утверждать. Допуская даже, что Турція не могла стѣснить себя подобнымъ обязательствомъ въ отношеніи къ Россіи, все же мы не имѣемъ права приписывать Россіи недобрыхъ замысловъ, единственно потому, что она требовала обязательства, ибо въ обстоятельствахъ, намъ извѣстныхъ, подобное обязательство было для нея необходимо, или, по крайней мѣрѣ, весьма важно.

Прибавимъ еще, что нѣтъ повода тревожиться, нѣтъ повода и подозрѣвать Россіи въ властолюбивыхъ замыслахъ, по той причинѣ, что она требуетъ письменной конвенціи, какъ «удовлетворенія за прошедшее и какъ обезпеченія въ будущемъ». Докажемъ это.

Мы видѣли, что Россія имѣла доказательства недоброхотства Турціи. И такъ, стараясь нѣкоторымъ образомъ наказать, смирить Порту, она поступала весьма естественно. Предположимъ, что, дѣйствуя такимъ образомъ и въ своихъ дальнѣйшихъ сношеніяхъ, Россія оскорбила бы турецкое правительство, задѣвъ его за живое. Этотъ родъ мести въ дипломатическомъ мірѣ отнюдь не новый. Мы сами подали тому, года за четыре или лѣтъ за пять, достопамятный примѣръ въ поступкѣ нашемъ съ Греціею. Извѣстно всѣмъ и каждому, что конфискація кораблей въ Пиреѣ имѣла цѣлію не столько поддержать притязанія дона Пасифико съ братіей, сколько обнаружить наше негодованіе за нѣкоторыя обиды, нанесенныя нашему правительству, за предпочтеніе, отданное Аѳинскимъ Дворомъ другимъ, мимо насъ. Словомъ, точно такой случай возобновился при Турецкомъ Дворѣ относительно С.-Петербургскаго Кабинета. Въ житейской борьбѣ, между націями и отдѣльными лицами, отплата за оскорбленіе прошедшее, и обезпеченіе во всякомъ оскорбленіи будущемъ, справедливы и естественны. Необходимо и отражать нападеніе, и предупреждать оное, и нелѣпо было бы приписывать подобному дѣйствію замыслы грубаго насилія или ненасытимаго властолюбія.

Мы видѣли, что поведеніе Россіи, въ сихъ обстоятельствахъ, было совершенно согласно съ побудительными при-

чинами, которыми она руководствовалась, и изъ этого можемъ смѣло заключить, что сіи причины не имѣютъ ничего общаго со всѣми другими, мечтательными догадками.

Главное обвиненіе противъ Россіи, въ первый періодъ ея спора, нынѣ хотя и ослабѣвшее, однако все еще господствующее надъ другими, состоитъ въ томъ, будто всѣ ея дѣйствія въ этомъ вопросѣ имѣютъ единственною цѣлію вовлечь Турцію въ войну, которая позволила бы ей наконецъ занять дунайскія княжества, предметъ ея давнишнихъ желаній, и присоединить ихъ къ своей имперіи.

Утверждаю, не боясь обвиненія въ недобросовѣстности, что Россія, во все продолженіе спора, очевидно старалась избѣгать войны, и что отъ начала до конца ея мѣры были постоянно миролюбивыя. Правда, она старалась получить удовлетвореніе посредствомъ трактата, что весьма естественно, но никогда не уклонялась для того отъ путей мирныхъ. И въ самую рѣшительную минуту, Россія неизмѣнно избѣгала принятія крайнихъ мѣръ, и скорѣе соглашалась отступить на шагъ и измѣнить свои требованія. Князь Меншиковъ требовалъ сначала, чтобы статьи договора были облечены въ форму конвенціи; сіе требованіе было оставлено, потому что Порта нашла это обиднымъ для себя и неупотребительнымъ въ дипломаціи. Тогда князь потребовалъ сенеда. Два условія этого сенеда были отринуты: онъ былъ также оставленъ, и въ слѣдъ за нимъ послѣдовалъ другой. Когда же и этотъ сенедъ не былъ принятъ, князь Меншиковъ согласился на простую дипломатическую ноту, однако и въ ней получилъ отказъ. Выведенная изъ терпѣнія такимъ упорствомъ, Россія отозвала своего посла и двинула войска въ княжества, но съ такими умѣренными предложеніями, съ такими объясненіями и ограниченіями, что на занятіе княжествъ должно смотрѣть какъ на дѣйствіе, къ которому она скорѣе была вынуждена противъ своего желанія, нежели какъ на исполненіе давно задуманной мысли о завоеваніи.

Но умѣренность Россіи далеко еще не была истощена: она принимаетъ посредничество четырехъ державъ, и, не смотря на явную и постоянную непріязнь Франціи и Ан-

гліи, не смотря на оппозицію Австріи, соглашается заранѣе, безъ колебанія и какого либо ограниченія, на условія, которыя ей будутъ представлены. И когда, послѣ отказа Турціи, возникли новыя затрудненія по случаю объясненій, данныхъ на вѣнскую ноту (сею нотою предполагалось удовлетворить обѣ стороны посредствомъ двоякой редакціи, которую можно было бы толковать различнымъ образомъ), Императоръ изъявилъ согласіе на принятіе ноты, какъ сказано и въ «Times», и на этотъ разъ въ томъ смыслѣ, какъ ее понимали Франція и Англія.

Одно слѣпое пристрастіе можетъ утверждать, чтобъ человѣкъ, который, послѣ постепенныхъ измѣненій формы и сущности своихъ требованій, объявляетъ защитникамъ противной стороны, что онъ соглашается не колеблясь не только на предлагаемыя ему условія, но и на болѣе или менѣе обширный смыслъ, который они признаютъ нужнымъ дать симъ условіямъ, чтобъ такой человѣкъ, говорю, помышлялъ о разрывѣ. Скажемъ не обинуясь: если Россія впала въ какую ошибку въ этомъ дѣлѣ, то, безъ сомнѣнія, обнаруживъ чрезмѣрную снисходительность. Было бы гораздо достойнѣе ея, и, конечно, согласнѣе съ характеромъ наступательной заносчивости, столь многими ей приписываемой, еслибъ она непреклонно требовала у Порты того, чѣмъ начала свои предложенія. По истинѣ, верхъ неудачи прослыть упрямымъ и сварливымъ, когда можно упрекнуть себя только въ излишней уступчивости! Скажемъ болѣе: не только поведеніе Россіи не подаетъ повода къ догадкамъ о разрывѣ или о завоеваніяхъ, но оно ясно доказываетъ ея искреннее желаніе кончить споръ полюбовно. Дѣйствительно, какъ скоро начался споръ, Россія, очевидно, уже не могла вполнѣ отказаться отъ своихъ требованій, равно какъ и Турція отречься отъ своего отказа. Послѣ этого можно ли не сознаться, что Россія, уменьшая постепенно объемъ своихъ требованій, обнаружила самое миролюбивое расположеніе? И если бы возразили, что эта умѣренность была слѣдствіемъ энергическаго вмѣшательства Франціи и Англіи, то самыя событія изобличили бы неосновательность этого мнѣнія.

Едва наступила пора дѣйствовать, Россія не колебалась ни минуты: занятіемъ дунайскихъ княжествъ она доказала, что не опасеніе войны побуждало ее къ дѣятельнымъ усиліямъ мирно прекратить споръ, но что всякая угрожающая ей мѣра другихъ державъ заставляла ее скорѣе приводить свои угрозы въ исполненіе. Не забудемъ наконецъ, что Императоръ, безъ всякаго посторонняго побужденія, желалъ непремѣнно, чтобъ министры Его неоднократно увѣряли различные европейскіе Дворы въ искренности его намѣреній. Однимъ этимъ обстоятельствомъ доказываются дѣйствительные виды Россіи. Императоръ соединенъ узами дружбы съ большею частію другихъ государей. Онъ столько же дорожитъ ихъ добрымъ мнѣніемъ, сколько дорожимъ мы мнѣніемъ нашихъ друзей, и Ему, такъ же какъ и намъ, было бы непріятно лишиться онаго явнымъ нарушеніемъ своего слова. Знаю, что, при нынѣшнемъ состояніи у насъ общественнаго мнѣнія, многимъ покажется страннымъ вѣрить слову Россійскаго Императора, потому что это Его слово; однако, я предполагаю въ моихъ соотечественникахъ еще довольно здраваго смысла, и надѣюсь, что отыщутся между ними и такіе, которые не унизятъ себя подобнымъ безразсудствомъ, и, подобно мнѣ, предложатъ себѣ вопросъ: почему же самодержавный Государь долженъ непремѣнно, безъ всякой причины, измѣнить своему слову? Еще недавно Императоръ былъ между нами: Онъ явился у насъ въ благородной простотѣ своего личнаго характера, доказавъ, уваженіемъ къ нашимъ народнымъ обычаямъ, сколько дорожитъ нашимъ мнѣніемъ. Можетъ быть, также не всѣмъ извѣстно, что многія особы Императорскаго Дома провели все нынѣшнее лѣто въ нашей землѣ, въ близкихъ сношеніяхъ съ Дворомъ и высшимъ дворянствомъ. По истинѣ, трудно понять, съ какою цѣлію Императоръ сталъ бы представлять, и чрезъ посредство своихъ министровъ, и при содѣйствіи своего семейства, самыя положительныя доказательства чистоты своихъ намѣреній, еслибъ зналъ заранѣе, что непрямодушіе Его обнаружится въ скоромъ времени. Если скажутъ, что подобныя средства въ дипломаціи позволительны, я буду от-

вѣчать, что это мнѣніе рѣшительно ошибочное. При нынѣшнемъ состояніи сношеній между государствами, ни одинъ европейскій министръ не позволилъ бы себѣ безстыдно отстаивать явную ложь, и ни одинъ государь не допустилъ бы употребить во зло своего имени и принять на себя отвѣтственность въ гласной неправдѣ. Притомъ всѣмъ извѣстно, что, вопреки распространенному у насъ мнѣнію, С. Петербургскій Дворъ, самодержавный въ формѣ внутренняго правленія, всегда доказывалъ свою добросовѣстность при сношеніяхъ своихъ съ другими націями.

Разсматривая еще ближе причину нашихъ подозрѣній на Россію, мы безспорно найдемъ ее въ нашемъ убѣжденіи, что этой державѣ весьма полезно было бы овладѣть Турціею. Допустивъ такое предположеніе, мы легко извлечемъ изъ него правило. что какъ отдѣльныя лица, такъ и націи, дѣйствуютъ лишь по требованіямъ своихъ выгодъ, не обращая вниманія на вопросы о нравственности или справедливости. Этотъ взглядъ вдвойнѣ противорѣчитъ опыту. Во-первыхъ, выгодно ли для Россіи присоединить новое государство, новую враждебную породу. другую Польшу, вторую землю горскихъ народовъ, къ своей необъятной и уже столь разнородной въ своемъ составѣ имперіи? Есть ли въ Европѣ нація слабѣе Австріи? Самое бытіе Австріи держится на ниточкѣ, и слабость ея происходитъ именно отъ того. что она старается сосредоточить подъ своею властію покоренные народы. не имѣющіе между собою ничего общаго: венгровъ. славянъ. италіянцевъ и нѣмцевъ. Позволительно ли послѣ этого сомнѣваться. что присоединеніе Турціи къ Россійской Имперіи только увеличитъ замѣшательство и броженіе умовъ, уже существующее въ Венгріи. въ Валахіи, въ Молдавіи и Польшѣ? И такъ, можно ли не сознаться въ истинѣ, что новое завоеваніе будетъ для имперіи причиною внутренняго ослабленія, и нисколько не вознаградитъ за ребяческое самодовольство видѣть русскій флагъ развѣвающимся на Средиземномъ Морѣ. Это очень хорошо зналъ самъ Императоръ. когда, въ нотѣ отъ 20-го іюня (2-го іюля), Его министръ сказалъ, подкрѣпляя свои слова событіями: «Основнымъ началомъ

политикѣ нашего Августѣйшаго Повелителя всегда было сохраненіе, сколько возможно долѣе, настоящаго политическаго устройства (status quo) на Востокѣ. Онъ этого желалъ и продолжаетъ желать, потому что, окончательно, сего же требуетъ здраво понятый интересъ Россіи, достаточно обширной и не нуждающейся въ новыхъ пріобрѣтеніяхъ, потому что человѣческая прозорливость истощается въ тщетномъ изысканіи лучшихъ средствъ для восполненія въ политическомъ равновѣсіи той пустоты, которую оставило бы въ ономъ уничтоженіи Оттоманской Имперіи».

Знаю, что все сказанное мною до сихъ поръ о неосновательности нашихъ опасеній относительно Россіи ни мало не достигаетъ своей цѣли. Всякому наблюдателю человѣческой природы извѣстно, что человѣкъ труднѣе всего излечивается отъ подозрѣнія. Подозрѣніе, существо фантастическое и мечтательное, не принадлежитъ къ области разсудка, слѣдовательно ускользаетъ отъ его вліянія. Вы стараетесь уловить этотъ духъ или призракъ, но рука ничего не схватываетъ; тщетно гоняетесь вы за нимъ,—онъ смѣется надъ вашими усиліями. За нѣсколько лѣтъ я видѣлъ на одномъ изъ нашихъ мелкихъ столичныхъ театровъ какую-то комедію. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ піесы было представлено помѣшавшимся на странномъ предметѣ: ему вообразилось, что родственники его жены замыслили отрѣзать ему голову и запрятать въ мѣшокъ. Друзья напрасно старались убѣдить несчастнаго въ нелѣпости его опасеній. Вся ихъ логика не повела ни къ чему. Слыша разсужденія помѣшаннаго, внушаемаго какъ будто здравымъ разсудкомъ, родственники предвидѣли всѣ обстоятельства преступленія; время, мѣсто, предосторожности, ничто не было пренебрежено. Друзья были въ отчаяніи; но какъ всѣ эти обстоятельства существовали только въ воображеніи больнаго, сильно разстроенномъ, то они не имѣли никакихъ средствъ искоренить ихъ. И когда, наконецъ, помѣшанный показалъ имъ съ торжествующимъ видомъ мѣшокъ и ножъ, назначенные, разумѣется, для самаго невиннаго употребленія, но, по его мнѣнію, долженствовавшіе

ствовавшіе служить орудіями преступленія, когда, для вящшаго убѣжденія, предъявилъ билетъ сберегательной кассы въ пять фунтовъ стерлинговъ, главную, по его словамъ, причину его смерти, друзья, пожавъ плечами, удалились съ горестью, видя, что для такой болѣзни нѣтъ лекарства. Полагаю, что, къ несчастію, опасенія и подозрѣнія Англіи по предмету восточнаго вопроса принадлежатъ, большею частію, къ тому же разряду. Если бъ мы могли сорвать съ нашихъ глазъ повязку предубѣжденія, то увидѣли бы, что нѣтъ ни малѣйшаго основательнаго повода не довѣрять положительнымъ увѣреніямъ Россіи, что причина ея несогласій съ Турціею заключается единственно въ оскорбленіи православнаго исповѣданія, и что она требуетъ только удовлетворенія за прошедшее и обезпеченія въ недопущеніи впредь подобныхъ несправедливостей.

IV.

Англія не обязана поддерживать Турцію послѣ того, что Турція отказывается дѣйствовать по ея совѣтамъ.

Турецко-русскій вопросъ должно разсматривать и съ другой точки, по составленіи ноты вѣнской конференціи. И въ практическомъ отношеніи, эта точка есть единственная, достойная особеннаго вниманія, ибо, въ настоящую минуту, она показываетъ дѣйствительное положеніе спора, такъ какъ разногласія, существовавшія въ началѣ, были поглощены до нѣкоторой степени тѣми, которыя возникли въ послѣдствіи.

Составляя ноту и предлагая ее обѣимъ противнымъ сторонамъ, Франція и Англія объявили, что условія, въ ней заключавшіяся, могли и долженствовали быть приняты Турціею. Тѣмъ самымъ, слѣдовательно, допускали онѣ, что Турція, отказавшись принять ноту, или, что все равно, принимая оную съ существенными измѣненіями, была неправа съ своей стороны. И такъ, каковы бы ни были первоначальные предметы спора, Франція и Англія должны признать, что Турція, не воспользовавшись случаемъ къ

примиренію, на условіяхъ, которыя ея союзники признали уважительными и справедливыми, безспорно становилась виноватою, и что всякая война, которая будетъ слѣдствіемъ подобнаго поведенія, падетъ на нее одну, потому что она одна возбудила войну. Если же мы примемъ участіе въ этой войнѣ, то не избѣгнемъ упрека, что вдались въ величайшія опасности, въ разорительныя издержки, отъ которыхъ, говоря по совѣсти, мы могли бы и должны были бы удержаться, въ борьбѣ за государство, которое съ пренебреженіемъ отвергло справедливое и безобидное примиреніе. Не забудемъ также, что это примиреніе было признано такимъ не только со стороны двухъ посредническихъ державъ, чуждыхъ спора, но и нами самими, союзниками Турціи, которыхъ не остановили опасности, когда дѣло шло о ея поддержкѣ, и которые, столько же какъ и она, дорожатъ ея цѣлостію и независимостью.

Россія, возразятъ мнѣ, объявила, послѣ принятія ноты, что понимаетъ ее не такъ, какъ понимали Франція и Англія; на это скажу, что сіе объявленіе было отмѣнено обѣщаніемъ Императора, даннымъ въ Ольмюцѣ, принять ноту въ смыслѣ обѣихъ державъ, и что такимъ образомъ дѣло является въ своемъ первоначальномъ видѣ. Возразятъ, что Турція была совершенно независима въ своихъ дѣйствіяхъ, о чемъ безпрестанно твердили и объявляли Россіи правительства французское и англійское, и что, слѣдовательно, она имѣла право поступить съ вѣнскою нотою по своему усмотрѣнію. Не спорю. Но въ такомъ случаѣ невозможно не возвратить Франціи и Англіи полной свободы въ дѣйствіи, равно какъ и права поддерживать Турцію или не поддерживать, смотря по своимъ видамъ и выгодамъ. Если двѣ стороны находятся между собою въ такихъ отношеніяхъ, что одна изъ нихъ, по самому свойству своему, вольна дѣйствовать какъ ей вздумается, не обращая вниманія на мнѣніе другой, то весьма естественно, что и вторая сохраняетъ всю свою независимость.

Если, наконецъ, скажутъ, что мы не можемъ оставить, въ рѣшительную минуту, союзника, котораго такъ долго поддерживали, мы станемъ отвѣчать, что подобный случай

представляется ежедневно и нерѣдко повторяется во взаимныхъ сношеніяхъ частныхъ людей, равно какъ и въ сношеніяхъ между государствами. Два противника враждуютъ; друзья ихъ, послѣ нѣсколькихъ попытокъ примиренія, собираются наконецъ, по согласію обѣихъ сторонъ, составляютъ полюбовную сдѣлку, и предлагаютъ противникамъ. Если оба противника, или одинъ изъ нихъ, не согласятся, то услужливые пріятели объявляютъ свое порученіе конченнымъ и слагаютъ съ себя отвѣтственность.

Въ обыкновенной жизни это случается ежедневно. Такъ, на поединкѣ, когда, послѣ промаховъ съ обѣихъ сторонъ, тотъ или другой противникъ не согласится признать себя удовлетвореннымъ, секундантъ отказывается отъ дальнѣйшаго участія въ спорѣ, потому что его сторона не хочетъ подчиниться его приговору, ни слушаться его совѣтовъ. Нелѣпо было бы предполагать, что константинопольскій трактатъ, или другое позднѣйшее соглашеніе между Портою и Дворами французскимъ и англійскимъ, могъ до такой степени касаться чести сихъ двухъ державъ, чтобъ заставлялъ ихъ поддерживать Турцію во всякой борьбѣ съ Россіею, какъ бы она ни была несправедлива. До сихъ поръ онѣ поддерживали Турцію въ томъ предположеніи, что это государство будетъ дѣйствовать въ отношеніи къ своимъ союзникамъ благоразумно и добросовѣстно, и что поведеніе Порты будетъ согласоваться съ ихъ совѣтами, или, по крайней мѣрѣ, не будетъ имъ противорѣчить. Въ противномъ случаѣ, мы безвозвратно были бы приведены къ тому ложному заключенію, что должно поддерживать Турцію во всякой войнѣ, предпринятой ею на зло нашимъ увѣщаніямъ и даже противъ нашей воли. Но Франція и Англія не только не обязаны трактатами и не принуждены требованіями чести долѣе поддерживать Турцію, а, скажу прямо, онѣ *поступили бы безчестно*, еслибъ стали помогать ей. Что бы ни говорили, обѣ сіи державы навлекутъ на себя нареканіе въ нравственномъ смыслѣ, поддерживая Порту въ войнѣ, отъ которой она, по ихъ собственнымъ же словамъ, могла и должна была бы уклониться. Это значило бы, другими словами, вступаться за

того, кто неправъ въ дѣлѣ весьма важномъ, если не во всѣхъ случаяхъ; это значило бы поощрять и возбуждать закоснѣлыя и строптивыя страсти, и народъ, провозглашающій желаніе и обязанность свою поддерживать миръ, безспорно поступилъ бы въ этомъ случаѣ вопреки законамъ справедливости.

Франціи и Англіи тѣмъ неприличнѣе дѣйствовать теперь такимъ образомъ въ отношеніи къ Россіи, что эта держава приняла предложенныя ей условія мира. Она имѣетъ, слѣдственно, неоспоримое право вѣрить, что оба Кабинета, составившіе сіи условія по зрѣломъ и свободномъ ихъ обсужденіи, признали ихъ справедливыми, и будутъ поступать въ этомъ смыслѣ. Развѣ Франція и Англія не утверждали постоянно, съ самаго начала разногласія, что стараются единственно о соблюденіи справедливости? Не должна ли была и Россія вѣрить вполнѣ, что онѣ до конца будутъ поддерживать то, что сами признали основаннымъ на правѣ?..

Возразятъ, что эти державы предоставили себѣ право избрать такой способъ дѣйствія, какой онѣ признаютъ приличнымъ, еслибъ переговоры ихъ не имѣли успѣха. Соглашаюсь: онѣ, конечно, имѣютъ право поступать такимъ образомъ по существующему между ними условію; но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ возглашать на весь міръ о справедливости, о добросовѣстности и объ умѣренности?

Правда, можно еще возразить, что актъ, составленный ими, послѣдовалъ по сужденію третейскаго суда (compromis), а не есть какое либо законное постановленіе. Но между тѣмъ и другимъ нѣтъ никакой разницы. Кто согласился на рѣшеніе дѣла третейскимъ судомъ, тотъ долженъ ему подвергнуться безусловно; здѣсь нѣтъ надобности знать, доволенъ ли онъ имъ или нѣтъ.

Наконецъ утверждаютъ, что, на основаніи здравой политики, мы не можемъ оставить Турціи одной въ борьбѣ съ Россіею, потому что она неминуемо сдѣлается добычею этой державы. Охотно соглашаюсь, что подобное событіе важно, и, если угодно, достойно сожалѣнія, но остаюсь при прежнемъ мнѣніи, и прошу обратить особенное вниманіе

на мой доводъ, что этого несчастія можно было бы избѣгнуть гораздо вѣрнѣе, и цѣлость Оттоманской имперіи была бы сохранена гораздо дѣйствительнѣе, если бъ Франція, Англія и Австрія, соблюдая благородную осторожность, вступились дѣятельно и энергически въ случаѣ постояннаго занятія русскими войсками турецкихъ провинцій, а не вмѣшивались преждевременно въ простое разногласіе относительно формы договора. Неужели всякая нація, воюющая съ другою, за вопросъ, подобный вопросу о Святыхъ Мѣстахъ, должна непремѣнно, по одной этой причинѣ, имѣть въ виду пріобрѣтеніе земель? Трудно, по моему мнѣнію, допустить такое заключеніе. Притомъ очевидно, что еслибъ Франція, Англія и Австрія обнаружили свою готовность дѣйствовать, въ случаѣ постояннаго занятія турецкихъ областей, рѣшительно, а не торопливо, прежде времени, то это было бы уже достаточною причиною къ предупрежденію подобнаго события.

Россія, по своимъ трактатамъ, столько же обязана охранять и защищать Турцію передъ другими державами, сколько сіи державы обязаны покровительствовать ей въ отношеніи къ Россіи. С.-Петербургскій Дворъ постоянно увѣрялъ, что во всемъ этомъ дѣлѣ желалъ только придать болѣе силы и дѣйствительности своему требованію письменнаго документа, который служилъ бы удовлетвореніемъ за оскорбленія, нанесенныя ему по вопросу о Святыхъ Мѣстахъ. Прочія державы признали, въ своей вѣнской нотѣ, законность этого требованія, и согласились, что Турція должна исполнить оное тѣмъ или другимъ образомъ. Предоставьте же теперь Россіи исторгнуть у Порты силою оружія то, чего не могла получить отъ нея убѣжденіями дипломація англо-французская, съ условіемъ, разумѣется, чтобы первая не требовала ничего болѣе. Намъ скажутъ, что вмѣшательство союзныхъ державъ будетъ запоздалое, когда турецкія арміи будутъ разбиты, а мы отвѣчаемъ, что нечего бросаться, очертя голову, въ войну за цѣлость Турецкой имперіи заранѣе, доколѣ еще не угрожаетъ ей опасность, и оттоманскія области еще не заняты русскими войсками окончательно. Въ послѣднюю войну, кончившуюся

въ 1829 году совершеннымъ пораженіемъ турецкихъ армій и вступленіемъ русскихъ въ Адріанополь, Порта обращалась за совѣтами къ посланникамъ французскому и англійскому: они совѣтовали ей поручить себя великодушію россійскаго Императора, во власти котораго находилась тогда Турція. Порта послушалась, и не имѣла причинъ жаловаться ни на какую уступку, несовмѣстную съ ея существованіемъ.

Скажемъ въ заключеніе, что ни Франція, ни Англія не могутъ принимать на себя обязанности долѣе поддерживать Турцію, точно такъ же, какъ человѣкъ не можетъ долѣе вступаться и драться за другаго въ ссорѣ, которую тотъ затѣялъ на зло его совѣтамъ, и изъ недовѣрчивости къ миролюбію своего защитника. Это еще извинительно въ первую минуту раздора, прежде нежели прекратится работа въ нашихъ мастерскихъ, остановится торговля и обрушатся на насъ самые тяжкіе налоги во всѣхъ видахъ; но сколько времени, полагаете вы, англійскій народъ можетъ нести обременительныя издержки войны, въ которую онъ будетъ вовлеченъ по милости своего упрямаго союзника?

V.

НЕВЫГОДЫ, ПРОИЗВЕДЕННЫЯ ВОЙНОЮ, ЗНАЧИТЕЛЬНѢЕ И ОЧЕВИДНѢЕ ЗАТРУДНЕНІЙ ОТЪ НАРУШЕНІЯ ПОЛИТИЧЕСКАГО РАВНОВѢСІЯ, ИЛИ НОВЫХЪ ОПАСНОСТЕЙ, КОТОРЫЯ БУДУТЪ УГРОЖАТЬ НАШЕМУ ВЛАДЫЧЕСТВУ ВЪ ИНДІИ.

Теперь приступимъ къ разсмотрѣнію послѣдней стороны вопроса, разумѣю—того политическаго пути, которымъ должны идти Франція и Англія въ турецко-русскомъ спорѣ. Предъидущія изслѣдованія показали, что Россія дѣйствуетъ по праву, то есть, что несправедливость въ поступкахъ не на ея сторонѣ. Это обстоятельство весьма важно. До сихъ поръ Франція и Англія руководствовались, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ въ пользу Турціи, предположеніемъ, что Россія поступала въ отношеніи къ Портѣ насильственно, въ духѣ, исключавшемъ всякое примиреніе; но есть еще другая точка зрѣнія, которую многіе практическіе умы найдутъ важ-

нѣе. Я разумѣю то, какое направленіе должна избрать въ семъ дѣлѣ политика Англіи и Франціи, который изъ двухъ предлежащихъ имъ путей укажутъ имъ благоразуміе и собственная ихъ польза. Есть люди, которые доказываютъ, что гораздо нужнѣе руководствоваться указаніями собственной нашей пользы, нежели требованіями справедливости. Тѣ, которые утверждаютъ, что здравая политика повелѣваетъ Англіи поддерживать Турцію, положили себѣ за основаніе мысль, будто всякая настойчивость Россіи есть только слѣдствіе обширной завоевательной системы. Имъ уже мерещится, что русскій царь возсѣдаетъ на обломкахъ престола султановъ, и они заключаютъ изъ сего, что подобное событіе уничтожило бы политическое равновѣсіе, угрожало бы Европѣ. и было бы опасно для нашихъ владѣній въ Индіи.

Станемъ отвѣчать на первый предметъ. Не буду касаться, признаннаго всѣми, государственнаго начала необходимости европейскаго равновѣсія; но не могу не замѣтить, что чѣмъ болѣе дипломаты будутъ стараться о сохраненіи этого важнаго правила въ предѣлахъ своихъ кабинетовъ, и не открывать тайны депешей, въ которыхъ говорится о равновѣсіи, тѣмъ большія услуги окажутъ они обществу, потому что, еслибъ когда нибудь явилась необходимость поддержать эту теорію войною, другими словами, если бы когда нибудь пришлось Англіи подвергнуться всѣмъ лишеніямъ для поддержки этого тяжкаго и неопредѣленнаго правила, вы увидѣли бъ, что она не оставила бы въ покоѣ самой теоріи равновѣсія и, въ заключеніе, формально опровергла бы ее совершенно. Но допустимъ необходимость и важность аксіомы относительно сохраненія политическаго равновѣсія между главными державами Европы; все же должно назначить ему извѣстные предѣлы въ примѣненіи и извѣстныя условія, коль скоро примѣненіе допущено.

Прежде всего согласимся въ той истинѣ, что ни одинъ народъ не можетъ, по причинамъ исключительно умозрительнымъ, поддерживать другаго въ его спорахъ. Этотъ доводъ, имѣющій силу между лицами частными, тѣмъ болѣе долженъ господствовать между націями. Слѣдовательно,

опредѣленіе, о которомъ идетъ рѣчь, должно быть основано на *собственной пользѣ*, то есть на защитѣ каждаго отдѣльнаго лица совокупными силами *всѣхъ*. На такомъ основаніи всякая нація дѣлаетъ договоры, смотря по своимъ выгодамъ и по соображеніямъ своего правительства. То же встрѣчается и въ настоящемъ случаѣ: между тѣмъ, какъ Франція и Англія, имѣющія, по географическому своему положенію и по могуществу своему, менѣе нежели другія, причинъ опасаться усиленія Россіи, заключаютъ тѣсный союзъ для поддержанія европейскаго равновѣсія, Австрія выжидаетъ, колеблется, а Пруссія сохраняетъ строгій нейтралитетъ. Прочія державы Европы—Саксонія, Баварія, Швеція и Данія—также не чуждыя вопроса объ усиленіи Россіи, остаются праздными зрительницами спора. Стало быть, каждое государство дѣйствуетъ, для сохраненія политическаго равновѣсія, единственно сообразуясь съ обстоятельствами и своими выгодами. Очевидно, что должно съ крайнею осторожностью поступать въ подобномъ случаѣ, чтобы не подвергнуться опасностямъ войны, которая стоила бы многихъ сотъ милліоновъ, тогда какъ дѣло нимало не касается нашихъ собственныхъ выгодъ. Мы не стали бы распространяться о столь положительной истинѣ, еслибъ у насъ не было многихъ, которые вѣрятъ и допускаютъ, какъ вещь самую обыкновенную, что мы должны обнажать мечъ за всякій народъ, который полагаетъ, что на него нападаютъ.

Не забудемъ же, что коль скоро окажется необходимость поддержать политическое равновѣсіе оружіемъ, первый вопросъ долженъ быть слѣдующій: угрожаетъ ли политическому равновѣсію такая опасность, которая могла бы причинить намъ чувствительный вредъ, и нельзя ли поддержать онаго другими средствами?

Здѣсь мы еще разъ должны напомнить читателямъ о томъ, что уже было говорено (1), а именно, что независимости Турціи грозитъ точно такая опасность, какая угрожала бы самобытности всякой другой націи, которая оскор-

---

(1) См. предъидущую главу.

била сосѣдственное государство, и у которой сіе послѣднее потребовало легкаго удовлетворенія и обезпеченія въ будущемъ. Чего же хочетъ Россія въ настоящемъ случаѣ? Она требуетъ единственно, чтобъ мусульманская Турція дала ей, въ извѣстныхъ предѣлахъ, средства вступаться за православныхъ христіанскихъ подданныхъ султана. Это то же самое, чего уже требовали и что получили многія христіанскія націи. Притомъ извѣстно, что если требованія Россіи были слишкомъ велики въ началѣ, то духъ миролюбія, обнаруженный ею впослѣдствіи, достаточно доказалъ ея добросовѣстность: Россія до пяти разъ измѣняла и уменьшала свои требованія, согласилась на посредничество четырехъ державъ, заранѣе приняла ихъ условія, и наконецъ опредѣлила въ Ольмюцѣ сіи условія въ томъ смыслѣ, который давали имъ Франція и Англія. Если, послѣ этого, независимости Турціи уже не грозитъ опасность, то не только можно, но и должно уклониться отъ войны, а еслибъ война возникла вопреки справедливости, то всякъ согласится, что она столько же безполезна по своей цѣли, сколько не оправдываема передъ судомъ права и справедливости.

Слѣдуетъ второй вопросъ: угрожаетъ ли опасность равновѣсію власти въ такой степени, что, дѣйствительно, касается выгодъ націи, которая берется за оружіе на защиту сего равновѣсія, и вредъ, причиняемый опасностями и бѣдствіями подобныхъ смутъ, дѣйствительно ли больше того, который произошелъ бы отъ войны?

Люди, настоятельно требующіе мѣръ сильныхъ и даже воинственныхъ въ пользу Турціи, поютъ одну и ту же пѣсню: опасности, которымъ могутъ подвергнуться наши владѣнія въ Индіи, утрата нашей торговли съ Портою и нарушеніе европейскаго равновѣсія; но они забываютъ, что бѣдствія, которыхъ они страшатся, могутъ легко произойти и отъ средствъ, ими предлагаемыхъ, и что такимъ образомъ они предоставляютъ намъ только выборъ изъ двухъ золъ: зло, которымъ они угрожаютъ намъ, и зло отъ войны, которой они желаютъ. Если Турція будетъ присоединена къ Россіи, какая разница произойдетъ отъ

того для Франціи и для Англіи? Еслибы Россія была, относительно къ первой, въ такомъ же положеніи, какъ Австрія, то есть, еслибы одна сторона владѣній одной изъ двухъ націй лежала подлѣ другой, еслибъ обѣ были въ постоянномъ соперничествѣ, какъ Франція и Австрія, за Италію, и еслибъ, сверхъ того, Турція была смежна съ обѣими державами, то легко было бы понять, что причины основательной зависти могли бы вооружить Францію въ случаѣ возможности присоединенія Оттоманской Порты къ Россіи. Но какъ обѣ націи занимаютъ противоположныя оконечности Европы, какъ между ними находятся многіе болѣе или менѣе сильные и воинственные народы, которые всѣ имѣютъ причины опасаться Россіи, то трудно себѣ вообразить, какія дѣйствительныя опасенія можетъ причинить французскому правительству увеличеніе сей послѣдней державы. Что же касается до Англіи, то, по самому ея исключительному положенію на острову, опасенія становятся еще безразсуднѣе. Государства сопредѣльныя Россіи, Пруссія и Австрія, и по своему положенію, и по военнымъ своимъ силамъ, развѣ не могутъ быть надежнымъ оплотомъ для безопасности Европы? И если сіи державы, въ самомъ дѣлѣ, не имѣютъ средствъ охранить Европу, то въ состояніи ли выполнить эту обязанность Англія и Франція? Если Пруссія и Австрія не хотятъ быть стражами, должны ли мы принять на себя эту должность? Если онѣ не боятся распространенія предѣловъ Россіи, намъ ли того опасаться? Усиленіе могущества Россіи есть вопросъ существенный для Европы средней и восточной, но отнюдь не для западныхъ государствъ. Въ противномъ случаѣ, намъ слѣдовало бы не дозволять знамени, усѣянному звѣздами (американскому), утвердиться въ Техасѣ, точно такъ же, какъ и двуглавому орлу парить надъ Молдавіей. Но главная опасность, отвѣчаютъ намъ, состоитъ въ томъ, что Россія, овладѣвъ Чернымъ моремъ и Дарданеллами, будетъ страшна своимъ флотомъ въ Средиземномъ морѣ. Неужели, не шутя, хотятъ обязать насъ объявлять войну всякой націи, усилившей свои морскія силы, на какой бы то ни было мѣстности земнаго шара? Если такъ, то намъ много

было бы дѣла, и, прежде всего, надлежало бы начать съ Франціи и съ Соединенныхъ Штатовъ. Завоеваніемъ и постепеннымъ распространеніемъ своей власти въ Алжиріи, чрезвычайнымъ развитіемъ своихъ морскихъ силъ, Франція уже давно достигла на Средиземномъ морѣ той грозной степени могущества, на которой мы страшимся видѣть Россію. Такъ поспѣшимъ же объявить войну первой: поразивъ ее, мы еще успѣемъ обратить оружіе противъ послѣдней.

Справедливо ли, что обладаніе Турціею будетъ, какъ утверждаютъ, безпрерывно угрожать опасностью нашему владычеству въ Индіи?

Потрудитесь взглянуть на карту, и вы увидите, что нынѣшнія владѣнія Россіи въ Азіи гораздо ближе къ Индіи, нежели какая-либо изъ областей Турціи. Въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ, почему Россіи легче будетъ добраться до Индіи послѣ завоеванія Турціи, а не теперь. Притомъ безчисленное множество племенъ, разнородныхъ по вѣроисповѣданію, по нравамъ, по духу, огромное протяженіе границъ, всѣ сіи неизбѣжныя слѣдствія присоединенія Турецкой имперіи къ Россійской могли бы удовлетворить самое ненасытное честолюбіе, и тогда некогда было бы думать объ Индіи.

Единственная опасность, которой дѣйствительно можно было бы страшиться, еслибъ русскіе утвердились въ Турціи, есть опасность для нашихъ заморскихъ сообщеній. Но и эта случайность является только при помощи мечтательныхъ догадокъ о безпредѣльныхъ завоеваніяхъ. Надлежало бы допустить, что Россія, овладѣвъ Константинополемъ, разомъ перешагнетъ въ Египетъ, что это завоеваніе произойдетъ безъ выстрѣла, и что, одержавъ поверхность на сушѣ и на морѣ, она проглотитъ разомъ всѣ британскіе флоты, гдѣ бы они съ нею ни сразились. И въ этомъ случаѣ, что могло бы произойти? Была бы прервана часть, и неважная часть нашихъ почтовыхъ сообщеній, т. е. перевозъ писемъ и легкихъ посылокъ и проѣздъ путешественниковъ. Но, предположимъ, чтобъ и осуществились эти баснословныя обстоятельства, я не вижу большаго не-

счастія въ томъ, что торговля англійской націи обратится на прежній путь, вокругъ мыса Доброй Надежды, особенно нынѣ, по облегченіи пароходствомъ всѣхъ морскихъ сообщеній.

Что касается до нашей торговли съ Турціею, очевидно, что, въ случаѣ присоединенія ея къ Россіи, торговля эта продолжалась бы точно такъ, какъ происходитъ нынѣ со всѣми прочими провинціями Россіи. И еслибъ намъ возразили, что турецкій тарифъ намъ благопріятнѣе русскаго, неужели можно, въ простодушіи нашемъ, думать, чтобъ разность, могущая произойти отъ того, могла войти въ малѣйшее сравненіе съ несмѣтными капиталами, которые были бы поглощены войною?

Наконецъ, насъ увѣряютъ, что всѣ эти непріятныя послѣдствія завоеванія Турціи съ теченіемъ времени будутъ возрастать и умножаться, и что если они въ отдѣльности не кажутся слишкомъ важными, то, взятыя въ совокупности, довольно значительны, и оправдаютъ войну. Но и бѣдствія, причиненныя войною, равномѣрно возрастаютъ съ продолженіемъ ея, и, слѣдственно, намъ остается избирать одно изъ двухъ золъ.

Первымъ тяжелымъ послѣдствіемъ войны, безспорно, будутъ сопряженныя съ нею издержки. Послѣдняя, выдержанная нами война стоила намъ около пяти сотъ милліоновъ фунт. ст. Неудивительно было бы, еслибъ предстоящая обошлась намъ въ двѣсти и въ триста тысячъ дороже. Если Россія нападетъ на владѣнія наши въ Индіи, а весьма вѣроятно, что она это сдѣлаетъ, разореніе наше неизбѣжно, ибо, по количеству издержекъ на войну, ведомую нами тамъ въ небольшомъ размѣрѣ, можемъ разсчитать, чего стоило бы отправленіе и содержаніе силъ, достаточныхъ для сопротивленія войску европейскому. Издержки эти, въ самомъ дѣлѣ, были бы несмѣтны.

Положимъ, сверхъ того, что въ два, въ три первые мѣсяца пребыванія въ Черномъ морѣ, нашъ флотъ, по наступленіи благопріятной погоды, подниметъ на воздухъ всѣ русскіе корабли, какъ пустые орѣхи, и сожжетъ всѣ русскіе порты. А послѣ этого блистательнаго подвига, ему

придется сложить руки. Россія же будетъ смѣяться этимъ потерямъ, казистымъ, но не чувствительнымъ, потому что, по недостаточному еще развитію ея коммерціи, она не понесетъ отъ этой потери существеннаго ущерба. Англія не могла собрать болѣе пятидесяти тысячъ человѣкъ войска, для отправленія въ Португалію и Испанію (въ 1808 г.): что сдѣлаетъ она нынѣ съ такимъ малымъ числомъ? Вѣроятно, она прибѣгнетъ къ старинной системѣ субсидій (денежныхъ пособій союзникамъ), и станетъ платить Турціи, Австріи, Пруссіи, то есть войска этихъ державъ будутъ ждать подъ ружьемъ привоза англійскихъ денегъ до выступленія въ походъ и до принятія участія въ войнѣ, въ которой они будутъ сражаться, на самомъ дѣлѣ, только за собственное свое дѣло и изъ личной своей пользы. Къ тому же, начавъ однажды войну, мы будемъ принуждены продолжать ее, не смотря ни на какія пожертвованія, изъ опасенія, чтобъ наши подвиги и издержки не пропали даромъ, и чтобъ турки не начали вновь жаловаться на измѣну и на трусость нашу.

Второе бѣдствіе, которымъ грозитъ намъ война, такъ очевидно, что я не имѣю надобности о немъ распространяться: оно заключается въ остановкѣ всѣхъ торговыхъ предпріятій, раззореніи и обѣднѣніи нашихъ фабричныхъ округовъ, въ непредвидѣнныхъ тратахъ и во всѣхъ раззорительныхъ случайностяхъ, которыя неминуемо слѣдуютъ за гибелью коммерціи во всякой войнѣ.

Третьимъ бѣдствіемъ была бы опасность, которая угрожала бы нашимъ владѣніямъ въ Индіи, и въ этотъ разъ опасность сія была бы существенная. Какъ во всякой полуобразованной землѣ, опасность эта произошла бы отъ неминуемаго желанія народа свергнуть чужеземное иго. И такъ, нѣтъ сомнѣнія, что появленіе русской арміи въ сѣверной части Индіи подастъ знакъ къ возстанію эмирамъ Синда, Белуджамъ, народамъ Кабула и воинственнымъ племенамъ сѣвера Индіи. Война есть ихъ естественное состояніе, и особенно привлекательна для нихъ будетъ война съ нами, англичанами, бывшими ихъ властителями. Не станемъ болѣе толковать объ этой опасности, которая еще

недавно была изложена очень умно въ первомъ журналѣ нашего времени, а эта опасность самая важная и страшная изъ всѣхъ, которыя грозятъ намъ.

Четвертымъ и послѣднимъ бѣдствіемъ, причиненнымъ войною, было бы замедленіе гражданскихъ успѣховъ Англіи, которыхъ ни правительство, ни народъ не могли бы продолжать среди опасностей и случайностей битвъ. Возможность войны съ Россіею, боязнь и изступленіе, бывшія неминуемыми спутниками сей возможности, уже заставили отсрочить разсмотрѣніе многихъ важныхъ законовъ, между прочимъ и о народномъ просвѣщеніи. Что жь будетъ, когда война возгорится? Доказано опытомъ, и я уже упомянулъ о томъ, что во время войны успѣхи законодательства замедляются. Въ концѣ 1814 года прошли въ парламентѣ 74 рѣшенія, и большая часть изъ нихъ касалась предметовъ не важныхъ по дѣламъ гражданскимъ, а 31 были по военному министерству, 11 о пенсіонахъ, 6 о курсѣ монеты, 19 о доходахъ, 19 о таможняхъ и одно о субсидіяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и нынѣ оказалось бы то же самое: вся сила, всѣ способы правительства и народа были бы обращены на выигрышъ или потерю сраженій безплодныхъ и безполезныхъ.

Исчислимъ, въ заключеніе, доводы этой послѣдней части. По мнѣнію людей, желающихъ увлечь насъ въ войну противъ Россіи въ пользу Порты, мы должны выбирать изъ двухъ золъ одно: съ одной стороны, войну, а съ другой, по ихъ мнѣнію, расторженіе политическаго перевѣса и открытіе Россіи новаго пути въ Индію.

Но бѣдствія войны, скажемъ мы, вѣрны и неотвратимы. Они требуютъ расходовъ дѣйствительныхъ, ощутительныхъ, неизбѣжныхъ, слѣдственно непосредственнаго усиленія податей. Потери и опасности промышленности и торговли не менѣе очевидны. Важныя и неизбѣжныя затрудненія въ Индіи, не говоря уже ни о чемъ иномъ, равномѣрно неоспоримы, и наконецъ мы доказали, что успѣхи націи на политическомъ поприщѣ, и самые полезные, будутъ пренебрежены и остановлены въ своемъ движеніи.

Съ другой стороны, если Турція дѣйствительно поко-

рена будетъ Россіею, нельзя еще съ точностью рѣшить, какой вредъ существенный и истинный произойдетъ отъ того для Франціи и Англіи, каковы бы ни были послѣдствія сего завоеванія для державъ восточной Европы. Русскій флотъ въ Средиземномъ морѣ породилъ бы для насъ не болѣе затрудненія, какъ флотъ французскій.

Притомъ, если Турція, отринувъ совѣты своихъ друзей и, отказавшись имъ покориться, сама захочетъ рѣшить свой споръ съ Россіею, еще не доказано, чтобъ она уплатила за свое упрямство потерею части своихъ владѣній. Россія очень часто повторяла, что не ищетъ никакихъ завоеваній, и мы видѣли, что она такъ и поступила при окончаніи войны 1829 года. Ясно, что если другія державы требуютъ у нея теперь обезпеченій, сообразныхъ съ существующими трактатами, она дастъ ихъ равномѣрно, и если они примутъ мѣры для того, чтобъ убѣдить турокъ въ искренности сихъ увѣреній, то Россія, съ своей стороны, конечно, еще болѣе расположена будетъ къ умѣренности и справедливости, нежели въ 1829 году.

Не должно забывать, наконецъ, что если бѣдствія войны вѣрны и неизбѣжны, то они гораздо сильнѣе и пагубнѣе всѣхъ другихъ золъ. Итакъ, каковы бы ни были возгласы и соучастіе публики въ пользу Турціи и ученія о политическомъ равновѣсіи, и какъ ни легкомысленно разсчитываютъ нынѣ издержки и потери, которыхъ непремѣнно потребуетъ война, будемъ увѣрены, что весь этотъ искусственный энтузіазмъ не переживетъ сомнительныхъ побѣдъ или слишкомъ существенныхъ пораженій, за которыми въ слѣдъ потянется длинный рядъ тягостныхъ налоговъ, возвышающихъ цѣны всѣхъ потребностей. Война американская и послѣдняя война съ Франціею были очень популярны въ своемъ началѣ, но, увы! мы знаемъ, какими глазами смотрѣла на нихъ публика впослѣдствіи, и какое сужденіе произнесено о нихъ потомствомъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Составляя сію книжку, я имѣлъ цѣлію доказать, что

Россія права совершенно, и выставить турецко-русскій вопросъ во всей ясности и съ такой стороны, съ какой еще никогда не смотрѣли на него въ Англіи.

При томъ старался я доказать:

1) Что причина сего спора и теперь та же самая, которая существовала въ началѣ его, и что отвѣтственность въ немъ нимало не падаетъ на Россію;

2) что сія держава, требуя права на покровительство надъ лицами одного христіанскаго исповѣданія въ Турціи, настаивая на семъ требованіи и даже употребляя угрозы для достиженія онаго, сдѣлала только то, что дѣлали Австрія, Пруссія и особенно Англія, и что она была принуждена дѣйствовать такимъ образомъ для огражденія своего политическаго вліянія, которому угрожали недавнія уступки, пріобрѣтенныя другими державами въ пользу иныхъ христіанскихъ исповѣданій;

3) что опасенія, будто Россійскій Императоръ подъ симъ предлогомъ намѣревается распространить свои владѣнія въ ущербъ Портѣ, были неосновательны, и что единственною причиною разгноласія въ самомъ дѣлѣ были, какъ утверждаетъ Россія, притѣсненія, претерпѣваемыя греческимъ исповѣданіемъ въ дѣлѣ о Святыхъ Мѣстахъ, и оскорбленіе, которымъ она подверглась, когда требовала устраненія сихъ притѣсненій;

4) что, каково бы ни было свойство вопроса до отказа Порты принять ноту, составленную вѣнскою конференціею, и условій, которыя Франція и Англія признали справедливыми и долженствующими быть принятыми ею, со времени этого отказа сіи двѣ державы отнюдь не обязаны поддерживать Порту и воевать въ ея пользу, и, наконецъ,

5) что по правиламъ благоразумной политики, онѣ должны удерживаться отъ войны, ибо неизбѣжныя затрудненія и бѣдствія, которыя подобная война повлечетъ за собою, въ тысячу разъ важнѣе и вѣрнѣе, нежели всѣ тѣ неудобства, которыя могли бы произойти для Франціи и Англіи отъ воображаемаго завоеванія Турціи и отъ мнимаго пути въ Индію, который это завоеваніе открыло бы

русскимъ, обладающимъ уже удобнѣйшимъ туда путемъ, если они дѣйствительно вздумаютъ достигнуть сей цѣли.

Вотъ, по моему мнѣнію, самые видные пункты вопроса, пункты, въ которыхъ заключается завязка и сущность его. Если я, при разсмотрѣніи его, уклонился въ чемъ-либо отъ нынѣшняго или прежняго мнѣнія лицъ, которыхъ считаю моими политическими начальниками, сожалѣю о томъ, но я былъ увлеченъ къ тому искреннимъ правдолюбіемъ и пламеннымъ желаніемъ обнаружить истину. Во всякомъ случаѣ утѣшаюсь мыслію, что это сочиненіе, какъ бы слабо оно ни было, стремится однако къ той самой цѣли, которой и онѣ стараются достигнуть, т. е. къ сохраненію мира. Наконецъ, еслибъ эти строки, плодъ искренняго убѣжденія, обнародованныя въ формѣ общепонятной, успѣли способствовать къ исправленію и ускромненію преувеличенныхъ мнѣній, распространенныхъ въ публикѣ о турецко-русскомъ вопросѣ, и могущихъ, по моему понятію, имѣть самое пагубное вліяніе на выгоды моего отечества, еслибъ я успѣлъ образумить моихъ соотчичей въ ихъ сужденіяхъ, я былъ бы вполнѣ вознагражденъ за труды мои достиженіемъ сей важной цѣли (1).

Дж. Мозели, В. С. Г. (2)

Крестъ и полумѣсяцъ.

(The Cross. and Crescent London, 1854) (3).

Едва успѣли мы, говоритъ редакція «Сѣверной пчелы», отдать отчетъ объ англійскомъ сочиненіи въ защиту правъ Россіи по восточному вопросу (4), какъ новая брошюра, написанная въ Англіи же, и въ смыслѣ не менѣе благопріятномъ русскому правительству, обратила на себя наше

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 25, 26 и 27. Тоже „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1854 № 26—29. Тоже „Русскій Инвалидъ“ 1854 № 28—34.

(2) Bachelor of Civil Law (Баккалавръ Гражданскаго Права).

(3) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 80. „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1854 г. № 76.

(4) См. выше напечатанную статью.

вниманіе. Поспѣшаемъ познакомить съ нею нашихъ читателей, радуясь, что общественное мнѣніе въ Англіи начинаетъ проясняться и что сочиненія, вступающіяся за дѣло Россіи, быстро достигаютъ тамъ нѣсколькихъ изданій. Авторъ разсматриваетъ восточный вопросъ съ двухъ сторонъ—религіозной и политической. Онъ доказываетъ убѣдительно, что сіи двѣ стороны тѣсно связаны между собою, или, вѣрнѣе, что онѣ составляютъ только одну сторону, и что причина ложнаго пути, избраннаго западною политикою въ этомъ спорѣ, происходитъ отъ того, что европейцы не имѣютъ понятія о религіозномъ бытѣ Востока. Въ доказательство тѣсной связи и религіознаго сочувствія Россіи къ православному населенію Турціи и Греціи, авторъ представляетъ бѣглый, но вѣрный очеркъ дѣйствительныхъ сношеній между обоими государствами, съ самыхъ отдаленныхъ временъ до настоящаго. Этотъ перечень, хорошо извѣстный русскимъ читателямъ, и потому не требующій повторенія, оканчивается любопытнымъ подлиннымъ свидѣтельствомъ французскаго миссіонера Браконни (Braconnie), умершаго въ 1716 году. По словамъ миссіонера, очевидца описываемыхъ событій, турки еще въ то время (въ войнѣ 1711 года) горько упрекали грековъ за пламенную приверженность ихъ къ русскимъ и за обнаруженіе къ нимъ своего сочувствія, лишь только вспыхнула война.

Обращаясь къ вопросу объ уступкахъ, требованныхъ княземъ Меншиковымъ, авторъ доказываетъ, что кругъ, въ которомъ онѣ заключались, гораздо тѣснѣе, нежели какъ старались представить его публикѣ. Онъ объясняетъ, по оффиціальнымъ документамъ римскаго Двора, 1) что многіе христіане, причисляемые обыкновенно, подъ общимъ названіемъ, къ восточной церкви, составляютъ отдѣльныя секты, слѣдовательно нимало не причастны къ требованному покровительству; 2) что члены римской церкви на Востокѣ составляютъ многочисленное сословіе, и что самое раздѣленіе его на четыре патріархіи и семь епархій, указываетъ на обширность онаго, и что, слѣдовательно, всякое покровительство въ пользу католиковъ, существую-

щее на дѣлѣ, столько же важно, какъ и то, котораго стали бы требовать для церкви греческой.

Авторъ подкрѣпляетъ этотъ выводъ весьма справедливою характеристикою греческой церкви, которая, говоритъ онъ, желаетъ единственно жить въ мирѣ, никогда не вмѣшиваясь въ политику. Зачѣмъ же противодѣйствовать, продолжаетъ авторъ, покровительству чисто религіозному, въ пользу христіанской церкви на Востокѣ, самой уничиженной, самой угнетенной изъ всѣхъ церквей на земномъ шарѣ? Зачѣмъ возбуждать необузданныя страсти противъ благочестивой политики монарха, который доказалъ почти тридцатилѣтнимъ царствованіемъ, что приверженность его къ вѣрѣ отцевъ есть плодъ самаго искренняго и пламеннаго убѣжденія? Всему міру извѣстно, прибавляетъ авторъ, то политическое вліяніе, котораго всегда домогался католицизмъ. Его вѣчныя распри со свѣтскою властью служатъ тому доказательствомъ, а между тѣмъ никто не проповѣдывалъ крестоваго похода противъ французскихъ посланниковъ на Востокѣ, для которыхъ покровительство католикамъ было верховною политическою властію, громко провозглашаемою со стороны Франціи. Это покровительство было столь тяжко для Порты, что султанъ фирманомъ запретилъ латинамъ обращать грековъ въ католическую вѣру, а грекамъ переходить въ латинскую церковь; но, по внушенію аббата Фромажа, французскій посланникъ принудилъ султана торжественно отмѣнить, въ 1723 году, сію мѣру, принятую для сохраненія внутренняго спокойствія имперіи.

Искусно напомнивъ англичанамъ явное противорѣчіе, не допускать въ другихъ націяхъ щекотливости и религіозныхъ убѣжденій, когда сами они едва не произвели революціи по поводу мнимой опасности отъ признанія церковныхъ титуловъ римской церкви, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію восточнаго вопроса съ точки политической. Онъ справедливо порицаетъ тѣ англо-французскіе журналы, которые постоянно старались объ усиленіи распри. Едва вѣнская нота была принята Россіею, журналы провозгласили о торжествѣ двухъ союзныхъ кабинетовъ, увѣряя, что устра-

шенная Россія согласилась на всѣ условія; когда же, напротивъ, нота была отвергнута Портою, объявили, что этотъ документъ не имѣетъ никакого значенія, и въ то же время увѣряли, что имъ даровано Россіи все, чего она требовала. Позже, нападенія турокъ на русскія границы были встрѣчены рукоплесканіями, а когда сіи вторженія неизбѣжно повлекли за собою отпоръ при Синопѣ и за Кавказомъ, побѣды русскихъ возбудили клики негодованія, какъ вопіющіе варварскіе поступки. Наконецъ, тотъ самый Наполеонъ, говоритъ авторъ, котораго мы нынѣ чествуемъ какъ вѣрнаго союзника и уважаемаго государя, не дальше какъ за годъ былъ для тѣхъ же журналовъ, и въ главѣ ихъ «*Таймса*», для тѣхъ же господъ Джемса Грегама и Чарльса Вуда, презрительнымъ и безнравственнымъ тираномъ! «Но мы должны быть на сторожѣ», продолжаетъ авторъ, «чтобы достопочтенный и вѣрный нашъ союзникъ не сыгралъ съ нами плохой шутки на Востокѣ, и чтобы его войска, вступивъ въ Константинополь, не остались тамъ надолго. Примѣръ Рима не утѣшителенъ, и если Наполеонъ овладѣетъ этими двумя точками, то наше положеніе въ Средиземномъ морѣ будетъ, должно сознаться, не изъ блистательныхъ»

Огромное развитіе морскихъ силъ Франціи тревожитъ автора. Правда, замѣчаетъ онъ, нынѣшнее французское правительство любитъ не столько честь и славу, сколько деньги, и всякая Наполеоновская политика имѣетъ основаніемъ одну только *выгоду;* но кто поручится, говоритъ онъ въ заключеніе, что въ скоромъ времени не возродятся между нами старинное соперничество и вѣковая ненависть? И что станемъ мы дѣлать тогда предъ грозною силой, которой позволяемъ нынѣ свободно увеличиваться?

Авторъ представляетъ затѣмъ печальную картину внѣшняго положенія Англіи. Гдѣ наши союзники? спрашиваетъ онъ съ горестію. Австрія, по справедливости, гнушается нами. Пруссія знаетъ, что ожидаетъ ея, въ случаѣ нашего торжества. Что же касается до Испаніи и до Италіи, которыя мы возбуждали къ мятежу и потомъ покинули, то нашими единственными союзниками остались тамъ преступ-

ники и убійцы! Но у насъ нѣтъ теперь и любимаго средства нѣкоторыхъ министровъ, продолжаетъ онъ, средства отвратительнаго возбуждать революціи! Въ Польшѣ жители болѣе и болѣе привязываются къ правительству; Венгрія всегда будетъ раздавлена между Австріей и Россіей. Піемонтъ такъ разочаровался въ Ломбардіи, что никогда не вступится за нее, а въ прочей Италіи намъ остается пріятный выборъ брататься съ мечтателями или съ демагогами и анархистами!

Обращаясь къ опасности, угрожающей англійскимъ владѣніямъ въ Индіи, авторъ припоминаетъ, что эта колонія всегда была строго уважаема добросовѣстностью Императора Россійскаго, пока сей Монархъ былъ союзникомъ британской короны, и потому англичане должны винить самихъ себя, если, въ слѣдствіе ихъ нападеній на Россію, индійскія владѣнія будутъ отторгнуты или, по крайней мѣрѣ, подвергнутся большой опасности.

Далѣе авторъ сильно порицаетъ Турцію за противодѣйствіе ея Англіи въ три рѣшительныя минуты спора: 1) отверженіемъ вѣнской ноты, предложенной ей британскимъ кабинетомъ; 2) внезапнымъ переходомъ за Дунай; 3) нарушеніемъ взаимной конвенціи не начинать военныхъ дѣйствій. «Ужели мы созданы на то, восклицаетъ онъ, чтобъ надъ нами издѣвались такимъ наглымъ образомъ?... Успокоительно ли для будущности Англіи имѣть союзникомъ, при открытіи исполинской войны, подобное дикое, необузданное скопище, которое, своимъ сумасбродствомъ, способно только уничтожать зрѣло обдуманныя соображенія и самые дальновидные планы?»

Оканчиваемъ нашъ бѣглый обзоръ этого сочиненія, вполнѣ сочувствуя патріотическому негодованію, выраженному авторомъ въ пламенномъ заключительномъ словѣ. Въ немъ слышенъ благородный вопль чистой совѣсти, возмущенной вопіющею несправедливостью. Онъ негодуетъ на роль, которую возлагаютъ на храбрые флоты Англіи. Ихъ уже употребляли на попраніе священнѣйшихъ правъ короля нидерландскаго, стариннаго и вѣрнаго союзника англійской короны; ихъ принуждали разыгрывать роль морскихъ

разбойниковъ въ Копенгагенѣ; ихъ опозорили угнетеніемъ государства юнаго и слабаго, ради уплаты лихоимныхъ счетовъ презрѣннаго жида! Для совершенія такихъ беззаконій, оставалось только употребить морскія силы Британіи на низверженіе окровавленаго и поруганнаго Креста Христова предъ торжествующимъ полумѣсяцемъ Магомета (1)!

---

(1) Независимо отъ перепечатанныхъ въ настоящемъ сборникѣ статей, за границею появилось множество брошюръ, написанныхъ по восточному вопросу, по оцѣнкѣ поступковъ Россіи, ея дѣятельности и силы. Направленіе всѣхъ этихъ статей и содержаніе ихъ до чрезвычайности различно и даже, можно сказать, діаметрально противоположно. Одни защищали справедливость требованій Россіи, другіе — осуждали ея поступки, нѣкоторые считали Россію достаточно могущественною для того, чтобы силою поддержать свои требованія, а были и такіе, которые брали на себя смѣлость доказывать, что Россія слаба и войска ея не заслуживаютъ вниманія. Помѣстить всѣ подобныя статьи на страницахъ сборника матеріаловъ нѣтъ никакой возможности, тѣмъ болѣе, что онѣ не относятся къ прямой цѣли настоящаго изданія, посвященнаго исключительно крымской войнѣ и оборонѣ Севастополя. По этому мы ограничимся указаніемъ на нѣкоторыя изъ статей, которыя были переведены на русскій языкъ и помѣщены въ газетахъ. Къ этой категоріи относятся: помѣщенныя въ **Сѣверной Пчелѣ 1854 года**: „Письмо изъ Константинополя“ 2-го января 1854 г. № 12; „Турецкія дѣла № 19; „Нѣсколько словъ ветерана 1812 г. и проч.“ № 28; „Пруссія и турецкія дѣла. Константинополь 6 го февраля“ № 43; „Пруссія. Императоръ Всероссійскій и революціонныя газеты—голосъ изъ Австріи“ № 45; „Англія и Бельгія въ союзѣ съ Бонапартомъ“ № 52; „Изъ сѣверной Германіи“ № 54; „Берлинъ 25-го марта“ № 65; „Нынѣшняя политика Западной Европы“ № 66, „Письмо русскаго ветерана“ № 67 и 81; „Разныя извѣстія (переводъ статьи изъ испанской газеты Esperanza)“, № 69; „Миссолонги 16-го марта“ № 70; „Еще брошюра о восточномъ вопросѣ“ № 74; „Двукратное проклятіе Наполеона 1-го“ Ростислава № 75; „Австрія, Прусія и Германія“, № 77. „Восточный вопросъ съ американской точки зрѣнія“ № 84 и 85; „Соединенные штаты: восточный вопросъ съ дѣйствительной точки зрѣнія“ № 85; „Англія и восточный вопросъ“ № 86; „Письмо изъ С.-Петербурга въ Journal de Francfort“ № 92; „Пруссія“ № 95 и 97; „Статья напечатанная въ Journal de Francfort“ № 104; „О нейтралитетѣ Австріи“ № 113; „Судьба Турціи“ № 115; „Цѣль войны Англіи съ Россіею“ № 126; „Правда о восточной войнѣ“ № 133, 134, 135 и 136; „Соединенные штаты“ № 135; „Статья англійской газеты Naval and Military Gazette: наши друзья и наши враги“ № 139 и 150; „Мысли о современномъ“ № 144; „Замѣчаніе о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, говорящихъ о Россіи“ № 147—152 и 159; „Война на востокѣ, причины ея и послѣдствія“ № 191. Въ **С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1854 года**: „Какъ образуются политическія мнѣнія и воззрѣнія“ № 18; „Статья газеты Assemblée Nationale“ № 19; Статья газеты „Union“ № 34; „Рѣчь графа Грея въ засѣданіи верхней палаты“ № 38; „Политическое равновѣсіе и Англія“ Бернадскаго № 68, 73,

Перевозка войскъ изъ Севастополя къ кавказскимъ берегамъ и изъ Одессы въ Севастополь.

Славный совершили подвигъ наши черноморскіе моряки! 16,000 войска, съ двумя при нихъ батареями и всѣми принадлежащими имъ снарядами, съ 827 лошадьми, въ полной походной аммуниціи, съ десятидневнымъ при себѣ продовольствіемъ и съ запасами провіанта еще на двадцать дней, въ теченіе одной недѣли (17 — 24 сентября), перевезены и высажены изъ Севастополя на восточный берегъ Чернаго моря, съ полнымъ успѣхомъ, безъ всякихъ потерь и безъ малѣйшихъ помѣшательствъ. Въ это же самое время, съ продолженіемъ по 2-е октября, въ два рейса совершена столь же успѣшная перевозка 8,000 войска изъ Одессы въ Севастополь.

Черноморскимъ флотомъ командовалъ вице-адмиралъ *Нахимовъ*, имѣвшій свой флагъ на кораблѣ *Константинъ*. Флотъ этотъ, стоявшій па севастопольскомъ рейдѣ, состоялъ изъ слѣдующихъ судовъ: 14 кораблей (120 пуш. *Двѣнадцать Апостоловъ*, *Великій Князь Константинъ*, *Парижъ*, *Три Святителя*, 84 п. *Императрица Марія*, *Храбрый*, *Чесма*, *Святославъ*, *Ростиславъ*, *Ягудіилъ*, *Варна*, *Гавріилъ*, *Селафаилъ и Уріилъ)*, 4 фрегата (54 пуш. *Сизополь и Кулевчи*; 44 пуш. *Кагулъ* и *Флора*), 2 корвета (*Андромаха* и *Калипсо)*, 7 пароходовъ (400 силъ *Владиміръ*. 260 силъ: *Одесса*, *Эльборусъ*, *Бессарабія*, 120 силъ: *Грозный* и *Молодецъ*, 44 силъ: *Аргонавтъ)* и 11 транспортовъ (въ 750 тоннъ *Березань*, въ 650 тоннъ: *Днѣпръ*, *Балаклава*, *Днѣстръ*, *Дунай* и *Ріонъ;* въ 350 тоннъ: *Гагра*, *Прутъ* и *Килія*; въ 250 тоннъ: *Бугъ и Цемесъ*).

84, 85, 88, 96, 110, 122, 136, 141 и 145; „Невмѣшательство“ № 85; „О французской и англійской политикѣ и ея послѣдствіяхъ въ отношенія Турціи“ № 91; „Россія и ея обвинители въ восточномъ вопросѣ“ (la Russie et ses accusateurs dans la question d'Orient, pas L. d'Estramberg) № 92, 93, 94 и 95; „Еще двѣ брошюры о восточномъ вопросѣ“ № 99; „Статья газеты Chierchman о восточномъ вопросѣ“ № 107; „Статья американской газеты Boston-Daily-News“ № 134; „Друзья и враги наши“ № 137 и 148; „Раскрытіе нѣкоторыхъ частностей изъ быта Турціи для политическихъ друзей этой страны“ № 139; „Восточная война, ея причины и послѣдствія, сочиненіе жителя континентальной Европы“ № 187, „Къ чему война съ Россіей“ № 58, и многія другія. *Ред.*

Высочайшее повелѣніе объ отправленіи на кавказскій берегъ 13-ой пѣхотной дивизіи съ двумя легкими батареями 13-ой артиллерійской бригады получено въ Севастополѣ 13 сентября. Въ слѣдующее же утро, 14-го, былъ нагруженъ обозъ на суда, а съ вечера 15 го и утромъ 16-го посажены, между-тѣмъ, подходившія войска, размѣщены артиллерія и лошади. Все это поставлено на 12 кораблей, 2 фрегата, 2 корвета, 7 пароходовъ и 11 транспортовъ; остальные два корабля (*Селафаилъ* и *Уріилъ*) и два фрегата (*Флора* и *Кулевчи*), должны были итти въ Одессу за войсками, опредѣленными къ перевозу въ Севастополь. — Утромъ, 17-го, было назначено отправленіе флота.

Вся посадка войскъ и нагрузка тяжестей производилась въ присутствіи его свѣтлости князя *А. С. Меншикова*. Избраніе мѣста высадки и передачи везенныхъ войскъ кавказскому корпусу была ввѣрена генералъ - адъютанту вице-адмиралу *Корнилову*, имѣвшему присутствіе на пароходѣ *Владиміръ*. Начальникъ 13-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ *А. А. Обручевъ*, находился на пароходѣ *Молодецъ*.

Съ вечера, 16-го, установился свѣжій, противный юго-западный вѣтеръ; погода была мрачная; шелъ дождь и гремѣлъ громъ. Нетерпѣливо, съ сомнѣніемъ и надеждою, ожидали наступающаго утра посаженныя на суда войска и принявшіе ихъ моряки.

Съ разсвѣтомъ, 17-го, небо очистилось и вѣтеръ перемѣнился въ способный, сѣверный; но было еще очень свѣжо. Первыми снялись и пошли въ море транспорты, буксируемые пароходами, отрядъ, состоявшій подъ флагомъ контръ-адмирала *Н. Г. Вульфа*; за ними послѣдовалъ и весь корабельный флотъ, назначенный къ кавказскому берегу и въ Одессу.

Встрѣченные при выходѣ довольно сильною зыбью съ юго запада и имѣя довольно свѣжій вѣтеръ, заставившій корабли взять по одному рифу у марселей, оба отряда кавказской аскадры, пароходно-парусный и корабельный, слѣдовали въ нѣкоторомъ отдаленіи одинъ отъ другаго.

Около полудня стало стихать, и къ вечеру отряды совсѣмъ разлучились.

Мѣстомъ высадки былъ избранъ Сухумъ-Кале, удобнѣйшій по нѣкоторой его закрытости для стоянія мелкихъ судовъ, не представляющій, однакоже, тѣхъ же выгодъ для судовъ большихъ ранговъ; поэтому, по прибытіи сюда, въ Сухумъ-Кале, генералъ-адъютанта *Корнилова*, рѣшено имъ, произведя выгрузку въ Сухумѣ всего привезеннаго пароходами и транспортами, немедленно послать пароходы на встрѣчу идущаго паруснаго флота для вспомоществованія ему къ слѣдованію въ другое избранное мѣсто высадки, Анакрію, лежащую близко Редутъ-Кале.

Анакрія, какъ и весь этотъ берегъ между Сухумъ и Редутъ-Кале (признаваемаго также неудобнымъ для высадки, по быстротѣ теченія рѣки Хопи и засыпямъ, лежащимъ предъ устьями ея бара), совершенно открыта всему волненію и силѣ восточной половины вѣтровъ Чернаго моря, но имѣетъ глубину умѣренную для большихъ судовъ близко берега, хотя и обрывистую, съ хорошимъ илистымъ грунтомъ. Близость ея къ редуту, съ котораго идетъ дорога въ г. Тифлисъ, великое неудобство переправъ по всему протяженію моря сюда отъ Сухума, наконецъ, рѣшительный недостатокъ другихъ, способнѣйшихъ пристаней по всему этому протяженію (лучшія, по видимому, рѣка Кодоръ имѣетъ большіе разливы, а мысъ Искурія густо обросъ кругомъ лѣсомъ), обусловливали необходимость предпочтенія настоящаго мѣста для высадки, предъ всѣми другими предполагавшимися прежде. Для успѣха нужны были благопріятная погода и быстрота.

Во время плаванія пароходо-фрегатовъ, 18-го, былъ умѣренный вѣтеръ, а ночью на 19-е и 19-го—тихій. Въ часъ по полудни, 19-го, пароходъ *Владиміръ*, имѣвшій на буксирѣ транспортъ *Ріонъ*, бросилъ якорь на сухумскомъ рейдѣ и немедленно приступилъ къ выгрузкѣ. Въ то же время стали подходить другіе пароходы и транспорты, также, по прибытіи, немедленно производившіе выгрузку, которая и была совершенно окончена къ утру 21-го. Высажено всего привезеннаго 562 лошади съ находящимися

при нихъ 1,500 людей. Транспорты, по мѣрѣ выгрузки съ нихъ, были немедленно отправляемы обратно въ Севастополь. Два мелкія судна (бригъ *Птоломей* и тендеръ *Скорый*) посланы вдоль абхазскаго берега, для предупрежденія вице-адмирала *Нахимова* о мѣстѣ, назначенномъ для высадки, а на другой день, 22-го, отправился на встрѣчу флоту генералъ-адъютантъ *Корниловъ*, съ пароходами: *Владиміръ, Бессарабія и Одесса.*

Вся эта выгрузка производилась только при помощи пароходныхъ лодокъ.

Корабельный флотъ, замедленный тихимъ вѣтромъ, былъ встрѣченъ вышедшими къ нему пароходами на высотѣ Пицунды, и немедленно взятые на буксиръ имъ три корабля, въ слѣдующее же утро, 23-го, приведены къ мѣсту высадки — Анакріи и возвратились опять къ флоту съ присоединеніемъ еще парохода «Эльборусъ». Между тѣмъ попутный вѣтеръ способствовалъ хорошимъ ходокамъ подходить къ якорному мѣсту помощью парусовъ, и на разсвѣтѣ, 24-го, весь парусный флотъ былъ на рейдѣ и къ 4 часамъ по полудни совершена вся высадка. Высажено всего привезеннаго на этомъ отрядѣ 16,000 войска съ двумя батареями, колесными обозами и 262 лошадьми. Освободившійся отъ своего груза, флотъ немедленно возвратился въ Севастополь. Въ Севастополѣ онъ встрѣтилъ суда, пришедшія изъ Одессы съ частью перевозимыхъ ими войскъ и отправлявшіяся за остальными. Вся эта операція окончена 2-го октября.

Лѣтопись всѣхъ флотовъ новѣйшаго времени не представляетъ ни одного, столько обширнаго, особенно принимая въ соображеніе большое число лошадей, столько совершеннаго во всѣхъ подробностяхъ, сопряженнаго съ такими опасностями, такъ хорошо удавшагося, примѣра высадки. Всякій, хоть сколько нибудь знакомый съ дѣломъ, пойметъ и оцѣнитъ по достоинству этотъ прекрасный подвигъ нашихъ моряковъ, это торжество морскаго искусства, свидѣтельствующее распорядительность, подчиненность, рвеніе, силу и мужество—дающее вѣрное ручательство за будущіе успѣхи, въ такъ называемыхъ дѣйствительныхъ дѣ-

лахъ, въ сущности столько же. дѣйствительныхъ, какъ и настоящій подвигъ, по совѣсти говоря, стоющій доброй побѣды!

«Счастіе!» — скажутъ наши пріятели-враги. Счастіе! повторяемъ и мы съ христіанскимъ смиреніемъ, припоминая, однакожъ, извѣстное выраженіе Суворова: «Сегодня счастіе, завтра счастіе, помилуй Богъ, надобножъ сколько нибудь и ума» ([1]).

А. Соколовъ.

Николаевъ, 3-го октября 1853 года.

Государь Императоръ, по засвидѣтельствованіи ближайшаго начальства объ успѣшномъ и удовлетворительномъ перевозѣ войскъ 13-й пѣхотной дивизіи изъ Севастополя къ кавказскимъ берегамъ на судахъ черноморскаго флота, объявляетъ особое Монаршее благоволеніе: всѣмъ адмираламъ и морскаго вѣдомства штабъ и оберъ-офицерамъ, въ перевозѣ участвовавшимъ; нижнимъ же чинамъ морскаго вѣдомства, состоявшимъ на судахъ, перевозившихъ войска, Его Величество жалуетъ по рублю серебромъ на человѣка ([2]).

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ.

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

Всероссійскій, Царь Польскій,

и проч. и проч. и проч.

ОБЪЯВЛЯЕМЪ ВСЕНАРОДНО:

Манифестомъ Нашимъ, даннымъ въ 14-й день іюня те-

([1]) «Морской Сборникъ» 1853 г. № 11, стран. 44. Тоже „Русскій Инв." 1853 г. № 244.

([2]) Выс. Пр. 7-го октября 1853 г., тамъ же.

кущаго года, Мы объявили любезнымъ нашимъ вѣрноподданнымъ о причинахъ, побудившихъ насъ требовать отъ Порты Оттоманской твердаго обезпеченія на будущее время священныхъ правъ церкви православной.

Мы также возвѣстили имъ, что всѣ старанія Наши склонить Порту мѣрами дружескаго убѣжденія къ чувству правоты и добросовѣстному соблюденію трактатовъ, оставались безполезными; почему и признано было Нами необходимымъ двинуть войска наши въ Придунайскія княжества. Но, принявъ сію мѣру, мы сохраняли еще надежду что Порта, въ сознаніи своихъ заблужденій, рѣшится исполнить справедливыя Наши требованія.

Ожиданія Наши не оправдались.

Тщетно даже главныя европейскія державы старались своими увѣщеваніями поколебать закоснѣлое упорство турецкаго правительства. На миролюбныя усилія Европы, на Наше долготерпѣніе, оно отвѣтствовало объявленіемъ войны и прокламаціею, исполненною извѣтовъ противъ Россіи. Наконецъ, принявъ мятежниковъ всѣхъ странъ въ ряды своихъ войскъ, Порта открыла уже военныя дѣйствія на Дунаѣ.

Россія вызвана на брань: ей остается, возложивъ упованіе на Бога, прибѣгнуть къ силѣ оружія, дабы понудить Порту къ соблюденію трактатовъ и къ удовлетворенію за тѣ оскорбленія, коими отвѣчала она на самыя умѣренныя наши требованія и на законную заботливость нашу о защитѣ на востокѣ православной вѣры, исповѣдуемой и народомъ русскимъ.

Мы твердо убѣждены, что Наши вѣрноподданные соединятъ съ нами теплыя мольбы къ Всевышнему: да благословитъ Десница Его оружіе, подъятое нами за святое дѣло, находившее всегда ревностныхъ поборниковъ въ нашихъ благочестивыхъ предкахъ. *На тя Господи уповахомъ, да не постыдимся во вѣки.*

Данъ въ Царскомъ Селѣ, въ 20-й день октября мѣсяца, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ пять-

десятъ третіе, царствованія же нашего въ двадцать осьмое ([1]).

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано.

НИКОЛАЙ.

ПОЛУЧЕНІЕ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ РОССІЙСКАГО МАНИФЕСТА.

Изъ Константинополя пишутъ, отъ 21-го ноября, въ «Тріестской газетѣ»: «Сегодня утромъ полученъ здѣсь, съ курьеромъ изъ Вѣны, россійскій манифестъ. Спокойный и твердый тонъ этого документа показалъ нашему политическому міру, что Россія осталась непоколебимою въ отношеніи къ основанію своихъ требованій и хочетъ получить полное и совершенное удовлетвореніе за наступательныя дѣйствія турокъ. Но здѣсь всѣ до такой степени довѣряютъ будущности, что невозможно въ настоящее время ожидать уступокъ, такъ какъ турецкіе высшіе сановники помышляютъ только о ниспроверженіи всѣхъ трактатовъ, существующихъ между Россіей и Турціей, трактатовъ, которые они считаютъ уже уничтоженными въслѣдствіе открытія непріязненныхъ дѣйствій» ([2]).

Дѣло при Исакчи ([3]).

11-*го октября*, по распоряженію генералъ-адъютанта Лидерса, отрядъ дунайской гребной флотиліи изъ 8 канонирскихъ лодокъ, буксируемыхъ пароходами: «Прутъ» и «Ординарецъ», отправился отъ острова Чаталъ, близъ Измаила, въ Галацъ, для охраненія нашихъ границъ по верховью Дуная.

Отрядъ былъ порученъ командиру 2-го баталіона греб-

([1]) „Сѣверная Пчела“ 1853 № 234.

([2]) „С.-Петербур. Вѣдом.“ 1853 № 270.

([3]) Настоящая статья помѣщается здѣсь какъ начало непріязненныхъ дѣйствій съ Турціею, первый выстрѣлъ противъ которой пришлось сдѣлать черноморскому флоту. *Ред.*

ной флотиліи, капитану 2-го ранга *Варпаховскому*. Пароходомъ «Прутъ» командовалъ лейтенантъ *Языковъ*, а пароходомъ «Ординарецъ» — лейтенантъ *Барковскій*. На «Прутѣ» находились, сверхъ того, состоящій по особымъ порученіямъ при генералъ-адъютантѣ князѣ Горчаковѣ, лейтенантъ *Греве 1-й*, и присланный отъ его свѣтлости начальника главнаго морскаго штаба Е. И. В., лейтенантъ *Повало-Швыйковскій*.

Вмѣстѣ съ отрядомъ, по лѣвому берегу Дуная, и на одной съ нимъ высотѣ, шелъ баталіонъ пѣхоты, съ нѣсколькими полевыми орудіями, для поданія помощи, въ случаѣ надобности, пароходамъ, которые непріятельскими выстрѣлами могли быть поставлены въ невозможность продолжать плаваніе подъ парами вверхъ до Дунаю.

Пароходы были вооружены: «Прутъ» четырьмя 36-ти фунтовыми пушко-карронадами, «Ординарецъ» четырьмя 3-хъ фунтовыми пушками. На каждой канонирской лодкѣ было по три орудія 24-хъ фунтоваго калибра и по четыре фалконета 3-хъ-фунтовыхъ. Комплектъ людей на каждой лодкѣ состоялъ изъ 20 матросовъ 5-го ластоваго экипажа и 40 рядовыхъ изъ 14-й пѣхотной дивизіи.

Въ 5 часовъ утра, пароходы, расположивъ канонирскія лодки вдоль своихъ бортовъ, для защиты машины отъ выстрѣловъ — «Прутъ» по двѣ на каждой сторонѣ, а «Ординарецъ» по одной, и имѣя каждый по одной лодкѣ за кормой на буксирѣ, снялись съ якоря и пошли вверхъ противъ теченія, имѣя ходу до двухъ съ половиною узловъ.

Въ 8 часовъ утра, когда пароходы съ лодками стали подходить къ турецкимъ укрѣпленіямъ Исакчи (расположеннымъ противъ бывшей въ 1828 году переправы у Сатунова), съ этихъ укрѣпленій было брошено нѣсколько бомбъ и, въ слѣдъ затѣмъ, съ верхняго укрѣпленія сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ ядрами по передовому пароходу «Прутъ».

Принявъ это за начало непріязненныхъ дѣйствій со стороны турокъ, капитанъ *Варпаховскій* приказалъ отвѣчать изъ всѣхъ могущихъ дѣйствовать орудій канонирскихъ лодокъ и пароходовъ. Вскорѣ турецкимъ ядромъ убитъ храбрый начальникъ отряда, стоявшій въ это время впереди

кожуха. — Дѣйствіе турецкихъ батарей по большей части было ядрами и картечью. Бомбы, хотя ихъ было брошено много, не причиняли большаго вреда. Граната, упавъ на пароходъ «Ординарецъ», взорвалась надъ крюйтъ-камерой; двѣ другія попали въ канонирскую лодку, находившуюся у борта того же парохода, для закрытія его машины. Взорванныя въ носовой части лодки разрушили палубу подъ орудіями, чѣмъ прекратилось дѣйствіе послѣднихъ.

Турки направляли свои выстрѣлы преимущественно противъ пароходныхъ машинъ, и потому среднія части пароходовъ, какъ-то: кожухи, кожуховыя каютки, трубы дымовыя и паровыя были во многихъ мѣстахъ пробиты ядрами и картечью.

Калибръ турецкихъ орудій, по найденнымъ снарядамъ, состоялъ изъ пушекъ 12-ти, 6-ти и 3-хъ фунтоваго калибра. Мортиры были 2-хъ-пудовыя. Всѣхъ орудій въ турецкихъ укрѣпленіяхъ насчитано до 25-ти и 3 мортиры.

Подходя къ траверзу укрѣпленій, дымъ отъ нашихъ выстрѣловъ несло вѣтромъ прямо на нихъ, что затрудняло мѣткость прицѣливанія. Не смотря на то, однако же, въ верхнемъ укрѣпленіи нашими выстрѣлами сбиты три орудія, которыя вскорѣ замѣнены другими.

Въ намѣреніи наказать турокъ за непріязненныя дѣйствія, отрядъ сталъ стрѣлять картечью и ядрами по лагерю, расположенному по скату горы, ниже верхняго укрѣпленія, и бросалъ гранаты въ городъ Исакчу. Въ скоромъ времени въ городѣ показался пожаръ, который такъ усилился, что, къ концу дѣла, большая часть его была объята пламенемъ. Лагерь почти истребленъ и войска изъ него разбѣжались толпами.

Дѣйствіе нашей артиллеріи продолжалось почти до города Ренни, сбивая на пути турецкіе пикеты и кордоны. Отрядъ находился подъ непрерывнымъ огнемъ турецкихъ батарей около полутора часа.

Потеря наша убитыми заключается въ храбромъ капитанѣ 2-го ранга *Варпаховскомъ* и 6 нижнихъ чинахъ; раненыхъ нижнихъ чиновъ 46 человѣкъ.

Государь Императоръ, получивъ объ этомъ дѣлѣ доне-

сеніе князя *Меншикова*, пожаловалъ привезшаго оное, лейтенанта *Повало-Швыйковскаго*, въ капитанъ-лейтенанты, а нижнимъ чинамъ, въ этомъ дѣлѣ находившимся, 12 знаковъ отличія военнаго ордена и по 1 рублю серебромъ на человѣка [1].

Вступленіе англо-французскаго флота въ Дарданеллы и его составъ.

30-го октября. Сегодня въ Монитерѣ напечатано: «Правительство получило отъ французскаго посланника въ Константинополѣ телеграфическую депешу отъ 21-го октября. Отвѣтъ князя Горчакова на требованіе Порты, очистить княжества, сочтенъ былъ отрицательнымъ. Несмотря на то, въ слѣдствіе представленій посланниковъ четырехъ союзныхъ державъ, оттоманское правительство дало приказаніе отсрочить непріятельскія дѣйствія до 1-го ноября. Въ случаѣ же, что эти дѣйствія уже начаты, приказаніе это считать недѣйствительнымъ. Завтра англо-французская эскадра должна миновать Дарданеллы» [2].

Корреспондентъ «Journal des Débats» сообщаетъ слѣдующія подробности о вступленіи флотовъ, англійскаго и французскаго, въ Босфоръ. 18-го октября предписано было Портѣ отправить фирманы, необходимые для прохода кораблей чрезъ Дарданеллы; но только 21, послѣ обѣда, они получены въ Безике, съ англійскимъ пароходнымъ фрегатомъ Retribution. Впрочемъ, этого давно уже ждали адмиралы обѣихъ эскадръ; они совѣщались на этотъ счетъ и остановились на слѣдующемъ планѣ: отправить сначала авангардъ изъ четырехъ судовъ, по два отъ каждой націи, ко входу въ Черное море, т. е. къ Бейкосу; занять затѣмъ значительными силами положеніе близъ Дарданеллъ, ключъ ко всѣмъ другимъ, въ случаѣ, если флотамъ придется сдѣлать обратное движеніе. Позаботившись о защитѣ этихъ двухъ позицій, остальныя суда предполагалось поставить на половинѣ пути между ними, въ Лампсакѣ, у входа въ

(1) Морск. Сборн. 1853 г. № 10.
(2) „Сѣв. Пчела“ № 237.

Мраморное море, съ тѣмъ, чтобы они были готовы направиться къ сѣверу, преодолѣвъ опасныя теченія пролива. Въ слѣдствіе этихъ распоряженій, англійскіе корабли Albion и Vengeance должны были отправиться къ Бейкосу, а пять другихъ кораблей англійской эскадры: Britannia, Trafalgar, Bellerophon, Rodney и Sans-Pareil, занять Дарданеллы. Изъ 9-ти французскихъ кораблей, одинъ, Friedland, былъ уже въ Галлиполи, гдѣ оставался со времени возвращенія своего изъ Константинополя, во все время продолженія переговоровъ относительно вступленія флотовъ. Восемь остальныхъ предполагалось распредѣлить слѣдующимъ образомъ: Henri IV, Jupiter—въ Бейкосъ, Ville de Paris, Iena, Bayard и Napoléon—въ Лампсакъ, Valmy и Charlemagne—въ Нагару, нѣсколько къ сѣверу, а слѣдовательно по ту сторону Дарданеллъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что, оставивъ въ сторонѣ Albion и Vengeance, отправленные въ Бейкосъ, всѣ французскіе корабли должны были пройти, по отправленіи изъ Безике, большее пространство чѣмъ англичане. А между тѣмъ, вотъ что случилось. 22-го, въ 2 часа утра, адмиралы дали сигналы къ отправленію кораблямъ авангарда, въ слѣдствіе чего Jupiter, буксируемый пароходами Gomer и Chaptal; Henri IV, буксируемый пароходами Magellan и Chaptal; Vengence—пароходомъ Retribution и Albion—пароходомъ Samson, отправились вмѣстѣ. Часъ спустя, четыре французскіе корабля, назначенные въ Лампсакъ, также отплыли, буксируемые пароходами Napoleon, Sané и Mogador, а за ними и англійская дарданельская дивизія, буксируемая пароходами Furious, Firebrand, Tiger и Niger; послѣднимъ былъ корабль Valmy, котораго Charlemagne буксировалъ очень слабо. Это большое отправленіе совершилось съ изумительнымъ порядкомъ, и еще до четырехъ часовъ все было въ движеніи. Тѣ, которые знаютъ моряковъ, знаютъ также, какое соревнованіе ихъ воодушевляетъ; но трудно представить себѣ, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ, на всѣхъ этихъ судахъ, каждый слѣдилъ за успѣхами своихъ сосѣдей и соперниковъ. Вскорѣ, впрочемъ, преимущество оказалось на сторонѣ французовъ; оно сдѣлалось очевиднымъ, когда, около десяти

часовъ утра, Napoléon, буксировавшій адмиральскій 120-ти пушечный корабль Ville de Paris, присоединился къ англійской авангардной дивизіи, отправившейся часомъ раньше его и которую, съ своей стороны, оставили далеко за собою суда Jupiter и Henri IV. Около 11-ти часовъ, всѣ французскіе корабли, кромѣ Valmy и Charlemagne, обогнули Дарданеллы и всѣ почести были за ними упрочены. Дѣйствительно, дувшій съ утра уже сѣверный вѣтеръ въ это время усилился, и англійскій флотъ, застигнутый посреди теченія Дарданеллъ, былъ принужденъ пристать къ берегу, не смотря на всѣ усилія, тогда какъ французскіе корабли, во время пройдя черезъ это трудное мѣсто, спокойно продолжали путь свой къ мѣстамъ назначенія. Вечеромъ вся лампсакская дивизія прибыла туда; Charlemagne, Henri IV и Jupiter подошли ко входу въ Мраморное море; англичанамъ же не удалось пройти черезъ Дарданеллы. Французскіе моряки торжествовали. Въ теченіе слѣдующихъ дней, до 29-го, вѣтеръ былъ такъ силенъ, что, несмотря на пароходы и добрую волю, англійскій флотъ былъ принужденъ оставаться тамъ, гдѣ вѣтеръ 22-го числа принудилъ суда его бросить якорь. Изъ этого видно, отъ какихъ неважныхъ обстоятельствъ зависитъ иногда судьба наилучшимъ образомъ задуманныхъ операцій, и какіе затрудненія представляетъ этотъ проходъ, для котораго, какъ полагали, немного нужно времени и достаточно буксирныхъ судовъ, которыми снабжена каждая эскадра. Должно было ждать до 29-го утромъ, т. е. почти цѣлую недѣлю, прежде чѣмъ отправиться далѣе. Когда вѣтеръ наконецъ утихъ, англійская дивизія, назначенная для защиты Дарданеллъ, могла въ этотъ день отправиться къ своему посту, причемъ одно изъ принадлежащихъ ей судовъ, фрегатъ Arethuse, стало на мель и простояло 18 часовъ. Что касается до авангардной дивизіи, Albion и Vengeance, то она въ этотъ день шла далѣе къ Бейкосу, что, къ своей стороны, дѣлали Henri IV и Jupiter, съ 22 го стоявшіе на якорѣ въ Галлиполи. Эти два корабля имѣли передъ англичанами преимущество около 40 миль и на другой день вечеромъ прибыли въ Сан-Стефано, въ 2-хъ миляхъ къ югу

отъ Константинополя, гдѣ бросили якорь въ ожиданіи англійской дивизіи, повинуясь данному имъ предписанію: не показываться прежде другихъ передъ столицей имперіи. Согласно съ инструкціями французскаго адмирала, четыре корабля обѣихъ націй должны были пройти и салютовать вмѣстѣ. Французскіе корабли ждали около 40 часовъ, когда, 2-го ноября утромъ, сквозь туманъ, замѣтили въ небольшомъ разстояніи Albion и Vengeance. Немедленно сдѣлали приготовленія къ отплытію, но, къ величайшему изумленію французовъ, Albion, буксируемый двумя сильными фрегатами, прошелъ мимо французскихъ кораблей, не сдѣлалъ никакого сигнала, и съ очевиднымъ намѣреніемъ оставить ихъ позади себя. Тогда Gomer, вмѣсто того, чтобы буксировать Henri IV, на всѣхъ парусахъ пошелъ впередъ, обогнулъ Серальскій мысъ, первый салютовалъ землѣ и пришелъ въ Бейкосъ, оставивъ судамъ Henri IV и Jupiter только пароходы Magellan и Sané. Этого было слишкомъ мало, при сильныхъ теченіяхъ. Оба корабля остались позади Серальскаго мыса, подобно Vengeance. А между тѣмъ Albion имѣлъ честь быть первымъ линейнымъ кораблемъ, прибывшимъ въ воды Золотаго Рога. Это происшествіе сильно задѣло самолюбіе французскихъ моряковъ, которые очень недовольны поступкомъ англичанъ. Неизвѣстно, какого мнѣнія на этотъ счетъ адмиралы; но здѣсь это возбудило много толковъ ([1]).

Плаваніе эскадръ черноморскаго флота и взятіе пароходомъ „Владиміръ" съ бою турецко-египетскаго 10-ти пушечнаго парохода „Перваз-Бахри".

(донесеніе князя меншикова).

Генералъ-адъютантъ князь *Меншиковъ* доноситъ отъ 7-го ноября, что пароходъ «Владиміръ» взялъ съ бою одинъ египетскій 10-ти пушечный пароходъ; а пароходомъ «Бессарабія» взятъ небольшой пассажирскій пароходъ. Къ большому сожалѣнію, убитъ на первомъ адъютантъ генералъ-

---

([1]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1853 г. № 257.

адъютанта Корнилова, лейтенантъ *Желѣзновъ* — офицеръ, много обѣщавшій для службы. Плѣненные пароходы приведены сегодня въ Севастополь; пассажирскій пароходъ безъ людей, которые успѣли съѣхать на берегъ, а экипажъ военнаго находится на пароходѣ «Владиміръ» и состоитъ изъ 130 человѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ и много раненыхъ. Подробности окажутся по свозѣ ихъ въ карантинъ. Весьма трудно съ ними объясняться по неимѣнію переводчика, и хотя есть офицеры, нѣсколько знающіе по-турецки, но египтяне говорятъ арабскимъ, а турецкаго языка не употребляютъ. Капитанъ непріятельскаго парохода защищался полтора часа и потерялъ жизнь въ дѣлѣ. Пароходъ избитъ какъ въ надводной, такъ и въ подводной части. Поврежденіе машины незначительно и; по карантинной очисткѣ, приступлено будетъ къ исправленію корпуса и механизма. Египтяне, при упорной защитѣ, стрѣляли не искусно: у «Владиміра» видна одна лишь пробоина ядромъ, хотя онъ и испещренъ непріятельскою картечью. Убито съ нашей стороны: лейтенантъ *Желѣзновъ*, о которомъ упомянуто выше, и 1 рядовой; ранено: 1 унтеръ-офицеръ и 2 матроса.

Генералъ-адъютантъ *Корниловъ* лично находился на пароходѣ «Владиміръ» во время сраженія.

Государь Императоръ, получивъ это донесеніе, Высочайше повелѣть соизволилъ: взятый пароходъ назвать *Корниловымъ*, всѣмъ офицерамъ слѣдующіе чины (1), а командиру—*Св. Георгія 4-й ст.*; нижнимъ чинамъ: унтеръ-офицерамъ по 10 рублей, а рядовымъ по 5 рублей, отличившимся дать 6 георгіевскихъ крестовъ (2).

(ДОНЕСЕНІЕ ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА КОРНИЛОВА).

28-го октября, возвратясь съ отрядомъ пароходовъ изъ рекогносцировки турецкихъ береговъ до самаго Босфора (причемъ одинъ изъ пароходовъ видѣлъ 4 турецкіе ко-

(1) См. Высоч. приказ. о производствѣ офицеровъ парохода Владиміръ.
(2) "Морск. Сб." 1853 г. № 11.

рабля и бригъ по направленію къ Сизополю), я поднялъ флагъ свой на 120-ти пуш. кораблѣ «Великій Князь Константинъ», и съ разсвѣтомъ, 29-го, снялся съ севастопольскаго рейда, въ сопровожденіи 120-ти пуш. кораблей: «Три-Святителя», подъ флагомъ контръ-адмирала *Новосильскаго,* «Парижъ», Двѣнадцать-Апостоловъ», подъ флагомъ контръ-адмирала *Панфилова*, 84-хъ пуш. «Ростиславъ» и «Святославъ», для отысканія и истребленія видѣннаго флота, буде онъ расположился въ одномъ изъ трехъ портовъ: Сизополѣ, Варнѣ или Балчикѣ. Пароходы-фрегаты: «Владиміръ» и «Одесса» должны были присоединиться въ слѣдъ за выходомъ эскадры.

Пройдя херсонесскій маякъ съ попутнымъ утреннимъ вѣтромъ, эскадра встрѣтила крѣпкій юго-восточный вѣтеръ, принудившій ее взять всѣ рифы и спустить брамъ-реи на низъ. Отъ начала вѣтра до захожденія солнца—пройдено было до 70 миль; послѣ чего вѣтръ зашелъ къ юго-западу и обратился въ противный штормъ, съ большимъ неправильнымъ волненіемъ и дождевыми шквалами.

30-го, къ вечеру, вѣтеръ смягчился, волненіе также. Присоединился пароходъ-фрегатъ «Владиміръ». На корабляхъ: «Три-Святителя» и «Двѣнадцать-Апостоловъ», которые наиболѣе меня тревожили, ибо качка была самая разрушительная, все обстояло благополучно.

31-го, съ утра, утихшіе вѣтръ и волненіе позволили поставить всѣ паруса и эскадра начала лавировать, сохраняя, по возможности, близость къ условленной въ Севастополѣ линіи. Не присоединившійся пароходо-фрегатъ «Одесса» меня крайне заботилъ.

1-го ноября, съ полуночи, нашелъ внезапно жестокій шквалъ отъ сѣверо-запада; эскадра несла большіе паруса, которые убрала щегольски, не смотря на ночное время; пришлось взять опять всѣ рифы и потомъ оставить одинъ гротъ-марсель и трисели; волненіе не замедлило разыграться и начало трехдечные корабли бросать какъ тендеръ; съ симъ вмѣстѣ, барометръ поднялся, сдѣлалось очень холодно и все предвѣщало извѣстный своею силою и упор-

ствомъ сѣверо-восточный вѣтръ. Желая быть на вѣтрѣ мыса Каліакрія, я поворотилъ къ сѣверу.

2-го ноября вѣтръ продолжался съ сильными порывами, съ дождемъ и градомъ, но къ вечеру погода смягчилась, равно какъ и волненіе.

3-го ноября утромъ вѣтръ стихъ и перешелъ къ югу; эскадра направилась къ мысу Каліакрія; послѣ полдня я послалъ адъютанта своего лейтенанта *Желѣзнова*, на пароходо-фрегатѣ «Владиміръ», осмотрѣть Балчикъ, Варну и Сизополь, а самъ занялся распоряженіями къ атакѣ турецкихъ кораблей, буде они расположены въ какомъ-либо изъ сихъ портовъ.

Ночь была свѣтлая, вѣтръ южный, умѣренный, безъ волненія, и эскадра въ стройномъ порядкѣ лавировала на высоту Варны, дабы быть готовою спуститься и въ Варну, и въ Балчикъ, по первому сигналу съ парохода. Въ полночь, съ 3-го на 4-е число, пароходъ извѣстилъ, что ни въ томъ, ни въ другомъ портѣ судовъ военныхъ нѣтъ и, по условленному сигналу, безъ потери времени, пустился въ Сизополь и Бургасъ.

4-го ноября продолжали лавировать къ югу, при ровномъ южномъ вѣтрѣ въ 20 миляхъ отъ берега; въ полдень присоединился пароходъ «Владиміръ» и вторично опечалилъ насъ сигналомъ, что въ Сизополѣ и Бургасѣ военныхъ судовъ нѣтъ; между тѣмъ были опрошены и эскадрою нѣкоторыя купеческія суда, плывшія изъ Константинополя, и изъ ихъ показаній оказалось, что турецко-египетскій флотъ стоитъ въ Буюкдерѣ, имѣя по прежнему фрегаты и мелкія суда въ крейсерствѣ у самаго пролива, а англійскіе и французскіе линейные корабли, въ числѣ 4-хъ каждой націи, при соотвѣтственномъ числѣ пароходовъ, стояли на якорѣ у азіятскаго берега, противъ мыса Сельве-Бурну (на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, въ 1833 году, былъ расположенъ нашъ лагерь); три турецкіе же парохода, пять дней тому назадъ (слѣдовательно 31 октября), отправлены въ Трабизондъ. Полагая оставить эскадру подъ начальствомъ контръ-адмирала *Новосильскаго*, продолжать предназначенное ей плаваніе въ эскадрѣ вице-адмира-

ПЛАНЪ

ВЗЯТІЯ ПАРОХОДОМЪ ВЛАДИМІРЪ ПАРОХОДА ПЕРВАЗЪ-БАХРИ.

До сраженія.

N.

Во время сраженія.

въ 9½ час.

въ 9½ час.

въ 9 час.

въ 8¾ час.

въ 9¾ час.

въ 10 час.

въ 8 час. пар. Первазъ-Бахри.

въ 10¾ час.

въ 9½ час.

въ 11 час.

въ 9¼ час.

въ 9 час.

въ 12½ час.

въ 8½ час.

въ 12¾ час.

въ 1 час.

S.

въ 8 час. пар. Владиміръ.

ЛИТ. А. СІЕПАНОВА Б. МѢЩ. Д. № 15

ла *Нахимова*, и имѣя въ виду какъ можно поспѣшнѣе извѣстить вице-адмирала *Нахимова* о турецкихъ пароходахъ и необходимость пароходу «Владиміръ» быть въ Севастополѣ, дабы запастись углемъ и опять состоять на готовѣ, я безотлагательно переѣхалъ на пароходъ этотъ и, отдавъ контръ-адмиралу *Новосильскому* приказаніе слѣдовать сначала на соединеніе съ вице-адмираломъ *Нахимовымъ*, а потомъ въ Севастополь, оставивъ, буде потребуется, двухдечные корабли: «Ростиславъ» и «Святославъ» вице-адмиралу *Нахимову*, самъ отправился къ порту Амастро.

5-го, въ $6^3/_4$ ч. утра, на румбъ NtW увидѣлъ дымъ парохода и въ одно время на WSW эскадру, состоящую изъ 6-ти судовъ, которую, по числу ихъ, мы приняли за эскадру вице-адмирала *Нахимова*. Вѣтеръ былъ отъ SW тихій безъ зыби.

Мы легли на пароходъ, и въ 8 часовъ можно было видѣть его двѣ мачты и трубу. Вскорѣ сдѣлалось достовѣрнымъ, что онъ правилъ на NtO.

Въ $8^3/_4$ ч. замѣтили, что гонимый пароходъ вдругъ перемѣнилъ курсъ вправо и сталъ править поперегъ нашего курса; мы легли на $NNO^1/_4O$, на пересѣчку его пути, и начали быстро къ нему приближаться. Черезъ $^1/_4$ часа пароходъ поворотилъ вдругъ влѣво, опять поперегъ насъ, а мы легли на $N^1/_2W$ (1).

Въ $9^1/_2$ ч. онъ положилъ право и сталъ править прямо на насъ.

Въ $9^3/_4$ ч. мы подняли флагъ, на что онъ немедленно отвѣчалъ поднятіемъ турецко-египетскаго флага, положилъ право и сталъ править поперегъ нашего курса, поставивъ форъ-трисель и кливеръ.

Въ 10 ч., подошедши къ нему на пушечный выстрѣлъ, мы пустили первое ядро передъ носомъ его, и видя, что онъ не спускаетъ флага, пустили другое, на которое онъ отвѣчалъ выстрѣлами изъ орудій праваго борта; послѣ этого, сблизившись, мы стали дѣйствовать всѣми орудіями

---

(1) См. прилагаемый при семъ планъ дѣйствій.

лѣваго борта. По третьему выстрѣлу сбили ему флагъ съ флагштокомъ, онъ же немедленно поднялъ другой на гафелѣ и отвѣчалъ всѣми орудіями праваго борта. Всѣ почти ядра его перелетали черезъ насъ въ началѣ сраженія.

Въ $10^1/_4$ ч., входя ему въ кильватеръ, мы дѣйствовали попеременно правымъ бортовымъ и носовымъ бомбическими орудіями, направленными по килю парохода ([1]); когда же непріятель изъ линіи кильватера приводилъ поперегъ насъ, чтобы стрѣлять орудіями праваго борта, мы тоже приводили въ параллель ему, дѣйствовали ядрами и бомбами; а когда разстояніе позволяло, то и картечью, всѣмъ лѣвымъ бортомъ, на который, кромѣ настоящихъ орудій, было перевезено кормовое правое бомбическое.

Въ 11 ч., всѣ шлюпки турецкаго парохода были сбиты; по всему борту были видны пробоины; рангоутъ былъ весьма избитъ, а дымовая труба прострѣлена во многихъ мѣстахъ.

Въ 12 ч. командиръ непріятельскаго парохода, стоявшій во все время боя на площадкѣ, былъ сбитъ ядромъ и въ слѣдъ затѣмъ вся площадка снесена.

Въ $12^1/_2$ ч., лежа параллельно пароходу, во время батальнаго огня съ обѣихъ сторонъ, были убиты у насъ картечью: лейтенантъ *Желѣзновъ*, стоявшій на правомъ кожухѣ, и горнистъ, стоявшій на палубѣ у праваго кожуха; въ одно почти время были тяжело ранены: командоръ лѣвой карронады и одинъ изъ прислуги кормоваго бомбическаго орудія. Турецкій пароходъ, въ послѣдніе два часа, старался держать прямо на азіятскій берегъ, на SO.

Въ $12^3/_4$ ч., мы были уже отъ него на разстояніи не болѣе кабельтова и дѣйствовали нѣсколько минутъ носовыми орудіями; всѣ наши ядра ложились въ корпусъ парохода, потомъ, положивъ вдругъ лѣво, легли въ параллель ему на пистолетный выстрѣлъ и сдѣлали залпъ, при-

---

([1]) Впослѣдствіи оказалось, что турками были устроены баррикады изъ угольныхъ мѣшковъ, между орудіями и поперегъ судна.

чемъ онъ спустилъ флагъ и остановилъ машину, что было сдѣлано въ 1 часъ пополудни, а мы пробили дробь.

Лейтенантъ *Ильинскій* былъ немедленно посланъ на шестеркѣ съ комплектомъ вооруженныхъ гребцовъ, чтобы завладѣть призомъ и поднять русскій флагъ.

Въ слѣдъ затѣмъ на одной изъ кожуховыхъ лодокъ боцманъ, 3 унтеръ-офицера, подшкиперъ, 20 челов. ружейныхъ, 2 сигнальщика, 2 рулевыхъ, 2 машиниста, 4 кочегара и съ ними машинный кондукторъ, 2 плотника, 1 конопатчикъ, 1 слесарь, всѣ вооруженные абордажнымъ оружіемъ, были отправлены на взятый пароходъ, подъ командою старшаго офицера съ парохода «Владиміръ», лейтенанта *Попандопуло*, который и назначенъ временнымъ командиромъ приза.

Другая кожуховая лодка была послана, чтобы забрать плѣнныхъ; къ ней вскорѣ присоединилась первая, высадивъ нашихъ людей на пароходъ, и обѣ привезли въ два рейса плѣнныхъ офицеровъ и команду съ ихъ багажемъ.

Непріятельскій пароходъ оказался въ 220 силъ, 10-ти пушечный египетскій, «Первазъ-бахри», отвозилъ письма въ Синопъ и возвращался въ Пендараклію, гдѣ назначено было ожидать флотъ фрегатовъ.

Изъ собранныхъ свѣдѣній, на пароходѣ всѣхъ чиновъ, въ полномъ составѣ до сраженія, состояло:

Командиръ (¹)	1
Лейтенантовъ	3
Машинистъ англичанинъ	1
Машинистъ арабъ	1
Мичмановъ	3
Докторъ	1
Коммисаръ	1
Мулла	1
Лоцманъ	1
Юнкеровъ	10
Унтеръ-офицеровъ	5

(¹) Изъ черкесовъ, мамелюкъ Саидъ-Паши, адмирала египетскаго флота.

Матросовъ	121
Прислуги	2
Итого . .	151

Послѣ боя привезено на пароходъ Владиміръ:

Офицеровъ	9
Нижнихъ чиновъ	84
	93

Убитыхъ у непріятеля.

Капитанъ	1
Офицеровъ	2
Матросовъ	16
Смертельно раненыхъ и уже умершихъ	3
Раненыхъ несмертельно	18

Вѣрныхъ свѣдѣній о числѣ убитыхъ на турецкомъ пароходѣ собрать отъ плѣнныхъ было невозможно, и потому должно полагать, что ими самими было выброшено за бортъ, до конца еще сраженія, нѣсколько человѣкъ.

Незначительныя повреждения на пароходѣ «Владиміръ», претерпѣнныя имъ во время боя, слѣдующія:

По корпусу: 1) Верхній планширъ борта съ правой стороны пробитъ ядромъ. 2) Въ лѣвой кожуховой каютѣ пробита насквозь переборка картечью. 3) Въ обѣихъ дымовыхъ трубахъ три сквозныя дыры отъ картечныхъ пуль. 4) Въ правой кожуховой каютѣ въ переборкѣ пробоина картечью. 5) Съ лѣвой стороны у карронады—полубортикъ пробитъ картечью, а другой оторванъ ядромъ. 6) Въ лодкѣ № 2, ниже планшира, пробито картечью и поврежденъ киль. *По рангоуту и такелажу*: 1) Перебитъ цѣпной гротовый гардель ядромъ. 2) Перебитъ утлегарь-бакштагъ и мартынъ-бакштагъ и еще нѣсколько бѣгучаго такелажа.

На взятомъ пароходѣ машина уцѣлѣла, кромѣ пробоинъ въ паровикахъ и трубѣ, но корпусъ избитъ до разрушенія, въ кормовой части цѣлыя доски вырваны, рулевая голова сбита, компасы уничтожены, внутри переборки, отъ взрывавшихся бомбъ, совершенно разрушены; вообще поврежденія были многочисленны, такъ что, для приведенія его

въ состояніе держаться на водѣ, мы были заняты до 4 часовъ. Въ это время усмотрѣли двѣ приближающіяся съ разныхъ сторонъ эскадры: одну прямо на вѣтрѣ къ югу—я считалъ эскадрою вице-адмирала *Нахимова*—другая же, отъ запада, могла быть эскадра турецкихъ фрегатовъ. Я пустилъ призъ плыть какъ могъ по румбу въ Севастополь, самъ же рѣшился держать на сомнительную эскадру; вскорѣ оказалось, что это эскадра контръ-адмирала *Новосильскаго*. Боясь потерять призъ съ разбитою трубою и безъ руля, и потому не имѣя времени видѣться съ вице-адмираломъ *Нахимовымъ*, я передалъ все, что для него могло быть нужно, контръ-адмиралу *Новосильскому*, и, кромѣ того, велѣлъ сему послѣднему, буде вице-адмиралъ *Нахимовъ* найдетъ нужнымъ, усилить отрядъ свой еще двумя двухдечными кораблями, то оставить ихъ, а самъ съ сто-пушечными отправился въ Севастополь.

Опасенія мои на счетъ приза были справедливы: намъ пришлось съ нимъ возиться всю ночь и другой день; но, наконецъ, онъ приведенъ въ портъ благополучно.

Капитанъ, офицеры и команда парохода «Владиміръ» вели себя самымъ достойнымъ образомъ. Капитанъ-лейтенантъ *Бутаковъ* распоряжался какъ на маневрахъ. Дѣйствія артиллеріи были и быстры, и мѣтки, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ разрушеніе, ими произведенное на непріятельскомъ суднѣ. Состоявшіе при мнѣ флагъ-офицеры, лейтенанты: князь *Барятинскій*, *Желѣзновъ*, *Добровольскій* и *Ильинскій*, не имѣя у себя дѣла по флагманской части, поощряли команду своимъ примѣромъ и указаніями. Лейтенантъ *Желѣзновъ*—офицеръ, подававшій большую надежду—былъ убитъ картечью на кожуховой лодкѣ, откуда замѣчалъ дѣйствіе нашихъ ядеръ (¹).

Плаваніе брига Язонъ, въ 1853 году.

17-го мая, въ 6 часовъ вечера, его свѣтлость князь

(¹) „Морской Сборникъ“ 1853 г. № 11.

Меншиковъ прибылъ изъ Одессы въ Севастополь, на пароходѣ «Громоносецъ». Всѣ ждали объявленія войны, и потому спѣшили къ пароходу узнать послѣднія новости. Не смотря на пасмурную погоду, графская пристань была покрыта толпами любопытныхъ, и не успѣлъ пароходъ ошвартовиться, какъ въ толпѣ ходили уже различные слухи: что рѣшительная война, что флотъ долженъ выйти въ море, и проч.

Въ слѣдующую ночь приказано было приготовиться къ выходу въ море слѣдующимъ судамъ: фрегатамъ: «Кулевчи», «Коварна», бригамъ: «Эней», «Птоломей» и «Язонъ». Я служилъ на послѣднемъ. Оба фрегата и бриги «Птоломей» и «Язонъ» стояли на рейдѣ, готовые отправиться въ море съ первою практическою эскадрою; но «Эней» былъ въ гавани совсѣмъ разоруженный, готовясь итти на элингъ для нѣкоторыхъ исправленій; трюмъ брига былъ выгруженъ, систерны на берегу. Но, получивъ повелѣніе итти въ море, бригъ приступилъ къ работамъ, которыя производились съ чрезвычайною быстротою; 19-го числа, въ 10 ч. утра, бригъ стоялъ на рейдѣ совершенно готовый.

20-го мая, съ разсвѣтомъ, отрядъ нашъ выступилъ изъ Севастополя; каждый командиръ получилъ инструкцію плаванія, съ означеніемъ дистанціи для каждаго судна, и таблицу опознательныхъ сигналовъ. Цѣлью нашего крейсерства было: слѣдить за движеніемъ турецкаго флота и о встрѣченныхъ военныхъ турецкихъ судахъ давать знать командующему отрядомъ, командиру фрегата «Кулевчи», капитанъ-лейтенанту *Лѣсовскому*. Въ инструкціи, данной командирамъ судовъ, между прочимъ предписывалось: быть всегда готовымъ отразить непріятеля, вслѣдствіе чего орудія имѣть постоянно заряженными.

Выйдя изъ Севастополя при тихомъ брамсельномъ вѣтрѣ мы сначала держались соединенно; но 23-го числа подувшій отъ NO крѣпкій вѣтеръ заставилъ насъ разлучиться, зарифиться и спустить брамъ-стеньги. Наша дистанція была въ 20 миляхъ отъ Босфорскаго пролива, и потому мы продолжали выбираться къ мѣсту своего назначенія, и 26-го числа, въ 8 часовъ вечера, были отъ Азіатскаго маяка въ 22 миляхъ, а отъ ближайшаго берега Хили въ 16-ти. Всѣ

суда нашего отряда распредѣлялись по дистанціямъ отъ Босфорскаго пролива до Херсонесскаго маяка, ближе къ Румелійскому берегу, въ разстояніи одинъ отъ другаго на 30 миль.

Прійдя на дистанцію, командиръ нашъ, капитанъ-лейтенантъ *Юрьевъ* (нынѣ командиръ корвета «Калипса»), собралъ команду и, объявивъ ей наше назначеніе, приказалъ въ особенности заняться артиллерійскимъ ученьемъ. Команда брига была опытна въ практическомъ морскомъ искусствѣ: въ продолженіе трехъ лѣтъ бригъ былъ въ гавани только два мѣсяца, и хотя въ предъидущихъ плаваніяхъ не была забыта и артиллерія, но теперь мы преимущественно занялись ею. Для исполненія же главнѣйшей цѣли нашего назначенія, разставлены были часовые: днемъ — по обѣимъ сторонамъ бака и юта, а ночью — на салингѣ, и какъ только на горизонтѣ показывалось судно, даже тучка, имѣющая форму судна, мы снимались съ якоря и летѣли къ ней на встрѣчу; если же эта тучка превращалась въ судно, то дѣлали опознательные сигналы, днемъ флагами, а ночью ракетами и фальшфеерами. Осмотрѣвъ завидѣнное судно на близкомъ разстояніи и не найдя въ немъ примѣтъ военнаго крейсера, возвращались назадъ. Если же судно казалось подозрительнымъ, и было то ночью, мы били тревогу. Ночью бригъ освѣщался и былъ готовъ къ бою въ $2^1/_2$ и 3 минуты; днемъ же «Язонъ», въ $1^1/_4$ и $1^1/_2$ минуты по пробитіи тревоги, могъ послать ядро.

Первое время плаванія было очень интересно; при SW, въ то время дувшемъ, мы подходили къ проливу весьма близко и видѣли, какъ изъ пролива выходило множество комерческихъ судовъ; иногда мы ихъ насчитывали въ день до 50-ти. По прошествіи двухъ недѣль, вышла наша офицерская провизія; сборъ нашъ къ плаванію былъ такъ быстръ, что мы, исполняя обязанности службы, не могли думать о себѣ, и потому въ началѣ третьей недѣли лишены были удовольствія хорошо поѣсть, что особенно пріятно въ морѣ, ибо, по общему замѣчанію, море возбуждаетъ апетитъ. Но унывать не въ характерѣ моряка, и по-

тому, включивъ кашицу въ число нашихъ блюдъ, мы сначала ѣли ее неохотно, а потомъ привыкли къ ней.

29-го мая, на разсвѣтѣ, увидѣли бригъ, идущій отъ NO; мы лежали подъ одними марселями въ два рифа, что обыкновенно дѣлали съ вечера, и оставались такъ до разсвѣта. Увидѣвъ бригъ, мы поставили всѣ паруса и легли на него, и къ 8 часамъ могли различить опознательный сигналъ и вымпела брига «Ѳемистоклъ», который долженъ былъ состоять въ нашемъ отрядѣ, но, при выходѣ нашемъ въ море, не имѣлъ еще своего командира, который находился въ то время на Кавказѣ, и потому на мѣсто его былъ посланъ бригъ «Птоломей», имѣвшій командира капитанъ-лейтенанта *Заводовскаго*.

14-го іюня, въ полдень, мы увидѣли идущій отъ NNO пароходъ «Метеоръ». Подойдя къ нему, легли въ дрейфъ и получили съ парохода хронометръ и двѣ бочки свѣжей зелени для команды. Офицеры же парохода подѣлились съ нами чѣмъ могли; по этому случаю у насъ былъ праздничный обѣдъ: супъ съ курицей и свѣжій хлѣбъ. Пароходъ отправился къ другимъ крейсерамъ, а мы привели къ берегу.

13-го іюня, въ 6 часовъ утра, съ салинга дали знать, что подъ вѣтромъ видно судно, похожее на военное и идущее подъ одними марселями. Мы снялись съ дрейфа и подняли опознательный сигналъ. Отвѣта не было. Бригъ оказался турецкимъ. Къ 7 часамъ, бригъ нашъ, окончивъ утреннія работы, поставилъ всѣ прямые паруса и лисели съ лѣвой, подошелъ къ турецкому бригу, на которомъ, къ удивленію нашему, не было замѣтно никакого движенія до тѣхъ поръ, пока мы взаимно не сблизились на разстояніе пушечнаго выстрѣла. Тогда только турокъ очнулся отъ кейфа, началъ ставить брамсели, фокъ и гротъ; видно было, что до сего времени онъ не предполагалъ въ насъ военный бригъ.

Бриги подняли флаги, и пролежавъ нѣсколько времени одинъ у другаго на траверзѣ, въ бейдевиндъ, разошлись; мы продолжали итти тѣмъ же курсомъ, а турокъ поворотилъ къ проливу. Бригъ этотъ былъ 20-ти пушечный и принадле-

жалъ къ крейсерамъ, высланнымъ турецкимъ правительствомъ, узнавшимъ о нашихъ крейсерахъ. Кромѣ этого брига, къ числу турецкихъ крейсеровъ принадлежали два фрегата и нѣсколько большихъ пароходовъ.

Исполняя инструкцію, мы спѣшили на станцію фрегата «Кулевчи» (¹), дать знать о встрѣченномъ нами турецкомъ бригѣ. На пути къ фрегату встрѣтили шхуну «Дротикъ», которая отправлена была командующимъ 1-ю практическою эскадрою (вице-адмираломъ *Нахимовымъ*), съ собственнымъ его хронометромъ, для повѣрки нашихъ; сличивъ хронометры, мы продолжали путь.

15-го числа, въ 2 часа пополудни, увидѣли фрегатъ, лежавшій въ дрейфѣ и производившій пальбу въ цѣль. Подойдя къ фрегату и донеся командиру онаго о вышесказанной встрѣчѣ, мы получили приказаніе отправиться съ этимъ извѣстіемъ къ корвету «Андромаха», крейсеровавшему у Херсонесскаго маяка; корветъ долженъ былъ передать это извѣстіе вице-адмиралу *Нахимову*, въ вѣдѣніи котораго находился Босфорскій отрядъ. 16-го числа, къ полудню, сошлись съ бригомъ «Эней», командиромъ капитанъ-лейтенантомъ княземъ *Ширинскимъ-Шихматовымъ*, который возвращался отъ эскадры, увѣдомивъ адмирала о своей встрѣчѣ съ турецкимъ фрегатомъ. Къ вечеру подошла къ намъ яхта главнаго командира, подъ командою лейтенанта *Ильинскаго*, который имѣлъ повелѣніе обойти всѣхъ крейсеровъ, узнать о благосостояніи ихъ и не имѣютъ ли въ чемъ надобности.

Въ ночь, 17-го числа, пришли на дистанцію корвета, пустили двѣ ракеты, сожгли нѣсколько фальшфееровъ, но отвѣта не было. Лечь въ дрейфъ капитанъ не хотѣлъ, его желаніе было продолжать путь къ Херсонесу, чтобъ встрѣтить практическую эскадру, которая должна была плавать въ виду маяка. Подойдя къ маяку, осмотрѣли горизонтъ и увидѣли только одинъ корабль, лежащій въ дрейфѣ. Въ отвѣтъ на наши вымпелы, корабль поднялъ свои: «Ростп-

---

(¹) Фрегатъ *Кулевчи* имѣлъ у себя воспитанниковъ старшаго класса Школы Флотскихъ Юнкеровъ въ Николаевѣ.

славъ» (корабль этотъ принадлежалъ ко второй практической эскадрѣ, которая по очереди высылала свои суда къ маяку, для недѣльнаго плаванія). Мы сдѣлали сигналъ: гдѣ эскадра, къ которой слѣдуемъ съ депешами? Корабль показалъ R SOtO, ведущій къ Айтодору. При легкомъ береговомъ вѣтрѣ, мы подошли къ мысу Аія, у котораго и заштилѣли. 18-го, въ 10 часовъ ночи, увидѣли флотъ и сожгли нумеръ своихъ позывныхъ. Съ разсвѣтомъ, береговой вѣтерокъ приблизилъ насъ къ эскадрѣ: спустили шлюпку, и капитанъ поѣхалъ съ донесеніемъ. Возвратясь на бригъ, капитанъ поздравилъ насъ съ новою дистанціею: начальство, узнавъ о турецкихъ крейсерахъ, нашло неудобнымъ держать бриги около пролива, и потому предписало: бригамъ занять мѣста фрегатовъ, а фрегатамъ итти къ проливу и плавать въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи.

Въ слѣдствіе сего мы заняли дистанцію фрегата «Кулевчи». Проходили недѣли за недѣлями, а смѣны не было. Насъ безпокоилъ недостатокъ въ водѣ, которая приходила къ концу, почему и уменьшена была ея порція; не смотря на то, команда не потеряла физической и нравственной бодрости, и съ прежнимъ стараніемъ продолжала заниматься артиллеріей. Попеременно занимая мѣста комендоровъ; заряжающихъ, дѣйствующихъ гандшпугами — словомъ всей прислуги, матросы могли имѣть хорошее понятіе о градусникѣ прицѣла, и потому ловко, скоро и правильно цѣлились. Частыя тревоги пріучили людей къ быстротѣ, о которой упомянулъ выше. Скажу еще о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ: орудіе отъ прицѣла до прицѣла изготовлялось въ 15—18 секундъ; въ три минуты послѣ тревоги каждое орудіе выбрасывало по 5 ядеръ прицѣльнымъ выстрѣломъ; въ ретирадный портъ орудіе ставилось въ 2—2½ минуты, съ выстрѣломъ; комендоръ цѣлился въ назначенный предметъ, подавая орудіе въ одинъ изъ косяковъ порта, отъ 10 до 15-ти секундъ отъ команды «*трубку*». Это результатъ ученій, взятый изъ журнала дѣйствій батареи. Не спорю, что въ настоящемъ дѣлѣ подобной скорости быть не можетъ; но пріуча команду къ такой быстротѣ и правильности,

можно вполнѣ надѣяться на успѣхъ дѣйствія и въ самомъ сраженіи.

Въ этихъ занятіяхъ незамѣтно проходилъ конецъ втораго мѣсяца нашего плаванія. Давно не раздавался съ салинга голосъ, по которому бригъ распускалъ свои крылья: Но 3-го іюля показалось на горизонтѣ судно: то былъ фрегатъ «Кагулъ», шедшій на смѣну фрегата «Кулевчи». Насъ же кто смѣняетъ? —«Никто»: Бригамъ велѣно по очереди заходить на время въ Севастополь. «Эней» первый отправился въ родимый портъ. Намъ же прійдется плавать еще недѣли двѣ. Командиръ фрегата «Кагулъ», капитанъ-лейтенантъ *Спицинъ* (произведенный за синопское сраженіе въ капитаны 2-го ранга), далъ намъ 285 ведеръ воды и 25 пудовъ соленаго мяса, а офицеры снабдили насъ чѣмъ могли изъ живности.

6-го числа встрѣтили фрегатъ «Сизополь», шедшій на смѣну фрегата «Коварна», и тоже получили отъ него 45 ведеръ воды. Прошло еще нѣсколько дней.... «Эней» не показывался, а между тѣмъ вода приходила къ концу. Но встрѣча съ фрегатомъ «Кулевчи, возвращавшимся въ Севастополь, дала намъ возможность дождаться смѣны. За недѣлю до смѣны фрегатовъ, къ нимъ подходилъ пароходъ «Бессарабія» и передалъ фрегату «Кулевчи» 4000 (¹) ведеръ воды, а потому командиръ фрегата, зная что бриги все еще продолжаютъ плаваніе, счелъ обязанностью сыскать насъ и снабдить водою. Не сыскавъ «Ѳемистокла», фрегатъ подошелъ къ намъ 10-го числа, въ 4 часа пополудни, и спустилъ на воду бочки съ водою, которыя мы и прибуксировали къ бригу. Къ 8-ми часамъ вечера мы уже имѣли 400 ведеръ воды.

Между тѣмъ «Эней» въ Севастополѣ восхищаетъ всѣхъ быстротою своихъ работъ: съ необыкновенною скоростью разружается, втягивается на элингъ (1851 г. бригъ, ставъ на мель у Херсонесскаго маяка, повредилъ фалшъ-киль), исправляется, опять вооружается и, на 13-я сутки отъ вхо-

(¹) Пароходъ подошелъ вплоть къ борту фрегата и посредствомъ ватер-шланговъ, въ нѣсколько часовъ, перелилъ воду.

да въ портъ, спѣшитъ смѣнить насъ. 14-го числа въ полдень, мы сошлись. Бригъ, передавъ намъ приказаніе итти, на время въ портъ и имѣя живаго быка, предложилъ намъ взять свѣжаго мяса; мы давно забыли вкусъ ростбифа, и потому съ признательностью приняли это предложеніе.

15-го, въ полдень, мы были уже въ виду Севастополя, и при легкомъ NW надѣялись къ 3 часамъ войти въ бухту; но господину Нептуну угодно было подшутить надъ нами: вѣтеръ перешелъ къ NO, засвѣжѣлъ, заставилъ насъ взять три рифа и отказаться отъ надежды бросить сего числа якорь. На вѣтрѣ отъ насъ была 2-я практическая эскадра, подъ флагомъ контръ-адмирала *Новосильскаго* (нынѣ вице-адмиралъ—за синопское сраженіе). На другой день, съ разсвѣтомъ, буря нѣсколько утихла, и мы, отдавъ одинъ рифъ, стали лавировать къ бухтѣ. Въ 1-мъ часу по полудни сдѣлали послѣдній галсъ, которымъ легли прямо въ бухту, имѣя крепу 18°, и идя по 7 узловъ. Капитанъ хотѣлъ лавировать и въ бухтѣ, къ удовольствію страстныхъ моряковъ, которые не пропустятъ ни одного судна выходящаго и входящаго на рейдъ, чтобъ опытнымъ морскимъ глазомъ не замѣтить каждое движеніе на суднѣ. Но паруса намъ измѣнили; форъ-брамсель два раза сдавался при лавировкѣ, и такимъ образомъ отнялъ у «Язона» частичку его славы; къ бóльшему же еще огорченію нашему, порвался гротъ и кливеръ, и бригъ долженъ былъ съ отдачею фока и кливеръ-шкотовъ бросить якорь, убравъ паруса со скоростію, пріятною для глазъ слѣдившихъ за нами севастопольцевъ.

Такъ кончилъ бригъ свое 58-ми-дневное плаваніе. Прійдя въ Севастополь, какъ бы послѣ прогулки, команда была въ наилучшемъ состояніи, судно не требовало никакихъ исправленій отъ порта.

Освѣживъ команду, «Язонъ», на 13-й день по приходѣ въ Севастополь, снова отправился на станцію: онъ долженъ былъ смѣнить бригъ «Ѳемистоклъ»; но тотъ, имѣя нѣкоторыя поврежденія, прежде насъ пришелъ въ Севастополь, и пятью днями прежде же «Язона» ушелъ въ море; слѣдовательно, «Язону» пришлось смѣнять бригъ «Эней».

Я, по болѣзни, оставался на берегу, и по выздоровленіи снова поступилъ на свой бригъ, который, послѣ 48-ми-дневнаго плаванія, пришелъ въ Севастополь. Не успѣлъ бригъ бросить якорь, какъ получилъ приказаніе идти съ депешами къ фрегату «Коварна», который былъ въ Одессѣ, и потомъ отправиться на дистанцію этого фрегата. Цѣлую ночь мы грузили провизію, накачивали воду въ систерны изъ водоналивнаго бота, и 17-го октября снялись съ якоря. Между тѣмъ въ Севастопольскомъ рейдѣ кипѣла дѣятельность. Жаль, что въ это время не было Айвазовскаго! Картина отправленія флота съ дессантомъ къ берегамъ Кавказа (1) была достойна кисти художника. — Флотъ состоялъ изъ 39 судовъ, расположенныхъ въ бухтѣ, въ три линіи. Первая, ближайшая къ сѣверной сторонѣ, состояла изъ транспортовъ и пароходовъ; вторая — изъ 14 кораблей и третья—изъ 3-хъ фрегатовъ, 3-хъ корветовъ и нашего брига. По сигналу: *сняться съ якоря*, всѣ суда разомъ поставили паруса и, начиная съ передовыхъ каждой линіи, выходили за вѣхи. Черезъ часъ послѣдній корабль вышелъ въ море. Въ 10 часовъ, флотъ, построясь въ 2 колоны, огибалъ Херсонесскій маякъ. Бригъ нашъ тоже вступилъ подъ паруса и догналъ корабли «Селафаилъ», «Уріилъ» и фрегатъ «Флора», шедшіе въ Одессу за войскомъ для севастопольскаго гарнизона. 19-го числа отрядъ нашъ бросилъ якорь на Одесскомъ рейдѣ.

Бдительное вниманіе нашихъ крейсеровъ не могло открыть другаго движенія турецкаго флота, кромѣ крейсеровъ, высланныхъ противъ нашихъ крейсеровъ, съ намѣреніемъ напасть на нихъ, при удобномъ случаѣ. Въ слѣдствіе сего его свѣтлость князь *Меншиковъ* выслалъ въ море, подъ начальствомъ вице-адмирала *Нахимова*, эскадру изъ слѣдующихъ судовъ: кораблей «Императрица Марія», «Чесма», «Храбрый», «Ягудіилъ», фрегата «Кагулъ» и нашего брига. Въ предписаніи его свѣтлости къ адмиралу, между прочимъ, было сказано: «По свѣдѣніямъ изъ Константинополя,

---

(1) См. на стр. 125 статью: *Перевозка войскъ изъ Севастополя къ Кавказскимъ берегамъ и изъ Одессы въ Севастополь.* *Ред.*

между прочимъ, сдѣлалось извѣстнымъ, что турецкое правительство дало наставленіе своимъ крейсерамъ, по миновании сего $^9/_{21}$ октября, въ случаѣ встрѣчи съ русскими, и буде они въ меньшихъ силахъ, атаковывать ихъ. Такъ какъ извѣстіе это не официальное и, слѣдовательно, со стороны нашей не должно быть принято за разрывъ; между тѣмъ такое распоряженіе турецкаго правительства, буде оно справедливо, можетъ подвергнуть нашихъ крейсеровъ внезапной атакѣ, то, въ предупрежденіе сего, я предписываю: 1) пароходу «Бессарабія» находиться въ вашемъ отрядѣ; 2) вашему превосходительству распространить свое крейсерство къ Анатолійскому берегу, между мысомъ Керемпе и портомъ Амастра, такъ, чтобъ быть на пути сообщенія между Константинополемъ и Батумомъ. Эскадра ваша можетъ подходить на видъ береговъ, но не должна безъ повелѣнія высшаго начальства, или открытія непріязненныхъ дѣйствій со стороны турокъ, вступать съ ними въ дѣло. 3) къ фрегату «Коварна» и бригу «Эней» посланъ пароходъ «Дунай», для предупрежденія ихъ быть осторожными и соединиться съ эскадрою вашего превосходительства» и проч.

Вице-адмиралъ Павелъ Степановичъ *Нахимовъ*, получивъ это предписаніе, старался снабдить свои суда и команду всѣмъ нужнымъ для долгаго, зимняго плаванія, и далъ командирамъ судовъ инструкцію, въ которой упоминалось: «такъ какъ Россія не объявляла войны, то, при встрѣчѣ съ турецкими судами, первый непріязненный выстрѣлъ долженъ быть со стороны ихъ; тѣ же турецкія суда, которыя на это рѣшатся, должны быть уничтожены». Въ заключеніе адмиралъ пишетъ: «Я убѣжденъ, что, въ случаѣ разрыва между Россіей и Турціей, каждый изъ насъ исполнитъ свое дѣло».

11-го числа, чуть-свѣтъ, при легкомъ NNO, эскадра наша, тихо, торжественно снялась съ Севастопольскаго рейда. Жители Севастополя толпились на всѣхъ возвышеніяхъ, чтобъ напутствовать насъ желаніемъ славы и сказать «прости», которое, можетъ быть, для нѣкоторыхъ изъ насъ будетъ послѣднимъ.... Мы же мысленно обѣщали по-

радовать ихъ возвращеніемъ съ тріумфомъ побѣды. 12-го числа вѣтеръ засвѣжѣлъ и заставилъ взять три рифа. Въ ночь встрѣтили фрегатъ «Коварна», которому приказано было держаться соединенно. На другой день фрегатъ сдѣлалъ телеграфъ: «У меня ничего нѣтъ». Адмиралъ, въ отвѣтъ на это, поднялъ вымпелы фрегата и брига «Эней» и сигналъ: «идти въ Севастополь, предупреждаю быть осторожнымъ—близко къ разрыву».

13-го числа, въ полдень, были отъ ближайшаго берега—устья р. Капу-Суи—въ 28 миляхъ. 14-го числа, въ прекрасное утро, при маловѣтріи, которое вскорѣ превратилось въ штиль, мы могли простыми глазами видѣть берега съ селеніями на немъ. Анатолійскіе берега напоминаютъ берегъ Кавказа, даже населеніе ихъ состоитъ изъ такихъ же бродягъ. Въ 12-мъ часу фрегатъ «Кагулъ», бывшій на вѣтрѣ, увѣдомилъ адмирала, что видитъ пароходъ на R NNO; чрезъ нѣсколько минутъ и мы замѣтили трехъмачтовый батарейный пароходъ подъ турецкимъ флагомъ. Подойдя къ эскадрѣ на разстояніе мили, пароходъ остановился, осмотрѣлъ своихъ гостей и поспѣшно отправился во-свояси, завидѣвъ на горизонтѣ дымъ шедшаго къ намъ парохода «Бессарабія».

20-го октября, въ 10 часовъ утра, пришелъ къ эскадрѣ пароходъ «Одесса» со свѣжею провизіей и извѣстіемъ о дѣлѣ подъ Исакчею (¹).

25-го октября, послѣ нѣсколькихъ бурныхъ дней, установилась хорошая погода. Въ 8 часовъ утра, эскадра находилась въ 11-ти миляхъ отъ мыса Керемпе къ NO; къ полудню мы подошли почти къ самому берегу и потомъ, по сигналу, стали спускаться на WSW. Черезъ нѣсколько времени замѣтили подъ самымъ берегомъ пароходный дымъ, медленно приближавшійся къ эскадрѣ. Видно было, что пароходъ былъ турецкій: онъ буксировалъ другое судно и хотѣлъ проскочить мимо эскадры, не поднимая флага. Душевно жалѣли мы, что не имѣемъ разрѣшенія обмѣняться съ нимъ выстрѣлами.... Но и Павелъ Степановичъ

(¹) См. стр. 131—134 настоящаго Сборника. *Ред.*

не могъ хладнокровно смотрѣть на дерзкое намѣреніе турецкаго парохода и сдѣлалъ сигналъ пароходу «Бессарабія», имѣвшему пары готовыми, и фрегату «Кагулъ: «опросить идущій пароходъ и заставить его поднять національный флагъ»: Суда, къ которымъ относился этотъ сигналъ, тотчасъ привели приказаніе къ исполненію и пошли на пересѣчку курса турецкому пароходу. Турокъ отдалъ букспръ, и судно, поставивъ кливеръ, бросилось къ берегу, и въ балкѣ Фоказъ, у кордона, стало на мель. Пароходъ же продолжалъ бѣжать, проскочивъ фрегатъ, который послалъ ему въ слѣдъ ядро. Но «Бессарабія» ожидала бѣглеца на пути, сдѣлала два холостыхъ выстрѣла и въ слѣдъ за симъ изъ кормовой бомбической пушки пять ядеръ, которыя вынудили упрямца поднять флагъ. Тогда «Бессарабія» поворотила къ флоту.

Будь это днемъ позже, и турокъ дорого бы поплатился за свою дерзость. На другой день подошелъ къ намъ корветъ «Калипса», съ депешами отъ князя *Меншикова*, который извѣщалъ адмирала, что турки, переправясь черезъ Дунай, заняли Калафатъ. Слѣдовательно, войну должно считать начавшеюся. По этому предоставляется брать и разрушать турецкія военныя суда, гдѣ бы ихъ ни встрѣтили. Относительно же купеческихъ судовъ—ожидать особаго разрѣшенія.

Нѣсколько дней тихой и ясной погоды опять смѣнились бурливыми: 28-го задулъ восточный вѣтеръ, который въ это время года на Черномъ морѣ бываетъ очень крѣпокъ. Надо сказать, что эскадра во все время плаванія весьма рѣдко отдавала второй рифъ. Пароходъ съ особеннымъ искусствомъ держался подъ парусами наравнѣ съ эскадрой, имѣя, впрочемъ, на всякій случай, пары готовыми. 29-го числа, пароходъ отправился за углемъ, въ Севастополь, гдѣ стояли уже готовыми боты съ углемъ, водой и провизіей.

1-го ноября, въ 1-мъ часу, корабль «Чесма» донесъ адмиралу, что видитъ отъ NNO пароходъ и парусное судно, но не знаетъ какіе. Спустившись на показанный румбъ, отрядъ въ скоромъ времени открылъ пароходъ «Бессарабія» и фрегатъ «Коварна». Сильная погода не дозволила

имѣть сообщеніе съ пришедшими судами, но пароходъ подошелъ подъ корму адмиральскаго корабля «Императрица Марія» для переговоровъ, послѣ чего адмиралъ тотчасъ сдѣлалъ телеграфъ: «война объявлена; турецкій флотъ вышелъ въ море; отслужить молебствіе и поздравить команду».

Команда брига была собрана на шканцы. «Адмиралъ поздравляетъ васъ съ войной», произнесъ капитанъ. — Команда отвѣчала единогласнымъ ура! Нѣсколько дней вѣтеръ не стихалъ. Корабли славно выдерживали непогоду, сохраняя свои мѣста.

2-го ноября, при рифмарсельномъ вѣтрѣ WSW, суда имѣли четыре рифа и держали въ берегъ. Фрегатъ «Коварна» сдѣлалъ сигналъ, что видитъ пароходъ на R NW; почему адмиралъ приказалъ «Бессарабіи» гнаться за непріятелемъ. Черезъ полчаса пароходъ нашъ возвратился изъ погони, по сигналу адмирала, ибо непріятельскій пароходъ сталъ скрываться, а время приходило къ ночи. На другой день вѣтеръ стихъ и къ полудню совершенно заштилѣлъ, что дало намъ возможность имѣть сообщеніе между собою. Павелъ Степановичъ потребовалъ мичмановъ для приказаній, которыя были слѣдующаго содержанія: «Не имѣя возможности, за крѣпкимъ вѣтромъ и большимъ волненіемъ два дня, передать на суда ввѣреннаго мнѣ отряда, копіи съ манифеста объявленія войны Турціею, я передаю ихъ теперь и предлагаю гг. командирамъ приказать священникамъ прочесть ихъ при собраніи всей команды. Имѣю извѣстіе, что турецкій флотъ вышелъ въ море, съ намѣреніемъ занять принадлежащій намъ портъ Сухумъ-Кале, и что для отысканія непріятельскаго флота, отправленъ изъ Севастополя съ 6-ю кораблями генералъ-адъютантъ *Корниловъ*. Непріятель не иначе можетъ исполнить свое намѣреніе, какъ пройдя мимо насъ, или давъ намъ сраженіе. Въ первомъ случаѣ, я надѣюсь на бдительный надзоръ гг. командировъ и офицеровъ; во второмъ— съ Божіею помощію и увѣренностью въ своихъ офицерахъ и командахъ—я надѣюсь съ честью принять сраженіе. Не распространяясь въ наставленіяхъ, я выскажу свою мысль, что въ морскомъ дѣлѣ близкое разстояніе отъ непріятеля

и взаимная помощь другъ къ другу есть лучшая тактика. Увѣдомляю гг. командировъ, что, въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, превышающимъ насъ въ силахъ, я атакую его, будучи совершенно увѣренъ, что каждый изъ насъ сдѣлаетъ свое дѣло».

Когда съ фрегата была принята, кѣмъ слѣдуетъ, провизія, эскадра построилась въ боевой строй и легла въ берегъ; разстояніе между судами — $^1/_2$ кабельтова. 4 числа у мыса Керемпе замѣтили нѣсколько одномачтовыхъ судовъ, которыя по турецки называются *чектырмы*. Адмиралъ сигналомъ потребовалъ подъ корму своего корабля пароходъ «Бессарабія» для переговоровъ, послѣ чего пароходъ отдѣлился отъ эскадры и подошелъ къ берегу.

Офицеры брига сожалѣли, что адмиралъ не доставилъ «Язону» случая схватиться съ турецкими судами, изъ которыхъ многія уже подходили къ траверсу. Но не успѣли мы помѣняться этими мыслями, какъ уже развѣвался сигналъ: бригу «Язонъ» *опросить идущія суда*. Мы тотчасъ же поворотили и легли однимъ курсомъ съ ближайшей чектырмой; но, по близости ея къ берегу и береговомъ вѣтрѣ, который съ большею силою доходилъ до нея, мы не могли ее пересѣчь, хотя и прибѣгали къ греблѣ. Погоня наша продолжалась съ 2-хъ до 7 часовъ; наконецъ, близкое разстояніе отъ берега и наступавшая ночь заставили насъ прекратить погоню. Въ это время «Бессарабія» была подъ самымъ берегомъ, и мы слышали выстрѣлы. Въ 11 часовъ ночи подошли къ эскадрѣ и вступили въ свое мѣсто, а черезъ часъ возвратилась и «Бессарабія», ведя на буксирѣ двухъ-мачтовый турецкій пароходъ.

На другой день, т. е. 5 ноября, взятый пароходъ былъ уже намъ полезенъ: въ 11 часовъ, фрегатъ «Коварна» донесъ, что слышитъ выстрѣлы на R W. Дѣйствительно, были слышны залпы и одиночная пальба съ промежутками. Эти выстрѣлы встревожили насъ: мы предполагали, что адмиралъ *Корниловъ* встрѣтилъ турецкій флотъ и имѣетъ съ нимъ дѣло, а мы, по причинѣ мертваго штиля, не можемъ подойти къ нему. Наконецъ Павелъ Степановичъ приказалъ «Бессарабіи» взять на буксиръ корабль «Императ-

рица Марія», а призовому пароходу—другой корабль. Буксируясь такимъ образомъ по очереди, эскадра ушла впередъ миль на семь къ W. Выстрѣлы были слышны отъ 10 часовъ до часа. Къ вечеру задулъ вѣтерокъ, адмиралъ имъ воспользовался сколько было возможно. Въ 10-мъ часу ночи мы увидѣли впереди огни. Адмиралъ сдѣлалъ сигналъ приготовиться къ бою и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ сигналъ опознательный, на который и получилъ отвѣтъ. Къ намъ подходилъ не непріятель, а эскадра вице-адмирала *Корнилова*, который, обойдя весь Румелійскій берегъ и не встрѣтивъ турецкаго флота, желалъ навѣстить насъ, для чего и пересѣлъ на пароходъ «Владиміръ». На пути къ нашей эскадрѣ, «Владиміръ» замѣтилъ турецкій пароходъ, идущій къ проливу, и пустился его преслѣдовать. Послѣ трехъ-часоваго боя, противникъ, потерявъ начальника, спустилъ флагъ. Вотъ выстрѣлы, которые насъ такъ безпокоили.

Исправивъ поврежденія взятаго парохода до возможности продержать его нѣсколько дней въ морѣ, «Владиміръ» взялъ свой трофей на буксиръ и повелъ къ своему отряду, который встрѣтилъ его громкимъ ура! Пройдя всѣ свои корабли, вице-адмиралъ *Корниловъ* приказалъ пароходамъ отправиться въ Севастополь, а самъ съ своею эскадрой пошелъ на соединеніе съ нами......

Послѣ отправленія генералъ-адъютанта *Корнилова* въ Севастополь, отрядъ нашъ, подъ командою контръ-адмирала *Новосильскаго*, пришелъ къ Анатолійскому берегу и, перемѣнившись нѣкоторыми кораблями съ вице-адмираломъ *Нахимовымъ*, отправился въ Севастополь, а Павелъ Степановичъ къ Синопу,—получивъ свѣдѣніе отъ шхипера турецкаго судна, что тамъ стоятъ два турецкіе фрегата и пароходъ. Мы съ большимъ неудовольствіемъ разстались съ прежнимъ своимъ отрядомъ, предчувствуя, что Павелъ Степановичъ дастъ ему случай пожать лавры славной побѣды...

И вотъ бригъ «Язонъ», послѣ 152-хъ-дневнаго плаванія (отъ 18-го мая до 11-го ноября), стоитъ на рейдѣ и ждетъ, какъ роковаго приговора, приказанія втянуться въ гавань....

12-го ноября, по приказанію его свѣтлости *князя Меншикова*, контръ-адмиралъ *Новосильскій* съ кораблями: «Парижъ», «Великій Князь Константинъ», «Три Святителя» и фрегатомъ «Кулевчи», вышелъ изъ Севастополя на присоединеніе къ вице-адмиралу *Нахимову*, котораго эскадра, такимъ образомъ, составилась изъ кораблей: «Императрица Марія», «Чесма», «Ростиславъ», «Парижъ», «Великій Князь Константинъ» и «Три Святителя», фрегатовъ: «Кагулъ» и «Кулевчи».

Предчувствіе наше сбылось.... Павелъ Степановичъ исполнилъ обѣщанное.... Забудемъ же свое горе и приготовимся ликовать при встрѣчѣ героевъ-побѣдителей? Извѣстіе о побѣдѣ привезъ «Громоносецъ», 21-го ноября, въ полночь. Троекратнымъ ура! возвѣстилъ онъ эту радость. На другой день показался побѣдоносный флотъ. Въ городѣ и на рейдѣ побѣдители были встрѣчены съ должными почестями. Привѣтствуемъ васъ, герои Синопа! Подвигъ вашъ увлекаетъ товарищей вашихъ къ новой побѣдѣ, чтобъ о каждомъ изъ нихъ могли тоже сказать: и онъ былъ воинъ вѣры и чести—онъ прославилъ свое отечество! онъ принадлежалъ къ избавителямъ христіанъ отъ ненавистнаго мусульманскаго ига!

Хвала вамъ, герои Синопа! Слава отечеству и гибель врагамъ Россіи!

Корабли, выдержавъ карантинный терминъ, втянулись въ гавань для исправленій. Офицеры и команда, правда, перебрались на берегъ; но душею они на Черномъ морѣ, ищутъ новыхъ лавровъ, готовятся къ новымъ битвамъ—битвамъ на смерть, съ строптивыми.....

Бригъ «Язонъ» все стоитъ на рейдѣ; не слыхать ему никакого назначенія.... Я уже съ грустью ожидалъ той минуты, когда его будутъ вести въ гавань; но начальство насъ не забыло: 11-го декабря мы получили приказаніе «изготовиться къ отходу къ восточнымъ берегамъ Чернаго моря, въ отрядъ контръ-адмирала Вукотича» (1).

Мичманъ **В. Палеологъ 2-й.**

Севастопольскій рейдъ, бригъ Язонъ.

(1) **„Морской Сборникъ" 1854 г. № 3.**

Рѣчь Барагэ-д'Илье султану.

Парижъ, 3-го декабря (21-го ноября). Всеобщій Монитеръ обнародываетъ слѣдующій текстъ рѣчи, произнесенной генераломъ Барагэ-д'Илье (¹), при врученіи имъ султану своихъ вѣрительныхъ грамотъ: Государь! Имѣю честь представить вашему величеству вѣрительныя грамоты его императорскаго величества, моего августѣйшаго государя, акредитующія меня при Высокой Портѣ въ качествѣ посланника. Почитаю себя счастливымъ, что въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находится оттоманское правительство, его величество императоръ Наполеонъ избралъ меня для возобновленія его величеству султану увѣренія въ своей дружбѣ. Франція—самая старая и самая безкорыстная изъ союзницъ высокой Порты и въ искренности ея нельзя сомнѣваться. Франція не страшится войны. Вѣрная своему предназначенію, открытому самимъ императоромъ Наполеономъ, Франція желаетъ мира, но мира прочнаго, честнаго, почетнаго для нея самой и ея союзниковъ. Съ этою цѣлью его величество императоръ Наполеонъ, въ согласіи съ своею могущественною союзницею, королевою великобританскою, послалъ на востокъ свой флотъ. Полагаясь на неоднократныя увѣренія С.-Петербургскаго Кабинета, онъ еще надѣется, что споръ, возникшій между высокою Портою и Россійскимъ Дворомъ, можетъ быть прекращенъ, и что эта скоропреходящая размолвка, выставивъ въ ясномъ видѣ вопросъ о цѣлости Оттоманской Имперіи, только упрочитъ ея независимость, столь драгоцѣнную для всей Европы и столь необходимую для поддержанія общаго мира. Его величество султанъ можетъ надѣяться, что его величество императоръ Наполеонъ, такъ хорошо понимающій потребности, чувства и достоинства Франціи, окажетъ его величеству султану, съ этою цѣлью, свое содѣйствіе, и полагаю, что, представляя здѣсь увѣреніе въ томъ, я вѣрно передаю его волю. Пользуюсь симъ

(¹) Барагэ-д'Илье прибылъ въ Константинополь 3-го (15-го) ноября (С.-Петерб. Вѣдом. 1853 г. № 260).

случаемъ для выраженія вашему величеству моего пламеннаго желанія способствовать всѣми моими силами поддержанію старыхъ дружественныхъ отношеній, въ какихъ всегда находилась Франція къ высокой Портѣ, и повергаю къ стопамъ вашего величества выраженіе моего глубокаго уваженія (1).

Порта отвергаетъ всѣ предложенія кабинетовъ.

Въ «Journal des Débats» напечатаны слѣдующія извѣстія изъ Константинополя отъ 17-го ноября. Порта окончательно отвергла новую ноту, предложенную ей Англіею; это было нѣчто среднее между вѣнской нотой и измѣненіями Порты, основанными на заключительной нотѣ, представленной Портою князю Меншикову. Лордъ Редклифъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ очень хитро. Понимая щекотливость предложенія новой ноты въ настоящемъ положеніи вопроса, онъ представилъ ее не черезъ одного изъ своихъ чиновниковъ, а черезъ бывшаго князя Самосскаго, Стефанаки Вогоридеса (тестя г. Муссуруса, оттоманскаго посла въ Лондонѣ), который давно уже извѣстенъ за честнаго агента Англіи; но такъ какъ князь не имѣетъ никакого офиціальнаго характера, то поступокъ лорда Редклифа принималъ одинъ только дружескій характеръ и нисколько не обязывалъ Порту. Оттоманское министерство и сановники дивана рѣшили, въ двухъ ночныхъ чрезвычайныхъ совѣтахъ, что «нота неудовлетворительна и недостаточно охраняетъ достоинство Турціи и ея независимость, и что, притомъ, время нотъ и уступокъ прошло; что нота была предложена князю Меншикову для избѣжанія сдѣланныхъ пожертвованій, но что теперь Турція, послѣ всѣхъ своихъ жертвъ, не можетъ принять и этой простой ноты (2)....

(1) „Русскій Инвалидъ" 1853 г. № 261 и 262.
(2) С.-Петербургскія Вѣдомости 1853 г. № 267.

Синопъ и его историческое прошлое.

Синопъ, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ въ Малой Азіи, основанъ былъ милетцами и былъ главнымъ приморскимъ городомъ въ Пафлагоніи. Нѣсколько времени онъ составлялъ отдѣльную и независимую республику, владычествовавшую своими судами и основанными ею колоніями, на Понтѣ Евксинскомъ. Городъ этотъ былъ родиною двухъ изъ знаменитѣйшихъ мужей древности—Митридата и Діогена. Рыбная ловля и рудники въ окрестностяхъ его доставляли выгоды, и число жителей его простиралось до 60,000; позже онъ долженъ былъ уступить и могущество, и значеніе свое въ торговлѣ Византіи. Перешедши подъ владычество турокъ, называющихъ его Синубъ, онъ сталъ приходить въ упадокъ, и хотя въ послѣдніе годы учрежденіе пароходства по линіи отъ Константинополя до Трапезонда и оживило нѣсколько его торговлю, но она теперь не очень значительна; кромѣ рыбной ловли, главная промышленность жителей сосредоточивается преимущественно въ торговлѣ лѣсомъ и въ постройкѣ судовъ, для чего существовали въ Синопѣ замѣчательныя верфи. Число жителей его полагаютъ нынѣ не болѣе какъ отъ 10 до 12 тысячъ; турки и христіане, почти исключительно греки, живутъ въ двухъ совершенно почти отдѣльныхъ частяхъ города. Синопскій рейдъ считается однимъ изъ лучшихъ и самыхъ безопасныхъ на берегахъ Анатоліи; онъ закрытъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ возвышеннымъ полуостровомъ Бозъ-Тепе. Самый городъ Синопъ расположенъ на перешейкѣ, соединяющемъ материкъ съ означеннымъ полуостровомъ; по срединѣ перешейка находятся крѣпость и турецкій кварталъ, а къ сторонѣ полуострова, на возвышеніи довольно покатомъ, кварталъ греческій. Синопъ лежитъ подъ 42° 1½′ сѣв. шир. и 32° 50′ вост. долг. отъ парижскаго меридіана, прямо къ югу отъ Ѳеодосіи, и почти въ 550-ти верстахъ къ в. отъ Константинополя; онъ причисляется нынѣ къ Кастамунійскому пашалыку.

Въ отношеніи къ Россіи, Синопъ замѣчателенъ тѣмъ, что святой апостолъ Андрей Первозванный, первый воз-

вѣстившій слово Божіе въ землѣ славянской, пришелъ изъ Синопа.

Въ полномъ Собраніи Русскихъ Лѣтописей, изданномъ археографическою коммиссіею, на стр. 3-й и 4-й древняго текста Лѣтописи Нестора, напечатано: «Якоже рѣша Оньдрѣю учащю въ Синопіи и пришедшю ему въ Корсунь, увидѣ, яко изъ Корсуня близь устье днѣпрьское; въсхотѣ пойти въ Римъ и приде въ устье днѣпрьское; оттолѣ поидѣ по Днѣпру горѣ, и по приключаю приде и ста подъ горами на березѣ. Заутра вставъ и рече къ сущимъ съ нимъ ученикомъ: «видите ли горы сія? яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, имать градъ великъ быти, и церкви многи Богъ въздвигнути имать». Вышедъ на горы сія, благослови я, постави крестъ, и помоливъся Богу, и сълѣзъ съ горы сея, идѣже послѣ же бысть Кіевъ, и поиде по Днѣпру горѣ. И придѣ въ Словѣни, идѣже нынѣ Новъгородъ», и проч. (1).

СИНОПСКОЕ СРАЖЕНІЕ.

Приказъ вице-адмирала Нахимова, по эскадрѣ черноморскаго флота, 17-го ноября 1853 года.

Располагая при первомъ удобномъ случаѣ атаковать непріятеля, стоящаго въ Синопѣ, въ числѣ 7 фрегатовъ, 2 корветовъ, одного шлюпа, двухъ пароходовъ и двухъ транспортовъ, я составилъ диспозицію для атаки ихъ, и прошу командировъ стать по оной на якорь и имѣть въ виду слѣдующее:

1) При входѣ на рейдъ, бросать лоты, ибо можетъ случиться, что непріятель перейдетъ на мелководье, и тогда на возможномъ близкомъ отъ него разстояніи, но на глубинѣ не менѣе 10 саженъ.

2) Имѣть шпрингъ на оба якоря; если при нападеніи на непріятеля будетъ вѣтеръ N, самый благопріятный, тогда, вытравивъ цѣпи 60 саженъ, имѣть столько же и

(1) Рус. Худ. Лист. 1854 № 4.

шпрингу, предварительно заложеннаго на битенгѣ; идя же на фордевиндъ при вѣтрѣ O или ONO, во избѣжаніе бросанія якоря съ кормы, становиться также на шпрингъ, имѣя его до 30 саженъ, и когда цѣпь, вытравленная до 60 саженъ, дернетъ, то вытравить еще 10 сажень; въ этомъ случаѣ цѣпь ослабнетъ, а корабли будутъ стоять кормою на вѣтеръ на кабельтовѣ; вообще со шпрингами быть крайне осмотрительными, ибо они часто остаются недѣйствительными отъ малѣйшаго невниманія и промедленія времени.

3) Предъ входомъ въ Синопскій заливъ, если позволитъ погода, для сбереженія гребныхъ судовъ на рострахъ, я сдѣлаю сигналъ спустить ихъ на воду, и тогда имѣть ихъ у борта на противолежащей сторонѣ непріятеля, имѣя на одномъ изъ нихъ, на всякій случай, кабельтовъ и верпъ.

4) При атакѣ имѣть осторожность, не палить даромъ по тѣмъ изъ судовъ, кои спустятъ флаги; посылать же для овладѣнія ими не иначе, какъ по сигналу адмирала, стараясь лучше употребить время для пораженія противящихся судовъ или батарей, которыя, безъ сомнѣнія, не перестанутъ палить, еслибъ съ непріятельскими судами дѣло и было бы кончено.

5) Нынѣ же осмотрѣть заклепки у цѣпей, на случай надобности расклепать ихъ.

6) Открыть огонь по непріятелю, по второму адмиральскому выстрѣлу, если предъ тѣмъ со стороны непріятеля не будетъ никакого сопротивленія нашему на нихъ наступленію; въ противномъ случаѣ, палить какъ кому возможно, соображаясь съ разстояніемъ до непріятельскихъ судовъ.

4) Ставъ на якорь и уладивъ шпрингъ, первые выстрѣлы должны быть прицѣльные; при этомъ хорошо замѣтить положеніе пушечнаго клина на подушкѣ мѣломъ, для того, что послѣ въ дыму не будетъ видно непріятеля, а нужно поддерживать быстрый батальный огонь. Само собою разумѣется, что онъ долженъ быть направленъ по тому же положенію орудія, какъ и при первыхъ выстрѣлахъ.

8) Атакуя непріятеля на якорѣ, хорошо имѣть, какъ

и подъ парусами, одного офицера на гротъ-марсѣ или салингѣ, для наблюденія при батальномъ огнѣ за направленіемъ своихъ выстрѣловъ, а буде они не достигаютъ своей цѣли, офицеръ сообщаетъ о томъ на шканцы, для направленія шпринга.

9) Фрегатамъ: «Кагулъ» и «Кулевчи», во время дѣйствія, остаться подъ парусами, для наблюденія за непріятельскими пароходами, которые, безъ сомнѣнія, вступятъ подъ пары и будутъ вредить нашимъ судамъ, по выбору своему.

10) Завязавъ дѣло съ непріятельскими судами, стараться по возможности не вредить консульскимъ домамъ, на которыхъ будутъ подняты національные ихъ флаги.

Въ заключеніе я выскажу свою мысль, что всѣ предварительныя наставленія, при перемѣнившихся обстоятельствахъ, могутъ затруднить командира, знающаго свое дѣло, и потому я предоставляю каждому совершенно независимо дѣйствовать по усмотрѣнію своему, но непремѣнно исполнить свой долгъ. Государь Императоръ и Россія ожидаютъ славныхъ подвиговъ отъ черноморскаго флота; отъ насъ зависитъ оправдать ожиданія ([1]).

Донесеніе генералъ-адъютанта князя Меншикова объ истребленіи турецкой эскадры Османъ-паши у Синопа.

«Повелѣніе Вашего Императорскаго Величества черноморскимъ флотомъ исполнено самымъ блистательнымъ образомъ. Первая турецкая эскадра, которая рѣшилась выйти на бой, 18-го числа сего мѣсяца, истреблена вице-адмираломъ Нахимовымъ. Командовавшій ею турецкій адмиралъ, Османъ-паша, раненый взятъ въ плѣнъ и привезенъ въ Севастополь.

Непріятель былъ на Синопскомъ рейдѣ, гдѣ, укрѣпленный береговыми бтареями, принялъ сраженіе. При этомъ у него истреблено: 7 фрегатовъ, 1 шлюпъ, 2 корвета, 1 пароходъ и нѣсколько транспортовъ. За симъ оставался

([1]) Морск. Сборн. 1853 г. № 12.

еще 1 пароходъ, который спасся по превосходной быстротѣ своей.

Эта эскадра, по видимому, есть та самая, которая снаряжалась для овладѣнія Сухумомъ и содѣйствія горцамъ.

Наша потеря состоитъ: въ 1-мъ оберъ-офицерѣ, 33-хъ убитыхъ нижнихъ чинахъ и 230-ти раненыхъ.

Письменныхъ подробностей покуда не имѣю; но податель сего, адъютантъ мой, подполковникъ *Сколковъ*, въ состояніи передать многія изъ нихъ изустно».

(изъ донесенія вице-адмирала нахимова).

Вице-адмиралъ *Нахимовъ*, по приказанію генералъ-адъютанта князя *Меншикова*, крейсеруя у береговъ Анатоліи съ кораблями: «Императрица Марія» (флагманскій), капитанъ 2-го ранга *Барановскій*, «Чесма»—капит. 2-го ранга *Микрюковъ* и «Ростиславъ»—капит. 1-го ранга *Кузнецовъ*, увидѣлъ отрядъ турецкихъ судовъ, расположенный въ Синопѣ, подъ защитою шести береговыхъ батарей, и рѣшился тѣсно блокировать этотъ портъ, въ ожиданіи изъ Севастополя кораблей: «Святославъ» и «Храбрый», поврежденныхъ штормомъ 8-го ноября, дабы вмѣстѣ съ ними атаковать непріятеля. Погода была постоянно мрачная, съ безпрестаннымъ дождемъ, свѣжимъ восточнымъ вѣтромъ и довольно сильнымъ волненіемъ отъ NO; не смотря однако же на это, эскадра держалась весьма близко къ берегу изъ опасенія, чтобъ непріятель не вышелъ изъ порта ночью и, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, не возвратился въ Константинополь. 16-го ноября, къ отряду вице-адмирала *Нахимова* присоединилась эскадра контръ-адмирала *Новосильскаго*, состоящая изъ 120-ти пушечныхъ кораблей: «Парижъ», капитанъ 1-го ранга *Истоминъ*, «Великій Князь Константинъ» — кап. 2-го ранга *Ергомышевъ*, «Три-Святителя»—кап. 1-го ранга *Кутровъ* и фрегатовъ: «Кагулъ» — кап.-лейт. *Спицынъ* и «Кулевчи» — кап.-лейт. *Будищевъ*. На другой же день адмиралъ отдалъ по эскадрѣ, приказъ о намѣреніи своемъ атаковать непріятельскій флотъ, и пригласилъ на флагманскій корабль «Императрица Марія», втораго флагмана и всѣхъ командировъ судовъ, для сообщенія имъ

своего плана дѣйствій и нужныхъ по этому случаю наставленій.

Предполагая атаковать непріятеля двумя колоннами, вице-адмиралъ *Нахимовъ* назначилъ въ первую, ближайшую къ непріятелю, корабли: «Императрица Марія», подъ своимъ флагомъ, «Великій Князь Константинъ» и «Чесма»; вторую же поручилъ вести контръ-адмиралу *Новосильскому*, имѣвшему флагъ свой на кораблѣ «Парижъ»; за нимъ, въ линіи, должны были слѣдовать «Три-Святителя» и потомъ «Ростиславъ»; фрегатамъ: «Кагулъ» и «Кулевчи» предписано остаться подъ парусами, для наблюденія за непріятельскими пароходами. Якорь приказано бросать со шпрингами, по возможности, ближе къ непріятелю, имѣя, на всякій случай, верпы и кабельтовы готовыми для завоза, на барказахъ. Консульскіе дома и вообще городъ предписано щадить, поражая разсчитаннымъ огнемъ лишь непріятельскія суда и батареи.

Утромъ, 18 числа, шелъ дождь и дулъ шквалистый OSO-й вѣтеръ, самый неблагопріятный для завладѣнія непріятельскими судами, ибо, разбитыя—они легко могли выброситься на берегъ.

Въ 9 часовъ по полуночи, эскадра спустила гребныя суда, а въ $9^1/_2$ часовъ сигналомъ адмирала приказано приготовиться къ бою и идти на Синопскій рейдъ. Когда показанъ былъ полдень, корабли, готовые къ бою, подъ всевозможными парусами, летѣли на рейдъ, имѣя національные флаги на брамъ-стеньгахъ. Не смотря на дождь и пасмурность, непріятель насъ замѣтилъ; надъ его пароходами клубился дымъ, и суда его начали исправлять свои шпринги. Приблизившись еще, усмотрѣно, что семь турецкихъ фрегатовъ и три корвета расположены лунообразно [1], подъ прикрытіемъ четырехъ батарей: одной объ осьми и трехъ о шести орудіяхъ; за боевою линіею стояли два военные турецкіе парохода и два транспорта, а въ глубинѣ залива два купеческіе брига.

Въ половинѣ 1-го часа, по первой пушкѣ турецкаго

---

[1] См. прилагаемый при семъ планъ сраженія.

ПЛАНЪ
Сраженія на Синопскомъ рейдѣ.

0 ¼ ½ ¾ 1 Миля.
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 Кабельтововъ.

1. Навекъ-Бахри, 60 пуш. фрегатъ
2. Несими-Зеферъ, 60 ——
3. Неджми-фешанъ, 24 пуш. корветъ.
4. Фазли-Аллахъ (Рафаилъ), 44 пуш. фр.
5. Ауни-Аллахъ, 44 пуш. Адмирал. фр. флагм. Османъ Паша
6. Гюли-Сефидъ, 22 пуш. корветъ
7. Даміадъ, 56 пуш. Египетскій фр.
8. Каиди-Зеферъ, 54 пуш. фр.
9. Низаміе, двухъ палубный 64 пуш. фр. 2й флагм. Гуссейнъ Паша
10. Фейзи-Меабудъ, 24 пуш. корветъ.
11. Таифъ, 20 пуш. батарейный пароходъ въ 450 лош. силъ.
12. Эрекли, 4 пуш. пар. въ 140 силъ
13 и 14. Турецкіе транспорты.
15 и 16. Турецкіе купеческіе бриги.

Синопъ
Верфь
Адж-кьой
Имп. Марія
Парижъ
В. К. Константинъ
Чесьма
Три Святителя
Ростиславъ

Одесса
Кагулъ
Имп. Марія
Парижъ
Крымъ
В. Кн. Константинъ
Три Святителя
Херсонесъ
Чесьма
Ростиславъ
Въ 5 часовъ вечера

Въ полдень

флагманскаго 44-пушечнаго фрегата «Ауни-Аллахъ», открытъ былъ огонь со всѣхъ непріятельскихъ судовъ и батарей. Корабль «Императрица Марія» (кап. 2 р. *Барановскій*) былъ засыпанъ ядрами и книпелями, большая часть его рангоута и стоячаго такелажа перебита, у гротъ-мачты осталась только одна нетронутая ванта; корабль «Императрица Марія», имѣя вѣтеръ съ кормы, храбро шелъ впередъ, дѣйствуя батальнымъ огнемъ по непріятельскимъ судамъ, которыя проходилъ, и отдалъ якорь противъ адмиральскаго фрегата «Ауни-Аллахъ». Не выдержавъ и получасоваго огня, фрегатъ «Ауни-Аллахъ» отклепалъ цѣпь и, не спуская флага, выбросился на берегъ къ батареѣ № 6-й. Тогда корабль «Императрица Марія» обратилъ огонь свой исключительно на 44-хъ пуш. фрегатъ «Фазли-Аллахъ» (называвшійся прежде «Рафаиломъ», и взятый у насъ въ 1829 году); вскорѣ и сей послѣдній, загорѣвшись, послѣдовалъ примѣру своего флагмана, бросился на берегъ и сталъ на мель противъ города. И такъ, не имѣя болѣе противника, на кораблѣ «Императрица Марія» ударили дробь, и завезли верпъ на SSW, чтобы, поворотясь, дѣйствовать по батареѣ № 5, и по судамъ, сопротивлявшимся второй колоннѣ съ большимъ ожесточеніемъ; но послѣднее оказалось излишнимъ: вторая колонна дѣйствовала превосходно.

Корабль «Великій Князь Константинъ» (капит. 2-го р. *Ергомышевъ*), принявъ скулою градъ ядеръ, книпелей и картечи, сталъ на якорь вскорѣ послѣ адмиральскаго корабля «Императрица Марія», и задержавшись на шпрингѣ, открылъ сильный батальный огонь правымъ бортомъ, по батареѣ № 4-й и 60-ти пуш. фрегатамъ «Навекъ-Бахри» и «Несими-Зеферъ». Мѣткими выстрѣлами съ бомбической батареи, корабль «Великій Князь Константинъ» взорвалъ на воздухъ фрегатъ «Навекъ-Бахри», чрезъ 20 минутъ по открытіи огня; взрывъ этотъ осыпалъ обломками и тѣлами батарею № 4-й, которая, временно прекративъ огонь, хотя и дѣйствовала потомъ, но уже замѣтно слабѣе. Поворотившись на шпрингѣ, корабль «Великій Князь Константинъ» сталъ бить фрегатъ «Несими-Зеферъ» и 20-ти пуш. корветъ

«Неджми-Фешанъ». Въ часъ по полудни якорная цѣпь непріятельскаго фрегата была перебита и его отбросило вѣтромъ на остатки моллы, противъ греческаго предмѣстія; вскорѣ корветъ также выбросился на берегъ къ батареѣ № 5-й, и на кораблѣ «Великій Князь Константинъ» ударили отбой.

Корабль «Чесма» (кап. 2-го р. *Микрюковъ*), до взрыва непріятельскаго фрегата «Навекъ-Бахри», дѣйствовалъ также по немъ и по батареямъ № 4-й и № 3-й; потомъ, заворотившись къ батареямъ, срылъ оныя.

Корабль «Парижъ» (кап. 1-го р. *Истоминъ*), подъ флагомъ контръ-адмирала *Новосильскаго*, при наступленіи на непріятеля, шелъ рядомъ съ кораблемъ «Императрица Марія», и въ слѣдъ за нимъ, брося якорь, занялъ мѣсто по диспозиціи. Открывъ страшный батальный огонь по батареѣ № 5-й, по 22-хъ пуш. корвету «Гюли-Сефидъ» и по 56-ти пуш. фрегату «Даміадъ», онъ взорвалъ на воздухъ корветъ въ 1 ч. 5 м. по полудни. Въ то же время дрейфовалъ мимо него адмиральскій фрегатъ «Ауни-Аллахъ»; поразивъ его продольными выстрѣлами и отбросивъ на берегъ фрегатъ «Даміадъ», корабль «Парижъ» потравилъ цѣпь и, вытянувъ шпрингъ, сталъ бить двухъ-полосный 64-хъ пуш. фрегатъ «Низаміе». Въ 2 часа фокъ и бизань-мачты Низаміе были сбиты, а фрегатъ сдрейфовалъ къ берегу, гдѣ онъ вскорѣ и загорѣлся. Тогда «Парижъ», снова поправивъ шпрингъ, началъ дѣйствовать по батареѣ № 5-й. Нельзя было довольно налюбоваться прекрасными и хладнокровно разсчитанными дѣйствіями корабля «Парижъ»; адмиралъ приказалъ-было изъявить ему свою благодарность, во время самаго сраженія, но, къ сожалѣнію, не на чемъ было поднять сигналъ — всѣ фалы были перебиты.

Корабль «Три-Святителя» (кап. 1-го р. *Кутровъ*) началъ дѣйствовать по фрегатамъ: «Канди-Зеферъ» и «Низаміе»; однимъ изъ первыхъ непріятельскихъ выстрѣловъ перебило у него шпрингъ; повернувшись же по вѣтру, онъ подвергся мѣткимъ продольнымъ выстрѣламъ батареи № 6-й, чрезъ что рангоутъ его сильно пострадалъ. Завезя

на барказѣ верпъ [1] подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ и заворотивъ снова корму, онъ очень хорошо дѣйствовалъ по 54-хъ пуш. фрегату «Каиди-Зеферъ» и другимъ судамъ и принудилъ фрегаты броситься къ берегу.

Корабль «Ростиславъ» (кап. 1-го р. *Кузнецовъ*) прекрасно помѣстился противъ батареи № 6-й и 24-хъ пуш. корвета «Фейзе-Меабуръ». Сначала онъ дѣйствовалъ также по фрегату «Низаміе», но потомъ, оставя фрегатъ кораблю «Парижъ», сосредоточилъ свой огонь на корветъ и на батарею № 6-й, сильно вредившую кораблю «Три Святителя»; корветъ былъ отброшенъ на берегъ, а батарея уничтожена [2].

Между тѣмъ, въ исходѣ 1-го часа вышелъ изъ-за своей линіи турецкій батарейный 20-ти пуш. пароходъ «Таифъ», въ 450 силъ. Фрегаты: «Кагулъ» и «Кулевчи» погнались за нимъ, но пароходъ, лежавшій сначала на SW, сталъ безпрестанно мѣнять курсъ, то останавливая машину, то идя впередъ, то назадъ, наконецъ пустилъ машину полнымъ ходомъ впередъ, и обмѣнявшись съ фрегатами нѣсколькими залпами, быстро вышелъ изъ ихъ выстрѣловъ. Въ половинѣ 2-го часа показался изъ-за мыса фрегатъ «Одесса», подъ флагомъ генералъ-адъютанта *Корнилова*. На пароходѣ «Одесса» былъ поднятъ сигналъ слѣдовавшимъ

---

[1] 32-го флотскаго экипажа мичманъ Варницкій, отряженный на барказѣ и полу-барказѣ, для завезенія верпа кораблю *Три Святителя*, и находясь самъ на послѣднемъ, былъ раненъ щепою въ щеку отъ ядра, въ тоже время затопленнаго полубарказа. Не смотря на это, мичманъ Варницкій мгновенно, со всѣми людьми, перескочилъ на барказъ и, ни мало не потерявшись, исполнилъ свое дѣло подъ сильнымъ огнемъ непріятеля.

[2] Граната, ударивъ въ одно изъ среднихъ орудій корабля *Ростиславъ*, разорвала оное, разбила палубу и бимсъ и зажгла кокору и занавѣсь навѣшенную для подачи картузовъ нижняго дека и находившуюся прямо противъ разбитаго орудія; при этомъ несчастномъ обстоятельствѣ 40 человѣкъ матросовъ были ранены и обожжены. Въ этомъ числѣ, кромѣ прислуги у орудія, пострадали и столпившіеся кокорники и прислуга орудій верхняго дека, находившаяся надъ разбитымъ орудіемъ. Происшедшій такимъ образомъ пожаръ немедленно былъ потушенъ, но горящія части занавѣса попадали въ люки крюткамернаго выхода. Нѣкоторые люди изъ назначенныхъ въ крюткамеру, опасаясь за нее, бросились къ дверямъ, но Мичманъ Колокольцевъ заперъ двери и велѣвъ накрыть люкъ и клапаны, съ хладнокровіемъ принялся тушить падавшія и тлѣвшія обрывки занавѣса.

за нимъ пароходамъ «Крымъ» и «Херсонесъ» «атаковать непріятеля, поставивъ его въ два огня». Въ это время фрегаты «Кагулъ» и «Кулевчи» спустились къ флоту и дѣйствовали на тѣ пункты, гдѣ еще продолжалось сопротивленіе. Пароходъ «Таифъ», шедшій къ SSO-ту, увидя наши пароходы, снова перемѣнилъ курсъ; «Одесса» легъ на пересѣчку ему и сблизился съ нимъ. Вскорѣ мрачность закрыла отъ насъ дѣйствія парохода. Въ 4-мъ часу, въ рѣшительный моментъ битвы, пароходъ, подошедъ къ флоту, произвелъ на немъ общее ура, и тотчасъ же помѣстились, для соотвѣтствующихъ ихъ назначенію дѣйствій и для отвода кораблей отъ берега. Погоня за непріятельскимъ пароходомъ оказалась безуспѣшною по значительному преимуществу хода парохода «Таифъ», и ограничилась перестрѣлкою, при которой на пароходѣ «Одесса» былъ убитъ 1 унтеръ-офицеръ, раненъ 1 рядовой и подбитъ штурвалъ.

Батареи № 5 и 6-й продолжали до 4-го часа безпокоить насъ изрѣдка калеными ядрами, которыя, впрочемъ, не произвели намъ особеннаго вреда. Корабли: «Парижъ» и «Ростиславъ» разрушили эти батареи.

Непріятельскія суда, брошенныя на берегъ, были въ самомъ бѣдственномъ состояніи, и потому приказано прекратить огонь; они не спускали флаговъ отъ паническаго страха, которымъ были объяты ихъ экипажи: на фрегатѣ «Несими-Зеферъ» лишь спустили флагъ безъ сопротивленія, по приказанію проѣзжавшаго мимо его парламентера, который былъ посланъ для объявленія городовому начальству, что эскадра пришла для истребленія турецкихъ военныхъ судовъ и не желаетъ вредить городу. Транспорты и купеческія суда затонули отъ попавшихъ въ нихъ ядеръ; фрегаты: «Фазли-Аллахъ» («Рафаилъ»), «Низаміе» и «Каиди-Зеферъ», корветъ «Неджми-Фешанъ» и пароходъ «Эрекли», зажженные по видимому своими экипажами, взлетали на воздухъ одинъ за другимъ. Взрывъ фрегата «Фазли-Аллахъ» («Рафаилъ») покрылъ горящими обломками турецкую часть города, обнесенную древнею зубчатою стѣною; это произвело сильный пожаръ, который еще увели-

чился отъ взрыва корвета «Неджми-Фешанъ». Пожаръ продолжался во все время пребыванія нашего въ Синопѣ; никто не приходилъ тушить его, и вѣтеръ свободно переносилъ пламя отъ одного дома къ другому.

По свозѣ раненыхъ и плѣнныхъ, фрегаты «Ауни-Аллахъ» и «Несими-Зеферъ» и корветъ «Фейзи-Меабудъ», какъ оказавшіеся совершенно избитыми и негодными, были отбуксированы къ берегу внѣ города и сожжены. Въ числѣ плѣнныхъ находился начальникъ эскадры вице-адмиралъ *Османъ-паша*, раненый въ правую ногу, командиръ фрегата «Фазли-Аллахъ» («Рафаилъ») и командиръ корвета «Фейзи-Меабудъ».

Ночью пароходы отводили корабли отъ берега, изъ опасенія чтобы съ перемѣною вѣтра не нанесло горящія турецкія суда на нашу эскадру. Тотчасъ по окончаніи сраженія, корабли наши начали исправлять поврежденія своего такелажа и рангоута. Должно сознаться, что только неутомимая ревность къ службѣ и знаніе морскаго дѣла офицеровъ и нижнихъ чиновъ могли въ продолженіе 36 часовъ времени поставить эскадру, потерпѣвшую капитальныя поврежденія въ корпусѣ, рангоутѣ, такелажѣ и парусахъ, въ состояніе предпринять плаваніе, въ глубокую осень, чрезъ все Черное море.

20-го, утромъ, корабли начали сниматься: болѣе всѣхъ обитый корабль «Императрица Марія», съ сильными поврежденіями мачтъ, съ гротъ-брамъ-стеньгою вмѣсто гротъ-стеньги, гротъ-марса-реемъ, вмѣсто грота-рея, и вмѣсто тѣхъ штатовъ и вантъ, которыхъ сплеснить не представлялось возможности, кабельтовы, предоставлено было буксировать пароходу «Крымъ», на которомъ находился начальникъ пароходнаго отряда, контръ-адмиралъ *Панфиловъ*, при конвоѣ фрегатовъ: «Кулевчи» и «Кагулъ», прямо въ Севастополь. Корабль «Великій Князь Константинъ», на который вице адмиралъ *Нахимовъ* перенесъ свой флагъ послѣ сраженія, безъ брамъ-стенегъ и съ поврежденными мачтами и стеньгами, не имѣя возможности ставить марсели иначе какъ въ три рифа, вышелъ на буксирѣ парохода «Одесса». Корабль «Три Святителя, также безъ

брамъ-стенегъ и безъ крюйсъ-стеньги, пароходы «Херсонесъ» и «Ростиславъ», также съ поврежденными мачтами и стеньгами, пароходъ «Громоносецъ» (наканунѣ только прибывшаго изъ Севастополя). Остальные корабли: «Парижъ» и «Чесма», менѣе поврежденные, слѣдовали безъ помощи пароходовъ. За синопскимъ мысомъ эскадра встрѣтила большую зыбь отъ NO, такъ что пароходы принуждены были отдать буксиры. Ночью вѣтеръ скрѣпчалъ, отойдя къ О-ту, и суда направились подъ парусами въ Севастополь.

22-го, утромъ, вѣтеръ стихъ; пароходамъ велѣно было опять взять корабли на буксиръ. Послѣ полудня три корабля взошли въ Севастополь благополучно, а къ ночи и остальные.

Благополучное прибытіе эскадры въ такой крѣпкій вѣтеръ и волненіе доказало, что исправленія на судахъ были сдѣланы съ совершеннымъ знаніемъ морскаго дѣла.

Въ сраженіи убитъ корпуса флотскихъ штурмановъ, прапорщикъ *Высота*. Ранено: командиръ кор. «Императрица Марія», капитанъ 2-го ранга *Барановскій*, получилъ сильную контузію въ бокъ и ноги перебиты снастью; 40-го экипажа мичманъ *Зубовъ*—легко въ голову щепою; 42-го экипажа мичманъ *Костыревъ*—въ кисть правой руки, вѣроятно потеряетъ 3 пальца; 32-го экипажа мичманъ *Варницкій*—въ правую руку щепою не тяжело; корпуса штурмановъ штабсъ-капитанъ *Родіоновъ* лишился правой руки близъ плеча; корпуса штурмановъ прапорщикъ *Плонскій*, лишился правой ноги ниже колѣна; корпуса морской артиллеріи поручикъ *Антипенко*,—легко обжогою.

Имена судовъ	нижн. чин.		Поврежденія.
Кор.	Убит.	Ран.	
— «Парижъ»	1	18.	Въ наружной обшивкѣ 16 пробоинъ, корма галлереи, гальюнъ, съ лѣвой стороны на бакѣ бортъ, коечныя сѣтки, гонъ-декъпортовъ 2 и шлюпъ балокъ 2.
— «Вел. Князь Константинъ»	7	24	Въ наружной обшивкѣ 30 пробоинъ, корма галлереи, гальюнъ, бизань руслени, часть палубы, шлюпъ-балка 1 и портовыхъ ставней 3; также всѣ мачты, бушпритъ, 1 стеньга и 1 марсъ.
— «Три Святителя». . . .	7	20	Въ наружной обшивкѣ 48 пробоинъ,

			кормa, галлереи, 3 бимса, 4 портовыя ставни, ватеръ-вейсовъ 2, палубныя доски въ значительномъ числѣ, бушпритъ, всѣ мачты грота и фока реи.
— «Императрица Марія»	16	55	Въ наружной обшивкѣ 60 пробоинъ, вся кормовая часть галлереи, гальюнъ палуба, портовыхъ ставней 3, бушпритъ, фокъ и бизань-мачты, грота-рей и гротъ-стеньга.
— «Чесма»	»	4	Въ наружной обшивкѣ 20 пробоинъ, и также корма, галлереи, гальюнъ, бушпритъ, гротъ-мачта, грота-рей и гротъ-марса-рей.
— «Ростиславъ»	5	104	Въ наружной обшивкѣ 25 пробоинъ палубы, корма, галлереи, гальюнъ, 2 бимса, вантъ-путенсовъ 6, шкафутныя сѣтки, бушпритъ, всѣ мачты, грота и фока-реи и гротъ-стеньга (1).
Парох. «Одесса»	1	1	
Фрег. «Кагулъ»	»	1	
— «Кулевчи»	»	2	

ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА НА ИМЯ ВИЦЕ-АДМИРАЛА, НАЧАЛЬНИКА 5-Й ФЛОТСКОЙ ДИВИЗІИ, НАХИМОВА.

Истребленіемъ турецкой эскадры при Синопѣ, вы украсили лѣтопись русскаго флота новою побѣдою, которая навсегда останется памятною въ морской исторіи.

Статутъ военнаго ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія указываетъ награду за вашъ подвигъ.

Исполняя съ истинною радостью постановленіе статута, жалуемъ васъ кавалеромъ св. Георгія второй степени большаго креста, пребывая къ вамъ Императорскою милостію Нашею благосклонны.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„*НИКОЛАЙ*“.

С.-Петербургъ 28-го ноября 1853 г.

(1) „Морской Сборникъ“ 1853 г. № 12.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ, ДАННЫЙ НА ИМЯ НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНАГО МОРСКАГО ШТАБА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, АДМИРАЛА КНЯЗЯ МЕНШИКОВА.

Князь Александръ Сергѣевичъ! Побѣда при Синопѣ являетъ вновь, что черноморскій флотъ Нашъ достойно выполняетъ свое назначеніе. Съ искреннею, сердечною радостію поручаю вамъ сказать храбрымъ морякамъ нашимъ, что Я благодарю ихъ за подвигъ, совершенный для славы Россіи и для чести русскаго флага. Я съ удовольствіемъ вижу, что Чесма не забывается въ русскомъ флотѣ, и что правнуки достойны своихъ прадѣдовъ.

Пребываю къ Вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „*и благодарный*“

НИКОЛАЙ.

С.-Петербургъ, 29 ноября 1853 года.

Свѣдѣнія о побѣдѣ, одержанной при Синопѣ, собранныя съ изустныхъ разсказовъ (1).

Вице-адмиралъ *Нахимовъ*, крейсеруя у береговъ Анатоліи, усмотрѣлъ съ моря, на Синопскомъ рейдѣ, отрядъ турецкихъ военныхъ судовъ. На другой день жестокій штормъ отъ W воспрепятствовалъ ему приблизиться къ Синопу. Немедленно былъ отправленъ въ Севастополь пароходъ «Бессарабія», съ извѣстіемъ, что на Синопскомъ рейдѣ есть непріятельскія суда.

По полученіи сего извѣстія, приказано было тремъ 120-ти пушечнымъ кораблямъ: «Парижъ», «Великій Князь Константинъ» и «Три Святителя» идти, подъ флагомъ контръ-адмирала *Новосильскаго*, на меридіанъ Синопа и соединиться съ вице-адмираломъ *Нахимовымъ*. Между тѣмъ вице-адмиралъ *Нахимовъ*, съ тремя кораблями и бригомъ, пользуясь благопріятнымъ вѣтромъ, произвелъ рекогносци-

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1853 № 268.

ровку Синопскаго рейда, и осмотрѣлъ расположеніе непріятельскаго отряда, состоявшаго изъ семи фрегатовъ, одного шлюпа, двухъ корветовъ, двухъ транспортовъ и двухъ пароходовъ. Суда сіи были расположены дугообразно, по направленію берега, съ завезенными шпрингами, дабы при всякомъ вѣтрѣ составить одну линію. На берегу, противъ интерваловъ судовъ, устроено было пять батарей. Съ 15-го на 16-е число присоединился контръ-адмиралъ *Новосильскій* съ своимъ отрядомъ. Вице-адмиралъ *Нахимовъ* въ тотъ же день отдалъ приказъ по эскадрѣ, что, съ первымъ благопріятнымъ вѣтромъ, адмиралъ намѣренъ атаковать непріятеля двумя колоннами, изъ коихъ правую поведетъ вице-адмиралъ *Нахимовъ*, имѣя флагъ свой на кораблѣ «Императрица Марія», за нимъ пойдутъ корабли: «Великій Князь Константинъ» и «Чесма». Лѣвой колоннѣ, подъ начальствомъ контръ-адмирала *Новосильскаго*, состоять изъ кораблей: «Парижъ», «Три Святителя» и «Ростиславъ».

18-го числа, при тихомъ попутномъ вѣтрѣ отъ ONO, въ десятомъ часу утра, сигналомъ адмирала приказано было эскадрѣ приготовиться къ бою и идти на Синопскій рейдъ. Корабли двухъ колоннъ подъ лиселями стали приближаться къ непріятелю, который, за господствующимъ туманомъ и дождемъ, открылся лишь въ полумилѣ разстоянія. Вице-адмиралъ *Нахимовъ*, подойдя на разстояніе около 250-ти саженъ къ двумъ непріятельскимъ фрегатамъ, на одномъ изъ коихъ былъ усмотрѣнъ вице-адмиральскій флагъ и за кормою котораго на берегу была батарея изъ двѣнадцати орудій, бросилъ якорь со шпрингомъ. Корабль «Парижъ» сталъ на якорь въ тоже время; остальные корабли, подходя, занимали назначенныя имъ мѣста по дистанціи. Едва адмиральскій корабль отдалъ якорь, какъ непріятель открылъ по нашимъ кораблямъ жестокій огонь со всѣхъ своихъ судовъ и батарей; выстрѣлы его наносили большой вредъ рангоуту, но корабли тотчасъ же вытянули шпринги, и непрерывнымъ, мѣткимъ огнемъ своихъ орудій стали поражать непріятеля. Корабль «Великій Князь Константинъ», не болѣе какъ въ пять минутъ времени, срылъ батарею, находившуюся подъ его выстрѣлами. Непріятельскій

фрегатъ, стоявшій близъ оной, по которому онъ преимущественно дѣйствовалъ изъ бомбическихъ орудій нижняго дека, взлетѣлъ на воздухъ. Въ скоромъ времени послѣ того, корабль «Парижъ» бомбами взорвалъ еще одинъ турецкій фрегатъ. Чрезъ часъ времени, отъ мѣткихъ выстрѣловъ нашихъ кораблей, огонь непріятельскій сталъ ослабѣвать; между тѣмъ на корабляхъ: «Императрица Марія» и «Три Святителя» непріятель перебилъ шпринги, но они имѣли на полубарказахъ верпы съ кабельтовами, которые и завезли подъ непріятельскими выстрѣлами.

Въ два часа огонь съ непріятельскихъ судовъ почти прекратился: три фрегата, въ томъ числѣ адмиральскій 74-хъ-пушечный, горѣли, а отъ двухъ, разбитыхъ выстрѣлами и затонувшихъ транспортовъ, виднѣлись только мачты. Турецкая часть города горѣла въ двухъ мѣстахъ. Въ половинѣ третьяго часа, по сигналу адмирала, велѣно было прекратить бой, и въ то же время былъ посланъ офицеръ парламентеромъ въ городъ, объявить мѣстному турецкому начальству, что если съ батарей или съ берега будетъ сдѣланъ хотя одинъ выстрѣлъ, то адмиралъ разрушитъ и выжжетъ городъ до основанія. Офицеръ сей, пробывъ около часа на берегу, не могъ отыскать не только мѣстныхъ начальствъ, но никого изъ турокъ: они разбѣжались по ближайшимъ деревнямъ.

Фрегаты: «Кагулъ» и «Кулевчи» находились при началѣ боя, по приказанію адмирала, на рейдѣ подъ парусами, дабы въ случаѣ, если бъ нѣкоторыя непріятельскія суда вздумали спасаться бѣгствомъ, имъ въ томъ воспрепятствовать. Они присоединились къ флоту въ концѣ сраженія, и преимущественно дѣйствовали по корвету и шлюпу, которые находились за кормою корабля «Ростиславъ».

17-го числа, немедленно по изготовленіи пароходовъ: «Одесса», «Крымъ» и «Херсонесъ», генералъ-адъютантъ *Корниловъ* отправился съ ними изъ Севастополя къ Синопу, къ эскадрѣ вице-адмирала *Нахимова*. 18-го числа, въ началѣ перваго часа, съ парохода «Одесса», на которомъ находился генералъ-адъютантъ *Корниловъ*, увидѣли, чрезъ

перешеекъ, на которомъ расположенъ городъ Синопъ, начало сраженія нашей эскадры, и пароходы стали употреблять всевозможныя усилія, чтобъ скорѣе достигнуть рейда; при прохожденіи мимо Синопскаго мыса, открылся турецкій двадцати-пушечный пароходо-фрегатъ «Таифъ», который въ продолженіе боя успѣлъ развести пары, и старался спастись бѣгствомъ отъ общаго пораженія. Генералъ-адъютантъ *Корниловъ* приказалъ поднять на пароходѣ «Одесса» свой флагъ, и держать на пересѣчку курса турецкаго парохода, который, замѣтивъ это, перемѣнилъ прежнее направленіе и пошелъ вдоль берега; когда пароходъ «Одесса» приблизился на разстояніи пушечнаго выстрѣла, то съ него открыли огонь. Послѣ часовой перестрѣлки, къ величайшему сожалѣнію, убѣдились, что непріятельскій пароходъ имѣлъ преимущество въ ходѣ, и, не смотря на то, что былъ почти втрое сильнѣе парохода «Одесса», не рѣшился принять сраженія, а старался только уйти; когда онъ уже былъ внѣ пушечнаго выстрѣла, генералъ-адъютантъ *Корниловъ* возвратился изъ погони къ эскадрѣ вице-адмирала *Нахимова*, приказавъ пароходамъ: «Крымъ» и «Херсонесъ» сейчасъ же отбуксировать корабли изъ подъ выстрѣловъ береговыхъ батарей, на случай, если бъ непріятель вздумалъ возобновить ночью стрѣльбу. Пароходу «Одесса» приказано было овладѣть и отвести отъ берега пятидесяти-пушечный фрегатъ «Даміадъ», который оказался наименѣе пострадавшимъ отъ нашихъ выстрѣловъ; на немъ оказалось около ста человѣкъ команды и болѣе пятидесяти человѣкъ раненыхъ. Командиръ и офицеры оставили фрегатъ въ началѣ дѣла, забравъ всѣ гребныя суда и стараясь спастись постыднымъ бѣгствомъ на берегъ.

Вечеромъ, на горѣвшихъ судахъ, по мѣрѣ того, какъ раскалялись орудія, они палили ядрами по рейду, не нанося, впрочемъ, почти никакого вреда нашимъ судамъ. Наконецъ, когда огонь достигалъ крюйтъ-камеръ, они взлетали на воздухъ; горящіе обломки падали на турецкую часть города и зажигали ее; около полуночи все пространство, обнесенное каменною стѣною, горѣло; часть города, обитаемая греками, осталась невредимою отъ пожара. 19-го

числа, съ разсвѣтомъ, изъ двѣнадцати судовъ, составлявшихъ турецкую эскадру, оставались на рейдѣ фрегатъ «Даміадъ», на бакгштовѣ парохода «Одесса», шлюпъ и корветъ на мели, совершенно обитые, у южнаго берега бухты. При внимательномъ осмотрѣ оказалось, что фрегатъ «Даміадъ» имѣлъ семнадцать подводныхъ пробоинъ; вся подводная часть, рангоутъ и снасти до того повреждены, что безъ значительныхъ исправленій, потребовавшихъ бы много времени, его невозможно было бы провести до Севастополя, и потому приказано было бросить его на берегъ и сжечь.

Гребнымъ судамъ фрегата «Кагулъ» велѣно было зажечь шлюпъ и корветъ. Офицеры, посланные для исполненія сего, нашли на шлюпѣ начальника турецкой эскадры, *Османъ-пашу*, раненаго въ правую ногу, командира фрегата, командира корвета и восемьдесятъ нижнихъ чиновъ. Турецкіе начальники и команда были взяты военно-плѣнными и отвезены, первые на пароходъ «Одесса», вторые на корабль «Чесма». Къ вечеру на рейдѣ синопскомъ не было болѣе ни одного турецкаго судна.

Лишь только прекратился бой, команды нашихъ кораблей, такъ славно дѣйствовавшія орудіями, принялись съ новымъ усердіемъ исправлять поврежденія, нанесенныя непріятелемъ, которыя большею частію заключались въ рангоутѣ и снастяхъ. Корабли, наиболѣе пострадавшіе въ своемъ вооруженіи, были: «Императрица Марія», «Три Святителя», «Великій Князь Константинъ» и «Ростиславъ».

Вся эскадра вице-адмирала Нахимова, 20 числа, снялась съ якоря съ синопскаго рейда; поврежденные корабли буксировались пароходами, а 22-го числа корабли «Императрица Марія», «Три Святителя», «Великій Князь Константинъ» прибыли на севастопольскій рейдъ.

Впечатлѣніе, произведенное въ Европѣ синопскимъ сраженіемъ.

Въ редакцію газеты l'Indépendance Belge пишутъ изъ Константинополя, отъ 12-го декабря (30 ноября): «капитаны

пароходовъ «Могадоръ» и «Retribution», возвратившихся на дняхъ отъ Синопа, разсказываютъ, что, по прибытіи къ Синопу, они нашли тамошній рейдъ покрытый трупами, сломанными мачтами, досками, корабельными снастями и обломками, изъ которыхъ иные еще дымились. Гавань была пуста, верфи болѣе не существовало, большая часть города превратилась въ развалины. Въ уцѣлѣвшихъ домахъ найдены только раненые, умирающіе и трупы, потому что всѣ жители разбѣжались. Губернаторъ исчезъ неизвѣстно куда. Часть города, обитаемая христіанами, не потерпѣла, напротивъ, ни малѣйшаго вреда. Разсчитываютъ, что въ синопскомъ сраженіи погибло слишкомъ 4 т. турокъ (¹).

Лондонъ, 13-го декабря. При полученіи извѣстія о морскомъ сраженіи при Синопѣ, во всѣхъ англійскихъ газетахъ появились изступленныя статьи противъ Россіи: всѣ требуютъ войны и жестокаго возмездія противъ русскаго флота (²).

Парижъ, 15-го декабря. Статьи англійскихъ газетъ, по случаю синопскаго сраженія, подали поводъ къ слѣдующимъ разсужденіямъ Journal des Débats: «Извѣстіе о сраженіи $^{18}/_{30}$ ноября, на водахъ синопскихъ, между русскимъ адмираломъ Нахимовымъ и Османъ-пашею, произвело сильное впечатлѣніе въ Англіи: всѣ тамошнія газеты наполнены самыми воинственными и рѣзкими статьями. Мы не привыкли къ такому единодушію англійскихъ газетъ. Какъ не удивляться, что въ Times говорятъ точно также, какъ въ Daily News, или въ Morning Post, и однако же это случилось въ самомъ дѣлѣ. Знаменитая и могущественная газета Сити, такъ усердно старавшаяся при началѣ труднаго восточнаго вопроса успокоить общественное мнѣніе Англіи, и убѣдить правительство свое къ предоставленію Россіи полной свободы дѣйствій въ Константинополѣ, теперь проповѣдуетъ войну. Въ жару своемъ она надѣется, что послѣ извѣстія о синопскомъ сраженіи, посланники и адмиралы, воспользовавшись полномочіями, данными имъ

(¹) „Русскій Инвалидъ" 1853 г. № 273.
(²) „Сѣверная Пчела" 1853 г. № 277.

въ инструкціяхъ, примутъ тотчасъ же надлежащія мѣры, такъ что приказанія, которыя они непремѣнно получатъ отъ своихъ правительствъ, будутъ уже отчасти исполнены, когда курьеры привезутъ ихъ въ Константинополь. Авторъ статьи въ Journal des Débats, выразивъ изумленіе, что такой воинственный жаръ послѣдовалъ за прежнимъ колебаніемъ, и въ особенности послѣ первоначальной благоразумной политической цѣли сохраненія европейскаго мира, оканчиваетъ ее слѣдующими словами: «Когда сперва говорили такъ громко и такъ часто о сохраненіи европейскаго мира, почему совѣтуютъ теперь Англіи прибѣгать къ послѣдней крайности по поводу событія, которое въ существѣ нисколько не измѣняетъ ни положенія дѣлъ, ни взаимныхъ отношеній европейскихъ кабинетовъ? Желать, чтобъ послѣ синопскаго сраженія французская и англійская эскадры вступили въ бой съ русскимъ черноморскимъ флотомъ, не значитъ ли это заранѣе ниспровергать все дѣло примиренія; не значитъ ли это, однимъ словомъ, требовать войны? По истинѣ, мы не понимаемъ подобныхъ рѣчей, и лучше хотимъ думать, что онѣ не соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ мнѣніямъ газеты Times» (1).

По письмамъ изъ Константинополя, отъ 19 декабря, помѣщены въ Тріестской Газетѣ слѣдующія подробности: Синопское пораженіе, разбитіе турокъ въ Азіи, отступленіе ихъ на правый берегъ Дуная, повергли приверженцевъ войны въ глубокое уныніе. Измѣненіе въ расположеніи турецкаго правительства обнаружилось уже увольненіемъ Капудана-паши и замѣщеніемъ его Риза-пашею, принадлежащимъ къ такъ называемой партіи щирыхъ турокъ, понимающихъ независимость Порты въ настоящемъ ея смыслѣ и не желающихъ, чтобы султанъ подпалъ подъ чью-либо зависимость и былъ орудіемъ чужеземныхъ видовъ и выгодъ. Галиль-паша, назначенный министромъ безъ портфеля, зять султана. Онъ нѣкогда былъ посланникомъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ его полюбили. Кажется, что и другія лица воинственной партіи будутъ смѣнены, такъ что со-

(1) „Сѣверная Пчела“ 1853 года № 277.

ставится чисто турецкое министерство, которое будетъ наилучшею порукою мира и независимости Порты ([1]).

Въ Observateur de Trieste сказано, что синопское пораженіе возбудило въ Константинополѣ сильное негодованіе противъ Капуданъ-паши. Турки ропщутъ, женщины собираются толпами, съ криками и воемъ требуя отчета въ погибели своихъ мужей и дѣтей. Поэтому великій адмиралъ былъ смѣненъ и замѣщенъ Риза-пашею. Его намѣрены предать военному суду, который разсмотритъ, какія инструкціи онъ далъ командиру эскадры, погибшей въ Синопѣ ([2]).

Въ «Neue Preussische Zeitung» пишутъ: «Безпрерывно встрѣчая въ англійскихъ газетахъ нелѣпыя и враждебныя статьи противъ Россіи, мы обрадовались, увидѣвъ наконецъ статью благоразумную и справедливую. Въ Naval and Military Gazette, 14-го января, пишутъ: Въ настоящемъ положеніи дѣлъ, вся честь и слава принадлежитъ Императору Всероссійскому. Должно согласиться также, что военачальники его на морѣ и на сушѣ обнаружили много искусства и ума. До сихъ поръ у насъ съ нелѣпою надменностью (fatuity) унижали дѣйствія русскихъ и выхваляли турокъ. Бѣдственное синопское пораженіе принято было сначала съ недовѣрчивостью, ибо непріятно было видѣть, что турецкій флотъ и турецкій арсеналъ сожжены предъ нашими глазами. Послѣ оказалось, что извѣстіе было достовѣрное. Потомъ безмозглые политики опровергали важность событія, и наконецъ ребячески осудили дѣйствія русскихъ, упрекая ихъ въ варварствѣ, жестокости и безполезномъ кровопролитіи, какъ будто русскіе воюютъ безъ пороха и ядеръ, стрѣляютъ подушками и конфектами.— Адмирала Нахимова обвиняютъ въ томъ, что онъ потребовалъ подкрѣпленія, когда, по мнѣнію англійскихъ газетчиковъ, онъ имѣлъ достаточную силу, чтобъ атаковать синопскую эскадру. Но храбрый адмиралъ благоразумно разсудилъ, что первое ручательство за успѣхъ въ войнѣ — имѣть въ

([1]) Сѣвер. Пчел. 1854 г. № 1. „С.-Петербургскія Вѣдомости" 1854 г. № 1.

([2]) «Свв. Пчела» 1854 г. № 1. „С.-Петерб. Вѣдом." 1854 г. № 1.

своемъ распоряженіи наиболѣе силъ на данномъ пунктѣ, и что если бить, то должно бить сильнѣе. Эта логика не только войны, но и человѣколюбія, хотя люди, не знающіе войны, судятъ объ этомъ иначе. Повторяемъ, что до сихъ поръ вся честь этой войны принадлежитъ Россіи. Говорила она немного, но дѣйствовала благоразумно, искусно и рѣшительно» (1).

Въ газетѣ «Times», отъ 9-го января н. ст. 1854 года, помѣщено слѣдующее, любопытное письмо изъ Константинополя, отъ 22-го декабря 1853 года. «Синопское пораженіе подаетъ поводъ къ важнымъ заключеніямъ о превосходствѣ русскаго флота и о негодности турецкаго. Мы, въ Англіи, привыкли съ пренебреженіемъ смотрѣть на первый изъ нихъ, и любоваться послѣднимъ, потому что онъ руководимъ англійскими офицерами. Но и по сбивчивымъ показаніямъ лицъ, оставшихся въ живыхъ послѣ этой битвы, оказываются два или три случая очень ясно. Часть русскаго флота держалась въ морѣ нѣсколько дней въ такую ужасную непогоду, въ которую ни турки, ни австрійскіе пароходы на противоположномъ берегу не смѣли показываться въ морѣ. Неужели эти русскіе матросы тѣ самые трусливые новобранцы изъ евреевъ, о которыхъ намъ натолковали? Боевой ихъ порядокъ въ дѣлѣ удивительный. Хотя разстояніе, въ которомъ они дрались, въ точности не показано, но, конечно, было очень близкое, потому что одинъ спасшійся турокъ разсказываетъ, что онъ, взглянувъ на верхъ, увидѣлъ цѣлую стѣну пушекъ, и тотчасъ же послѣ того весь бокъ корабля былъ изстрѣлянъ какъ рѣшето. Въ продолженіе часа одиннадцать кораблей были потоплены, подняты на воздухъ или сожжены. Такого совершеннаго истребленія и въ такое короткое время никогда еще не бывало. Неравенство силъ можетъ это объяснить нѣкоторымъ образомъ, но не вполнѣ. Русскіе показали, что имъ извѣстны всѣ улучшенія новѣйшаго артиллерійскаго искусства, осыпая непріятелей безпрестаннымъ дождемъ изъ 68-ми, 42-хъ, 32-хъ фунтовыхъ орудій,

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 года № 27.

и осьми-дюймовыми бомбами. Ужасное дѣйствіе новой методы никогда еще не было доказано такъ хорошо. Съ другой стороны, турки боялись и погоды, и непріятеля. Имъ не разъ говорили объ опасности, которой они подвергаются, и указывали на средство къ избѣжанію ея: они самымъ глупымъ образомъ оставались въ своей синопской ловушкѣ, и хотя многіе потомъ сражались съ отчаяннымъ мужествомъ, но изъ одиннадцати капитановъ спаслись, по крайней мѣрѣ, четверо, если не больше. Въ прежнія времена было на ихъ судахъ много греческихъ матросовъ (греки имѣютъ врожденную способность къ морю), а теперь всѣ матросы турки, и разсказываютъ, что на послѣднемъ плаваніи по Черному морю, на одномъ кораблѣ лежало на палубѣ четыреста человѣкъ турокъ, укачанныхъ морскою болѣзнію» (1).

Въ «Daily-News» сообщаютъ, по частному письму изъ Константинополя, текстъ отвѣта англійскаго и французскаго посланниковъ, на ноту Решидъ-паши, 4-го декабря 1853 года. Въ этомъ общемъ отвѣтѣ, отъ 12-го декабря, оба посланника слагаютъ съ себя всякую отвѣтственность за пораженіе при Синопѣ. Сожалѣя о семъ происшествіи, они напоминаютъ, что всякій разъ, когда Порта спрашивала у нихъ совѣта, они выражали свое сомнѣніе и опасеніе при отправленіи турецкаго флота въ Черное море, по недостаточности матеріальнаго его состава, малочисленности экипажей, затруднительности плаванія въ нынѣшнее время года, и пр. «Присутствіе англо-французской эскадры въ Босфорѣ (прибавляютъ они) служитъ доказательствомъ дружественныхъ чувствъ императора французовъ и королевы англійской. Это присутствіе имѣетъ и политическое значеніе, долженствуя служить нравственною подпорою, доколѣ еще будетъ надежда на примиреніе двухъ воюющихъ сторонъ». Въ заключеніе оба посланника объявляютъ, что союзные флоты вступятъ въ Черное море, для защиты Турціи, коль скоро Россія предприметъ вы-

(1) „Сѣв. Пчела“ 1854 г. № 9.

садку на берега Босфора, или другія части Турецкой имперіи (¹).

Въ «Neue Preussische Zeitung» слѣдующимъ образомъ разсказываютъ о синопскомъ сраженіи: $^{18}/_{30}$ ноября, турецкій вице-адмиралъ (Бахрі-Элеваки) *Османъ-паша* стоялъ на якорѣ на рейдѣ города Синопа, имѣющаго 10,000 жителей и находящагося на берегу Чернаго моря, почти прямо насупротивъ Севастополя, на половинѣ пути изъ Трапезонда въ Константинополь. Синопъ лежитъ на перешейкѣ, защищаемомъ многочисленными береговыми батареями. Въ тотъ же день, русскій вице-адмиралъ *Нахимовъ*, начальникъ 5-й флотской дивизіи (въ Черномъ морѣ находятся 4-я и 5-я русскія флотскія дивизіи), явился на высотѣ Синопа, атаковалъ турецкіе корабли, не взирая на огонь береговыхъ батарей (одна подобная батарея, какъ извѣстно, принудила сдаться, во время датской войны, корабли «Гефіонъ» и «Христіанъ VIII»), и послѣ сраженія, продолжавшагося одинъ часъ, истребилъ турецкую эскадру, состоявшую изъ семи фрегатовъ (во всемъ турецкомъ флотѣ ихъ только десять), трехъ корветовъ (ихъ только шесть въ турецкомъ флотѣ), двухъ пароходовъ и нѣсколькихъ другихъ меньшихъ судовъ. Истребленіе это было совершенное. Турецкій вице-адмиралъ Османъ-паша взятъ былъ въ плѣнъ съ кораблемъ его, но послѣдній былъ такъ избитъ, что принуждены были пустить его ко дну, какъ равно и прочія суда турецкой эскадры. Вице-адмиралъ Нахимовъ возвратился потомъ въ Севастополь, и немедленно отправилъ донесеніе къ адмиралу князю *Меншикову*. По полученнымъ до сихъ поръ депешамъ, въ синопскомъ сраженіи участвовали шесть русскихъ военныхъ кораблей» (²).

Въ «Zeit» сказано, что, по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Букареста, турецкій флотъ, истребленный русскими въ Синопѣ, былъ тотъ же самый, который вышелъ изъ Трапезонда 16-го ноября. Сначала у командующаго сею эскадрою было только пять военныхъ пароходовъ (изъ которыхъ

(¹) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 1. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1854 г. № 1.
(²) Сѣверная Пчела 1853 г. № 276.

одинъ фрегатъ). Но у Трапезонда соединился онъ со второю дивизіею, состоявшею изъ девяти судовъ меньшаго размѣра. Эскадрѣ этой поручено было пристать къ берегамъ Абхазіи, произвесть тамъ возстаніе между горцами, и снабдить ихъ оружіемъ, припасами и вспомогательнымъ войскомъ. Говорятъ, что для этой же цѣли эскадра сія везла съ собою двадцать милліоновъ піастровъ.

Въ той же газетѣ говорятъ, что извѣстіе объ истребленіи турецкой эскадры въ Синопѣ получено было въ Константинополѣ 3-го декабря, и распространило тамъ, во всѣхъ слояхъ общества безъ исключенія, величайшее смятеніе (1).

Въ «Indépendance Belge» сообщаютъ нѣкоторыя подробности о синопскомъ дѣлѣ: «По привезенной изъ Бухареста реляціи, турецкихъ судовъ, участвовавшихъ въ этомъ сраженіи, было не тринадцать, а четырнадцать, въ томъ числѣ семь фрегатовъ, два корвета, шлюпъ, пароходъ и три транспорта. Русскій адмиралъ *Нахимовъ* встрѣтилъ турецкую дивизію, везшую на Кавказъ отрядъ войскъ, и гнался за нею до синопскаго рейда, гдѣ турецкій адмиралъ *Османъ-паша* рѣшился принять бой подъ защитою береговыхъ батарей. Результаты уже извѣстны; они тѣмъ чувствительнѣе для турокъ, что съ кораблями и пушками они потеряли нѣсколько тысячъ солдатъ (говорятъ, пять тысячъ человѣкъ), которые должны были занять позицію между передовыми постами черкесовъ и турецкими войсками (2).

Въ «Тріестской Газетѣ» пишутъ изъ Константинополя, отъ 8-го декабря 1853 г., о синопскомъ сраженіи: «30-го ноября русскій флотъ прибылъ къ синопской гавани, въ которой стояли девять турецкихъ военныхъ кораблей, шесть фрегатовъ и три корвета, въ величайшей безпечности, какъ будто бы севастопольскій флотъ не существовалъ вовсе. Два русскіе парохода, рекогносцировавшіе гавань наканунѣ, не нарушили этой безпечности. Турецкіе пароходы

---

(1) „Сѣв. Пч.“ 1853 г. № 277.
(2) „Сѣверная Пчела“ 1853 года № 278.

не думали разводить паровъ. Экипажи были на берегу, занимаясь разными домашними дѣлами. Вдругъ ужасный громъ русскихъ трехъ-палубныхъ судовъ пробудилъ турокъ, и только тогда турки замѣтили, что корабли ихъ поставлены были такъ хорошо, что если бы синопскія береговыя батареи вздумали защищать свой портъ, то должны были бы стрѣлять по своимъ кораблямъ. Только на одномъ пароходѣ «Таифъ» были разведены пары, потому что онъ, вѣроятно, долженъ былъ идти въ Константинополь, содержа безпрерывное сообщеніе между столицею и различными пунктами береговъ Чернаго моря. Еще неизвѣстно, почему «Таифъ», вмѣсто того чтобъ принять участіе въ боѣ, старался уйти, что ему удалось, не смотря на то, что множество русскихъ ядеръ были посланы ему въ догонку. Издали могъ онъ видѣть зрѣлище ужаснаго боя, слышать взрывы турецкихъ кораблей, и быть свидѣтелемъ пожара въ Синопѣ. Но какъ два русскіе парохода пустились за нимъ въ погоню, то «Таифъ» и скрылся. Не прежде 25-го числа прибылъ онъ въ Константинополь, потому что принужденъ былъ зайти въ какую-то гавань для починки поврежденій, причиненныхъ ему русскими ядрами».

Вѣна, 15-го декабря 1853 г. Вчера прибылъ сюда турецкій кабинетный курьеръ съ депешами изъ Константинополя. Онъ выѣхалъ оттуда 4-го декабря. Въ этотъ день вся союзная эскадра стояла еще въ Босфорѣ. Чтобъ понять значительность потери, понесенной турками въ Синопѣ, надлежало вспомнить весь составъ турецкаго флота. По послѣднимъ оффиціальнымъ извѣстіямъ, онъ состоялъ изъ шести линейныхъ кораблей отъ 74-хъ до 120-ти пушекъ, изъ десяти парусныхъ фрегатовъ отъ 40 до 60-ти пушекъ, шести корветовъ отъ 22-хъ до 26-ти орудій, четырнадцати бриговъ отъ 12-ти до 20-ти пушекъ, шестнадцати катеровъ, шкунъ и пр. отъ 4-хъ до 12-ти орудій. Изъ этихъ семидесяти кораблей русскіе, какъ извѣстно, истребили семь фрегатовъ, два корвета, пароходъ и три транспорта, всего тринадцать судовъ съ 400 пушками.

Въ «Zeit» сказано, что четыре фрегата англо-француз-

ской эскадры посланы въ Синопъ и Варну для собранія всѣхъ подробностей по синопскому пораженію (1).

Въ «Journal de Constantinople» 4-го декабря 1853 г. сказано лишь нѣсколько словъ о синопскомъ сраженіи, котораго окончательный результатъ будто бы еще неизвѣстенъ. Корреспондентъ «Indépendance Belge» отъ того же числа сообщаетъ, что тамъ, дѣйствительно, не было объявлено еще ничего оффиціальнаго объ этомъ пораженіи, но что слухи начинали уже распространяться о погибели всѣхъ турецкихъ судовъ. Этотъ корреспондентъ прибавляетъ еще нѣсколько любопытныхъ подробностей, предшествовавшихъ бою. Кажется, что *Османъ-паша* получилъ изъ Константинополя, за нѣсколько дней, предостереженіе, что неблагоразумно оставаться на синопскомъ рейдѣ съ незначительными силами и въ суточномъ разстояніи отъ Севастополя. Посланы были даже формальныя приказанія, чтобъ онъ вышелъ оттуда, но онъ не послушался. Полагали, что это дѣло можетъ имѣть послѣдствіемъ увольненіе капитанъ-паши и возстановленіе кабинета, въ главѣ котораго будетъ *Решидъ-паша*.

Въ Тріестской газетѣ простираются извѣстія изъ Константинополя до 5-го декабря 1853 г. Въ нихъ находимъ слѣдующее: фрегатъ «Таифъ», избѣгшій синопскаго пораженія, прибылъ въ Константинополь 2-го декабря. На другой же день, послѣ конференціи англійскаго и французскаго посланниковъ и четырехъ адмираловъ, у генерала *Барагэ-д'Иліе*, отправленъ былъ пароходъ «Карадокъ» съ депешами въ Парижъ и Лондонъ. Турки обвиняютъ въ синопскомъ пораженіи *Мушаверъ-пашу* (капитанъ Следъ), къ эскадрѣ котораго принадлежали истребленные корабли. Жалуются, что онъ оставилъ турецкій флотъ въ Синопѣ, вопреки даннымъ ему инструкціямъ (2).

Въ письмахъ изъ Константинополя, отъ 8-го декабря 1853 г. говорятъ: «капитанъ Следъ (англичанинъ, приняв-

---

(1) Сѣверная Пчела 1853 г. № 279.
(2) «Сѣверная Пчела» 1853 года № 281.

шій магометанскую вѣру и служащій адмираломъ подъ именемъ Мушаверъ-паши) играетъ въ англійскихъ газетахъ воинственную роль, а въ Константинополѣ заслужилъ славу человѣка, не знающаго своего дѣла и труса. Онъ не знаетъ своего дѣла потому, что дозволилъ напасть на турецкую эскадру въ расплохъ, хотя многіе признаки удостовѣряли въ приближеніи русскаго флота. Онъ трусъ, ибо, въ самомъ началѣ дѣла, бѣжалъ съ своимъ пароходомъ, и былъ издали свидѣтелемъ погибели эскадры. Если въ Константинополѣ англійскій посланникъ *могъ* ему, турецкому адмиралу, запретить вторично выйти въ Черное море, это значило бы, что и Константинополь, и турецкій флотъ состоятъ подъ командою лорда *Редклифа*, а не султана. Ни въ одной русской реляціи не было сказано, чтобъ на турецкихъ корабляхъ были взяты въ плѣнъ съ турками французскіе и англійскіе офицеры, но въ газетѣ «Daily-News» въ этомъ признаются, замѣчая лишь, что эти офицеры были на флотѣ только какъ любители и не принимали участія въ дѣлѣ. Желательно знать, что сказали бы англійскіе журналы, еслибъ нашли въ Бирманскомъ полку русскихъ офицеровъ, любителей военнаго искусства!» ([1])

Въ «Тріестской Газетѣ» сообщаютъ изъ Константинополя, отъ 12-го декабря 1853 г., слѣдующія подробности: «два парохода англо-французскаго флота («Могадоръ» и «Ретрибюшенъ»), отправившіеся въ Синопъ, возвратились 9-го числа. Извѣстія, привезенныя ими, сильно поразили какъ Порту, такъ и всѣхъ мусульманъ столицы. Изъ всей турецкой эскадры въ Синопѣ, состоявшей изъ семи фрегатовъ, трехъ корветовъ и двухъ пароходовъ, въ буквальномъ смыслѣ осталась только груда пепла и щепокъ. Спасся одинъ «Таифъ», но и тотъ сильно поврежденъ. Изъ пяти тысячъ человѣкъ экипажа остались въ живыхъ едва ли полторы тысячи. Союзные пароходы не нашли уже въ Синопѣ русской эскадры, но, по свидѣтельству очевидцевъ, она потерпѣла очень мало. Англичане и французы оказа-

---

([1]) „Сѣверная Пчела“ 1853 года № 282.

ли раненымъ всѣ возможныя пособія и привезли въ Константинополь болѣе ста человѣкъ. Два другіе англійскіе парохода, «Фюри» и «Геронъ», стоятъ у Варны».

Въ «Zeit» пишутъ изъ Константинополя отъ того же числа: «послѣ синопскаго морскаго сраженія вытащили изъ воды тѣло контръ-адмирала *Гуссейнъ-Ремси-паши*. Онъ утонулъ, пытаясь вплавь спастись на берегъ. Съ самаго начала битвы, синопскій губернаторъ, начальникъ береговыхъ батарей и всѣ мѣстныя начальства бѣжали въ горы. Солдаты гарнизона и всѣ тѣ, которые могли спастись съ кораблей, бѣжали туда же. Такимъ образомъ городъ оставался безъ управленія до вечера 3-го декабря, когда мѣстныя власти опять осмѣлились появиться, хотя русскій флотъ удалился уже 2-го числа. Только одинъ изъ должностныхъ людей неустрашимо остался на своемъ мѣстѣ, а именно австрійскій консулъ г. *Пиргеницъ*» (1).

Въ «Новой Мюнхенской Газетѣ» говорятъ: «Доказательствомъ тому, что русскіе не думаютъ посредствомъ своего флота произвесть высадку на турецкіе берега, служитъ дѣйствіе ихъ предъ Синопомъ. Кто бы помѣшалъ имъ тотчасъ же занять этотъ пунктъ, оставшійся безъ всякой защиты по истребленіи эскадры *Османъ-паши*, и укрѣпиться въ немъ. Они этого не сдѣлали, и очевидно о томъ и не думали. Страннѣе всего слышать, по поводу истребленія турецкаго флота въ Синопѣ, возгласы газетъ въ той странѣ, которой насильственные поступки противъ Копенгагена еще не забыты и не имѣютъ подобныхъ себѣ въ исторіи. Можетъ быть, жестокое синопское пораженіе (гдѣ русскій флотъ лучше всего доказалъ, что онъ не пустой призракъ, какимъ его называли англичане) разбудитъ турокъ спасительнымъ, хотя и не весьма нѣжнымъ образомъ, отъ обманчивыхъ мечтаній, которымъ они предавались: сдѣлавшись покорнѣе, они съ бо́льшею охотою послушаются добрыхъ совѣтовъ (2).

---

(1) Сѣв. Пчела 1853 г. № 287.
(2) Сѣв. Пч. 1853 г. № 288.

После двухнедѣльнаго молчанія, въ «Journal de Constantinople», 14-го декабря 1853 г., извѣщаютъ наконецъ о несчастномъ синопскомъ событіи, не скрывая на этотъ разъ жестокой истины, потому что (какъ сказано въ этой оффиціальной газетѣ) правительство не можетъ болѣе скрывать оной. Нынѣ сознаются, что прежде нежели адмиралъ *Нахимовъ* началъ громить турецкую эскадру, онъ потребовалъ сдачи ея, но вмѣсто отвѣта турки первые начали пальбу. (Въ «Neue Preussische Zeitung» признаютъ въ этомъ предварительномъ требованіи о сдачѣ человѣколюбивый поступокъ, о которомъ турколюбивыя газеты умалчиваютъ). Далѣе слѣдуетъ исчисленіе истребленныхъ кораблей; число ихъ въ «Journal de Constantinople» опредѣляется въ одиннадцать, а именно: шесть фрегатовъ и пять другихъ судовъ, прибавляя, что начальники всѣхъ турецкихъ судовъ погибли, исключая Османа-паши и *Али-Нагиръ-бея*, взятыхъ въ плѣнъ, *Измаилъ-бея* (съ парохода «Эрекли»), *Сали-бея* (съ «Гюли-Сефида») и начальника фрегата «Канди», которые трое (?) успѣли спастись. Судьба *Иццетъ-бея*, командовавшаго судномъ «Фейзи-Меабудъ, еще неизвѣстна турецкому правительству. Въ заключеніе въ «Journal de Constantinople» сказано, что изъ бывшихъ на судахъ четырехъ тысячъ человѣкъ спаслись только тысяча, которые находятся въ Синопѣ (¹).

Константинополь, 19-го декабря 1853 г. Извѣстно, что турецкое правительство получило первое донесеніе о синопскомъ сраженіи отъ австрійскаго консульскаго агента г. *Пирıенца*. Донесеніе сіе состоитъ въ слѣдующемъ: «30-го ноября, въ половинѣ двѣнадцатаго часа утра, подошла къ синопскому рейду русская эскадра, состоящая изъ трехъ трехпалубныхъ кораблей, трехъ двухдечныхъ, двухъ парусныхъ фрегатовъ и четырехъ небольшихъ пароходовъ, при свѣжемъ южномъ вѣтрѣ. Трехдечные корабли, изъ которыхъ на одномъ находился русскій адмиралъ, шли впереди эскадры, и бросили якорь въ виду турецкаго флота,

(¹) Сѣверная Пчела 1853 г. № 290.

стоявшаго на рейдѣ уже три недѣли. Русскій адмиралъ далъ знать сигналами турецкому адмиралу, что намѣренъ вступить въ переговоры, и хотѣлъ уже послать шлюпку. Вдругъ съ фрегата турецкаго адмирала *Османъ-паша* произведены были первые пушечные выстрѣлы. Тогда началось сраженіе, и три часа безпрестанно продолжалась пальба со всѣхъ кораблей. Городъ былъ осыпанъ ядрами. Большая часть турецкихъ судовъ принуждены были отрубить канаты и стать на мель у береговъ. Въ половинѣ пятаго обнаружился пожаръ на турецкихъ корабляхъ, а равно и въ городѣ, турецкомъ кварталѣ и на базарѣ. Этотъ пожаръ и взрывы загорѣвшихся кораблей распространили ужасъ въ городѣ. Губернаторъ *Гуссейнъ-Ранзи-паша*, комендантъ береговыхъ батарей и турецкіе солдаты, по приближеніи русской эскадры, тотчасъ убѣжали, равно и всѣ экипажи съ кораблей, которымъ удалось добраться до берега. Только греки, жители предмѣстія, наиболѣе подвергавшіеся опасности, оставались въ городѣ. Истребленная турецкая эскадра состояла изъ семи фрегатовъ и трехъ корветовъ. Только паровой фрегатъ «Таифъ» успѣлъ скрыться еще до начала сраженія. Турецкій адмиралъ Османъ-паша взятъ въ плѣнъ съ двумя стами офицеровъ и солдатъ. Утонулъ контръ-адмиралъ *Гуссейнъ-паша*, хотѣвшій спастись вплавь. Изъ пяти тысячъ человѣкъ турецкаго экипажа едва спаслись тысяча пятьсотъ. Русскій флотъ потерпѣлъ мало. Трехдечные корабли лишились нѣсколькихъ снастей, а два двухдечные потерпѣли больше, но могли еще идти подъ парусами. 2-го декабря оставили синопскій рейдъ, и какъ цѣлые два дня никого въ городѣ не было, то турецкій кварталъ и былъ почти совершенно истребленъ пожаромъ». Вотъ содержаніе консульскаго донесенія, но по другимъ, достовѣрнымъ письмамъ, сообщаютъ изъ Синопа, что, до вечера 3-го декабря, губернаторъ Гуссейнъ-паша и всѣ городовыя начальства были въ отсутствіи, и только въ слѣдствіе повторенныхъ представленій австрійскаго консула, губернаторъ рѣшился возвратиться. Всѣ окрестныя мѣста находятся въ совершенномъ безначаліи. Турки, скрывшіеся въ горахъ, производятъ еже-

дневно ужаснѣйшіе разбои и грабительства. Пять сутокъ австрійскій консулъ охранялъ свой домъ, полуизбитый ядрами. Нѣсколько разъ турки угрожали ему и хотѣли даже убить его, а потому онъ отправился въ Трапезондъ, чтобъ на Лойдовомъ пароходѣ ѣхать оттуда въ Константинополь. Когда англійскій фрегатъ «Ретрибюшенъ» и французскій «Могадоръ» прибыли въ Синопъ, командиры сихъ судовъ употребили все, что могли, чтобъ доставить пособіе раненымъ, находившимся въ самомъ жалкомъ положеніи». Синопское сраженіе произвело чрезвычайное уныніе между мусульманами. Самые жаркіе приверженцы войны упали духомъ, и видятъ, что смѣлыя ихъ надежды отнюдь не осуществились. Неудовольствіе до сихъ поръ выражается только проклятіями противъ обѣихъ морскихъ державъ (Англіи и Франціи), и довольно справедливо, потому что онѣ много обѣщали, и ничего еще не сдѣлали (1).

По извѣстіямъ изъ Букареста, турецкая эскадра, истребленная на синопскомъ рейдѣ, была та самая, которая отправилась $^{4}/_{16}$ ноября отъ Требизонда. Начальникъ этой эскадры имѣлъ у себя сначала 5 военныхъ судовъ, но потомъ, невдалекѣ отъ Требизонда, соединился съ другою дивизіею, состоявшею изъ 9-ти судовъ меньшаго размѣра. Этому флоту было поручено приблизиться къ берегамъ Абхазіи и снабдить горцевъ порохомъ, ружьями и вспомогательными войсками. Убытокъ, понесенный турками отъ истребленія эскадры, полагаютъ въ 10 милліоновъ гульденовъ. На ней находилась значительная сумма денегъ, не говоря о большомъ запасѣ военныхъ снарядовъ и оружія. Фрегаты принадлежали къ числу лучшихъ судовъ турецкаго флота.

Берлинъ, $^{6}/_{18}$ декабря. Въ сегодняшнемъ нумерѣ «Новой Прусской Газеты» пишутъ: «Старанія демократическихъ и турколюбивыхъ газетъ уменьшить важность побѣды, одержанной русскимъ флотомъ при Синопѣ, совер-

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1853 г. № 291.

шенно напрасны. Всѣ эти толки и возгласы смѣшны и нелѣпы, потому что никто не можетъ опровергнуть факта, что русскіе истребили при Синопѣ лучшую часть турецкаго флота и нанесли туркамъ огромную (въ чемъ одна изъ турколюбивыхъ газетъ сознается сама) потерю людьми, военными снарядами и деньгами. Русская эскадра не лишилась ни одного корабля, и туркофилы должны бы обратить на это обстоятельство особенное вниманіе. Смѣшно смотрѣть, какъ они утѣшаютъ себя, говоря, что и русскіе корабли потерпѣли чувствительный вредъ и должны были спѣшить къ Севастополю! Эскадра, которая, по одержаніи побѣды, можетъ доплыть отъ Синопа до Севастополя, еще не должна быть въ плохомъ положеніи. Разумѣется, мы не хотимъ сказать этимъ, будто бы въ русскіе корабли не попало ни одного ядра; дѣло извѣстное: гдѣ рубятъ дрова, тамъ летятъ щепки».

Извѣстіе о побѣдѣ, одержанной вице-адмираломъ *Нахимовымъ* надъ турецкимъ флотомъ при Синопѣ, произвело въ Лондонѣ чрезвычайное впечатлѣніе. Англійскими газетами овладѣло какое то бѣшенство, и они съ неистовыми воплями требуютъ, чтобы Россіи была объявлена война. Говорятъ, само англійское правительство смотритъ на побѣду при Синопѣ весьма неравнодушно (¹).

Вѣнскій корреспондентъ «Аугсбургской Всеобщей Газеты» пишетъ отъ $^{2}/_{14}$ декабря 1853 г.: «Мы получили изъ Константинополя письма, нѣсколько объясняющія цѣль отправленія въ Черное море турецкой эскадры, окончившей теперь, на синопскомъ рейдѣ, свое существованіе. Въ слѣдъ за прибытіемъ египетскаго флота въ Босфоръ и по полученіи извѣстія о движеніи англо-французскаго флота къ Константинополю, въ турецкомъ адмиралтействѣ былъ начертанъ диковинный планъ — снарядить экспедицію для завоеванія Крыма! Въ письмахъ изъ Константинополя, отъ $^{5}/_{17}$ и $^{14}/_{26}$ октября, а потомъ отъ $^{2}/_{14}$ ноября, обстоятельно упоминалось объ этомъ мудромъ предначертаніи. На бѣду

(¹) „Русскій Инвалидъ“ 1853 г. № 274.

новыхъ завоевателей Крыма, французскій и англійскій адмиралы, предчувствуя, вѣроятно, какія неудачи ожидаютъ ихъ въ Дарданелльскомъ проливѣ (гдѣ, какъ извѣстно, сѣло на мель и ударилось о берегъ столько кораблей ихъ флота), не торопились своимъ прибытіемъ, и потому помянутый планъ остался только планомъ. Тогда, въ слѣдствіе новыхъ совѣщаній въ адмиралтействѣ, было положено отправить часть эскадры, предназначавшейся для завоеванія Крыма, къ кавказскимъ берегамъ, чтобъ сдѣлать тамъ высадку и снабдить горцевъ вспомогательными войсками, деньгами и военными запасами. Эта экспедиція, состоявшая изъ двухъ эскадръ и ввѣренная начальству *Османа-паши*, котораго турки считаютъ отличнымъ морякомъ, была снаряжена въ Константинополѣ очень скрытно, и сухопутныя войска посажены на корабли не съ меньшею осторожностію. Въ тоже время, 11-го ноября (30-го октября), соединенный турецко-египетскій флотъ вошелъ въ Черное море, чтобы отвлечь вниманіе русскаго флота отъ экспедиціи *Османа-паши* шедшей вдоль азіятскаго берега. Но и тутъ турецкое адмиралтейство ошиблось въ своихъ разсчетахъ: большой турецко-египетскій флотъ возвратился въ Босфоръ послѣ 18-го дневнаго крейсерованія, не встрѣтивъ ни одного русскаго военнаго корабля, а *Османъ-паша*, не смотря на свое бѣгство подъ защиту синопскихъ береговыхъ батарей, не избѣгъ своей участи: его корабли истреблены въ смѣло-задуманномъ и мастерски-выполненномъ морскомъ сраженіи, и самъ онъ отвезенъ плѣнникомъ въ Севастополь. Извѣстіе объ этомъ бѣдствіи произвело на воинственную партію въ диванѣ глубокое впечатлѣніе; но еще сильнѣе подѣйствовало на офицеровъ англо-французскаго флота, потому что русскія ядра, разгромившія турецкую эскадру, нанесли жестокій нравственный ударъ кораблямъ западныхъ соединенныхъ эскадръ, которыя (это ужь просто насмѣшка судьбы), почти въ то самое время, когда турецкіе корабли взлетѣли на воздухъ при Синопѣ, тѣшили жителей Константинополя примѣрнымъ морскимъ сраженіемъ.

«Тріестская Газета» сообщаетъ слѣдующее: «По послѣд-

нимъ извѣстіямъ изъ Константинополя, турки, въ слѣдствіе синопскаго пораженія, сильно раздражены противъ англійской и французской соединенныхъ эскадръ. Къ военному министру, говорятъ, являлась депутація отъ улемовъ съ требованіемъ, чтобы правительство приказало (!) французамъ и англичанамъ немедленно идти съ ихъ кораблями въ Черное море. Въ Константинополѣ вообще были недовольны распоряженіями генералъ-адмирала *Махмуда-паши*. Порта узнала о критическомъ положеніи эскадры Османа-паши еще $^{14}/_{26}$ ноября, потому что онъ потребовалъ подкрѣпленій. Большой совѣтъ собрался, выкурилъ множество трубокъ и, проведя за этимъ важнымъ занятіемъ нѣсколько часовъ, рѣшилъ, что такъ какъ синопскія береговыя батареи дѣлаютъ всякое нападеніе русскихъ на эскадру *Османа-паши невозможнымъ*, то *Османъ-паша* можетъ спокойно стоять на синопскомъ рейдѣ до тѣхъ поръ, пока болѣе благопріятная погода позволитъ послать къ нему подкрѣпленія. Замѣтимъ, что на пароходѣ «Таифъ», единственномъ турецкомъ кораблѣ, успѣвшемъ возвратиться отъ Синопа, находились нѣсколько англичанъ, нарочно-отправившихся въ Черное море изъ Константинополя, чтобъ посмотрѣть на *истребленіе русскаго флота*.

«Новая Прусская Газета» говоритъ: «Наконецъ мы имѣемъ прекрасный случай представить въ настоящемъ свѣтѣ правдивость демократическихъ и турколюбивыхъ газетъ такъ отважно ратующихъ за бороду пророка и не дерзающихъ выпускать въ свѣтъ ни одного изъ своихъ нумеровъ безъ извѣстія о какой нибудь новой побѣдѣ турокъ. Намъ ходить недалеко; возьмемъ хоть нашу добрую пріятельницу, «Кёльнскую Газету», и посмотримъ, что говоритъ она о морскомъ сраженіи при Синопѣ. Сначала, когда не совсѣмъ близорукіе люди предвидѣли, что въ Черномъ морѣ скоро должно произойти между русскими и турками столкновеніе, въ «Кёльнской Газетѣ» появилась статья, въ которой она представила намъ дурно-построенные, ветхіе, гнилые и ни къ чему негодные русскіе корабли въ столь жалкомъ видѣ, что мы уже начали думать, что эти корабли вовсе не могутъ держаться на водѣ, и что черно-

морскій флотъ едва-ли существуетъ. Потомъ «Кёльнская Газета», къ крайнему своему сожалѣнію, принуждена была, въ концѣ того же самаго нумера, гдѣ напечатана помянутая статья, сообщить коротенькую телеграфическую депешу о морской побѣдѣ русскихъ при Синопѣ. Но какая это была побѣда и что это было за сраженіе? Такія, какихъ есть тысячи, такъ, пустяки, схватка, о которой почти не стоитъ упоминать. Скоро, однакожь, болѣе подробныя извѣстія заставили «Кёльнскую Газету» сознаться, что это были не совсѣмъ пустяки. Турколюбивыя газеты, въ такой напасти, прибѣгли къ обыкновенному своему средству и пересыпали извѣстія, которыхъ не могли скрыть словами: «Турки не имѣли никакой возможности защищаться»—«на нихъ напали въ расплохъ»—«ужасные сѣверные вѣтры»—«никуда негодный Капуданъ-паша» — и т. д. Но деньото дня, значеніе побѣды русскихъ становилось яснѣе и яснѣе; ударъ, низринувшій турецкій флагъ въ бездны Чернаго моря, отозвался даже въ Лондонѣ, гдѣ, судя по всему, онъ былъ главною причиною паденія одного изъ министровъ и опрокинулъ, быть можетъ, не одинъ политическій и дипломатическій карточный домикъ. Кёльнская Газета принуждена была сознаться, что «гнилые» русскіе корабли не шутя разгромили четвертую часть оттоманскаго флота и одержали при Синопѣ полную побѣду. Но какъ она сознается въ этомъ? А вотъ какъ: «*О коварномъ* истребленіи на синопскомъ рейдѣ эскадры Османа-паши получены телеграфическія извѣстія, представляющія все это дѣло въ самомъ ужасномъ свѣтѣ»... Значитъ, варвары могли побѣдить благородныхъ турокъ только коварствомъ, и, притомъ—въ самомъ ужасномъ свѣтѣ? Это конечно, отнимаетъ у побѣды все ея значеніе и придаетъ дѣлу совсѣмъ другой видъ. Да не спрашиваютъ читатели какіе «ужасы» надѣланы этими «коварными» скиѳами; иначе, они съ содроганіемъ узнаютъ, что русскіе «коварно» напали въ расплохъ на турецкій флотъ, какъ нѣкогда Фридрихъ-Великій напалъ на французовъ при Россбахѣ; что они угостили мирныхъ курителей кальяна «ужаснымъ» количествомъ свинца и пороха, и надѣлали мно-

жество «ужасныхъ» дыръ въ кузовахъ турецкихъ кораблей а это, какъ извѣстно, противно не только всѣмъ требованіямъ мирнаго конгресса, но и чувствамъ всякаго туркофила (1).

Изъ Константинополя пишутъ отъ 15-го декабря въ «Аугсбургской Газетѣ», что полная анархія царствуетъ въ окрестностяхъ Синопа, гдѣ турки, укрывшіеся въ горахъ, предаются безнаказанно разбою и жестокостямъ, разсказъ о которыхъ заставляетъ содрогаться.

Корреспондентъ газеты Chronicle пишетъ изъ Константинополя: «Британскій и французскій паровые фрегаты Retribution и Magador, отправленные въ Синопъ адмиралами, командующими соединенною эскадрою, возвратились сюда въ пятницу послѣ полудня, осмотрѣвъ слѣды бѣдственнаго событія. Большая часть города Синопа превращена въ пепелъ; изъ числа 4490 человѣкъ, составлявшихъ команду семи фрегатовъ, трехъ корветовъ и двухъ пароходовъ осталось въ живыхъ всего 1620 человѣкъ, по большей части раненыхъ. Если взять въ соображеніе число сражавшихся, количество убитыхъ превосходитъ въ этомъ отношеніи наваринскую битву. Нѣтъ словъ описать впечатлѣніе, произведенное этимъ извѣстіемъ въ Константинополѣ. Въ Касимъ-пашѣ, близъ арсенала, части города, обитаемой преимущественно морскимъ населеніемъ Константинополя, множество женщинъ окружили домъ Капитана паши, требуя извѣстій о своихъ братьяхъ, мужьяхъ, отцахъ. Имъ сказали, что 1000 человѣкъ возвращаются домой сухимъ путемъ (2).

Лондонскій корреспондентъ «Новой Прусской Газеты» пишетъ отъ $^{8}/_{20}$ декабря: «Тучи, наведенныя извѣстіемъ объ истребленіи эскадры Османа-паши при Синопѣ на состояніе умовъ въ Англіи, еще не разсѣялись. Нельзя безъ

---

(1) «Русскій Инвалидъ» 1853 г. № 279.

(2) „С.-Петебургскія Вѣдомости“ 1854 г. № 2. Срав. съ корреспонденціею, помѣщенною на стр. 180 и 181 настоящаго Сборника. *Ред.*

сожалѣнія смотрѣть, какъ люди, вообще разсудительные, уступаютъ дѣйствію страстей и лишаются всякой способности безпристрастно судить о дѣлахъ, когда дѣла эти идутъ не совсѣмъ такъ, какъ бы имъ хотѣлось. И вотъ намъ проповѣдуютъ такія правила веденія войны, о какихъ доселѣ никто не слыхивалъ, приводятъ такіе законы чести, которые никогда не существовали. Англійскія газеты вопіютъ: «Русскіе не должны были нападать при Синопѣ на турокъ, потому что турки были слабѣе ихъ, а честь не позволяетъ пользоваться превосходствомъ своихъ силъ». Каковы правила веденія войны? Если слѣдовать имъ и не пользоваться средствами, всего скорѣе ведущими къ цѣли, то, безъ сомнѣнія, не было бы ни одной войны, которая не длилась бы нѣсколько лѣтъ. «Притомъ», гремятъ англійскія газеты, «русскіе напали на турокъ въ расплохъ, не предувѣдомивъ ихъ объ этомъ нападеніи!» Въ самомъ дѣлѣ кажется, что адмиралъ *Нахимовъ* долженъ былъ бы послать къ турецкому адмиралу герольда, съ извѣстіемъ, что онъ намѣренъ атаковать его, и сверхъ того спросить, какіе у турокъ корабли и какія пушки, чтобы выставить противъ нихъ точно такія же, а въ заключеніе прибавить: «Впрочемъ, г. паша, если прибытіе мое можетъ обезпокоить васъ, то, разумѣется, я останусь въ Севастополѣ и съ истиннымъ благорасположеніемъ къ вамъ пребуду, и т. д.»

По извѣстіямъ, привезеннымъ въ Константинополь пароходами «Магадоръ» и «Retribution», которые были посланы къ Синопу и возвратились оттуда 4-го декабря (22-го ноября), въ синопскомъ сраженіи погибло, по крайней мѣрѣ, 4,000 турокъ. Паровой фрегатъ «Таифъ», успѣвшій спастись бѣгствомъ, не избѣгъ дѣйствія русской артиллеріи: въ него попало много ядеръ, и многіе изъ его экипажа были убиты или ранены (1).

Вотъ одна изъ частностей синопскаго сраженія, сооб-

---

(1) „Русскій Инвалидъ“ 1853 г. 282.

щаемая газетою «Herald»: «англійская бригантина Howard, капитанъ *Т. Таверперъ*, отправилась изъ Ливерпуля въ Константинополь съ грузомъ угля. Прибывъ въ Константинополь, капитанъ уговорился за добавочную плату доставить этотъ самый грузъ въ Синопъ, откуда намѣренъ былъ возвратиться въ Англію съ грузомъ хлѣба. Пришедши въ синопскую гавань, онъ надѣялся пуститься въ обратный путь 22-го ноября, а между тѣмъ стоялъ на якорѣ вмѣстѣ съ турецкою эскадрою. Русскій флотъ, воспользовавшись густымъ туманомъ, при попутномъ вѣтрѣ, приблизился къ Синопу и былъ замѣченъ только тогда, когда находился въ разстояніи мили съ четвертью отъ гавани. Чрезъ 15 минутъ началась битва. Бригантина употребила всѣ усилія, чтобы вытянуть канатъ, но исполнить этого не было никакой возможности подъ градомъ выстрѣловъ, наносившихъ значительный вредъ судну и сбившихъ на немъ мачты и снасти. Въ скоромъ времени Howard объятъ былъ пламенемъ вмѣстѣ съ кораблями турецкой эскадры. Огонь находился еще только въ кормовой части бригантины, какъ вдругъ къ судну придрейфовалъ одинъ изъ горѣвшихъ турецкихъ фрегатовъ. Оставшіеся въ живыхъ матросы турецкаго фрегата, числомъ до ста, тотчасъ перескочили на англійское судно, и, посредствомъ топоровъ, ятагановъ и другаго оружія, отрубили канатъ бригантины. Фрегатъ и бригантина поплыли вмѣстѣ; въ это время огонь достигъ до пороховой камеры фрегата, раздался взрывъ, и суда были разрушены въ щепы. Капитанъ добрался до берега вплавь. Здѣсь напала на него шайка разбойниковъ составившаяся изъ мѣстныхъ жителей и грабившая городъ. Съ капитана сняли все, исключая рубахи и нижняго платья. Тогда онъ принужденъ былъ бѣжать въ лѣсъ и скрывался здѣсь всю ночь на большомъ деревѣ, вмѣстѣ съ оставшимися въ живыхъ изъ его команды. Изъ этой команды погибли двое, въ томъ числѣ коммиссаръ, который самъ бросился чрезъ бортъ корабля, совершенно растерявшись отъ страха. На другой день вечеромъ капитанъ возвратился въ городъ и, отыскавъ австрійскаго консула, отдалъ себя и свою команду подъ его покровительство. Консулъ принялъ

ихъ необыкновенно-радушно. Такимъ образомъ они находились у него на попеченіи до прошлаго мѣсяца, когда перевезены были въ Константинополь англійскимъ фрегатомъ «Retribution» (1).

По случаю синопской битвы, газета «Times» выражаетъ нѣсколько мыслей о могуществѣ русскаго флота и о печальномъ состояніи флота Турціи. До сихъ поръ, говоритъ она, русскій флотъ старались выставить въ самомъ незавидномъ свѣтѣ, на турецкій же флотъ, находящійся подъ управленіемъ англійскихъ офицеровъ, смотрѣли, напротивъ того, чрезчуръ снисходительно. Въ настоящее время, не смотря на неясные и сбивчивые разсказы очевидцевъ синопской катастрофы, два или три факта несомнѣнны. Часть русскаго флота нѣсколько дней остается въ открытомъ морѣ, не смотря на страшную погоду, съ которою не отваживаются вступить въ борьбу ни турецкіе, ни австрійскіе пароходы, стоящіе близъ противоположнаго берега. Русскіе отлично выстраиваютъ свою боевую позицію. Трудно съ точностью опредѣлить разстояніе между ихъ судами, но, по видимому, позиція ихъ была очень сомкнута, потому что оставшіеся въ живыхъ турки разсказываютъ, что они видѣли предъ собою стѣну изъ кораблей, и что въ непродолжительное время турецкія суда были пробиты выстрѣлами. Въ какой нибудь часъ времени 11 кораблей пущены ко дну, взорваны или сожжены. Никогда еще не было производимо такого полнаго и совершеннаго разрушенія въ столь короткое время. Русскіе показали, что они вполнѣ знакомы со всѣми новѣйшими усовершенствованіями артиллеріи. Страшное дѣйствіе этихъ усовершенствованій никогда еще не было доказано столь блистательнымъ образомъ. Напротивъ, турки показали, что они не смѣютъ смотрѣть прямо въ лицо ни врагу, ни непогодѣ. Хотя ихъ нѣсколько разъ предостерегали на счетъ грозившей имъ опасности, и даже указывали имъ средство къ уходу, они безсмысленно оставались на синопскомъ рейдѣ. Конечно,

(1) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1854 г. № 3.

нѣкоторые изъ нихъ дрались храбро, но *четверо* изъ *одиннадцати* капитановъ, а можетъ быть и болѣе, искали спасенія въ постыдномъ бѣгствѣ. Прежде въ турецкомъ флотѣ было много матросовъ изъ грековъ, а извѣстно, что греки по природѣ своей моряки, но теперь всѣ матросы турки, и говорятъ, что, во время послѣдней крейсеровки въ Черномъ морѣ, между матросами на одномъ кораблѣ было до четырехсотъ страдавшихъ морскою болѣзнію ([1]).

Въ газетѣ «Times» напечатано слѣдующее письмо изъ Синопа, отъ 6-го января (н. ст.) 1854 г., съ соединенной англо-французской эскадры, выходившей въ Черное море для осмотра анатолійскаго берега: «флотъ бросилъ якорь на синопскомъ рейдѣ. Городъ расположенъ на перешейкѣ, соединяющемъ высокій холмъ съ материкомъ. По обѣимъ сторонамъ перешейка тянется высокая стѣна съ зàмкомъ въ концѣ, близъ материка. Приходъ нашъ произвелъ страшное смятеніе между жителями, принявшими насъ за русскихъ. Турецкая часть города совершенно разрушена, прибрежье покрыто мачтами, обломками судовъ и т. п. Одинъ пароходъ и корветъ прибило къ берегу, все прочее потоплено; у нѣкоторыхъ изъ судовъ изъ подъ воды виднѣются однѣ верхушки мачтъ. Но что въ особенности придаетъ этой картинѣ грустный характеръ, это множество изуродованныхъ труповъ, разбросанныхъ повсюду. Нѣсколько сотенъ ихъ предано уже землѣ, но вновь вырыты собаками, воронами и т. п. ([2])».

Отрывокъ письма изъ Симферополя, отъ 24-го декабря 1853 года.

Айвазовскій воротился изъ Севастополя; онъ видѣлъ тамъ всѣхъ, и долго говорилъ съ *Османъ-пашею* и *Абдилъ беемъ*. Первый 62-хъ лѣтъ, второй молодой человѣкъ, оба ранены и лежатъ. Вотъ разсказъ *Османъ-паши: Мустафа-паша*, старшій чѣмъ онъ адмиралъ, объѣзжалъ на трехъ

([1]) „С.-Петербургскія Вѣдомости" 1854 г. № 8. Срав. съ корреспонденціею, помѣщенною на стр. 184 и 185 настоящаго Сборника. *Ред.*

([2]) „С.-Петербургскія Вѣдомости„ 1854 г. № 25.

пароходахъ абхазскіе берега и скинулъ тамъ до шестидесяти боченковъ пороху и много свинца въ пластинахъ, провозглася черкесамъ, что турецкій флотъ около 20-го ноября высадитъ къ нимъ многочисленный дессантъ изъ Синопа и взятаго у насъ николаевскаго поста. Воротясь оттуда, *Мустафа-паша* встрѣтился съ нашимъ фрегатомъ «Флора», и напалъ на него; сражались долго, и одинъ пароходъ былъ такъ разбитъ, что двое другихъ повлекли его на буксирѣ прямо въ Константинополь. Между тѣмъ Османъ-паша ждалъ *Мустафу* ,и не смѣлъ выйти изъ Синопа, видя три русскіе корабля, ибо *Нахимовъ* стерегъ его, и послалъ уже въ Севастополь за подкрѣпленіемъ. Какъ скоро пришелъ *Новосильскій* съ тремя еще кораблями, *Нахимовъ* началъ атаку, и въ два съ половиною часа заставилъ замолчать и крѣпость, и турецкіе фрегаты, но взорваніе ихъ продолжалось еще и ночью. Вѣтеръ былъ къ берегу, почему сгорѣлъ и городъ. Турецкій экипажъ бѣжалъ на берегъ, но много его и погибло. *Османъ-паша* считаетъ послѣднихъ до 3,000, а бѣжавшихъ до 1,700. Самъ онъ провелъ ужасную ночь. Его сильно ранили въ ногу; онъ лежалъ почти безъ чувствъ, отчасти въ водѣ, которою сталъ наполнятъся ихъ корабль; кругомъ вопли и плачъ раненыхъ и умирающихъ. У него свои же люди вынули ключъ и обокрали его, сняли съ него шубу — ужасно! Когда пересадили его на русскій корабль, все измѣнилось: за нимъ стали ухаживать, покоить его. Онъ удивляется и благодаритъ Бога. Матросы наши отдавали плѣннымъ даже куртки свои. За то онъ не можетъ довольно ругать своихъ. Когда спросили его, почему онъ не взялъ съ собою въ Синопъ линейныхъ кораблей? «Съ нашими матросами было бы все то же!» отвѣчалъ онъ.—Герой побѣды, *Нахимовъ*, съ котораго Айвазовскій хотѣлъ нарисовать портретъ, не позволилъ того и держитъ себя простодушно скромно. «Не важность, говоритъ онъ, побить турокъ, иное дѣло еслибъ были вмѣсто ихъ *другіе*. Мы всѣмъ обязаны *Лазареву!*» (¹)

(¹) „Сѣверная Пчела“ 1854 № 2.

Возраженіе на сужденіе англичанъ о синопскомъ дѣлѣ (¹).

(изъ JOURNAL DE FRANCFORT) (²).

Мы часто видимъ примѣры жаркихъ споровъ, возникающихъ между лицами, которыя созданы для взаимнаго уваженія, но находятся въ щекотливыхъ отношеніяхъ вслѣдствіе своего положенія или самолюбія. То же самое бываетъ съ государствами и народами. Чувство справедливости, внушенное одному изъ нихъ, передъ вступленіемъ въ смертельный бой, могло бы предупредить большія бѣдствія, но очень рѣдко случается, чтобъ та или другая сторона, поглощенная чувствомъ собственнаго права, согласилась бы признать право ближняго и недостатокъ своего собственнаго. Люди очень рѣдко пользуются послѣднимъ часомъ мира, чтобы внять голосу справедливости, а послѣ, когда борьба уже начата, этотъ голосъ бываетъ совершенно заглушенъ, потому что единственными совѣтниками являются тогда ненависть и жажда мщенія. Воспользуемся однимъ изъ этихъ торжественныхъ моментовъ.

Въ общественномъ мнѣніи Англіи, по случаю одного современнаго событія, обнаружилось очень странное явленіе. Эта страна давно уже почитается, въ цѣломъ свѣтѣ, великою хранительницею высокихъ началъ правосудія: нигдѣ не соблюдаются они съ такою точностію, какъ въ Англіи, гдѣ общественное мнѣніе, въ совокупности съ учрежденіями, находящимися подъ его вліяніемъ, по большей части справедливо и разумно. Когда это мнѣніе возникаетъ единодушно, міръ готовъ съ почтеніемъ слушать его и считать достойнымъ осужденія то, что осуждаетъ Англія. Отдавъ справедливость обычному характеру народа (³), мы не можемъ не сдѣлать одной оговорки, что между судьями нѣтъ лицъ ни отдѣльныхъ, ни собирательныхъ,

(¹) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1854 г. № 102.

(²) Эта статья доставлена въ редакцію J. de Francfort изъ С.-Петербурга.

(³) Я имѣю на это основаніе, потому-что въ самой Англіи напечатано сочиненіе „Правота Россіи“. *Примеч. авт.* См. стр. 71 настоящаго Сборника. *Ред.*

которыя не были бы подвержены вліянію страстей, нѣтъ ни одного лица, которое, въ минуту увлеченія, не погрѣшило бы въ своемъ приговорѣ.

Англія выразила, по случаю синопскаго сраженія, мнѣніе, которое можно назвать единодушнымъ, судя по отзывамъ объ этомъ дѣлѣ журналовъ всѣхъ партій. Когда открылся парламентъ, то высшіе представители законодательной власти Англіи повторили почти тотъ же приговоръ. По ихъ мнѣнію, это событіе есть непростительное, *дикое*, варварское преступленіе, рѣзня слабѣйшаго сильнѣйшимъ. Прежде нежели поднимемъ брошенную намъ перчатку и станемъ оспаривать и опровергать этотъ приговоръ, если только можно назвать необузданныя выраженія англичанъ этимъ важнымъ именемъ, считаемъ долгомъ обратить вниманіе на различіе положеній русскаго и англійскаго обществъ. Въ Англіи, при неограниченной свободѣ тисненія, всякій можетъ писать и печатать, и потому, когда общественное мнѣніе воспламеняется, пожаръ мгновенно разливается по всему королевству. Въ Россіи не такъ. Существованіе цензуры препятствуетъ выраженію первыхъ, мгновенныхъ впечатлѣній, и такъ какъ обнародованіе впечатлѣній допускается только съ одобренія правительства, то въ чужихъ краяхъ могутъ думать, что все, напечатанное въ Россіи частнымъ лицемъ съ дозволенія правительства, есть нѣкоторымъ образомъ мнѣніе самого правительства, и что потому въ Россіи, внѣ мнѣнія оффиціальнаго, нѣтъ общественнаго мнѣнія. Отсюда, естественно, проистекаетъ для русскаго правительства обязанность воздерживать народную горячность, особенно въ случаѣ щекотливыхъ переговоровъ съ другими правительствами, и не позволять обнародованія мнѣній самыхъ законныхъ, но высказанныхъ съ горячностью, возбужденною чувствомъ оскорбленія и несправедливости. Не будь въ Россіи цензуры, изъ конца въ конецъ ея пронесся бы единодушный крикъ негодованія на безстыдство и вѣроломство этого судьи, имѣющаго двѣ мѣрки, одну для себя, другую для ближнихъ. Но что вышло бы изъ этой перебранки? Одно лишь ожесточеніе во вредъ не только спокойствію, но и

справедливости. Но мы не приступимъ къ занимающему насъ предмету съ подобными чувствами, не будемъ пристрастны, а постараемся возвыситься до степени судіи и предупредимъ сужденіе, которое произнесутъ люди о синопскомъ дѣлѣ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ. Для этого, по примѣру англійскаго правительства, призовемъ въ свидѣтели происшествія послѣдняго десятилѣтія европейской исторіи. Въ чемъ состоятъ главныя обвиненія, которыми стараются доказать преступность синопскаго дѣла? Правда ли, что русскій флотъ былъ сильнѣе непріятельскаго, имъ уничтоженнаго? Правда ли, какъ сказалъ лордъ *Кларендонъ*, что турецкій флотъ былъ на якорѣ въ заливѣ, принадлежащемъ турецкому государству? Правда ли, что флотъ, находясь въ то время въ Синопѣ, не былъ близокъ къ берегамъ Россіи и не былъ занятъ доставленіемъ военныхъ припасовъ враждебнымъ Русской Имперіи племенамъ? Отвѣчая утвердительно на каждый изъ этихъ вопросовъ—а другихъ обвиненій противъ насъ нѣтъ—разсмотримъ, доказываютъ ли они преступность синопскаго сраженія.

1) Совершенно справедливо, что флотъ, находившійся подъ начальствомъ адмирала *Нахимова*, состоя изъ нѣсколькихъ линейныхъ кораблей, былъ сильнѣе непріятельскаго; остается доказать, что когда между двумя націями объявлена война, то сильнѣйшая сторона ни въ какомъ случаѣ не должна нападать на слабѣйшую. Надо доказать, что желательно бы, чтобъ никогда не было рѣшительной побѣды, потому что такая побѣда возможна только при рѣшительномъ превосходствѣ одной изъ воюющихъ сторонъ, и что нуженъ только рядъ битвъ при равныхъ силахъ и вѣроятностяхъ. Чтожь изъ этого произойдетъ? или безпрерывная война, или миръ по произволу слабѣйшаго, который, въ слѣдствіе своей слабости, былъ бы въ правѣ всего требовать или все дѣлать. Если линейные корабли не должны атаковывать фрегатовъ, то не должно употреблять винтовыхъ судовъ противъ обыкновенныхъ пароходовъ, ни карабиновъ противъ обыкновенныхъ ружей и т. д. Но довольно. Вульвичъ можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, что Англія изучаетъ и собираетъ всѣ средства,

которыя могутъ доставить ей превосходство надъ міромъ на сушѣ и на морѣ, и что она считаетъ законнымъ употребленіе всѣхъ находящихся въ ея распоряженіи силъ для того, чтобъ сдѣлаться сильнѣе своего противника и уничтожить его. Какимъ гомерическимъ смѣхомъ разразилась бы она, еслибъ какой-нибудь казуистъ въ дѣлѣ стратегіи сказалъ ей: постой, отошли назадъ винтовые корабли, у твоего противника ихъ нѣтъ. По истинѣ, положа руку на сердце, только смѣхомъ можно отвѣчать на іереміаду лорда *Кларендона*. Бѣдствія войны и безъ того уже необъятны, такъ зачѣмъ еще болѣе возбуждать людей софизмами въ родѣ тѣхъ, которые вы произнесли. Поймите насъ. Синопское дѣло было бѣдствіемъ для человѣчества, пусть такъ, но *Трафальгаръ*, *Саламанка*, *Ватерлоо* были точно такими же бѣдствіями. Не стану разбирать ни исторіи Пасифико, ни копенгагенскаго дѣла, потому что соглашаюсь, въ настоящую минуту, не затрогивать вашей слабой стороны; притомъ же одно голословное упоминовеніе этихъ подвиговъ вашего великодушія осуждаетъ уже насъ на стыдъ и молчаніе.

2) Турецкій флотъ стоялъ на якорѣ въ портѣ, принадлежащемъ Турціи—это также справедливо. Но съ котораго же времени запрещено атаковывать врага на его собственной землѣ? А Николаевскій фортъ, ужъ не перешелъ ли онъ за турецкую границу, когда непріятель напалъ въ расплохъ и овладѣлъ имъ? Турки были бы совершенно въ своемъ правѣ, еслибъ это событіе произошло послѣ объявленія войны съ Россіей, и мы были какъ нельзя болѣе въ своемъ правѣ, когда, *послѣ* объявленія съ нашей стороны войны, уничтожили турецкій флотъ у Синопа. Въ 1827 году, соединенные флоты Англіи, Франціи и Россіи застали турецкій флотъ на якорѣ въ Наваринѣ, а развѣ Наваринъ не былъ тогда турецкимъ портомъ? и развѣ не сами вы побудили насъ тогда и помогли намъ истребить этотъ флотъ? Какая же разница между бѣдствіями при Синопѣ и при Наваринѣ? развѣ только та, что передъ наваринскимъ дѣломъ война не была объявлена, и что вы сами наиболѣе участвовали въ этомъ дѣлѣ. Скажу болѣе,

что въ томъ и другомъ случаѣ первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ турками, что доказываетъ, что они не были лишены средствъ къ защитѣ, но при Наваринѣ они имѣли дѣло съ тремя сильнѣйшими въ свѣтѣ державами, а при Синопѣ только съ одной, въ слѣдствіе чего вы назвали синопское дѣло *безпримѣрной въ исторіи рѣзней*!! Отчего же въ первой, послѣ наваринскаго сраженія, тронной рѣчи, назвали его только untoward—неожиданнымъ, несчастнымъ дѣломъ? отчего же вы и его откровенно не провозгласили безпримѣрною въ исторіи рѣзней? Вы имѣли бы на это болѣе права, потому что до наваринскаго дѣла не было другаго подобнаго ему, а до Синопа было въ вашей исторіи много ему подобныхъ. Тайна вашего негодованія заключается въ томъ, что была побѣда на морѣ, и что эта побѣда выиграна не вами. Вотъ заноза, которая колетъ васъ прямо въ сердце. Еще обидно вамъ то, что мы были почти подъ вашими выстрѣлами, а вы упустили этотъ случай къ произведенію надъ нами безпримѣрной въ исторіи рѣзни. Приберегайте выраженія, потому что у васъ скоро не достанетъ ихъ, потому что у васъ сопрется дыханіе отъ негодованія, когда Америка разобьетъ ваши флоты и прійдетъ освобождать ирландцевъ съ помощію вашихъ же переселенцевъ. Вы порадуетесь тогда, что произвели на свѣтъ такихъ отличныхъ дѣтей, а мы поздравимъ васъ.

3) Предположимъ, что и нѣтъ на это никакихъ доказательствъ, что на турецкомъ флотѣ не было военныхъ припасовъ, предназначенныхъ враждебнымъ намъ племенамъ или для форта св. Николая, самое имя котораго доказываетъ, что онъ русскій. Должно ли было это обстоятельство препятствовать намъ истребить флотъ, могшій въ послѣдствіи сдѣлать намъ весь тотъ вредъ, котораго не могъ сдѣлать въ то время? Вы, сопровождающіе въ настоящее время ихъ корабли, развѣ вы остановили бы ихъ, еслибъ не было синопскаго сраженія, заставъ ихъ нагружающими (въ Константинополѣ) припасы для форта св. Николая? Но, оставивъ въ сторонѣ случайности, по какому праву истребили вы французскій флотъ при *Трафальгарѣ*? Развѣ онъ былъ уже въ Ламаншѣ? развѣ онъ угрожалъ берегамъ

Англіи или Ирландіи? Однакожé вы истребили его и были въ правѣ это сдѣлать, потому что онъ могъ въ послѣдствіи обмануть вашу бдительность и дать Наполеону возможность сдѣлать высáдку въ Англію.

Взвѣсивши должнымъ образомъ обстоятельства, отдавъ что слѣдуетъ на долю первыхъ впечатлѣній, похвальному чувству состраданія къ побѣжденнымъ, вотъ какъ можно будетъ, приблизительно, оцѣнить занимающее насъ событіе черезъ пятьдесятъ лѣтъ. Въ 1853 году было, скажутъ, синопское сраженіе, въ которомъ русскіе истребили цѣлую турецкую эскадру. Это сраженіе было достопамятнымъ доказательствомъ отчаяннаго мужества турокъ, у которыхъ ни одинъ корабль не сдался, хотя турки имѣли дѣло съ сильнѣйшимъ непріятелемъ. Русскіе показали при этомъ случаѣ не меньшее мужество, потому что атаковали непріятеля на незначительномъ разстояніи отъ Константинополя, гдѣ находились чрезвычайно сильные флоты, присланные Англіей и Франціей по просьбѣ султана. Съ этого-то сраженія начинается дѣятельное участіе въ войнѣ обѣихъ западныхъ державъ, въ слѣдствіе котораго война продолжилась, между тѣмъ какъ, по всей вѣроятности, прекратилась бы миромъ, на который была бы вынуждена Турція, еслибъ ея союзники не ободряли ее на продолженіе борьбы, которая кончилась... и т. д.

Не судя заранѣе о событіяхъ, которыхъ человѣческому уму не дано предугадать, можно, однакоже, сказать впередъ, что человѣчество постигнетъ великія бѣдствія, какъ скоро неминуемое столкновеніе осуществится въ Европѣ. Россія представляетъ уязвимыя точки вслѣдствіе своего протяженія, Англія въ слѣдствіе своей огромной промышленности, которая процвѣтаетъ только въ мирное время. Какъ скоро инстинктъ самосохраненія будетъ заглушенъ чувствомъ ненависти, не будутъ щадить своихъ жизненныхъ интересовъ, лишь бы нанести врагу смертельный ударъ; но прежде нежели скрестимъ мечи и начнемъ борьбу, исходъ которой въ рукѣ Божіей, остережемся отъ всѣхъ тѣхъ поступковъ, которые могутъ лишить насъ собственнаго уваженія нашихъ враговъ. Забудемъ прежнія столкновенія и не ста-

немъ чернить враждебныхъ намъ причинъ и дѣйствій, изливая на нихъ оскорбленія, унизительныя только для тѣхъ, кто ихъ произноситъ. Россія и Англія много лѣтъ содѣйствовали вмѣстѣ, въ мирѣ и войнѣ, совершенію великихъ дѣлъ на пользу человѣчества, науки, религіи и процвѣтанія міра. Не исчисляя многочисленныхъ интересовъ, заставлявшихъ ихъ дѣйствовать за-одно, достаточно упомянуть объ упорномъ энергическомъ сопротивленіи торговлѣ африканскими неграми, которое началось съ вѣнскаго конгресса. Мы не посылали помощи варварійскимъ владѣтелямъ, занимающимся этою торговлей, мы не призывали небесныхъ громовъ на англійскіе корабли, когда они овладѣвали судами, занимавшимися этимъ безстыднымъ дѣломъ. Не съ нами былъ дипломатическій, но очень ѣдкій споръ объ этомъ предметѣ. И когда возсіяетъ снова время согласія и мира между Англіей и Россіей, мы снова будемъ помогать ей уничтожать торговлю неграми, если не флотомъ, то, по крайней мѣрѣ, поддержкою нашего мнѣнія трактатами.

Обзоръ дѣйствій на морѣ, въ теченіе настоящей войны до синопскаго сраженія включительно (1).

Исторія, по опредѣленію Карамзина, есть повѣствованіе о прошедшемъ, составляемое для назиданія въ будущемъ. Такое опредѣленіе, само собою, обязываетъ историка безпристрастно и вѣрно изображать факты. Искаженіе ихъ уничтожаетъ довѣріе къ исторіи. Отъ несправедливыхъ показаній, зданіе, строимое на цѣлые вѣка, съ благою цѣлью избавить потомство отъ ошибокъ, въ которыя впало настоящее поколѣніе, мгновенно распадается передъ голосомъ истины, рано или поздно торжествующей. Пристрастіе современныхъ писателей приведетъ въ сомнѣніе любознательныхъ потомковъ и сгуститъ еще болѣе мракъ, наносимый временемъ и отдаленностію событій. Послѣдствія ихъ иногда тяжелѣе ложатся на будущее по-

---

(1) „Морской Сборникъ“ 1855г. № 2.

колѣніе, нежели на настоящее. Въ государственной жизни, какъ и въ частной, нерѣдко за промахи предковъ страдаетъ потомство; зачѣмъ предоставлять ему исключительное право безпристрастнаго, справедливаго суда надъ дѣйствователями? на какомъ основаніи утвердилась идея, будто вѣрное изложеніе событій можетъ быть составлено только чрезъ извѣстный и притомъ большой промежутокъ времени? Для безпристрастія, какъ выражаетъ самое слово, нужно отсутствіе страстей; совмѣстно ли это съ природою человѣка? и страсти, бушующія въ свидѣтеляхъ событій, въ дѣйствователяхъ не смѣнятся ли въ судьяхъ другими страстями; особенно, если судьи эти будутъ чувствовать бремя минувшаго и страдать отъ его послѣдствій? Вотъ почему, кажется, ошибочно вполнѣ отдавать исторію на произволъ потомства, а самимъ дѣйствователямъ довольствоваться только исчисленіемъ фактовъ, хроникою. Скрижали человѣчества должны носить на себѣ печать общихъ усилій, и вѣрность ихъ зависитъ преимущественно отъ показаній современниковъ, ясно видящихъ причины дѣйствій. Доля грядущаго историка: выставить вѣрно послѣдствія, обнаружить ошибочность предположеній и вывести урокъ для будущаго; или, если послѣдствій не возможно было предвидѣть, указать на нихъ, какъ на новое непрестанно повторяющееся доказательство погрѣшимости человѣческаго мудрствованія, и тѣмъ усилить покорность промыслу.

Отъ этого обширнаго взгляда на исторію вообще, перейдемъ къ исторіи исключительно военной. Ея поле несравненно тѣснѣе, но послѣдствія войнъ болѣе ощутительны, и потому безошибочное изложеніе фактовъ еще необходимѣе. Въ ней, какъ и во всеобщей исторіи, нельзя достичь вѣрности, для великой цѣли назиданія въ будущемъ, иначе какъ разобравъ событія и причины ихъ тотчасъ по совершеніи самыхъ событій; вывести же заключеніе и нужное *нравоученіе* предоставить тѣмъ, кому можетъ предстоять дѣйствія въ послѣдствіи.

Безъ малѣйшаго посягательства на важную роль историка, мы постараемся облегчить будущихъ писателей ис-

ключительно въ изложеніи происшествій настоящей войны на морѣ; посмотримъ на нихъ единственно со стороны технической и дозволимъ себѣ осуждать поступки противниковъ тогда только, когда противъ нихъ въ правѣ говорить человѣчество вообще, безъ различія сословій; когда ничѣмъ незаглушимый голосъ оскорбленнаго народнаго самолюбія принудитъ насъ къ опроверженію лживыхъ доводовъ, и, наконецъ, когда противъ нихъ возопіетъ самый здравый смыслъ, этотъ неумолимый цensоръ слова.

Главнѣйшимъ основаніемъ военной исторіи служатъ официальныя донесенія вождей обѣихъ сторонъ. Видя въ нихъ обыкновенныхъ смертныхъ, мы охотно допустимъ естественное желаніе выставить свои распоряженія въ лучшемъ видѣ, и еще охотнѣе одобримъ то, чему ясная причина любовь къ отечеству, именно, болѣе одушевленный пылкій разсказъ о собственныхъ подвигахъ, нежели о подвигахъ противниковъ; остальное да уничтожится истинною, неоспоримостію фактовъ и безпристрастіемъ.

Утѣшительно замѣтить здѣсь же, при самомъ вступленіи, что военачальники народа, по юности своей и меньшей отдаленности отъ природы, болѣе впечатлительнаго, въ настоящей борьбѣ показываютъ примѣръ скромности и уваженія къ истинѣ. Понимая важность донесеній въ отношеніи къ массѣ, читающей ихъ съ жадностію, вожди наши постигли, что искаженіе событій, невыгодные отзывы о непріятелѣ, излишнее хвастовство и самонадѣянность, вредятъ не только ихъ собственной славѣ, но и человѣчеству вообще, возжигая народную ненависть и распаляя страсти, которыя должны умолкнуть тотчасъ по окончаніи борьбы, даже въ самомъ пылу сраженія смиряться предъ голосомъ любви къ ближнему.

Настоящая война, въ чисто-стратегическомъ отношеніи, раздѣляется на два періода, имѣющіе совершенно различные характеры. Наступательная въ началѣ, когда противниками нашими были одни турки, она превратилась въ оборонительную, когда западныя державы, по разсчетамъ политики или личнымъ видамъ правительствъ, послали противъ насъ громадныя морскія силы. Чтобъ оцѣнить

должнымъ образомъ заслуги нашихъ моряковъ и судить безошибочно объ ихъ дѣйствіяхъ, нужно вспомнить, что, даже въ первый періодъ войны, все дѣлалось, такъ сказать, подъ дулами пушекъ союзниковъ Порты, готовившихся выказать сочувствіе къ нашимъ противникамъ, и что самые противники эти дѣйствовали непріязненно до объявленія войны, съ цѣлію вывести насъ на такую рѣшимость и разжалобить всю Европу ролею угнетенной слабости. Человѣкъ военный, въ особенности морякъ, придастъ этимъ исключительнымъ обстоятельствамъ должную важность. Все дѣлающееся на морѣ требуетъ быстроты и рѣшительности. Составивъ заблаговременно планъ, не должно колебаться въ исполненіи его. Одна только неодолимая сила природы можетъ измѣнять начертанное. Прихоти этой силы, то враждебной, то союзной, уже побуждаютъ моряка ко всегдашней умственной бдительности. Дивное цѣлое, составленное изъ мелочей—корабль грозенъ тогда только, когда всѣ мелочи эти въ совершенствѣ. Исправность каждой изъ нихъ ведетъ къ болѣе рѣшительному и быстрому успѣху; напротивъ, неисправное ихъ состояніе приводитъ къ позору и гибели. Значитъ, въ немногія свободныя минуты, когда планъ дѣйствій уже рѣшенъ, нужно не только обдумать мѣры на случай прихотей атмосферы, но и обезпечить успѣхъ совершенствомъ средствъ разнообразныхъ, безчисленныхъ; должно принять все въ разсчетъ, взять во вниманіе самыя мелкія подробности, пройти корабль въ умѣ отъ киля до клотика. Спокойствіе нравственное, даже при совершенномъ знаніи дѣла, здѣсь необходимо. Каково же должно быть душевное состояніе человѣка, обреченнаго, въ подобномъ случаѣ, силою обстоятельствъ на неувѣренность и сомнѣнія, неясно видящаго черту, разграждающую наблюдательность отъ непріязненности, незнающаго продолжается ли миръ или объявлена война, находящагося, въ какой-то душной сжимающей сердце средѣ, чуждой его привычкамъ или наклонностямъ?

Въ мучительномъ положеніи этомъ находились морскіе офицеры наши съ исхода мая по первое ноября 1853 года. Пылкіе и ревностные, они горѣли желаніемъ наказать ко-

варныхъ враговъ, опиравшихся на слабость, какъ на средство оскорблять могучаго противника: благородные и благоразумные, они умѣряли порывы сердца и отвергали мѣры, между народами допускаемыя, но несоотвѣтственныя ихъ характеру и тому духу, который въ теченіе восемнадцати лѣтъ глубоко проникъ въ сословіе.

Въ спокойствіи величія Россія ждала перваго выстрѣла. Въ Константинополѣ рѣшили разрывъ тотчасъ по отъѣздѣ *князя Меншикова*, и, зная это, мы должны были принять мѣры осторожности. Мая 20-го къ Босфору выслана легкая наблюдательная эскадра, подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта *Лесовскаго*, командира фрегата «Кулевчи». Для такого труднаго, скользкаго поста нельзя было сдѣлать лучшаго выбора. При отличномъ образованіи, *Лесовскій* былъ дитя дѣятельной, суровой службы. Конечно, никто не могъ понимать лучше ужасовъ войны, никто не постигъ бы полнѣе отвѣтственности въ томъ случаѣ, еслибъ неосторожность или излишняя пылкость вовлекли въ дѣйствія, которыя въ послѣдствіи можно было бы толковать, какъ причины разрыва. Но служба съ отличными начальниками и личныя наклонности наложили *на Лесовскаго* печать рѣшимости, столь же необходимой для военнаго человѣка, какъ кротость и благонамѣренность для каждаго. Во-время, не колеблясь, онъ выбросилъ бы за бортъ полумѣры и всякую мысль о личной отвѣтственности, когда дѣло дошло бы до чести флага и службы, которая, по истинѣ, можетъ гордиться имъ. Судьба была справедлива, предоставя такому офицеру завидную долю быть первымъ стражемъ чести нашей на Черномъ морѣ, и онъ выполнялъ назначеніе со всегдашнею своею ревностію и разсудительностію, до тѣхъ поръ, пока начальство, въ уваженіе къ его достоинствамъ, не призвало его къ иной обязанности, требующей въ болѣе сильной степени выказанныхъ имъ способностей и качествъ. Наблюдая за Босфоромъ, эскадра *Лесовскаго съѣла послѣдній сухарь*, тратя воду по порціямъ, пируя на одной солонинѣ, сторожа денно и нощно непріятелей, не сбросившихъ еще личины, при-

готовляясь къ должному пріему ихъ упражненіями боевыми, подъ зноемъ лѣтняго черноморскаго солнца.

Между тѣмъ, намѣренія турокъ стали означаться. Не было сомнѣнія, что они хотятъ нанести первые удары на Кавказѣ, гдѣ различныя племена, по давней ненависти къ намъ, оказали бы имъ дѣйствительную помощь. Надлежало оградить закавказскія провинціи наши, и черноморскому флоту, въ ожиданіи болѣе славныхъ подвиговъ, предстояло перебросить изъ Крыма въ Абхазію сухопутное войско.

Высадка 16,000 человѣкъ пѣхоты, съ 30-ти дневнымъ провіантомъ, боевыми снарядами, двумя батареями артиллеріи и слишкомъ 800 лошадьми, на негостепріимный, представляющій постоянныя къ тому препятствія, берегъ Кавказа, останется навсегда неопровержимымъ доказательствомъ справедливости взгляда на службу незабвеннаго начальника черноморскаго флота, столько лѣтъ съ безпримѣрною ревностію заботившагося о приведеніи въ порядокъ ввѣренной ему части во всѣхъ отношеніяхъ. Приказъ царскій полученъ 13-го сентября, а 24-го войско было уже высажено на дальній, открытый вліянію цѣлаго моря берегъ Анакріи, только при средствахъ самого флота и весьма недостаточной помощи пароходовъ; я разумѣю, въ отношеніи къ числу 14 кораблей, 2 фрегата, два корвета и 11 транспортовъ; эта эскадра, для увѣренности въ своихъ движеніяхъ, имѣла семь пароходовъ и изъ нихъ одинъ только въ 400 силъ. Знакомые съ дѣломъ не найдутъ страннымъ, что мы дивимся распорядительности, обезпечившей успѣхъ въ этомъ случаѣ, и приходимъ въ восторгъ отъ быстроты выполненія воли царской. Дѣятельность и предусмотрительность, выказанныя при этомъ обстоятельствѣ, вполнѣ будутъ постигнуты тѣми только, которые знаютъ по опыту, какъ трудно въ подобномъ случаѣ избѣжать недоразумѣній, суматохи и безпорядковъ, замедляющихъ операцію; и хотя со времени высадки дивизіи *Обручева* противники поразили насъ громаднымъ изверженіемъ полчищъ своихъ на крымскій берегъ, изъ нѣдръ величайшихъ кораблей въ мірѣ,— мы съ неменьшимъ уваженіемъ отзовемся о высадкѣ въ

Анакрію. Въ Варнѣ собирались три мѣсяца, соединили болѣе ста пароходовъ и потомъ перешли всего 200 миль; а наши егеря, по первому слову, перенеслись на корабли и черезъ семь дней разсыпались за 400 почти миль—быстрота изумительная, доказывающая и удободвижимость войскъ, и исправность флота. Дессанты, думаю, всего болѣе обнаруживаютъ рвеніе и знаніе дѣла. Самая амбаркація войскъ зависитъ отъ усердія и смѣтливости каждаго офицера; съ корабля нельзя слѣдить за всѣми; быстрая погрузка различныхъ предметовъ вагенбурга, безъ поврежденій и потерь, требуетъ ловкости и привычки къ порядку отъ каждаго матроса; распредѣленіе ихъ на кораблѣ выказываетъ опытность и соображеніе старшаго офицера, короче—каждый долженъ вполнѣ понимать дѣло и, что не менѣе важно, быть проникнутъ желаніемъ выполнить его наилучшимъ образомъ. Послѣднее сообщилось черноморскому флоту не дневнымъ приказомъ (да и невозможно вдругъ породить любовь къ дѣлу), а долговременнымъ полезнымъ вліяніемъ, благотворно дѣйствовавшимъ на сословіе многіе годы. Въ распорядительности не могло быть недостатка. Главными дѣйствователями были вице-адмиралы *П. С. Нахимовъ* и *В. А. Корниловъ.* Опытность и знаніе, въ соединеніи съ неутомимою ревностію и быстрымъ соображеніемъ, ручались за успѣхъ, и, поставленные въ щекотливое положеніе, начальники, всегда цѣнившіе другъ друга, умѣли, не оскорбляя взаимнаго самолюбія, совершить вмѣстѣ дѣло, на которое, конечно, было достаточно одного изъ нихъ.

Замыслы Турціи, побуждаемой западными державами, начали уже рѣзко обнаруживаться. Опасаясь внезапнаго нападенія на наши владѣнія по восточному берегу Чернаго моря, *князь Меншиковъ* выслалъ 11-го октября эскадру изъ четырехъ кораблей, фрегата и брига, подъ командою *Нахимова*, крейсеровать въ виду анатолійскаго берега, на меридіанѣ мыса Керемпе. Долгое, трудное крейсерство это, въ осеннія бури, вызвало лестные для черноморцевъ отзывы самыхъ завистниковъ нашихъ. «Гдѣ же «эти трепещущіе жиды, эти пародіи на матросовъ, изъ

«которыхъ, какъ увѣряли насъ, состоятъ экипажи русскихъ кораблей», говорили въ одномъ изъ англійскихъ журналовъ «Какъ бы ни смотрѣли на обстоятельства публицисты, мы, «моряки, не можемъ относиться безъ уваженія о невѣдо-«момъ для насъ флотѣ, который смѣло борется съ бурями «въ теченіе мѣсяца, даетъ сраженіе тотчасъ послѣ жесто-«каго вѣтра, уничтожаетъ противника и съ торжествомъ «благополучно возвращается въ портъ, не смотря на по-«врежденія». Мы не станемъ предупреждать обстоятельствъ и приводимъ здѣсь отзывъ противниковъ только въ подтвержденіе собственнаго нашего мнѣнія о крейсерствѣ адмирала *Нахимова*, трудѣ упорномъ, выказывавшемъ искусство и опытность экипажей, но, къ сожалѣнію, совершенно затмившемся въ лучахъ славной синопской битвы. Нѣкоторыя суда, въ слѣдствіе поврежденій, уходили въ портъ; ихъ смѣняли другія, и въ одно время дѣятельный адмиралъ, во что бы то ни стало рѣшившійся исполнить долгъ, имѣлъ при себѣ только три корабля противъ всѣхъ силъ Турціи, готовыхъ выйти изъ Босфора и покровительствуемыхъ союзниками. Иностранные журналы обвиняли адмирала въ выборѣ мѣста крейсерства, хотя сами не переставали гласить, что часть стоявшаго въ Босфорѣ флота была назначена къ перевозу войскъ на кавказскій берегъ. При двусмысленномъ положеніи нашемъ въ отношеніи къ Турціи, въ неувѣренности встрѣтишь ли друга, или недруга, основательно опасаясь вмѣстѣ съ тѣмъ внезапнаго объявленія войны и немедленныхъ дѣйствій со стороны непріятелей,—въ такихъ неопредѣленныхъ обстоятельствахъ, неужели должно было, вопреки убѣжденію, здравому смыслу и указаніямъ мѣстности, растянуть эскадру вдоль грознаго подвѣтреннаго берега Кавказа, на пространствѣ 350 миль, и тамъ ожидать, пока туркамъ угодно будетъ подойти къ любому пункту и сдѣлать высадку? Не ясно ли каждому, что крейсерство между Крымомъ и Керемпе, на перепутьи судовъ, идущихъ во всѣ восточные порта Чернаго моря, въ болѣе близкомъ разстояніи отъ мѣста исправленій и убѣжища, указывалось физическими условіями самого моря? Но туманъ злобы уже омрачилъ умы запада, и

дѣйствіе, на которое вынудила сила обстоятельствъ, опровергали политическими доводами, будто политика отвергаетъ здравый смыслъ.

Коснувшись первыхъ возгласовъ запада, прямо относившихся къ нашимъ военнымъ распоряженіямъ и мѣрамъ, станемъ снова слѣдить за событіями и, по возможности, за ихъ причинами.

На морѣ, чтобъ «увидѣть и побѣдить», нужно долго ходить, и никакой адмиралъ, никогда, не могъ привести кстати тирады цезаря. Раскрывъ морскую исторію, мы увидимъ, что всѣ почти рѣшительные успѣхи были плодомъ долгаго бдительнаго крейсерства, удѣломъ тѣхъ только, кто изнурялъ тѣло и томилъ духъ, сторожа день за днемъ горизонтъ въ надеждѣ открыть противника. Только такимъ неусыпнымъ труженикамъ удавались пиры, вознаграждавшіе за безпокойство и рвеніе. Были рѣдкіе случаи противнаго, напримѣръ Трафальгаръ, когда *Нельсонъ* бросился, такъ сказать, прямо изъ Портсмута въ армаду *Вильнева*; но и здѣсь судьба покровительствовала не даромъ. Трафальгаръ былъ приготовленъ двугодовымъ скитальчествомъ самаго счастливца, тщетно слѣдившаго за непріятелемъ на край свѣта. Какъ тамъ, такъ и при Синопѣ, побѣда досталась достойнѣйшему.

Съ нетерпѣніемъ и, безъ сомнѣнія, со скорбью держался *Нахимовъ* у анатолійскаго берега въ томительномъ ожиданіи вожделѣннаго вѣстника, который освободитъ его отъ несноснаго права «отражать, но не атаковывать», даннаго ему передъ уходомъ изъ Севастополя, и легко угадать чувства, съ какими почтенный начальникъ дѣлалъ, 1-го ноября, эскадрѣ утѣшительный телеграфъ: *война объявлена! отслужить молебствіе и поздравить команду!* Крѣпкій вѣтеръ мѣшалъ адмиралу быть разговорчивымъ, и не ранѣе вечера 2-го ноября онъ высказалъ сотрудникамъ свою рѣшимость, безъ хвастовства и чопорныхъ фразъ—коротко, дѣльно и ясно. «Непріятель не иначе можетъ исполнить свое намѣреніе (атаковать Сухумъ-Кале), «какъ пройдя мимо насъ или давъ намъ сраженіе», — писалъ адмиралъ въ приказѣ. «Въ первомъ случаѣ я надѣ-

«юсь на бдительный надзоръ командировъ и офицеровъ; «во второмъ, съ Божьею помощію и увѣренностью въ сво-«ихъ офицерахъ и командахъ, надѣюсь съ честію принять «сраженіе. Не распространяясь въ наставленіяхъ, я вы-«скажу свою мысль, что въ морскомъ дѣлѣ близкое раз-«стояніе отъ непріятеля и взаимная помощь другъ другу «есть лучшая тактика. Увѣдомляю гг. командировъ, что, «въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, превышающимъ насъ «въ силахъ, я атакую его, будучи совершенно увѣренъ, «что каждый изъ насъ сдѣлаетъ свое дѣло». Опредѣли-тельно, но скромно. Какъ знатокъ дѣла, адмиралъ весьма хорошо понималъ, что съ парусными кораблями всякій планъ въ открытомъ морѣ можетъ быть разстроенъ: по-явленіемъ непріятеля вовсе не въ той части горизонта, гдѣ его ожидаютъ; взаимнымъ положеніемъ противниковъ, которое не зависитъ отъ ихъ произвола; шкваломъ, шти-лемъ и т. п. Успѣхъ морскихъ битвъ приготовляется за-благовременно и зависитъ отъ начальника только до перваго выстрѣла. Въ этотъ торжественный моментъ главно-командующій долженъ совершенно положиться на личныя способности и опытность командировъ, предоставя себѣ лестное право первымъ ринуться въ бой. Послѣдствія, не менѣе того, принадлежатъ ему столько же, сколько и вож-дю силъ на сушѣ. Если, въ теченіе крейсерства, онъ съумѣлъ пріучить экипажи къ управленію кораблями, если онъ развилъ въ командирахъ соображеніе, далъ имъ воз-можность совершенно постичь качества судовъ своихъ, все-лилъ въ нихъ увѣренность, которая не можетъ существо-вать безъ чувства собственнаго достоинства, тогда, по-добно *Нельсону* подъ Трафальгаромъ, онъ можетъ закрыть сигнальныя книги; но если, изъ лишняго педантизма, от-сутствіемъ системы или чѣмъ либо подобнымъ онъ изну-рилъ команды, если, по нетерпѣнію въ маневрахъ, не до-пускалъ командировъ обдумывать и выполнять мысль свою и, въ довершеніе, клеймилъ ихъ позорными сигналами; если онъ водилъ флотъ на помочахъ, уничтожая тѣмъ вся-кій произволъ мышленія,—тогда дѣло кончено, и въ рѣ-шительную минуту такому начальнику нѣтъ малѣйшаго ос-

нованія надѣяться на успѣхъ. Силы величественныя, стройныя въ маневрахъ, когда все доступно глазу и исправимо сигналомъ, въ пылу битвы, при грохотѣ тысячи жерлъ, въ самомъ скоромъ времени представятъ иное зрѣлище. Виновникъ раскается въ своей угнетательной системѣ но уже поздно. Другое условіе, не менѣе важное и чисто нравственное, есть тѣсная дружественная связь между командирами, и горе адмиралу, упустившему изъ виду это сильное ручательство за успѣхъ. На морѣ взаимная помощь весьма важна, но степень такой помощи не опредѣлима волею начальника, и въ хаосѣ битвы только взаимная привязанность можетъ понудить къ наиболѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ.

Мы вдались въ эти разсужденія единственно съ цѣлью показать важность дѣйствій морскаго начальника даже въ мирное время. Съ каждымъ днемъ онъ болѣе и болѣе готовитъ себѣ лавры въ будущемъ или отдаляетъ возможность успѣха, и синопскій бой есть дѣло многолѣтнихъ трудовъ, взаимной увѣренности, поселенной долгимъ служебнымъ братствомъ. Оставимъ на время адмирала у Анатоліи и обратимся къ случаямъ, предшествовавшимъ его подвигу.

Все еще не объявляя войны, но явно готовясь къ тому, турки не могли смотрѣть равнодушно на мѣры, принимаемыя съ нашей стороны къ отраженію ожидаемыхъ ударовъ. Главнокомандующій войсками Порты въ Румеліи, *Омеръ-паша*, укрѣпивъ правый берегъ Дуная между Тульчи и Исакчи, рѣшился объявить *князю Горчакову*, что не дозволитъ проходить военнымъ судамъ нашимъ въ предѣлахъ его выстрѣловъ. Съ нашей стороны оказалось нужнымъ перевести часть гребной флотиліи къ Пруту, и капитану *Варпаховскому* поручено было перейти тогда отъ Измаила съ двумя пароходами и восемью канонерскими лодками.

Не входя въ подробности дѣла, помѣщенныя въ различныхъ журналахъ, мы дозволимъ себѣ нѣкоторыя замѣчанія, по мнѣнію нашему, помогающія оцѣнить подвигъ *Варпаховскаго* должнымъ образомъ. Турецкія батареи, ко-

нечно, не были грозны, но считались противниками нашими достаточными против тѣхъ силъ, которыя мы могли выставить на рѣкѣ. Укрѣпленіе берега отъ Тульчи до Исакчи и далѣе было поручено, состоявшему при *Барагэ-д'Ильє*, полковнику французскаго генеральнаго штаба *Маньяну*. Донося турецкому главнокомандующему объ окончаніи возложеннаго на него порученія, *Маньянъ*, съ свойственною французу увѣренностью, прибавилъ, что «мимо Исакчи не пролетитъ птица безъ позволенія». Между тѣмъ *Варпаховскій* прошелъ среди бѣлаго дня, буксируя двумя легкими, слабо вооруженными пароходами восемь неспособныхъ къ движенію лодокъ со скоростію $2^1/_2$ узловъ, при возможно невыгодныхъ условіяхъ. Прорываясь мимо укрѣпленій, обыкновенно стараются идти какъ можно быстрѣе; но этому мѣшали буксируемыя лодки. Турки навели орудія заблаговременно, въ весьма близкомъ разстояніи, и наконецъ вѣтромъ несло дымъ орудій нашихъ прямо на укрѣпленія и скрывало ихъ, тогда какъ мачты пароходовъ всегда представляли предметъ, по которому непріятель могъ наводить свои пушки. Не смотря на все это, флотилія пришла въ Галацъ въ полномъ составѣ, конечно съ поврежденіями и значительною потерею въ людяхъ; но кто же могъ ожидать иного. Впрочемъ уронъ нашъ, вѣроятно, былъ бы менѣе значителенъ, еслибъ лишніе люди съ лодокъ, привязанныхъ къ дѣйствовавшимъ бортамъ пароходовъ, и съ самыхъ пароходовъ были посажены на лодки, находившіяся вдоль не дѣйствовавшихъ бортовъ. Убыль въ артиллерійской прислугѣ можно было бы всегда пополнить во время. Можетъ быть, это сдѣлали, но не показали въ донесеніи, тогда какъ распоряженіе пригодилось бы для будущаго. Что же касается до просьбы моряковъ послать ихъ днемъ, а не ночью (какъ хотѣло сухопутное начальство), въ которой праздные умы обвиняли ихъ, понятно, что внезапности въ этомъ случаѣ быть не могло. Шумъ колесъ и искры пароходовъ открыли бы ихъ во время, слѣдовательно темнота увеличила бы только невыгоды съ нашей стороны, подвергши флотилію опасности плаванія по узкой извилистой рѣкѣ.

Капитанъ *Варпаховскій* палъ на кожухѣ своего парохода, оставя намъ, морякамъ, утѣшеніе, что первая кровь, пролитая въ настоящей войнѣ, текла въ жилахъ собрата по оружію.

На другомъ краѣ предѣловъ нашихъ турки, также не объявляя войны, бросились на пограничный постъ св. Николая, не кстати означенный на картахъ нашихъ фортомъ. Не удостоивая порицанія звѣрство полудикихъ побѣдителей, замѣтимъ, что образованная Европа рукоплекала неистовству, съ которымъ въ этомъ случаѣ были нарушены права народныя, и смотрѣла на Исакчи и св. Николай совершенно иначе, нежели на Синопъ, хотя послѣднее дѣло было прямымъ и вовсе не внезапнымъ дѣйствіемъ, противъ явнаго уже врага, допускаемымъ законами всѣхъ временъ, указываемымъ самохраненіемъ.

Занятіе поста Св. Николая не принесло большой чести противникамъ, но въ исторію флота нашего вписало блистательную страницу. Обманутая въ ожиданіи быстрыхъ успѣховъ, публика, подъ живымъ впечатлѣніемъ неудачи, равнодушно пропустила несчастное дѣло «Колхиды», хотя подобныхъ примѣровъ стойкаго, благоразумнаго мужества трудно найти въ дѣйствіяхъ моряковъ другихъ націй. Нужно было, чтобъ провидѣніе поставило точно въ такія же обстоятельства знаменитыхъ на морѣ противниковъ. Разбирая ихъ дѣйствія только, начали сравнивать и привели на память геройское самоотверженіе соотечественниковъ. Вѣрные данному въ началѣ обѣщанію, мы и здѣсь замѣтимъ, что случай съ «Колхидою» произошелъ, безъ всякаго сомнѣнія, отъ излишней увѣренности въ знаніи мѣстности, свойственной людямъ, посѣщающимъ безпрестанно тотъ же пунктъ. Непреступаемый безнаказанно морской законъ, «бросать лотъ», вѣрно не былъ соблюденъ при занимавшемъ всѣхъ желаніи подойти какъ можно ближе и увѣриться въ чьихъ рукахъ находится постъ. Притомъ исполненіе приказанія генерала *Миронова*: отойти въ сторону, явно обнаруживало недостатокъ опытности въ управленіи пароходомъ. Послѣдствія повели къ потерѣ многихъ храбрыхъ; но сопротивленіе искупило ошибку, и въ са-

момъ строгомъ судьѣ остается только удивленіе къ хладнокровной, ничѣмъ непоколебимой рѣшимости, спасти пароходъ, поставленный на край гибели. Распорядительность лейтенанта *Степанова* и мичмана *Дистерло* показала въ нихъ достойныхъ питомцевъ суроваго Кавказа, окрѣпшихъ въ бурныхъ, опасныхъ плаваніяхъ вдоль негостепріимнаго берега во всякое время года. Лѣтнія прогулки по морю не придаютъ нервамъ силы, необходимой въ подобныхъ случаяхъ, и можно смѣло смотрѣть въ глаза смерти, но теряться, когда обязанность требуетъ исторгнуть многихъ изъ ея челюстей своимъ соображеніемъ. Изрѣшеченная славными пробоинами, «Колхида» возвратилась въ портъ съ несомнѣннымъ доказательствомъ непріязненности турокъ. Личина была сброшена: наступательныя дѣйствія начаты противниками, и война объявлена фактомъ.

Попытка «Колхиды» была совершенно искажена иностранными журналами, и какъ увѣренія ихъ нигдѣ не опровергнуты, чужеземный историкъ невольно изобразитъ подвигъ дѣломъ безславнымъ. По словамъ иностранцевъ, русскій пароходъ «Громоносецъ», ставши на мель, былъ разбитъ турецкими батареями, снесенъ на камни у Батума и потомъ пущенъ на дно. Туркофилы забыли или не знали, что отъ Батума къ св. Николаю идетъ сильное теченіе, и не объяснили, какъ принесенъ противъ него пароходъ. Не довольствуясь простымъ вымысломъ, они сочинили цѣлую басню о томъ, какъ командиръ старался нарядить людей своихъ въ турецкіе костюмы, какъ турецкій офицеръ узналъ въ пароходѣ тотъ самый, который привозилъ въ Стамбулъ *князя Меншикова*, какъ искусно онъ потопилъ пароходъ выстрѣломъ и, наконецъ, какъ плѣнный экипажъ подтвердилъ въ Константинополѣ всѣ эти показанія.

Послѣ дѣла подъ Исачки и нападенія на Св. Николай, Порта объявила войну официально, и, въ промежуткѣ времени до манифеста нашего правительства, вице-адмиралъ *Корниловъ* съ отрядомъ пароходовъ осмотрѣлъ берегъ до Босфора. У Сизополя видѣли турецкую эскадру, и 29-го октября, по возвращеніи въ Севастополь, быстрый адмиралъ, получивъ разрѣшеніе дѣйствовать непріязненно, понесся

къ Варнѣ съ пятью кораблями, въ сладкой надеждѣ истребить видѣнныя прежде непріятельскія суда. Тщетное ожиданіе. Турки уже возвратились въ Босфоръ, а отъ встрѣченныхъ на пути купцовъ узнали только, что незадолго предъ тѣмъ высланы были изъ пролива въ Трапезондъ три парохода. Предоставя контръ-адмиралу *Новосильскому* идти на соединеніе съ эскадрою у Анатоліи, нетерпѣливый адмиралъ, въ порывѣ свойственной ему ревности, поспѣшилъ на пароходѣ «Владиміръ» къ *Нахимову*, увѣдомить его о выходѣ пароходовъ изъ Босфора.

На пути этомъ, 5-го ноября, «Владиміръ» встрѣтилъ турецко-египетскій пароходъ «Первазъ-Бахри», догналъ его, послѣ четырехъ-часоваго преслѣдованія, и взялъ по двучасовомъ боѣ, въ которомъ противникъ оказалъ упорную храбрость. За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, адмиралъ лично трудился надъ «Владиміромъ» въ Англіи, и удачное преслѣдованіе приза вознаградило его за хлопоты и безпокойства. Пропуская подробности боя, слишкомъ хорошо извѣстныя, укажемъ на нѣкоторыя особенности его. Встрѣча «Владиміра» съ Первазъ-Бахри» была первымъ, вѣроятно, и единственнымъ сраженіемъ между двумя колесными пароходами. Ухватившись за дивную силу пара, не замедлили обезпечить его, по возможности, отъ случайностей боя, и на будущее время пароходы съ колесами употребятся только, какъ транспорты. И такъ честь перваго, повторяю, можетъ быть, единственнаго опыта борьбы колесныхъ пароходовъ выпала на долю русскихъ моряковъ. Къ счастію она досталась людямъ, способнымъ вывести должное заключеніе. Адмиралъ зналъ пароходъ во всѣхъ подробностяхъ и блестящимъ опытомъ постигъ выгоду быстраго судна. Командиръ, капитанъ *Бутаковъ*, не могъ не видѣть въ этомъ случаѣ особаго покровительства судьбы, удовлетворившей его наклонностямъ и вполнѣ обнаружившей его качества. Страстный ко всему новому въ избранномъ имъ ремеслѣ, повѣряя пріобрѣтаемыя познанія безпрестанными опытами съ самаго нѣжнаго возраста, *Бутаковъ* набѣжалъ на возможность произвести испытаніе блистательное, никому еще не представлявшееся. Его быстрое соображеніе

и ничѣмъ ненарушимое хладнокровіе были необходимы въ дѣлѣ совершенно новомъ. За врагомъ слѣдили съ спокойствіемъ, тотчасъ замѣтили недостатокъ кормовой обороны и воспользовались имъ искусно. Противникъ, приведенный въ беззащитное состояніе, спустилъ флагъ; а «Владиміръ», почти безъ урона, былъ готовъ на новую побѣду. Несомнѣнное торжество искусства надъ ярою храбростію, дѣло не бѣшеное, не вспышка страсти, а разсчитанное, благоразумное, обнаруживающее присутствіе всѣхъ умственныхъ способностей и нравственную силу, возрастающую съ опасностію. На пароходѣ этомъ, всегда отличавшемся исправностію, выказался однакоже недостатокъ, котораго и нельзя было открыть безъ подобнаго опыта. Огромныя бомбическія орудія, нагрѣваясь, соскакивали со штыровъ, и безпрестанное наведеніе ихъ на гнѣзда изнурило прислугу.

За границею не вѣрили побѣдѣ «Владиміра»; напротивъ, журналисты привели его въ Константинополь и указывали на русскую реляцію о дѣлѣ, какъ на образецъ официальной лжи. Безъ явной, умышленной неблагонамѣренности, невозможно было толковать такимъ образомъ донесенія. Очевидно, въ немъ адмиралъ не желалъ придать побѣдѣ болѣе важности, нежели она заслуживала, и старался выставить усилія своего храбраго противника. Онъ могъ бы, безъ опасенія упрека, вовсе не упоминать объ эскадрѣ *Нахимова*, потому что она не имѣла на бой ни малѣйшаго вліянія. Отчетъ тѣмъ болѣе кажется намъ скромнымъ, что это была первая побѣда наша на морѣ въ настоящую кампанію. Въ немъ не только не видно хвастовства или страсти къ реляціямъ, но даже замѣтно отсутствіе всякихъ вычурныхъ фразъ, такъ нерѣдко встрѣчаемыхъ въ подобныхъ документахъ. Въ отчетѣ сказано лишь то, безъ чего онъ былъ бы не полонъ.

Занятіе форта Св. Николай оскорбило жителей береговъ Невы; что же происходило въ душахъ закаленныхъ кавказцевъ, привыкшихъ смотрѣть съ презрѣніемъ на дерзкихъ противниковъ, рѣшившихся замѣнить недостатокъ искусства и мужества нечаянностію и коварствомъ. Естественно, всѣ жаждали отмстить хищникамъ.

Командовавшій черноморскою береговою линіею, вице-адмиралъ *Серебряковъ*, собралъ отрядъ, крейсеровавшій у восточнаго берега, и, съ помощію четырехъ пароходовъ кавказскаго корпуса, атаковалъ Св. Николай, 7-го ноября, съ моря, надѣясь на обѣщанное содѣйствіе сухопутныхъ войскъ. Обстоятельства или недоразумѣнія помѣшали единовременной атакѣ и, послѣ дву-часоваго дѣйствія, начальникъ линіи пошелъ вдоль анатолійскаго берега. Причины, помѣшавшія ему предпринять что-либо рѣшительное, изъяснены уже въ «Сборникѣ» (Морскомъ).

Между тѣмъ три турецкіе парохода, о которыхъ узналъ вице-адмиралъ *Корниловъ*, прошли мимо эскадры *Нахимова*, вовсе не имѣвшей тогда пароходовъ, и появились у восточнаго берега, гдѣ, почти при штилѣ, напали на 44-хъ пушечный фрегатъ «Флора» (капитанъ-лейтенантъ *Скоробогатовъ*), шедшій изъ Севастополя въ Сухумъ-Кале. Здѣсь впервые представился случай опредѣлить достоинства двухъ соперничествующихъ системъ: парусной и паровой; но турки дѣйствовали робко и неразсчетливо; держались вмѣстѣ, когда должны были атаковать фрегатъ съ разныхъ направленій, и тѣмъ давали возможность парусному противнику, искусно управляющемуся, избѣгать самыхъ губительныхъ выстрѣловъ однимъ и тѣмъ же маневромъ. Въ артиллеріи непріятели также не выказали большаго навыка. При совершенствѣ въ ней, пароходы своими бомбическими орудіями могли бы бить фрегатъ безнаказанно, держась внѣ его выстрѣловъ; ибо «Флора» не имѣла пушекъ болѣе 24-фунтоваго калибра. Отсутствіе познаній и соображенія обнаружилось въ этомъ случаѣ разительно. Легко увертывающіеся противники не могли избѣжать мѣтко направленнаго огня фрегата и удалились послѣ семичасовыхъ тщетныхъ усилій. Отдавая справедливость мужеству и распорядительности капитана *Скоробогатова*, вполнѣ цѣня рыцарскую помощь, поданную имъ шкунѣ «Дротикъ», на которую бросились турецкіе пароходы, какъ на легкую добычу, однакожь дѣло «Флоры» мы назовемъ *счастливымъ*, а какъ его результатъ, безъ сомнѣнія, былъ бы славенъ для нашего флота, то, изъ любви къ дѣлу, пожалѣемъ, что

«Флора» не встрѣтилъ болѣе рѣшительныхъ противниковъ. Отнынѣ врядъ ли возможны подобныя встрѣчи, и вопросъ между парусными судами и колесными пароходами, вѣроятно навсегда, остался нерѣшеннымъ. Можетъ быть, судьба не хотѣла слишкомъ рѣзко показать человѣку, что онъ долго и тщетно напрягалъ умъ къ ошибочной цѣли.

Удачную доставку пароходами снарядовъ на восточный берегъ иностранныя газеты изобразили какъ торжество турокъ, хотя причиною успѣха ихъ было неопредѣленное положеніе адмирала *Нахимова*, не знавшаго еще о томъ, что война объявлена, и неимѣніе при эскадрѣ пароходовъ, какъ мы сказали прежде.—«Флору» представили эскадрою фрегатовъ, крейсеровавшею у Кавказа, и увѣрили публику, будто турки отбились со славою. Извѣстіе о синопскомъ боѣ дошло уже на западъ, и неоспоримое, громкое доказательство убѣждало каждаго, что крейсеры наши держались у Синопа. Впрочемъ, и безъ этого факта легко было повѣрить, что мы не стали бы въ военное время сторожить турокъ вдоль всего протяженія восточнаго берега моря, когда та же цѣль достигалась несравненно вѣрнѣе отрядомъ, расположеннымъ между анатолійскимъ и крымскимъ берегами. Дѣйствительно, «Флора» шла на смѣну фрегата, находившагося въ очередномъ крейсерствѣ у Абхазіи, и нападеніе на нее было почти неожиданное.

Представя бѣглый очеркъ дѣйствій, предшествовавшихъ синопской побѣдѣ, обратимся вновь къ оставленному нами адмиралу *Нахимову*, только что освобожденному отъ тяжкаго бремени неувѣренности и сомнѣній.

До 16 ноября настойчивый адмиралъ сторожилъ у Синопа вошедшую туда турецкую эскадру изъ семи фрегатовъ, трехъ корветовъ и двухъ пароходовъ, поджидая двухъ кораблей, посланныхъ въ Севастополь для исправленій послѣ шторма 8 ноября. Адмиралъ зналъ, что турецкія суда стояли подъ защитою батарей, и, конечно, было бы безразсудно броситься на нихъ съ бывшими при немъ тремя кораблями. 16-го присоединились три корабля и два фрегата, подъ флагомъ контръ-адмирала *Новосильскаго*, возвратившагося въ Севастополь и тотчасъ оттуда высланнаго

княземъ Меншиковымъ. 17-го, въ приказѣ по эскадрѣ, в.-адм. *Нахимовъ* объявилъ намѣреніе атаковать непріятеля. Сообщивъ въ общихъ чертахъ планъ свой и давши нѣкоторыя наставленія, доказывающія опытность, уваженіе къ правамъ народнымъ и человѣколюбіе къ самымъ врагамъ, *Нахимовъ* предоставилъ, въ случаѣ невозможности выполнить его предначертанія, «каждому дѣйствовать совершенно независимо, но непремѣнно исполнить долгъ».

Ноября 18-го утромъ, при порывистомъ вѣтрѣ и мрачности, эскадра построилась въ двѣ колонны, спустила гребныя суда, чтобы сберечь ихъ и, по щегольскому обычаю, принятому во флотѣ, помчалась на Синопскій рейдъ, подъ возможными парусами. Всѣ корабли имѣли, кромѣ обыкновенныхъ кормовыхъ флаговъ, національные на брамъ-стеньгахъ. Само собою разумѣется, впереди шли флагманы. Англійскіе офицеры, собиравшіе въ послѣдствіи на мѣстѣ подробности битвы, не могли воздержаться отъ должной похвалы, явной, поражающей рѣшимости, съ которою, по словамъ очевидцевъ, русская эскадра неслась на кровавое пиршество въ безукоризненномъ строѣ. Но оставимъ на время неутомимаго начальника, вознагражденнаго въ этотъ день за долгую ревностную службу высоко имъ чтимую, за истинно рыцарскія чувства, руководившія его во всю жизнь, и обратимся къ его злополучному противнику.

Бури, выдержанныя *Нахимовымъ* съ такою стойкостію, загнали *Османъ-пашу* въ Синопъ, гдѣ, безъ сомнѣнія, онъ скоро убѣдился, что не пройдетъ по назначенію къ Кавказу безъ схватки съ бдительнымъ и рѣшительнымъ соперникомъ. Ему представлялись два средства: выйти въ море и, пользуясь мрачностію, при дувшемъ NO, возратиться въ Босфоръ, подвергаясь случайности бѣглаго боя съ тремя кораблями *Нахимова*, при чемъ, конечно, не могло воспослѣдовать созершеннаго уничтоженія его эскадры; или, предпочтя оставаться на якорѣ, употребить всѣ мѣры къ отчаянному спору. Зная по опыту отвращеніе турецкихъ моряковъ къ бурнымъ плаваніямъ и увѣренные, что адмиралъ *Нахимовъ* употребилъ бы всѣ средства къ прегра́ж-

денію непріятелю отступленія, мы не станемъ винить турецкаго начальника въ рѣшимости оставаться на Синопскомъ рейдѣ, хотя осеннія бури и мрачныя погоды могли подать ему основательную надежду разойтись съ противникомъ въ морѣ. Допустимъ, что всего лучше для него было выжидать нападенія въ Синопѣ. При взглядѣ на карту ясно, что турецкая эскадра оказала бы болѣе успѣшное сопротивленіе, еслибъ была расположена не вдоль города, а южнѣе его, по краю мелководія. При средствахъ арсенала и обыкновенной дѣятельности, *Османъ-паша* могъ свезти съ недѣйствующихъ своихъ бортовъ орудія и уставить ими городской берегъ. Тогда корабли наши, откуда бы ни подошли, подвергались бы страшнымъ продольнымъ выстрѣламъ. Отъ востока ихъ встрѣтилъ бы въ носъ огонь цѣлой эскадры, отъ юга—залпы береговыхъ батарей; а по занятіи мѣстъ для дѣйствія противъ турецкихъ судовъ, они, во все время боя, находились бы между двухъ огней. *Османъ-паша* не долженъ былъ опасаться такого положенія даже при восточномъ вѣтрѣ, дующемъ въ бухту. Стоило только имѣть два якоря: въ случаѣ морскаго вѣтра онъ могъ стоять на брошенномъ въ море, а завидя непріятеля, сдаться на береговой и, помощію шпринговъ, вытянуть боевую линію. *Османъ-паша* удовольствовался батареями, издавна и безъ большаго смысла построенными, изъ коихъ половина почти вовсе не помогла ему, а нѣкоторыя, въ пылу боя, вѣроятно, вредили столько же своимъ, сколько и нападавшимъ. Прижавшись къ городу, онъ подвергъ его неминуемому разрушенію, нисколько не обезпечивши собственной участи.

Не дозволяя себѣ презирать противника, *Нахимовъ*, безъ сомнѣнія, полагалъ, что *Османъ-паша* поступитъ такъ, какъ онъ распорядился бы на его мѣстѣ, и, конечно, нельзя было помышлять объ атакѣ турокъ въ указанной нами позиціи, въ военномъ портѣ, почти неизвѣстномъ нападающимъ, имѣя при себѣ всего три корабля.

Громы синопскаго побоища раздались во всѣхъ предѣлахъ нашего обширнаго отечества, и имя главнаго виновника его сдѣлалось народнымъ. Опасаясь слабымъ повто-

реніемъ высказаннаго уже многими уменьшить блескъ одной изъ самыхъ рѣшительныхъ побѣдъ на морѣ, мы скажемъ только, что каждый, по желанію адмирала, выполнилъ долгъ, и укажемъ на необыкновенную скромность начальника, совершенно забывшаго о себѣ въ донесеніи. На этомъ страшномъ пиру, при оглушающемъ гулѣ громовыхъ взрывовъ, когда смерть рѣяла вокругъ съ неистовымъ бѣшенствомъ, право, позволительно было бы сравнивать себя съ Юпитеромъ. Гордость такъ свойственна успѣху. Но скромный виновникъ побѣды тѣшился, какъ на маневрахъ, не измѣнилъ и въ этотъ торжественный моментъ жизни своимъ любимымъ наклонностямъ. Славное дѣйствіе «Парижа» не ускользнуло отъ его зоркаго глаза, и адмиралъ порывался благодарить его сигналомъ, будто въ практическомъ плаваніи, за скорую перемѣну марселя. Конечно, онъ зналъ, какъ высоко оцѣнится его одобреніе. Къ сожалѣнію, турецкіе книпели, перервавъ фалы, лишили адмирала этого удовольствія.

Всѣ участники синопскаго боя, по желанію любимаго начальника, исполнили долгъ свой истинно-блистательнымъ образомъ. Изъ двѣнадцати военныхъ непріятельскихъ судовъ и четырехъ купеческихъ, спасся одинъ только пароходъ; остальные, послѣ трехъ-часоваго дѣла, не существовали или были въ конецъ разбиты. Той же участи подверглись непріятельскія батареи. Исторія представляетъ весьма рѣдкіе примѣры столь совершеннаго истребленія на морѣ, и мы съ удовольствіемъ отнесли бы бѣдственный для противниковъ результатъ къ ихъ стойкости. Къ сожалѣнію, причина уничтоженія турецкой эскадры заключается въ безпорядкѣ, царствовавшемъ на ней; въ паническомъ страхѣ, подъ вліяніемъ котораго экипажи забывали общепринятые сигналы покорности и бросали суда свои въ смятеніи. Пріятно, однакожъ, отдать должное счастливцу въ этой кровавой суматохѣ, обязанному спасеніемъ, несомнѣнно, собственной рѣшимости. Убѣжденный, что, оставаясь на мѣстѣ, онъ будетъ лишнею только жертвою, «Таифъ» смѣло выбѣжалъ изъ за линій сражавшихся, и помчался въ Константинополь. Усилія фрега-

товъ «Кагулъ» и «Кулевчи», конечно, не могли бы остановить убѣгающаго, если бы фрегаты находились даже у восточнаго синопскаго мыса, гдѣ было бы удобнѣе перехватить всякое судно, пытавшееся спастись. Доказательствомъ тому служитъ тщетная попытка вице-адмирала *Корнилова*, входившаго въ то время на рейдъ съ тремя пароходами: «Одесса», «Крымъ» и «Херсонесъ»; они, какъ извѣстно, до войны служили для сообщенія между Константинополемъ и Одессою, успѣшно выполняя назначеніе. Обстоятельства понудили обратить ихъ въ суда, способныя къ бою, и постановка тяжелыхъ орудій, конечно, измѣнила ихъ качества, въ особенности же повредила ходкости. Указывая на неспособность такихъ пароходовъ къ преслѣдованію противника, имѣвшаго всѣ достоинства произведенія позднѣйшаго времени, когда наука сдѣлала уже гигантскій шагъ, нельзя, однакожь, не сказать, что и въ этой встрѣчѣ «Таифъ» выказалъ искусство и находчивость, свойственныя только холодной рѣшительности. Разумѣется, онъ не появился бы въ Стамбулѣ вѣстникомъ пораженія соотечественниковъ, если бы при эскадрѣ *Нахимова* были пароходы съ самаго начала сраженія; отсутствіе этихъ необходимыхъ въ наше время соглядатаевъ при крейсерующемъ флотѣ объяснится впослѣдствіи; здѣсь же можно только сожалѣть объ этомъ.

Въ теченіе сорока-лѣтняго мира военно-морское искусство сдѣлало огромные успѣхи. Самые корабли возрасли въ размѣрахъ; открыты лучшіе способы выдѣлки металла, что дозволило увеличить калибръ орудій, почти не обременяя судовъ лишнимъ вѣсомъ; дѣйствователей болѣе обезопасили отъ случайностей боя, и, наконецъ, какъ бы не довѣряя долгому согласію, люди силились изобрѣтать возможныя средства вредить ближнему. На введенныя усовершенствованія имѣли различные взгляды, пока все новое не было еще освящено достойнымъ опытомъ; и естественно, тѣмъ, кого обстоятельства вызвали первыми на бранное поле послѣ продолжительнаго мира, досталось въ удѣлъ рѣшить многія сомнѣнія. Такъ, въ синопскомъ боѣ утвердилось превосходство бомбической артиллеріи, по

крайней мѣрѣ, въ борьбѣ кораблей съ кораблями и съ батареями, не имѣющими прочной каменной одежды. Противъ сплошныхъ каменныхъ оградъ, искусно казематированныхъ, такія орудія врядъ-ли могутъ быть дѣйствительны; но въ стѣнахъ корабля бомбы производятъ страшныя поврежденія, что подтвердилось уже и другими фактами въ настоящую войну.

Мы сказали прежде, что благополучное прибытіе въ Севастополь пострадавшей въ бою эскадры *Нахимова* вызвало похвалы самыхъ противниковъ нашихъ. И, дѣйствительно, нельзя надивиться неутомимымъ сподвижникамъ адмирала, приведшимъ суда свои въ состояніе перейти позднею осенью поперегъ Черное море; нельзя не чувствовать уваженія къ рвенію и знанію тѣхъ, которые, по выходѣ изъ жаркаго трехъ-часоваго боя, требовавшаго всей энергіи, принялись столь усердно за исправленія, не подумавши о заслуженномъ ими отдыхѣ, и черезъ 36 часовъ выступили въ море, готовые принять новаго противника, если не съ увѣренностію въ успѣхѣ, то, по крайней мѣрѣ, съ сознаніемъ, что все, могущее вести къ пораженію, устранено по мѣрѣ возможности.

Подвигъ адмирала *Нахимова* разнесся съ необыкновенною быстротою и чрезъ семь дней достигъ завистливой Англіи. Чувство національной гордости, вкорененное привычкою своевольствовать по всѣмъ морямъ міра, взволновалось, въ слѣдствіе убѣжденія о существованіи иного чуждаго флота, способнаго приносить пользу своему отечеству; и если бы, въ порывѣ исключительнаго самолюбія, вся Англія огласилась воинственнымъ воплемъ, закипѣла бы желаніемъ подавить вновь рожденную силу, изъ боязни опаснаго со временемъ соперничества; если бы эти чувства были выражены прямо, съ откровенностію, свойственною благородному противнику, мы не дивились бы такому общему стремленію народа, заблаговременно заботящагося о своей славѣ и безопасности. Но на виновниковъ торжества Россіи подняли отвратительное оружіе клеветы и злобы. Личный характеръ дѣйствователей изобразили самыми черными красками и, чрезъ журналы, ви-

дѣвшіе въ томъ временную выгоду, отдали на поруганіе полуграмотной безнравственной черни. Самые министры, не чуждые личныхъ разсчетовъ, вторили глашатаямъ, движимымъ единственно корыстію. И такія низкія, недостойныя страсти раздули пламя войны, вспыхнувшей на Востокѣ и разлившейся по всей Европѣ.

Героевъ Синопа упрекали въ жестокости, обвиняли даже въ вѣроломствѣ, утверждая, будто они шли въ бой подъ англійскими флагами. Безъ всякихъ нравственныхъ доводовъ, послѣднее увѣреніе отвергается самымъ смысломъ. Турки знали заблаговременно, что въ виду порта крейсеровала русская эскадра; къ чему же послужила бы мистификація? Жестокость съ соотечественниками лютыхъ грабителей форта св. Николай, можетъ быть, была бы извинительна; но, конечно, всякій, знающій душевныя качества начальника эскадры, не допуститъ мысли, чтобы онъ, въ какомъ бы то ни было случаѣ, потерпѣлъ что либо звѣрское или безчестное; притомъ подобные поступки совершенно противорѣчили бы мнѣнію самихъ иностранцевъ о нашихъ офицерахъ.

Не довольствуясь клеветами, журналы силились уменьшить блескъ синопской побѣды, прибавивъ шесть фрегатовъ къ эскадрѣ адмирала Нахимова, и, основываясь на этомъ воображаемомъ превосходствѣ нашихъ силъ, называли побѣду безславною. Такіе возгласы зависти опровергнуть не трудно. Припомнивъ сказанное нами при разборѣ синопской битвы, можно придти къ заключенію, что силы наши не были не соотвѣтственны средствамъ противниковъ, и что *Нахимовъ*, вопреки увѣреніямъ иностранцевъ, не долженъ былъ атаковать тяжело вооруженные турецкіе фрегаты тремя кораблями и бригомъ, которые имѣлъ при себѣ до 15-го ноября. Даже, еслибъ не было береговыхъ батарей, подобная рѣшимость походила бы на дерзость. Адмиралъ зналъ средства *Османъ-паши*, конечно, лучше тѣхъ, которые осуждали его въ Англіи, и, смотря на людей съ своего фокуса, естественно предполагалъ, что непріятель употребитъ всѣ средства къ оборонѣ. Другая причина, по которой *Нахимовъ* ожидалъ подкрѣпленія, еще основатель-

нѣе. Въ войнѣ жаждутъ успѣха, а не кровопролитія. Адмиралъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ, съ шестью кораблями, еслибъ *Османъ-паша* и сдѣлалъ все, что слѣдовало; въ противномъ случаѣ турецкій начальникъ могъ бы сдаться безъ слишкомъ упорнаго боя, если то согласовалось съ его понятіями о чести флага. Слѣдовательно, съ какой стороны на вопросъ ни смотрѣли бы, *Нахимовъ* былъ правъ, и еслибъ *Османъ-паша* оказалъ столько же энергіи до битвы, сколько личной храбрости въ самомъ сраженіи, успѣхъ нашъ былъ бы купленъ болѣе дорогою цѣною.

Синопскій бой называли въ Англіи *безславнымъ*. Отношеніе силъ противниковъ было совершенно тоже, что при Наваринѣ, а дерзалъ ли хотя одинъ англичанинъ поносить соотечественниковъ, ежегодно празднующихъ этотъ день, какъ знаменитый въ лѣтописяхъ англійскаго флота? Расположивши какъ должно батареи, *Османъ-паша* или синопскій губернаторъ уравняли бы силы. Въ своей собственной исторіи англичане имѣютъ неопровержимое доказательство дѣйствительности береговыхъ укрѣпленій. Адмиралъ *Сомарецъ* атаковалъ французскую эскадру *Дюмануара*, стоявшую у Алжезираса подъ защитою батарей Изола-Верда, и былъ отбитъ съ потерею одного корабля.

Безъ сомнѣнія, здравомыслящіе люди въ самой Англіи понимали, что журналы старались только возжечь народную ненависть; но большинство вѣрило имъ. Помрачился разсудокъ и, освободясь отъ долголѣтняго гнета, стала бѣшено рваться на арену вещественная сила.

Не завидна была доля русскаго сердца, бившагося на берегахъ Темзы; нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ, жившіе въ то время въ Англіи, пытались отклонить общее мнѣніе отъ пагубнаго заблужденія. Тщетно! Свобода тисненія, англійская терпимость, филантропія, все стало пустымъ словомъ. Въ припадкѣ ярости, холодные дотолѣ британцы отвергали всякое разсужденіе, и безуміе рѣяло по торжищамъ новаго Карфагена.

Ив. Шестаковъ.

Январь 1855 года.

Высочайшій указъ объ объявленіи состоящими въ военномъ положеніи области Бессарабской и губерній Херсонской и Таврической.

Въ имянномъ Его Императорскаго Величества указѣ, данномъ правительствующему сенату 19-го ноября, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, изображено: «По настоящимъ обстоятельствамъ признали мы нужнымъ объявить состоящими въ военномъ положеніи область Бессарабскую и губерніи Херсонскую и Таврическую, подчинивъ изъ нихъ губернію Таврическую и часть Херсонской, находящуюся на лѣвомъ берегу р. Буга, начальнику главнаго морскаго штаба нашего, адмиралу генералъ-адъютанту *князю Меншикову*, а область Бессарабскую и другую часть Херсонской губерніи, находящуюся на правомъ берегу р. Буга—командиру 3-го пѣхотнаго корпуса, генералу отъ кавалеріи, генералъ-адъютанту *барону Остенъ-Сакену* 1-му. Князю Меншикову и барону Остенъ-Сакену мы предоставили на все время состоянія означенныхъ губерній и области въ военномъ положеніи пользоваться правами командира отдѣльнаго корпуса, на основаніи устава для управленія арміями 5-го декабря 1846 года. Правительствующій сенатъ не оставитъ учинить распоряженіе о приведеніи сего въ исполненіе (²)».

Рѣчь англійской королевы при открытіи парламента.

Лондонъ. 31-го января, королева открыла засѣданіе парламента слѣдующею рѣчью: (²)

«Милорды и господа! Радуюсь всегда, видя васъ собравшихся въ парламентѣ, и при нынѣшнемъ случаѣ обращаюсь къ вашему пособію и совѣтамъ еще съ особеннымъ удовольствіемъ. Ожиданіе, выраженное мною при закрытіи послѣдняго засѣданія, что въ скоромъ времени будетъ заключенъ трактатъ и прекращены разногласія между Россіею и Портою Оттоманскою, не исполнилось, и, къ

(¹) „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1853 г. № 264.
(²) Сѣверная Пчела 1854 г. № 21.

сожалѣнію моему, отъ того произошла война.—Я продолжала дѣйствовать, въ сердечномъ соучастіи съ императоромъ французовъ, и хотя усилія мои, какъ и участіе моихъ союзниковъ, съ цѣлію сохраненія и возстановленія мира между воюющими сторонами, были доселѣ неуспѣшны, но происходили безостановочно.—Я стану продолжать сіи старанія; но такъ какъ продолженіе войны можетъ чувствительно нарушить пользы Англіи и Европы, то считаю нужнымъ увеличить наши военныя и сухопутныя силы, чтобъ поддержать мои представленія и успѣшнѣе содѣйствовать къ возстановленію мира.—Я приказала предложить вамъ безъ замедленія переговоры, которые происходили по сему предмету (1)......

Разборъ документовъ, представленныхъ англійскому парламенту.

При открытіи англійскаго парламента, представлены ему были всѣ документы, донесенія, переписки и проч., по восточному вопросу. Важнѣйшіе изъ нихъ уже напечатаны въ англійскихъ газетахъ. Вотъ что говорятъ объ этомъ въ «Neue Preussische Zeitung». «Документы по восточнымъ раздорамъ, обратившіе на себя вниманіе публики тѣмъ болѣе, что явились въ газетахъ въ одно время съ извѣстіемъ о предстоящемъ отъѣздѣ россійскаго посланника барона *Брунова*, пристыдятъ всѣхъ тѣхъ, которые въ теченіе всего прошлаго года не совѣстились мутить общее мнѣніе сумасбродными статьями, дѣйствуя только для удовлетворенія собственнымъ своимъ страстямъ. Теперь мы, конечно, въ войнѣ, но притомъ можемъ видѣть какъ легко было избѣжать ея. Ходъ событій, явствующій изъ тѣхъ газетъ, которыя въ сужденіяхъ своихъ не затмѣвались никакими тайными замыслами и мстительностью, теперь вполнѣ подтверждается достовѣрными доказательствами. Раздѣливъ продолжительные дипломатическіе переговоры, окончившіеся нынѣшнимъ печальнымъ положе-

(1) Окончаніе рѣчи королевы, обращенной къ нижней палатѣ, относится до внутреннихъ дѣлъ Англіи и ея торговли, а потому здѣсь не помѣщается. *Ред.*

ніемъ дѣлъ, на три главные періода, а именно: первый періодъ до пріѣзда *князя Меншикова* въ Константинополь; второй до истребленія синопскаго флота, а третій до нынѣшняго отъѣзда посланника, всѣ здравомыслящіе читатели согласятся, что измѣненія въ ходѣ переговоровъ произошли преимущественно отъ выраженій общественнаго мнѣнія англійской націи, а ей всегда старались представить побудительныя причины и дѣйствія русскаго правительства въ превратномъ видѣ. Изъ донесеній англійскихъ дипломатическихъ агентовъ министру видно, самымъ яснымъ образомъ, что Россія *принуждена* была принять рѣшительное положеніе въ слѣдствіе самовластныхъ поступковъ французскихъ агентовъ въ Левантѣ, предводимыхъ французскимъ посланникомъ въ Константинополѣ, а это вынужденное дѣйствіе Россіи тотчасъ же было представлено англійской націи въ видѣ вызова. Не принимая всего съ самой дурной стороны, можемъ утвердительно сказать, что вся вина газеты «Times» состояла въ продолженіи французскихъ происковъ, которые подали поводъ къ первымъ дипломатическимъ переговорамъ по восточному вопросу. Можно допустить, что французское правительство, по новости своего тогдашняго положенія, не могло имѣть, дѣйствительно, и строгаго надзора надъ своими агентами духовнаго и гражданскаго сословія, производившими во всѣ времена волненія на Востокѣ, слѣдственно не подвергается за нихъ нравственной отвѣтственности. Гораздо вѣрнѣе приписать внезапное, одностороннее, и въ особенности внушаемое безотчетною подозрительностью подстреканіе публики англійскими газетами—либеральной партіи въ Англіи, раздраженной событіями 1848 и 1849 годовъ на твердой землѣ, и съ трудомъ воздерживаемой до сихъ поръ въ выраженіи своихъ страстей. Партія же тори распалялась при этомъ непомѣрною своею національною гордостью. Этотъ первый переворотъ общественнаго мнѣнія и послѣдовавшихъ за тѣмъ переговоровъ былъ главною причиною разрыва. Дальнѣйшее изслѣдованіе обнародованныхъ нынѣ документовъ принесетъ менѣе поучительные уроки [1].»

[1] Сѣверная Пчела 1854 г. № 27.

«Новая Прусская Газета», занимаясь разсмотрѣніемъ документовъ, сообщенныхъ англійскому парламенту, замѣчаетъ, что въ началѣ затрудненія, возникшаго по восточнымъ дѣламъ, Англія объявила себя въ пользу Россіи. Полковникъ Розе, который былъ въ то время представителемъ Англіи въ Константинополѣ, писалъ, отъ 7-го марта 1853 года, англійскому министру иностранныхъ дѣлъ, «что турецкій министръ, конечно, заслуживаетъ порицанія за дѣло о Святыхъ Мѣстахъ, но что Порта, поставленная между угрозой г. де-Лавалетта призвать въ Дарданеллы французскій флотъ, и объявленіемъ г. *Титова*, что онъ выѣдетъ изъ Константинополя со всѣмъ императорскимъ посольствомъ, если требованія его не будутъ исполнены, весьма естественнымъ образомъ оказалась виновною въ нѣсколькихъ жалкихъ противорѣчіямъ. «Нѣтъ сомнѣнія,» прибавляетъ «Новая Прусская Газета», «что требованія Россіи имѣли законное основаніе, потому что, вопреки прежнимъ конвенціямъ, латинская (католическая) церковь пріобрѣла извѣстныя преимущества въ ущербъ православной [1]».

Вступленіе англо-французскаго флота въ Черное море.

Корреспондентъ газеты «Times» пишетъ: «Съ разсвѣтомъ 3-го января (1854 г.), соединенный англо-французскій флотъ снялся съ якоря, для выхода въ Черное море, но, встрѣтивъ противный вѣтеръ, возвратился къ вечеру на прежнюю стоянку. На слѣдующее утро флотъ снялся съ якоря, и отправился въ путь. Онъ вышелъ въ полномъ комплектѣ кораблей, за исключеніемъ корабля «Аретуза» (возвращающагося въ Англію и нынѣ стоящаго у Золотаго Рога) и пароходовъ: «Фюри», «Нигеръ» и «Тигръ». — Послѣ полудня того же дня, когда соединенный флотъ вышелъ изъ Босфора, пять турецкихъ пароходовъ, съ 6 тысячами человѣкъ войска, пушками и аммуниціею отошли отъ Золо-

---

[1] „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1854 г. № 29.

таго Рога и послѣдовали, въ кильватерѣ, за флотомъ. Войска и пушки отправляются на азіятскую границу, а порохъ назначенъ для кавказскихъ горцевъ (1).

Въ телеграфической депешѣ изъ Марселя извѣщаютъ, что соединенныя эскадры вошли въ Черное море 3-го января (22-го декабря), вмѣстѣ съ дивизіею оттоманскаго флота. Шесть англо-французскихъ кораблей остались при Бейкосѣ, для охраненія Босфора, а вторая дивизія турецко-египетскаго флота стояла еще при Терапіи (2).

Константинопольскій корреспондентъ «Аугсбургской Газеты» пишетъ отъ 8-го января: Лордъ Редклифъ далъ 5-го января слѣдующую прокламацію къ пребывающимъ въ Константинополѣ англичанамъ: «флотъ ея величества, состоящій изъ 10 линейныхъ кораблей, 1 фрегата и 7 пароходовъ, подъ начальствомъ вице-адмирала Дондаса, въ слѣдствіе данныхъ мнѣ инструкцій, вошелъ въ Черное море одновременно съ французскимъ флотомъ и имѣя одинаковую съ нимъ цѣль. Я считаю нужнымъ извѣстить, что адмиралу Дондасу поручено защищать, по возможности, законные интересы Порты, не нарушая, однакожь, существующихъ до сихъ поръ дружественныхъ отношеній между Англіей и Россіей». Другими словами это значитъ: стараться ничѣмъ не рисковать—и выигрывать; ни на что не отваживаться—и быть смѣлымъ; играть двусмысленную роль—и слѣдовать благородной политикѣ. На какую жалкую роль осуждаетъ себя *британскій левъ!* Но какъ знать: можетъ быть, онъ разсчитываетъ на то, что сѣверный медвѣдь покоится теперь зимнимъ сномъ и сосетъ свою лапу!» (3).

«Новая Прусская Газета» сообщаетъ: «Мы были въ состояніи съ самаго начала сказать рѣшительно, что лордъ Пальмерстонъ вышелъ изъ англійскаго кабинета не изъ за билля о парламентской реформѣ, а изъ за восточнаго во-

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 38.
(2) „Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 8.
(3) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ № 25.

проса. Теперь оказывается, что лордъ Пальмерстонъ требовалъ, чтобы соединенныя англійская и французская эскадры вошли въ Черное море, но что ни одинъ изъ прочихъ министровъ не раздѣлялъ съ нимъ такого образа мыслей: вотъ причина выхода лорда Пальмерстона изъ Кабинета. Послѣ того, однакожъ, какъ англійское министерство отправило, между тѣмъ, къ своему флоту приказаніе войти въ Черное море, для благороднаго лорда не осталось никакихъ причинъ долѣе отказываться отъ участія въ управленіи дѣлами, и онъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, дѣйствительно снова вступилъ въ Кабинетъ, безъ дальнѣйшихъ условій (¹).

С.-Петербургъ, 8-го января, въ «Journal de St. Pétersbourg» напечатано: «Публикѣ уже извѣстно изъ иностранныхъ газетъ о предписаніи, данномъ Англіею и Франціею соединеннымъ флотамъ своимъ, вступить въ Черное море. Такъ какъ это предписаніе только словесно доведено до Императорскаго Кабинета, то онъ почелъ нужнымъ, прежде всего, потребовать, какъ въ Лондонѣ, такъ и въ Парижѣ, категорическихъ объясненій на счетъ характера и объема мѣръ, которыя соединяютъ съ этимъ оба правительства. Отъ результата этихъ объясненій будетъ зависѣть дальнѣйшій образъ его дѣйствій» (²).

Вѣна, 15-го (3-го) января, въ редакцію газеты «Indépendance Belge» пишутъ отсюда отъ 11-го с. м. (30-го декабря): «рѣшеніе, принятое Англіею и Франціею относительно вступленія ихъ флота въ Черное море, произвело на нашъ Кабинетъ непріятное впечатлѣніе. Въ депешѣ, отправленной въ Парижъ и служащей отвѣтомъ на циркулярную ноту г. *Друэна-де-Люиза*, нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ объясняетъ, что Австрія и Пруссія смотрятъ на образъ дѣйствій Англіи и Франціи тѣмъ съ большимъ сожалѣніемъ, что до сихъ поръ ничто не позволяетъ сом-

---

(¹) „Русскій Инвалидъ“ 1853 г. № 286.
(²) „С-Петерб. Вѣдомости“ 1854 г. № 6.

нѣваться въ намѣреніяхъ Россіи, неоднократно объявлявшей, что она вовсе не думаетъ о завоеваніяхъ. Къ этому графъ *Буль-Шауенштейнъ* присовокупляетъ, что такой шагъ флотовъ Англіи и Франціи не можетъ не повредить успѣху мирныхъ предложеній четырехъ державъ (¹).

Трапезондъ, 14-го января 1854 года. Изумленные жители Трапезонда увидѣли, 9-го числа, рѣдкое явленіе: пароходная дивизія союзнаго флота, подъ начальствомъ контръ-адмираловъ *Ле-Барбіе, де-Тинана* и сэра Эдмунда *Лайонса* бросила здѣсь якорь, и громъ салютованія судовъ заглушилъ миролюбивые звонки приходящихъ и отходящихъ каравановъ. Съ этими судами пришли пять турецкихъ паровыхъ фрегатовъ и паровой транспортъ «Шехъ-Перъ», на которыхъ везли въ Батумъ артиллеристовъ и пять тысячъ человѣкъ дессантнаго войска, а сверхъ того грузъ разныхъ военныхъ запасовъ и матеріаловъ. Всѣ эти четырнадцать кораблей, съ небольшимъ турецкимъ почтовымъ пароходомъ, ходившимъ между Трапезондомъ и Батумомъ, пошли, въ десять часовъ вечера, далѣе къ востоку. О миролюбивомъ характерѣ этой экспедиціи можно судить уже по тому, что всѣ орудія были заряжены ядрами, и только одна батарея оставлена для салютовъ. Не смотря на это, французскіе и англійскіе контръ-адмиралы увѣряли здѣсь, что между ихъ правительствами и Россіею господствуетъ совершенный миръ. Эти увѣренія возбудили удивленіе и неудовольствіе между здѣшними мусульманскими жителями, начиная съ паши, который по сему случаю забылъ отплатить за визитъ, сдѣланный ему обоими контръ адмиралами. Турки люди весьма положительные, и къ ихъ числу принадлежитъ трапезондскій намѣстникъ *Изметъ-паша*. Послѣ восьмимѣсячнаго ожиданія, когда, наконецъ, союзные англо-французскіе флоты двинулись въ Черное море, турки надѣялись, что эти флоты тотчасъ же сожгутъ Одессу и Севастополь, истребятъ всѣ русскіе корабли, и пр. Впрочемъ для истиннаго мусульманина нѣтъ ни русскихъ,

---

(¹) „Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 11.

ни англичанъ, ни французовъ: онъ во всѣхъ видитъ невѣрныхъ, и радуется, когда они истребляютъ другъ друга, безъ пролитія крови со стороны правовѣрныхъ въ борьбѣ съ *кяфирами*. Теперь мусульмане почитаютъ сильнѣйшимъ доказательствомъ непреодолимой силы Падишаха и политическаго мастерства его министровъ то обстоятельство, что они успѣли поссорить между собою христіанъ, и турецко-русскую войну превратить въ европейскую. Недавно одинъ консулъ, весьма дружественной съ Портою державы, прогуливался у лагеря низамовъ (регулярныхъ войскъ) и мимоходомъ посмотрѣлъ на ружья, стоявшія въ сошкахъ. «Да это французскія ружья?» сказалъ онъ стоявшему тамъ унтеръ-офицеру; «французскія! грубо отвѣчалъ ему турокъ: гяуры снабжаютъ насъ оружіемъ, чтобъ мы могли сражаться съ другими гяурами». На томъ самомъ пунктѣ, на которомъ остановилась *Исторія Оттоманской Имперіи* Гаммера, турки находятся и теперь въ мнѣніяхъ о невѣрныхъ. Очень жаль только, что англійскіе и французскіе слухи, которыхъ жестоко обманываютъ горланы митинговъ и бабаковъ, и дурачатъ газетные крикуны, представляющіе турокъ священною націею, а дѣло ихъ священнымъ, жаль, что приверженцы и почитатели этого противу-христіанскаго и даже противуестественнаго союза двухъ христіанскихъ державъ съ вѣчными врагами христіанства, не видятъ истиннаго положенія дѣлъ и не понимаютъ самыхъ ясныхъ событій (1).

Возвращеніе англо-французскаго флота въ Константинополь.

Корреспондентъ газеты «Daily-News» пишетъ изъ Константинополя, отъ 19-го января 1854 года: «Въ понедѣльникъ 16-го января сюда прибылъ изъ Чернаго моря пароходъ «Caton» съ депешами, адресованными на имя лорда *Редклифа* и г. *Барагэ-д'Илье*, въ которыхъ адмиралы извѣщаютъ о намѣреніи своемъ возвратиться съ соединен-

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 38.

нымъ флотомъ въ Бейкосъ. По общему мнѣнію, причины такого рѣшенія заключаются въ недостаткѣ хорошихъ гаваней и въ опасностяхъ, которыя представляетъ въ настоящее время года плаваніе по Черному морю. Въ слѣдствіе этого увѣдомленія, посланники имѣли во вторникъ совѣщаніе, и вчера поутру «Samson» снялся съ якоря и отправился въ Черное море съ отвѣтомъ адмираламъ. Въ отвѣтѣ этомъ посланники выражаютъ свое удивленіе при извѣстіи о такомъ неожиданномъ рѣшеніи адмираловъ, въ особенности въ настоящую минуту, когда турецкая паровая флотилія готова сняться съ якоря и отправиться съ аммуниціей и другими военными припасами для анатолійской арміи. Предписанія французскаго и британскаго правительствъ, полученныя дней десять тому назадъ съ парохода «Caton», формальны и рѣшительны въ отношеніи покровительства со стороны соединеннаго флота оттоманскому флагу и владѣніямъ; поэтому посланники обращаютъ вниманіе адмираловъ на тонъ этихъ инструкцій. Адмиралы, какъ кажется, полагаютъ, что имъ одинаково удобно исполнять предписанія правительствъ, будутъ ли флоты находиться въ Бейкосѣ или Синопѣ. Это ихъ дѣло, и они отвѣчаютъ за него. Посланники отклоняютъ отъ себя все, что требуетъ свѣдѣній въ морскомъ дѣлѣ, и ограничиваются только сферою политики.—Возвращеніе флотовъ произвело общій упадокъ духа. Боятся, чтобы русскіе не вздумали повторить синопской битвы (¹).

Константинопольскій корреспондентъ «Neue Preussische Zeitung» пишетъ, отъ 23-го января 1854 года: «Вчера прибыли сюда семнадцать парусныхъ судовъ англо-французскаго флота, а сегодня возвратились одинъ за другимъ и пароходы въ Босфоръ. Увѣряютъ, что завтра весь союзный флотъ опять пойдетъ въ Черное море и на этотъ разъ въ сопровожденіи турецкаго. Неизвѣстно правда ли это, но, во всякомъ случаѣ, предлогъ, подъ которымъ флоты воз-

---

(¹) „С.-Петербургскія Вѣдомости" 1854 г. № 30.

вратились въ Босфоръ, а именно чтобъ запастись провіантомъ, кажется просто комедіею (1).

Въ «Neue Preussische Zeitung» пишутъ: лордъ *Редклифъ* не можетъ утѣшиться въ возвращеніи союзныхъ флотовъ въ Босфоръ. Въ тотъ самый день, когда они появились, послано имъ было приказаніе оставаться въ Черномъ морѣ. Увѣряютъ, что пароходъ, отправленный съ этимъ приказаніемъ, не отыскалъ флотовъ. О причинахъ этого возвращенія разсказываютъ многое. Во первыхъ, утверждаютъ, что охраненіе демаркаціонной линіи въ Черномъ морѣ въ нынѣшнее время года очень неудобно. На это дѣлаютъ много злыхъ замѣчаній. Говорятъ также, матросы жаловались, что ихъ заставляютъ лавировать по бурному морю, не встрѣчая ни одного непріятельскаго корабля. Опытные же моряки замѣчаютъ, что союзный флотъ малочисленнѣе русскаго, и что столкновеніе, какого бы рода оно ни было, будетъ имѣть неблагопріятный результатъ для союзниковъ. Сверхъ того говорятъ, что командующіе флотами не повинуются посланникамъ, по причинѣ недостатка съѣстныхъ припасовъ. Въ нѣкоторыхъ обществахъ разсказываютъ еще слѣдующее: вице-адмиралъ *Лайонсъ*, желая пріобрѣсть славу и отличіе и получить главную команду надъ флотомъ, совѣтовалъ адмиралу *Дондасу* возвратиться въ Босфоръ, чтобъ тѣмъ уронить его въ общественномъ мнѣніи. Здѣсь гласно говорятъ объ отозваніи *Дондаса* и о замѣщеніи его *Лайонсомъ*, которому будутъ присланы новыя инструкціи. Касательно будущихъ дѣйствій флота, господствуетъ здѣсь совершенное недоумѣніе. Нравственное уваженіе къ русскому флоту теперь весьма возвысилось, а довѣренность къ могуществу союзныхъ эскадръ во столько же уменьшилась. Отвѣтственность за отправленіе ихъ въ бурное Черное море съ недостаточными силами падаетъ на лорда Абердина и лорда Редклифа, и, вѣроятно, будетъ имѣть важныя послѣдствія. Болѣе всего боятся здѣсь, что русскій флотъ воспользуется этою

---

(1) Сѣверная Пчела 1854 г. № 27.

перемежкою, чтобъ нанести опять гдѣ нибудь сильный ударъ. Это произвело бы чрезвычайное разстройство въ здѣшнихъ планахъ, и придало бы союзному созвѣздію совершенно другой видъ (¹).

Въ «Neue Preussische Zeitung» пишутъ изъ Лондона, отъ 6-го февраля 1854 года: «Извѣстіе о возвращеніи англо-французскаго флота въ Босфоръ и сильный протестъ лорда *Страдфорда-Редклифа* противъ этого возвращенія, служатъ первымъ практическимъ предувѣдомленіемъ общественному мнѣнію въ Англіи, что великія предпріятія легче приказывать, нежели исполнять. Оба адмирала оправдываютъ свое возвращеніе тѣмъ, что, при атмосферическихъ опасностяхъ нынѣшняго времени года, не имѣя въ Черномъ морѣ никакого вѣрнаго пристанища, почитаютъ они Босфоръ пристанищемъ и наблюдательнымъ постомъ. Между тѣмъ, устье Босфора находится на крайнемъ углу Чернаго моря, то есть въ такой точкѣ, которая наиболѣе отдалена отъ всѣхъ прочихъ пунктовъ этого моря, а Севастополь, напротивъ того, по положенію своему, представляетъ ближайшій пунктъ средняго разстоянія отъ всѣхъ береговъ онаго». Корреспондентъ заключаетъ изъ этого, что если англо-французская эскадра дѣйствительно останется въ Босфорѣ, то русскій флотъ будетъ совершенно свободенъ въ своихъ движеніяхъ, всегда имѣя возможность избѣжать столкновенія съ союзнымъ флотомъ, и возвратиться въ Севастополь послѣ всякой экспедиціи, какую ему угодно будетъ предпринять. Что же касается до отправленія вспомогательнаго корпуса сухопутныхъ войскъ, корреспондентъ замѣчаетъ, что имѣющіяся нынѣ средства къ перевозкѣ войскъ дозволяютъ отправить не болѣе 40,000 человѣкъ (30,000 французовъ 10,000 англичанъ). Это же число предполагаютъ самымъ вѣроятнымъ и въ лондонскихъ обществахъ почерпающихъ свои свѣдѣнія изъ достовѣрныхъ источниковъ. Касательно же позиціи, назначаемой для сихъ войскъ, полагаютъ, что они до времени будутъ стоять по дорогѣ изъ Константинополя въ

(¹) Сѣверная Пчела 1854 г. № 29; тоже „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1854 г. № 30.

Софію и въ Мителекѣ. Мысль о составленіи депо на островѣ Кандіи, какъ говорятъ, оставлена окончательно, по причинѣ отдаленности сего острова отъ мѣста военныхъ дѣйствій (¹).

Англійское министерство не одобрило возвращенія соединенныхъ флотовъ изъ Чернаго моря, и тотчасъ послало приказаніе ко вторичному вступленію ихъ. Но адмиралы *Гамеленъ* и *Дондасъ* отказались отъ плаванія на парусныхъ судахъ впредь до наступленія лучшаго времени года. Перемѣнные вѣтры и теченіе Чернаго моря, бури и густые туманы дѣлаютъ плаваніе на парусныхъ судахъ слишкомъ опаснымъ. Адмиралы принимаютъ на свою отвѣтственность только экспедиціи на пароходахъ, а какъ главная ихъ сила состоитъ изъ линейныхъ кораблей парусныхъ, то должно будетъ отложить на два мѣсяца всякую значительную экспедицію въ Черномъ морѣ (²).

Въ засѣданіи верхняго парламента, происходившемъ 10-го февраля (29 января) 1854 г., лордъ *Джонъ Россель* на сдѣланный ему вопросъ объявилъ: «Назадъ тому нѣсколько времени, я сказалъ, что французскій и англійскій посланники пригласили адмираловъ, начальствующихъ соединенными флотами, вступить въ Черное море, что было исполнено ими, и флоты пробыли нѣсколько дней въ синопскомъ заливѣ. Потомъ британскій адмиралъ писалъ, что онъ почитаетъ опаснымъ долѣе оставаться на этомъ якорномъ мѣстѣ, потому что заставить эскадры пробыть въ Черномъ морѣ два мѣсяца значило бы внушить Россіи желаніе истребить ихъ. Поэтому адмиралъ почелъ долгомъ возвратиться къ Константинополю, представивъ себѣ посылать по временамъ въ Черное море пароходы, чтобъ имѣть возможность наблюдать надъ этимъ моремъ, какъ желали того британское и французское правительства. Полагаю, что, дѣйствуя такимъ образомъ, адмиралъ уклонился отъ инструкціи французскаго и англійскаго посланниковъ; не

(¹) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 30.
(²) Тамъ же.

смотря на то, правительство думаетъ, что объясненія, представленныя адмираломъ, заслуживаютъ быть одобренными» (¹).

Временное возвращеніе союзныхъ эскадръ въ Бейкосъ объясняютъ невозможностью получать припасы въ Синопѣ, гдѣ нѣтъ ничего, даже жителей, по большей части выселившихся послѣ бомбардировки. Оставшіеся въ этомъ грустномъ городѣ—жертвы болѣзней, происходящихъ отъ скопленія труповъ, гніющихъ на берегу и не преданныхъ землѣ. Говорятъ, что этими болѣзнями заражаются и экипажи обѣихъ эскадръ. Вотъ почему флоты отправились въ Константинополь за свѣжими припасами и для высадки больныхъ (²).

Неожиданныя извѣстія изъ Константинополя о возвращеніи соединеннаго флота въ Бейкосъ вызвали одну изъ англійскихъ газетъ на слѣдующія размышленія: «Французскому и англійскому адмираламъ хорошо увѣрять, что нѣкоторые опытные моряки находятъ Константинопольскій проливъ столь же удобнымъ, какъ и гавани Чернаго моря, для наблюденія за движеніями непріятеля и для предотвращенія всякаго нападенія на оттоманскій флагъ или земли. Адмиралы стараются увѣрить, что для того, чтобы наблюдать за непріятелемъ въ Черномъ морѣ, достаточно учредить отъ входа въ Босфоръ до Батума линію пароходовъ, которые бы находились въ сообщеніи другъ съ другомъ. Защитники возвращенія флотовъ утверждаютъ, что самъ Нельсонъ, при обстоятельствахъ подобныхъ настоящимъ, не рѣшился бы держаться въ морѣ. Извѣстіе о намѣреніи адмираловъ возвратиться въ Бейкосскую гавань произвело въ Константинополѣ неблагопріятное впечатлѣніе, и вызвало со стороны посланниковъ *скромный* протестъ. Въ протестѣ этомъ посланники, отдавая полную справедливость опытности адмираловъ, слагаютъ на нихъ и всю отвѣтственность въ этомъ поступкѣ. Обсужденіе поведенія французскаго адмирала принадлежитъ французскому прави-

(¹) „Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 35.
(²) „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1854 г. № 29.

тельству; что касается до адмирала *Дондаса*, то всѣ того убѣжденія, что отъ него по этому дѣлу потребуются объясненія. Если справедливо то, о чемъ всѣ теперь толкуютъ въ Константинополѣ, то адмиралы въ оправданіе возвращенія своего въ Босфоръ представили такіе слабые доводы, что мнѣніе находящихся здѣсь безпристрастныхъ моряковъ раздѣлилось. Опасности, представляемыя въ настоящее время плаваніемъ въ Черномъ морѣ, и недостатокъ хорошихъ гаваней не заслуживаютъ вниманія. Синопскую гавань, въ которой турецкіе корабли могли удобно стоять на якорѣ, а русскіе линейные корабли истребить ихъ, вовсе нельзя назвать негодною. Положеніе этой гавани выгоднѣе Бейкосской для того, чтобы образовать точку опоры для цѣпи сторожевыхъ пароходовъ. Не должно забывать, что адмиралъ Дондасъ былъ мичманомъ въ 1799 году, а потому въ настоящее время ему около семидесяти лѣтъ. Почему бы ему не служить съ своими знаніями и опытностью въ адмиралтействѣ, и не предоставить борьбу съ бурями въ Черномъ морѣ людямъ, болѣе близкимъ къ возрасту Нельсона, когда послѣдній одерживалъ знаменитыя побѣды (1)?

Мнѣніе Гранье-де-Кассаньяка относительно содѣйствія союзныхъ флотовъ Турціи.

Парижъ, 25-го (13-го) января. Здѣшній корреспондентъ Новой Прусской Газеты пишетъ отъ 21-го (9-го) с. м. «Французская воинственная партія, которая желала бы заставить Австрію и Пруссію заключить съ западными державами союзъ противъ Россіи, проигрываетъ болѣе и болѣе въ Тюльери, но до сихъ поръ не упадаетъ духомъ. Представитель этой партіи, Гранье-де-Кассаньякъ, сознается сегодня, что никакіе флоты въ мірѣ не были бы въ состояніи спасти Турецкую имперію, еслибъ Россія рѣшилась уничтожить ее. Это было говорено въ Новой Прусской Газетѣ уже давно, и притомъ неоднократно; но странно встрѣтить такое признаніе въ столбцахъ министерской газеты,

(1) „С.-Петерб. Вѣдом." 1854 г. № 32.

и потому приведемъ изъ длинной статьи г. *Гранье-де-Кассаньяка* хоть нѣсколько строкъ. Онъ говоритъ: «Сильная армія и искусные полководцы, которыхъ Россія можетъ противопоставить Турціи, легко пройдутъ черезъ Дунай и Балканы, какъ скоро Императоръ Всероссійскій почтетъ это необходимымъ для своей политики и чести Россіи. Въ такой опасности соединенные флоты должны будутъ поспѣшить къ Константинополю, чтобы прикрыть его, оставивъ Черное море на произволъ русскаго флота, который, такимъ образомъ, будетъ имѣть возможность поддерживать наступательное движеніе сухопутныхъ войскъ. Поэтому, результатомъ двухмѣсячнаго похода легко можетъ быть совершенное занятіе русскими владѣній султана и даже осада самаго Константинополя, котораго не спасутъ, въ такомъ случаѣ, никакіе флоты въ мірѣ. Спрашиваемъ: кто потерпитъ тогда страшное пораженіе? — Султанъ ли, который лишится Константинополя, или Франція и Англія, которыя утратятъ блескъ своего имени? Во всякомъ случаѣ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ системы, по которой война должна быть ограничена Чернымъ моремъ, будетъ то, что Турція и ея союзники должны зависѣть отъ образа дѣйствій Россіи» (1).

Воззваніе таврическаго муфтія Сеидъ-Джелиль-Эфендія всему мусульманскому духовенству и народу, въ Таврической губерніи обитающимъ.

Все, видимо и невидимо дѣлающееся на землѣ, творится по волѣ Всевышняго Бога, Святою Десницею котораго мы, мусульмане, въ Крыму обитающіе, назадъ тому около 70 годовъ, присоединены къ скипетру православной Россіи, въ которой мы благоденствуемъ.

Вспомнимъ, что великіе русскіе цари: Императрица Екатерина, Императоръ Александръ, считая насъ, мусульманъ, наравнѣ съ русскими своими дѣтьми, всегда охраняли нашу религію и дозволили свободно ее отправлять,

(1) „Русскій Инвалидъ" 1854 г. № 18.

и даровали намъ многія права и преимущества: разбираться въ дѣлахъ по шаріату.

Нынѣ благополучно царствующій Великій Императоръ Николай Павловичъ—дни котораго и всего его дома и семейства да продлятся на многіе годы — подтвердилъ наши права и даровалъ многія милости. За то предки наши всегда были преданы русскому престолу. До сего времени на народѣ нашемъ нѣтъ пятна. Но видны царскія милости. Вспомнимъ 1812 годъ, въ которомъ противъ французовъ—нашихъ тогдашнихъ враговъ — были противу нихъ наши крымскія войска, возвратившіяся со славою и наградою. Вспомнимъ, что тогда же отличились наши беи: *Балатуковы*, *Хункаловы* и *Мурзы Ширинскіе* — щедро за то награжденные Царемъ и возведенные на высокія степени.

А въ мирное время? Постигнетъ ли насъ бѣдствіе: болѣзни, голодъ и неурожай, Николай Павловичъ посылаетъ больныхъ лечить, голоднымъ отпустить хлѣба и на пищу и для посѣвовъ, и даетъ скотъ для оранія. Подати отсрочиваетъ. Въ какомъ же государствѣ такое попеченіе о народѣ? Оно только у насъ въ Россіи! Христіане и мусульмане живутъ на всемъ пространствѣ земнаго шара, но только въ Россіи вѣроисповѣданіе терпимо.

Въ сосѣдней съ нашимъ русскимъ государствомъ Оттоманской Портѣ, живутъ христіане, которыхъ тамъ притѣсняютъ и жестоко обижаютъ. Великій нашъ Царь Николай Павловичъ требовалъ отъ Порты запретить притѣсненіе христіанъ и дозволить имъ исповѣдывать свою вѣру свободно, не стѣснять имъ пути въ христіанскій Іерусалимъ для поклоненія Гробу Іисуса. Но Порта этого не послушалась и христіанъ еще больше начала притѣснять. По этой причинѣ Императоръ Николай Павловичъ, истощивъ всѣ миролюбивыя средства къ достиженію исполненія его справедливыхъ требованій, поднялъ на Порту мечъ. Вотъ за что, т. е. за вѣру и притѣсненіе человѣчества, теперь идетъ война Россіи съ Турціею, а не для отнятія отъ ней чего либо или расширенія русскаго царства, которое и безъ того велико и занимаетъ значительную часть про-

странства всей земли. И такъ, слѣдуя словамъ священнаго корана, мы всѣ, русскіе подданные мусульмане, обязаны молить Всевышняго Бога о дарованіи нашему Императору Николаю Павловичу побѣды надъ врагомъ, о продолженіи его царствованія и дней его и всего его царственнаго дома.

Мы же всѣ мусульмане, отъ мала до велика, должны быть искренно преданы Царю и Отечеству, и для нихъ не щадить ни жизни, ни крови, если она потребуется отъ насъ для ихъ защиты; не должны также ничего говорить и думать предосудительное и противное русскому отечеству. За дурныя мысли накажетъ Богъ, за пустословіе покараетъ Царь. А за преданность и вѣрность Царю и Престолу на небѣ наградитъ Богъ, а на землѣ помилуетъ Царь.

Всѣмъ хатипамъ и имамамъ вмѣняю въ непремѣнную и строгую обязанность сіе мое воззваніе прочитывать вразумительно и внятно всѣмъ своимъ прихожанамъ, и слѣдить за ихъ образомъ мыслей. Если же кто изъ духовныхъ по лѣности, нерадѣнію или по другимъ произвольнымъ причинамъ сего не исполнитъ, то я, по власти и сану, на меня Государемъ возложеннымъ, лѣниваго отрѣшу отъ мѣста и должности, и поручу достойному.

Подписалъ: таврическій муфтій *Сеидъ-Джелиль-Эфенди*. 19 января 1854 года (1).

Въ отзывѣ, данномъ крымскими беями и мурзами начальнику Таврической губерніи, изъяснено: «уже протекло 70 лѣтъ, какъ Крымскій полуостровъ присоединенъ къ могущественной Россійской державѣ. Въ продолженіе этого времени, крымскіе татары не только никогда не нарушали священнаго долга вѣрноподданнической присяги своему Государю, но, благоденствуя подъ скипетромъ Русскаго Монарха, прославляли и прославляютъ неисчислимыя къ нимъ милости Его Императорскаго Величества. Они не только покойно наслаждаются всѣми правами личной свободы, неприкосновенности ихъ вѣры, обычаевъ, имущества и про-

---

(1) „Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 60 и „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 60.

чаго, но даже отличены всемилостивѣйше дарованными преимуществами предъ прочими сословіями государства. Столь счастливое положеніе покореннаго народа, существующее только при неподражаемой кротости и великодушіи русскихъ монарховъ, не можетъ быть не сознаваемо крымскими татарами, и малѣйшее объ этомъ сомнѣніе покрыло бы ихъ позоромъ и поношеніемъ. Въ настоящую эпоху, при разрывѣ Россійской державы съ Оттоманскою Портою, могутъ родиться толки, невыгодные для вѣрноподданныхъ татаръ, по единовѣрству съ врагами нашего государства, и даже между самими татарами и прочими людьми неблагонамѣренными могутъ выказываться клеветники другъ на друга. А потому мы, нижеподписавшіеся, вѣрные Россіи, крымскіе беи и мурзы, зная совершенно единодушное желаніе вѣрнаго Государю народа, осмѣливаемся всеусерднѣйше просить Ваше Превосходительство подвергнуть къ подножію Престола Всемилостивѣйшаго Государя нашего Николая Павловича новую клятву непоколебимой вѣрности нашей, съ тѣмъ, что всякій нарушитель оной, если бы, паче всякаго чаянія, подобный изъ татаръ оказался, будетъ преслѣдуемъ и преданъ нами достойному, какъ измѣнникъ, наказанію закона».

Его Величество высочайше повелѣть соизволилъ: выразить помянутымъ беямъ и мурзамъ благодарность за преданность и вѣрноподданническія чувства, и объявить, что Его Величество никогда въ оныхъ не сомнѣвался (1).

Прекращеніе дипломатическихъ сношеній Россіи съ Англіею и Франціею.

Сообщаемъ переводъ двухъ статей, напечатанныхъ въ «Journal de St. Pétersbourg»:

«Публикѣ извѣстно, что сообщеніе, которымъ гг. министры Англіи и Франціи извѣщали Императорскій Кабинетъ о намѣреніи ихъ дворовъ ввести морскія силы англо-французскія въ Черное море, было сдѣлано изустно (2). Его

(1) „Русскій Инв." 1854 г. № 34.
(2) См. стр. 241 настоящаго Сборника. *Ред.*

Величество Государь Императоръ, принявъ во вниманіе, что подобный образъ сообщенія, не сообразный съ дѣломъ такой важности, могъ подать поводъ къ разнымъ недоумѣніямъ, изволилъ, какъ извѣстно, предписать посланникамъ своимъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ требовать предъявленія имъ рѣшительныхъ письменныхъ объявленій объема и цѣли сей мѣры. По размѣнѣ офиціальныхъ нотъ между нашими посланниками и двумя союзными кабинетами, оказалось, что правительства Англіи и Франціи имѣли въ виду не только защищать турокъ отъ всякаго морскаго нападенія со стороны Россіи, но и способствовать имъ въ снабженіи ихъ портовъ, препятствуя Россіи снабжать свои собственные порты, словомъ препятствовать, въ случаѣ нужды, и силою свободному ея плаванію на прилежащихъ къ ней водахъ Чернаго моря.

«Положеніе, принятое такимъ образомъ обѣими сими державами, знаменуетъ въ глазахъ Государя Императора не только важное стѣсненіе правъ его, какъ воюющей стороны, но и дѣйствительное участіе въ войнѣ, въ которой обѣ державы доселѣ были только зрительницами. Его Величество счелъ своимъ долгомъ отнынѣ протестовать торжественно противъ сего наступленія, предоставляя себѣ дѣйствовать, какъ признано будетъ по будущимъ случайностямъ. Между тѣмъ, Государь Императоръ усмотрѣть изволилъ, что пребываніе представителей его въ Парижѣ и въ Лондонѣ не можетъ долѣе согласоваться съ обязанностями Его Величества къ самому себѣ, и съ отношеніями, которыя, при всей щекотливости ихъ въ послѣднее время, не совершенно еще потеряли свойство взаимной дружбы и благопріязни. Въ слѣдствіе сего *баронъ Брунновъ* и г. *Киселевъ*, по приказаніямъ, даннымъ имъ на сей случай немедленно по полученіи сообщеннаго имъ отвѣта, потребовали паспортовъ и выѣхали изъ Англіи и изъ Франціи. По прекращеніи, такимъ образомъ, дипломатическихъ сношеній между Россіею и сими двумя правительствами, сэръ *Сеймуръ* и маркизъ *де-Кастельбажакъ* равномѣрно выѣдутъ изъ С.-Петербурга».

Въ числѣ документовъ, представленныхъ британскому парламенту и печатаемыхъ во всѣхъ иностранныхъ журналахъ, нашли мы депешу лорда *Кларендона* къ сэру *Сеймуру*, отъ 27-го декабря 1853, о сообщеніи Россійскому Кабинету рѣшенія Франціи и Англіи ввести свои флоты въ Черное море. При первомъ чтеніи сей депеши, мы были поражены глубокимъ изумленіемъ. Удивительно, что бумага, написанная въ столь сильныхъ выраженіяхъ, заключающая въ себѣ столь важныя обвиненія и рѣшенія, была не только прочитана парламентомъ и всею англійскою націею, но и распространилась по всей Европѣ прежде доведенія ея, *въ полномъ ея видѣ*, до свѣдѣнія того кабинета, къ которому содержаніе оной относилось непосредственно. Неоднократно случалось Императорскому Кабинету видѣть распространеніе по Европѣ и сообщеніе разнымъ дворамъ, такихъ актовъ, которые, повидимому, были ему сообщены оффиціально, а между тѣмъ и самое существованіе ихъ было ему не вполнѣ извѣстно. Это замѣчаніе, безъ сомнѣнія, не вполнѣ относится къ нынѣшней депешѣ, ибо, по крайней мѣрѣ, былъ объявленъ смыслъ ея, но неоспоримо случается въ первый разъ, что документъ такой важности, имѣющій цѣлію, просто сказать, извѣстіе о войнѣ, уклоняясь рачительно отъ объявленія ея, былъ сообщенъ словесно, такъ, что правительство, къ которому онъ относится, не могло и прочитать его, и не имѣло способа, посредствомъ оффиціальной копіи, зрѣло обсудить его смыслъ и взвѣсить всѣ выраженія. Извѣстно, какъ бѣглы и неопредѣлительны впечатлѣнія, остающіяся и въ важныхъ дѣлахъ отъ быстраго чтенія или отъ простаго словеснаго разговора, и до какой степени общія выраженія, удержанныя одною памятью, могутъ подать поводъ къ многочисленнымъ недоразумѣніямъ въ послѣдствіи. Здѣсь весьма замѣчательно противорѣчіе. Въ депешѣ именно сказано: «Не должно быть недоразумѣнія между Кабинетомъ Ея Величества и С.-Петербургскимъ». И эта депеша препровождается къ англійскому посланнику съ тѣмъ, чтобы онъ прочиталъ ее или ограничился словеснымъ сообщеніемъ ея содержанія. Тамъ упоминаютъ объ объявленіи, сообщен-

номъ 27-го октября минувшаго года, Императорскому Кабинету, которымъ, по словамъ депеши, предостерегали русское правительство отъ всякаго случая, подобнаго сраженію при Синопѣ. И объ этомъ предметѣ не было намъ сдѣлано ни малѣйшаго письменнаго объявленія. 27-го октября, т. е. 15-го по старому стилю, война у насъ съ турецкимъ правительствомъ еще не начиналась. Мы едва знали только, что она намъ объявлена. И англійское правительство не могло знать болѣе, слѣдственно трудно полагать, чтобъ оно могло тогда предвидѣть всѣ случайности. Если правда, что въ то время англійскій посланникъ отозвался здѣсь словесно о намѣреніи его правительства защищать турецкія владѣнія отъ всякаго нападенія съ моря, Императорское правительство, въ тогдашнемъ положеніи дѣлъ, должно было понять, что дѣло шло о такихъ мѣстахъ сихъ владѣній, каковы, напримѣръ, Варна или Батумъ, которыя были бы атакованы съ намѣреніемъ взять ихъ и утвердиться тамъ постоянно, для основанія ли въ нихъ опоры военныхъ дѣйствій, или для полученія чрезъ нихъ продовольствія. Это нимало не можетъ относиться къ Синопу. Портъ его не былъ осажденъ, не было произведено и высадки войскъ. Мы тамъ не оставались. Мы только настигли эскадру, вышедшую изъ Босфора съ враждебнымъ намѣреніемъ перевезти на наши собственные берега оружіе, войска и военные припасы, но эта эскадра не имѣла стоянки въ Синопѣ, и только искала тамъ временно убѣжища отъ непогоды. Изъ послѣдовавшаго нынѣ общаго объясненія инструкцій, данныхъ адмираламъ, явствуетъ, что Императорское министерство или худо ихъ поняло, или получило о нихъ неполное свѣдѣніе въ словесномъ разговорѣ, бывшемъ въ октябрѣ прошлаго года, на который нынѣ ссылаются.

Для избѣжанія подобныхъ неудобствъ, оно сочло нужнымъ, въ нынѣшнемъ случаѣ, не довольствоваться однимъ словеснымъ сообщеніемъ, и непремѣнно требовало, въ Парижѣ и въ Лондонѣ, рѣшительныхъ письменныхъ объясненій. Журналы англійскіе и французскіе объявляютъ объ этомъ требованіи съ какимъ-то принужденнымъ и на-

смѣшливымъ удивленіемъ, но не трудно разсудить, что мы хотѣли имѣть положительное понятіе о цѣли и объемѣ столь важной мѣры, какова посылка флотовъ въ Черное море. Проволочка, съ какою оба кабинета обсуждали и сообщили свой окончательный отвѣтъ, ясно свидѣтельствуетъ, что смыслъ и содержаніе онаго не были такъ понятны сами собою, какъ утверждали эти журналы» (¹).

Письмо императора французовъ къ Его Величеству Государю Императору.

Тюльерійскій дворецъ, 29-го января 1854 года.

Государь! Разногласіе, возникшее между Вашимъ Величествомъ и Портою Оттоманскою, достигло такой степени важности, что я считаю долгомъ самъ объяснить прямо Вашему Величеству, какое участіе Франція принимала въ семъ дѣлѣ, и какія средства представляются мнѣ для устраненія опасностей, угрожающихъ спокойствію Европы.

Въ нотѣ, представленной, по повелѣнію Вашего Величества, моему Кабинету и Кабинету королевы Викторіи, стараются доказать, что система понужденія, принятая морскими державами съ самаго начала, одна растравила вопросъ. Мнѣ же кажется, что вопросъ этотъ остался бы дѣломъ кабинетнымъ, если бъ занятіе княжествъ не превратило вдругъ переговоровъ въ дѣйствія. Между тѣмъ, и по вступленіи войскъ Вашего Величества въ Валахію, мы приглашали Порту не считать этого занятія поводомъ къ войнѣ, свидѣтельствуя тѣмъ о крайнемъ желаніи нашемъ достигнуть примиренія. Согласившись съ Англіею, Австріею и Пруссіею, я предложилъ Вашему Величеству ноту, которая была бы удовлетворительна для обѣихъ сторонъ. Ваше Величество ее приняли, но лишь только получили мы сіе благопріятное извѣстіе, какъ Вашъ министръ, объяснительными къ ней примѣчаніями, уничтожилъ весь успѣхъ примиренія, и воспрепятствовалъ намъ настаивать въ Константинополѣ на простомъ и безусловномъ приня-

---

(¹) „Сѣв. Пчела“ 1854 г. № 29.

тіи ея. Порта, съ своей стороны, предложила сдѣлать въ проектѣ ноты измѣненія, которыя, по мнѣнію представителей четырехъ державъ въ Вѣнѣ, могли быть допущены. Они не были одобрены Вашимъ Величествомъ. Тогда Порта, оскорбленная въ своемъ достоинствѣ, угрожаемая въ своей независимости, отягощенная уже сдѣланными ею усиліями для противопоставленія войска арміямъ Вашего Величества, предпочла объявленіе войны этому положенію нерѣшительному и унизительному. Она просила нашего пособія; дѣло ея казалось намъ справедливымъ. Эскадры англійская и французская получили приказаніе войти въ Босфоръ.

Мы приняли, въ отношеніи къ Турціи, положеніе покровительствующее, но не дѣйствующее. Мы не поощряли ея къ войнѣ. Мы безпрерывно подавали султату совѣты о миролюбіи и умѣренности, увѣренные, что симъ средствомъ достигнемъ примиренія, и четыре державы вновь согласились представить Вашему Величеству другія предложенія. Ваше Величество, съ своей стороны, являя спокойствіе, порождаемое сознаніемъ своей силы, ограничивались, какъ на лѣвомъ берегу Дуная, такъ и въ Азіи, отраженіемъ нападенія турокъ, и съ умѣренностью, достойною владыки великой имперіи, объявили, что будете оставаться въ оборонительномъ положеніи. И такъ дотолѣ мы были, могу сказать, внимательными зрителями военныхъ дѣйствій, но не принимали въ нихъ участія. Вдругъ синопское дѣло заставило насъ принять положеніе болѣе рѣшительное. Франція и Англія не считали полезнымъ посылать дессантныя войска на помощь Турціи. И такъ ихъ флагъ не принималъ участія въ дѣлахъ, происходившихъ на сушѣ. Но на морѣ было иное. Три тысячи орудій при входѣ въ Босфоръ, присутствіемъ своимъ, довольно громко говорили Турціи, что двѣ первенствующія морскія державы не дозволятъ напасть на нее на морѣ. Синопское происшествіе было для насъ и оскорбительно, и неожиданно. Не важно то, хотѣли ли турки или нѣтъ перевезти военные запасы на русскіе берега. Дѣло въ томъ, что русскіе корабли напали на суда турецкія на водахъ Турціи, сто-

явшія спокойно въ турецкомъ портѣ. Они истребили ихъ, не смотря на обѣщаніе не вести войны наступательной, не смотря на близость нашихъ эскадръ. Въ этомъ случаѣ оскорбленіе нанесено было не политикѣ нашей, а нашей военной чести. Пушечные выстрѣлы Синопа грустно отозвались въ сердцахъ всѣхъ тѣхъ, которые въ Англіи и Франціи живо чувствуютъ національное достоинство. Воскликнули единогласно: «союзники наши должны быть уважаемы вездѣ, куда могутъ достигнуть наши выстрѣлы!» Посему дано было нашимъ эскадрамъ предписаніе войти въ Черное море, и, если нужно, силою препятствовать повторенію подобнаго событія. Посему послано было С.-Петербурскому Кабинету общее объявленіе съ извѣщеніемъ его, что если мы станемъ препятствовать туркамъ къ перенесенію наступательной войны на берега, принадлежащіе Россіи, то будемъ покровительствовать снабженіе ихъ войскъ на ихъ собственной землѣ. Что же касается до русскаго флота, то, препятствуя ему въ плаваніи по Черному морю, мы поставляемъ его въ иное положеніе, ибо надлежало, на время продолженія войны, сохранить залогъ, равносильный владѣніямъ турецкимъ, занятымъ русскими, и облегчить такимъ образомъ заключеніе войны, имѣя способъ къ обоюдному обмѣну.

Вотъ, Государь, точный ходъ и послѣдовательность событій. Ясно, что, по достиженіи ими сей степени, они должны привести или къ окончательному соглашенію, или къ рѣшительному разрыву.

Ваше Величество подали столько свидѣтельствъ попечительности своей о сохраненіи спокойствія Европы, содѣйствовали тому такъ могущественно своимъ благодѣтельнымъ вліяніемъ противъ духа безпорядка, что я не сомнѣваюсь въ томъ, которую часть вы изберете изъ представленныхъ вамъ на выборъ. Если Ваше Величество, подобно мнѣ, желаете миролюбиваго окончанія, этого можно достигнуть очень просто объявленіемъ, что немедленно будетъ заключено перемиріе, что дѣла пойдутъ своимъ дипломатическимъ порядкомъ, что всякое непріязненное дѣй-

ствіе прекратится, и что всѣ воюющія силы оставятъ тѣ мѣста, куда призваны были по поводу войны.

И такъ русскія войска вышли бы изъ княжествъ, а наша эскадра изъ Чернаго моря. Такъ какъ Ваше Величество предпочитаете переговоры прямо съ Турціею, вы назначили бы посла для заключенія съ уполномоченнымъ султана конвенціи, которая потомъ будетъ представлена конференціи четырехъ державъ. Въ случаѣ принятія сего плана, въ которомъ мы съ королевою Викторіею совершенно согласны, спокойствіе будетъ возобновлено, и свѣтъ удовлетворенъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ семъ планѣ не заключается ничего такого, что не было бы достойно Вашего Величества, что могло бы оскорбить честь вашу. Но когда, по причинамъ, которыя трудно понять, Ваше Величество будете отвѣчать отказомъ, тогда Франція, какъ и Англія, будетъ принуждена предоставить жребію оружія и случайностямъ войны рѣшеніе, котораго можно было бы достигнуть разсудкомъ и справедливостью.

Не думайте, Ваше Величество, чтобъ въ моемъ сердцѣ была малѣйшая непріязненность: я питаю только тѣ чувства, которыя Ваше Величество выразили сами въ письмѣ ко мнѣ отъ 17-го января 1853 г.: «Наши сношенія должны быть искренне дружественныя и основываться на однихъ и тѣхъ же намѣреніяхъ: сохраненіи порядка, миролюбія, уваженія къ трактатамъ и взаимной благопріязни». Эта программа достойна Государя, начертавшаго оную, и я не поколеблясь скажу, что пребылъ ей вѣренъ.

Прошу Ваше Величество вѣрить искренности моихъ чувствъ, и съ сими чувствами пребываю,

Государь, Вашего Величества добрый другъ *Наполеонъ*.

Отвѣтъ Его Величества Государя Императора.

Санктпетербургъ 28-го января (9-го февраля) 1854 г.

Государь! Не могу лучше отвѣчать Вашему Величеству, какъ повтореніемъ словъ, сказанныхъ мною, которыми оканчивается Ваше письмо: «Наши сношенія должны быть

искренне дружественныя и основываться на однихъ и тѣхъ же намѣреніяхъ: сохраненіи порядка, миролюбія, уваженія къ трактатамъ и взаимной благопріязни». Принимая сію программу, какъ я начерталъ оное самъ, вы утверждаете, что пребывали ему вѣрны. Смѣю думать, и совѣсть меня въ томъ удостовѣряетъ, что я отъ него не уклонялся, ибо въ дѣлѣ, раздѣляющемъ насъ и возникшемъ не по моей винѣ, я всегда старался о сохраненіи благопріятныхъ сношеній съ Франціею, и съ величайшимъ раченіемъ избѣгалъ встрѣтиться на этомъ поприщѣ съ выгодами религіи, исповѣдуемой Вашимъ Величествомъ; дѣлалъ, для поддержанія мира, всѣ уступки въ формѣ и въ существѣ, какія только допускала честь моя, и, требуя для моихъ единовѣрцевъ въ Турціи утвержденія правъ и преимуществъ, пріобрѣтенныхъ для нихъ издавна цѣною русской крови, не искалъ ничего такого, что не истекало бы изъ трактатовъ. Если бы Порта была предоставлена самой себѣ, раздоръ, приводящій въ недоумѣніе Европу, давно былъ бы прекращенъ. Бѣдственное вліяніе одно тому воспрепятствовало. Возбуждая неосновательныя подозрѣнія, распаляя фанатизмъ турокъ, представивъ правительству ихъ мои намѣренія и истинное значеніе моихъ требованій въ ложномъ видѣ, дали этому вопросу такіе обширные размѣры, что изъ него неминуемо должна была возникнуть война.

Ваше Величество позволите мнѣ не распространяться въ подробности объ обстоятельствахъ, изложенныхъ въ Вашемъ письмѣ съ особенной Вашей точки зрѣнія. Многія дѣйствія мои оцѣняются въ немъ, по моему мнѣнію, не во всей точности; многіе случаи, изложенные превратно, потребовали бы, для представленія ихъ въ надлежащемъ видѣ, по крайней мѣрѣ какъ я ихъ понимаю, слишкомъ подробныхъ толкованій, несовмѣстныхъ съ перепискою между царственными лицами. Такимъ образомъ Ваше Величество полагаете занятіе княжествъ виною быстраго превращенія переговоровъ въ дѣйствія. Но вы упускаете изъ виду, что этому занятію, еще только временному, предшествовалъ и преимущественно подалъ поводъ случай весьма важный—появленіе союзныхъ флотовъ вблизи Дарда-

неллъ, да и гораздо прежде того, когда Англія колебалась еще принять понудительное положеніе противъ Россіи, Ваше Величество предупредили ее отправленіемъ своего флота до Саламина. Это оскорбительное действіе возвещало, безспорно, малое ко мне доверіе. Оно должно было поощрить турокъ, и заранее препятствовать успеху переговоровъ, показавъ имъ, что во Франціи и Англіи готовы поддерживать ихъ дело, во всякомъ случае. Такимъ же образомъ Ваше Величество говорите, что объяснительныя замечанія Моего Кабинета къ венской ноте поставили Францію и Англію въ невозможность побуждать Порту къ принятію оной. Но Ваше Величество можете вспомнить, что наши замечанія не предшествовали отказу въ простомъ и безусловномъ принятіи ноты, а последовали за нимъ, и я полагаю, что если бъ сіи державы сколько нибудь действительно желали сохраненія мира, оне долженствовали бы съ самаго начала содействовать этому простому и безусловному принятію ноты, и не допускать со стороны Порты измененія того, что мы приняли безъ всякой перемены. Впрочемъ, если бъ которое либо изъ нашихъ замечаній могло подать поводъ къ затрудненіямъ, я сообщилъ въ Ольмюце достаточное имъ поясненіе, которое Австрія и Пруссія признали удовлетворительнымъ. Къ несчастію, между темъ временемъ часть англо-французскаго флота вошла уже въ Дарданеллы, подъ предлогомъ охраненія жизни и собственности англійскихъ и французскихъ подданныхъ, а для входа всего флота, безъ нарушенія трактата 1841 года, надлежало, чтобъ оттоманское правительство объявило намъ войну. По моему мненію, если бъ Франція и Англія желали мира, какъ я, имъ следовало, во что бы то ни стало, препятствовать сему объявленію войны, или, когда война уже была объявлена, употребить старанія, чтобъ она ограничивалась тесными пределами, которыми я желалъ оградить ее на Дунае, чтобъ я не былъ насильно выведенъ изъ чисто оборонительной системы, которую желалъ сохранять. Но съ той поры, какъ позволили туркамъ напасть на азіятскія наши границы, захватить одинъ изъ пограничныхъ постовъ (даже до срока,

назначеннаго для открытія военныхъ дѣйствій), обложить Ахалцыхъ и опустошить Армянскую область; съ тѣхъ поръ, какъ дали турецкому флагу свободу перевозить на наши берега войска, оружіе и снаряды, можно ли было, по здравому смыслу, надѣяться, что мы спокойно будемъ ожидать послѣдствія такихъ покушеній? Не слѣдовало ли предполагать, что мы употребимъ всѣ средства для воспрепятствованія этому? Затѣмъ случилось синопское дѣло. Оно было неминуемымъ послѣдствіемъ положенія, принятаго обѣими державами, и это происшествіе, конечно, не могло имъ показаться *непредвидѣннымъ*. Я объявилъ, что желаю оставаться въ оборонительномъ положеніи, но объявилъ это прежде нежели вспыхнула война, доколѣ моя честь и мои выгоды это дозволяли, доколѣ война оставалась въ извѣстныхъ предѣлахъ. Все ли было сдѣлано для того, чтобъ эти предѣлы не были нарушены? Когда Ваше Величество, не довольствуясь быть зрителемъ или даже посредникомъ, пожелали стать вооруженнымъ пособникомъ моихъ враговъ, тогда, Государь, было бы гораздо прямѣе и достойнѣе Васъ предварить меня о томъ откровенно, объявивъ мнѣ войну. Тогда всякъ зналъ бы, что ему дѣлать. Но справедливое ли дѣло обвинять насъ въ событіи по совершеніи онаго, когда сами никоимъ образомъ его не предупреждали? Если пушечные выстрѣлы въ Синопѣ грустно отозвались въ сердцѣ тѣхъ, кто во Франціи и въ Англіи живо чувствуетъ народное достоинство, неужели Ваше Величество думаете, что грозное присутствіе при входѣ въ Босфоръ трехъ тысячъ орудій, о которыхъ вы говорите, и вѣсть о входѣ ихъ въ Черное море не отозвались въ сердцѣ народа, котораго честь я защищать обязанъ? Я узналъ отъ васъ впервые (ибо въ словесныхъ объявленіяхъ, сдѣланныхъ мнѣ здѣсь, этого сказано не было), что, покровительствуя снабженію припасами турецкихъ войскъ на собственной ихъ землѣ, обѣ державы рѣшились *препятствовать нашему плаванію по Черному морю*, т. е., вѣроятно, снабженію припасами собственныхъ нашихъ береговъ. Предоставляю на судъ Вашего Величества, облегчается ли этимъ, какъ вы говорите, заключеніе мира,

и дозволено-ли мнѣ при этомъ выборѣ одного изъ двухъ предложеній, не только разсуждать, но и помыслить на одно мгновеніе о вашихъ предложеніяхъ перемирія, о немедленномъ оставленіи княжествъ и о вступленіи въ переговоры съ Портою для заключенія конвенціи, которая потомъ была бы представлена конференціи четырехъ державъ. Сами вы, Государь, если бъ вы были на моемъ мѣстѣ, неужели согласились бы принять такое положеніе? Могло ли бы чувство народной чести вамъ то дозволить? Смѣло отвѣчаю: нѣтъ! И такъ дайте мнѣ право мыслить такъ, какъ Вы. На что бы Ваше Величество ни рѣшились, я не отступлю ни предъ какою угрозою. Довѣряю Богу и моему праву, и Россія, ручаюсь въ томъ, явится въ 1854 году такою же, какъ была въ 1812-мъ.

Если, при всемъ томъ, Ваше Величество, съ меньшимъ равнодушіемъ къ моей чести, возвратитесь чистосердечно къ нашей обоюдной программѣ, если вы подадите мнѣ отъ сердца вашу руку, какъ я вамъ предлагаю свою въ эти послѣднія минуты, я охотно забуду все, что въ прошедшемъ могло бы быть для меня оскорбительнымъ. Тогда, Государь, *но только тогда*, намъ можно будетъ вступить въ сужденія и, можетъ быть, согласиться. Пусть Вашъ флотъ ограничится удержаніемъ турокъ отъ доставленія новыхъ силъ на позорище войны. Охотно обѣщаю, что имъ нечего будетъ страшиться моихъ нападеній. Пусть они пришлютъ ко мнѣ уполномоченнаго для переговоровъ. Я приму его съ надлежащимъ приличіемъ. Условія мои извѣстны въ Вѣнѣ. Вотъ единственное основаніе, на которомъ мнѣ позволено вести переговоры (¹).

Прошу Ваше Величество вѣрить искренности чувствъ, съ коими пребываю, Государь, Вашего Величества добрый другъ *«Николай.»*

Мнѣнія иностранцевъ о письмахъ двухъ императоровъ.

Въ засѣданіи нижняго парламента $^{4}/_{16}$ февраля, г.

(¹) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 43.

д'Израэли сдѣлалъ запросъ лорду *Джону Росселю* касательно дипломатическихъ сношеній съ Франціею.—«Парламенту извѣстно, сказалъ онъ, письмо, напечатанное въ газетахъ и адресованное императоромъ французовъ къ Императору Всероссійскому, по видимому, съ утвержденія и согласія Англіц. Желаю знать, достовѣрно ли это письмо, и, въ такомъ случаѣ, происходили ли, по поводу этого письма, сношенія между французскимъ и англійскимъ правительствами: однимъ словомъ, съ согласія ли Англійскаго Кабинета послано это письмо?» Лордъ *Джонъ Россель* отвѣчалъ, что письмо должно почитать достовѣрнымъ, какъ скоро оно напечатано въ Мониторѣ. По второму же вопросу отозвался, «что англійское министерство получило извѣщеніе французскаго правительства, что императоръ французовъ почелъ нужнымъ возвратиться въ послѣдній разъ собственноручнымъ письмомъ къ Императору Россійскому, для прекращенія несчастной ссоры, возникшей между Россіею и Турціею, и для предупрежденія войны. На это англійское правительство отвѣчало, что ему нечего сказать противъ сей мѣры, лишь бы содержаніе письма соотвѣтствовало предложеніямъ вѣнской конференціи. Копія съ этого письма сообщена была англійскому министерству въ то самое время, какъ требовали его согласія. — Мы предложили сдѣлать въ немъ нѣсколько измѣненій (прибавилъ лордъ *Джонъ Россель*), которыя и были сдѣланы до отправленія письма въ С. Петербургъ, но мы не получали измѣненнаго письма до отсылки его по назначенію. Однако же, министерство наше отвѣчаетъ за содержаніе письма въ томъ видѣ, какъ оно обнародовано, хотя и не согласно на всѣ его выраженія, вполнѣ одобряя, впрочемъ, самую мысль императора французовъ объ отправленіи письма». *Г. Бентинкъ* спросилъ, получило ли правительство извѣстіе съ подтвержденіемъ депеши изъ Вѣны, напечатанной въ «Times». гдѣ Австрія объявляетъ, что посредничество державъ въ турецкомъ вопросѣ почитаетъ оно опаснымъ. Лордъ *Джонъ Россель* сказалъ, что не знаетъ ничего о сказанномъ въ сей депешѣ и не можетъ отвѣчать за те-

леграфическія депеши, которыя большею частію бываютъ лживы (¹).

Въ «Times», 15-го числа, говорятъ о письмѣ императора французовъ къ Императору Всероссійскому, помѣщенномъ въ Монитерѣ: «Неопредѣленная и безтолковая фразеологія (vague and rambling phraseology) этого письма представляетъ разительную противоположность съ искусствомъ и точностью слога, которымъ мы до сихъ поръ дивились въ дипломатической перепискѣ французскаго правительства. Въ самомъ дѣлѣ, трудно понять мысль, съ какою было написано это письмо. Если предлагаютъ Императору Россійскому заключить перемиріе, прекратить военныя дѣйствія, и приглашаютъ его немедленно вывести свои войска изъ дунайскихъ княжествъ, нельзя полагать, чтобъ онъ принялъ эти условія. Мы не видимъ также никакой пользы въ томъ, если Императоръ Россійскій назначитъ уполномоченнаго для переговоровъ съ султанскимъ посланникомъ; развѣ онъ рѣшился бы принять основою переговоровъ условія, которыя Турція ему предлагала. Конвенція, которая должна быть подвергнута на утвержденіе конференціи четырехъ державъ, необходимо должна быть составлена на основаніи, начертанномъ и утвержденномъ сими державами. Но Россія поставляетъ непреодолимыя преграды этому предложенію, и требуетъ условій, которыя тѣ четыре державы формальнымъ протоколомъ объявили невозможными къ принятію.—Согласить обѣ эти системы, какъ вчера сказалъ лордъ *Кларендонъ*, значитъ желать невозможнаго, такъ же, какъ провести двѣ параллельныя линіи, доколѣ онѣ сойдутся. А потому, хотя, по видимому, письмо императора французскаго и дѣлаетъ двѣ важныя уступки Россіи, а именно: отозваніе флотовъ и допущеніе прямыхъ переговоровъ Россіи съ Турціею, но въ существѣ оно оставляетъ главный вопросъ на прежней точкѣ. Не знаемъ, по какому праву употреблено въ этомъ письмѣ имя королевы англійской, но смѣемъ замѣтить, что мнѣніе и намѣренія англійскаго правительства не могутъ быть

(¹) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 38.

сообщаемы иностраннымъ дворамъ и всему свѣту иначе, какъ нашими собственными офиціальными агентами. Собственноручныя письма и личныя сношенія между вѣнценосцами, въ самомъ важномъ европейскомъ вопросѣ, совершенно чужды обычаямъ англійскаго двора и узаконеніямъ сей страны, и мы убѣждены, что ни Ея Величество королева, ни англійское министерство не уполномочивали никакого иностраннаго государя къ такому странному употребленію мнимаго одобренія Ея Величествомъ королевою не совершенно опредѣленнаго плана. Во всѣхъ прежнихъ сообщеніяхъ по сему вопросу, англійское и французское правительства говорили одно и тоже, но ни одно изъ нихъ не предоставляло другому говорить за себя. Въ существѣ, письмо это кажется исключеніемъ изъ общихъ правилъ дипломатическихъ сношеній, и мы не можемъ ожидать отъ него никакой пользы, потому что въ немъ повторяютъ, только въ несовершеннѣйшей формѣ, тѣже предложенія, которыя уже разъ были отвергнуты, когда были представлены съ большею правильностью» ([1]).

Въ «Аугсбургской Всеобщей Газетѣ» пишутъ: «Обнародованіе письма императора французовъ привело англійское правительство въ довольно большое замѣшательство. Говорятъ, лордъ *Абердинъ* сказалъ *графу Валевскому:* «Если таково было намѣреніе императора, Его Величество долженъ былъ бы предупредить васъ о томъ». Въ Англіи начинаютъ понимать, что въ восточномъ вопросѣ, кромѣ англо-французской политики, есть еще политика исключительно французская». Таже газета замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ, что письмо императора французовъ не было принято въ Англіи съ удовольствіемъ, въ чемъ удостовѣряютъ не только англійскія газеты, но и короткія объясненія, къ какимъ это письмо подало поводъ въ парламентѣ ([2]).

По словамъ «Кёльнской Газеты», въ слѣдъ за обнародованіемъ письма *Людовика-Наполеона* къ Императору Все-

---

([1]) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 38 Тоже „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1854 г. № 38.

([2]) „Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 44.

россійскому, англійскій посланникъ, лордъ *Коули*, имѣлъ свиданіе съ министромъ иностранныхъ дѣлъ и жаловался, что этотъ документъ доведенъ «Всеобщимъ Монитеромъ» до свѣдѣнія публики. Г. *Друэнъ-де-Люизъ* отвѣчалъ, что онъ совершенно чуждъ обнародованію письма и узналъ о немъ лишь тогда, когда императоръ уже приказалъ напечатать этотъ документъ (1).

Въ Мадридской газетѣ «Esperanza» помѣщена слѣдующая замѣчательная статья: «Мы съ искреннимъ восторгомъ рукоплескали услугамъ, которыя оказалъ нынѣшній глава французской націи порядку и церкви; но теперь съ сожалѣніемъ прочитали обнародованное вчера письмо *Людовика-Наполеона* къ Императору Всероссійскому. Этимъ письмомъ *Людовикъ-Наполеонъ* безвозвратно приковалъ себя къ нынѣшнему своему положенію по турецко-россійскому вопросу. Не желая сознаться въ ошибкѣ, въ которую онъ впалъ по внушенію слѣпаго чувства національности, Людовикъ-Наполеонъ поставилъ себя мало по малу въ такое положеніе, въ которомъ онъ невольно долженъ защищать все то, что прежде того оспаривалъ; противиться всему, что дотолѣ поддерживалъ; жаловаться на то, что сдѣлалъ самъ; ссориться съ прежними своими друзьями, и броситься въ объятія смертельныхъ враговъ. Мы тѣмъ болѣе сожалѣемъ объ окончательномъ вмѣшательствѣ *Людовика-Наполеона* въ эту ссору, что, не смотря на всѣ наши усилія, мы не нашли въ письмѣ его достаточной причины къ оправданію враждебнаго положенія его въ отношеніи къ Россіи. Причины, изложенныя въ письмѣ, кажутся намъ только увертками, и, предположивъ даже невозможное, то есть, что у него были на это другія причины, могли ли онѣ быть такъ сильны, чтобъ заставить католическую державу соединиться съ мусульманскою противъ другаго христіанскаго государства? Возможно ли, чтобъ глава націи, выдающей себя за просвѣщеннѣйшую въ мірѣ, подъ предлогомъ политическаго равновѣсія, которое нимало не на-

---

(1) „Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 44.

рушено, содѣйствовалъ магометанскому варварству противъ христіанской образованности; чтобъ властелинъ Франціи, по справедливости называющій себя возстановителемъ порядка, соединился съ мятежниками всего свѣта, и съ Англіею, которой политическія правила и коммерческіе разсчеты, по причинѣ отдѣльнаго ея положенія на островѣ и преобладанія на морѣ, противопоставляютъ величайшее препятствіе совершенному примиренію Европы. Думаемъ, что все сказанное *Людовикомъ-Наполеономъ* въ письмѣ его не можетъ достаточно доказать, чтобъ Императоръ Россійскій не былъ правъ, особливо съ тѣхъ поръ, какъ онъ просто и безусловно принялъ первую ноту вѣнской конференціи. Императоръ французовъ говоритъ, что толкованія ноты, составленныя графомъ *Нессельродомъ*, воспрепятствовали принятію оной. Изъ двухъ одно: или эти толкованія согласовались съ нотою, или нѣтъ: въ первомъ случаѣ виновата конференція, что составила ноту въ двусмысленномъ значеніи; во второмъ же спрашивается: почему Пруссія и Австрія, участницы въ конференціи, которыхъ добросовѣстность и благородное положеніе въ этомъ дѣлѣ признаны до сихъ поръ всѣми, не объявили, подобно Англіи и Франціи, что истолкованія ноты самопроизвольны и неблагонамѣренны? Почему, предположивъ, что эти толкованія были дѣйствительно таковыми, Австрія и Пруссія нимало не обнаружили, что онѣ оскорблены наравнѣ съ западными державами мнимыми насмѣшками, приписываемыми этимъ толкованіямъ; напротивъ того, онѣ болѣе и болѣе обнаруживали свое расположеніе къ Россіи, которую враги ея обвиняли въ недобросовѣстности и несправедливости.—Но не эти толкованія были причиною непринятія первой ноты. Всѣ безпристрастные люди нравственно убѣждены, что члены конференціи, враждебные Россіи, предполагали, будто Монархъ ея раздраженъ до того, что отринетъ всякое благоразумное соглашеніе, и въ этомъ предположеніи Франція и Англія не колебались согласиться съ державами, дружественными съ Россіею, касательно выраженій и смысла ноты. Лондонскій и Парижскій Каби-

неты съ удовольствіемъ узнали, что нота эта отправлена въ С. Петербургъ, воображая, что она неминуемо будетъ отринута, и что тогда германскія державы равномѣрно будутъ недовольны Россіею. Но, видя, что событіе не соотвѣтствовало ихъ ожиданіямъ, и что нота не только не была отвергнута въ С. Петербургѣ, но и принята просто и безусловно, видя, что она встрѣтила, напротивъ того, сопротивленіе въ Константинополѣ, Франція и Англія не нашли другаго средства выпутаться изъ затрудненія по русскому отвѣту *да!* и по турецкому *нѣтъ*! какъ отказомъ отъ предложеній, сдѣланныхъ въ Вѣнѣ, приписавъ вину того толкованіямъ на эту ноту графа *Нессельрода*. Еслибъ кто-либо могъ сомнѣваться по сему предмету, стоитъ только вспомнить, какъ удивились враги Россіи на западѣ, узнавъ о простомъ принятіи въ С.-Петербургѣ вѣнскихъ предложеній и о принятіи ихъ въ Константинополѣ съ такими услозіями, которыя совершенно уничтожали это принятіе. Но какъ ничтоженъ и мечтателенъ ни былъ предлогъ двухъ западныхъ державъ, чтобъ освободиться отъ обязательствъ, принятыхъ посланниками, подписавшими первую вѣнскую ноту, еще ничтожнѣе причина, выставляемая ими для оправданія вступленія эскадръ ихъ въ Черное море. Онѣ сознаются, что сначала скрытничали и притворялись, и уже потомъ рѣшились говорить и дѣйствовать явно. *Людовикъ-Наполеонъ* говоритъ, что до синопскаго дѣла были они простыми зрителями, но потомъ уже не могли оставаться въ этомъ положеніи, не нарушивъ своей военной чести; что у нихъ были 3,000 пушекъ на этихъ водахъ; что султанъ былъ ихъ союзникомъ; что повсюду, куда только пушки Англіи и Франціи могутъ достигнуть, союзники ихъ должны почитать себя въ безопасности, и что, по причинѣ этого посредничества, все равно было, везли-ли истребленные въ Синопѣ турецкіе корабли боевые припасы и войска, назначенныя для нападенія на русскія границы. Время докажетъ, могли-ли эти доказательства подѣйствовать на Россію такъ же, какъ въ баснѣ слова царя лѣсовъ на его слушателей. Что же касается

до насъ, мы утверждаемъ, что военная слава Франціи и Англіи пострадала бы гораздо менѣе, если бы онѣ и послѣ синопскаго дѣла сохранили свою наблюдательную политику, теперь же оскорбили они чувство человѣчества, правосудія и великодушія, дозволивъ туркамъ нападать на русскихъ и препятствуя послѣднимъ употреблять всѣ средства для отраженія этихъ нападеній. Предположимъ, что Англія и Франція, какъ *Людовикъ-Наполеонъ* самъ сознается, согласились не почитать достаточною причиною къ разрыву занятія русскими дунайскихъ княжествъ; предположимъ, что онѣ давали, по-прежнему, миролюбивые совѣты Портѣ; предположимъ, что Порта, не уваживъ ихъ совѣтовъ, объявила и дерзко начала войну: очень естественно, что и послѣ синопскаго дѣла должны онѣ были продолжать миролюбивыя свои усилія для убѣжденія Порты въ ея безсиліи и дерзости, а не содѣйствовать ей своимъ покровительствомъ, котораго она была недостойна, особливо когда Россія, при превосходствѣ своихъ силъ на Дунаѣ и по уничтоженіи турецкихъ армій въ Азіи, воздерживалась однакоже отъ наступательныхъ дѣйствій. Надлежало бы въ письмѣ *Людовика-Наполеона* оцѣнить это неслыханное долготерпѣніе и убѣдиться, что только оно одно причиною нынѣшняго бездѣйствія русскихъ въ Азіи и въ Европѣ послѣ побѣдъ ихъ надъ мусульманами.

«Повторяемъ, что мы съ прискорбіемъ видимъ вмѣшательство *Людовика-Наполеона* въ нынѣшнемъ столкновеніи. Намъ жаль, что онъ, для оправданія своей рѣшимости, принужденъ прибѣгнуть къ такимъ страннымъ и невѣроятнымъ сужденіямъ, какія встрѣчаются въ его письмѣ. На его мѣстѣ мы рѣшились бы, еслибъ это было нужно, потерять двадцать такихъ коронъ, какую онъ носитъ, а не соединяться съ непримиримыми своими врагами, подвергая опасности не только свою корону и существованіе, но и безсмертную славу, которую онъ стяжалъ спасеніемъ общества человѣческаго отъ ужасовъ безначалія (1).

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 53.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ.

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

Всероссійскій, Царь Польскій,

и проч. и проч. и проч.

ОБЪЯВЛЯЕМЪ ВСЕНАРОДНО:

Мы уже возвѣстили любезнымъ Нашимъ вѣрноподданнымъ о причинѣ несогласій Нашихъ съ Оттоманскою Портою.

Съ тѣхъ поръ, не взирая на открытіе военныхъ дѣйствій, Мы не преставали искренно желать, какъ и нынѣ желаемъ, прекращенія кровопролитія. Мы питали даже надежду, что размышленіе и время убѣдятъ турецкое правительство въ его заблужденіи порожденномъ коварными наущеніями, въ коихъ Наши справедливыя, на трактатахъ основанныя требованія, представляемы были какъ посягательство на его независимость, скрывающее замыслы на преобладаніе. Но тщетны были доселѣ Наши ожиданія.— Англійское и французское правительство вступились за Турцію, и появленіе соединенныхъ ихъ флотовъ у Царьграда послужило вящшимъ поощреніемъ ея упорству. — Наконецъ обѣ западныя державы, безъ предварительнаго объявленія войны, ввели свои флоты въ Черное море, провозгласивъ намѣреніе защищать турокъ и препятствовать Нашимъ военнымъ судамъ въ свободномъ плаваніи для обороны береговъ Нашихъ.

Послѣ столь неслыханнаго между просвѣщенными государствами образа дѣйствія, Мы отозвали Наши посольства изъ Англіи и Франціи и прервали всякія политическія сношенія съ сими державами.

И такъ противъ Россіи, сражающейся за православіе, рядомъ съ врагами христіанства, становятся Англія и Франція!

Но Россія не измѣнитъ святому своему призванію, и если на предѣлы ея нападутъ враги, то мы готовы встрѣтить ихъ съ твердостію, завѣщанною намъ предками. Мы и нынѣ не тотъ ли самый народъ русскій, о доблестяхъ коего свидѣтельствуютъ достопамятныя событія 1812 года! Да поможетъ намъ Всевышній доказать сіе на дѣлѣ! Въ этомъ упованіи, подвизаясь за угнетенныхъ братьевъ, исповѣдующихъ вѣру Христову, единымъ сердцемъ всея Россіи воззовемъ:

«Господь нашъ! Избавитель нашъ! Кого убоимся! Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!»

Данъ въ Санктпетербургѣ, въ 9-й день февраля мѣсяца, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ пятьдесятъ четвертое, царствованія же Нашего въ двадцать девятое [1].

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано.

НИКОЛАЙ

Изложеніе политики Россіи въ восточномъ вопросѣ [2].

Въ то время, какъ восточный вопросъ запутывается болѣе нежели когда нибудь вступленіемъ флотовъ Франціи и Англіи въ Черное море и прекращеніемъ дипломатическихъ нашихъ сношеній съ обоими сими правительствами, весьма понятно, что каждая изъ главныхъ сторонъ, участвующихъ въ семъ дѣлѣ, старается снять съ себя отвѣтственность, сопряженную съ возможными послѣдствіями этого тяжелаго вопроса. Совѣсть кабинетовъ тревожится и отступаетъ при мысли о всеобщей войнѣ, которая можетъ уничтожить благоденствіе продолжительнаго мира и вновь подвергнуть опасности гражданскія общества, едва оправившіяся отъ послѣднихъ волненій. Много усилій употреблено было и употребляется еще до нынѣ для того, чтобъ

---

(1) Сѣверная Пчела 1854 г. № 34. Тоже „С.-Петерб. Вѣдомости“, 1854 г. № 34.

(2) Сообщенное посланникамъ и дипломатическимъ агентамъ Его Величества Государя Императора въ чужихъ краяхъ, 18-го февраля.

приписать Россіи вину нынѣшняго перелома, и обременить ее укоризнами за могущія произойти оттого бѣдствія. Обозрѣвъ въ минувшемъ времени всѣ поводы къ этому перелому и постепенное его измѣненіе, увидимъ, что, если онъ принялъ такой грозный объемъ, въ томъ виновата отнюдь не Россія.

Мы нимало не думаемъ сомнѣваться въ миролюбивыхъ чувствахъ державъ, вступившихъ противъ насъ въ положеніе, близкое къ непріязни. Онѣ, конечно желали мира точно такъ же, какъ и мы. Но предубѣжденіе, недовѣрчивость, недобросовѣстная оцѣнка нашихъ политическихъ намѣреній въ отношеніи къ Портѣ Оттоманской, руководствовавшія ихъ политикою съ самаго начала, невольно увлекли ихъ къ послѣдствіямъ, которыхъ они сами чуждались. Положеніе ихъ и наше сдѣлалось несообразнымъ съ самаго начала отъ того, во-первыхъ, съ какой точки онѣ смотрѣли на предметъ вопроса, и, во-вторыхъ, какія приняли мѣры для рѣшенія его.

Изложимъ, въ нѣсколькихъ словахъ, первоначальную причину нашего раздора съ Портою.

Издавна уже всѣ дѣйствія турецкаго правительства, въ отношеніи къ намъ и къ православной Церкви въ Турціи, носили печать явнаго недоброжелательства. Извѣстны сочувствія и духовныя сношенія, существующія съ незапамятныхъ временъ между Россіею и большинствомъ христіанскихъ подданныхъ Порты, порожденныя единовѣріемъ и единоплеменностью. Отъ этого получили мы въ Турціи нравственное вліяніе, котораго, конечно, не искали. Это фактъ, не созданный нами: онъ возникъ отъ времени и мѣстности. Не завися отъ трактатовъ, онъ произведенъ силою событій. Отъ этого происходитъ недовѣрчивость, возбуждаемая имъ въ турецкомъ правительствѣ. Отъ этого происходитъ желаніе сего правительства ослабить восточную церковь: боятся узъ, соединяющихъ ее съ Россіею, усиливаются держать ее въ униженіи сравнительно съ прочими христіанскими исповѣданіями, стараются благопріятствовать распространенію этихъ исповѣданій, въ ущербъ православію. Слишкомъ долго было бы исчислять

здѣсь порознь всѣ доказательства существованія этой системы, всѣ явные и скрытные удары, нанесенные турецкимъ правительствомъ, въ послѣдніе годы, нашему исповѣданію. Турки вмѣшивались во внутреннія его дѣла и нарушали всѣ уставы, подъ предлогомъ преобразованія духовнаго управленія, безпрерывно допускали незаконности въ выборѣ патріарховъ, разсѣвали сѣмена раздора въ духовныхъ сношеніяхъ племенъ греческихъ съ славянскими, препятствовали всячески развитію церквей въ Булгаріи и Босніи, образованію туземнаго духовенства, религіозному обученію народа; запрещали для этого употреблять, при богослуженіи, языкъ народный; забирали и истребляли священныя книги, привозимыя греко-славянами изъ Россіи для собственнаго своего употребленія, которыхъ нельзя было получать изъ другихъ странъ; въ одномъ мѣстѣ запрещали выстроить каменную церковь для замѣщенія обветшалой деревянной, въ другомъ предоставляли единственную въ селеніи церковь латинамъ, преимущественно предъ греками. Словомъ, тысячи случаевъ, незначительныхъ въ частности, показывали, въ общности своей, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, твердое намѣреніе турецкаго правительства способствовать распространенію другихъ исповѣданій, для уменьшенія, ослабленіемъ нашего, числа тѣхъ, которыхъ считаютъ приверженцами Россіи. Не говоримъ здѣсь о другихъ дѣлахъ, вопіющихъ гораздо громче этого скрытнаго преслѣдованія: объ убійствахъ въ Алепѣ, о жестокостяхъ, объ оскверненіи святыни, о насильственномъ обращеніи въ исламизмъ въ Албаніи, въ Булгаріи, въ Босніи, въ Іерусалимѣ, въ Черногоріи. Эти случаи гораздо извѣстнѣе прочихъ.

Въ слѣдствіе всѣхъ этихъ притѣсненій, о которыхъ мы безпрестанно представляли Портѣ, довершенныхъ обидою, оказанною грекамъ въ дѣлѣ о Святыхъ Мѣстахъ, и наконецъ въ слѣдствіе явнаго нарушенія фирмана, который имѣлъ цѣлію возстановленіе равенства между православіемъ и церковью латинскою, и самыхъ оскорбительныхъ дѣйствій для Императорскаго Кабинета и Государя Импе-

ратора въ особенности, посланъ былъ, какъ извѣстно, въ Константинополь *князь Меншиковъ.*

Понятно, послѣ этого, что простое рѣшеніе дѣла о Святыхъ Мѣстахъ посредствомъ новаго фирмана, столь же непрочнаго, какъ и предъидущій, не могло быть удовлетворительно для нашихъ требованій, что намъ слѣдовало получить, на будущее время, обезпеченіе дѣйствительнѣйшее, которое могло бы служить, сверхъ того, удовлетвореніемъ за упущеніе личнаго вниманія со стороны султана, на которое Императоръ имѣлъ право жаловаться.

Утверждали, что, по окончаніи соглашенія, мы вдругъ, уже послѣ рѣшенія главнаго вопроса, предъявили требованіе этого обезпеченія, требованіе совершенно новое. Изъ первыхъ нотъ, поданныхъ *княземъ Меншиковымъ*, явствуетъ, безъ всякаго сомнѣнія, что оба требованія сдѣланы были въ самомъ началѣ, вдругъ и въ одно время.

Когда время разсѣетъ туманъ подозрѣній и предразсудковъ, нерѣдко искажающихъ всѣ намѣренія Россіи во всемъ, что касается до Турціи, увидятъ, что въ содержаніи сего обезпеченія не было ничего новаго, ничего неупотребительнаго, ничего такого, что могло бы встревожить безопасность султана. Требованіе сіе основывалось на трактатахъ, которыми турецкое правительство уже обѣщалось намъ покровительствовать, въ его владѣніяхъ, религію и ея церкви. Обязываться въ покровительствѣ религіи и церквамъ, и въ то же время оставлять за собою право искажать по прихоти права и льготы, служащія основаніемъ ихъ существованію—совмѣстное-ли это дѣло? И какую пользу могло бы принести на дѣлѣ условіе, принимаемое въ такомъ смыслѣ? Настаивая на сохраненіи правъ, обезпеченныхъ за греческою церковью вѣковымъ обладаніемъ, мы требовали только исполненія того, что сказано въ Кайнарджійскомъ трактатѣ и въ тѣхъ трактатахъ, которыми онъ подтвержденъ, слѣдственно не требовали ничего противнаго независимости султана, если самые эти трактаты ей не были противны. Мы не требовали для грековъ никакихъ новыхъ выгодъ, кромѣ прочнѣйшаго обезпеченія правъ, имъ уже принадлежащихъ, а за

собою удерживали всегдашнее свое право прилагать о ихъ пользахъ дѣятельное попеченіе. Признавая, что греки всегда пользовались и будутъ впредь пользоваться религіозными своими правами подъ защитою султана, ихъ государя, мы ясно выразили значеніе требуемаго нами права. Въ этомъ не было ничего чрезмѣрнаго. Вотъ все удовлетвореніе, котораго мы требовали за оказанное къ намъ неуваженіе!

Вмѣсто того, чтобы смотрѣть на это обезпеченіе съ истинной его точки зрѣнія, увеличили безъ мѣры его объемъ и послѣдствія. Безъ всякаго повода искали въ немъ замысловъ политическаго преобладанія, существовавшаго только въ воображеніи; развѣ что назовутъ политическимъ то вліяніе, которымъ мы всегда пользовались въ Турціи для выгодъ нашихъ единовѣрцевъ.

Не принимая въ уваженіе предшествовавшихъ событій, положенія, въ которомъ находится Государь Императоръ, Его обязанности къ народу Его и вѣроисповѣданію, забывъ о совершенно особенномъ свойствѣ правительства мусульманскаго, которое, въ законахъ и въ обычаяхъ исламисма, находитъ не только затрудненія, но и невозможность наблюдать во всей строгости предписанія народнаго права, признаннаго народами христіанскими, составили о верховной власти султана какое-то безусловное, непреложное ученіе, и объявили, что всякое обязательство, въ которое войдетъ султанъ съ чужимъ правительствомъ касательно религіи и церкви, будетъ противно этой чистой выдумкѣ.

Этимъ подрывались основанія Кайнарджійскаго трактата, заключающаго въ себѣ именно такое обязательство. Этимъ хотѣли насъ принудить изорвать собственными нашими руками всѣ прежнія условія, разрушить весь порядокъ вещей, освященный временемъ и пріобрѣтенный цѣною русской крови. Мы тогда уже предвидѣли, что если вздумаютъ непремѣнно излагать вопросъ въ этомъ видѣ, миролюбивое рѣшеніе его сдѣлается невозможнымъ.

Скажемъ не обинуясь: если дипломаты въ Константинополѣ хотѣли, въ самомъ началѣ, прекратить всякое дѣйствительное замѣшательство, имъ не слѣдовало слушать

несправедливыхъ подозрѣній, не слѣдовало видѣть въ нотѣ, представленной *княземъ Меншиковымъ*, то, чего въ ней на самомъ дѣлѣ нѣтъ: имъ надлежало употребить всѣ средства къ убѣжденію дивана принять ее. Споръ былъ бы конченъ, и Европа освободилась бы отъ дальнѣйшихъ его послѣдствій. Скажемъ болѣе: послѣ всѣхъ преувеличенныхъ слуховъ, возбужденныхъ требованіями нашего посла, послѣ всѣхъ уступокъ въ формѣ и въ существѣ дѣла, какія мы сдѣлали, ограничивъ требованіе конвенціи сенедомъ, согласившись вмѣсто сенеда, дважды измѣненнаго, удовольствоваться простою нотою, въ которой не было никакого взаимнаго обязательства, легко могли бы усмотрѣть, что въ этой нотѣ мы получали гораздо менѣе, нежели требовали сначала.

Но, подъ владычествомъ постоянной мысли, будто Россія, въ поступкахъ своихъ съ Турціею, имѣла въ виду единственно увеличеніе своего вліянія и матеріяльной силы, и будто всѣ ея помышленія обращены на разрушеніе этого государства, преувеличили сверхъ всякой мѣры эти требованія сохраненія правъ и льготъ для ея исповѣданія. Мало того, что достигли изложенія нашихъ требованій въ самомъ тѣсномъ объемѣ: хотѣли, чтобъ изъ нихъ не осталось ничего, и чтобъ нашей политической силѣ нанесенъ былъ явный ущербъ. Ясно, что Россія не могла оставаться въ этомъ положеніи, и Императорская миссія должна была выѣхать изъ Константинополя.

Здѣсь начинается цѣпь дѣйствій, которыми безпрестанно затрудняли наши миролюбивыя намѣренія, оскорбляли наше достоинство; за этими мѣрами послѣдовали другія, еще болѣе запутывавшія дѣло, и наконецъ мы введены были предъ сими державами въ такое положеніе, что не могло не произойти между нами столкновенія.

По простымъ предположеніямъ, основаннымъ на преувеличенныхъ временныхъ слухахъ, съ самаго начала посольства *князя Меншикова*, когда еще не знали, въ чемъ заключаются наши требованія, затѣяла это дѣло Франція, увидѣвъ будто бы въ положеніи, принятомъ Россіею, дѣйствительное нарушеніе независимости Имперіи Оттоманской

подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Она одна послала свою эскадру въ Левантъ и остановилась у береговъ Саламина лишь въ слѣдствіе нерѣшительности, которую еще оказывало правительство англійское.

Но, по полученіи перваго телеграфическаго извѣстія объ отъѣздѣ нашего посла, не зная еще, на что мы рѣшились за три или за четыре недѣли до того, что мы извѣстили о томъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ, и еще какъ о дѣлѣ нерѣшенномъ, зависящемъ отъ отвѣта, какой намъ будетъ данъ диваномъ, соединенныя Франція и Англія изготовились къ самому рѣшительному вызову на морѣ. Онѣ отправили свои эскадры для занятія залива Безики, у входа въ Дарданеллы.

Въ то время опровергали наше мнѣніе о томъ, что сія мѣра была понудительная. Старались представить занятіе водъ и портовъ Турціи двумя важнѣйшими европейскими державами въ видѣ мирной стоянки судовъ, посѣщающихъ дружественныя воды и порты, открытые для свободнаго входа всякой морской силы. Происшествія показали, какова была въ самомъ дѣлѣ эта мирная стоянка.

Флоты вошли въ Безику, когда Порта разсуждала еще о послѣднихъ предложенныхъ ей нами условіяхъ.

Понятно, что она отринула ихъ, видя, что ее поддерживаютъ матеріяльныя силы Англіи и Франціи. Съ одной стороны появленіе обѣихъ эскадръ ободряло ее въ сопротивленіи намъ, а съ другой оскорбляло достоинство правительства Императорскаго, и заставляло его итти далѣе.

Причинивъ отказъ въ принятіи ноты *князя Меншикова* и усиливъ важность дѣла, это приближеніе флотовъ принудило насъ ввести войска въ княжества.

Можно ли было смотрѣть на эту мѣру какъ на поводъ къ войнѣ, какъ на гласное нарушеніе равновѣсія Европы?

Полагаемъ, что благоразумная политика, для избѣжанія замѣшательствъ, должна была удерживаться отъ предварительнаго отвѣта въ такомъ безусловномъ смыслѣ. Перейдя, не безъ сожалѣнія, чрезъ Прутъ съ силами неважными, мы ясно показали свойство, которое хотѣли придать этому временному занятію. Мы провозгласили, что отнюдь

не имѣемъ намѣренія завладѣть сими областями окончательно. Эта мѣра не могла подать повода ни къ какому военному дѣйствію, потому что въ занятыхъ нами областяхъ вовсе не было турецкихъ войскъ. Это было не иное что, какъ средство побужденія, поводъ къ начатію дальнѣйшихъ переговоровъ, залогъ, который дозволилъ бы намъ съ честью согласиться на какія либо новыя условія. Эта мѣра могла имѣть вліяніе на мѣстныя наши сношенія съ Портою, но не нарушала никакого европейскаго трактата. Притомъ многіе, предшествовавшіе этому, случаи допускали различіе между понудительною мѣрою и дѣйствительнымъ непріятельскимъ дѣйствіемъ. Вспомнимъ, что, не смотря на экспедицію въ Морею, не смотря даже на битву наваринскую, Англія и Франція оставались въ мирѣ съ Турціею. Въ понудительномъ дѣйствіи нашемъ, мы, безспорно, далеко отстали отъ подобныхъ мѣръ. Когда Франція, среди глубокаго мира, занимала вооруженною рукою Анкону, когда, въ согласіи съ Англіею, для вынужденія у короля нидерландскаго уступки, на которую онъ не соглашался, она занимала область, отъ которой сей монархъ еще не отказывался, блокировала его порты и изгоняла его войска изъ цитадели антверпенской, когда, наконецъ, еще недавно, Англія, равномѣрно, среди мира, облагала Пирей и брала греческія суда въ обезпеченіе незначительнаго денежнаго взысканія,—всѣ эти дѣйствія, въ строгомъ смыслѣ, могли назваться *поводами къ войнѣ*. Державы, въ нихъ не участвовавшія и не одобрявшія ихъ, могли дать имъ это названіе, если бъ не предпочитали политики миролюбивой. Онѣ не сдѣлали этого въ то время, чтобъ не возжечь войны въ Европѣ. Мы полагаемъ, что, при нынѣшнемъ случаѣ, для сохраненія всеобщаго мира, желательно было бы, чтобы Франція и Англія соблюдали ту же осторожность. Правда, что онѣ, въ первую минуту, не называли положительно этого занятія поводомъ къ войнѣ, но въ то же время не преминули провозгласить, что, когда угодно Портѣ, она въ правѣ объявить занятіе княжествъ поводомъ къ войнѣ, и дѣйствовать на основа-

ніи сего объявленія. Это значило если не объявлять войны немедленно, то быть къ ней въ готовности.

Хотя, угрожающимъ своимъ положеніемъ при входѣ въ Дарданеллы, обѣ морскія державы сдѣлались изъ подсудимыхъ судьями, и потому не могли уже быть признаваемы съ нашей стороны посредниками, мы, однако, не отказывались разсматривать сдѣланныя намъ ими предложенія.

Это доказывало, что, въ нашемъ мнѣніи, занятіе княжествъ было не столько предметомъ обладанія, сколько средствомъ для веденія переговоровъ. Намъ не трудно доказать документами, что всѣ сдѣланныя намъ предложенія основаны были на той мысли, что мы *имѣемъ право на удовлетвореніе.* Англійскій Кабинетъ, предлагая намъ замѣнить отринутую оттоманскимъ правительствомъ ноту проектомъ конвенціи (то есть въ той самой формѣ, которая была отринута въ Константинополѣ), полагалъ доставить намъ этимъ полнѣйшее удовлетвореніе. Французскій Кабинетъ, съ своей стороны, предлагая намъ проектъ новой ноты, говорилъ, что она, по редакціи своей, содержитъ въ себѣ существенно всѣ обезпеченія, требованныя *княземъ Меншиковымъ,* и можетъ послужить намъ поводомъ къ понужденію, если бъ диванъ когда либо измѣнилъ свои мнѣнія. Словомъ, онѣ соглашались, что мы имѣемъ право выражать попеченіе свое о нашихъ единовѣрцахъ въ Турціи и приводить оное въ дѣйствительное исполненіе, соглашались именно на то, о чемъ въ послѣдствіи спорила Порта, а съ нею и державы, находя, что она въ этомъ права (1).

(1) „С.-Петербургскій Кабинетъ, говорило намъ тогда французское правительство, долженъ желать акта со стороны Порты, который свидѣтельствовалъ бы, что она, принявъ въ надлежащее соображеніе посольство князя Меншикова, отдаетъ должную дань участію, которое Императоръ Николай оказываетъ *весьма* христіанамъ восточнаго исповѣданія". И далѣе: „Предлагаютъ ее (французскую ноту) Санктпетербургскому Кабинету въ надеждѣ, что онъ не найдетъ *въ смыслѣ ея вообще никакого различія съ смысломъ проекта представленнаго* княземъ Меншиковымъ, и что она *удовлетворяетъ* оный во всѣхъ существенныхъ пунктахъ его требованій Измѣненія редакціи не будутъ замѣчены массами народа ни въ Россіи, ни въ Турціи. Въ ихъ глазахъ, дѣй-

Отъ происшедшихъ въ слѣдъ затѣмъ переговоровъ, и особенно отъ проекта, представленнаго Кабинетомъ Тюльерійскимъ, возникла вѣнская нота. Всѣмъ извѣстно, какъ охотно мы поспѣшили принять ее.

Мы могли бы (и этимъ правомъ привольно пользовалась для себя Порта) спорить предварительно о выраженіяхъ ея, и отвѣчать на этотъ проектъ своими проектами, если бъ, какъ предполагаютъ неблагопріятствующіе намъ, мы искали предлоговъ, чтобъ проволочить переговоры и продлить до безконечности занятіе дунайскихъ княжествъ, но мы этого не сдѣлали. Получивъ вѣнскій проектъ, мы отвѣчали по телеграфу, что принимаемъ его, хотя бъ онъ могъ быть измѣненъ въ Лондонѣ и въ Парижѣ, что и случилось на самомъ дѣлѣ. Почему приняли мы его такъ поспѣшно? Потому что искренно желали мирнаго окончанія дѣла. Мы хотѣли прекратить кризисъ какъ можно скорѣе, поспѣшить выводомъ войскъ нашихъ изъ княжествъ, пользуясь благопріятнымъ для того временемъ года, и такимъ образомъ дать обоимъ союзнымъ флотамъ способъ съ честью выйти изъ Безики, гдѣ, по наступленіи осени, имъ невозможно было держаться. Все это было дѣло сбыточное, и державы во второй разъ имѣли возможность прекратить всѣ дальнѣйшія запутанности; только бы Порта рѣшилась, такъ же поспѣшно, какъ мы, принять новую редакцію вмѣсто проекта *князя Меншикова*.

Что же слѣдовало дѣлать державамъ, если, въ чемъ мы не сомнѣваемся, онѣ хотѣли, точно такъ какъ мы, ускорить развязку? Сильно настаивать въ Константинополѣ на простомъ и безусловномъ принятіи проекта, и не дозволять Портѣ новыхъ проволочекъ и требованія перемѣнъ въ ихъ нотѣ. Онѣ знали, что мы приняли ее съ условіемъ не измѣнять въ ней ничего, какова бы она ни была.

Но, положеніемъ своимъ въ Безикѣ, обѣ морскія дер-

ствіе Порты сохранитъ все значеніе, которое Кабинетъ С.-Петербургскій желаетъ придать нотѣ, и Его Величество Императоръ Николай всегда останется въ ихъ глазахъ *могущественнымъ и уважаемымъ покровителемъ ихъ вѣроисповѣданія*".

жавы ослабили средства, коими могли дѣйствовать на Порту. Турки чувствовали, что ихъ поддерживаютъ, и что отъ нихъ зависитъ рѣшеніе дѣла. Имъ столько наговорили о сохраненіи мнимой ихъ независимости, что они заставляли Европу въ точности держать данное ею слово, а Европа, съ своей стороны, подверглась вліянію воинственныхъ помысловъ, которые вытѣсняли миролюбіе въ Константинополѣ.

Порта возражала на нѣкоторые термины въ нотѣ, и требовала перемѣнъ, которыя иностранные посланники согласились принять въ разсмотрѣніе.

Сначала хотѣли увѣрить насъ, что эти измѣненія нимало незначительны, а на дѣлѣ они уничтожали весь проектъ, составленный въ Вѣнѣ. Мы не могли принять ихъ, потому что ими именно отнимали у насъ все то, что, какъ мы имѣли право думать, державы намъ уступили: право ходатайствовать за единовѣрцевъ нашихъ въ Турціи и покровительствовать имъ на самомъ дѣлѣ. Мы принуждены были отринуть оныя, и если откровенность порокъ, мы впали въ этотъ порокъ, честно объяснивъ правительству австрійскому причины нашего несогласія.

Это новое замѣшательство, происшедшее, какъ можно видѣть, единственно отъ малаго старанія иностранной дипломаціи въ Константинополѣ побудить Порту къ простому и безусловному принятію ноты, еще болѣе затрудняло положеніе, въ которое Франція и Англія поставили и себя, и насъ, пославъ свои флоты въ Безику. Отъ новыхъ разногласій, произведенныхъ турецкими измѣненіями, потеряно было драгоцѣнное время въ переговорахъ между Петербургомъ и Константинополемъ, и наступила пора года, неблагопріятная безопасной стоянкѣ флотовъ въ Безикѣ. Они должны были помышлять о прибѣжищѣ. Невозможно было дворамъ удалить флоты отъ Дарданеллъ и оставить насъ, между тѣмъ, на всю зиму въ княжествахъ. Съ другой стороны, онѣ не могли, не возбуждая новыхъ, важнѣйшихъ противъ себя жалобъ, ввести свои флоты въ Дарданельскій проливъ, который еще не былъ имъ открытъ объявленіемъ войны. Чтобы рѣшить этотъ выборъ и не-

медленно перемѣнить свое положеніе, надлежало обвинить насъ въ чемъ нибудь. Предлогъ къ тому нашли въ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ нами при отказѣ принять измѣненія Порты, а эти замѣчанія, ни въ существѣ, ни въ формѣ своей, никогда не имѣли той мнимой важности, которую имъ хотѣли придать, ибо въ существѣ своемъ онѣ заключали въ себѣ только то, что было изложено нѣсколько разъ въ нашей перепискѣ, и это не могло никакимъ образомъ вдругъ и неожиданно обнаружить какія-либо наши намѣренія. По формѣ же своей, они не имѣли никакого оффиціальнаго характера, не будучи адресованы прямо къ симъ обоимъ кабинетамъ. Австрія, единственная посредница въ переговорахъ по этому дѣлу, предложила намъ вѣнскую ноту, сообщила намъ измѣненія, которыхъ требовалъ въ ней диванъ, получила, съ другой стороны, изъявленіе нашего согласія на ноту, нашъ отказъ на принятіе измѣненій, и потомъ замѣчанія на эти измѣненія. Другимъ же дворамъ наши министры сообщили сіи замѣчанія не прямо, а въ видѣ увѣдомленія и конфиденціальныхъ поясненій. Преступнымъ злоупотребленіемъ довѣренности, коего источникъ намъ неизвѣстенъ, эти замѣчанія были обнародованы во всеобщее свѣдѣніе, взволновали вновь противъ нихъ общее мнѣніе, которому не были извѣстны предшествовавшія обстоятельства, и увлекли правительства къ крайностямъ. Тщетно вскорѣ послѣ того, при свиданіи въ Ольмюцѣ, мы представили Австріи, въ самомъ дружелюбномъ духѣ, желанныя объясненія о тѣхъ пунктахъ нашихъ замѣчаній, которыя могли бы, въ строгомъ смыслѣ, подать поводъ къ двусмысленности. Тщетно и Австрія, находя оныя удовлетворительными, настоятельно старалась склонить Англію и Францію къ побужденію Порты принять послѣднее соглашеніе. Обѣ сіи державы отъ того отказались, объявивъ, что положеніе дѣлъ въ Константинополѣ не подаетъ никакой надежды на успѣхъ сего предложенія.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ опасенія, болѣе или менѣе основательнаго, чтобы религіозный и воинственный фанатизмъ турокъ не подвергъ опасности жизнь и собственность под-

данныхъ Англіи и Франціи, англійскій и французскій послы рѣшились ввести въ Дарданеллы одну дивизію обѣихъ эскадръ. Эта мѣра противорѣчила условіямъ трактата 13-го іюля 1841 года. Почти въ слѣдъ затѣмъ мѣра сія получила законное разрѣшеніе объявленіемъ войны со стороны Порты Оттоманской, и послѣ того вошли въ Мраморное море оба флота въ полномъ своемъ составѣ.

Изъ предъидущаго видно, что преждевременное приближеніе флотовъ къ Дарданелламъ было въ самомъ началѣ побудительною причиною окончательнаго отказа Порты отъ принятія послѣднихъ нашихъ условій и вступленія нашего въ княжества, а потомъ имѣло вредное вліяніе на успѣхъ переговоровъ касательно вѣнской ноты; что наше объясненіе перемѣнъ, которыя, къ сожалѣнію, дозволили Портѣ сдѣлать въ сей нотѣ, само по себѣ одно не подавало новыхъ и важныхъ причинъ къ такой мѣрѣ, каково вступленіе флотовъ въ Дарданеллы; что, напротивъ, послѣ объявленій нашихъ въ Ольмюцѣ, ничто не препятствовало обоимъ дворамъ сдѣлать, какъ того настоятельно требовала Австрія, новый опытъ въ Константинополѣ, и что истинною причиною крутаго поворота въ ихъ сношеніяхъ съ нами была матеріальная невозможность ихъ флотамъ зимовать въ Безикѣ; что дѣйствительныя или мнимыя опасности, которыми турецкій фанатизмъ угрожалъ подданнымъ Англіи и Франціи, не подавали равномѣрно достаточныхъ причинъ къ вступленію въ Константинополь флотовъ *въ полномъ ихъ составѣ*; что, скажемъ болѣе, именно появленіе одной только части морскихъ силъ англо-французскихъ возбудило фанатизмъ, увѣрило войнолюбивую партію въ успѣхѣ, и вызвало объявленіе войны, которое, каковы бы ни были болѣе или менѣе сильныя старанія посланниковъ для отвращенія его, сдѣлалось необходимымъ для оправданія, по строгому праву призыва и долговременнаго пребыванія полныхъ эскадръ въ Мраморномъ морѣ.

И такъ, по сцѣпленію непреодолимыхъ крайностей, пребываніе флотовъ въ Безикѣ потребовало приближенія ихъ къ Константинополю; пребываніе ихъ при Константинополѣ неминуемо повлекло за собою объявленіе войны. Увидимъ, что

объявленіе войны имѣло еще другія послѣдствія, и что та же самая роковая неизбѣжность, которая придвинула флоты къ Босфору, наконецъ заставила ихъ войти и въ Черное море.

Война была объявлена. Обѣ державы должны были, во чтобы то ни стало, воспрепятствовать этому объявленію, если бы требованія ихъ морскаго положенія и возбужденный ими воинственный фанатизмъ могли имъ то позволить. По объявленіи же войны, надлежало имъ стараться, чтобы она не возгоралась въ самомъ дѣлѣ, и, наконецъ, когда она вспыхнула, онѣ должны бы были помочь намъ въ ограниченіи ея дѣйствій въ сколь можно тѣснѣйшемъ объемѣ. Это было единственнымъ средствомъ удержать себя на крутомъ скатѣ, по которому увлекла ихъ новая мѣра, и идти не далѣе того предѣла, котораго они достигли. Мы сами обратили ихъ вниманіе на это обстоятельство. Мы сдѣлали это, едва узнавъ объ объявленіи намъ войны и не имѣя еще извѣстій о вступленіи флотовъ въ Мраморное море. Мы объявили, по собственному своему побужденію, что будемъ ограничиваться оборонительною войною, но, прибавивъ къ тому, доколѣ (просимъ замѣтить эту оговорку), доколѣ то дозволятъ наши выгоды и наше достоинство, доколѣ не принудятъ насъ выйти изъ круга, которымъ мы намѣрены были ограничить свои дѣйствія. Государь Императоръ ясно объявилъ въ то время, что не перейдетъ чрезъ линію Дуная, что будетъ отражать всякое нападеніе, не вызывая его, и удержится въ этомъ положеніи, доколѣ не заставятъ его перейти въ иное. Переходъ *Омеръ-паши* чрезъ Дунай, и даже окончательное вступленіе флотовъ въ полномъ ихъ составѣ въ Мраморное море, ни въ чемъ не измѣнили нашихъ миролюбивыхъ намѣреній. А что они дѣйствительно были миролюбивы, что мы никогда не хотѣли войны на самомъ дѣлѣ, что мы не соглашались вѣрить въ возможность ея до послѣдней минуты, до такой степени намъ казалось невѣроятнымъ, чтобы державы допустили до того турокъ, до такой степени она казалась намъ чудовищною и несообразною съ поводомъ къ ней, противною всѣмъ выгодамъ

Оттоманской Имперiи и Европы,—въ томъ явно свидѣтельствуетъ безпрепятственность, съ какою турки перешли черезъ Дунай и вторглись въ наши азiятскiе предѣлы. Вопреки всѣмъ замысламъ, которые приписывали намъ такъ щедро, вопреки всѣмъ слухамъ, распространявшимся въ теченiе года и со времени отправленiя *князя Меншикова* въ Константинополь, о накопленiи несмѣтныхъ силъ у нашихъ границъ, о вооруженiяхъ, о приготовленiяхъ на морѣ и на сушѣ, сдѣланныхъ нами въ огромныхъ размѣрахъ для завоеванiя Константинополя, оказалось, что въ Валахiи мы были готовы только къ оборонѣ, а въ Азiи, въ первую минуту, число войскъ нашихъ оказалось недостаточнымъ. Извѣстно, что, до отправленiя корпуса отъ 12-ти до 14,000 человѣкъ на берега Азiи, послужившаго подкрѣпленiемъ для одержанiя побѣдъ при Ацхурѣ, Ахалцыхѣ и Башъ-Кадыкъ-Ларѣ, турки имѣли время захватить постъ св. Николая (не дожидаясь даже срока, назначеннаго для открытiя военныхъ дѣйствiй), перейти чрезъ границу, раззорить Армянскую область, и даже угрожать опасностью Тифлису.

Эти происшествiя и мнимыя побѣды турокъ на Дунаѣ, принятыя легкомысленно, преувеличенныя безразсудно, имѣли два неминуемыя послѣдствiя: не прямое, о которомъ скажемъ послѣ, и другое ближайшее. Допуская такое развитiе непрiязненныхъ дѣйствiй на морѣ и на сушѣ, особенно въ азiятскихъ нашихъ владѣнiяхъ, исторгали насъ насильно изъ нашего чисто-оборонительнаго положенiя, которое мы, по собственной волѣ, предначертали себѣ сами, съ исчисленными выше оговорками. Народная наша честь, уже достаточно затронутая присутствiемъ двойной непрiятельской эскадры при входѣ въ Босфоръ, оскорблялась ежедневно болѣе и болѣе. Выгоды наши были нарушаемы и непосредственно. Въ Валахiи, области турецкой, мы предположили оставаться въ оборонительномъ положенiи въ то время, когда рѣчь шла единственно о военныхъ дѣйствiяхъ на Дунаѣ: слѣдуетъ-ли изъ того, чтобы и у насъ, на нашей землѣ, на нашихъ берегахъ, мы спокойно предоставили туркамъ исключительное право дѣйствовать

противъ насъ, чтобы мы позволили безнаказанно нападать на наши морскіе посты, облагать наши крѣпости, и пытаться къ возстановленію противъ насъ Кавказа? Для чего иностранная дипломація въ Константинополѣ не препятствовала этимъ нападеніямъ? Не надѣялись-ли, что мы будемъ разбиты, чтобы потомъ предложить свое посредничество? Или, изъ уваженія къ независимости Порты, совѣстились ограничить ея дѣйствія на морѣ? Теперь ихъ ограничиваютъ, а въ то время, для чего ждали совершенія дѣйствія, о которомъ теперь сожалѣютъ, для чего не старались предотвратить его? Въ глазахъ пословъ, подъ флагомъ Англіи и Франціи, всенародно нагружались и готовились въ походъ транспорты оружія, войска, снарядовъ для возженія или для поддержанія войны на нашихъ предѣлахъ. Послѣдніе изъ этихъ транспортовъ достигли цѣли своего назначенія. Мы знали, что съ тою же цѣлію значительная турецкая эскадра должна была двинуться изъ Константинополя, что она выступила изъ Босфора, пришла въ Синопъ, не для того, чтобы вывести на берегъ свой грузъ, не для того, чтобы тамъ оставаться, но единственно чтобы укрыться тамъ на время отъ непогоды. Она стояла тамъ, въ ожиданіи времени и случая для продолженія своего наступательнаго плаванія. Мы воспользовались правомъ войны для предупрежденія этого нападенія. Обвинять въ нападеніи насъ, называть нападеніемъ законную оборону—противно всѣмъ понятіямъ о строгой справедливости.

Намъ возражаютъ притомъ, что насъ предувѣдомляли о томъ заранѣе, что Англія объявила намъ намѣреніе свое прикрывать порты и берега оттоманскіе противъ всякаго нападенія. Отвѣчаемъ, что *мы никогда не соглашались на это ограниченіе нашихъ правъ войны, и что какъ въ Лондонѣ, такъ и въ С.-Петербургѣ русскій министръ и Императорскій Кабинетъ всегда оставляли за собою и поддерживали эти права во всей ихъ цѣлости.*

Происшедшее при Синопѣ, неминуемое слѣдствіе предварительнаго положенія обѣихъ державъ, побудило ихъ выступить еще на шагъ. Вступивъ въ Черное море съ

объявленнымъ ими намѣреніемъ воспретить русскому флоту свободное плаваніе, они не удовольствовались простою демонстраціею, а посягнули прямо на наши права, какъ воюющей стороны. Они приняли мѣру, которая, на самомъ дѣлѣ, не есть объявленіе войны подъ покровомъ увѣренія въ дружбѣ, а вновь касается народнаго достоинства Россіи, и сильнѣе прежняго: этою мѣрою отнынѣ управленіе событіями изъ рукъ правительствъ перешло въ руки ихъ морскихъ офицеровъ, и всеобщій миръ зависитъ отъ малѣйшаго случайнаго столкновенія.

Истинный поводъ къ такому рѣшенію явствуетъ самъ собою, и обѣ морскія державы его не скрывали. Онъ заключается въ томъ положеніи, которое онѣ приняли отправленіемъ своихъ морскихъ силъ въ Константинополь, съ того времени, какъ, вмѣсто ограниченія войны извѣстными предѣлами, присутствіе союзныхъ флотовъ, распаляя фанатизмъ Порты, обезсиливало дѣйствіе обоихъ кабинетовъ. Тяжело имъ было оставаться праздными свидѣтелями истребленія турецкой морской силы, произведеннаго нами предъ ихъ глазами, но, не сдѣлавъ ничего для отклоненія повода къ тому, они, чтобы ни говорили, должны были это предвидѣть. И какъ при Безикѣ необходимость выйти, во что бы то ни стало, изъ непріятнаго положенія, побудила ихъ къ насильственной мѣрѣ вступленія въ первый константинопольскій проливъ, такъ и нынѣ желаніе освободиться отъ исполненія не менѣе тягостнаго положенія заставило ихъ пройти и во второй проливъ.

Такимъ образомъ возрастающая послѣдовательность принятыхъ ими мѣръ насильно принудила ихъ усилить эти мѣры, а первымъ звеномъ этой цѣпи дѣйствій, угрожающихъ спокойствію свѣта, былъ тотъ моментъ, когда флоты ихъ вышли изъ Мальты и изъ Тулона.

На поприщѣ переговоровъ видимъ тѣ же послѣдствія перваго шага, то же возрастаніе требованій менѣе и менѣе удовлетворительныхъ для насъ, менѣе благопріятныхъ сохраненію мира. Внушенное неисцѣлимою недовѣрчивостью, искусственное и мечтательное преувеличеніе обязательства, котораго мы требовали у Порты, уничтожило постепенно

всѣ силы примиренія, опровергая сначала форму, а потомъ и существо условій, предложенныхъ или принятыхъ нами.

При всемъ томъ, какъ видно даже изъ вѣнской ноты включительно, еще не оспаривали у насъ рѣшительно существеннаго свойства обезпеченій, требованныхъ *княземъ Меншиковымъ*. Признавали, что Императоръ имѣетъ право на удовлетвореніе, соглашались: что онъ имѣлъ основаніе выражать сочувствіе, внушенное ему единовѣріемъ ко всѣмъ христіанамъ восточнаго исповѣданія; находили справедливымъ, что Порта, торжественнымъ актомъ, выразила свое уваженіе къ сему сочувствію, и приняла оное во вниманіе. Въ вѣнской нотѣ все еще предполагалось, что султанъ долженъ прямо обратиться къ Государю Императору, приславъ оттоманскаго посла для поднесенія фирмана, дарованнаго недавно патріарху константинопольскому, съ утвержденіемъ правъ и преимуществъ греческой церкви. Послѣ отказа Порты принять предложенную ей ноту, или, лучше сказать, въ слѣдствіе затруднительнаго положенія, которое заставляло флоты обѣихъ державъ, оставивъ стоянку при Безикѣ, укрыться въ Дарданеллахъ, возникли другія мнѣнія. Они проявились въ отказѣ на послѣднее соглашеніе, предложенное имъ нами въ Ольмюцѣ. Въ это время дошли до того, что не признавали проступковъ Порты (на которые мы жаловались въ самомъ началѣ спора), и не соглашались на право наше требовать за нихъ удовлетворенія. Вспыхнула война. Первыя дѣйствія турокъ на Дунаѣ, внезапное ихъ вторженіе въ Азію, названныя блистательными побѣдами, обманули общее мнѣніе, и оно разразилось съ изступленіемъ. Вмѣсто того, чтобъ стараться его успокоить, скажемъ съ сожалѣніемъ, сдѣлано было все, чтобъ еще болѣе распалить его противъ насъ, и правительство, можетъ быть, самое щекотливое на счетъ народнаго достоинства, скорѣе всѣхъ чувствующее злоупотребленіе стѣсненія въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно ускользаетъ отъ надзора правительства, позволило французскимъ журналамъ, состоящимъ въ совершенномъ у него повиновеніи, распространять всѣ ложные слухи, ругательства и преувеличенія

всякаго рода противъ Россіи. По мѣрѣ распаленія умовъ въ публикѣ, увеличивались требованія: мало по малу дошли до того, что отказываютъ намъ во всякомъ какомъ-либо удовлетвореніи, совершенно опровергаютъ принадлежащее намъ право наблюденія и дѣйствительнаго покровительства надъ нашими единовѣрцами въ Турціи. Россію предаютъ, такъ сказать, подъ судъ Европы, и уже не довольствуются тѣмъ, чтобъ она уступила половину: требуютъ, чтобъ она уступила все. Предварительно снеслись съ султаномъ о томъ, какія условія ему угодны, и, согласившись на эти условія, составленныя съ его отдѣльной точки зрѣнія, приглашаютъ Россію принять то, что положено было безъ ея вѣдома, то есть насъ обращаютъ въ то самое положеніе, въ которомъ находилась Порта послѣ вѣнской ноты, съ тою разницею, что Портѣ предоставлена была свобода дѣлать возраженія, предлагать перемѣны, а намъ, какъ кажется, не позволяютъ уклоняться отъ условій намъ предложенныхъ. Оставивъ въ сторонѣ свойство этого соглашенія, спросимъ: въ какихъ обстоятельствахъ предлагаютъ его намъ? Увѣдомленія о немъ произошли около того времени, когда оба флота, англійскій и французскій, вошли въ Черное море, и когда намъ сдѣланы были сообщенія, равносильныя объявленію войны. Изъ четырехъ державъ, предъ которыми приглашаютъ Россію переговариваться съ Портою о мирѣ, двѣ уже добровольно отказались отъ званія безпристрастныхъ посредницъ, выступивъ за черту строгаго нейтралитета и сдѣлавшись помощницами одной изъ воюющихъ сторонъ. Не значило ли это предоставить на выборъ Россіи войну или уничиженіе, и могли ли надѣяться, что она уступитъ предъ угрозами? Положеніе, въ которое хотятъ ее поставить, есть положеніе государствъ слабыхъ, да и тѣ подвергаются ему только по истощеніи всѣхъ своихъ средствъ къ сопротивленію. Но если чистосердечно и дѣйствительно желали мира, сомнѣваемся, чтобъ могли сдѣлать подобныя предложенія великой державѣ, дорожащей своимъ политическимъ достоинствомъ и доказавшей, что она не уклонится ни отъ

какого пожертвованія, когда дѣло идетъ о сохраненіи сего достоинства.

При этой политикѣ, дѣйствующей угрозами, при этихъ безпрерывно усиливающихся мѣрахъ, разсмотрите всѣ дѣйствія Россіи, и изъ краткаго исчисленія ихъ увидите, что, не смотря на оскорбленія, за которыя она еще не получила удовлетворенія, дѣйствія ея были цѣпью пожертвованій, свидѣтельствующихъ объ искреннемъ ея желаніи охранить Европу отъ бѣдствій всеобщей войны, или, по крайней мѣрѣ, ограничить одною мѣстностью войну, къ которой принуждаютъ ее насильно.—Пройдемъ молчаніемъ троекратное измѣненіе первоначальныхъ формъ и существа въ письмѣ, предложенномъ *княземъ Меншиковымъ*. Отказъ въ принятіи сихъ предложеній, сопровождаемый угрожающимъ движеніемъ, коснувшись нашей чести, заставилъ насъ употребить понудительную мѣру. Принявъ, съ сожалѣніемъ, эту мѣру, мы потщились предварительно доказать, что не имѣемъ притомъ никакихъ непріязненныхъ намѣреній, и въ слѣдъ затѣмъ согласились на возобновленіе переговоровъ. Мы отказались отъ предложенныхъ нами послѣднихъ условій, и приняли вѣнскую ноту. Мы согласились на нее по телеграфическому увѣдомленію, не зная ея содержанія въ точности. Текстъ ея былъ впервые измѣненъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Но мы не обращали на это вниманія, поспѣшая прекратить господствовавшее во всемъ свѣтѣ недоумѣніе. Къ несчастію, западныя державы допустили Порту сдѣлать другія, важнѣйшія измѣненія, совершенно исказившія смыслъ предлагаемаго нами соглашенія. Мы не согласились на эти измѣненія, и откровенно сказали почему. Возникли споры о словахъ. Они не были непреодолимы, ибо Австрія и Пруссія, удовольствовавшись предложенными съ нашей стороны объясненіями, сильно убѣждали обѣ морскія державы воспользоваться этими новыми средствами для возобновленія переговоровъ. Но опрометчивая мѣра уже расторгла нить мирныхъ объясненій. Вдругъ, безъ всякаго съ нашей стороны повода, произошелъ быстрый переворотъ въ положеніи державъ: оба флота были призваны къ стѣнамъ Кон-

стантинополя, Порта объявила намъ войну—начались непріятельскія дѣйствія.—Принужденные противъ воли нашей къ войнѣ, мы старались ограничиться лѣвымъ берегомъ Дуная, и поручали державамъ блюсти, чтобъ позорище оной не распространялось безъ нужды. Малочисленность нашихъ войскъ, едва достаточныхъ для обороны, довольно свидѣтельствовала о несуществованіи приписываемыхъ намъ замысловъ къ распространенію нашихъ предѣловъ. Не обращая вниманія на далекія разстоянія нашихъ владѣній, дозволяютъ войнѣ распространиться въ Азіи; обманываясь въ случайностяхъ войны, поощряютъ, распаляютъ нашихъ враговъ. Наконецъ мы, подвергшись нападенію у себя, на нашихъ берегахъ, на нашей землѣ, принуждены были нанесть сильный ударъ.

Свидѣтельство превосходства нашего оружія, пріобрѣтенное побѣдами на сушѣ и на морѣ, подавало поводъ, на основаніи сихъ нашихъ успѣховъ, надѣяться, что мы болѣе расположены къ принятію честнаго примиренія, и что турки также на то согласятся. Этотъ случай упустили. Успѣхи наши сдѣлались новымъ поводомъ къ обвиненію насъ, и синопское пораженіе было причиною насильственнаго дѣйствія, которое, прекративъ сношенія дипломатическія, заставляетъ, болѣе нежели когда либо, сомнѣваться въ сохраненіи мира.

Между тѣмъ, и въ самую послѣднюю минуту, при искреннемъ нашемъ миролюбіи, можно было бы сохранить эти сношенія, еслибъ, прикрывая предѣлы и флагъ нашихъ враговъ отъ всякаго нападенія, обѣ державы могли придать этой мѣрѣ, сколько она ни противна нашимъ правамъ воюющей стороны, видъ морскаго перемирія, основаннаго на нѣкоторой взаимности. Но съ той минуты, когда обѣ державы объявили, что, позволяя туркамъ снабжать свои порты, намѣрены воспрещать намъ снабжать порты русскіе, и охраняя свободное плаваніе враговъ нашихъ на Черномъ морѣ, хотятъ препятствовать плаванію русскихъ, онѣ возвѣстили громогласно о дѣятельномъ вспоможеніи непріятельскимъ дѣйствіямъ Порты, намъ оставалось только, предоставляя себѣ пользованіе правомъ нашимъ, въ слѣд-

ствіе будущихъ случайностей, прекратить дипломатическія сношенія. Западные кабинеты старались продлить эти сношенія увѣреніями въ дружбѣ, но эти увѣренія сдѣлались въ глазахъ нашихъ лицемѣрными и недостойными.

Вотъ событія въ послѣдовательномъ ихъ развитіи! Изъ нихъ явствуетъ, что вопросъ доведенъ до нынѣшняго своего положенія отъ того, что съ самаго начала, приписывая намъ какіе-то властолюбивые замыслы, вздумали сражаться съ небывалымъ призракомъ; отъ того, что первый шагъ, внушенный системою угрозъ и недовѣрчивости, мало по малу заставилъ сдѣлать другіе шаги, которые затрудняли всѣмъ партіямъ честныя уступки. Если отъ быстрыхъ столкновеній, могущихъ возникнуть ежеминутно при такомъ напряженномъ состояніи каково нынѣшнее, возникнетъ война между нами и обѣими державами, и эта война причинитъ бѣдствія во всемъ свѣтѣ, Европа въ состояніи судить, кто, въ эту самую минуту, когда мы говоримъ о томъ, первый поднялъ оружіе (1).

Въ испанской газетѣ «Esperanza» 17-го марта сообщаютъ статью С. Петербургскаго Кабинета, разосланную ко всѣмъ русскимъ посольствамъ, и въ предисловіи къ ней говорятъ: «Этотъ документъ соединяетъ, подтверждаетъ, объясняетъ и упрощаетъ все, что было говорено въ теченіе года о семъ предметѣ. Онъ обнаруживаетъ всю ложь, распространяемую съ тѣхъ поръ, совершенно уничтожаетъ всѣ доселѣ приводимые доводы; опровергаетъ всѣ письма, ноты, депеши, рѣчи и статьи, обнародованныя до сего времени съ цѣлію оспорить справедливость Россіи въ несогласіяхъ ея съ Турціей и ея защитниками. Въ слѣдующемъ нумерѣ изложимъ мы мнѣніе наше о сей статьѣ, но теперь прежде всего скажемъ: «Нѣтъ! общество еще не въ такой опасности, какъ мы полагали. Доколѣ еще будетъ во всей силѣ своей держава, которая такъ хорошо понимаетъ законы чести и долга, такъ ясно опредѣляетъ ихъ, такъ сильно и рѣшительно дѣйствуетъ противъ нарушителей правъ и чести -общественный порядокъ можетъ

(1) Север. Пчела 1854 г. № 42; тоже С.-Петерб. Вѣд. 1854 г. № 42.

быть увѣренъ въ торжествѣ своемъ въ начатой противъ него войнѣ. Въ послѣднее время подвергался онъ сильнымъ нападеніямъ и потрясеніямъ, но это произошло только отъ того, что сія охранительная держава удерживается собственною своею умѣренностью. Теперь ослѣпленная дерзость враговъ вызвала ее изъ мирныхъ предѣловъ». — Въ другомъ нумерѣ газеты (24-го марта) сказано: «Изложивъ причины отправленія *князя Меншикова* въ Константинополь, мы видимъ, что въ статьѣ С.-Петербургскаго Кабинета исчислены измѣненія, сдѣланныя въ требованіяхъ этого посла для избѣжанія затрудненій, которыя, по существу и формѣ требованія, могли встрѣтиться со стороны султана и европейскихъ посланниковъ въ Турціи. Этими измѣненіями требованія Россіи доведены были до простѣйшаго своего выраженія. Между тѣмъ, и этого показалось недостаточно для принятія ихъ Портою и для удовлетворенія враговъ Россіи. Хотѣли нанести этому правительству рѣшительный ударъ въ политической его значительности. Вотъ въ чемъ состояла цѣль Англіи и Франціи: онѣ хотѣли, чтобъ С.-Петербургскій Кабинетъ, по отправленіи посольства въ Константинополь, уступилъ угрожающему положенію сихъ державъ, взялъ обратно послѣднюю свою ноту, отозвалъ своего посла и обнародовалъ манифестъ, съ признаніемъ своего легкомыслія и раскаянія. Вотъ одно что могло удовлетворить враговъ С.-Петербургскаго Кабинета и требованія революціонныхъ пропагандистовъ. Они забыли, что всякая держава, какъ и частныя лица, обязана охранять свое достоинство, и что никто не согласится уступить угрозамъ. Императоръ Николай, не смотря на всю важность причинъ, побудившихъ его отправить *князя Меншикова*, можетъ быть и уступилъ бы представленіямъ другихъ монарховъ, если бъ всѣ они обратились къ нему съ словами дружбы, умѣренности и благоразумія, какъ всегда бываетъ между коронованными особами. Но такъ ли поступили эти державы? Совсѣмъ нѣтъ! Посмотрите, каково было положеніе англійскаго и французскаго посланниковъ во время переговоровъ; вспомните газетныя статьи, печатавшіяся въ этихъ государствахъ,

а особливо рѣчи, произнесенныя въ парламентѣ, и всякій безпристрастный человѣкъ скажетъ: могла ли Россія отступить? Несчастная война эта теперь начата; но пусть знаетъ весь свѣтъ, что вина въ этой брани не падаетъ на Императора Всероссійскаго. При слабости Порты, должно приписать ее коварнымъ проискамъ англійскаго и непредусмотрительности французскаго правительства. Если бъ эти державы дѣйствовали съ надлежащимъ приличіемъ и благоразуміемъ, если бъ онѣ въ самомъ дѣлѣ имѣли въ виду пользу человѣчества и желали избавить его отъ ужасовъ войны; если бъ онѣ хотѣли успѣховъ христіанству, за которое теперь такъ жарко вступаются, онѣ успѣли бы не только смягчить справедливый гнѣвъ Императора, но и прекратить несогласія его съ султаномъ, устроивъ прочнымъ образомъ участь христіанъ на Востокѣ; словомъ, онѣ сдѣлали бы сначала то, что стараются совершить потомъ, а именно: содѣйствовать къ совершенному уравненію правъ всѣхъ подданныхъ султана. Этимъ онѣ избѣгли бы войны, въ которую вовлечена Европа. Но не того хотѣли Франція и Англія: имъ нужно было ослабить вліяніе Россіи въ областяхъ Порты. Онѣ заставили султана рѣшиться на опасный шагъ для его престола, принудивъ его отказать Императору Николаю, всегдашнему его покровителю, въ требуемомъ имъ обезпеченіи трактатовъ. Простое указаніе на событія служитъ яснымъ доказательствомъ, что Англія и Франція поступили съ неимовѣрнымъ легкомысліемъ, и что поспѣшностью своихъ мѣръ державы сіи день отъ дня увеличивали затрудненія къ рѣшенію вопроса. Враги Россіи не хотятъ понять, что Императоръ Николай можетъ требовать удовлетворенія за нанесенное ему оскорбленіе, вовсе не желая притомъ расширять свои владѣнія. По ихъ мнѣнію, все, дозволенное другимъ монархамъ Европы, воспрещено ему одному, потому только, что онъ очень силенъ. Желательно было бы знать: что было проще и естественнѣе занятія дунайскихъ княжествъ въ залогъ за требуемое удовлетвореніе? Развѣ русскія войска не занимали этихъ областей въ другую эпоху? Развѣ не доходили они до Адріанополя? И если тогда Рос-

сія не заблагоразсудила оставить эти области за собою, какъ можно думать, чтобъ она имѣла это намѣреніе теперь (1)?»

Пренія въ англійскомъ нижнемъ парламентѣ 5/17 февраля, о восточномъ вопросѣ.

5/17 февраля, въ нижнемъ парламентѣ происходило возвѣщенное преніе о восточномъ вопросѣ. Впрочемъ, это было собственно не преніе, потому что въ немъ почти не участвовали ораторы парламента, и весь интересъ засѣданія заключался въ объясненіяхъ, представленныхъ лордомъ *Джономъ Росселемъ* въ длинной рѣчи. Эта рѣчь имѣла рѣдкое счастіе заслужить громкое одобреніе всего парламента, не исключая оппозиціи, и при всякомъ энергическомъ выраженіи, при всякой воинственной фразѣ, въ залѣ раздавались громкія рукоплесканія, восторженные крики «браво». Сэръ *Джемсъ Граамъ*, первый лордъ адмиралтейства, который отвѣчалъ первый на вопросы г-на *Лейарда*, далеко не имѣлъ такого успѣха. Рѣчь лорда *Джона Росселя* дѣлится на двѣ части: въ первой, онъ снова излагаетъ историческую сторону вопроса, начиная ab ovo, то-есть съ Святыхъ Мѣстъ. Единственный новый фактъ, замѣчаемый въ этомъ изложеніи, заключается въ томъ, что, за нѣсколько времени до синопскаго сраженія, французскій и англійскій посланники рѣшились отправить въ Черное море нѣсколько кораблей соединенныхъ эскадръ, для изслѣдованія этого моря, чѣмъ было бы предупреждено истребленіе турецко-египетской эскадры. Адмираломъ были уже отданы приказанія въ этомъ смыслѣ; но, между тѣмъ, французское правительство отозвало своего посланника, *де-Лакура*, и назначило на его мѣсто генерала *Барагэ-д'Ильѐ*. Французскій адмиралъ не захотѣлъ повиноваться приказаніямъ отозваннаго посланника, а генералъ *Барагэ-д'Ильѐ* не повторилъ ихъ. По этому, ни одно изъ судовъ соединенныхъ эскадръ не вошло въ Черное море, и эскадра *Османа-*

(1) Сѣверная Пчела 1854 г. № 83.

паши была истреблена. Кромѣ этого факта, о которомъ до сихъ поръ знали лишь немногіе, первая часть рѣчи лорда *Джона Росселя* представляетъ мало занимательнаго: это повтореніе того, что уже извѣстно. Вторая часть гораздо важнѣе, потому что показываетъ, что намѣрено дѣлать англійское правительство вмѣстѣ съ правительствомъ французскимъ. Объясненія, представленныя лордомъ *Джономъ Росселемъ*, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ этомъ отношеніи: лордъ *Джонъ Россель* не скрываетъ, что онъ уже не вѣритъ возможности мирнаго соглашенія, и говоритъ, что двѣ морскія державы готовы теперь же подать дѣятельную помощь Турціи. Въ заключеніе, *лордъ Джонъ Россель* объявилъ парламенту, что, при настоящемъ положеніи дѣлъ, парламентъ долженъ имѣть полное довѣріе къ правительству и во всемъ положиться на него, не требуя новыхъ объясненій, которыя, когда идетъ рѣчь о военныхъ дѣйствіяхъ, могутъ имѣть вредныя послѣдствія. «По этому», присовокупилъ лордъ *Джонъ Россель*, «если вы не довѣряете намъ, поручите управленіе дѣлами людямъ способнѣйшимъ; если же довѣряете, то положитесь на насъ и предоставьте намъ свободу довести дѣло до конца». Однакожь, по настоянію многихъ членовъ парламента, преніе будетъ продолжаться послѣ завтра. Лордъ *Джонъ Россель* требовалъ сначала, чтобы парламентъ, прежде нежели онъ будетъ продолжать преніе, утвердилъ бюджетъ морскаго министерства и ассигновалъ дополнительныя суммы для военныхъ издержекъ, но какъ г. *д'Израэли* отъ лица оппозиціонной партіи объявилъ, что, въ настоящихъ обстоятельствахъ, оппозиція не только не желаетъ мѣшать дѣйствіямъ правительства, но и будетъ поддерживать его во всѣхъ энергическихъ мѣрахъ, какія оно почтетъ нужнымъ принять, и, слѣдовательно, подастъ голосъ въ пользу ассигнованія дополнительныхъ суммъ, то лордъ *Джонъ Россель* не настаивалъ на немедленномъ утвержденіи бюджета и согласился на продолженіе пренія въ послѣ-завтрашнемъ засѣданіи. Однимъ изъ важнѣйшихъ объявленій, содержащихся во вчерашней рѣчи лорда *Джона Росселя*, было то, что турец-

кому правительству предложена, для подписанія, формальная конвенцая, лишающая Турцію права вести впредь съ Россіею прямые переговоры о мирѣ, безъ согласія Англіи и Франціи. «Эта конвенція еще не подписана», сказалъ лордъ *Джонъ Россель*; «но не сомнѣваюсь, что Порта приметъ это непремѣнное условіе дѣятельнаго содѣйствія державъ [1]».

Статья «Journal de St. Pétersbourg» по поводу рѣчи Джонъ Росселя въ нижнемъ парламентѣ $^{5}/_{17}$ февраля.

«Мы получили извѣстіе о засѣданіи англійскаго нижняго парламента 17-го февраля и о рѣчи, произнесенной въ немъ лордомъ Джономъ Росселемъ.

«Здѣсь не мѣсто касаться тѣхъ кровныхъ оскорбленій, которыя залягутъ въ памяти каждаго вѣрнаго подданнаго Государя Императора, но не могутъ досягнуть Августѣйшей Особы, на которую были обращены. Ограничимся замѣчаніемъ, что тщетно стали бы искать въ лѣтописяхъ парламентскихъ примѣра подобнаго невоздержанія рѣчей въ устахъ кабинетнаго министра противъ Государя, которому отечество его еще не объявляло войны. Въ этой рѣчи замѣчательны не дерзости министра, а обнаруживаемое имъ свойство намѣреній своего правительства. Отнынѣ становится яснымъ, что всеобщій миръ уже не зависитъ отъ какого либо случая, но что министерство англійское рѣшительно положило возжечь войну. Къ этому концу должна была привести пагубная недовѣрчивость, которая, въ восточномъ вопросѣ, породила всѣ предшествовавшія затрудненія, и, наконецъ, поведетъ ихъ къ самой плачевной развязкѣ.

«Легко понять, что такая недовѣрчивость могла возникнуть во Франціи; что она могла, до нѣкоторой степени, найти мѣсто въ умѣ правительства еще новаго, не имѣвшаго времени долговременными опытами получить, по прежнимъ сношеніямъ нашимъ съ нимъ, истинное понятіе о

---

[1] „Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 39.

дѣйствительныхъ нашихъ намѣреніяхъ, и что такое правительство уступило господствующему издавна неосновательному мнѣнію о русской политикѣ на Востокѣ. Но со стороны Англіи, которой, по долговременнымъ сношеніямъ, извѣстны всѣ предъидущія событія, извѣстенъ характеръ Государя Императора, чувство такого рода изумительно. Британское правительство менѣе всякаго другаго долженствовало бы позволять себѣ подобныя подозрѣнія. У него въ рукахъ письменныя доказательства, что эти подозрѣнія не имѣютъ ни малѣйшаго основанія. Задолго до нынѣшняго положенія, прежде нежели вопросы, возникшіе изъ отправленія *князя Меншикова* въ Константинополь, приняли видъ явнаго раздора, прежде нежели Англія вступила, въ дѣйствіяхъ своихъ, на одну стезю съ Франціею, Государь Императоръ, по влеченію собственнаго своего желанія, открылся съ совершеннымъ чистосердечіемъ королевѣ и ея министрамъ, съ цѣлію войти съ ними въ искреннее единогласіе на случай самаго важнаго событія, которое могло бы постигнуть Имперію Оттоманскую.

«Съ 1829 года Его Величество съ величайшимъ вниманіемъ слѣдилъ за происшествіями въ Турціи. Государь Императоръ ясно видѣлъ, какія послѣдствія произойдутъ отъ перемѣнъ, мало по малу проникавшихъ въ существо сего государства. Старинная Турція изчезла съ тѣхъ поръ, какъ вздумали вводить въ нее учрежденія, совершенно противныя духу исламисма, нравамъ и обычаямъ мусульманъ, болѣе или менѣе заимствованныя у новаго либерализма, слѣдственно состоящія въ явной борьбѣ съ самымъ существомъ правительства оттоманскаго. Становилось очевиднымъ, что въ Турціи происходитъ совершенное преобразованіе, что успѣхъ этихъ опытовъ новой организаціи имперіи сомнителенъ, и скорѣе предвѣщаетъ переломъ, который можетъ ее разрушить; что неожиданно можетъ возникнуть совершенно новый порядокъ вещей, неизвѣстно еще какой, но, во всякомъ случаѣ, угрожающій паденіемъ настоящему порядку, отнынѣ невозможному.

«Къ этимъ постояннымъ и безпрестанно возрастающимъ причинамъ разрушенія, недавно присоединились еще другія

замѣшательства, происшедшія отъ дѣлъ черногорскихъ, отъ преслѣдованія христіанъ во многихъ обитаемыхъ ими провинціяхъ, отъ споровъ съ правительствомъ австрійскимъ, отъ важныхъ финансовыхъ затрудненій, и наконецъ великое дѣло о Святыхъ Мѣстахъ, которое, отъ высокомѣрныхъ требованій французскаго посла въ Константинополѣ, становилось важнымъ и грознымъ. Эти замѣшательства, поддерживавшія скрытное броженіе среди племенъ христіанскихъ, могли со дня на день разразиться быстрымъ переворотомъ, который надлежало предвидѣть.

«Усматривая крайнюю важность подобнаго событія, которое становилось возможнымъ, если еще и не было совершенно вѣроятнымъ, убѣждаясь въ бѣдственныхъ послѣдствіяхъ, которыя оно могло повлечь за собою, Государь Императоръ возъимѣлъ желаніе увѣриться предварительно, раздѣляетъ ли англійское правительство его опасенія. Его Величество желалъ болѣе всего, искреннимъ объясненіемъ, отклонить всякій поводъ къ несогласію съ Великобританіею. Его Величеству казалось весьма важнымъ утвердить съ симъ правительствомъ совершенное единомысліе.

Съ сею цѣлію Государь Императоръ поручилъ англійскому посланнику въ С.-Петербургѣ довести до свѣдѣнія королевы объ опасностяхъ, которыя, по мнѣнію Его Величества, въ близкомъ или отдаленномъ времени, могутъ нарушить общее равновѣсіе въ Турціи. Его Величество предлагалъ Ея Величеству Королевѣ Великобританской выражать мнѣнія обѣихъ сторонъ не гласно, но съ полною довѣренностью. Это было, безспорно, самымъ яснымъ доказательствомъ довѣренности, какое Государь Императоръ могъ дать Лондонскому Двору. Его Величество явно выражалъ такимъ образомъ искреннее желаніе предупредить въ будущемъ всякое разногласіе между обоими правительствами.

«Сэръ *Гамильтонъ Сеймуръ* поспѣшилъ исполненіемъ важнаго порученія, изложеннаго ему Государемъ въ продолжительномъ частномъ разговорѣ.

«Отъ этого возникла между нынѣшними англійскими

министрами и Императорскимъ Кабинетомъ переписка самаго дружественнаго свойства.

«Мы не имѣемъ права обнародовать неофиціальные документы, которыхъ содержаніе исключительно не принадлежитъ одному Государю Императору, и въ коихъ заключаются изліянія довѣренности, бывшей въ то время взаимною. Намъ позволительно только сказать, что въ этомъ изслѣдованіи обстоятельствъ, которыя болѣе или менѣе могли нарушить настоящее положеніе дѣлъ на Востокѣ, въ изслѣдованіи, основанномъ на обоюдномъ убѣжденіи, что надлежитъ всячески поддерживать это настоящее положеніе и продолжать оное доколѣ возможно, никогда не было рѣчи о какомъ либо планѣ, которымъ бы Россія и Англія предварительно одни распоряжались участью разныхъ провинцій, составляющихъ Имперію Оттоманскую, и еще менѣе о заключеніи между ними какого либо формальнаго условія безъ вѣдома и безъ участія другихъ Дворовъ. Ограничивались не офиціальнымъ, но откровеннымъ съ обѣихъ сторонъ сообщеніемъ о томъ, что̀ было бы противно пользамъ Англіи, что̀ было бы противно пользамъ Россіи, для того, чтобъ въ случаѣ нужды избѣжать дѣйствій не только враждебныхъ, но и разногласныхъ.

«Обративъ вновь вниманіе на сіи акты, драгоцѣнныя свидѣтельства искреннихъ сношеній, вспомнивъ, въ какомъ духѣ оцѣнивали ихъ министры, съ которыми происходила сія переписка—тѣ самые министры, въ послѣдствіи увлекшіеся достойными сожалѣнія предубѣжденіями, могутъ видѣть, справедливы ли сіи предубѣжденія. Пусть лордъ *Джонъ Россель* въ особенности, всенародно провозгласившій нынѣ сіи предубѣжденія въ выраженіяхъ непростительныхъ, перечитаетъ эту корреспонденцію, въ которой онъ принималъ участіе первый до смѣны его лордомъ *Кларендономъ* въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Пусть онъ вопроситъ свою совѣсть, если только обуявшая имъ слѣпая страсть еще позволяетъ ему внимать ея голосу. Онъ можетъ нынѣ признать, дѣйствительно ли правда, что Государь Императоръ нарушилъ откровенность въ отношеніи къ престолу британскому, и не допускалъ ли Его Величе-

ство довѣрчивости своей до крайнихъ предѣловъ; есть ли малѣйшій поводъ къ заключенію о нашихъ властолюбивыхъ и исключительныхъ замыслахъ на Константинополь, и, напротивъ, не выражался ли Государь Императоръ такимъ образомъ, что не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія о дѣйствительныхъ его намѣреніяхъ, для избѣжанія политическихъ замѣшательствъ, въ крайнемъ случаѣ, на который онъ тогда же обратилъ предусмотрительность англійскаго правительства» (1).

Статья газеты „Journal de St.-Pétersbourg“ объ обнародованной британскимъ министерствомъ кабинетной перепискѣ между Россійско-Императорскимъ и Англійскимъ дворами и секретныхъ донесеніяхъ г. Сеймура.

Въ «Journal de St.-Pétersbourg» напечатано:

«Британское министерство обнародовало всю конфиденціальную переписку, о которой упомянуто было въ статьѣ 18-го февраля «Journal de St.-Pétersbourg» (2). Въ числѣ сихъ документовъ оно разсудило довести до всеобщаго свѣдѣнія не только кабинетную переписку, происходившую между дворами Императорскимъ и Англійскимъ, но и секретныя донесенія сэра *г. Сеймура* своему правительству о частныхъ его разговорахъ съ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ. Понятно, что любопытство публики было возбуждено преимущественно сими донесеніями. Не входимъ въ разсмотрѣніе, до какой степени англійскій посланникъ могъ невольно увлекаться впечатлѣніями и преобладающими имъ предубѣжденіями, но духъ партій и недобросовѣстность не преминули извлечь изъ его донесеній самыя неосновательныя заключенія, и истолковать оныя въ самомъ ложномъ видѣ. Основываясь на нѣкоторыхъ выраженіяхъ, которыя, по сознанію самого г. Сеймура, не всегда были имъ удержаны во всей точности, употребивъ во зло нѣкоторыя бѣглыя мысли, высказанныя случайно въ жару и увлеченіи непринужденной бесѣды,

(1) Сѣверная Пчела 1854 г. № 41.
(2) См. выше напечатанную статью.

усиливались находить въ словахъ Императора, какъ они были переданы, свидѣтельство замысловъ, предварительно обдуманныхъ, распоряженія турецкими областями, словомъ, планъ раздѣла, который будто бы предложенъ былъ Его Величествомъ Англіи, безъ согласія и за исключеніемъ всѣхъ прочихъ дворовъ. Между тѣмъ, Государь Императоръ, въ разговорѣ своемъ съ англійскимъ посланникомъ, нѣсколько разъ повторялъ, что Онъ не желаетъ заключать съ Англіею трактата, ни составлять протокола; что дѣло идетъ не о планѣ, по которому оба двора стали бы располагать, безъ участія и вѣдома другихъ державъ, провинціями, принадлежащими султану; что мысли Его Величества ограничиваются единственно общимъ соглашеніемъ на случай событій, которыя каждая изъ сихъ державъ потщится устранить, сколько будетъ возможно, наконецъ, что это только простой размѣнъ мнѣній, съ обѣихъ сторонъ, на *словѣ благороднаго человѣка* (gentleman), съ намѣреніемъ избѣжать политическихъ соображеній, которыя были бы противны взаимнымъ ихъ выгодамъ. Эти увѣренія изложены въ формѣ и выраженіяхъ не менѣе положительныхъ въ запискѣ (memorandum), составленной, по повелѣнію Его Величества, Кабинетомъ Его, въ отвѣтъ на письменныя сообщенія, которыя возбуждены были донесеніями сэра г. Сеймура со стороны британскаго министерства.

И такъ, въ высшей степени несправедливо, чтобъ не сказать безсовѣстно, искать въ побужденіи, съ какимъ Государь Императоръ началъ съ Англіею сіи переговоры, какого-либо намѣренія побудить сію державу къ предварительному съ Нимъ распредѣленію турецкихъ владѣній. Его Величество никогда не думалъ помышлять о какомъ-либо *раздѣлѣ*, и тѣмъ менѣе о раздѣлѣ, составленномъ предварительно. Государь Императоръ обращалъ вниманіе на будущее, а не на настоящее, имѣлъ въ виду однѣ случайности. Его Величество имѣлъ единственною цѣлью уклонить откровеннымъ довѣріемъ всякое событіе, могшее нарушить искренность, какую онъ желалъ сохранить въ сношеніяхъ своихъ съ Англіею, предупредить всякое разно-

гласіе, всякое недоразумѣніе, всякую, наконецъ, разность въ мнѣніяхъ, которую неизвѣстные еще, но возможные случаи могли бы возбудить нечаянно между Великобританіею и Его Величествомъ, если бъ они были совершенно выпущены изъ виду съ обѣихъ сторонъ.

Оба двора могли быть разнаго мнѣнія о большей или меньшей неизбѣжности переворота, который надлежало предвидѣть, но, въ случаѣ этого переворота, какіе виды обнаружилъ Государь Императоръ? Онъ громогласно отрекся за Самого Себя отъ всякаго желанія и намѣренія овладѣть Константинополемъ. Онъ заблаговременно обязался не занимать его постояннымъ образомъ. Это отреченіе, это обѣщаніе подтверждаются письменными сообщеніями Его Кабинета. Возможно-ли повѣрить, чтобы, при такихъ формальныхъ и обязательныхъ словесныхъ и письменныхъ объявленіяхъ, англійскіе министры осмѣлились, въ полномъ засѣданіи парламента, обвинить Государя Императора во властолюбивыхъ замыслахъ, въ намѣреніи покорить столицу Оттоманской имперіи? Такое забвеніе словъ Императора, при забвеніи всѣхъ приличій въ рѣчахъ, какими они отзывались объ Августѣйшей Его Особѣ, безспорно давало Императорскому правительству поводъ и право обратиться прямо къ свидѣтельству ихъ совѣсти, основываясь на сообщеніяхъ, которыя очевидно доказываютъ безкорыстіе и чистоту политическихъ намѣреній Его Величества.

Не довольно того, что съ умысломъ превратили и исказили свойство и побужденія Его объясненій: старались еще найти въ нихъ оружіе противъ Его Величества, усиливаясь увѣрить другія правительства, что Государь Императоръ, въ семъ случаѣ, обратился особенно къ Англіи, по той причинѣ, что ставилъ ни во что ихъ мнѣнія и выгоды. Ограничимся замѣчаніемъ, что переговоры, о которыхъ идетъ рѣчь, были доведены конфиденціально до свѣдѣнія государей австрійскаго и прусскаго. Что же касается до Франціи, слѣдуетъ вспомнить, что именно въ то время, когда начались сіи переговоры, эта держава возбуждала въ Константинополѣ, по вопросу о Святыхъ Мѣстахъ, затрудненія, которыя мало-по-малу довели дѣла

до нынѣшняго ихъ положенія, и посланникъ ея въ Турціи употреблялъ всю свою дѣятельность, чтобъ подорвать наше вліяніе.

Въ подобныхъ обстоятельствахъ и въ послѣдствіи, когда Франція употребляла всѣ средства, чтобъ увлечь Англію къ непріязненному противъ насъ дѣйствію, весьма понятно, что Государь Императоръ не почелъ нужнымъ дать Тюльерійскому Кабинету участіе въ искреннемъ размѣнѣ своихъ мнѣній съ правительствомъ британскимъ. Изъ этого нельзя однако заключать, чтобъ Его Величество имѣлъ намѣреніе устранить Францію отъ всякаго участія въ случайностяхъ Востока, ибо, какъ видно изъ сказаннаго выше, дѣло шло вовсе не о раздѣлѣ Турціи, даже не о составленіи какого-либо акта въ формѣ протокола или трактата.

Достаточно сихъ краткихъ замѣчаній, для надлежащей оцѣнки всѣхъ лживыхъ и преувеличенныхъ толкованій, придуманныхъ злонамѣренностью на рѣчи Его Величества Государя Императора. Люди безпристрастные, изъ обнародованія сихъ актовъ, увидятъ одно: злоупотребленіе великодушной довѣрчивости, которой оцѣнить не умѣли, и ничтожность подозрѣній, послужившихъ предлогомъ къ пагубной войнѣ, которая безъ нихъ не имѣла бы никакого повода (1).

По поводу обнародованія англійскимъ правительствомъ секретной переписки сэра *Гамильтона Сеймура* въ газетѣ «Richmond Enquirer» помѣщены слѣдующія сужденія:

«Трудно согласить обнародованіе этихъ документовъ съ правилами самой обыкновенной честности, какъ и со здравымъ смысломъ. Положено было, что частные разговоры Императора съ англійскимъ посланникомъ никогда не будутъ обнародованы, и депеши сэра *Гамильтона Сеймура* дѣйствительно переданы были подъ печатью строжайшей тайны. Но англійское правительство, желая выиграть что-либо въ общественномъ мнѣніи и обратить оное противъ

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 года № 74.

Россіи, нарушивъ долгъ чести, обнародовало эти частные разговоры. Но это безчестное дѣло не принесетъ ему пользы. Обнародованіемъ ихъ обнаружено будетъ во всей ясности вѣроломство Англіи и прямодушіе Россіи. Императоръ сообщилъ свои намѣренія британскому правительству съ совершенною откровенностью. Оба англійскіе статсъ-секретаря сами сознались въ этомъ. Лордъ *Джонъ Россель* сказалъ, что «королева, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ предшествовавшихъ, съ удовольствіемъ сознаетъ умѣренность, откровенность и дружеское расположеніе Императора».—Лордъ *Кларендонъ* писалъ въ томъ же смыслѣ. Въ это самое время Императоръ продолжалъ и поддерживалъ свои требованія въ Константинополѣ, и именно предупредилъ сэра *Гамильтона Сеймура*, что если Порта не уступитъ, то Онъ прибѣгнетъ къ силѣ оружія. Какимъ образомъ англійское правительство приняло это предувѣдомленіе? Объявило-ли оно Россійскому Кабинету, что находитъ его требованія покровительства надъ христіанскими подданными Турціи неосновательными, и что Англія вступится въ это дѣло, если станутъ понуждать Порту? Напротивъ того, лордъ *Джонъ Россель* ясно допускаетъ, что *русское протекторство въ Турціи предписано обязанностью и освящено трактатами*, и только выражаетъ надежду, что Россія не почтетъ необходимымъ принуждать Порту къ покорству. И теперь Англія ведетъ войну съ Россіею единственно для того, чтобъ опровергнуть право ея на покровительство христіанскихъ подданныхъ Турціи, а прежде того сама признала это право. Мало этого. Когда русская армія вступила въ Молдавію, для подкрѣпленія требованій *князя Меншикова*, британское правительство выразило сильное негодованіе и опасенія по случаю сего движенія, увѣряя, что вовсе не знало о намѣреніяхъ Россіи, и, объявивъ ее врагомъ европейскаго мира, условилась съ Франціею въ мѣрахъ, для сопротивленія этимъ дѣйствіямъ.

«Дѣйствія Императора представляютъ разительную противоположность съ коварствомъ и двоедушіемъ Англіи. Онъ не обнаружилъ ни малѣйшаго намѣренія нарушить

независимость Порты. Предписавъ своей арміи перейти чрезъ Прутъ, Онъ хотѣлъ только придать болѣе вѣса требованіямъ Своего посланника, которыхъ справедливость была признана самою Англіею. Когда европейскія державы изъявили желаніе узнать значеніе этого движенія, Онъ откровенно изложилъ Свои виды и соглашался вывести Свои войска, лишь только Порта уступитъ. Султанъ упорствовалъ въ отказѣ, и готовился изгнать русскихъ изъ Дунайскихъ Княжествъ. Какимъ же образомъ могла Англія присоединиться къ союзу противъ Россіи, когда сама признала справедливость ея требованій, и напередъ знала ея намѣренія?

«Эту несообразность англійской политики можно объяснить только однимъ. Она увлеклась на этотъ путь Франціею. *Людовикъ-Наполеонъ*, по выгодамъ своимъ и по злобѣ—врагъ Императору Николаю. Онъ не забылъ холоднаго и гордаго признанія права выскочки представителемъ законной монархіи. Онъ недоволенъ нынѣшними границами Франціи, и намѣренъ ниспровергнуть трактаты 1815 года. При европейской войнѣ онъ можетъ все выиграть и очень мало потерять. Военныя реляціи и сказки будутъ забавлять парижскую чернь, которая, въ случаѣ праздности, вздумала бы заниматься политическими происками и общественными переворотами. При выборѣ союза между Франціею и Россіею, Англія не могла колебаться: она приняла сторону Франціи, чтобъ обезпечить свои берега и торговлю отъ сильнаго ея флота. Съ самаго начала восточнаго вопроса ясно было, что Франція ведетъ Англію на буксирѣ, противъ ея воли. Политика Наполеона быстро пошла къ цѣли. Англійская колебалась въ нерѣшимости и боязни. Безъ содѣйствія Франціи, посольство *князя Меншикова* не имѣло бы неудачи, потому что Англія была готова уступить требованіямъ Россіи.

«Изъ всего вышесказаннаго получаемъ высокое понятіе о геніи и энергіи Императора Всероссійскаго. Онъ неоспоримо первый между вѣнценосцами Европы. Онъ истинный представитель Своего рода и Своей монархіи во всѣхъ благородныхъ качествахъ ихъ: благочестіи, муже-

ствѣ, силѣ душевной и политической мудрости. Управляемая Государемъ столь твердой воли и высокихъ качествъ, Россія найдетъ всегда достаточныя средства для защиты имперіи противъ возставшаго на нее грознаго союза» (¹).

Газетныя свѣдѣнія о конвенціи Турціи съ Франціею и Англіею.

Пароходъ «Александръ» прибылъ $^{13}/_{25}$ марта къ Марселю съ извѣстіями изъ Константинополя отъ $^{3}/_{15}$ числа. Вотъ что говоритъ «Марсельскій Вѣстникъ» объ этихъ извѣстіяхъ: «Важнѣйшая новость, сообщаемая въ полученныхъ нами письмахъ, есть потвержденіе привезеннаго пароходомъ «Бенши» извѣстія о подписаніи конвенціи между Франціею, Англіею и Турціею. Вотъ главныя статьи этой конвенціи, подписанной 12-го марта (28-го февраля): 1) Наступательный и оборонительный союзъ между тремя договаривающимися державами; 2) ручательство за независимость и цѣлость Оттоманской Имперіи; 3) Турція обязывается не прекращать непріязненныхъ дѣйствій и не начинать переговоровъ съ Россіею безъ согласія двухъ союзныхъ державъ; 4) Турція обѣщаетъ удовлетворить необходимыя потребности вспомогательной арміи, которую Франція и Англія обязываются послать на помощь султану, а союзники озаботятся удовлетвореніемъ финансовыхъ нуждъ Турціи, въ ожиданіи заключенія турецкаго займа (извѣстно, что этотъ заемъ теперь заключенъ) (²)».

Константинополь, 20-го марта (³). «Georges Dandin, tu l'as voulu!» (Ты самъ этого хотѣлъ, Жоржъ Данденъ (⁴)! можно сказать теперь Турціи, прочитавъ трактатъ, заключенный ею 12-го числа съ западными державами, и отправленный 13-го числа на пароходѣ «Бенши» въ Марсель, и сравнивъ его съ требованіями *князя Меншикова*. Правда, что никакъ нельзя считать исполненными всѣ пра-

---

(¹) Сѣверная Пчела 1854 г. № 110.
(²) „Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 71.
(³) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 35.
(⁴) Изъ Мольеровой комедіи.

ва, даруемыя султаномъ въ этомъ трактатѣ, ибо уступка эта сдѣлана еще только на бумагѣ, но какимъ образомъ сохранится *независимость и неприкосновенность* Турціи, за которую теперь сражаются, если гяуры (французы и англичане) будутъ имѣть и полицейскую власть въ занимаемыхъ ими кварталахъ, и устроятъ теперь отъ Дарданеллъ до Босфора цѣпь военныхъ станцій, то есть будутъ носить у себя въ карманѣ ключи къ столицѣ имперіи! Это непостижимое противорѣчіе объясняется только безтолковостью и упрямствомъ турокъ. Еслибъ султанъ былъ дѣйствительно «повелитель правовѣрныхъ», то онъ могъ бы еще перемѣною министерства выпутаться изъ этой бѣды, въ которую вовлекли его противъ воли. Но у него нѣтъ энергіи, и онъ не имѣетъ яснаго понятія о своемъ положеніи. Напримѣръ, вмѣсто того, чтобъ требовать исправнаго платежа жалованья войскамъ, онъ раздастъ своимъ министрамъ несмѣтныя суммы. О размѣщеніи и продовольствіи ожидаемыхъ турками вспомогательныхъ войскъ предоставлено заботиться аллаху или самимъ гяурамъ.—Несогласія съ Греціею дошли до высшей степени, и разрывъ неминуемъ. *Г. Метакса* готовится къ отъѣзду. Турки и союзники ихъ говорятъ уже о необходимости раздробленія Греціи. Не слишкомъ ли рѣшительно? Изъ Азіи получаются самыя печальныя извѣстія. *Гайреддинъ-паша*, какъ и предмѣстники его (одинъ изъ нихъ заплатилъ за свое мѣсто милліонъ піастровъ) никакъ не успѣетъ ввести порядковъ въ растроенныхъ толпахъ войска, упавшаго духомъ. Продолжительная и холодная зима, недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, дурное помѣщеніе произвели множество болѣзней, отъ которыхъ солдаты гибнутъ сотнями. Если не будетъ получено сильныхъ подкрѣпленій, то, несмотря на всѣ усилія ренегатовъ, анатолійская армія сдѣлается легкою добычею русскихъ. — Персидскій корпусъ, стоявшій въ Хоѣ, говорятъ, распущенъ по недостатку продовольствія, а не потому чтобы шахъ подружился съ турками.

Въ «Тріестской Газетѣ» пишутъ изъ Константинополя, отъ 16-го марта 1854 г. «Въ прошедшій понедѣльникъ

(12 марта) султанъ отрекся отъ престола, правда, не формально, а безъ всякой церемоніи, отказавшись отъ главныхъ правъ верховной власти: отъ права вести войну доколѣ заблагоразсудитъ, и заключить миръ, когда найдетъ его полезнымъ для своей страны. Онъ передалъ это право Англіи, заключивъ съ нею такъ называемый союзный трактатъ. Съ этой минуты султанъ не что иное, какъ маратскій князекъ, какъ ему и предсказывали съ самаго начала нынѣшнихъ несогласій, а дѣйствительнымъ турецкимъ падишахомъ нынѣ простой лордъ, поддерживаемый партіею англичанъ. Съ этихъ поръ Турція не только должна своими подданными вести войну за англичанъ, но и содержать на свой счетъ войска, которыя будутъ присланы на Востокъ. А какъ у Турціи нѣтъ денегъ, то Англія дастъ ей взаймы, и сдѣлаетъ ее чрезъ то на всегда своею данницею въ уплату за оказанныя ей услуги. Въ обезпеченіе, Англія несомнѣнно устроитъ себѣ новый Гибралтаръ по сосѣдству съ Константинополемъ. Посредствомъ же статей конвенціи, Англія сдѣлается всегдашнимъ цензоромъ дивана въ дѣлахъ внутренняго преобразованія, а посолъ ея въ Константинополѣ будетъ лордомъ-протекторомъ христіанства на Востокѣ.—И все это получили, не обнаживъ меча, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, а только пугая Европу привидѣніемъ о *возможныхъ* послѣдствіяхъ ноты, которою только слегка распространялась одна статья Кайнарджійскаго трактата, пришедшаго въ забвеніе по истеченіи восьмидесяти лѣтъ. По счастію, отдѣльный трактатъ, нынѣ заключенный, тоже ни что иное, какъ листъ бумаги, который, увы! какъ и можно ожидать, будетъ смытъ кровью и дымомъ. Онъ легко можетъ имѣть участь Утрехтскаго трактата, который, кажется, совершенно забытъ въ Германіи. И этотъ трактатъ Англія заключила отдѣльно, хотя Австрія усердно вела вмѣстѣ съ нею войну за наслѣдство. Теперь всѣ знаютъ причину, заставившую Порту отважиться, вопреки мнѣнію всей Европы, на отказъ въ принятіи ноты вѣнской конференціи, которая была подписана и Англіею. Эта нота не была принята въ Константинополѣ, не потому, чтобъ Англія не имѣла тамъ преоблада-

тельнаго голоса, но именно потому, что она одна хотѣла рѣшить это дѣло. Уваженіе къ верховной власти султана, выставленное Англіею, никогда не существовало въ глазахъ ея, лишь только нужно было устрашить Порту. Это доказала она, заставивъ султана подписать трактатъ, отнимающій у Порты право свободныхъ дѣйствій. Обширные замыслы, изложенные лордомъ *Кларендономъ*, въ засѣданіи 24-го февраля, вполнѣ доказываютъ, что, съ самаго начала несогласій, Англія думала только о войнѣ, и всѣ ея дипломатическіе маневры клонились единственно къ тому, чтобъ выиграть время для вооруженій и связать руки Германіи...... Положеніе, принятое въ то же время англійскимъ посланникомъ въ Константинополѣ, совершенно этому соотвѣтствуетъ. Доколѣ продолжались, какъ бы для достиженія мира, переговоры о составленіи общей ноты (о которой теперь Англія судитъ такъ пристрастно), Англія притворялась, что данное ею приказаніе о вступленіи флотовъ въ Черное море выполнено не будетъ. Но лишь только Порта, въ концѣ декабря, подписала ноту, флоты не только вступили въ это море, но и послана была въ Севастополь депеша, которою хотѣли воспретить русскимъ кораблямъ плаваніе въ этомъ морѣ. Эта депеша, разумѣется, должна была придти въ С.-Петербургъ въ одно время съ нотою Порты, и уничтожить всѣ надежды на миръ, котораго ожидали отъ сей ноты. Пока такимъ образомъ хитрили въ С.-Петербургѣ, дѣйствовали отнюдь не такъ съ германскими державами: ихъ спѣшили убѣдить, предъявленіемъ турецкой ноты, къ подписанію протокола, что, дѣйствительно, и произошло 13-го января. Для этого западныя державы отказались дать австрійскому и прусскому посланникамъ объясненія касательно важности и размѣровъ морской своей экспедиціи. Лордъ *Страдфордъ* простеръ такъ далеко свою систему обмановъ, что въ объявленіи къ англійскимъ подданнымъ представлялъ эту экспедицію вовсе невраждебною.—Не желая никого обвинять, можемъ предвидѣть, что Россія употребитъ всѣ свои средства, чтобъ не допустить исключительнаго преобладанія Англіи на Востокѣ. Для средней Европы, вопросъ о политическомъ равновѣ-

сіи, направленный до сихъ поръ противъ Россіи, долженъ теперь обратиться противъ Англіи. Боязнь занятія Константинополя, скрѣплявшая до сихъ поръ союзъ сихъ державъ, должна принять другой оборотъ, когда въ Константинополѣ командуетъ на дѣлѣ такой же лордъ верховный коммисаръ, какъ и на Іоническихъ островахъ. Средняя Европа, дѣйствующая заодно, довольно сильна, чтобъ собственнымъ своимъ вѣсомъ противостать всякому преобладанію какъ на Востокѣ, такъ и въ Европѣ. Если же, наконецъ, нельзя избѣжать выбора преобладанія въ Турціи англійскаго и русскаго, должно, по крайней мѣрѣ, обезпечить собственное свое существованіе, не допуская, чтобъ армія сосѣдственной державы могла двинуться по знаку *Пальмерстона*, и чтобъ дикія недовольныя племена Турціи были обучены въ англійской школѣ и по англійской методѣ.—Впрочемъ, между турками замѣтно какое-то мрачное отчаяніе: они видятъ неизбѣжную свою гибель. У нихъ господствуетъ молчаніе смерти» (1).

Декларація россійскаго правительства отъ 30-го марта 1854 г

Франція и Англія выступаютъ наконецъ изъ того систематическаго притворства во враждѣ противъ Россіи, которое преимущественно ознаменовалось вступленіемъ ихъ флотовъ въ Черное море.

Объясненія, данныя ими Императорскому Кабинету по поводу вступленія флотовъ въ Черное море, повели къ прекращенію взаимныхъ сношеній.

За симъ послѣдовало со стороны двухъ кабинетовъ, черезъ посредство ихъ консуловъ, приглашеніе Россійскому Кабинету вывести войска изъ дунайскихъ княжествъ въ срокъ, назначенный Англіею, къ 18-го (30-го) апрѣля, а Франціею къ 3-го (15-го) того же мѣсяца.

Онѣ не заблагоразсудили даже объяснить, на какомъ именно основаніи отъ одной изъ воюющихъ сторонъ тре-

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 71.

бовалось все, тогда какъ отъ другой не требовалось ничего. Самое сіе требованіе объ очищеніи княжествъ, безъ всякаго со стороны Турціи исполненія ни тѣни тѣхъ условій, коимъ Государь Императоръ подчинилъ свою мѣру при временномъ занятіи княжествъ, очищеніе оныхъ посреди войны, объявленной самою Турціею, при упорно-продолжающихся съ ея стороны наступательныхъ дѣйствіяхъ, когда войска ея занимаютъ еще укрѣпленный пунктъ внутри Русской границы, таковое требованіе было уже несбыточно по существу своему. Самая форма, въ которой было оно выражено, сугубо осуждала оное на отверженіе. Англія и Францція предлагали Императорскому Кабинету шестидневный срокъ для принятія онаго, а по истеченіи сего срока, отказъ въ согласіи или въ отвѣтѣ почитали онѣ равносильнымъ объявленію войны.

На требованіе, ознаменованное такимъ пристрастіемъ, несбыточное въ исполненіи на дѣлѣ и обидное въ своихъ терминахъ, молчаніе было единственнымъ отвѣтомъ, подобавшимъ достоинству Государя Императора.

Въ слѣдствіе сего оба помянутыя правительства обнародовали, что Россія, отказомъ своимъ на ихъ требованія, избрала войну, коей вся отвѣтственность возлагается на нее.

При таковыхъ объявленіяхъ, при таковомъ образѣ дѣйствій, Государю Императору остается только противопоставить всѣ дарованныя Ему Провидѣніемъ средства для дѣятельной и твердой защиты чести, правъ и безопасности Его Державы.

Въ слѣдъ за сообщеніемъ парламенту о своемъ рѣшеніи, англійское правительство излагаетъ, въ дополнительной декларацiи, какъ побудительныя причины къ подъятію оружія, такъ и начало и обстоятельства дѣла. Императорскій Кабинетъ считаетъ излишнимъ вступать въ новый споръ о семъ предметѣ. Обнародованные уже по оному акты истощили мѣру объясненія. Послѣдній меморандумъ 18-го (¹) февраля, по случаю прекращенія дипломатическихъ сношеній, заключаетъ въ себѣ весь ходъ дѣла, и достаточно доказываетъ, кто изъ нихъ, Россія или двѣ мор-

(¹) См. стр. 273 настоящего Сборника. *Ред.*

скія державы, начали непріязненныя дѣйствія, и какимъ образомъ, по сцѣпленію обстоятельствъ, порочное начало ихъ дѣйствій повело постепенно къ другимъ дѣйствіямъ, еще болѣе непріязненнымъ. При безпристрастномъ разсмотрѣніи дѣла можно убѣдиться, что послѣдовательныя уступки Россіи, какъ прежде, такъ и послѣ вѣнской ноты, имѣли цѣлію сохраненіе мира, тогда какъ возраставшими своими притязаніями тѣ державы съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе вовлекались въ войну.

Занятіе княжествъ, выставляемое нынѣ предлогомъ къ войнѣ, не было однако препятствіемъ къ открытію переговоровъ. Переговоры могли продолжаться и при ономъ, и даже давно были бы увѣнчаны успѣхомъ, если бъ державы такъ неожиданно и безъ всякой основательной причины сами не измѣнили основаній первой ноты, ими же постановленной въ Вѣнѣ. Возраженія, сдѣланныя Портою на нѣкоторые пункты помянутой ноты, не могли послужить достаточною причиною къ уничтоженію акта сего въ полномъ его составѣ. Оставалась сущность онаго; всѣ тѣ пункты, на которые Порта не возражала, были неотъемлемо пріобрѣтены Императорскимъ Кабинетомъ для послѣдующихъ его дѣйствій. Вмѣсто того намъ предложили условія совершенно иныя, отвергли то, что было уже принято; не признали ни правдивыхъ требованій Россіи, ни притязаній ея на удовлетвореніе; отклонили даже всякое разсмотрѣніе новыхъ ея предложеній.

Въ то же время были приняты въ Черномъ морѣ противъ Россіи мѣры, нарушающія право воюющей державы. Самая современность этихъ мѣръ, съ представленными изъ Вѣны новыми условіями, придавала согласію Россіи, въ случаѣ принятія ею таковыхъ условій, видъ подчиненности приговору другихъ. Наконецъ всякая возможность уступки была умышленно прекращена повелительнымъ указаніемъ, какого Россія не запомнитъ въ своей исторіи, даже во дни вторженія въ нашъ край завоевателя, ополчившаго на насъ Европу.

Недостатокъ причины къ оправданію гибельной войны и самая несоразмѣрность между началомъ и послѣдствіями

заставляетъ нынѣ Францію и Англію прибѣгать къ преувеличеніямъ, и налагать на Россію обвиненія самыя неопредѣлительныя.

Онѣ выставляютъ оскорбленіе ихъ чести и нарушеніе ихъ матеріальныхъ выгодъ, наши замыслы завоеваній въ Турціи, независимость Порты, независимость даже другихъ державъ, наконецъ самое политическое равновѣсіе Европы, угрожаемой, по ихъ словамъ, нашимъ преобладаніемъ.

Обвиненія эти слишкомъ неясны и не имѣютъ никакого основанія.

Никогда честь сихъ двухъ державъ не была оскорблена нами. Причиною всему было произвольное ихъ вмѣшательство. Съ самаго начала стали онѣ дѣйствовать угрозою, а это естественнымъ образомъ повело къ неудачамъ. Онѣ возмечтали подчинить Россію приговору ихъ самолюбія, и когда Россія не согласилась подвергнуться униченію, онѣ почувствовали въ томъ нравственную себѣ обиду.

Съ нашей стороны также не было никакого покушенія на матеріяльныя ихъ выгоды. Повредить имъ можетъ лишь война, предпринимаемая ими безъ причины. Напротивъ, сами онѣ наносятъ намъ ущербъ натискомъ на насъ съ сѣвера и съ юга, нападеніемъ на наши гавани и на все пространство нашихъ береговъ.

Замыслы завоеваній, приписываемые ими Россіи, опровергаются всѣми ея дѣйствіями съ 1815 года. Изъ всѣхъ ея сосѣдей въ Германіи или на сѣверѣ, кто въ это сорокалѣтіе могъ пожаловаться на посягательство Россіи, или даже на попытку посягательства на его владѣніе?

Что касается до Турціи, то хотя мы были въ войнѣ съ нею, однако адріанопольскій миръ свидѣтельствуетъ умѣренность нашу въ побѣдѣ. Затѣмъ Турція была дважды спасена нами отъ неминуемой погибели.

Въ случаѣ разрушенія Оттоманской Имперіи, домогательство на Константинополь, съ намѣреніемъ навсегда основаться въ ономъ, было торжественно отринуто Государемъ Императоромъ, и одна лишь упрямая недовѣрчи-

вость можетъ еще пребывать въ сомнѣніи. Послѣдствія не замедлятъ выказать, Россія или державы наносятъ роковой ударъ не только независимости, но и самому существованію Турціи. Цѣною оказываемаго ей корыстнаго пособія служитъ уже трактатъ, лишающій ее присвоеннаго каждому независимому государству права войны и мира въ пору и по условіямъ, какія, по собственному усмотрѣнію, находитъ оно выгодными. Вскорѣ принуждена она будетъ подписать обязательство объ установленіи равенства гражданскихъ и политическихъ правъ между всѣми своими подданными. Россія искренно возрадуется столь великой льготѣ, обезпеченной всѣмъ христіанамъ Турецкой Имперіи, поколику льгота сія будетъ дѣйствительною. Но, при таковомъ переворотѣ основныхъ началъ оттоманскаго правленія, она въ правѣ выразить свое удивленіе, что одно уже обязательство султана о подтвержденіи существующихъ правъ церкви, на основаніи нашихъ съ нимъ трактатовъ, было провозглашено несовмѣстнымъ съ державными его правами и независимостью.

Всей Европѣ, а не двумъ державамъ, принадлежитъ рѣшеніе вопроса: угрожаетъ ли политическому ея равновѣсію приписываемое Россіи преобладаніе? Европѣ предстоитъ рѣшить, кто болѣе тяготѣетъ надъ свободою дѣйствій каждаго государства: Россія ли, предоставленная сама себѣ, или грозный союзъ, котораго вліяніе тревожитъ всякій нейтралитетъ, и силится то ласкою, то угрозою увлечь другихъ за собою.

Европа рѣшитъ также, притязанія ли Россіи въ послѣдніе годы посягали на державныя права и на независимость государствъ болѣе слабыхъ. Чѣмъ была она въ Греціи, въ Сициліи, въ Неаполѣ, въ Тосканѣ, заступницею ли правъ, или гонителемъ? Сѣяла ли она раздоръ въ Германіи между великими державами, или возстановляла согласіе? Въ Ломбардіи моральнымъ своимъ вліяніемъ, и въ Венгріи матеріяльнымъ дѣйствіемъ, клонились ли ея усилія къ поддержанію равновѣсія или къ нарушенію? А ударъ, коимъ угрожаютъ ей, устраненіе, въ которомъ домогаются ее оставить, не предастъ ли политическаго ми-

ра произволу другаго вліянія, коимъ разрушится всякое равновѣсіе?

Изъ сего явствуетъ, сколь ничтожны неопредѣленныя обвиненія, обращаемыя на Россію; въ послѣднемъ изъ оныхъ скрывается прямая причина войны, которая, судя по указаннымъ предлогамъ, не имѣла бы никакого повода. Она пагубна и для нравственныхъ стяжаній, и для промышленности, и для торговли всего міра; она содѣйствуетъ лишь скорѣйшему разрушенію той имперіи, которой спасеніе отъ мнимой опасности выставляетъ она своимъ предлогомъ. Въ указуемой нами существенной причинѣ громогласно сознались англійскіе министры, объявивъ въ парламентѣ, что, наконецъ, наступила пора разрушить вліяніе Россіи.

Государь Императоръ, вступая въ бой противъ собственнаго желанія, посвятитъ всю силу опоры, обезпеченной Ему преданностью Его народа и любовью къ отечеству, защитѣ вліянія сего, необходимаго народу русскому, и существенно полезнаго для охраненія порядка въ другихъ государствахъ, равно и поддержанію независимости и цѣлости государства, на которыхъ основывается самое сіе вліяніе.

Онъ возлагаетъ надежду на Бога, хранившаго Россію во дни испытаній, Коего заступничество не покинетъ ея въ предстоящей великой борьбѣ. Государь Императоръ скорбитъ о неисчислимыхъ бѣдствіяхъ, угрожающихъ человѣчеству; но въ то же время торжественно отвергаетъ то произвольное притязаніе, съ какимъ двѣ державы возлагаютъ на Него отвѣтственность войны. Пусть принимаютъ онѣ противъ Россіи мѣры, какія заблагоразсудятъ, но не отъ нихъ зависитъ наложить на Россію бремя послѣдствій. Отвѣтственность въ бѣдствіяхъ, причиняемыхъ войною, падетъ на того, кто объявляетъ войну, а не на того, кому она объявляется. С.-Петербургъ, марта 30-го дня, 1854 года (1).

---

(1) „Сѣв. Пчела“ 1854 г. № 74.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ.

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

Всероссійскій, Царь Польскій,

и проч. и проч. и проч.

ОБЪЯВЛЯЕМЪ ВСЕНАРОДНО:

Съ самаго начала несогласій Нашихъ съ турецкимъ правительствомъ, Мы торжественно возвѣстили любезнымъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, что единое чувство справедливости побуждаетъ Насъ возстановить нарушенныя права православныхъ христіанъ подвластныхъ Портѣ Оттоманской. Мы не искали и не ищемъ завоеваній, ни преобладательнаго въ Турціи вліянія, сверхъ того, которое, по существующимъ договорамъ, принадлежитъ Россіи.

Тогда же встрѣтили Мы сперва недовѣрчивость, а вскорѣ и тайное противоборство французскаго и англійскаго правительствъ, стремившихся, превратнымъ толкованіемъ намѣреній Нашихъ, ввести Порту въ заблужденіе. Наконецъ, сбросивъ нынѣ всякую личину, Англія и Франція объявили, что несогласіе Наше съ Турціею есть дѣло въ глазахъ ихъ второстепенное, но что общая ихъ цѣль — обезсилить Россію, отторгнуть у нея часть ея областей, и низвести Отечество Наше съ той степени могущества, на которую оно возведено всевышнею десницею.

Православной ли Россіи опасаться сихъ угрозъ? — Готовая сокрушить дерзость враговъ, уклонится ли она отъ священной цѣли, промысломъ всемогущимъ ей предназначенной?—Нѣтъ!! Россія не забыла Бога! Она ополчилась не за мірскія выгоды; она сражается за вѣру христіанскую и защиту единовѣрныхъ своихъ братій, терзаемыхъ неистовыми врагами.

Да познаетъ же все христіанство, что какъ мыслитъ

Царь Русскій, такъ мыслитъ, такъ дышитъ съ Нимъ вся Русская семья—вѣрный Богу и Единородному Сыну Его, искупителю нашему Іисусу Христу, православный русскій народъ.

За вѣру и христіанство подвизаемся! Съ нами Богъ, никто же на ны!

Данъ въ Санктпетербургѣ въ 11-й день апрѣля мѣсяца, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ пятдесятъ четвертое, Царствованія же Нашего въ двадцать девятое ([1]).

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ“.

Построеніе оборонительной башни „Мортелло (Волохова)," близъ Севастополя.

Генералъ-адъютантъ *князь Меншиковъ* всеподданнѣйше донесъ:

1) Отъ 31-го марта, — что отставной поручикъ *Волоховъ* вызвался построить, собственнымъ иждивеніемъ, оборонительную башню «Мортелло», на морскомъ берегу близъ Севастополя:

2) Отъ 21-го апрѣля — что эта башня уже окончена, вооружается, и къ 25-му числу сего мѣсяца будетъ готова къ дѣйствію.

Государь Императоръ, извѣстясь съ удовольствіемъ о семъ похвальномъ опытѣ усердія поручика *Волохова* къ пользѣ общей, Высочайше повелѣть соизволилъ объявить ему особенную Его Величества благодарность ([2]).

([1]) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 83.

([2]) „Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 99.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ГЕНЕРАЛЪ АДЬЮТАНТЪ

[illegible]

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ МЕНШИКОВЪ

СВѢТЛѢЙШІЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ МЕНШИКОВЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

19 апрѣля (1869 года) скончался въ С.-Петербургѣ членъ государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ, адмиралъ, свѣтлѣйшій князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, на 82 году своей жизни.

Обширная государственная дѣятельность князя въ теченіе шестидесяти-четырехъ-лѣтней службы престолу и отечеству въ царствованіе трехъ государей, глубокая любовь ко всему русскому, просвѣщенный умъ и высокое положеніе во главѣ флота нашего, съ 1828 по 1853 годъ, отведутъ ему въ свое время почетное мѣсто въ исторіи русскаго народа и въ особенности въ военно-морской исторіи. Біографу свѣтлѣйшаго князя понадобится много и труда, и времени, чтобы написать лѣтопись его дѣяній на пользу государства и флота; намъ же возможенъ пока лишь краткій перечень главнѣйшихъ случаевъ блистательной дѣятельности усопшаго, съ истинно царскою щедростію оцѣненной монархами.

Происходя по прямой линіи отъ князей Россійской и Римской имперій, князь Ижерскій, съ титуломъ свѣтлости, князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ родился въ 1787 г.

и, получивъ домашнее воспитаніе, вступилъ на службу въ 1805 г. *коллегіи юнкеромъ* въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

До 1809 года онъ поочередно состоялъ при берлинской и лондонской нашихъ миссіяхъ; въ этомъ же году (15 іюля) поступилъ въ военную службу, подпоручикомъ Лейбъ-гвардіи въ артиллерійскій баталіонъ.

Въ 1810 году, находясь при молдавской нашей арміи, князь уже участвовалъ въ сраженіяхъ противъ турокъ: 20 мая—при переправѣ черезъ Дунай и занятіи укрѣпленій Туртукая; съ 24 по 29 мая—при осадѣ Силистріи; 11 и 12 іюня — подъ крѣпостію Шумлою, гдѣ «при занятіи высотъ былъ посылаемъ со стрѣлками»; 18 іюня — находился при занятіи Джимай (въ Балканахъ); 25 и 26 іюня— при построеніи осадныхъ батарей передъ Шумлою и при отраженіи непріятельской вылазки изъ сей крѣпости; 22 іюля — при штурмѣ крѣпости Рущука, гдѣ былъ раненъ пулею въ правую ногу; съ 6 августа по 15 сентября—при построеніи осадныхъ траншей и батарей противъ крѣпости Журжи и 15 октября—при взятіи крѣпости Никополя.

Такимъ образомъ, первый знакъ отличія, полученный княземъ Меншиковымъ, былъ орд. Св. Владиміра 4 степ. съ бантомъ, въ 1810 году, за боевую его службу; а въ 1811 г. онъ пожалованъ былъ во флигель-адъютанты къ императору Александру I.

Въ достопамятномъ 1812 году князь Александръ Сергѣевичъ былъ переведенъ въ Преображенскій полкъ, произведенъ въ поручики, награжденъ орденомъ Св. Анны 2 степ., назначенъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 1-й гренадерской дивизіи, и, съ іюня сего года по февраль 1813, участвовалъ во всѣхъ походахъ и въ сраженіяхъ противъ французовъ.

Въ 1813 году князь Александръ Сергѣевичъ былъ посланъ изъ города Темница, съ малою партіею, сквозь французскую армію къ кронъ-принцу шведскому съ порученіемъ, и находился при кронъ-принцѣ до взятія Лейпцига.

Въ 1814 г. князь былъ въ сраженіи подъ Парижемъ, гдѣ раненъ пулею въ лѣвый маслакъ (ягодица). Награды за военные подвиги, оказанные имъ въ это время, состояли

изъ производства въ штабсъ-капитаны (21 ноября 1812), въ капитаны (16 января 1813) и, наконецъ, въ полковники (20 сентября 1813), за отличіе въ сраженіи при Кульмѣ; сверхъ того, князь пожалованъ былъ орденами: Св. Владиміра 3 ст. (13-го октября 1813), алмазными знаками на орд. Св. Анны 2 ст. (1814) и золотой шпагой съ надписью «за храбрость» (2 апрѣля 1814).

Въ 1816 году, февраля 15 дня, князь Александръ Сергѣевичъ былъ назначенъ директоромъ канцеляріи начальника главнаго штаба Е. И. В. и въ томъ же году, «за отличіе по службѣ», произведенъ въ генералъ-маіоры, съ переводомъ въ свиту Е. И. В. по квартирмейстерской части.

Въ 1816 и 1817 гг. князь Александръ Сергѣевичъ находился при Государѣ въ путешествіи по Россіи, а въ 1818 году сопровождалъ Его и за границу.

Въ 1817 году, 6 октября, князь Меншиковъ назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Императору Александру I.

Съ 17 іюля 1818 г. по 10 февраля 1819 г. князь Александръ Сергѣевичъ исправлялъ должность генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Е. И. В.

Въ 1819 году, 16 марта, князь Меншиковъ назначенъ былъ почетнымъ членомъ военно-ученаго комитета. Въ томъ же году награжденъ орд. Св. Станислава 1 ст. и назначенъ членомъ комитета о военныхъ конскихъ заводахъ. Въ іюлѣ же сего года былъ съ Государемъ въ Архангельскѣ, а въ сентябрѣ въ Варшавѣ.

Въ 1820 году вторично былъ посылаемъ въ Варшаву во время сейма, а оттуда на конгрессы въ Троппау и Лайбахъ; князь возвратился въ Россію въ маѣ 1821 г.

Въ 1822 году, съ 15 августа по январь 1823 года, князь Меншиковъ состоялъ при Государѣ во время пребыванія Его въ Вѣнѣ.

Въ 1823 году, 6 ноября, Высочайше повелѣно князю Меншикову состоять по министерству иностранныхъ дѣлъ.

Въ 1824 году (24 ноября) князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ былъ Всемилостивѣйше уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ, съ мундиромъ.

По восшествіи на престолъ Императора Николая I, князь

Меншиковъ, вторично принятый на службу (6 января 1826 г.), въ квартирмейстерскую часть, что нынѣ департаментъ генеральнаго штаба, [1] генералъ-маіоромъ,—командированъ въ Персію для переговоровъ съ тамошнимъ правительствомъ. Въ томъ же 1826 году, 1 октября, пожалованъ въ генералъ-адъютанты и получилъ алмазные знаки орд. Св. Анны 1 степени, въ воздаяніе отличнаго усердія и трудовъ, понесенныхъ имъ при посольствѣ въ Персію,—откуда князь возвратился въ ноябрѣ того же года. Въ 1827 году ему Всемилостивѣйше пожалована золотая табакерка съ потретомъ Государя Императора.

Въ 1828 году, марта 25 дня, князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ былъ переименованъ въ контръ-адмиралы, съ назначеніемъ исправляющимъ должность начальника морскаго штаба Е. И. В., съ оставленіемъ въ прежнемъ званіи, а 28 марта того же года назначенъ членомъ комитета министровъ.

Это новое назначеніе князя Александра Сергѣевича совпадало по времени съ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ Турціи. 30 марта (1828 г.) послѣдовалъ Высочайшій указъ, на имя главнаго командира черноморскаго флота, вице-адмирала Грейга, объ отплытіи черноморскаго флота къ Анапѣ, съ дессантомъ сухопутныхъ войскъ, для дѣйствія противъ крѣпости съ берега, причемъ командованіе этими войсками, по Высочайшей волѣ, поручено исправляющему должность начальника морскаго штаба, генералъ-адъютанту контръ-адмиралу князю Меншикову.

Участіе флота въ эту кампанію подробно изложено вице-адмираломъ Мелиховымъ въ Морск. Сборникѣ 1850 года №№ 1–9 въ статьѣ: «Описаніе дѣйствій черноморскаго флота въ продолженіе войны съ Турціею въ 1828 и 1829 гг.», а потому мы укажемъ здѣсь только на то, что лично касалось службы князя Александра Сергѣевича.

12 іюня Анапа сдалась; войска наши, по пробитіи бре-

---

[1] Въ настоящее время департаментъ генеральнаго штаба не существуетъ — Съ преобразованіемъ военнаго министерства, департаментъ генеральнаго штаба, по соединеніи съ инспекторскимъ департаментомъ, образовали *главный штабъ*. *Ред.*

ши, вступили въ крѣпость и на стѣнахъ ея былъ водруженъ русскій флагъ ([1]), появленіе котораго флотъ нашъ почтилъ пушечнымъ салютомъ. Вице-адмиралъ Грейгъ, начальникъ дессантной экспедиціи, въ своемъ донесеніи Государю, отнесъ главную причину покоренія крѣпости «благоразумію, неутомимости и блистательной храбрости князя Меншикова, который, не взирая на отчаянное сопротивленіе непріятеля и малочисленность осаднаго корпуса, успѣлъ отразить всѣ вылазки гарнизона и нападенія черкесовъ и довелъ непріятеля до покорности». — Государь наградилъ князя (15 іюня) орденомъ Св. Георгія 3 класса и (20 іюня) чиномъ вице-адмирала, съ утвержденіемъ начальникомъ главнаго морскаго штаба Е. И. В., съ оставленіемъ въ прежнемъ званіи.

Въ іюлѣ (1828 г.) князю Меншикову поручено было командованіе отрядомъ, дѣйствовавшимъ противъ крѣпости Варны. 9 августа, при вылазкѣ турокъ, подкрѣпленной огнемъ изъ крѣпости, князь Александръ Сергѣевичъ былъ тяжело раненъ ядромъ въ обѣ ноги. Государь Николай Павловичъ, 27 августа прибывшій на варнскій рейдъ на фрегатѣ «Флора», посѣтилъ раненаго и пожаловалъ ему орд. Св. Александра Невскаго «въ награду блистательныхъ дѣйствій и успѣховъ при Варнѣ». Крѣпость сдалась 30 сентября начальствовавшимъ осадою: съ моря адмиралу Грейгу, а на берегу графу Воронцову (вмѣсто кн. Меншикова), которые были награждены—первый орденомъ Св. Георгія 2 ст., а второй золотою, осыпанною алмазами шпагою, съ надписью «за храбрость». Сверхъ того, графу Воронцову и князю Меншикову пожаловано по одному орудію со стѣнъ покоренной крѣпости.

По окончаніи войнъ съ Турціею (въ 1829 г.) и съ Персіею (въ 1830 г.), дѣятельность князя Меншикова преимущественно посвящена была флоту. Благодаря неукоснительному исполненію предначертаній Государя княземъ Александромъ Сергѣевичемъ, стало быстро увеличиваться

([1]) Вмѣсто обыкновеннаго гюйса былъ поднятъ флагъ начальника морскаго штаба.

число и качество морскихъ сооруженій — крѣпости, арсеналы, казармы, маяки, доки, линейные корабли, фрегаты, пароходы и др. мелкія суда. Ему же безспорно принадлежитъ честь организаціи морскихъ экипажей и развитіе военнаго духа въ служащихъ. Но обратимся къ нашему перечню.

Въ 1830 г. кн. Меншиковъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта и въ томъ же году награжденъ арендой въ 8000 р. сер. на 50 лѣтъ. Въ 1831 г. назначенъ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками въ Финляндіи расположенными, съ оставленіемъ и въ прежнихъ должностяхъ. Въ 1832 г. награжденъ алмазными знаками на орденъ Св. Александра Невскаго. Въ 1833 г. кн. Александръ Сергѣевичъ сопровождалъ Государя на свиданіе съ императоромъ австрійскимъ въ Мюнхенгрецъ; въ этомъ же году онъ награжденъ орд. Св. Владиміра 1 ст. и причисленъ съ потомствомъ къ числу гражданъ Финляндіи, съ предоставленіемъ ему всѣхъ тѣхъ правъ и преимуществъ, которыми, сообразно съ особенными сего края постановленіями, пользуются прочіе жители онаго; въ Высочайшемъ рескриптѣ (19 іюня), по сему случаю данномъ князю Меншикову, было сказано: «причемъ вы, какъ князь Имперіи, имѣете занять первое мѣсто между финляндскими дворянами». Высочайшимъ приказомъ по отдѣльному гвардейскому корпусу (23 іюня) князь Александръ Сергѣевичъ зачисленъ въ списочное состояніе Л.-гв. Финскаго стрѣлковаго баталіона. Высочайшимъ же приказомъ по морскому вѣдомству (декабря 6) произведенъ «за отличіе» въ адмиралы.

Въ 1834 г. князь Меншиковъ былъ посылаемъ въ Стокгольмъ съ дипломатическимъ порученіемъ отъ Государя къ королю шведскому. Въ 1835 г., во время свиданія монарховъ въ Теплицѣ, князь Меншиковъ находился при Государѣ. Въ 1836 г., 3 іюля, князь Меншиковъ представилъ Государю на большомъ кронштадтскомъ рейдѣ всѣ три дивизіи флота въ полномъ вооруженіи, причемъ происходило торжество шествія ботика Петра Великаго (дѣдушки русскаго флота). Въ этомъ году князь получилъ отъ Государя

золотую табакерку съ портретомъ Его Величества и назначенъ шефомъ Староингерманландскаго пѣхотнаго полка. Въ 1838 г. сопровождалъ Государя въ Стокгольмъ для свиданія съ королемъ шведскимъ. Въ 1839 году, князь Меншиковъ награжденъ орд. Св. Апостола Андрея Первозваннаго (25 марта) и назначенъ членомъ азіятскаго комитета; въ 1841 г. получилъ алмазные знаки на орд. Св. Андрея Первозваннаго; въ 1842 году (2 апрѣля) ему пожаловано съ потомствомъ маіоратство въ Финляндіи; въ 1850 г., декабря 6, пожалованъ портретомъ Государя, алмазами украшеннымъ, для ношенія въ петлицѣ; въ 1851 году Высочайшимъ приказомъ по военно-сухопутному вѣдомству (25 іюня), повелѣно Староингерманландскому пѣхотному полку именоваться впредь пѣхотнымъ генералъ-адъютанта князя Меншикова полкомъ.

Въ 1853 году (въ январѣ) князь Александръ Сергѣевичъ назначенъ былъ чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь, куда прибылъ 16 февраля; возвратился оттуда въ Одессу 11 мая того же года.

Въ 26-ти лѣтнее управленіе морскимъ вѣдомствомъ князя Меншикова въ нашихъ адмиралтействахъ Петербурга, Кронштадта, Архангельска и Астрахани (не считая судовъ черноморскаго флота), было построено парусныхъ кораблей 44, фрегатовъ 32, бриговъ 34, транспортовъ 39, шхунъ 21, гребныхъ канонерскихъ судовъ 76, яхтъ 14, требакъ 2, маячныхъ судовъ 4, корабельные камели 1, портовыхъ ботовъ 52, винтовый фрегатъ 1, пароходо-фрегатовъ 8, малыхъ пароходовъ 20; куплено за-границей: пароходо-фрегатовъ 2, малыхъ пароходовъ 9, парусныхъ корветовъ 1, транспортовъ 2, яхтъ 3, шхунъ 6, ботовъ 2 и взято отъ непріятеля 2 корвета. Въ то же время были тимберованы изъ нихъ: 22 корабля, 10 фрегатовъ и 60 др. судовъ (¹).

Увеличеніе численнаго состава флота требовало для укомплектованія судовъ командами 47-ми флотскихъ экипажей,

(¹) Свѣдѣнія о числѣ построенныхъ и тимберованныхъ за это время судовъ помѣщены въ М. Сб. 1859, № 11, оф. ч. Къ сожалѣнію, въ этихъ свѣдѣніяхъ не достаетъ данныхъ о судахъ черноморскаго флота.

въ 1000 человѣкъ каждый; кромѣ того, нужно было содержать для портовыхъ надобностей—береговыхъ морскихъ командъ до 15 экипажей, того же состава. Число морскихъ офицеровъ и чиновниковъ доходило до 6000 чел. При такихъ условіяхъ смѣты морскаго вѣдомства по балтійскому управленію возвысились съ 1836 г. по 1852 г. съ 4,714,285 р. на 7,343,808 р., при чемъ по одному коммисаріату, среднимъ числомъ, расходовалось отъ 3,397,386 р. до 4,819,289 р. (1) И много было нужно искусства и соображеній, чтобы на другія надобности, какъ наприм., усовершенствованія въ кораблестроеніи, артиллеріи, на дальнія и близкія практическія плаванія, распредѣлять остальныя смѣтныя суммы.

Въ послѣдней нашей войнѣ 1853—1856 годовъ князь принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ какъ главнокомандующій военными сухопутными и морскими силами въ Крыму находящимися, съ 30 сентября 1854 г., а съ 23 февраля 1855 г., по разстроенному здоровью, согласно прошенію, Всемилостивѣйше былъ уволенъ отъ званія главнокомандующаго въ Крыму, начальника главнаго морскаго штаба Е. И. В. и финляндскаго генералъ-губернатора, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта и члена государственнаго совѣта. Въ этомъ же году Государь Императоръ изволилъ подарить ему каменный домъ въ С.-Петербургѣ, на англійской набережной; гдѣ онъ жилъ, какъ начальникъ главнаго морскаго штаба. Однако же, въ концѣ года (3 декабря) Александръ Сергѣевичъ снова возвратился къ дѣятельности, будучи назначенъ Его Величествомъ кронштадскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, со всѣми правами, властію и преимуществами, главнокомандующему арміею въ военное время предоставленными, съ подчиненіемъ ему военныхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ въ Кронштадтѣ находящихся и съ оставленіемъ его въ прежнихъ званіяхъ.

Въ этомъ назначеніи князь Александръ Сергѣевичъ оставался до заключенія мира, и лишь 6 апрѣля 1856 г.

---

(1) См. „Изслѣдованіе смѣтъ морск. министерства съ 1836 по 1854 годъ", помѣщенное въ М. Сб. 1856 г. № 2, оф. ч.

Всемилостивѣйше уволенъ отъ возложенной на него должности, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта и члена государственнаго совѣта. Въ теченіе этого же времени онъ удостоился изъявленія Монаршей признательности, выраженной ему въ Высочайшихъ приказахъ, два раза—9 марта 1856 г., за успѣхи инженерныхъ работъ въ Кронштадтѣ, и 17 апрѣля 1856 г., за примѣрные труды и отличную распорядительность при исполненіи возложенныхъ на него довѣріемъ Его Величества, по военнымъ обстоятельствамъ, обязанностей главнокомандующаго въ Кронштадтѣ.

По случаю совершившагося 50-ти-лѣтняго срока своей службы, его свѣтлость получилъ Всемилостивѣйшій рескриптъ Государя Императора изъ Варшавы, отъ 14 мая 1856 г., въ которомъ выражено: «Исполнившееся нынѣ пятидесятилѣтіе служебнаго поприща вашего доставляетъ Мнѣ истинно пріятный случай вспомнить тѣ наиболѣе важные подвиги какъ воинской доблести, такъ и разнообразной административной дѣятельности вашей, коими въ царствованія: блаженныя памяти Императора Александра Благословеннаго и въ Бозѣ почившаго незабвеннаго родителя Моего Императора Николая I, ознаменовано было ваше безукоризненно честное и постоянно-ревностное служеніе престолу и отечеству. Въ достопамятную эпоху 1812, 1813 и 1814 годовъ, въ качествѣ флигель-адъютанта, исполняя возложенныя на васъ Монаршимъ довѣріемъ порученія, вы принимали участіе въ многихъ дѣлахъ противу непріятеля и вездѣ являли примѣрную личную храбрость и самоотверженіе. Въ войнѣ 1828 г. противу Оттоманской Порты, блистательно исполненное вами, во всѣхъ отношеніяхъ, покореніе Анапы—на которой, по выраженію тогдашняго донесенія вашего, вы имѣли счастіе впервые поднять флагъ Всемилостивѣйше дарованнаго вамъ званія начальника главнаго морскаго штаба—заслужило честь и славу вамъ, какъ вождю, и войскамъ, совершившимъ съ вами покореніе. Не менѣе достохвальны были труды и распоряженія ваши при осадѣ крѣпости Варны, при которой вы получили тяжкую рану ядромъ, угрожавшую быть для васъ смертельною. На-

конецъ и безпримѣрная въ исторіи 11-ти мѣсячная оборона Севастополя неотъемлемо соединена съ вашимъ именемъ: вамъ принадлежатъ первыя блистательныя страницы той лѣтописи, въ которой будетъ повѣствуемо объ упорной этой защитѣ противу громадныхъ усилій враговъ. Къ исчисленію воинскихъ вашихъ заслугъ Мнѣ пріятно еще упомянуть и о гражданской дѣятельности вашей. Свыше 26-ти-лѣтнее управленіе морскимъ вѣдомствомъ, а также долговременное начальствованіе въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ постоянно удостоивались особеннаго благоволенія незабвеннаго родителя Моего, цѣнившаго въ васъ вѣрно-преданнаго сотрудника и «друга», какъ выразился Онъ предъ кончиною. Сверхъ того, по особому довѣрію къ многостороннимъ способностямъ вашимъ, поручались вамъ дѣла и по другимъ отраслямъ государственной службы, и всегда неутомимая дѣятельность, точность и самоотверженіе отличали исполненія ваши. Отдавая полную справедливость столь достохвальному полувѣковому служенію вашему, поставляю Себѣ долгомъ выразить вамъ Мою душевную искреннюю признательность и надѣюсь, что, въ предстоящихъ и Мнѣ заботахъ, Я найду въ васъ всегда готоваго сотрудника и исполнителя Моихъ видовъ на пользу и ко благу всѣмъ намъ любезной Россіи».

Къ этимъ милостивымъ строкамъ оцѣнки многолѣтней дѣятельности свѣтлѣйшаго князя Александра Сергѣевича, Его Величество соизволилъ пожаловать: въ 1857 году (30 августа) право носить мундиръ финляндскаго корпуса инженеровъ путей сообщенія, за сооруженіе, подъ руководствомъ его свѣтлости, Саймскаго канала; а въ 1864 году Государь Императоръ, припомнивъ, что адмиралъ князь Меншиковъ первоначально поступилъ въ военную службу, въ 1809 г., подпоручикомъ Л.-гв. въ артиллерійскій баталіонъ, въ коемъ въ 1811 г. назначенъ флигель-адъютантомъ, и что въ этомъ званіи, въ чинѣ полковника Л.-гв. Преображенскаго полка, находился въ 1814 г. въ сраженіи подъ Парижемъ, Высочайше повелѣлъ (18 марта): зачислить его свѣтлость Л.-гв. въ 1-ю артиллерійскую бригаду. Въ 1866 г. (30 августа) князю Меншикову Всемилостивѣйше пожало-

вакъ двойной портретъ Его Величества и въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Николая I, въ петлицу.

Князь Меншиковъ имѣлъ знакъ отличія за LX лѣтъ; медали: 1) за 1812 г.; 2) за взятіе Парижа; 3) за персидскую войну; 4) за турецкую войну; 5) за Севастополь и 6) бронзовую за войну 1853—1856 гг. Иностранные ордена; прусскіе: Краснаго орла съ алмазами (1813); за достоинство (1813); табакерку (1842); Чернаго орла съ алмазами (1852); австрійскій — Леопольда 1 ст. (1815); французскій—Св. Людовика (1815); баденскій—цер. Льва 1 ст. (1818); шведскіе — Меча 1 ст. (1822), Серафима (1838), алмазные знаки Серафима (1848); сардинскій—Св. Маврикія и Лазаря (1822); баварскій—Св. Губерта (1823); гессенъ-кассельскій—военный орденъ (1815); греческій—Спасителя 1 ст. (1835); веймарскій — Бѣлаго сокола 1 ст. (1841); персидскій—Льва и Солнца 1 ст. (1843); датскій—Слона (1848).

Въ послѣднее время жизни свѣтлѣйшаго князя здоровье его стало видимо ослабѣвать; болѣзненные припадки стали усиливаться. Князь только за нѣсколько недѣль до смерти возвратился изъ Москвы въ С.-Петербургъ. Послѣдніе часы его жизни услаждались вниманіемъ всего Царскаго Дома—многими посѣщеніями его свѣтлости. Скончался онъ въ страстную субботу въ 9 часовъ утра. Выносъ тѣла его для отпѣванія послѣдовалъ 22 апрѣля — на третій день свѣтлаго праздника, въ церковь св. Спиридонія, что въ зданіи адмиралтейства. Въ назначенный день, въ 9 ч. утра, прибыли на квартиру его Государь Императоръ, въ сопровожденіи Ихъ Высочествъ Государя Наслѣдника Цесаревича, Великаго Князя Генералъ-Адмирала, Великихъ Князей Владиміра и Алексія Александровичей, Николая Константиновича, принцевъ Ольденбургскаго и Мекленбургъ-Стрѣлицкаго. Послѣ панихиды тѣло покойнаго, на погребальной колесницѣ, въ сопровожденіи войскъ и артиллеріи, предшествуемое гербомъ, орденами и адмиральскими флагами, направилось по Невскому проспекту къ станціи Московской желѣзной дороги, такъ какъ прахъ свѣтлѣйшаго князя предназначенъ имъ къ погребенію въ Москвѣ. Пе-

чальный кортежъ сопровождали также и временно-обязанные крестьяне князя, которыхъ у него было по 8-й ревизіи поселено въ родовыхъ имѣніяхъ Московской, Тульской, Ярославской и Воронежской губерній 5,292 человѣка и въ благопріобрѣтенныхъ имѣніяхъ Московской и Тульской губерній 1,025 человѣкъ (1).

* *
*

II.

Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ.

(Некрологъ).

Въ ночь съ 18-го на 19-е апрѣля, въ два часа пополуночи, скончался членъ государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ, адмиралъ, свѣтлѣйшій князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ дѣятелей прошлаго царствованія, участникъ отечественной войны, защитникъ Севастополя.

Свѣтлѣйшій князь былъ прямой потомокъ знаменитаго Петровскаго-Меншикова. Вѣрный слуга трехъ царей, въ длинный періодъ служебной и общественной дѣятельности, онъ служилъ по дипломатической части и не разъ являлся на дипломатическомъ поприщѣ; былъ офицеромъ гвардіи, артиллеріи и генеральнаго штаба; командовалъ отрядами войскъ и арміею; бралъ и защищалъ крѣпости; былъ начальникомъ главнаго морскаго штаба Его Величества и адмираломъ значительныхъ флотилій; на поприщѣ гражданскомъ явился какъ генералъ-губернаторъ Финляндіи и около 40 лѣтъ былъ членомъ государственнаго совѣта. Какая разнообразная дѣятельность, какая масса труда, сколько заслугъ,

---

(1) „Морской Сборникъ" 1869 года Т. 102 № 5.

сколько правъ на то, чтобы занять одно изъ блестящихъ мѣстъ въ лѣтописяхъ исторіи нашего отечества въ послѣднее шестидесятилѣтіе.

Князь Александръ Сергѣевичъ родился въ екатерининскій вѣкъ — 15-го августа 1787 года. По окончаніи домашняго воспитанія, въ 1805 году, на 18 году отъ роду, молодой Меншиковъ былъ принятъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, съ званіемъ коллегіи-юнкера, а въ слѣдующемъ 1806 году былъ повышенъ въ камеръ-юнкеры V класса. Въ началѣ службы по дипломатической части, Меншиковъ былъ причисленъ къ берлинской, а затѣмъ, съ 1807 года, къ лондонской миссіи. Но это поприще службы не удовлетворило пылкаго юношу-патріота; боевые громы, оглашавшіе Европу и коснувшіеся нашего отечества, привлекли молодаго князя въ ряды арміи.

Въ 1809 году, Меншиковъ поступилъ въ военную службу и былъ зачисленъ подпоручикомъ въ Лейбъ-гвардіи артиллерійскій баталіонъ. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ отправился въ молдавскую армію, и по прибытіи въ оную былъ взятъ графомъ Каменскимъ въ адъютанты. Съ этихъ поръ начинается боевая дѣятельность Меншикова. Во время турецкой войны 1810 года онъ принималъ участіе въ сраженіяхъ съ турками при переправѣ чрезъ Дунай и при занятіи укр. Туртукая, за что награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Затѣмъ, участвовалъ въ осадѣ крѣпостей Силистріи и Шумлы и въ штурмѣ кр. Рущука, при чемъ былъ раненъ пулею въ ногу, и, наконецъ, во взятіи кр. Журжи и Никополя.

Въ 1811 году подпоручикъ Меншиковъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству, а въ концѣ 1812 года переведенъ въ Лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ.

Отличныя способности и многостороннее образованіе выдвинули молодаго Меншикова изъ ряда строевыхъ офицеровъ. Не столько вслѣдствіе происхожденія, сколько по личнымъ блестящимъ достоинствамъ, 25-лѣтній князь обратилъ на себя вниманіе самого Государя Императора.

Въ началѣ отечественной войны поручикъ князь Меншиковъ былъ назначенъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ

1-й гренадерской дивизіи, и съ этихъ поръ неоднократно служилъ въ генеральномъ штабѣ. Въ войну 1812 года Меншиковъ участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ и сраженіяхъ, въ которыхъ принимала участіе 1-я гренадерская дивизія, а въ томъ числѣ и въ славной битвѣ Бородинской. Въ 1813 году, кромѣ другихъ заслугъ, на долю капитана Меншикова выпало трудное порученіе пробраться чрезъ расположеніе непріятельской арміи и передать наслѣдному принцу шведскому, Бернадотту, извѣстіе, что союзныя войска соединились и предпринимаютъ наступательныя дѣйствія. Отправившись съ небольшою партіею казаковъ, Меншиковъ исполнилъ возложенное на него порученіе, за что награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 степени и шведскимъ орденомъ Меча. Съ этихъ поръ полковникъ Меншиковъ (получившій чинъ полковника за отличіе въ кульмскомъ сраженіи) до лейпцигскаго сраженія состоялъ при наслѣдномъ принцѣ шведскомъ.

Во время войны 1814 года князь принималъ личное участіе во взятіи Парижа, при чемъ снова раненъ пулей въ лѣвую ногу; за оказанныя отличія онъ награжденъ алмазными знаками ордена св. Анны 2 степени и золотою шпагою съ надписью «за храбрость».

Въ концѣ 1816 года князь Меншиковъ назначенъ директоромъ канцеляріи начальника главнаго штаба Его Величества, и въ томъ же году, за отличіе по службѣ, произведенъ въ генералъ-маіоры, съ переводомъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части (въ генеральный штабъ). Состоя въ этой должности, князь постоянно находился въ свитѣ Императора и сопутствовалъ во всѣхъ его поѣздкахъ за границей и по Россіи. Затѣмъ, въ 1817 году, князь былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Величеству, а въ слѣдующемъ 1818 году—исправляющимъ должность генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Величества и находился въ этой должности до начала 1819 года.

Состоя почти безотлучно при Государѣ Императорѣ, сопутствуя ему въ его поѣздкахъ, исполняя весьма важныя порученія, князь Меншиковъ пользовался полнымъ довѣ-

ріемъ и расположеніемъ Императора Александра. Но въ началѣ 20-хъ годовъ милостивое расположеніе Государя къ Меншикову значительно измѣнилось. Говорятъ, будто причиною этому былъ Аракчеевъ, а также другія обстоятельства. Въ 1823 году князь былъ зачисленъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, а въ концѣ 1824 года, по домашнимъ обстоятельствамъ, уволенъ отъ службы съ мундиромъ.

Понятно, что, полный жизни и энергіи, 37 лѣтній Меншиковъ тяготился бездѣйствіемъ. Говорятъ, будто въ теченіе времени, въ которое онъ былъ въ отставкѣ, съ небольшимъ годъ, князь занимался изученіемъ морскихъ наукъ.

Въ 1826 году, князь Меншиковъ былъ снова принятъ на службу генералъ-маіоромъ и зачисленъ въ квартирмейстерскую часть (въ генеральный штабъ), и вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ особое дипломатическое порученіе въ Персію, при исполненіи котораго, какъ извѣстно, встрѣтилъ значительныя затрудненія. По возвращеніи изъ Персіи, за оказанныя заслуги и понесенные труды, Меншиковъ былъ награжденъ алмазными знаками ордена св. Анны 1 степени и вновь назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Величеству.

Вскорѣ затѣмъ князь Меншиковъ былъ назначенъ исправляющимъ должность начальника главнаго морскаго штаба Его Величества, съ переименованіемъ въ контръ-адмиралы, при чемъ ему поручено составить проэктъ преобразованія морскаго министерства. Но занятія князя вскорѣ были прерваны: въ апрѣлѣ 1828 г., въ слѣдствіе разрыва съ Турціею, ему было ввѣрено начальство надъ десантнымъ отрядомъ, предназначеннымъ для овладѣнія кр. Анапою. Послѣ взятія Анапы, генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ, награжденный орденомъ св. Георгія 3-го класса и чиномъ вице-адмирала, прибылъ въ европейскую Турцію, къ арміи, расположенной подъ Варною, гдѣ въ это время присутствовалъ самъ Государь Императоръ. Принявъ, по повелѣнію Императора, начальство надъ осаднымъ корпусомъ, князь энергически повелъ осаду долго несдававшейся

крѣпости; но почти при самомъ окончаніи осады былъ жестоко раненъ ядромъ въ обѣ ноги. Эта тяжелая рана принудила князя оставить театръ войны, и только въ концѣ 1829 года онъ получилъ облегченіе, но, сколько извѣстно, всю жизнь страдалъ отъ послѣдствій этой раны. Въ награду за оказанныя отличія подъ Варною, князь получилъ орденъ св. Александра Невскаго и одну изъ пушекъ, взятыхъ въ турецкой крѣпости.

Послѣ турецкой войны 1828 — 1829 годовъ, дѣятельность князя Меншикова до послѣдней войны была почти исключительно посвящена устройству флота. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ званіи члена государственнаго совѣта (съ 1830 г.) и генералъ-губернатора Финляндіи (съ 1831 г.), онъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ дѣлахъ государственныхъ и въ управленіи великимъ княжествомъ Финляндскимъ.

Пусть лѣтописи исторіи нашего флота выяснятъ дѣятельность князя Меншикова по устройству нашихъ морскихъ силъ, которыя въ теченіе болѣе 25-ти лѣтъ были предметомъ его непосредственныхъ заботъ. Здѣсь же замѣтимъ, что если нашему флоту, какъ морской силѣ, и пришлось уступить превосходному противнику, то все же синопская побѣда и приморскія твердыни севастопольскія и кронштадскія займутъ почетное мѣсто въ исторіи нашего флота и морскихъ войнъ; между тѣмъ, если слава Синопа по преимуществу принадлежитъ славному Нахимову и его сподвижникамъ, то усиленіе твердынь севастопольскаго рейда, выдержавшихъ морскую аттаку, и твердынь кронштадтскихъ, грозно удержавшихъ сильнѣйшій флотъ въ мірѣ,—конечно, нельзя не поставить въ заслугу бывшему начальнику главнаго морскаго штаба.

Въ періодъ времени, съ 1829 по 1853 годы, князь Меншиковъ, за его важныя заслуги, былъ награжденъ: алмазными знаками ордена св. Александра Невскаго (1832 г.), орденомъ св. Владиміра 1-й степени (1833 г.), св. апостола Андрея Первозваннаго (1839 г.), алмазными знаками того же ордена (1841 г.) и портретомъ Его Величества, украшеннымъ брилліантами (1850 г.). Кромѣ того, князь произведенъ въ адмиралы (1833 г.), а въ 1842 г.

ему пожаловано потомственное маіоратство въ Финляндіи, состоящее изъ Аньяльскаго имѣнія.

Въ 1853 году, генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ былъ посланъ въ Константинополь для открытія переговоровъ съ Оттоманскою Портою. Какъ извѣстно, переговоры не имѣли успѣха и закончились полнымъ разрывомъ съ Турціею, разрывомъ, въ которомъ сторону угнетателей восточныхъ христіанъ приняли Франція и Англія, а затѣмъ и Сардинія. Война, длившаяся до 1856 года, возгорѣлась.....

Князь Меншиковъ, вслѣдъ за разрывомъ съ Турціею, получилъ новое назначеніе: его непосредственной заботливости ввѣрено приведеніе въ оборонительное состояніе портовъ Чернаго моря, и въ особенности Севастополя, при чемъ ему подчинены морскія и сухопутныя войска, бывшія въ Крыму. Альминская битва была первымъ столкновеніемъ европейской коалиціи съ нашими войсками, занимавшими позицію въ окрестностяхъ Севастополя. Вслѣдъ затѣмъ, извѣстный фланговый маршъ—былъ первою стратегическою операціею, заставившею союзниковъ обратиться къ осадѣ Севастополя, длившейся 11 мѣсяцевъ, благодаря славной оборонѣ. Мы не будемъ входить въ подробности участія князя Меншикова въ защитѣ Севастополя и черноморскаго флота: факты слишкомъ хорошо извѣстны нашимъ читателямъ; но скажемъ словами Высочайшаго рескрипта, даннаго князю въ день 50-ти лѣтней годовщины его службы, въ 1856 году: князю Меншикову «принадлежатъ первыя блистательныя страницы той лѣтописи, въ которой будетъ повѣствуемо объ упорной защитѣ противъ громадныхъ усилій враговъ».

Въ 1855 году, князь Меншиковъ былъ назначенъ кронштадтскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ.

Въ 1866 году, по случаю исполненія 50-ти лѣтъ со дня производства князя въ генералы, онъ удостоился получить осыпанный бриллiантами двойной портретъ, съ изображеніемъ Императора Николая I и Императора Александра II, для ношенія въ петлицѣ на андреевской лентѣ.

Не смотря на преклонную старость, князь Александръ Сергѣевичъ сохранилъ всю свѣжесть высокаго и остраго

ума; обладая большимъ запасомъ разнообразныхъ свѣдѣній и воспоминаній, онъ интересовался современными событіями какъ въ жизни нашего отечества, такъ и въ быту иноземномъ.

Князь Меншиковъ скончался въ С.-Петербургѣ, на 82 году жизни и на 64 году служебной, по истинѣ государственной, дѣятельности. Происходя по прямой линіи отъ мелкаго торгаша, а впослѣдствіи знаменитаго петровскаго вельможи, свѣтлѣйшаго князя Ижерскаго, Александръ Сергѣевичъ, независимо отъ своего происхожденія, своими личными достоинствами, службою и дѣятельностію пріобрѣлъ себѣ высокое уваженіе и одно изъ высшихъ положеній въ высшихъ слояхъ общества.

Печальная церемонія похоронъ покойнаго князя происходила 22-го апрѣля и была почтена присутствіемъ Государя Императора, Наслѣдника Цесаревича, генералъ-адмирала Великаго Князя Константина Николаевича и другихъ членовъ Императорской Фамиліи.

Офицеры арміи и флота участвовали въ процессіи. Изъ войскъ, за гробомъ покойнаго слѣдовали: Гвардейскій экипажъ, баталіонъ Л.-гв. Павловскаго полка и артиллерія. Войска отдали честь останкамъ князя на станціи Николаевской желѣзной дороги.

Тѣло покойнаго князя Александра Сергѣевича Меншикова, согласно воли покойнаго, погребено въ его маіоратномъ имѣніи Кругъ, въ Московской губерніи. Нѣсколько тысячъ бывшихъ крестьянъ князя провожали останки покойнаго и несли гробъ его на своихъ рукахъ, на разстояніи 25-ти верстъ.... (1)

* * *

---

(1) „Русскій Инвалидъ“ 1869 г. № 52.

АДМИРАЛЪ ПАВЕЛЪ СТЕПАНОВИЧЪ НАХИМОВЪ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Павелъ Степановичъ Нахимовъ родился въ 1803 году, Смоленской губерніи, въ Вяземскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Городкѣ.

Родители его пользовались уваженіемъ и довѣренностію всѣхъ сосѣднихъ дворянъ; доказательствомъ тому служитъ выборъ отца его, Степана Михайловича, секундъ-маіора временъ Екатерины II, въ предводители дворянства послѣ 1812 года; а мать его Ѳедосья Ивановна, женщина доброты необыкновенной, зачастую избираема была посредницей въ семейныхъ дѣлахъ своихъ знакомыхъ.

У Степана Михайловича и Ѳедосьи Ивановны изъ одиннадцати человѣкъ дѣтей осталось только пятеро: Николай, Платонъ, Иванъ, *Павелъ* и Сергѣй. Всѣ они воспитывались въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и служили во флотѣ. Платонъ Степановичъ впослѣдствіи перешелъ въ гражданскую службу и былъ долгое время инспекторомъ студентовъ московскаго университета, гдѣ заслужилъ всеобщую любовь и уваженіе. Имя Платона Степановича Нахимова вспоминаютъ съ признательностію всѣ бывшіе въ его время воспитанники московскаго университета.

Два старшіе брата уже состояли на службѣ лейтенан-

тами тогда, какъ трое младшихъ его готовились дома къ поступленію въ морской кадетскій корпусъ. Почтенный секундъ-маіоръ отличалъ предпослѣдняго сына, и, глядя на его воинственныя наклонности, говаривалъ: «изъ Павлуши выйдетъ храбрый воинъ!» Старикъ-отецъ не ошибался въ своихъ предположеніяхъ, хотя не могъ дождаться осуществленія ихъ, не смотря на то, что скончался въ глубокой старости, на восемьдесятъ девятомъ году отъ рожденія.

Въ корпусѣ, Павелъ Степановичъ занимался прилежно; это видно изъ того, что онъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и вышелъ въ 1818 г. въ мичманы шестымъ по выпуску.

Въ учебномъ направленіи корпуса тогдашняго времени, по свидѣтельству г. Веселаго, господствовало преимущественно изученіе математики. Что же касается до воспитательнаго направленія, то въ періодъ Карцовскаго управленія Корпусомъ «образовалось множество твердыхъ, практическихъ людей, полезныхъ во всякой службѣ, которые не потеряются въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ». . . . .

Вслѣдствіе такого воспитанія, характеръ Павла Степановича Нахимова, отъ природы энергическій, получилъ серьезное служебное направленіе и, подъ вліяніемъ дальнѣйшихъ событій жизни, установился окончательно. Постоянныя и долговременныя плаванія отчуждали его отъ женскаго общества, къ которому впослѣдствіи онъ не могъ уже привыкнуть, и остался холостымъ. Всѣ силы и способности его обратились на пользу службы, которая сдѣлалась для него выше всего. . . . .

Въ 1815, 1816 и 1817 годахъ, во время своего пребыванія въ корпусѣ, совершалъ онъ практическія плаванія по Балтійскому морю на бригахъ «Симеонъ и Анна» и «Фениксъ». На послѣдній назначены были, по Высочайшей волѣ, только немногіе лучшіе воспитанники; подъ командою Дохтурова, одного изъ отличнѣйшихъ офицеровъ того времени, посѣтили они между прочимъ берега Даніи и Швеціи. По выпускѣ же на службу, 1818 и 1819 годы, стоялъ вмѣстѣ съ экипажемъ въ Петербургѣ. Лѣтомъ

1820 года плавалъ по Балтикѣ на тендерѣ «Янусъ», подъ командою Ахлестышева.

Въ 1821 году. Нахимовъ отправленъ сухимъ путемъ въ Архангельскъ, откуда вскорѣ былъ вызванъ въ Петербургъ съ перечисленіемъ на 36-пуш. фрегатъ «Крейсеръ», назначенный вмѣстѣ съ 20-пуш. шлюпомъ «Ладога» въ кругосвѣтное плаваніе.

Первымъ изъ этихъ судовъ и вмѣстѣ отрядомъ командовалъ знаменитый впослѣдствіи адмиралъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ, а вторымъ Андрей Петровичъ Лазаревъ. Назначеніемъ ихъ была доставка груза въ Камчатку и колоніи Россійско-Американской компаніи. Въ числѣ офицеровъ, участвовавшихъ въ этомъ плаваніи, находились: Иванъ Антоновичъ Купреяновъ, нынѣ вице-адмиралъ, и Ефимъ Васильевичъ Путятинъ, генералъ-адъютантъ и вице-адмиралъ (¹); Иванъ Петровичъ Бутеневъ (²), скончавшійся въ чинѣ капитана 2 ранга и званіи флигель-адъютанта; Павелъ Матвѣевичъ Муравьевъ; умершій въ чинѣ статскаго совѣтника, бывшій директоромъ училища торговаго мореплаванія, и мичманъ Александръ Домашенко, утонувшій въ 1837 году у береговъ Сициліи. Домашенко бросился въ воду, желая спасти погибавшаго матроса, и заплатилъ жизнію за великодушный порывъ человѣколюбія. Домашенкѣ поставленъ памятникъ, который знакомъ всякому посѣщавшему кронштадтскій общественный садъ.

Подъ командою такого начальника, какъ М. П. Лазаревъ, и въ кругу такихъ достойныхъ товарищей, провелъ Павелъ Степановичъ три года своего кругосвѣтнаго плаванія.

И если справедливо, что общество, окружающее человѣка въ молодыхъ лѣтахъ, имѣетъ сильное вліяніе на окончательное образованіе его нравственнаго характера, то подобное общество, безъ всякаго сомнѣнія, принесло П. С. Нахимову существенную пользу.

17 августа 1822 года фрегатъ «Крейсеръ» вышелъ изъ

(¹) Впослѣдствіи графъ и министръ народнаго просвѣщенія. *Ред.*

(²) Бутеневъ лишился руки въ наваринскомъ сраженіи.

Кронштадта и, посѣтивъ порты Копенгагена и Портсмута, 10 декабря бросилъ якорь на Сантакруцскомъ рейдѣ. Перегрузившись въ Ріо-Жанейро и не надѣясь, по позднему времени, обогнуть мысъ Горнъ, М. П. Лазаревъ счелъ за лучшее идти въ Великій океанъ, вокругъ мыса Доброй Надежды и Австраліи. 18-го апрѣля 1823 года, чрезъ каналъ д'Антрекасто, вошли на Гобартъ-Таунскій рейдъ, гдѣ экипажи отдохнули до 9-го іюня на берегу и изготовились къ дальнѣйшему плаванію. Черезъ мѣсяцъ, «Крейсеръ» прибылъ къ острову Отаити, откуда отправился къ Ново-Архангельску, на смѣну шлюпа «Аполлонъ».

Фрегатъ «Крейсеръ» пробылъ на станціи у Ново-Архангельска и Ситхи, въ распоряженіи главнаго правителя колоній, до половины октября 1824 года, когда былъ смѣненъ прибывшимъ изъ Россіи шлюпомъ «Предпріятіе». Зимою 1823 года «Крейсеръ ходилъ, для возобновленія припасовъ, въ портъ Санъ-Франциско, теперешнее эльдорадо всѣхъ авантюристовъ.

На обратномъ пути, Лазаревъ обогнулъ мысъ Горнъ, отдохнувъ нѣсколько времени въ Бразиліи, отправился въ Россію, и прибылъ въ Кронштадтъ 5-го августа 1825 года. Во время этого путешествія, Нахимовъ произведенъ въ 1823 году въ чинъ лейтенанта, а по окончаніи его награжденъ въ 1825 году орденомъ Св. Владиміра 4-й ст. и двойнымъ окладомъ жалованья.

О плаваніи фрегата «Крейсеръ» напечатано нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній въ IV и IX частяхъ «Записокъ Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента» и краткій разсказъ въ статьѣ Н. Иващенцова: «Обозрѣніе Русскихъ кругосвѣтныхъ плаваній», напечатанной въ «Морскомъ Сборникѣ».

Нахимовъ, послѣ столь долгаго и дальняго вояжа, не думалъ предаваться отдыху: въ томъ же 1825 году онъ является въ Архангельскѣ, откуда, въ слѣдующемъ 1826 году, возвращается въ Кронштадтъ на кораблѣ «Азовъ», подъ командою М. П. Лазарева.

Греческій вопросъ призывалъ нашихъ моряковъ на югъ Европы, и эскадра контръ-адмирала графа Гейдена, состо-

явшая изъ кораблей: «Гангутъ», «Iезекiиль», «Азовъ» и «Александръ Невскiй», фрегатовъ: «Елена», «Константинъ», «Проворный» и «Касторъ» и корвета «Гремящiй», пошла въ 1827 году въ Средиземное море и 1-го октября соединилась съ эскадрами англiйскою и французскою. П. С. Нахимовъ былъ по прежнему на 74-пуш. кораблѣ «Азовъ», подъ командою уважаемаго имъ Михаила Петровича Лазарева.

Соединенный флотъ, 8-го октября, въ часъ пополудни, явился ко входу въ Наваринскую губу двумя колоннами: одна состояла изъ кораблей англiйскихъ и французскихъ, другая изъ русскихъ. Во главѣ русской колонны шелъ «Азовъ», подъ флагомъ контръ-адмирала графа Гейдена. Встрѣченный перекрестнымъ огнемъ батарей Наваринской крѣпости и острова Сфактерiи, «Азовъ» не отвѣчалъ ни однимъ выстрѣломъ и продолжалъ въ молчанiи свой путь до опредѣленнаго заранѣе мѣста. Остальные русскiе корабли послѣдовали этому примѣру; въ совершенномъ молчанiи шли другъ за другомъ до назначенныхъ точекъ позицiи, и, только занявъ ихъ, приняли участiе въ знаменитомъ сраженiи наваринскомъ.

Соединенные флоты сражались противъ непрiятеля въ пятеро сильнѣйшаго, и въ четыре часа истребили до шестидесяти разной величины судовъ турецкихъ и египетскихъ. Михаилъ Петровичъ Лазаревъ управлялъ движенiями «Азова» съ примѣрнымъ хладнокровiемъ, искусствомъ и мужествомъ, сражаясь разомъ противъ пяти военныхъ судовъ и въ то же время помогая англiйскому адмиралу противъ 80-пуш. турецкаго корабля, подъ флагомъ Мухаремъ-Бея. И когда этотъ послѣднiй корабль повернулъ къ «Азову» кормою, то «Азовъ» въ полчаса окончательно разбилъ его, зажегъ и взорвалъ на воздухъ. У «Азова» были пробиты всѣ мачты и въ корпусѣ корабля насчитали потомъ 153 пробоины; но за то «Азовъ», съ своей стороны, потопилъ два большiе фрегата и корветъ, и сжегъ 80-пуш. корабль и двухдечный фрегатъ, на которомъ имѣлъ флагъ главнокомандующiй турецкимъ флотомъ.

Высочайшiя награды пожалованы были всѣмъ отличив-

шимся въ этомъ сраженіи; въ числѣ ихъ П. С. Нахимовъ получилъ въ 1827 году орденъ Св. Георгія 4 класса за храбрость и чинъ капитанъ-лейтенанта. 1828-й годъ П. С. Нахимовъ провелъ въ плаваніи близъ береговъ морей и въ Архипелагѣ на кораблѣ «Азовъ», а въ 1829 году на 16-пуш., отнятомъ у египтянъ близъ Модона, корветѣ «Наваринъ», на который онъ былъ назначенъ командиромъ. На немъ П. С. Нахимовъ возвратился, въ отрядѣ М. П. Лазарева, въ Кронштадтъ, въ маѣ 1830 года, и крейсеровалъ въ 1831 году по Балтійскому морю. Въ 1830 г. награжденъ орденомъ Св. Анны 2-ой степени.

Въ 1832 году, П. С. Нахимовъ состоялъ членомъ комитета, учрежденнаго съ цѣлію предохраненія Кронштадта отъ холеры. За успѣшныя дѣйствія онъ восемь разъ удостоивался изъявленія Высочайшаго благоволенія, въ разные годы и по разнымъ случаямъ.

Въ 1832 году, П. С. Нахимовъ назначенъ былъ командиромъ фрегата «Паллада», заложеннаго на охтенской верфи. Неутомимо слѣдилъ онъ за постройкою этого образцоваго судна, въ которомъ введены въ первый разъ нѣсколько новыхъ улучшеній.

Въ 1834 году, онъ уже крейсеровалъ на новомъ фрегатѣ по Балтикѣ. Въ 1834 году, Нахимовъ переведенъ въ Черное море и назначенъ командиромъ корабля «Силистрія», и въ томъ же году произведенъ въ чинъ капитана 2 ранга. Въ 1835 году получилъ греческій орденъ Спасителя за наваринское дѣло, упрочившее свободу Греціи и существованіе ея въ качествѣ государства самостоятельнаго. Въ 1836 году, П. С. Нахимовъ совершилъ на кораблѣ «Силистрія» обычное крейсерство, а въ слѣдующемъ 1837 г., за отлично-усердную и ревностную службу, награжденъ орденомъ Св. Анны 2 ст., Императорскою короною украшеннымъ, и чиномъ капитана 1 ранга.

Долговременные, неутомимые труды, плаванія и битвы преждевременно состарили Нахимова и разстроили его здоровье. Презирая не только излишками жизни, но и простыми удобствами ея, Павелъ Степановичъ долгое время пренебрегалъ начатками своихъ болѣзней, которыя, развив-

шись, потребовали наконецъ радикальнаго леченія. По ходатайству начальника главнаго морскаго штаба, свѣтлѣйшаго князя Александра Сергѣевича Меншикова, Нахимовъ былъ уволенъ, съ полнымъ содержаніемъ, за границу, гдѣ лечился въ Берлинѣ и на водахъ, съ октября 1838 по 18 августа 1839 года.

Едва избавившись отъ своихъ недуговъ, Нахимовъ поспѣшилъ къ мѣсту службы. Въ 1840 году, съ кораблемъ «Силистрія» участвовалъ въ перевозкѣ сухопутныхъ войскъ къ черноморскимъ берегамъ, для занятія мѣстечекъ при рѣкахъ Туапсѣ и Псезуапѣ. При высадкѣ дессанта командовалъ лѣвымъ флангомъ. На обратномъ пути онъ содѣйствовалъ къ истребленію контрабанднаго судна между Анапою и Новороссійскимъ портомъ при долинѣ Чусхобъ.

Годы 1841, 1842, 1843, 1844 и 1845 проведены имъ въ обыкновенномъ крейсерствѣ по Черному морю. Въ 1844 году, между прочимъ, П. С. Нахимовъ ходилъ къ Головинскому укрѣпленію для подапія ему помощи противъ горцевъ. Въ 1842 году, награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3-й степени.

Въ концѣ 1845 года, Нахимовъ произведенъ въ контръадмиралы, съ назначеніемъ командиромъ 1-й бригады 4-й флотской дивизіи. Въ слѣдующихъ 1846, 1847, 1848, 1849, 1850, 1851 и 1852 гг. плавалъ онъ уже командующимъ отрядами судовъ, число которыхъ въ 1850 году доходило до десяти. Въ этотъ періодъ времени, награжденный орденами Св. Станислава и Св. Анны, первыхъ степеней, П. С. Нахимовъ окончательно изучилъ прихотливое Черное море. Въ продолженіе тридцати восьми лѣтъ своей службы, Павелъ Степановичъ сдѣлалъ тридцать двѣ морскія кампаніи, побывалъ почти во всѣхъ моряхъ нашей планеты, видѣлъ и несъ всѣ роды службы — отъ практическаго крейсерства до громадныхъ битвъ, рѣшающихъ судьбу народовъ. Подобная дѣятельность достаточно бы наполнила жизнь множества людей, но для него была лишь приготовленіемъ, школой, въ которой выработывалась опытность, распорядительность и хладнокровная энергія флотоводца, котораго судьба готовила для дальнѣйшихъ подвиговъ.

Угнетеніе христіанъ въ фанатической Турціи превзошло всякую мѣру, и Россія вступилась за права своихъ единовѣрцевъ, за неисполненіе трактатовъ. Неуступчивость Порты повлекла за собою, въ 1853 году, объявленіе войны, и Нахимовъ явился однимъ изъ первыхъ ея дѣятелей.

Для усиленія войскъ въ Азіи потребовалось перевести на восточный берегъ Чернаго моря значительный отрядъ, и 12 кораблей, 2 фрегата, 2 корвета, 7 пароходовъ и 11 транспортовъ приняли въ Севастополѣ 16.000 войска, въ полной походной аммуниціи, съ двумя батареями и всѣми принадлежащими къ нимъ снарядами, съ 827 лошадьми, съ 10-дневнымъ продовольствіемъ и съ запасами провіанта еще на 20 дней; перевезли все это черезъ Черное море и высадили съ полнымъ успѣхомъ, безъ всякихъ потерь и безъ малѣйшаго замѣшательства, въ Сухумъ-Кале и Анакрію. Посадка войскъ и нагрузка тяжестей производилась въ присутствіи его свѣтлости князя А. С. Меншикова; флотомъ командовалъ Нахимовъ, высадка поручена была генералъ-адъютанту Корнилову. Всякій знакомый съ военнымъ дѣломъ пойметъ и оцѣнитъ по достоинству этотъ подвигъ русскихъ моряковъ, свидѣтельствующій о распорядительности начальствующихъ и искуствѣ подчиненныхъ. Нахимовъ, за содѣйствіе этой операціи, совершенной въ продолженіе одной недѣли, награжденъ орденомъ Св. Владиміра 2-й степени при Высочайшей грамотѣ, въ которой сказано, что орденъ пожалованъ за *отлично усердную службу, познанія, опытность и неутомимую дѣятельность.*

Окончивъ перевозку, Нахимовъ, произведенный въ сентябрѣ 1852 года въ вице-адмиралы, получилъ приказаніе крейсеровать, со ввѣренною ему 5-ю флотскою дивизіею, между Крымомъ и Анатоліею. Кто знаетъ, какъ бурно Черное море въ позднее время года, тотъ вполнѣ оцѣнитъ всю трудность плаванія въ тѣхъ мѣстахъ въ сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ. Не смотря на непогоды, непрестанные порывистые вѣтры, туманы, штормы и шквалы, Нахимовъ *два съ половиною мѣсяца* постоянно держался въ морѣ, неутомимо сторожа и отыскивая турецкій флотъ, который, по всѣмъ предположеніямъ, долженъ былъ выйдти изъ Босфора. Во

время этого плаванія, «Бессарабія», одинъ изъ пароходовъ его дивизіи, посланный вдоль Анатолійскаго берега для осмотра и опроса купеческихъ кораблей, увидѣлъ 4-го ноября турецкій транспортный пароходъ въ 200 силъ, «Меджари-Теджаретъ», преслѣдовалъ его и взялъ въ плѣнъ безъ выстрѣла. Пароходъ этотъ, приведенный въ Севастополь, причисленъ къ 4-му ластовому экипажу и наименованъ «Турокъ».

Между тѣмъ, и главная эскадра Нахимова, недѣли черезъ двѣ, открыла отрядъ турецкихъ судовъ, расположенный на Синопскомъ рейдѣ, подъ защитою шести береговыхъ батарей. Нахимовъ, имѣя при себѣ только три корабля: «Императрица Марія», «Чесма» и «Ростиславъ», рѣшился, въ ожиданіи двухъ остальныхъ своихъ кораблей, тѣсно блокировать портъ. Не смотря на постоянно мрачную погоду съ безпрестаннымъ дождемъ, свѣжимъ вѣтромъ и сильнымъ волненіемъ, эскадра держалась весьма близко къ берегу, изъ опасенія, чтобы непріятель, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, не вышелъ ночью изъ порта обратно въ Константинополь. 16-го ноября присоединилась къ Нахимову эскадра контръ-адмирала Новосильскаго, состоящая изъ кораблей: «Парижъ», «Великій Князь Константинъ», «Три Святителя» и фрегатовъ «Кагулъ» и «Кулевчи». Силъ было достаточно, и Нахимовъ рѣшился не медля атаковать непріятеля; на слѣдующій же день пригласилъ къ себѣ на корабль втораго флагмана и всѣхъ командировъ судовъ, для сообщенія имъ своего плана дѣйствій, и отдалъ по эскадрѣ слѣдующій приказъ:

«Располагая, при первомъ удобномъ случаѣ, атаковать непріятеля, стоящаго въ Синопѣ, въ числѣ 7 фрегатовъ, 2 корветовъ, одного шлюпа, двухъ пароходовъ и двухъ транспортовъ, я составилъ диспозицію для атаки ихъ, и прошу командировъ стать по оной на якорь и имѣть въ виду слѣдующее: 1) При входѣ на рейдъ, бросать лоты, ибо можетъ случиться, что непріятель перейдетъ на мелководіе, и тогда стать на возможно-близкомъ отъ него разстояніи, но на глубинѣ не менѣе 10 саженъ. 2) Имѣть шпрингъ на оба якоря; если при нападеніи на непріятеля

будетъ вѣтръ N, самый благопріятный, тогда, вытравивъ цѣпи 60 саженъ, имѣть столько же и шпрингу, предварительно заложеннаго на битенгѣ; идя же на фордевиндъ при вѣтрѣ O или OXO, во избѣжаніе бросанія якоря съ кормы, становиться также на шпрингъ, имѣя его до 30 саж., и когда цѣпь, вытравленная до 60 саженъ, дернетъ, то вытравить еще 10 саженъ: въ этомъ случаѣ цѣпь ослабнетъ, а корабли будутъ стоять кормою на вѣтеръ на кабельтовѣ; вообще со шпрингами быть крайне-осмотрительными; ибо они часто остаются недѣйствительными отъ малѣйшаго невниманія и промедленія времени. 3) Предъ входомъ въ Синопскій заливъ, если позволитъ погода, для сбереженія гребныхъ судовъ на ростpахъ, я сдѣлаю сигналъ спустить ихъ на воду и тогда имѣть ихъ у борта на противолежащей сторонѣ непріятеля, имѣя на одномъ изъ нихъ, на всякій случай, кабельтовъ и верпъ. 4) При атакѣ имѣть осторожность, не палить даромъ по тѣмъ изъ судовъ, кои спустятъ флаги; посылать же для овладѣнія ими не иначе, какъ по сигналу адмирала, стараясь лучше употребить время для пораженія противящихся судовъ или батарей, которыя, безъ сомнѣнія, не перестанутъ палить, еслибъ съ непріятельскими судами дѣло и было бы кончено. 5) Нынѣ же осмотрѣть заклепки у цѣпей; на случай надобности расклепать ихъ. 6) Открыть огонь по непріятелю, по второму адмиральскому выстрѣлу, если передъ тѣмъ со стороны непріятеля не будетъ никакого сопротивленія нашему на нихъ наступленію; въ противномъ случаѣ, палить какъ кому возможно, соображаясь съ разстояніемъ до непріятельскихъ судовъ. 7) Ставъ на якорь и уладивъ шпрингъ, первые выстрѣлы должны быть прицѣльные; при этомъ хорошо замѣтить положеніе пушечнаго клина на подушкѣ мѣломъ, для того, что послѣ въ дыму не будетъ видно непріятеля, а нужно поддерживать быстрый батальный огонь; само-собою разумѣется, что онъ долженъ быть направленъ по тому же положенію орудія, какъ и при первыхъ выстрѣлахъ. 8) Атакуя непріятеля на якорѣ, хорошо имѣть, какъ и подъ парусами, одного офицера на гротъ-марсѣ или салингѣ, для наблюденія при батальномъ огнѣ за направле-

ніемъ своихъ выстрѣловъ, и буде они не достигаютъ своей цѣли, офицеръ сообщаетъ о томъ на шканцы, для направленія шпринга. 9) Фрегатамъ «Кагулъ» и «Кулевчи», во время дѣйствія, остаться подъ парусами, для наблюденія за непріятельскими пароходами, которые, безъ сомнѣнія, вступятъ подъ пары и будутъ вредить нашимъ судамъ, по выбору своему. 10) Завязавъ дѣло съ непріятельскими судами, стараться по возможности не вредить консульскимъ домамъ, на коихъ будутъ подняты національные ихъ флаги.

«Въ заключеніе я выскажу свою мысль, что всѣ предварительныя наставленія, при перемѣнившихся обстоятельствахъ, могутъ затруднить командира, знающаго свое дѣло, и потому я предоставляю каждому совершенно независимо дѣйствовать по усмотрѣнію своему; но непремѣнно исполнить свой долгъ. Государь Императоръ и Россія ожидаютъ славныхъ подвиговъ отъ черноморскаго флота; отъ васъ зависитъ оправдать ожиданія».

Утромъ 18-го ноября шелъ дождь и дулъ шквалистый вѣтеръ. Въ полдень, корабли, готовые къ бою, подъ всевозможными парусами, полетѣли на рейдъ, двумя колоннами. Во главѣ первой шелъ Нахимовъ, на кораблѣ «Императрица Марія»; слѣдующую велъ контръ-адмиралъ Новосильскій. Приблизившись къ непріятельскому флоту, увидѣли, что фрегаты и корветы лунообразно расположены подъ прикрытіемъ четырехъ батарей; за боевою линіею стояли два парохода и два транспорта, а въ глубинѣ залива два купеческіе брига.

Въ половинѣ перваго открытъ огонь со всѣхъ турецкихъ судовъ и батарей. Корабль «Императрица Марія» былъ засыпанъ ядрами и книпелями, перебившими большую часть его рангоута и стоячаго такелажа; но, имѣя вѣтеръ съ кормы, онъ шелъ впередъ, дѣйствуя батальнымъ огнемъ по непріятельскимъ судамъ, мимо которыхъ проходилъ, и отдалъ якорь противъ адмиральскаго фрегата «Ауни-Аллахъ». Прочіе корабли слѣдовали его примѣру.

«Ауни-Аллахъ» не выдержалъ и получаса противъ корабля «Императрица Марія», отклепалъ цѣпь и бросился на берегъ противъ шестой батареи. Тогда корабль «Импе-

ратрица Марія», обративъ свой огонь исключительно на 44-пуш. фрегатъ «Фазли-Аллахъ» (называвшійся прежде «Рафаилъ» и взятый у насъ въ 1828 г.), заставилъ его послѣдовать примѣру перваго. Не имѣя болѣе противниковъ, корабль «Императрица Марія» повернулся на помощь второй колоннѣ, но помощь эта оказалась ненужною, потому что и вторая колонна дѣйствовала превосходно.

Корабль «Великій Князь Константинъ» взорвалъ на воздухъ 60-пуш. фрегатъ, потомъ уничтожилъ совершенно другой въ 60 пушекъ и 20-пуш. корветъ.

Корабль «Чесма» дѣйствовалъ сначала по одному и тому же фрегату съ кораблемъ «Великій Князь Константинъ»; потомъ, повернувшись къ двумъ батареямъ, срылъ ихъ.

Корабль «Парижъ», подъ флагомъ контръ-адмирала Новосильскаго, взорвалъ 22-пуш. корветъ, разгромилъ и отбросилъ къ берегу два фрегата и дѣйствовалъ по батареѣ № 5. Нахимовъ хотѣлъ изъявить ему, во время боя, свою благодарность, но не на чемъ было поднять сигнала, потому что всѣ фалы были перебиты.

Корабль «Три Святителя» дѣйствовалъ по двумъ фрегатамъ и заставилъ ихъ кинуться къ берегу.

Корабль «Ростиславъ» уничтожилъ батарею № 6 и 24 пуш. корветъ.

Въ половинѣ втораго показались пароходы «Одесса», подъ флагомъ генералъ-адъютанта Корнилова, «Крымъ» и «Херсонесъ»; послѣдніе два погнались за пароходомъ «Таифъ», бѣжавшимъ съ рейда еще въ началѣ сраженія, а фрегаты «Кагулъ» и «Кулевчи», спустившись къ флоту, дѣйствовали на тѣ пункты, гдѣ еще продолжалось сопротивленіе. Въ 4 часа, въ рѣшительный моментъ битвы, пароходы вошли, при всеобщемъ «ура», на Синопскій рейдъ и содѣйствовали ея окончанію.

Въ пятомъ часу вечера все было кончено: весь турецкій флотъ, кромѣ парохода «Таифъ», уничтоженъ. Остатки его, прибитые къ берегу, горѣли и взрывались на воздухъ, осыпая пламенемъ городъ. Синопъ, древняя столица царства Понтійскаго, обнесенный старинною зубчатою стѣною,

горѣлъ; вѣтеръ, свободно перенося горящія головни, увеличивалъ пожаръ города, жители котораго, вмѣстѣ съ мѣстнымъ начальствомъ, бѣжали въ сосѣднія горы. Парламентеръ, посланный въ Синопъ, нашелъ его совершенно пустыннымъ. Уничтоженныя батареи безмолствовали. транспорты и купеческія суда затонули отъ попавшихъ въ нихъ ядеръ.

Въ синопскомъ дѣлѣ, одномъ изъ блистательнѣйшихъ въ новѣйшее время, совершенно уничтожено 13 непріятельскихъ судовъ и убито до 3,000 турокъ. Въ числѣ плѣнныхъ, находился начальникъ турецкой эскадры. вице-адмиралъ Османъ-Паша, и два командира фрегатовъ. Съ нашей стороны *убито:* 1 оберъ-офицеръ и 37 нижнихъ чиновъ; *ранено:* 1 штабъ-офицеръ, 6 оберъ-офицеровъ и 229 нижнихъ чиновъ.

Тотчасъ же по окончаніи сраженія, суда наши. потерпѣвшія не мало, начали исправлять главнѣйшія поврежденія въ корпусѣ, такелажѣ и рангоутѣ, и черезъ 36 часовъ готовы были предпринять обратное плаваніе въ глубокую осень чрезъ все Черное море. 20-го ноября утромъ, корабли снялись съ якоря и, при помощи пароходовъ, направились къ Севастополю, куда и пришли, не смотря на крѣпкій вѣтеръ, 22 числа утромъ.

Орденъ. Св. Георгія 2-й степени пожалованъ былъ Нахимову при слѣдующей Высочайшей грамотѣ. отъ 28-го ноября 1853 года.

«Истребленіемъ турецкой эскадры при Синопѣ, вы украсили лѣтопись русскаго флота новою побѣдою, которая навсегда останется памятною въ морской исторіи.

«Статутъ Военнаго Ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія указываетъ награду за вашъ подвигъ.

«Исполняя съ истинною радостью постановленіе Статута, жалуемъ васъ кавалеромъ *Св. Георгія второй степени большаго креста*, пребывая къ вамъ Императорскою милостію Нашею благосклонны».

Синопская битва. доказавшая превосходное состояніе черноморскаго флота и знакомство русскихъ съ новѣйшими усовершенствованіями военнаго дѣла, возбудила въ Россіи

живѣйшую радость и имя Павла Степановича Нахимова сдѣлалось извѣстнымъ каждому русскому человѣку ([1]).

Въ дополненіе къ этому біографическому очерку, присоединяемъ слѣдующіе три оффиціальные документа.

1) Всеподданнѣйшее донесеніе Генералъ-Адъютанта Князя Меншикова, отъ $^{6}/_{18}$ октября 1854 года.

Въ дополненіе ко всеподданнѣйшему моему донесенію отъ сего числа, обязываюсь довести до Высочайшаго свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества, что морскіе чины—отъ офицера до матроса—которымъ исключительно ввѣрена защита города (Севастополя) съ батарей и бастіоновъ, явили 5-го числа, во время бомбардировки, примѣрное и достохвальное мужество и стойкость.

На бастіонѣ № 3-го, три раза орудійная прислуга была замѣняема, а между тѣмъ люди, съ веселіемъ и пѣснями, соперничая другъ предъ другомъ, исполняли свое дѣло.

Не могу при этомъ случаѣ не упомянуть о вице-адмиралѣ Нахимовѣ, который, дѣятельностію и распорядительностію своею, подвигалъ какъ эти нравственныя средства, такъ и матеріальныя упорному и успѣшному отраженію ударовъ непріятеля ([2]).

2) Высочайшая грамота, отъ 11 января 1855 года.

Начальнику 5-й флотской дивизіи, Нашему Вице-Адмиралу Нахимову 1-му.

Въ воздаяніе отлично-усердной службы вашей, достохвальной распорядительности и мужественнаго хладнокровія, оказанныхъ вами во все время бомбардированія и осады г. Севастополя англо-французскими войсками и флотомъ, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена Нашего Бѣлаго Орла, коего

([1]) «С.-Петерб. вѣд.» 1854 г. № 44 и „Русскій Инвалидъ„ 1855 г. № 152

([2]) При этомъ случаѣ П. С. Нахимовъ былъ раненъ, но весьма легко.

знаки при семъ препровождая, пребываемъ къ вамъ Императорскою и Царскою милостію Нашею благосклонны.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано.

НИКОЛАЙ.

С.-Петербургъ, 11 января 1854 года.

3) Рескриптъ Государя Великаго Князя Генералъ-Адмирала Вице-Адмиралу Нахимову, отъ 13-го января 1855 г.

Павелъ Степановичъ! Генералъ-Адъютантъ Князь Меншиковъ, свидѣтельствуя предъ Государемъ Императоромъ о заслугахъ Вашихъ во время обороны Севастополя, ходатайствовалъ о наградѣ Васъ орденомъ *Бѣлаго Орла*, и Его Величество на сіе Высочайше соизволилъ. Орденскіе знаки Вы получите вмѣстѣ съ грамотою, а Я вмѣняю Себѣ въ удовольствіе выразить Вамъ нынѣ личныя чувства Мои и всего Балтійскаго флота; Мы уважаемъ Васъ за Ваше доблестное служеніе; Мы гордимся Вами и Вашей славой— какъ украшеніемъ Нашего флота; Мы любимъ Васъ, какъ почтеннаго товарища, который сдружился съ моремъ, и который въ морякахъ видитъ друзей своихъ. Исторія скажетъ о Вашихъ подвигахъ дѣтямъ нашимъ, но она скажетъ также, что моряки-современники вполнѣ цѣнили и понимали Васъ. Примите, почтеннѣйшій Павелъ Степановичъ, въ этомъ письмѣ доказательство тому, и вѣрьте, что Я всегда пребуду искренно къ Вамъ доброжелательнымъ. (1)

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Высочества рукою написано:

КОНСТАНТИНЪ.

---

(1) „Русскій Инв." 1854 г. № 229 и "Морск. Сб." 1855 г. № 1.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ АДМИРАЛА ПАВЛА СТЕПАНОВИЧА НАХИМОВА (1).

II.

Статья капитана 2-го ранга Соколова.

Русскій флотъ и русская армія, вмѣстѣ со всѣми русскими, опечалены потерею одного изъ своихъ знаменитѣйшихъ адмираловъ и генераловъ, Павла Степановича Нахимова, сраженнаго вражескою пулею, въ 8 часовъ вечера 28-го іюня, ударившею его въ високъ и лишившею памяти до самой кончины, послѣдовавшей на третій день... Миръ праху твоему—умный, искусный и опытный, страстно любившій свое искусство и своихъ подчиненныхъ, равно любимый ими, всегда хладнокровно-мужественный, непоколебимый духомъ, неустанно-дѣятельный, добрый сердцемъ, великій умомъ и мужествомъ, честный и великодушный человѣкъ! Примѣръ твоей преданной и безкорыстной службы будетъ всегдашнимъ примѣромъ для всѣхъ грядущихъ поколѣній.

Служба покойнаго адмирала была проста, безъ особенныхъ приключеній, какъ служба всякаго честнаго офицера. Родился онъ въ 1800 году, Смоленской губерніи, Вяземскаго уѣзда, въ сельцѣ Городкѣ. Отецъ его, секундъ-маіоръ временъ Екатерины II, пользовался особеннымъ уваженіемъ и довѣренностію всѣхъ сосѣднихъ дворянъ. Опредѣленный въ морской кадетскій корпусъ на пятнадцатомъ году отъ рожденія, 3-го мая 1815 года, прямо въ гардемарины, чрезъ три года—14-го января 1818 года, онъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и 9-го февраля того же года въ мичмана, восьмнадцати лѣтъ отъ роду (2). Первые

---

(1) Подъ этимъ заглавіемъ помѣщается здѣсь рядъ статей, о побѣдителѣ при Синопѣ и доблестномъ защитникѣ Севастополя, появившихся въ различныхъ газетахъ и періодическихъ изданіяхъ. *Ред.*

(2) Такъ въ формулярѣ. Однакожъ въ статьѣ, посвященной обзору службы покойнаго адмирала, напечатанной въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ про-

годы службы его происходили въ балтійскомъ флотѣ: еще во время пребыванія въ корпусѣ, 1815—17 годахъ, онъ совершалъ практическія плаванія на бригахъ «*Симеонъ и Анна*» и «*Фениксъ*»; на послѣднемъ, подъ командою одного изъ лучшихъ офицеровъ того времени, лейтенанта П. А. Дохтурова, находились только избранные, лучшіе воспитанники корпуса; бригъ этотъ посѣтилъ, между прочимъ, берега Даніи и Швеціи. По выпускѣ изъ корпуса, онъ находился, вмѣстѣ съ экипажемъ его, въ С.-Петербургѣ, и лѣтомъ 1820 года, съ 23-го мая по 25-е октября, на тендерѣ «*Янусъ*», на кронштадтскомъ рейдѣ и въ плаваніи до Красной горки. Отправленный въ 1821 году сухопутно въ Архангельскъ, въ команду строившагося тамъ корабля, онъ вскорѣ былъ вызванъ оттуда, будучи назначенъ на фрегатъ «*Крейсеръ*», подъ команду капитана 2-го ранга, въ послѣдствіи знаменитаго адмирала Михаила Петровича Лазарева, отправлявшагося, вмѣстѣ со шлюпомъ «*Ладога*», подъ командою его брата, капитанъ-лейтенанта А. П. Лазарева, въ кругосвѣтное плаваніе. «*Крейсеръ*» былъ назначенъ для охраненія россійско-американскихъ колоній, а «*Ладога*» для доставленія груза въ Камчатку и колоніи россійско-американской компаніи. Тогда Михаилъ Петровичъ совершалъ уже третій кругосвѣтный вояжъ, будучи самъ командиромъ (первый на кораблѣ *Суворовъ* 1813—16 г. второй на шлюпѣ *Мирный* 1819—21 г.). Знающій и опытный, особенно отличавшійся тѣмъ замѣчательнымъ качествомъ образованія молодыхъ моряковъ, которому русскій флотъ такъ много обязанъ, многими, такъ сказать воспитанными имъ, въ послѣдствіи знаменитыми моряками, изъ ряда которыхъ въ продолженіе нынѣшней войны русскій флотъ лишился уже третьяго. За Корниловымъ послѣдовалъ Истоминъ, погибшій отъ смертельной

шлаго (1854) года, (*см. выше приведенную статью настоящаго сборника*) по видимому основанной на домашнихъ документахъ, годъ его рожденія означенъ 1803, слѣдовательно онъ вышелъ въ офицеры на пятнадцатомъ году, и скончался на пятьдесятъ второмъ. Хорошо при томъ извѣстно, что, въ старые годы, прибавленіе лѣтъ дѣтямъ, опредѣляемымъ въ учебныя заведенія, бывало дѣломъ весьма обыкновеннымъ. *Примѣч. кап. Соколова.*

раны нѣсколько прежде Павла Степановича, похороненный въ церкви, на мѣстѣ уступленномъ для него великодушнымъ начальникомъ и другомъ. Михаилъ Петровичъ полюбилъ молодаго Нахимова, какъ офицера ревностнаго, и съ своей стороны Павелъ Степановичъ сталъ всегдашнимъ искреннимъ другомъ и почитателемъ Михаила Петровича, отселѣ постоянно находясь уже подъ его начальствомъ, до самой его кончины, послѣдовавшей въ 1851 году. Часто и съ особеннымъ удовольствіемъ, покойный Павелъ Степановичъ, самъ всегда любившій дѣльныхъ молодыхъ офицеровъ, всегда готовый помогать имъ совѣтами своей опытности, любилъ разсказывать, какъ Михаилъ Петровичъ, посѣтивъ однажды вооружавшійся его фрегатъ, и замѣтивъ, что команда неправильно перевязывала ванты, снялъ съ себя вицъ-мундиръ, засучилъ рукава своей рубашки, и перевязалъ какъ слѣдуетъ, подавая тѣмъ благой примѣръ своимъ подчиненнымъ личнаго труда и превосходныхъ его знаній. На фрегатѣ «*Крейсеръ*» было пять лейтенантовъ и шесть мичмановъ, большая часть изъ нихъ, выйдя изъ этой превосходной школы, сдѣлались замѣчательными морскими офицерами.

Произведенный въ лейтенанты по экзамену, 22-го марта 1823 года, по окончаніи трехъ-лѣтней кампаніи, въ 1825 году, Павелъ Степановичъ былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4 степени и, вмѣстѣ съ другими, двойнымъ окладомъ жалованья. Въ слѣдующемъ, 1826 г., послѣ четырехъ-мѣсячнаго отпуска, Павелъ Степановичъ отправился въ Архангельскъ, и пришелъ оттуда, въ томъ же году, на новопостроенномъ кораблѣ «*Азовъ*», подъ командою того же, тогда уже капитана 1-го ранга, М. П. Лазарева. Съ мая 1827 г., по 18-е сентября 1830 г., находился въ кампаніи на Средиземномъ морѣ, отправившись туда на томъ же кораблѣ «*Азовъ*» (подъ командою того же М. П. Лазарева), на которомъ имѣли свое присутствіе, до Англіи, адмиралъ Д. Н. Сенявинъ, а отъ береговъ Англіи графъ Л. П. Гейденъ. Участвуя въ наваринской битвѣ, за отличіе былъ произведенъ, 14-го декабря 1827 года, въ капитанъ-лейтенанты и награжденъ, «за отличную храбрость, оказанную

противъ турокъ». орденомъ Св. Георгія 4-го класса; въ послѣдствіи, въ 1835 году, получилъ отъ греческаго короля орденъ Спасителя, «за участіе при истребленіи соединенными эскадрами турецко-египетскаго флота, при Наваринѣ». Въ слѣдующихъ 1828 и 1829 годахъ, онъ командовалъ, взятымъ въ плѣнъ у египтянъ около Модона, корветомъ «*Наваринъ*»; сперва занимая постъ, съ 27-го іюля 1828 года по 6 марта 1829 года, на Мальтійскомъ рейдѣ, а потомъ, въ плаваніи по Средиземному морю и Архипелагу; на этомъ корветѣ и прибылъ въ Кронштадтъ 18-го сентября 1830 года; тогда награжденъ орденомъ Св. Анны 2-й степени. Въ 1831 году онъ крейсеровалъ на этомъ же корветѣ, съ 12-го мая по 9-е сентября въ Балтійскомъ морѣ, отъ Кронштадта до Готланда, потомъ съ конвоемъ въ городъ Либаву и обратно въ Кронштадтъ. Въ 1832 году состоялъ членомъ комитета, учрежденнаго съ цѣлію предохраненія Кронштадта отъ холеры, и былъ назначенъ командиромъ заложеннаго на охтенской верфи фрегата «*Паллада*»; неутомимо слѣдя за постройкою этого образцоваго судна, онъ ввелъ на немъ нѣсколько, впервые испытываемыхъ, улучшеній. Въ слѣдующемъ, 1833 году, онъ уже крейсеровалъ на этомъ фрегатѣ, съ 27-го іюля по 17-е октября въ Финскомъ заливѣ и Балтійскомъ морѣ, въ эскадрѣ вице-адмирала Ѳ. Ѳ. Беллингсгаузена. При извѣстномъ несчастіи съ кораблемъ «*Арсисъ*», случившемся въ эту кампанію, онъ первый, ночнымъ сигналомъ, предостерегалъ флотъ отъ угрожавшей ему тогда опасности. Въ январѣ 1834 года былъ переведенъ въ черноморскій флотъ, въ управленіе которымъ тогда вступилъ вице-адмиралъ М. П. Лазаревъ, и назначенъ командиромъ 41-го флотскаго экипажа; 30-го августа того же года, произведенъ въ капитаны 2-го ранга. Въ 1836 г. онъ получилъ подъ команду новопостроенный корабль «*Силистрія*», который, какъ и фрегатъ «*Паллада*», строился подъ его надзоромъ; приведя его въ этомъ году изъ Николаева въ Севастополь, въ слѣдующемъ, 1837 году, уже находился съ нимъ въ крейсерствѣ на Черномъ морѣ, съ 25-го мая по 26-е сентября. 6-го декабря этого года, произведенъ въ капитаны 1-го ранга.

Долговременные и неутомимые труды Павла Степановича истощили его здоровье, и въ 1838 году, по ходатайству бывшаго тогда начальникомъ Главнаго Морскаго Штаба, свѣтлѣйшаго князя Александра Сергѣевича Меншикова, онъ былъ уволенъ, для излеченія, за границу, съ полнымъ содержаніемъ, гдѣ и лечился, на водахъ, съ 23-го марта 1838 по 18-е августа 1839 года, проживая зимою въ Берлинѣ.

Объ этой болѣзни, въ послѣдствіи, въ 1853 году, покойный адмиралъ разсказывалъ, что, изнуренный разнообразными леченіями и мало-свойственными его природѣ діетами, онъ уже слышалъ смертный себѣ приговоръ отъ собравшагося у его постели германскаго консиліума ученыхъ докторовъ; но, еще сильный духомъ и вѣрою, онъ вскорѣ поправился, и, по совѣту одного доктора, бросившаго медицинскую практику, разомъ оставилъ всѣ дальнѣйшія леченія и возвратился на родину, къ прежнему образу жизни, никогда съ той поры не хворая болѣе.

Съ 1840 года по день производства въ контръ-адмиралы, командуя тѣмъ же кораблемъ «*Силистрія*», онъ ежегодно находился въ кампаніяхъ.—Въ 1840 году онъ занимался доставленіемъ сухопутныхъ войскъ отъ Севастополя въ Ѳеодосію, сдѣлавъ въ это время два рейса; и потомъ у восточнаго берега, при занятіи мѣстечекъ на рѣкахъ Туапсѣ (1) и Псезуапѣ, гдѣ, при высадкѣ дессантнаго отряда на берегъ, командовалъ лѣвымъ флангомъ перваго отдѣленія; отсюда отправился въ Новороссійскій портъ, для положенія въ Цемесской бухтѣ мертвыхъ якорей. «За дѣйствіе оружіемъ, къ истребленію между Анапою и Новороссійскимъ портомъ, при долинѣ Чусхобъ, контрабанднаго судна», 2-го сентября этого года, удостоился Высочайшаго благоволенія. — Въ 1841 г. изъ Севастополя въ Одессу и обратно, потомъ въ Новороссійскій портъ, для положенія въ Цемесской же бухтѣ мертвыхъ якорей, и обратно въ Севастополь. Въ 1842 году въ практической эскадрѣ. Въ

---

(1) Такъ написано въ формулярѣ; но извѣстно, что устье рѣки Туапсе занято въ 1838 году и тогда же близъ него построенъ фортъ Вельяминовскій.

1843 году, для доставленія сухопутныхъ войскъ изъ Севастополя въ Одессу, сдѣлавъ для этого два рейса; потомъ въ практической эскадрѣ, и еще два рейса изъ Одессы въ Севастополь, для обратнаго отвоза тѣхъ же войскъ. Въ 1844 году изъ Севастополя въ Новороссійскій портъ, для расположенія бочекъ новаго устройства у мертвыхъ якорей, и обратно въ Севастополь; потомъ опять къ восточному берегу, для поданія помощи отъ нападенія горцевъ укрѣпленію Головинскому и обратно въ Севастополь. 2-го августа этого года, «за содѣйствіе, оказанное гарнизону Головинскаго укрѣпленія, при отраженіи горцевъ, нападавшихъ на это укрѣпленіе въ іюлѣ мѣсяцѣ», былъ удостоенъ Высочайшаго благоволенія. Въ 1845 году, въ практической эскадрѣ по Черному морю. 13-го сентября того же года произведенъ въ контръ-адмиралы, съ назначеніемъ командиромъ 1-й бригады 4-й флотской дивизіи. Въ 1846 году, на томъ же кораблѣ, въ практическомъ крейсерствѣ, и къ восточному берегу Чернаго моря. Въ 1847 году, на кораблѣ «*Ягудіилъ*» въ практической эскардѣ, а потомъ для доставленія сухопутныхъ войскъ изъ Севастополя въ Одессу, сдѣлавъ при этомъ два рейса. Въ 1848 году, на фрегатѣ «*Коварна*», съ 2-го мая по 2-е октября, у восточныхъ береговъ Чернаго моря. Въ 1849 году, снова на кораблѣ «*Ягудіилъ*», въ составѣ второй практической эакадры. Въ 1850 году, на фрегатѣ «*Коварна*», съ 6-го мая по 23 ноября, отъ Севастополя къ восточнымъ берегамъ Чернаго моря, и обратно. Въ 1851 году, на прежнемъ кораблѣ «*Ягудіилъ*», отъ Севастополя въ Одессу, для перевоза сухопутныхъ войскъ, и обратно; потомъ, съ первою практическою эскадрою въ крейсерствѣ. 22-го марта 1852 года, назначенный командующимъ 5-ю флотскою дивизіею, поднялъ флагъ на кораблѣ «*Двѣнадцать Апостоловъ*», и ходилъ съ 4-го іюня по 25-е октября изъ Севастополя въ Одессу, для доставленія туда сухопутныхъ войскъ, въ два рейса; потомъ въ практической эскадрѣ, и по возвращеніи еще два рейса въ Одессу, для перевоза отправленныхъ туда войскъ обратно. Въ октябрѣ того же года, произведенный въ вице-адмиралы, утвержденъ начальникомъ 5-й флотской дивизіи.

Въ этомъ году, 22-го августа, награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за *тридцать лѣтъ*, и 1-го октября, при произведенномъ Высочайшемъ осмотрѣ, «за найденный на судахъ черноморскаго флота отличный порядокъ», удостоенъ Высочайшаго благоволенія. Въ 1853 г., имѣя флагъ на томъ же кораблѣ «*Двѣнадцать Апостоловъ*», въ короткое время совершилъ перевозку, на командуемой имъ эскадрѣ полной пѣхотной дивизіи (16000), съ двумя батареями и артиллерійскимъ паркомъ, съ 827 лошадьми и со всѣми запасами на тридцать дней, на восточный берегъ Чернаго моря, за «успѣхъ» которой награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени Большаго Креста. Всего, по 20-е іюля, за которое время мы имѣемъ формуляръ его, сдѣлано имъ около тридцати четырехъ *шестимѣсячныхъ* морскихъ кампаній, или, точнѣе, прослужилъ подъ флагомъ 203 мѣсяца.

По совершеніи вышеозначенной перевозки, покойный адмиралъ получилъ повелѣніе крейсеровать, со ввѣренной ему 5-ю флотскою дивизіею, между берегами Крыма и Анатоліи.

Рѣшительное пораженіе турецкаго флота, при Синопѣ 18-го ноября того же 1853 года — этотъ искуснѣйшій маневръ, совершенный со всею стройностію и стойкостію, требуемыми современнымъ состояніемъ мореходства, выполненный послѣ *двухъ съ половиною мѣсячнаго*, труднаго по причинѣ осеннихъ бурь, крейсерства, былъ плодомъ многолѣтней опытности и совершеннаго знанія морскаго дѣла Павла Степановича Нахимова. Орденъ св. Георгія 2-й степени былъ заслуженною по статуту, какъ выражено въ Высочайшемъ рескриптѣ, наградою побѣдителю. Слава о немъ прогремѣла съ конца въ конецъ по всей православной Руси, и въ числѣ множества присылаемыхъ ему поздравительныхъ писемъ и стиховъ, которыхъ, по врожденной скромности, онъ не хотѣлъ обнародовать, весьма замѣчательна была присылка отъ какого-то, скрывшаго свое имя, богомольца, образа Николая Чудотворца, съ совѣтомъ сдѣлать одинъ въ большомъ видѣ, для каюты, а другой въ маломъ, для ношенія на груди, что и было немедленно

исполнено, греческимъ письмомъ, чрезъ художника Прохорова. Благоразумнымъ управленіемъ и всегдашнимъ присутствіемъ при оборонѣ осажденнаго Севастополя, покойный Павелъ Степановичъ пріобрѣлъ въ немъ, отъ граждапъ, моряковъ и сухопутныхъ войскъ, всеобщую любовь и преданность къ себѣ. 13-го января 1855 года, получилъ орденъ Бѣлаго Орла и лестный рескриптъ Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала. Высочайшимъ указомъ 27-го марта 1855 года, «за отличіе при оборонѣ Севастополя», произведенъ въ адмиралы.

Покойный адмиралъ, подобно А. И. Нагаеву, Д. Н. Сенявину и нѣкоторымъ другимъ стараго времени морякамъ, не позволялъ снимать съ себя портрета.—Онъ былъ высокъ, немножко сутуловатъ, бѣлокуръ, красивъ лицемъ, съ свѣтлыми голубыми глазами, и почти всегда съ выраженіемъ какого-то задумчиваго, порою даже суроваго добродушія. Разговоръ его былъ всегда одушевленный, полный наблюдательности и свѣтлыхъ мыслей.

Вотъ, въ заключеніе, немногія строки, изображающія его кончину, напечатанныя въ «Русскомъ Инвалидѣ» 7-го іюля:

«Очевидцы сообщаютъ слѣдующія подробности о кончинѣ его:

«Покойный адмиралъ никакъ не соглашался надѣвать солдатскую шинель, и всегда въ сюртукѣ, съ генеральскими эполетами, являлся на самыхъ передовыхъ укрѣпленіяхъ, дабы удобнѣе наблюдать въ зрительную трубу за осаждающими. 28-го іюня, въ восемь часовъ вечера, Павелъ Степановичъ явился на Корниловомъ бастіонѣ и, не смотря на усиленныя просьбы окружающихъ, началъ смотрѣть черезъ брустверъ на работы непріятеля... Пуля ударила въ земляной мѣшокъ возлѣ него: свита, сопровождавшая адмирала, усилила свои просьбы, умоляя его сойти съ банкета, но онъ спокойно оставался на мѣстѣ, примолвивъ: «Они цѣлятъ довольно хорошо!...» Черезъ нѣсколько минутъ другая пуля ударила Павла Степановича въ високъ; онъ впалъ въ безпамятство, которое продолжалось до самой кончины.

«30-го іюня его не стало.

«Да будетъ же миренъ сонъ твой, достойный сподвижникъ Лазарева, Корнилова и Истомина!... Черноморскіе моряки и севастопольскій гарнизонъ не забудутъ твоего доблестнаго примѣра!... Дѣти и внуки наши отстоятъ твою могилу, какъ ты отстаивалъ колыбель ихъ!...» ([1])

11-го іюля 1855 года.

III.

Статья капитана 2-го ранга Шестакова.

Еще потеря тяжкая, хотя и предвидѣнная; еще смерть, поражающая значеніемъ жертвы, новая могила, внушающая благоговѣніе и полная назиданія! Свершилось предопредѣленіе—и бодрый духъ, витавшій надъ бастіонами мученика Севастополя, живившій его защитниковъ въ теченіе 10-ти мѣсячной томительной однообразно-кровавой обороны, отлетѣлъ въ вѣчность! Не стало любимца черноморцевъ, ихъ вожатаго къ славѣ, товарища въ лишеніяхъ, утѣшителя въ неудачахъ и бѣдствіяхъ! Такія могилы не орошаются слезами; не скорбь и сѣтованія возбуждаются въ тѣхъ, кои удалены отъ мѣста тризны. Удивленіе и уваженіе замѣняютъ печаль сердечную и, сознавая вполнѣ великость потери, невольно увлекаешься желаніемъ изслѣдовать причины соединенія въ одномъ и томъ же смертномъ достоинствъ, дѣлающихъ изъ него примѣчательную особенность, выставленную случаемъ въ подраженіе современникамъ и въ образецъ потомству.

Вызванный въ послѣднее время счастливыми обстоятельствами на поле извѣстности, *П. С. Нахимовъ* не успѣлъ еще прислушаться къ отголоскамъ своей славы, не имѣлъ еще времени убѣдиться въ своемъ значеніи. Мелочныя страсти и жалкое самолюбіе легко развиваются въ отда-

---

([1]) „Морской Сборникъ“ 1855 г. № 7.

ленныхъ зрителяхъ, можетъ быть даже въ временныхъ участникахъ великой борьбы скромнаго чувства долга, противъ восторженности и убѣжденія въ матеріяльныхъ выгодахъ обѣщаемыхъ успѣхомъ; рѣшающіе же этотъ важный нравственный вопросъ въ Севастополѣ, постоянные дѣйствователи, несущіе все бремя трудовъ, готовые ежеминутно проститься съ міромъ и дать отчетъ предъ судомъ нелицепріятнымъ, неподдающимся никакимъ ухищреніямъ, чужды мелкихъ двигателей человѣчества. На стѣнахъ нашей Трои умираютъ геройски и праведно, въ сильномъ, но скромномъ сознаніи, что выполнили обязанность и заплатили долгъ отечеству. Такъ, безъ сомнѣнія, разсчитался съ жизнію нашъ добрый адмиралъ и, можетъ быть, для большей славы своего имени, разсчитался во-время. Честолюбіе доступно всякому понятію и возрасту и легко увлекаетъ самые строгіе характеры; будемъ же утѣшать себя мыслію, что оно пощадило человѣка, имѣвшаго полное право поддаться его обаянію; что несчастный случай свелъ адмирала въ преждевременную могилу незараженнымъ никакими разсчетами, внушаемыми успѣхомъ и извѣстностію, чистымъ безпорочнымъ сыномъ отчизны, никогда не дѣйствовавшимъ иначе какъ по убѣжденію; незаботившимся о воздаяніяхъ, нестаравшимся пріобрѣсть вліянія несоотвѣтственнаго его способностямъ, умѣвшимъ держаться въ той только сферѣ, въ которой онъ могъ быть полезенъ, никогда не ссорившимся съ своею совѣстію. Любопытно изслѣдовать законы такого необыкновеннаго явленія въ наше эгоистическое время; назидательно было бы, для потомства по крайней мѣрѣ, отыскать причины, указать на средства, не легко уловимыя обыкновенною наблюдательностію, которыми человѣкъ могъ дойти до столь свѣтлаго, непорочнаго взгляда на свои обязанности къ государству и обществу. Замѣчая явленіе, доходятъ до законовъ, которымъ оно подчиняется; такъ и изъ жизни Павла Степановича, вѣроятно, можно будетъ извлечь правила для образованія истинно-вѣрныхъ слугъ отечеству и друзей человѣчества. Біографія такого человѣка, основанная на его формулярномъ спискѣ, не представитъ ничего поража-

ющаго или особенно занимательнаго; а примѣсь анекдотовъ, большею частію выражающихъ легкую сторону человѣка и дурно съ нимъ знакомящихъ читателя, недостойна жизнеописанія мужа, всегда служившаго образцомъ гражданской и воинской доблести. Смиренные труженики, какими были Павелъ Степановичъ и наставникъ его М. П. Лазаревъ, требуютъ біографа-философа. Не громкіе подвиги, не блестящіе эпизоды должны преимущественно заслуживать вниманія; жизнеописателямъ предстоитъ составить книгу, которая будетъ руководствомъ жизни всякаго, готовящагося на вѣрную службу своему краю. Трудъ, требующій чтобъ имъ занялись добросовѣстно, слѣдовательно исключительно. Не имѣя ни способностей, ни времени, мы не смѣемъ приступать къ столь важному по цѣли своей предпріятію, но, лично знавши адмирала Нахимова, рѣшаемся въ немногихъ словахъ представить главныя черты его. По нимъ трудолюбивый, благонамѣренный писатель, постигающій двигатели прекраснаго сердца, способный сочетать въ понятіяхъ своихъ непоколебимую настойчивость и суровость въ дѣлахъ служебныхъ—съ нѣжностію души въ частныхъ отношеніяхъ, умѣющій безошибочно отдѣлить гражданина отъ семьянина, напишетъ книгу достойную высшей преміи литературныхъ произведеній, читаемую съ жадностію всѣми благонамѣренными людьми, не для минутнаго развлеченія, а для сохраненія въ своей памяти начертанныхъ въ ней нравственныхъ истинъ, измѣняющихъ, можетъ быть, самыя убѣжденія.

Сынъ бѣднаго помѣщика, неимѣвшаго средствъ дать ему особеннаго воспитанія, Павелъ Степановичъ въ раннемъ возрастѣ былъ оторванъ отъ родителей. Его привезли въ морской корпусъ, гдѣ въ то время умственное образованіе было болѣе спеціальное. Относительно нравственности въ заведеніи соблюдался наружный порядокъ, удовлетворявшій временныхъ посѣтителей; вообще же говоря, изъ корпуса выпускали тогда офицеровъ, готовыхъ принимать впечатлѣнія встрѣчаемыя на пути жизни и поддаваться вліянію непосредственныхъ примѣровъ. Къ счастію, Павелъ Степановичъ, въ самомъ началѣ служебнаго по-

прища, попался въ морскую нравственную школу М. П. Лазарева. Вводя столь новую номенклатуру, неизвѣстную въ министерствахъ просвѣщенія, мы дозволимъ себѣ нѣкоторыя поясненія. Молодой человѣкъ, безъ всякой опытности въ жизни, поступая на корабль, весьма скоро начинаетъ *чувствовать*, что нельзя безнаказанно предаваться прихотямъ своего характера. Помимо постояннаго бдительнаго надзора за всѣми его поступками, на который обязуютъ начальника самый законъ и существующія постановленія, составъ корабельнаго общества, всегда немногочисленнаго по неминуемой тѣснотѣ мѣста, заставляетъ его скоро гасить въ себѣ противо-общественныя наклонности и убѣждаетъ въ нелѣпости нравственной необузданности. Во всякомъ обществѣ, собранномъ случаемъ въ тѣсныхъ стѣнахъ корабля, сначала, можетъ быть, раждаются неудовольствія, даже ссоры; но со временемъ, въ долгомъ плаваніи, все измѣняется. При невозможности удалиться отъ человѣка, который не нравится (что легко въ обыкновенной жизни на сушѣ) и по естественному отвращенію къ одиночеству, невольно начинаешь думать о средствахъ провести мирно и пріятно два, три года въ обществѣ навязанномъ службою; становишься сначала осторожнѣе, потомъ снисходительнѣе къ другимъ, наконецъ строже къ самому себѣ. Осторожность тушитъ излишнюю кипучесть страсти, снисходительность постепенно умягчаетъ сердце, а изъ строгости къ самому себѣ истекаютъ правила жизни, сносной для общества. Послѣ долгаго совмѣстнаго заточенія, всякій чувствуетъ что сдѣлалъ уступку, пожертвовалъ болѣе или менѣе для блага всѣхъ. Никто никому особенно не обязанъ, слѣдавательно нѣтъ тягостнаго упрека самолюбію. Уступки были общія и произошли отъ силы обстоятельствъ. Такъ какъ никакое общество не можетъ держаться долго на ложныхъ, недостойныхъ началахъ, оказывается непремѣнно, что всякій уступилъ съ пользою для себя, отказался отъ чего нибудь дурнаго. Никакія способности не увлекутъ всю корабельную семью по недолжному пути на долгое время. Всѣ почти минуты дня проводятся вмѣстѣ; всякій на лицо—и нужно

быть созданнымъ противно обыкновенной человѣческой природѣ, чтобъ цѣлые годы, въ безпрестанныхъ столкновеніяхъ съ товарищами, носить личину.—Величіе явленій, совершенная особенность морской жизни, и наконецъ, когда знакомство дойдетъ до короткости, самая односторонность бесѣдъ, заставляютъ моряка искать по временамъ уединенія въ своей кельѣ. Уединеніе есть колыбель мысли, и пища для ней на кораблѣ представляется ежедневными случайностями. Можно жить мафусаиловъ вѣкъ, проплавать отъ полюса до полюса и все таки набрести на что либо новое, дотолѣ непредставлявшееся. Самая служба, перенося изъ края въ край, открываетъ новые предметы, невольно притягивающіе любопытство; отсюда рождается желаніе учиться, пріобрѣтать познанія, дающія средства цѣнить и понимать видимое. И такъ, въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ невольно совершенствуешься.

Посмотримъ ли на моряка какъ на члена своего отечества, обязаннаго ему служеніемъ, мы увидимъ, что и на этомъ полѣ ему легче идти по должному пути. Небреженіе къ долгу, лѣность, уловки, которыми придаютъ угожденіямъ видъ ревностнаго исполненія обязанности — весь этотъ соръ, легко прилипающій къ должностному человѣку на берегу, гдѣ многое дѣлается за глазами начальника и видны одни только результаты, не пристаетъ на кораблѣ, гдѣ очевидны принимаемыя мѣры, гдѣ небрежность ведетъ за собою немедленный вредъ и даже гибель, гдѣ лѣность одного становится уже тяжкимъ бременемъ для немногихъ остальныхъ, дѣлящихъ съ нимъ службу. Постоянное вниманіе къ дѣлу и неподдѣльное рвеніе внушаются силою обстоятельствъ и становятся привычкою. Тысячи непредвидѣнныхъ внезапныхъ случаевъ требуютъ общей дѣятельности внѣ срочнаго времени труда, опредѣленнаго постановленіями—и морякъ привыкаетъ считать себя вѣчно на службѣ. Поэтому извѣстное число часовъ, проведенныхъ въ исполненіи обязанности, не считаются правомъ на бездѣйствіе, и подобные департаментскіе разсчеты моряку не допускаются, можно сказать, силою природы. Естественно, послѣ долговременной службы онъ становится весь долгомъ.

До сихъ поръ мы выводили качества, свойственныя моряку, изъ самаго его быта, доказывали, что онъ находитъ на нихъ невольно, ощупью, безъ чьего-либо вліянія. Представимъ же себѣ облегчительныя средства къ достиженію и развитію всѣхъ этихъ наклонностей. Принявши въ разсчетъ огромную власть начальника на морѣ, вообразите, что счастіе дало вамъ въ руководители человѣка съ сердцемъ, свѣтлыми понятіями, возвышеннымъ характеромъ и успѣвшаго страстно полюбить дѣло, какимъ былъ М. П. Лазаревъ, и, въ свою очередь, достойный питомецъ его Павелъ Степановичъ. Слѣдя за вами неусыпно, онъ замѣтитъ дурныя начала въ самомъ зародышѣ. На своевременный укоръ, можетъ быть, вы и возразили бы, но подобные ревностные охранители закона не терпятъ возраженій и власти имъ данной не ослабляютъ безъ нужды, въ сознаніи ея необходимости. Вопреки наклонностямъ, вы дѣлаетесь строгимъ исполнителемъ, обуздываете, укрощаете себя для службы, убѣждаетесь, что она не розовое ложе и что, до извѣстной степени, терпѣть въ ней должно. Съ другой стороны, если, ревностію или находчивостію, вы избѣжали лишняго безпокойства — для команды только, или устранили незначительный вредъ, такой начальникъ, всегда готовый отдать должное подчиненному, тотчасъ замѣтитъ случай, придастъ вашему дѣйствію важность гораздо большую, нежели какой оно заслуживало, могшій произойти вредъ облечетъ въ страшную оболочку опасности и вашу находчивость представитъ слѣдствіемъ силы духа и глубокаго знанія дѣла; скажетъ вамъ, напримѣръ, что если бъ вы поступили иначе, корабль потерялъ бы способность выполнить порученіе, или, что еще болѣе лестно, отъ вашихъ распоряженій зависѣла жизнь людей — и вы спасли ее. Чье самолюбіе устоитъ отъ такихъ похвалъ? Невольно родится сознаніе, что поступилъ хорошо; а такое сознаніе, часто повторяемое, рождаетъ чувство собственнаго достоинства, ту благородную гордость, которая заставляетъ человѣка опасаться упрека собственной совѣсти болѣе невзгодъ начальничьихъ, дѣлать дѣло не изъ-страха и подобострастія, а цѣня себя и понимая свою важность въ огромномъ механизмѣ обще-

ственнаго устройства. Трудъ и терпѣніе становятся девизами питомцевъ такой школы, и въ нихъ естественно рождается презрѣніе къ недостойнымъ спекулянтамъ, добивающимся наградъ и отличій легкими способами угожденія и столь же легко жертвующимъ своею честію, правилами и мыслями для достиженія незаслуженнаго вліянія, клеймимаго общимъ мнѣніемъ, именно въ то время, когда ненасытный честолюбецъ достигаетъ апогея своего служебнаго поприща.

Павелъ Степановичъ, вслѣдъ за своимъ начальникомъ—воспитателемъ, шелъ по колеѣ нами начертанной, или, точнѣе, выведенной изъ ихъ долгой служебной жизни. Откровенно сознаемся, что въ общемъ взглядѣ нашемъ на жизнь моряка мы руководились, можетъ быть даже увлеклись, чертами, изъ коихъ многія принадлежали почти исключительно этимъ двумъ представителямъ нашего сословія. Прибавимъ еще, что эти избранные были моряки-поэты. Энергическая природа сдѣлала изъ нихъ энтузіастовъ, презиравшихъ собственными выгодами, считавшихъ преступленіемъ заботиться о своихъ житейскихъ нуждахъ, порицавшихъ незнаніе своего дѣла наравнѣ съ нравственными пороками, смотрѣвшихъ на небреженіе къ долгу какъ на нарушеніе присяги — данной клятвы — слѣдовательно какъ на слабость въ высшей степени безчестную.

Отъ жизни служебной перейдемъ къ частной—и здѣсь-то предстоитъ разрѣшеніе важной задачи. Прослуживши всю жизнь, едва ли отогрѣвая когда либо душу свиданіемъ съ родными, дорогими сердцу, въ черствыхъ сношеніяхъ съ различными служебными семьями, надъ которыми властвовалъ въ теченіе 25 лѣтъ, П. С. Нахимовъ, подобно незабвенному наставнику своему, сохранилъ дѣтскую нѣжность сердца. Немногіе свидѣтели послѣдняго прощанья его съ Михаиломъ Петровичемъ, отправлявшимся въ предсмертное путешествіе, до сихъ поръ не могутъ разсказывать безъ умиленія, какъ суровый по наружности адмиралъ проводилъ дни и ночи у постели угасавшаго мужа, дивной жертвы своего рвенія къ престолу и отечеству, какими горькими слезами заливался будущій герой Синопа и

рыцарь Севастополя, провожая обожаемаго начальника въ путь...: къ могилѣ!

Еще одна черта для біографа. Въ послѣдніе годы своей жизни Михаилъ Петровичъ, всегда ставившій службу выше отношеній частныхъ, придавалъ болѣе цѣны нѣкоторымъ сотрудникамъ своимъ, тщательнѣе слѣдившимъ за современными усовершенствованіями. Самое сословіе, дотолѣ считавшее Павла Степановича оракуломъ, охладѣло къ нему вслѣдствіе нѣкоторой неподвижности, выказавшейся въ немъ при общемъ стремленіи къ новой отрасли нашего дѣла. Глубоко изучивши прежнюю, посвятивши ей жизнь и достигши лѣтъ, въ которыхъ трудно учиться новому, старому лихому моряку извинительно было придерживаться отжившей системы. Не менѣе того видимое предпочтеніе оказываемое начальникомъ, въ чувствахъ котораго онъ считалъ себя въ правѣ занимать первое мѣсто, другимъ, младшимъ по службѣ, сильно тревожили Павла Степановича. Но ни охлажденіе человѣка имъ чтимаго, ни равнодушіе сослуживцевъ, низведшихъ его съ пьедестала ими же воздвигнутаго, не измѣнили адмирала. Въ борьбѣ самолюбія съ прекрасною чистою душою восторжествовала природа. Характеръ его, не смотря на одинокую жизнь, остался пріятнымъ и правила не измѣнились. Съ тѣми же чувствами преданности и нѣжной любви спустилъ онъ своего благодѣтеля въ хладную могилу; съ тою же вѣрностію дружбы онъ ежедневно ходилъ на поклоненіе къ доблестному усопшему; съ тѣмъ же веселымъ, ничѣмъ непотемняемымъ нравомъ, онъ примирился съ новымъ своимъ положеніемъ въ отношеніи къ сословію, и не омрачая души своей порывами негодованія или жаждою мести, переносилъ скромно, безъ ропота, охлажденіе сослуживцевъ до того дня, когда справедливая судьба, пораженная нравственнымъ спокойствіемъ благороднаго страдальца, увѣнчала его вѣнкомъ славы пышнѣй прежняго, сорваннаго обстоятельствами. Въ чемъ, какъ не въ глубокомъ основательномъ сознаніи своихъ достоинствъ, можетъ храниться тайна такой душевной ясности!

Кончина адмирала, раненаго штуцерною пулею въ го-

лову, не представляетъ сама по себѣ ничего для современниковъ и потомства. Онъ тотчасъ впалъ въ безчуствіе, продолжавшееся до самой смерти, и однажды только прошепталъ едва внятнымъ голосомъ медику, силившемуся отнять руку, безпрестанно подносимую страдальцемъ къ ранѣ: «эхъ, Боже мой! что за вздоръ». Прилагаемъ краснорѣчивое описаніе впечатлѣнія, произведеннаго кончиною адмирала на его ратныхъ товарищей. Кто усомнится въ искренности чувствъ осиротѣлыхъ черноморцевъ?

На мѣстѣ, нынѣ потрясаемомъ громомъ злобы и дикаго отчаянія, водрузится храмъ во имя мудраго просвѣтителя нашего отечества. Символъ міра—святой крестъ—осѣнитъ величавые своды, которые Россія воздвигнетъ въ память великаго христіанскаго торжества. Основаніемъ пышному храму послужитъ могила доблестей, дорогая сердцу каждаго русскаго. Подъ своды священнаго зданія будутъ стекаться всѣ сословія въ воспоминаніе дивнаго событія, озарившаго землю нашу свѣтомъ истины, для оживленія своей вѣры; а на могилѣ, отнынѣ исторической, отмѣченные геніемъ-хранителемъ Россіи для трудовъ на пользу ея или какъ жертвы за ея искупленіе, въ благодарной памяти къ усопшимъ, придутъ искать силы и вдохновенія! (1)

IV.

Статья профессора Гюббенета.

Въ теченіе девяти мѣсяцевъ, проведенныхъ мною въ Севастополѣ, много пережито испытаній и волненій самыхъ разнообразнѣйшихъ, много опасностей, горя и печали—радостей досталось не много!—Сколько храбрыхъ молодыхъ людей, встрѣчавшихся мнѣ, за нѣсколько, можетъ быть ча-

(1) „Морской Сборникъ“. 1855 г. № 8.

совъ, полными силы и здоровья, принесено ко мнѣ на перевязочный пунктъ, кто уже полумертвый, кто съ оторваннымъ членомъ, простреленною грудью или раздробленнымъ черепомъ. Сколькихъ изъ моихъ товарищей и бывшихъ слушателей, за нѣсколько часовъ, съ полною энергіею и неутомимымъ мужествомъ и терпѣніемъ предававшихся труднымъ занятіямъ своего званія приходилось мнѣ видѣть трупами. Изъ нихъ, одинъ палъ жертвою быстро развившейся повальной болѣзни (тифуса, холеры), иному пресѣкъ дни непріятельскій выстрѣлъ. Но при всѣхъ этихъ, повседневно повторявшихся печальныхъ картинахъ, при крови ежечасно струившейся подъ моимъ ножемъ (въ Севастополѣ, съ 1-го іюня произведено чуть ли не до 3,000 ампутацій), ни чья смерть не поразила меня такъ глубоко, не оставила за собою во всѣхъ сердцахъ такой безотрадной пустоты, какъ смерть нашего незабвеннаго адмирала Павла Степановича, вѣрнаго слову, преданнаго долгу, этого рыцаря древнихъ временъ — съ нѣжнымъ сердцемъ дитяти.

27-го іюня, часовъ въ 7 вечера, я находился у раненаго, всему Севастополю дорогаго, *Тотлебена* и дѣлалъ перевязку, полученной имъ 8-го числа, штуцерной раны, принявшей сомнительный оборотъ, отъ наступившаго воспаленія жилистой оболочки. Въ это время вошелъ въ комнату одинъ изъ подчиненныхъ Тотлебену инженерныхъ офицеровъ и, отозвавъ меня въ сторону, сообщилъ, что *Нахимовъ* убитъ штуцерною пулею, на Малаховомъ курганѣ; онъ просилъ меня, чтобы я передалъ осторожно Тотлебену эту печальную вѣсть. Тотлебенъ съ покойнымъ адмираломъ былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Эти два мужа, надежда севастопольской обороны, питали одинъ къ другому высокую степень уваженія, чувствовали взаимное другъ къ другу влеченіе и, устремляясь къ одной и той же цѣли, въ мысляхъ и дѣйствіяхъ своихъ представляли много общаго. Мнѣ досталось счастіе имѣть съ обоими частыя, близкія и искреннія сношенія, и потому я знаю, чуть ли не лучше всякаго, какъ высоко каждый изъ нихъ цѣнилъ достоинства другаго. При опасномъ состояніи раны Тотле-

бена и сильной раздражительности въ какую его привели перенесенныя, при девяти-мѣсячной безпримѣрной дѣятельности, труды, я побоялся за послѣдствія такого тяжкаго удара, и запретилъ было сообщать ему объ ономъ; какъ вдругъ, внезапно вошедшій, офицеръ пригласилъ меня на помощь Нахимову, перенесенному изъ Корабельной на Сѣверную сторону, съ опасною раною. Я поспѣшилъ туда, и нашелъ его окруженнаго врачами, но въ безнадежномъ состояніи. Пулею пробило черепъ на вылетъ чрезъ мозгъ. Адмиралъ лежалъ въ предсмертныхъ мукахъ, которыя продолжались съ вечера 28-го до 11 часовъ 7 минутъ 30-го іюня, когда онъ испустилъ послѣдній вздохъ. 1-го іюля послѣдовало погребеніе.

Чего въ лицѣ этого мужа лишились Севастополь, флотъ, вся Россія, того не въ силахъ выразить мое неискусное перо. Я былъ свидѣтелемъ тѣхъ восторженныхъ чувствъ къ нему, которыми одушевленъ былъ флотъ и цѣлое войско; видѣлъ неограниченное довѣріе и безпредѣльную къ нему любовь простаго солдата. При частыхъ свиданіяхъ съ нимъ я имѣлъ случай открывать въ его сердцѣ такія струны, которыя не всякому были такъ доступны какъ мнѣ. Всей Европѣ извѣстны его высокое мужество и блестящая храбрость, по мнѣнію многихъ, не имѣвшая границъ. Онъ ежедневно подвергалъ себя безъ малѣйшей осторожности непріятельскому огню, избиралъ мѣста самыя опаснѣйшія—по крайней мѣрѣ никогда не обходилъ ихъ; останавливался на самыхъ беззащитныхъ пунктахъ бастіоновъ, а когда окружавшіе почти насильно увлекали его прочь отъ опасности, то онъ какъ бы съ намѣреніемъ замедлялъ шаги свои.

Все это дѣлалось безъ малѣйшаго тщеславія: напротивъ того, всѣ поступки его носили явный отпечатокъ величайшей скромности, и, конечно, имѣя единственною цѣлію возвысить общее мужество и показать, что минута смерти опредѣлена провидѣніемъ, независимо ни отъ какихъ человѣческихъ предосторожностей. И, дѣйствительно, его примѣръ имѣлъ безпредѣльное вліяніе на духъ нашихъ храбрыхъ матросовъ, и за упорную оборону порта отече-

ство ему невыразимо обязано.—Онъ до того пренебрегалъ собственною безопасностію, что вся армія. наконецъ, стала смотрѣть на него какъ бы на человѣка застраховавшаго жизнь свою, видя, въ теченіе девяти мѣсяцевъ сряду, въ самомъ жаркомъ огнѣ, что ядра какъ бы сами избѣгали встрѣчи съ нимъ. А казалось, не большаго стоило бы труда врагу узнать Нахимова, ростомъ высокаго, единственнаго во всемъ Севастополѣ офицера носившаго эполеты, которыхъ онъ никогда не снималъ съ плечъ. Мнѣ случалось встрѣчать его во всякое время дня, и всегда при эполетахъ (онъ даже спалъ въ нихъ, ибо, какъ самъ мнѣ признавался, что во все время 9-ти мѣсячной осады онъ ни разу не ложился спать раздѣтый). Такимъ образомъ онъ представлялъ постоянно цѣль для непріятельскихъ выстрѣловъ, тѣмъ болѣе что весьма часто пренебрегалъ всякимъ прикрытіемъ во время наблюденія непріятельскихъ дѣйствій и выказывался сверхъ бруствера, что́ сдѣлалъ и въ ту самую минуту, когда получилъ послѣднюю рану.

О многочисленныхъ его заслугахъ говорить не стану; приведу только нѣкоторыя черты его характера, какія я успѣлъ узнать, состоя врачемъ при севастопольскомъ гарнизонѣ. Дѣятельность его была неутомимая, неисчерпаемая. Помню, что, въ самый разгаръ его трудовъ, по званію начальника всего черноморскаго флота, главнаго командира порта, севастопольскаго губернатора и помощника начальника гарнизона, не только не останавливалось самое малѣйшее дѣло, но никто не приходилъ къ покойному адмиралу не во-время, коль скоро дѣло шло объ облегченіи положенія больныхъ — будь эта просьба, по видимому, самая ничтожная. Дѣла у него неограничивались словами или обѣщаніями: дѣло, представленное адмиралу и имъ одобренное. можно было считать исполненнымъ. Съ отраднымъ чувствомъ вспоминаю и понынѣ о его благородномъ стремленіи и живомъ, восторженномъ участіи, какое онъ принималъ во всякомъ добромъ дѣлѣ! Напротивъ того, съ какою нещадною ненавистью клеймилъ онъ всякое злоупотребленіе, особенно такое, отъ котораго могли пострадать его матросы; съ какою готовностію выслушивалъ вся-

кое предложеніе, могущее повести хотя къ малѣйшему улучшенію. Неумолимый врагъ всякаго педантства, всякой бумажной дѣятельности, онъ отвергъ всѣ стѣснительныя, при настоящихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ, формальности, и этимъ только достигъ возможности быстро и успѣшно осуществлять свои намѣренія. Всѣ его дѣйствія отличались юношескою пылкостію; все доброе находило въ немъ заступника самаго горячаго и искренняго, и потому собственно онъ могъ порою казаться крутымъ и суровымъ, ибо мысль высказывалъ прямо и откровенно и не стѣсняясь выражалъ свое презрѣніе къ мелочности и самолюбію. Чуждый всякаго притворства, онъ никогда не скрывалъ своего мнѣнія и высказывалъ его прямо и откровенно даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда личный разсчетъ требовалъ этого. Однимъ словомъ, онъ былъ патріотъ, какихъ мало. Онъ не считалъ достойнымъ хвалить все существующее и скрывать недостатки, а находилъ пользу въ обличеніи послѣднихъ и въ неусыпномъ стремленіи къ улучшеніямъ.

Я помню, что по всѣмъ безчисленнымъ мелочнымъ желаніямъ и нуждамъ больныхъ постоянно приходилось обращаться къ Нахимову. Часто встрѣчались нужды, повидимому не легко или даже вовсе неудовлетворяемыя, но отъ которыхъ для раненаго ожидалось благодѣяніе или облегченіе, и Павелъ Степановичъ непремѣнно находилъ средство уладить дѣло. Можно было подумать, что покойный адмиралъ владѣетъ какимъ-нибудь неисчерпаемымъ источникомъ, благодаря которому можетъ удовлетворять нуждамъ всѣхъ и каждаго. Источникъ этотъ заключался единственно въ его неутомимой дѣятельности, энергіи, вниманіи ко всему что его окружало и въ его тепломъ сердцѣ!—Онъ говорилъ, что ненавидитъ поэзію, но самъ имѣлъ самую поэтическую душу. Во время осады, одинъ поэтъ доставилъ къ синопскому герою хвалебное стихотвореніе: «Если этотъ господинъ хотѣлъ сдѣлать мнѣ удовольствіе, сказалъ мнѣ при этомъ случаѣ Павелъ Степановичъ, «то ужъ лучше бы прислалъ нѣсколько сотъ ведеръ капусты для моихъ матросовъ». Удостоившись, по окончаніи послѣдней бомбардировки Севастополя, получить въ награду отъ Госу-

даря Императора значительную аренду, онъ только и мечталъ о томъ, какъ бы деньги эти употребить съ наибольшею пользою для матросовъ или на оборону города! По многочисленнымъ занимаемымъ имъ должностямъ и долговременной службѣ, Нахимовъ получалъ значительное содержаніе; но, не имѣя семейства и живя со скромностію древняго философа, онъ не только никогда не имѣлъ денегъ, но постоянно прибѣгалъ къ кошельку своихъ адъютантовъ, для раздачи милостыни бѣднымъ, а въ особенности на пособіе матроскимъ семействамъ и пр. Не могу удержаться, чтобы не привести случаевъ, которыми выражалась его заботливость о страждущихъ, потому что они могли только проистекать изъ безпредѣльно нѣжнаго сердца. Мнѣ нерѣдко случалось находить у раненыхъ офицеровъ различнаго рода лакомства, не легко доступныя. На распросы мои, откуда достаются онѣ, я получалъ постоянно одинъ и тотъ же отвѣтъ: «прислалъ Нахимовъ!» Во время болѣзни Тотлебена, я всегда находилъ у постели его свѣжіе цвѣты, доставленные, самою собою разумѣется, отъ Нахимова! И такъ, при тяжкомъ бремени должностныхъ занятій, подъ самымъ градомъ бомбъ, герой нашъ находилъ время повиноваться благороднымъ побужденіямъ своего нѣжнаго сердца! Въ такихъ подвигахъ гораздо болѣе поэзіи, нежели въ цѣлой сотнѣ поэмъ.

Разговоръ его былъ всегда занимательный, одушевленный, полный внимательности къ предмету. Единственная, постоянная его забота была о Севастополѣ и флотѣ! Не мнѣ описывать то горе, съ какимъ оплакивалъ онъ потерю своихъ доблестныхъ сподвижниковъ: Корнилова, Истомина, Юрковскаго, и увяданіе подъ вражьими выстрѣлами лучшаго цвѣта черноморскаго флота! Такимъ образомъ, на его глазахъ погибли его храбрѣйшіе товарищи, его любимѣйшіе питомцы, и это было для него невыносимымъ. Онъ неоднократно говорилъ мнѣ, въ искренней бесѣдѣ, что переживъ двукратное бомбардированіе Севастополя, третьяго пережить не въ состояніи! (Адмиралъ пережилъ пять бомбардированій). Въ послѣднее время онъ страдалъ различными припадками—болями въ желудкѣ, рвотою, головокру-

женіемъ, даже обморокомъ. Состоявшіе при немъ, преданные ему офицеры никогда не пропускали увѣдомлять меня объ этихъ случаяхъ. Самъ онъ всегда говорилъ мнѣ откровенно о своемъ положеніи, которое тщательно старался скрывать отъ всѣхъ прочихъ, но увѣрялъ, что о леченіи теперь и думать нечего: стоитъ ему только прекратить сегодня обычный кругъ дѣятельности, чтобы впасть завтра въ совершенное изнеможеніе. «Да», присовокупилъ онъ къ этому, «если мы сегодня заключимъ миръ, то я убѣжденъ, что навѣрное завтра же заболѣю горячкою; если я держусь еще на ногахъ, то этимъ я обязанъ моей усиленной, тревожной дѣятельности и постоянному «волненію». И въ самомъ дѣлѣ, дѣятельность его, не прекращавшаяся до самой послѣдней минуты, возрастая почти до лихорадочнаго состоянія и держа его цѣлыхъ десять мѣсяцевъ въ безпрерывной тревогѣ, переступала почти границы естественнаго. Лучшимъ для него утѣшеніемъ были поѣздки верхомъ по бастіонамъ, гдѣ находился онъ между матросами, столько имъ любимыми, среди которыхъ и постигла его, наконецъ, смерть. 28-го іюня, поѣхалъ онъ на третій бастіонъ, откуда слышалась жестокая перестрѣлка. Всѣ усилія желавшихъ остановить его, подъ предлогомъ болѣзни, остались напрасными. «Мнѣ дышится свободнѣе на бастіонѣ», сказалъ онъ и поѣхалъ далѣе, для того, чтобы возвратиться трупомъ на свою квартиру. Онъ благополучно миновалъ третій бастіонъ; но на Корниловскомъ, гдѣ пали Корниловъ и Истоминъ, нашелъ смерть и онъ. Съ тѣхъ поръ протекло полтора мѣсяца; гарнизонъ и Севастополь перенесли много тяжкихъ испытаній, пролито ручьями много благородной крови, но имя Нахимова остается незабвеннѣйшимъ изъ именъ — это имя напишется золотыми буквами какъ въ исторіи Россіи, такъ и въ сердцахъ грядущихъ поколѣній (1).

Севастополь 15-го августа 1855 г.

---

(1) Морск. Сборн. 1855 г. № 9. Статья эта перепечатана въ С.-Петерб. Вѣд. 1855 г. № 208; Сѣв. Пчелѣ 1855 г. № 210; Русскомъ Инвалидѣ 1855 г. № 207; Московскихъ Вѣдом. 1855 г. № 117; Журналѣ Вон. Учеб. Зав. Т. 116 № 463.

V.

Статья В. З.

Первые отзывы объ адмиралѣ *Нахимовѣ*, послѣ грустной его кончины, исполнены совершенно объяснимыми горячностію и энтузіазмомъ. До сихъ поръ, еще никто не взялъ на себя отвѣтственности біографа, представляя только легкій очеркъ характера и нравственнаго значенія Павла Степановича. Статья капитана 2-го ранга Шестакова, въ августовской книжкѣ Морскаго Сборника, написанная очень живо и увлекательно, затрогиваетъ такія чувствительныя стороны сердца, что не можетъ остаться безъ возраженій, потому что едва ли можно произнести окончательное сужденіе о такихъ утонченныхъ предметахъ, какъ, напримѣръ, причина полнаго нравственнаго развитія государственнаго человѣка, не встрѣтивъ противоположныхъ мнѣній и заключеній.

Объ адмиралѣ Нахимовѣ можно было слышать самые разнообразные толки и сужденія, прежде чѣмъ судьба высказала свѣту высокія достоинства этой личности. Разнообразіе отзывовъ будетъ продолжаться, безъ сомнѣнія, и послѣ смерти героя, который остался неразгаданнымъ многими. Напрасно будемъ мы приписывать біографіямъ значеніе образцовъ для подражанія. Каждый прокладываетъ себѣ путь по своему, повинуясь влеченіямъ своихъ природныхъ наклонностей. Нахимовъ выходилъ изъ разряда людей обыкновенныхъ, по своему громадному характеру и силѣ воли. Необыкновенная дѣятельность, при могучемъ здоровьѣ, развила его природный, свѣтлый умъ, отличавшійся оригинальнымъ, практическимъ направленіемъ. Ошибается тотъ, кто называетъ его человѣкомъ простымъ и подражателемъ. Павелъ Степановичъ вовсе не былъ такъ простъ и такъ подражателенъ, какъ онъ самъ старался выказаться большинству. Направленіе у него было вполнѣ самостоятельное, независимое отъ вліянія *наставника;* слово это мы понимаемъ исключительно въ спеціальномъ значеніи, а никакъ не въ нравственномъ.—Кто служилъ долгое время подъ личнымъ начальствомъ Павла Степановича и

былъ коротко съ нимъ знакомъ, тотъ никогда не согласится съ авторомъ статьи, изъ которой можно понять, что Павелъ Степановичъ былъ когда-нибудь нравственнымъ мученикомъ. Имя Нахимова не нуждается въ защитѣ; мы высказываемся удовлетворяя своей потребности подѣлиться мыслями о такомъ близкомъ для каждаго изъ насъ предметѣ, и совершенно отказываемся отъ права критика и біографа, сознаваясь откровенно въ своей неспособности и неопытности на литературномъ поприщѣ.

Встрѣчая препятствія на пути жизни, Павелъ Степановичъ непоколебимо слѣдовалъ къ предназначенной великой цѣли, вполнѣ сознавая свое могущество, и, какъ Джервизъ русскаго флота, онъ, больше чѣмъ кто нибудь другой, способствовалъ образованію типа русскаго матроса и морскаго офицера. Подъ личиной простяка и стараго моряка, онъ, живя на берегу, сближался и даже дружился съ молодежью, страстно любилъ спорить и толковать о морскомъ ремеслѣ, съ удовольствіемъ прислушивался, на Графской пристани Севастополя, къ критическимъ сужденіямъ объ управленіи судами, и въ особенности шлюпками подъ парусами. Понимая совершенно духъ русскаго простолюдина, онъ умѣлъ сильно дѣйствовать на матросовъ, и всѣми силами старался вселить въ нихъ гордое сознаніе великаго значенія своей спеціальности.

Это сближеніе сановника съ толпой было понято различнымъ образомъ; многія слова и выходки Павла Степановича принимали буквально; отсюда произошли разные анекдоты истинные и вымышленные, которые вредили ему во время жизни. Начали говорить: Павелъ Степановичъ устарѣлъ, отсталъ отъ вѣка,—причина: вчера онъ встрѣтился на Графской пристани съ мичманомъ N N и спросилъ его, гдѣ онъ служитъ; тотъ отвѣчалъ, что на пароходѣ. «Не стыдно ли вамъ, г-нъ NN, въ ваши лѣта на самоварѣ служить»?—Эта выходка, подхваченная съ истиннымъ восторгомъ веселой молодежью, многими была понята и истолкована превратно.—Неужели Павелъ Степановичъ называлъ пароходы *самоварами*, желая выразить преимущество парусныхъ судовъ передъ паровыми?—Кому не

понятно, что молодой морской офицеръ долженъ начать свое служебное поприще на мелкомъ парусномъ суднѣ, которое, по справедливости, должно назвать колыбелью моряка. Говоруны Графской пристани называли Михаила Петровича Лазарева также устарѣлымъ, потому что онъ любилъ тендерà, какъ будто Лазаревъ не зналъ всѣхъ недостатковъ тендера, какъ мореходнаго судна.

Пользуясь кампаніей въ морѣ, Павелъ Степановичъ обнаруживалъ такую дѣятельность, которая дается въ удѣлъ немногимъ. Строгость его и взыскательность за малѣйшее упущеніе или вялость на службѣ подчиненныхъ не знали предѣловъ. Самые близкіе его береговые пріятели и собесѣдники не имѣли минуты нравственнаго и физическаго спокойствія въ морѣ: требованія Павла Степановича возрастали въ степени его привязанностей. Можно было подумать, что его приближенные люди ему совершенно чуждые, и которыхъ онъ сильно притѣсняетъ. Постоянство его въ этомъ отношеніи и настойчивость были истинно поразительны.

Не осмѣливаясь осуждать покойнаго адмирала за подобный способъ дѣйствовать на подчиненныхъ, позволимъ себѣ замѣтить, что, вѣроятно, побудительною причиною была ненасытимая потребность дѣятельности, которая иногда уклоняетъ въ сторону отъ главной цѣли.—Неестественная дѣятельность въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ, и въ особенности напряженіе нравственныхъ силъ человѣка, находящагося постоянно *на сторожѣ*, неминуемо ослабляютъ его энергію. Можно согласиться съ тѣмъ, что это хорошая морская школа, но безъ дальнѣйшихъ эпитетовъ. *Нравственная морская школа* есть выраженіе совершенно однозначащее честному исполненію своей обязанности человѣка, служащаго гдѣ бы то ни было. Бдительный надзоръ начальника за каждымъ шагомъ подчиненныхъ необходимъ вездѣ и всегда, потому что не всѣ подчиненные одинаково понимаютъ чувство долга...

Въ адмиральской каютѣ, за обѣденнымъ столомъ, Павелъ Степановичъ снова дѣлался общимъ добродушнымъ собесѣдникомъ; имѣя веселый нравъ, онъ отличался госте-

пріимствомъ русскаго человѣка, любилъ угостить тѣхъ, которымъ отъ него сильно доставалось на службѣ, и развеселить общество своей живой, занимательной бесѣдой. — Выговоры и замѣчанія Павла Степановича, впрочемъ, не были очень тягостны, потому что онѣ всегда имѣли отпечатокъ добродушія; послѣ первой вспышки, выраженной очень просто и лаконически, не задѣвая глубоко за живое, что свойственно менѣе опытнымъ начальникамъ, онъ черезъ нѣсколько времени старался смягчить впечатлѣніе молодаго человѣка разными сентенціями въ такомъ родѣ: «какъ же это, г-нъ NN, у васъ сегодня брамъ-шкоты не были вытянуты до мѣста?—Это дурно; вы никогда не будете хорошимъ адмираломъ. Знаете ли, почему Нельсонъ разбилъ французско-испанскій флотъ подъ Трафальгаромъ?»— Артиллерія у него была хорошая.—«Мало того, что артиллерія была хороша; этого мало-съ. Паруса хорошо стояли, все было вытянуто до мѣста; брамсели у него стояли, конечно, не такъ, какъ у васъ сегодня; французы увидѣли это, оробѣли—вотъ ихъ и разбили». Мичманъ NN, конечно, не пропустилъ случая разсказать въ каютъ-кампаніи, что Павелъ Степановичъ приписываетъ успѣхъ трафальгарскаго сраженія, вытянутымъ до мѣста, брамъ-шкотамъ.

Команда, подъ руководствомъ Павла Степановича, быстро развивалась и знакомилась съ своимъ дѣломъ. Строгій до крайности за вялость, онъ умѣлъ привязать къ себѣ матросовъ; никто лучше его не умѣлъ говорить съ ними; немногіе знаютъ, какое таинственное вліяніе онъ имѣлъ не на одни суда, которыя носили флагъ его, а на многія другія, независимо отъ вліянія начальника дивизіи. — Знаютъ это немногіе, потому что истинное достоинство, какъ всякая добродѣтель, не любитъ выставлять себя наружу, а остается скрытымъ, до тѣхъ поръ, пока добросовѣстный историкъ выработаетъ его изъ лабиринта ветхихъ матеріаловъ (1).

(1) Морск. Сборн. 1855 г. № 10. Статья эта была перепечатана въ Москов. Вѣд. 1855 г. № 132 и Сѣв. Пчелѣ 1855 г. № 239.

VI.

Нѣсколько словъ на предъидущую статью В. З.

«....Я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ статью г. В. З. объ адмиралѣ Нахимовѣ, или, точнѣе, о моемъ взглядѣ на этого замѣчательнаго человѣка. Съ удовольствіемъ, говорю я, потому что изъ различныхъ только отзывовъ современниковъ, можетъ будущій біографъ составить правдивое жизнеописаніе, достойное нашего почтеннаго адмирала; съ особеннымъ наслажденіемъ потому еще, что возраженія выказываютъ умственную дѣятельность и независимость— пріятное явленіе въ нашъ вѣкъ ералаша и вѣры въ журналы — и устраняютъ преобладаніе идей одного человѣка, безъ сомнѣнія вредное для общества или сословія, если авторитетъ не имѣетъ основанія, или писатель не выказываетъ стремленія къ пользѣ. Взгляды на тѣ же предметы, факты и личности бываютъ не только несходны, но совершенно противоположны; есть, однакожь, заключенія, выводимыя изъ вседневной жизни, и поэтому не допускающія большаго произвола при составленіи ихъ. Г. В. З. коснулся нѣкоторыхъ подобныхъ заключеній, разбирая мои *намеки*, а вовсе не *окончательныя сужденія*, о нравственныхъ двигателяхъ покойнаго Павла Степановича. Объ этихъ-то заключеніяхъ я побесѣдую съ авторомъ, избѣгая, по возможности, всего, касающагося лично адмирала.

«Напрасно», говоритъ г. В. З., «будемъ мы приписывать біографіямъ значеніе образцовъ для подражанія. Каждый прокладываетъ себѣ путь по своему, повинуясь влеченіямъ своихъ природныхъ наклонностей». Относя заключеніе автора, прямо противорѣчащее выраженной мною идеѣ, не къ біографіямъ, а къ людямъ ихъ удостоиваемымъ, я никакъ не могу отказаться отъ моего мнѣнія. Природныя наклонности, безспорно, имѣютъ огромное вліяніе на выборъ оригинала; но всѣ мы болѣе или менѣе подражатели, и самостоятельность, въ строгомъ смыслѣ слова, встрѣчается только въ искусствахъ, подчиняющихся преимущественно воображенію, а не въ жизни человѣка, повторяющейся въ тѣхъ же многообразныхъ формахъ съ сотворенія

міра. Можетъ быть весьма справедливо, что нѣтъ двухъ человѣкъ совершенно схожихъ между собою; но не менѣе справедливо и то, что нѣтъ достоинства или недостатка, въ какомъ бы то ни было смертномъ, не существовавшихъ въ его предшественникахъ; и говоря, что такой-то человѣкъ самостоятельный, справедливо, кажется, разумѣть только, что, сознавая свои силы, способности и наклонности, онъ избралъ образцы, тѣмъ силамъ, способностямъ и наклонностямъ свойственные. Слѣдовательно, увѣреніе автора, будто направленіе человѣка можетъ быть независимо отъ чьего-либо вліянія, врядъ ли не подлежитъ сомнѣнію. По естественному тщеславію, мы не охотно сознаемся въ томъ, что заимствуемъ отъ другихъ; часто этому виновата и самая память; но въ часы мышленія съ самимъ собою всякій, конечно, сознается, что въ выпавшей на его долю роли руководствовался дѣйствіями тѣхъ или другихъ людей, бывшихъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Не только въ поступкахъ, но и въ самыхъ мысляхъ трудно отыскать оригинальность. Способъ изложенія, по новости своей, иногда ведетъ къ ошибочному заключенію, будто мысль доселѣ не являлась; но если разобрать ее подробно, такъ сказать анатомировать, вѣрно окажется, что та же идея въ цѣломъ, или въ дробяхъ, приходила прежде одному или многимъ смертнымъ. Оригинальность, какъ бы искусно ни скрывалъ человѣкъ внутреннія побужденія свои, всегда высказываетъ преднамѣреніе, усилія, и въ мнѣніи нашемъ есть просто гордость, а иногда разсчетъ. Въ языкъ народа вкрадываются часто выраженія, рѣзко изобличающія человѣческія или общественныя слабости, и французы весьма мѣтко караютъ оригиналовъ фразою—*viser à l'originalité*—высказывающею, что оригинальность есть что-то привитое, неестественное. Вовсе не хотѣвши сказать (и, сколько можемъ судить о собственномъ способѣ излагать мысли, не сказавши), что Нахимовъ былъ *простъ, подражатель*, мы отвергаемъ, однакожъ, чтобъ въ нравственномъ, а тѣмъ болѣе въ спеціальномъ отношеніи, онъ развился безъ посторонней помощи. Общество, въ которомъ живешь, неоспоримо имѣетъ важное вліяніе, и если члены его связаны

отношеніями столь частыми и опредѣленными, какъ, напримѣръ, служебныя; если глава или представитель его — человѣкъ увлекающій, какимъ былъ М. П. Лазаревъ, вліяніе это, конечно, весьма значительно.—Книги, и въ особенности біографіи знаменитыхъ мужей, накладываютъ также на мыслящаго читателя печать своего вліянія, и допустить, какъ правило и право — «каждому прокладывать себѣ дорогу, повинуясь влеченіямъ природныхъ наклонностей» — не соотвѣтствовало бы условіямъ общественнаго благоустройства. Подражать хорошему не стыдно, даже должно, и необыкновенные люди *суть* образцы для подражанія. Утверждая противное, мы сокрушаемъ основный камень нашего воспитанія, отрицаемся отъ впечатлѣній юности. Г-на В. З., какъ меня и всякаго изъ насъ, заставляли читать Плутарха; г. В. З., какъ я и многіе, и нынѣ продолжаетъ читать біографіи знаменитыхъ мужей, что видно изъ его же замѣчанія о Джервисѣ. Неужели это послѣобѣденное чтеніе? Если я не ошибаюсь въ моихъ догадкахъ объ авторѣ статьи, смѣло ручаюсь, что онъ дѣлаетъ это не для того только, чтобъ убить время или способствовать пищеваренію.

Но, въ отношеніи къ Джервису, я дозволю себѣ замѣчаніе, не допускающее приведеннаго авторомъ сравненія. Павелъ Степановичъ никогда не находился въ одинакихъ обстоятельствахъ съ англійскимъ адмираломъ, который былъ извѣстенъ какъ человѣкъ съ драконическими наклонностями; а еслибъ находился, безъ сомнѣнія, не поступалъ бы подобно ему; ибо вездѣ, во всемъ и всегда въ Павлѣ Степановичѣ выказывалась необыкновенная доброта. Джервисъ не имѣлъ сердца: стоитъ только вникнуть въ его управленіе флотомъ по званію перваго лорда адмиралтейства. Ничѣмъ непоколебимая строгость къ возмутившимся противъ власти выказываетъ въ немъ человѣка съ твердою волею, и, конечно, никто не упрекнетъ его въ излишней торопливости пресѣчь мгновенно поражающими казнями язву, распространившуюся во флотѣ въ военное время; но поступки его на мирномъ постѣ, гдѣ зло не требовало

произвольныхъ мѣръ, въ нарушеніе обычнаго хода законовъ, гдѣ оно не могло быть даже искоренено быстро, выказываютъ наклонность, которую нельзя иначе назвать какъ жестокосердіемъ, хотя она имѣла начало въ несомнѣнномъ презрѣніи ко всему недостойному. Упорство въ гоненіи дурнаго, при отсутствіи мягкости сердца, скоро достигаетъ крайности, отъ которой отвращается человѣчество, и о Джервисахъ можно говорить, какъ о людяхъ случайно полезныхъ, но безъ восторга и сочувствія, какъ о Павлѣ Степановичѣ, сдѣлавшемъ несравненно менѣе Джервиса, но имѣвшемъ болѣе приверженцевъ.

Эпитетъ *нравственной морской школы*, приданный мною развитію моряка въ долгомъ плаваніи, не нравится г. В. З. Онъ утверждаетъ, что честное исполненіе обязанности есть условіе необходимое во всякой службѣ. Нельзя спорить противъ такой истины; но я говорилъ о школѣ, къ которой пріобрѣтаются данныя для такого взгляда на обязанность; старался только доказать, что эти данныя легче прививаются въ нашей жизни и нашей службѣ—и этихъ доказательствъ г. В. З. не опровергъ. Есть много школъ, ведущихъ къ той же цѣли, но между ними встрѣчаются хорошія и дурныя, лучшія и худшія. Мнѣ кажется, что развитіе человѣка на морѣ, внѣ развлеченій береговой жизни, при неминуемомъ строгомъ наблюденіи начальниковъ и товарищей, скорѣе дѣлаетъ его полезнымъ членомъ общества, и, выражая эту идею, я вовсе не хотѣлъ сказать, чтобъ невозможно было достичь того же, при иныхъ обстоятельствахъ жизни.

Кончу мои возраженія увѣреніемъ, что вліяніе Павла Степановича знали и чувствовали, напротивъ, *многіе*; на остальныя же замѣчанія авторъ, безъ сомнѣнія, дозволитъ мнѣ не отвѣчать теперь. Статья его приложена къ посмертному изображенію нашего общаго любимца, и у гроба не должно спорить объ усопшемъ, хотя бы предметомъ разнорѣчія были единственно достоинства его, въ которыхъ я, весьма мало служившій съ адмираломъ, но знавшій его въ теченіе многихъ лѣтъ, убѣжденъ столь же сильно какъ

и тѣ, которые долго имѣли честь быть его подчиненными [1].

Капитанъ 2-го ранга **Шестаковъ.**

VII.

ПОДРОБНОСТИ О КОНЧИНѢ АДМИРАЛА НАХИМОВА.

(письмо изъ севастополя).

...Увы! Нахимова уже нѣтъ! онъ палъ жертвою войны, 28-го іюня, въ шестомъ часу вечера, на Малаховомъ курганѣ, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ палъ Корниловъ. Вотъ нѣкоторыя подробности: 28-го числа, обѣдая (часу въ первомъ), онъ былъ очень веселъ и сказалъ, между прочимъ, адъютантамъ: «Господа, не расходитесь никуда — часа въ три я поѣду по бастіонамъ; что-то крѣпко палятъ на 3-мъ». Послѣ обѣда легъ отдохнуть; въ четвертомъ часу всталъ и въ началѣ пятаго выѣхалъ. Когда стали спускаться подъ-гору къ мосту, мимо церкви, близъ адмиралтейства, бомба просвистѣла у нихъ надъ головами. «Видите, насъ привѣтствуютъ!» — Всю дорогу былъ веселъ и говорилъ съ адъютантами. Пріѣхалъ на 3-й номеръ, обошелъ его, осмотрѣлъ новыя непріятельскія траншеи и поѣхалъ на Малаховъ курганъ. Когда шли до башни, не свиснула ни одна пуля. Онъ прошелъ башню и поднялся на одинъ изъ гласисовъ, обращенный къ Камчатскому редуту, и сталъ смотрѣть на вновь-возводимую непріятелемъ траншею. Ему говорили: «Ваше Высокопревосходительство, что вы дѣлаете! можно-ли тутъ стоять?» но онъ, какъ и всегда, не послушался, отвѣчая постоянной своей поговоркой въ такихъ случаяхъ: «не всякая пуля въ лобъ-съ!» Но пуля,

---

[1] Морск. Сборн. 1855 г. № 11.

предназначенная ему, именно въ лобъ и попала. Онъ смотрѣлъ довольно долго,—и вдругъ повалился назадъ, принятый на руки ординарцемъ, штыкъ-болтнымъ съ фрегата «Коварны», Короткимъ (который мнѣ и разсказывалъ эти подробности; но кое-что добавили адъютанты). Пуля ударила наискось въ лобъ надъ лѣвымъ глазомъ, пробивши черепъ. Подбѣжавшіе матросы подхватили его на руки и понесли на перевязочный пунктъ, устроенный на курганѣ же. Когда ему вспрыснули лобъ и грудь водой, онъ очнулся, открылъ глаза и что-то заговорилъ, но разобрать было невозможно. Сдѣлавши перевязку, его понесли на простыхъ солдатскихъ носилкахъ къ пристани въ Аполлонову балку, и тутъ посадили на первый попавшійся яликъ, для перевезенія на сѣверную сторону въ бараки; на пути, въ бухтѣ, яликъ былъ встрѣченъ катеромъ съ парохода Владиміръ, куда и пересѣли матросы съ носилками, въ которыхъ лежалъ адмиралъ. Всю дорогу онъ глядѣлъ и что-то говорилъ, а иногда, опираясь на жерди носилокъ, приподымался на локтяхъ и держался на носилкахъ сидя. Такъ прибыли въ одинъ изъ сѣверныхъ госпитальныхъ бараковъ (третій отъ штаба), гдѣ и положили адмирала въ особой комнатѣ, на кровать; всѣ главные врачи города съѣхались туда въ одну минуту и принялись за осмотръ раны и за новыя перевязки. Разумѣется, было истощено все знаніе, все рвеніе, все искусство, какія только были. Я находился въ это время въ городѣ, и, возвращаясь оттуда часу въ шестомъ, въ концѣ или въ началѣ седьмаго, замѣтилъ суматоху и безпокойство. Провели лошадь адмирала; потомъ проскакали его адъютанты; у его дома толпилось нѣсколько человѣкъ—и вдругъ я узнаю, что адмиралъ убитъ... кто говорилъ—убитъ, кто—раненъ.

Все потряслось въ городѣ; всѣ въ мигъ узнали объ этомъ, всѣ спрашивали, гдѣ же онъ; спѣшили къ пристани, ожидая, что его повезутъ съ Малахова прямо въ домъ.... Многіе говорили, что онъ на Сѣверной, въ Михайловскомъ укрѣпленіи; я переѣхалъ черезъ бухту и побѣжалъ въ Михайловское—тамъ не было ничего. Тамошніе начальники хотѣли скрыть отъ матросовъ, говорили

таинственно, но нельзя было скрыть—они уже все знали. Когда я шелъ оттуда въ бараки, мнѣ попадались на встрѣчу матросы и морскіе офицеры, уже видѣвшіе адмирала. Я узналъ отъ нихъ, который баракъ, и пришелъ на горѣвшіе огни. Адмиралъ лежалъ безъ чувствъ; кругомъ было нѣсколько офицеровъ и докторовъ; на дворѣ подъ окномъ толпились другіе. Адмиралу дѣлали примочки; скоро достали гдѣ-то льду и стали прикладывать. Изъ раны вынуто 16 косточекъ; показалось нѣсколько капель мозгу. Онъ только двигалъ рукой и больше ничего. Я пробылъ тамъ съ часъ и отправился домой, на фрегатъ, со священникомъ фрегата, отцемъ Веніаминомъ. Уходя, онъ благословилъ адмирала, и потомъ сказалъ мнѣ, когда мы пошли: «не мнѣ бы его благословлять; я бы отъ него хотѣлъ получить благословеніе — такой былъ человѣкъ!» Только что я поужиналъ на фрегатѣ, какъ пришла гичка съ парохода Владиміръ, отъ капитана Бутакова: онъ просилъ меня въ баракъ снять черты адмирала, пока онъ не скончался. Я поѣхалъ въ ту же минуту. Но рисовать было трудно: адмиралъ двигался — и кромѣ того мѣшалъ невѣрный свѣтъ свѣчей. Утромъ на другой день, уѣзжая въ лагерь, я былъ у адмирала, часу въ 7-мъ; ему было лучше; онъ открывалъ глаза; но глядѣлъ странно, едва ли узнавая; однако обращалъ глаза на всякаго, кто входилъ; одинъ глазъ, лѣвый, былъ тусклъ; лѣвой рукой онъ хотѣлъ нѣсколько разъ сорвать повязку, но руку останавливали На обратномъ пути, на фрегатъ, въ 1-мъ часу дня, я опять заѣхалъ въ баракъ: адмиралу было еще лучше. Онъ глядѣлъ, кажется, такъ же, какъ и прежде, но повязки не срывалъ, а только трогалъ ее рукой осторожно. Всетаки ничего не говорилъ. Мы имѣли смутную надежду.... но сегодня утромъ эта надежда исчезла: адмиралъ не открывалъ глазъ и дышалъ тяжело, лежа на боку. Въ такомъ состояніи нашелъ я его въ 7-мъ часу утра. Мнѣ сказали, что былъ консиліумъ; рѣшили, что безнадеженъ... Баракъ былъ оцѣпленъ веревкой; приставленъ часовой для указанія, чтобы подъѣзжали не ближе 10 саженъ. Когда я возвращался изъ лагеря въ 1-мъ часу— часоваго уже не было... Адмиралъ скончался въ 10 часовъ

съ четвертью. Часа черезъ четыре послѣ того, тѣло адмирала было перевезено на южную сторону. Народъ, снимая шапки и крестясь, стекался на Графскую прастань. Тѣлу предшествовалъ крестъ и священникъ съ пѣвчими. Морскіе офицеры несли кровать, на которой лежалъ адмиралъ, закрытый пеленой. Народъ шелъ сзади... Домъ его не далеко отъ пристани; прибывъ туда, тѣло положили на столъ и тотчасъ отслужили панихиду. Затѣмъ допустили народъ прощаться. Часа въ два, которые я провелъ въ домѣ, пришло поклониться болѣе ста человѣкъ, генераловъ, офицеровъ и простыхъ матросовъ и солдатъ. Завтра его хоронятъ. Ни одна смерть не произвела здѣсь такого грустнаго впечатлѣнія, такого всеобщаго горя. Имя Нахимова было извѣстно всякому рядовому, всякой рыночной бабѣ. Онъ былъ простъ и доступенъ всѣмъ. Онъ объѣзжалъ ежедневно бастіоны, нерѣдко подъ самымъ сильнымъ штуцернымъ огнемъ, и не былъ никогда раненъ. Однажды только его контузило легко осколкомъ бомбы въ спину. Такое счастье сдѣлало его слишкомъ безпечнымъ; къ этому присоединился нѣкоторый фатализмъ—и онъ не слушался никакихъ предостереженій. Ѣздилъ по бастіонамъ всегда въ эполетахъ (единственный человѣкъ, который ходилъ въ Севастополѣ въ эполетахъ). Но вообще былъ человѣкъ не форменный и отъ другихъ формы не требовалъ;—высовывался изъ-за вала, дѣлая изъ себя цѣль непріятельскимъ штуцернымъ; безъ нужды лѣзъ въ огонь... Я не знаю здѣсь никого, кто бы его не любилъ и не уважалъ. Когда онъ шелъ по улицамъ—всѣ снимали шапки. Одной изъ самыхъ достойныхъ чертъ его—была простота, доброта и терпѣніе въ выслушиваніи всевозможныхъ совѣтовъ отъ кого бы то ни было. Все это онъ взвѣшивалъ и соображалъ—и выводилъ заключеніе. Всякій матросъ говорилъ ему смѣло: нѣтъ, это не такъ. — Отъ чего же не такъ? говори! — А вотъ отъ чего. — Нахимовъ выслушивалъ, задумывался — и нерѣдко говорилъ спасибо толковитому матросу—«такъ, такъ, молодецъ, дѣлай такъ!»—Ободрить, утѣшить бастіонныхъ, онъ первый... миръ праху его!—Когда я привезъ печальную вѣсть на фрегатъ, нашъ священникъ сейчасъ

же собралъ команду и отслужилъ панихиду. Матросы молились какъ о родномъ отцѣ.

Были два странные случая передъ его смертью, пожалуй предзнаменованія. 26-го іюня, за ужиномъ, передъ нимъ пролилось что-то жидкое краснаго цвѣта, и пролившіяся струи образовали на скатерти могильный крестъ. Онъ сказалъ адъютантамъ: посмотрите, господа, что это значитъ—крестъ. Всѣ посмотрѣли и согласились. Онъ задумался; 28-го, въ тотъ самый часъ, когда онъ поѣхалъ на бастіоны, у воротъ одного домика, неподалеку отъ дома адмирала, стоялъ молодой человѣкъ, какой-то грекъ. «Кто это поскакалъ?» спросилъ онъ у стоявшихъ тутъ же матросовъ и священническихъ служителей. Ему отвѣчали: Нахимовъ! «Не ѣздить бы ему!» сказалъ грекъ: «первая пуля въ лобъ!»—и какая странность: этотъ самый таинственный предсказатель объявилъ мнѣ первый о томъ, что ранили адмирала.

PS. Со дня на день ждемъ бомбардировки, а за нею штурма. Сегодня замѣчено, что многія амбразуры непріятельскихъ батарей открыты. Мы думали: ну! однако, прошло такъ. Бомбардировка будетъ, кажется, двойная — съ суши и съ моря.

Въ настоящую минуту (12-й часъ ночи) идетъ довольно сильная стрѣльба. Ядра поминутно шлепаются въ бухту. Я пишу и слышу ихъ всплески; каждыя двѣ минуты — ударъ. Мы привыкли къ этому, какъ въ деревнѣ привыкаешь къ полету галокъ. Иногда приходится плыть на лодкѣ или купаться тамъ, гдѣ только-что плюхнула бомба. Идешь по дорогѣ и шагаешь черезъ ямы, за нѣсколько минутъ вырытыя ядрами (1).

VIII.

СМЕРТЬ И ПОГРЕБЕНІЕ НАХИМОВА.

(ПИСЬМО КЪ М. П. ПОГОДИНУ).

Лагерь на Инкерманѣ 1855, 5-го іюля. Утро.

Сейчасъ, 5-го іюля, получилъ ваше письмо отъ 18-го

(1) Москвитянинъ 1855 г. № 10.

іюня, и обрадовался, что вы остались въ Москвѣ. Ваше намѣреніе ѣхать въ чужіе края меня смущало постоянно, и я старался объяснить его примѣнительно къ обстоятельствамъ—иначе не могъ. Вообще это письмо много утѣшило меня, и я душевно вамъ за него благодаренъ, и спѣшу сейчасъ же отвѣчать. По вашему молчанію полагая, что вы въ Петербургѣ или еще дальше, я писалъ о послѣднихъ событіяхъ къ С. П. Шевыреву, и это бы все равно, еслибъ онъ оставался въ Москвѣ; но такъ какъ онъ уѣхалъ, то *главное* я считаю не лишнимъ повторить... но лучше бы не было этого главнаго! Вы, конечно, знаете: мы лишились Нахимова, безцѣннаго, незамѣнимаго! Онъ палъ почти тамъ же, гдѣ палъ Корниловъ—на Малаховомъ курганѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Корниловскаго креста ([1]). Вотъ небольшія подробности печальнаго событія: 28-го числа іюня, была сильная стрѣльба на 3-мъ бастіонѣ; это занимало адмирала, и онъ (впрочемъ, очень веселый и разговорчивый съ самаго утра), сказалъ за обѣдомъ (въ 1-мъ часу) адъютантамъ: «вы, господа, не расходитесь — послѣ обѣда поѣдемъ по бастіонамъ!» — (Онъ всякій день объѣзжалъ бастіоны, и всегда въ сюртукѣ и въ эполетахъ. Это былъ единственный человѣкъ, ходившій въ Севастополѣ въ эполетахъ). На бастіонахъ велъ себя необыкновенно смѣло, высовывался изъ-за вала, такъ что иногда его почти оттаскивали. Настойчиво увлекать его было невозможно—онъ не любилъ, и наперекоръ еще дольше оставался въ опасномъ мѣстѣ. Обыкновенно отводили его съ нѣкоторой хитростью — «а вотъ, не угодно ли пожаловать сюда, здѣсь любопытнѣе: непріятель возвелъ новыя траншеи»... что нибудь въ этомъ родѣ. Онъ никогда не былъ раненъ ([2]), и это дѣлало его безпечнымъ. Эти люди всегда немного вѣрятъ, что ихъ не ранятъ. Впрочемъ, онъ былъ разъ контуженъ въ спину осколкомъ бомбы. Не знаю, извѣстно ли это кому нибудь, но я слышалъ отъ него самъ.

([1]) Крестъ сложенный изъ ядеръ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ генералъ-адъют. Корниловъ. См. ниже біографическія свѣдѣнія о послѣднемъ. *Ред.*

([2]) См. выше напечатанную статью и примѣчаніе второе на стр. 32. *Ред.*

Сколько могу припомнить, это случилось въ день занятія непріятелемъ Камчатскаго редута, гдѣ чуть было не захватили его въ плѣнъ. Я пріѣхалъ къ нему тотчасъ, разумѣется не совсѣмъ спокойный и огорченный потерей редутовъ. Онъ горячо меня ободрялъ и указывалъ въ окно на бодрыхъ солдатъ: «нѣтъ-съ, у насъ здѣсь нѣтъ унынія, и быть не можетъ... Я бы на мѣстѣ главнокомандующаго разстрѣлялъ того, кто приведетъ въ уныніе; а что они будутъ теперь бить наши корабли, пускай бьютъ-съ! не конфектами, не яблочками перебрасываемся! Вотъ меня сегодня самого чуть не убило осколкомъ — спины не могу разогнуть... да это ничего, еще, слава Богу, не слегъ!»

Послѣ обѣда онъ легъ отдыхать и всталъ около 3-го часа. Стрѣльба было стихла, но въ 4 часа началась опять. Адмиралъ велѣлъ осѣдлать лошадь. «Господа, не угодно ли, пальба усилилась!» сказалъ онъ адъютантамъ — и они выѣхали втроемъ. Обыкновенно же онъ говорилъ: «ну-съ, на коней-съ!» На дорогѣ къ 3-му бастіону, близъ адмиралтейства, бомба пролетѣла надъ самыми ихъ головами. Онъ сказалъ какую-то шутку: «Видите, привѣтствуютъ!» И былъ веселъ до конца. Всю дорогу говорили. На 3-мъ бастіонѣ онъ осмотрѣлъ все, что сдѣлали вновь, какъ у насъ, такъ и у непріятелей, и поѣхалъ на Малаховъ. Во весь путь не свиснула ни одна пуля. Пройдя башню, онъ поднялся на одинъ изъ переднихъ банкетовъ, обращенный къ Камчатскому редуту, высунулся изъ-за вала и сталъ смотрѣть. Пуля пробила мѣшокъ. Командиръ бастіона, Кернъ, сказалъ ему, что въ башнѣ служатъ вечерню; не угодно ли ему? Адмиралъ отвѣчалъ: «Я васъ не держу-съ!» Нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ говаривалъ: «не всякая пуля въ лобъ-съ!» И нужно же было случиться, что пуля, назначенная ему, именно попала въ лобъ. Послѣ отвѣта Керну онъ смотрѣлъ однакожъ не долго, и, обернувшись, сталъ отдавать трубу — какъ вдругъ упалъ на руки Кернова ординарца, матроса, съ фрегата «Коварны», *Короткаго* (который мнѣ и разсказывалъ объ этихъ минутахъ); пуля попала ему въ лобъ надъ лѣвымъ глазомъ, наискось, пробила черепъ и вышла около лѣваго уха. Падая, онъ заговорилъ;

окружающіе нагнулись; Кернъ былъ ближе всѣхъ и слышалъ, какъ адмиралъ произнесъ: «Боже милосердый!» Его отнесли на перевязочный пунктъ, устроенный на курганѣ же. Когда ему вспрыснули водою голову и грудь, онъ пришелъ въ себя, осмотрѣлся и что-то проговорилъ, но ничего нельзя было разобрать. Послѣ этого, адмирала понесли, на простыхъ солдатскихъ носилкахъ, въ Аполлонову балку, на пристань, и положили въ первый попавшійся яликъ, но съ парохода «*Владиміръ*» былъ уже посланъ катеръ, съ которымъ встрѣтясь оставили яликъ, и на катерѣ перевезли адмирала въ одинъ изъ сѣверныхъ бараковъ.

Между тѣмъ, въ городѣ разнеслась ужасная вѣсть... Всѣ видѣли, какъ провели лошадь адмирала, какъ проскакали адъютанты. Говорили разно; кто говорилъ: убитъ, кто: раненъ. Говорили, что онъ отвезенъ въ Михайловское укрѣпленіе. Я былъ въ городѣ и бросился тотчасъ въ Михайловское. Тамъ знали уже, но не говорили прямо. Кто-то сказалъ, что онъ въ сѣверныхъ баракахъ за 4-мъ нумеромъ. Я пошелъ туда (было уже темно) и скоро отыскалъ баракъ, гдѣ лежалъ адмиралъ. Окно было растворено. Комната полна докторами. Адъютанты стояли, утирая слезы. Подъ окнами толпилось нѣсколько офицеровъ. Адмиралъ лежалъ, тяжело дыша, съ закрытыми глазами, и немного шевелилъ рукой. Меня просили снять съ него очеркъ, пока онъ не скончался, что я сдѣлалъ немедля. Очеркъ нашли грустно-схожимъ. На другой день утромъ въ 7-мъ часу я зашелъ къ адмиралу: ему, казалось, было лучше. Гдѣ-то достали льду и приложили къ головѣ. (Послѣ ходилъ разсказъ, что одинъ изъ бывшихъ его адъютантовъ, Шкоттъ, съѣздилъ въ 7-мь часовъ въ Симферополь, туда и обратно—120 верстъ, и привезъ льду, поливая его на дорогѣ эѳиромъ. Шкотта не было въ Севастополѣ и за льдомъ никто не ѣздилъ. Ледъ достали въ Корабельной, въ трактирѣ «*Ростовъ на Дону*», и то послѣдній. Но я все-таки привожу этотъ разсказъ потому, что онъ созданъ всеобщею любовью къ адмиралу). Адмиралъ открывалъ глаза и останавливалъ ихъ на входящихъ, но, кажется, безъ мысли. Зайдя въ 1-мъ часу, я нашелъ его еще лучше.

Мнѣ сказали, что онъ вставалъ съ постели съ помощью другихъ, указалъ на сапоги и надѣлъ ихъ; показалъ на шею—ему повязали галстухъ и потомъ накинули шинель. Онъ трогалъ осторожно повязку, не думая ее срывать, что дѣлалъ прежде. Однако, во все это время, съ начала прибытія въ баракъ, онъ не говорилъ ничего. Къ утру 3-го ему стало хуже. Въ 7-мъ часу я нашелъ его лежащимъ въ постелѣ не прямо. какъ прежде, а бокомъ. Онъ очень тяжко и часто дышалъ. Въ 10 часовъ съ четвертью его не стало.

Около 2-го часа, баркасъ, буксируемый катерами (потому что было сильное волненіе; море, потерявшее своего адмирала, сочувствовало общему волненію) везъ съ сѣверной стороны тѣло, какъ обыкновенно, со священникомъ и крестомъ, на Графскую пристань. Народъ, замѣчая далеко печальный баркасъ, стекался къ пристани толпами, снимая шапки и крестясь. Это были, разумѣется, все матросы и солдаты. Другаго народа въ Севастополѣ почти нѣтъ. Тѣло приняли морскіе офицеры и контръ-адмиралъ Панфиловъ, и отнесли въ домъ, гдѣ тотчасъ отслужили панихиду. Адмирала накрыли флагомъ съ корабля «Императрица Марія», на которомъ онъ дрался въ синопскій бой. Флагъ былъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ пробитъ ядрами. Потомъ было объявлено народу, что могутъ прощаться. Одинъ за другимъ входили въ комнату матросы, солдаты, офицеры и простые обыватели, и даже женщины, которымъ адмиралъ въ послѣднее время приказалъ выѣхать изъ Севастополя. Я видѣлъ одного горько плачущаго мужчину, въ обыкновенной одеждѣ. Женщины почти всѣ плакали.

На другой день, въ 6 часовъ вечера, назначенъ былъ выносъ. Адмирала положили въ гробъ и осѣнили тремя флагами — контръ - адмиральскимъ, вице - адмиральскимъ и адмиральскимъ. На стѣнахъ, противъ принятаго обычая, оставили не снятыми двѣ картины: изображеніе штурмуемаго фрегата «Крейсеръ», на которомъ адмиралъ служилъ въ первыхъ чинахъ подъ командою капитана Лазарева, и портретъ Лазарева. Я снялъ эту комнату со всѣмъ, что въ ней было въ ту минуту, и, кромѣ того, 3 портрета, и все это подарилъ морякамъ. Прибылъ главнокомандующій

со всѣмъ штабомъ. Тѣло вынесли на рукахъ адъютанты покойнаго и другіе моряки, и пронесли до церкви, между двумя баталіонами матросовъ и солдатъ, стоявшихъ вдоль улицы подъ ружьемъ. Несмѣтныя толпы народа наполняли улицу и всѣ высоты. Казалось, Севастополь никогда не видалъ на своихъ холмахъ столько народа. Непріятель не стрѣлялъ. Даже распространился слухъ, что англійскіе корабли скрестили реи и спустили флаги. Но я до сихъ поръ не знаю, точно ли это было. Когда, по окончаніи службы въ Михайловскомъ соборѣ, и послѣ того, какъ матросы простились съ адмираломъ (они прощались, подходя по два, что продолжалось больше часа), мы всѣ поднялись на гору, провожая гробъ въ могилу, солнце уже сѣло, а въ это время на морѣ кончаются всѣ церемоніи. Мы увидали и ихъ, и наши корабли въ обыкновенномъ видѣ.

Адмирала положили подлѣ трехъ другихъ: Лазарева, Корнилова и Истомина, на мѣстѣ, гдѣ заложенъ Владимірскій соборъ... Кругомъ тѣснились рыдающіе матросы; всякому хотѣлось бросить горсть земли... Прогремѣли почетные залпы. Нахимова не стало...

Едва разошлись толпы народа, какъ въ бухту полетѣли ракеты и бомбы.

Я послалъ въ послѣднемъ письмѣ къ Степану Петровичу очеркъ съ лица адмирала. Не худо бы отпечатать. Онъ похожъ, если сохранятъ малѣйшіе оттѣнки. Только надо сдѣлать на камнѣ *наоборотъ*, чтобы вышло такъ, какъ у меня. На той сторонѣ была рана. Отвѣтъ на остальные пункты въ слѣдующемъ письмѣ. Теперь поздно. Сажусь на коня и скачу на почту: почтовый день (¹).

Вашъ душевно Б.

IX.

Вечеръ 5-го іюля. Фрегатъ Коварна.

.....Вотъ нѣсколько чертъ о Нахимовѣ: прежде всего онъ былъ добръ и простъ. Допускалъ всякаго и выслушивалъ

(¹) Москвитянинъ 1855 г. № 11.

Часто матросы на батареяхъ выражали ему свои мысли, какъ бы надо поступить, и онъ нерѣдко слушался. Матросы звали его отцомъ матросовъ: «ребята — отецъ матросовъ идетъ». Въ службѣ онъ былъ требователенъ и строгъ. Выходя въ море, онъ ужъ не любилъ заходить въ порты, а все время проводилъ на водѣ, въ ученьѣ. Его за это даже не долюбливали, но это было до Синопа. Съ Синопа все перемѣнилось. Море и корабль зналъ хорошо. Бумагъ и переписки не терпѣлъ. «Вотъ», сказалъ онъ однажды мнѣ: «возненавидѣлъ своего роднаго племянника за то, что онъ всякій день является съ портфелемъ. Заваливаютъ-съ! Иногда можно бы прислать казака, и онъ сказалъ бы на словахъ, и все бы сейчасъ сдѣлали, — а тутъ пишутъ два листа, и читай, когда надо дѣлать, дѣлать!» — Онъ былъ неоцѣнимъ, когда говорилъ искренно, откинувъ всякую оффиціальность. Тутъ, по двумъ инымъ словамъ, можно было узнать духъ войска, велика ли опасность и что думаютъ и дѣлаютъ въ Петербургѣ. Инымъ словомъ вдругъ онъ освѣщалъ прошедшее, извѣстное вамъ въ туманномъ сбивчивомъ разсказѣ – и вы вдругъ видѣли, какъ и гдѣ кто стоялъ и почему проиграли.... Адъютантовъ любилъ какъ дѣтей; нерѣдко, вмѣсто того чтобъ кликнуть, самъ забѣгалъ къ нимъ въ комнату и что-нибудь приказывалъ, или просто такъ, какъ бы взглянуть, что дѣлаютъ дѣти. Я самъ видалъ это. Кажется, ни одинъ генералъ не велъ себя такъ съ офицерами, какъ онъ. Думаешь, простился съ нимъ и не увидишь. А онъ вдругъ прибѣжитъ въ комнату адъютантовъ, заглянетъ, убѣжитъ опять. Прикажетъ кому-нибудь что передать имъ — и самъ же догоняетъ его и съ нимъ вмѣстѣ входитъ и дополняетъ приказаніе. Счетовъ и денегъ также не любилъ. Все это было на рукахъ его адъютанта Фельдгаузена, кажется самаго любимаго. Въ бесѣдахъ съ ними былъ веселъ, шутливъ, остеръ и уменъ; но какъ скоро дѣло касалось начальства — онъ какъ-то жался, не придавалъ себѣ никакой власти, со всѣмъ соглашался, разыгрывалъ простачка. Что-то суворовское, но безъ мысли подражать.—Въ одеждѣ былъ простъ, не затѣйливъ. Надѣвалъ какой хотите сюртукъ, но только не-

премѣнно сюртукъ и эполеты. Съ утра облекался въ эту форму. Эполеты были очень плохія и вице-адмиральскія. Онъ не думалъ объ ихъ перемѣнѣ, сдѣлавшись адмираломъ. Къ другимъ въ отношеніи одежды былъ по большей части не требователенъ: приходи въ чемъ хочешь. Но иногда вдругъ что-то дѣлалось съ нимъ, и онъ какъ-будто былъ недоволенъ, замѣтивъ, что вы пришли въ шинели, или безъ шпаги. Также точно иногда съ откровеннаго тона сходилъ на офиціальную рѣчь—и говорилъ не то, но какъ-будто убѣжденный, что ему вѣрятъ и слушаютъ. Вообще нѣкоторыя неровности и странности его характера объяснить трудно. - Онъ не позволялъ снимать съ себя портрета, считая это тщеславіемъ, или, по крайней мѣрѣ, говоря, что это тщеславіе (1). Вѣроятнѣе всего, ему не хотѣлось оставить въ памяти людей свою не такъ красивую физіономію. Онъ даже разъ сказалъ: что снимать съ меня старика — вотъ рисуйте съ N. (офицера очень хорошаго собою).

Мы ждемъ со дня на день бомбардировки. Это будетъ что-нибудь необыкновенное. Покойникъ-адмиралъ говорилъ мнѣ: «кажется, вамъ на фрегатѣ скоро будетъ неловко.»

Я былъ сегодня въ домѣ, гдѣ жилъ адмиралъ. Тамъ теперь живетъ Панфиловъ, назначенный военнымъ губернаторомъ Севастополя. Адъютанты Нахимова пока при немъ. Двоихъ изъ нихъ я увезъ оттуда на «Коварну», и прочелъ имъ то, что написалъ вамъ о смерти адмирала. Они сдѣлали нѣсколько замѣчаній — и вы увидите поправки. Переписывать было некогда. Завтра почта.

Вашъ душевно Б.

Фр. Коварна. 10 часовъ вечера.

1855 г. 6-е іюля.

Когда тѣло было перевезено съ сѣверной стороны въ домъ, то почти всѣ находившіеся въ городѣ и на эскадрѣ іеромонахи Георгіевскаго монастыря, которые состояли во

---

(1) Намъ разсказывали, что, на просьбу снять портретъ, П. С. отвѣчалъ: когда отстоимъ Севастополь, а если не отстоимъ, тогда и снимать съ насъ не стоитъ. *Ред.*

флотѣ подъ командою адмирала, собрались и отслужили соборнѣ панихиду надъ тѣломъ покойнаго, и, по своему усердію, во все время до погребенія читали надъ нимъ Евангеліе, чередуясь между собою, и при каждой смѣнѣ служили литію. При погребеніи было 12 іеромонаховъ.

Нашъ фрегатскій священникъ, отецъ Веніаминъ, сообщилъ мнѣ эти строки, такъ какъ это по его части.— Вообще священники здѣсь особенный народъ. Они служатъ на бастіонахъ, всякій на своемъ, гдѣ команда его корабля, по праздникамъ и воскресеньямъ, а иногда и въ будни освящаютъ новыя батареи и служатъ молебствія. Одинъ изъ нихъ, отецъ Іоанникій, во время занятія непріятелемъ Камчатскаго редута, пошелъ съ Малахова кургана впереди батальона съ крестомъ и былъ раненъ въ ногу пулей. Черезъ три дня ему отняли ногу, но черезъ недѣлю онъ скончался. Онъ жилъ постоянно на 1-мъ нумерѣ (противъ Селенгинскаго редута), съ тѣхъ поръ, какъ затопили фрегатъ «Мидію», на которомъ онъ былъ священникомъ.

На перевязочныхъ пунктахъ и въ госпиталяхъ они являются также исполнять свои обязанности въ отношеніи къ раненымъ и умирающимъ ([1]).

X.

ВЪ ПАМЯТЬ О НАХИМОВѢ.

«Нахимовъ получилъ тяжелую рану!» «Нахимовъ скончался!» «Боже мой, какое несчастіе!» Эти роковыя слова не сходили съ устъ у московскихъ жителей въ продолженіе трехъ послѣднихъ дней. Вездѣ только и былъ разговоръ что о Нахимовѣ. Глубокая, сердечная горесть слышалась въ безпрерывныхъ сѣтованіяхъ. Старые и молодые, военные

([1]) Тамъ же.

и не военные, мужчины и женщины, показывали одинакое участіе.

Да, въ короткое время Нахимовъ пріобрѣлъ себѣ общее расположеніе и сдѣлался народнымъ любимцемъ.

Какъ же это случилось? Чему обязанъ онъ былъ такимъ рѣдкимъ у насъ счастіемъ, такою завидною извѣстностью?

Синопской побѣдѣ, которой громъ раздался и утѣшилъ русскія сердца именно въ то время, когда они особенно смущались несчастіями нашихъ внѣшнихъ отношеній, синопской побѣдѣ сначала, и потомъ пяти-шести словамъ, сказаннымъ имъ въ разныхъ случаяхъ и разнесшимся съ быстротою молніи по всей Россіи.

«Михаилъ Петровичъ Лазаревъ — вотъ кто сдѣлалъ все-съ!» «Разбить турокъ—что за важность, а еслибъ другихъ-то-съ!» «Ахъ, какъ обуты и одѣты непріятельскіе матросы, ваша свѣтлость!» «Берегите Тотлебена: его замѣнить некѣмъ, а я что-съ!» «Хрулева-съ должны мы благодарить за свои аренды-съ!»

Вотъ эти слова, въ которыхъ сказывалась вся душа, которыми обрисовывался весь человѣкъ—вотъ эти слова, которыхъ придумать и сочинить не придумаешь и не сочинишь, возбудили общее сочувствіе къ Нахимову, въ оправданіе прекрасной русской пословицы: сердце сердцу вѣсть подаетъ. Не видавъ въ глаза Нахимова, настоящіе русскіе люди вообразили и оцѣнили его скоро и вѣрно; по какому-то безотчетному чутью, они поняли, увидѣли, отгадали, что это человѣкъ простой и добрый, посвятившій себя службѣ, преданный своему дѣлу безъ своекорыстныхъ видовъ, работающій безъ хвастовства, способный на всякія пожертвованія, готовый всегда пролить кровь за честь своего флага и положить животъ за любезный свой Севастополь.

Вотъ какое вдругъ составилось понятіе въ Россіи о Нахимовѣ, и всякими новыми свѣдѣніями, отъ пріѣзжихъ изъ Крыма и чрезъ письма, подтверждались первыя предположенія и слухи. Всѣ говорили и писали, что матросы считаютъ и называютъ Нахимова своимъ роднымъ отцемъ,

любятъ его какъ роднаго отца, и готовы по первому слову буквально лѣзть съ нимъ въ огонь и воду. Ребята, вонъ — ѣдетъ нашъ отецъ, говорили они, завидя издали его адмиральскія эполеты, которыхъ онъ не снималъ никогда, хотя онѣ и служили цѣлью зоркому непріятелю.

Нахимовъ, самъ солдатъ по преимуществу, понималъ прекрасную, могучую натуру русскаго солдата, которую напрасно западные враги и ихъ слѣпые послѣдователи обвиняютъ въ машинальности. Нахимовъ находилъ въ ней ту чувствительную струну, которую лишь только умѣй привести въ сотрясеніе, и потомъ дѣлай что хочешь. Онъ постигалъ это великое искуство одушевлять бранные полки и составлять съ ними одно, или эту суворовскую «науку побѣждать», которая поднимается иногда надъ всѣми высокими соображеніями тактики и мудреными предначертаніями стратегіи, которая оставляетъ далеко за собою всѣ ухищренія политики и козни дипломаціи, которая не спрашиваетъ никогда о числѣ враговъ, противъ нея вооружившихся, смотритъ смѣло, не мигая, въ жерло пушекъ на нее направленныхъ, и не понимаетъ только никакихъ невозможностей.

Достоинъ великаго уваженія умъ, почетное мѣсто наукѣ, необходима вещественная сила, но выше всего на свѣтѣ, какъ на войнѣ такъ и въ мирѣ, сильнѣе всякихъ пушекъ, штуцеровъ и мортиръ — это духъ.

Что такое духъ? Опредѣлять его я теперь не стану, а укажу только на его дѣйствія и чудеса. Духомъ взялъ Суворовъ неприступный Измаилъ; духомъ Румянцовъ разбилъ войско, въ десять разъ сильнѣйшее, подъ Кагуломъ; духомъ остановили Остерманъ и Ермоловъ Наполеоновы полчища подъ Кульмомъ; духомъ создалъ Лазаревъ эту нравственную армаду въ черноморскомъ флотѣ и севастопольской крѣпости, которая представляетъ такое пособіе нашимъ храбрымъ сухопутнымъ войскамъ, и противъ которой тщетно усиливается, въ продолженіе цѣлаго года, вся почти Европа съ адскими изобрѣтеніями своихъ Пексановъ, Ланкастеровъ и Минье.

Съ Нахимовымъ, воспитанникомъ и наслѣдникомъ Ла-

зарева, мы были спокойнѣе и за самый Севастополь—при всей благодарной довѣренности къ его сподвижникамъ — мы были убѣждены, что онъ скорѣе погребется подъ его дымящимися развалинами, со всѣмъ вѣрнымъ своимъ гарнизономъ, чѣмъ уступитъ врагамъ, — и вдругъ услышать, послѣ радостнаго, блестящаго отраженія, что онъ палъ случайно, при обыкновенномъ ежедневномъ осмотрѣ, какъ будто даромъ—о, это горько, это тяжело!

Память тебѣ вѣчная, достойный русскій человѣкъ, память тебѣ вѣчная вмѣстѣ со всѣми упавшими, падающими, и, увы, еще упадущими на завѣтныхъ высотахъ Севастополя!

Честь вамъ, и слава, и горячая благодарность, всѣмъ священнодѣйствующимъ, всѣмъ жертвоприносящимъ, по вѣщему царскому слову, за святое и великое дѣло: за вѣру, отечество и братьевъ!

Подъ Севастополемъ, во время оно, Равноапостольный нашъ князь Владиміръ принялъ святое крещеніе водою. Подъ Севастополемъ крещается теперь вся Россія огнемъ и кровію. Севестополь святѣетъ со всякой минутою въ нашихъ глазахъ — онъ возвышаетъ народный духъ, проявляетъ сокровенныя наши силы, искупаетъ грѣхи, привлекаетъ благословеніе Божіе.... Севастополь приросъ теперь къ сердцу всякаго русскаго человѣка,—и не оторвать его нашимъ врагамъ, хоть бы они явились въ новыхъ тысячахъ и тьмахъ, и взяли его десять разъ!

Безпримѣрная оборона Севастополя останется вѣчнымъ украшеніемъ русскихъ лѣтописей; имена его защитниковъ, этихъ земныхъ ангеловъ-хранителей отечества, будутъ поминаться нынѣ, присно и во вѣки вѣковъ, вмѣстѣ съ именами воителей Куликова поля, Полтавы, Бородина, и между ними всегда будетъ провозглашаться громко имя добраго, простаго и храбраго Нахимова! [1].

М. Погодинъ.

10-го іюля.

---

(1) Статья эта напечатанная въ Москвитянинѣ 1855 г. № 11 была перепечатэна потомъ въ Московскихъ вѣдомостяхъ № 91, Одесскомъ Вѣстникѣ № 95 и другихъ періодическихъ изданіяхъ подъ тѣмъ-же заглавіемъ. *Ред.*

XI.

ПРЕДСМЕРТНЫЕ ЧАСЫ АДМИРАЛА НАХИМОВА.

Севастополь 29-го іюня, 11 часовъ утра.

Еще одна жертва Россіи, еще не стало у насъ одного севастопольскаго героя, не стало героя Синопа, не стало Павла Степановича Нахимова!!... Правда, великая душа его еще не разлучилась съ тѣломъ, но это живой мертвецъ: онъ умеръ уже для медиковъ ([1]), скоро умретъ и для всѣхъ. Вчера онъ раненъ на Карниловскомъ бастіонѣ (на Малаховомъ курганѣ) штуцерною пулею въ лѣвый високъ на вылетъ; пуля пробила черепъ (всю височную кость) отъ лица къ затылку и повредила мозгъ.

Вчера въ восемь часовъ вечера его принесли къ намъ въ госпиталь (на сѣверную сторону), а послѣ перевязки перенесли въ смежный съ нашимъ госпиталемъ, морской.

Онъ лежитъ безъ чувствъ, — жизнь его выражается однимъ сильнымъ дыханіемъ, пульсомъ и безсознательными движеніями рукъ и ногъ.

Сейчасъ только я отъ него.... Какая трогательная картина не только для русскаго, но даже для всякаго, сколько нибудь чувствующаго человѣка.

Въ тѣлѣ нашего героя еще таится духъ жизни, то же величіе въ чертахъ его лица; но эти черты ужъ болѣе ничего собою не выражаютъ; правый глазъ его постоянно открытъ, лѣвый постоянно закрытъ; изрѣдка открываются оба глаза, изрѣдка и оба закрываются; еще рѣже бываетъ, что онъ устремитъ глаза свои на того или другаго человѣка, на ту или другую сторону: вотъ все, чѣмъ выражалась жизнь его въ одиннадцатомъ часу утра... Когда я вошелъ, профессоръ кіевскаго университета Гюббенетъ приготовлялся дѣлать ему обливаніе головы тонкою струею холодной воды. Когда были вылиты два большихъ чайника воды на голову, легко было замѣтить благопріятную

([1]) Изъ послѣднихъ телеграфическихъ депешъ генералъ-адъютанта князя Горчакова извѣстно, что адмиралъ Нахимовъ скончался 30-го іюня. *Примѣчаніе редакціи Одесскаго Вѣстн.*

перемѣну въ нашемъ полу-покойникѣ: онъ обратился глазами на г. Гюббенета, потомъ закрылъ глаза, какъ бы сбираясь заснуть подъ такимъ пріятнымъ ощущеніемъ. Въ промежуткѣ между обливаніями онъ какъ будто просыпался, открывалъ глаза и смотрѣлъ на профессора, а когда поливали, снова закрывалъ ихъ. Когда я выливалъ третій чайникъ, прибыли къ нему съ Инкерманскихъ высотъ г. главнокомандующій кн. Горчаковъ съ г. начальникомъ главнаго штаба, генералъ-адъютантомъ Коцебу.

При первомъ взглядѣ на умирающаго, главнокомандующій горько заплакалъ. А Павелъ Степановичъ минутъ пять смотрѣлъ на князя, не сводя глазъ. Профессоръ Гюббенетъ порывался еще вырвать у нашего героя хоть одно слово въ присутствіи его посѣтителей: въ то время, когда я выливалъ на голову его 4-й чайникъ, профессоръ спросилъ: «не холодно ли вамъ?» но не только не послѣдовало отвѣта, не было даже признака, чтобы нашъ незабвенный герой слышалъ эти слова. Г. Гюббенетъ нѣсколько разъ повторилъ этотъ вопросъ, и все безъ успѣха: замѣтно было, что умирающій шевелилъ губами, слышался какой-то шопотъ; но Богъ вѣсть съ сознаніемъ-ли это было. Главнокомандующій простоялъ нѣсколько времени у кровати ратнаго сотрудника, удерживая рыданія, и вышелъ со слезами на глазахъ.

Вчера герой Синопа, желая посмотрѣть на траншеи и позицію непріятелей, остановился у амбразуры бастіона: въ это время поразила его роковая пуля непріятеля изъ траншей.

И такъ, и нашего незабвеннаго героя не стало! Можетъ быть, духъ не оставитъ бреннаго его тѣла еще нѣсколько дней или часовъ: но все таки его не станетъ. Такъ говоритъ намъ наша наука, иначе едва ли можетъ быть, если не простретъ надъ нимъ Свою десницу Всемогущій [1].

Военный медикъ **П. Дьяконовъ.**

---

[1] Одесскій Вѣстникъ 1855 г. № 80.

XII.

Севастопольскія вѣсти.

Севастополь 1-го іюля, 1855.

Письмо это пишу вамъ, м. г., подъ вліяніемъ самыхъ грустныхъ впечатлѣній. Сейчасъ только возвратился я съ похоронъ всѣми нами любимаго адмирала Павла Степановича Нахимова. Тяжело и грустно говорить, перо дрожитъ въ рукѣ и невольная слеза навертывается на глазахъ, какъ вспомнишь, что храбраго отца-командира (такъ называли его матросы) и защитника Севастополя, адмирала Нахимова, не стало; да, м. г. его не стало, онъ палъ геройски и умеръ на 56 году своей жизни. Въ 1818 году онъ произведенъ былъ въ офицеры, и въ продолженіе 37-лѣтней службы успѣлъ заслужить чинъ полнаго адмирала, сдѣлаться извѣстнымъ всей Европѣ, или вѣрнѣе сказать, всему свѣту: синопская побѣда наградила его орденомъ святаго великомученика и побѣдоносца Георгія 2-го класса. Энергическая дѣятельность и рвеніе къ службѣ царю и отечеству Павла Степановича Нахимова всѣмъ извѣстны: онъ безпрерывно, день и ночь, верхомъ объѣзжалъ всѣ редуты, батареи и бастіоны, во всякомъ боевомъ дѣлѣ шелъ самъ впередъ, однимъ словомъ онъ весь, тѣломъ и душей, исключительно посвятилъ себя на служеніе Царю и отечеству, и за святую вѣру положилъ животъ свой. Онъ былъ однимъ изъ блистательнѣйшихъ представителей достославной Лазаревской семьи моряковъ черноморскаго флота.

День 28-го іюня, вторникъ, былъ для Севастополя днемъ роковымъ: въ этотъ день, въ пять часовъ по полудни, когда адмиралъ, по обыкновенію своему, объѣзжалъ бастіоны верхомъ, онъ пріѣхалъ на Малаховъ курганъ или Корниловъ бастіонъ, слѣзъ съ лошади, подошелъ къ брустверу и хотѣлъ чрезъ него посмотрѣть на непріятельскую траншею и батареи: въ эту минуту онъ былъ пораженъ штуцерною пулею въ лѣвый високъ на вылетъ,— пуля повредила черепъ. Вѣсть объ этомъ несчастіи съ

быстротою молніи разнеслась по всему городу и, подобно громовому удару, поразила всѣхъ. Павла Степановича немедленно отнесли на перевязочный пунктъ, на сѣверной сторонѣ. Мы всѣ единодушно молились Господу Богу и уповали на его святой промыслъ, надѣясь, что, при искуствѣ опытныхъ врачей, онъ будетъ живъ; всѣ поминутно справлялись о его положеніи: но рана была смертельна; всѣ медицинскія пособія оказались безполезными, всѣ старанія искуснѣйшихъ медиковъ были напрасны—онъ скончался 30-го іюня, въ десять часовъ утра. Потеря его невыразимо тяжела и чувствительна: Севастополь лишился въ немъ храбраго и энергическаго защитника своего, а черноморскій флотъ добраго и умнаго начальника.

1-го іюля, въ 6 часовъ вечера, послѣдовалъ выносъ тѣла его въ Михайловскую церковь, гдѣ, по отпѣваніи, протоіереемъ, настоятелемъ здѣшней приходской Петропавловской церкви, Арсеніемъ Лебединцовымъ произнесено было надгробное слово. Послѣ того всѣ матросы допущены были для отданія послѣдняго долга и чести своему любимому начальнику.

Въ 8 часовъ вечера того же дня процессія двинулась, сопровождаемая музыкою, многочисленными отрядами войскъ и артиллеріею, состоящею изъ 6-ти орудій, къ могилѣ, въ центрѣ города, въ то мѣсто, гдѣ заложенъ новый Владимірскій соборъ и гдѣ погребены: адмиралъ Лазаревъ, вице-адмиралъ Корниловъ и контръ-адмиралъ Истоминъ. Покойнаго опустили въ особый склепъ направо, по невозможности положить гробъ въ общій склепъ, по его тѣснотѣ. Троекратный залпъ изъ 6-ти орудій и изъ тысячи ружей возвѣстилъ далеко вокругъ, что все земное свершилось, и началась вѣчная память Павлу Степановичу Нахимову. Мы не увидимъ его болѣе въ челѣ матросовъ-богатырей, такъ горячо любившихъ его и любимыхъ имъ!

Миръ праху храбраго и доблестнаго героя Синопа и защитника Севастополя, положившаго животъ свой на брани за правое дѣло — за церковь, за Царя, за отечество. Въ могилѣ осѣнитъ его благословеніе православной церкви и

цѣлаго русскаго государства, молящагося объ успокоеніи душъ ратниковъ, убіенныхъ на полѣ брани (¹).

Г. Славови.

XIII.

Севастополь, 14-го іюля, 1855.

Въ послѣдній разъ я писалъ къ вамъ (²), въ предсмертный день нашего незабвеннаго адмирала Нахимова; теперь вы знаете, какъ и когда онъ умеръ. Онъ пережилъ день своихъ имянинъ, 29-го іюня, и скончался 30-го іюня, въ четвергъ, въ 11 часовъ утра. Состояніе безпамятства, которое я описалъ въ прошломъ письмѣ, не оставляло его до конца жизни, и онъ скончался, повидимому, безъ страданій.

Въ тотъ же день, 30-го іюня, въ 3 часа по полудни, тѣло его перевезли отъ насъ (съ сѣверной стороны) на южную сторону, въ городъ чрезъ бухту. Отпѣваніе происходило въ соборной церкви, 1-го іюля, въ пятницу. И при «послѣднемъ цѣлованіи» былъ главнокомандующій, князь Горчаковъ: теперь доблестный полководецъ не удерживалъ своихъ слезъ—онъ плакалъ, какъ плачетъ отецъ по своемъ любимомъ сынѣ! Могила для Нахимова, по его собственному указанію, устроена была рядомъ съ могилами двухъ другихъ морскихъ героевъ—Лазарева и Корнилова; мѣсто возлѣ Корнилова Нахимовъ назначилъ-было для себя, потомъ уступилъ его Истомину: теперь самъ легъ возлѣ него.

Всѣ замѣтили, что въ то самое время, какъ гробъ Нахимова опустили въ могилу, французы пустили въ городъ первую свою ракету, потомъ бросили ихъ во всѣ концы города до 60-ти. Французы давно уже не пускали ракетъ и вообще пускаютъ ихъ рѣдко — по ихъ дороговизнѣ. Въ послѣднія двѣ недѣли не было подъ Севастополемъ никакихъ особенно важныхъ операцій. Каждую ночь усили-

---

(¹) „Одесскій Вѣстникъ“ 1855 г. № 82.

(²) См. статью XI настоящаго сборника матеріяловъ для біографіи П. С. Нахимова. *Ред.*

вается канонада. каждую ночь воздымаются надъ Севастополемъ миріады огненныхъ шаровъ: но для насъ все это стало однообразнымъ, почти приторнымъ; бомбы и ракеты не производятъ даже ни одного почти пожара. Говорятъ о предстоящей постройкѣ у насъ моста чрезъ бухту, съ сѣверной на южную сторону, между Николаевскою и Михайловскою батареями (¹).

П. Дьякововъ.

XIV.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О СМЕРТИ АДМИРАЛА НАХИМОВА.

29-го іюня Россія испытала невознаградимую утрату: герой Синопскій, одинъ изъ мужественныхъ защитниковъ Севастополя, честь и слава русскаго флота и руссксй арміи—адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ получилъ смертельную рану, отъ которой скончался 30-го іюня, къ общему прискорбію своихъ ратныхъ сотоварищей и всей Россіи.

Очевидцы сообщаютъ слѣдующія подробности о смерти его:

Покойный адмиралъ никакъ не соглашался надѣвать солдатскую шинель и, всегда въ сюртукѣ съ генеральскими эполетами, являлся на самыхъ передовыхъ укрѣпленіяхъ, дабы удобнѣе наблюдать въ зрительную трубу за осаждающимъ. 29-го іюня, въ 8 часовъ вечера, Павелъ Степановичъ явился на Корниловскомъ бастіонѣ и, не смотря на усиленныя просьбы окружающихъ, началъ смотрѣть черезъ брустверъ на работы непріятельскія.... Пуля ударила въ земляной мѣшокъ возлѣ него: свита, сопровождавшая адмирала, усилила свои просьбы, умоляя его сойти съ банкета, но онъ спокойно оставался на мѣстѣ, промолвивъ:

(¹) „Одесскій Вѣстникъ" 1855 г. № 82.

«Они цѣлятъ довольно хорошо».... Черезъ нѣсколько минутъ другая пуля ударила Павла Степановича въ високъ; онъ впалъ въ безпамятство, которое продолжалось до самой кончины.

30-го іюня его не стало.

Да будетъ же миренъ сонъ твой, достойный сподвижникъ Лазарева, Корнилова и Истомина!... Черноморскіе моряки и севастопольскій гарнизонъ не забудутъ твоего доблестнаго примѣра.... Дѣти и внуки наши отстоятъ твою могилу, какъ ты отстаивалъ колыбель ихъ (1)!

XV.

ПОСЛѢДНІЯ МИНУТЫ АДМИРАЛА П. С. НАХИМОВА (2).

Севастополь 14-го іюля 1855 г.

28-го числа іюня, покойный адмиралъ, г. Фельдгаузенъ и я поѣхали на 3-е и 4-е отдѣленія (ибо тамъ была бомбардировка); не доѣзжая еще до доковой стѣны, покойный адмиралъ послалъ г. Фельдгаузена къ г. Воеводскому сказать, чтобы онъ приказомъ назначилъ лейтенанта Янушевскаго на 3-й бастіонъ (потому что въ этотъ день командиру 3-го бастіона лейт. Викорсту оторвало ногу и бастіонъ остался безъ командира) и чтобы онъ самъ остался дома и не пріѣзжалъ обратно. Оставшись вдвоемъ, мы поѣхали сперва на 3-е отдѣленіе, начиная съ батареи г. Никонова, потомъ зашли въ блиндажъ къ А. И. Панфилову, напились у него лимонаду и отправились съ нимъ же на 3-й ба-

(1) „Одесскій Вѣстникъ" 1855 г, № 81—статья эта была перепечатана въ „Русскомъ Инвалидѣ" 7-го іюня 1855 г. и отрывокъ ея вошелъ въ статью г. Соколова. *Ред.*

(2) Подробности, представляемыя въ статьѣ, заимствованы нами изъ письма лейтенанта К., постоянно находившагося при адмиралѣ Нахимовѣ, жившаго въ домѣ и повсюду сопровождавшаго, до послѣдней минуты жизни, знаменитаго покойника. Сообщеніемъ этого письма мы обязаны отцу лейтенанта К. вице-адмиралу черноморскаго флота, къ которому оно было писано. *Примѣч. редакціи Одес. Вѣстн.*

стіонъ; осмотрѣвши его и еще остальную часть 3-го отдѣленія окончательно — конечно, я ужь и не говорю, подъ самымъ страшнымъ огнемъ—мы сѣли на коней и распрощались съ А. И. Панфиловымъ и съ офицерами вообще; мы поѣхали шагомъ на 4-е отдѣленіе въ сопровожденіи, можно сказать, прицѣльныхъ бомбъ, ядеръ и пуль, на всемъ пути: Господь насъ миловалъ: ничто не смѣло, по Его волѣ, насъ тронуть. Во время этой дороги покойный адмиралъ былъ чрезвычайно веселъ и любезенъ противъ обыкновенія и все говорилъ: «Какъ пріятно ѣхать такими молодцами, какъ мы съ вами; такъ нужно, другъ мой, вѣдь на все воля Бога, и ежели Ему будетъ угодно, то все можетъ случиться: что бы вы тутъ ни дѣлали, за что бы ни прятались, чѣмъ бы ни укрывались, ничто бы не противостояло Его велѣнію, а этимъ показали бы мы только слабость характера своего. Чистый душой и благородный человѣкъ будетъ всегда ожидать смерти спокойно и весело, а трусъ боится смерти, какъ трусъ».—Послѣ этихъ словъ адмиралъ задумался, но лицо его сохраняло, по прежнему, покойную и веселую улыбку. Мы подъѣхали къ батареѣ Жерве (начало 4-го отдѣленія) и сошли съ коней; адмиралъ, видя, что огонь непріятельской артиллеріи тутъ совсѣмъ слабъ, приказалъ собрать вокругъ себя всѣхъ матросовъ и прислугу орудій; и когда люди были собраны, онъ, обратившись къ нимъ, по обыкновенію, съ словами: «здорово наши молодцы!» сказалъ: «Ну друзья! я осмотрѣлъ вашу батарею, она далеко не та, какою была прежде: она теперь хорошо укрѣплена; ну, такъ непріятель не долженъ знать и думать, что здѣсь можно какимъ бы то ни было способомъ вторично прорваться. Смотри жь, друзья, докажите французу, что вы такіе же молодцы, какими я васъ знаю, а за новыя работы и за то, что вы хорошо деретесь, спасибо ребята!» Не только слова, но одно присутствіе покойнаго адмирала, въ самую критическую минуту, дѣлало матросовъ чрезвычайно веселыми и болѣе энергическими, потому что они видѣли передъ собой начальника, котораго они любили, какъ дѣти своего отца, готоваго умереть съ ними вмѣстѣ. Отдавъ кое-какія при-

казанія самому г. Жерве, адмиралъ направилъ свой путь на Малаховъ курганъ; взойдя туда, мы увидѣли, что въ башнѣ служили вечерню; адмиралъ, перекрестившись, пошелъ со мной вдвоемъ (потому что начальникъ 4-го отдѣленія Ф. С. Кернъ былъ у вечерни): но едва мы успѣли пройти нѣсколько шаговъ, какъ г. Кернъ насъ догналъ, отрапортовалъ адмиралу, что все исправно, и, предложивъ зайдти къ вечернѣ, просилъ ни о чемъ не безпокоиться; но адмиралъ не слушалъ и шелъ впередъ, захотѣвши, вѣроятно, осмотрѣть, по обыкновенію, новыя работы непріятельскія. Онъ взошелъ на банкетъ, взялъ трубу у сигнальщика и сталъ смотрѣть не въ амбразуру изъ мѣшковъ, нарочно для того сдѣланную, а прямо черезъ брустверъ, открывъ себя почти по поясъ. Тутъ г. Кернъ и я начали его уговаривать смотрѣть пригнувшись или въ амбразуру, но онъ не слушалъ предостереженія, какъ и всегда. Въ это время одна пуля попала прямо въ мѣшокъ, около его лѣваго локтя; вторая ударила въ брустверъ и камешкомъ отъ нея у меня разорвало козырекъ у фуражки. Видя, что это прицѣльныя пули, мы опять просили адмирала сойти съ банкета, но онъ не хотѣлъ, говоря, однакожъ, что «они сегодня довольно мѣтко цѣлятъ». Только что успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ мгновенно упалъ безъ крика и стона. Всѣ были поражены, когда увидѣли, что пуля попала ему въ лѣвый високъ на вылетъ. Я взялъ его за руку и пощупалъ пульсъ; оказалось, къ несчастію, что онъ не бился; мнѣ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ приказать отнести на время адмирала въ блиндажъ къ г. Керну. Самъ же я поскакалъ къ графу Сакену извѣстить о смертельной ранѣ нашего начальника. Отъ графа я прискакалъ домой и всѣ комнаты опечаталъ. Возвращаясь на курганъ, я узналъ дорогой отъ своего казака, что адмиралъ еще живъ и что его повезли на сѣверную сторону, въ госпиталь. Я тотчасъ же воротился и поѣхалъ туда. Здѣсь я узналъ, что рана Павла Степановича не даетъ никакой надежды на его спасеніе и что, въ добавокъ, бокъ и легкія у него парализованы. Въ такомъ положеніи онъ лежалъ до 30-го іюня. Во все время онъ былъ безъ чувствъ,

и кое-какъ выговаривалъ только слова: «Это вздоръ! все пустяки!» Болѣе онъ ничего не говорилъ, и въ 9 часовъ и 30 минутъ утра скончался. 1-го іюля его хоронили съ чрезвычайными почестями. Успѣли кое-какъ снять съ него портретъ. Царство ему небесное, онъ насъ любилъ, какъ своихъ дѣтей (1)!

XVI.

О кончинѣ адмирала Нахимова.

(Изъ письма изъ Севастополя, отъ 3-го іюля 1855 г.)

Нѣтъ уже у насъ великаго героя синопскаго! Павелъ Степановичъ Нахимовъ, смертельно раненый въ голову штуцерною пулею навылетъ, 28-го іюня, въ канунный день своихъ имянинъ, уже скончался, и 1-го іюля, въ семь часовъ вечера, погребенъ во вновь заложенной церкви Св. Владиміра, рядомъ съ адмиралами Лазаревымъ, Корниловымъ и Истоминымъ. Послѣдніе двое убиты при оборонѣ Севастополя, на томъ же самомъ бастіонѣ, на которомъ палъ и Нахимовъ, т. е. на Малаховомъ курганѣ, или на Корниловомъ бастіонѣ. Потеря Нахимова поразила скорбію всѣхъ севастопольцевъ одинаково, отъ главнокомандующаго до солдата!

Во время печальной процессіи, отъ собора до вновь строющейся церкви Св. Владиміра (которая насупротивъ 6-го бастіона) непріятель не сдѣлалъ ни одного выстрѣла. Казалось, самыя пушки смотрѣли съ благоговѣніемъ на скорбь нашу, на послѣдній долгъ нашъ великому адмиралу! Въ лагерѣ союзниковъ знали о нашей утратѣ, по спущеннымъ флагамъ и реямъ нашего флота: конечно, и враги наши хотѣли почтить память героя (2)!...

П. П.

---

(1) „Одесскій Вѣстникъ" 1855 г. № 83.
(2) «Сѣверная Пчела» 1855 года № 160.

XVII.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА СЕСТРЫ КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ, КЪ РИСУНКУ: АДМИРАЛЪ П. С. НАХИМОВЪ ВЪ ГРОБУ.

Сообщаемъ отрывокъ изъ письма сестры Крестовоздвиженской общины, которое было помѣщено въ «Морскомъ Сборникѣ» ([1]):

«И наконецъ-таки удалось французамъ попасть въ Нахимова: сколько времени они въ него мѣтили, когда онъ такъ неосторожно разъѣзжалъ по всѣмъ бастіонамъ. Когда никто не носитъ эполетъ, онъ постоянно ихъ носилъ. А когда его предупреждали объ опасности, онъ никогда не обращалъ на это вниманія. Послѣ своей несчастной раны, онъ жилъ только полторы сутокъ, не говорилъ и не приходилъ въ себя. Лежалъ онъ на Сѣверной; перевезли его сюда, въ его домъ, безъ всякой церемоніи. Я сказала сестрѣ Л., что иду поклониться Нахимову; еще двѣ сестры пошли со мною. Уже готовились къ выносу въ церковь для отпѣванія; это было въ пятницу, послѣ обѣда. На улицѣ уже стояли войска и пушки; вокругъ дома множество офицеровъ — и морскихъ, и армейскихъ. Во второй комнатѣ стоялъ его гробъ, золотой парчи; кругомъ много подушекъ съ орденами; въ головахъ три адмиральскіе флага группированы, а самъ онъ былъ покрытъ тѣмъ прострѣленнымъ и изорваннымъ флагомъ, который развѣвался на его кораблѣ въ день синопской битвы. Священникъ въ полномъ облаченіи читалъ евангеліе, а по загорѣлымъ щекамъ моряковъ, которые стояли на часахъ, текли слезы. Да и съ тѣхъ поръ я не видала ни одного моряка, который не сказалъ бы, что съ радостью легъ бы за него. Только одинъ, сказавъ это, прибавилъ: «ну, да все равно; я самъ за нимъ скоро умру». Онъ говорилъ мнѣ это на

([1]) Полное письмо будетъ напечатано въ одномъ изъ послѣдующихъ выпусковъ настоящаго сборника, въ отдѣлѣ статей относящихся до дѣятельности сестеръ Крестовоздвиженской общины во время Крымской войны и при оборонѣ Севастополя. *Ред.*

ампутаціонномъ столѣ. У Нахимова въ домѣ я видѣла Берга, который срисовалъ съ покойнаго портретъ уже въ гробѣ. Такъ какъ весь генералитетъ долженъ былъ тутъ быть, то мы и не остались на церемоніи, а пошли къ павловскимъ. Пришелъ докторъ, что живетъ у нихъ, и сказалъ, что съ бульвара очень хорошо видно, и что еще ходятъ прощаться. Мы пошли туда. Мы стояли на бульварѣ, это близъ того мѣста, гдѣ библіотека, очень высокое мѣсто, а церковь внизу, близъ Графской пристани. Мы простояли нѣсколько времени: все еще ходили прощаться. Наконецъ заунывный перезвонъ и все болѣе и болѣе слышное пѣніе возвѣстили намъ, что выходятъ изъ церкви, и они повернули совсѣмъ не туда, куда я ожидала, а прямо къ намъ на гору, такъ что прошли совершенно мимо насъ. Никогда я не буду въ силахъ передать тебѣ этого глубоко грустнаго впечатлѣнія. Представь себѣ, что мы были на возвышенности, съ которой видѣнъ весь Севастополь: бухта съ нашими разснащенными кораблями, море съ грознымъ и многочисленнымъ флотомъ нашихъ враговъ, горы съ нашими бастіонами, гдѣ Нахимовъ бывалъ безпрестанно, ободряя еще болѣе примѣромъ, чѣмъ словомъ, и горы съ ихъ батареями, съ которыхъ такъ безпощадно они громятъ Севастополь. Представь же себѣ этотъ огромный видъ, и надъ всѣмъ этимъ, а особливо надъ моремъ—мрачныя, тяжелыя тучи; только кой-гдѣ, вверху, блистало свѣтлое облако. Заунывная музыка, грустный перезвонъ колоколовъ, печально-торжественное пѣніе, очень много священниковъ, генераловъ, офицеровъ, всѣ съ грустнымъ выраженіемъ лицъ. Такъ хоронили моряки своего синопскаго героя, такъ хоронилъ Севастополь своего неустрашимаго защитника. Ты не можешь представить того грустнаго чувства, съ которымъ я смотрѣла, и какъ я наплакалась. Сколько, я думаю, поминаютъ теперь новопреставленнаго Павла! Говорятъ, что все свое жалованье и все, что онъ могъ только, онъ отдавалъ, чтобъ помогать морякамъ» (1).

---

(1) „Русскій Художественный листокъ", издав. г. Тиммомъ 1856 г. № 19.

XVIII.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ЗАПИСКИ ПРОФЕССОРА ГЮББЕНЕТА, О РАНЕНІИ И СМЕРТИ АДМИРАЛА ПАВЛА СТЕПАНОВИЧА НАХИМОВА.

П. С. Нахимовъ, 28-го іюня около 7 часовъ вечера, на Малаховомъ курганѣ, раненый въ голову штуцерною пулею, былъ немедленно перевезенъ черезъ бухту въ морской госпиталь на сѣверной сторонѣ. Первое пособіе было ему подано морскими медиками; оно состояло въ соединеніи обоихъ отверстій раны, извлеченій изъ нея осколковъ кости, очищеній отъ крови, прикрытія раны корпіею намоченною Aq. Haemostatica Нелюбина и наложеніи повязки.

Прибывъ съ южной стороны Севастополя въ 9-мъ часу вечера, я нашелъ больнаго въ слѣдующемъ состояніи: онъ былъ совершенно блѣденъ и, по видимому, безъ всякаго самосознанія, не владѣлъ языкомъ и лежалъ на спинѣ, склонившись нѣсколько на правый бокъ. Правыя конечности оказались бездѣйственными, лѣвою же рукою онъ постоянно хватался за рану. Лѣвый глазъ закрытъ верхнимъ вѣкомъ, посинѣвшимъ нѣсколько отъ подтека, а правый вскрывался отъ времени до времени; ротъ былъ полуоткрытъ и лѣвый уголъ его нѣсколько приподнятъ. Во взорѣ больнаго выражалось еще нѣсколько слѣдовъ самосознанія, которое однакожь не обнаруживалось никакими знаками, ни движеніями. На правой рукѣ пульсъ былъ малъ, 60 ударовъ въ минуту, на лѣвой нѣсколько полнѣе. Дыханіе рѣдкое, но ровно и спокойно.

По снятіи перевязки оказалось, что рана начиналась отъ лѣваго бугра лобной кости на одинъ дюймъ выше лѣваго глазнаго края и, простираясь горизонтально назадъ по краю лѣвой височной и темянной кости, оканчивалась на одинъ дюймъ выше лѣваго уха. Все протяженіе раны занимало въ длину 6, а въ ширину 2 поперечные пальца. Пуля прошла спереди назадъ; отверстіе входа свободно пропускало указательный палецъ и было меньше отверстія выхода. По вскрытіи раны, чрезъ соединеніе обоихъ от-

верстій, прежде моего прибытія, извлечены были изъ раны 18 осколковъ раздробленной кости (10 большихъ и 8 мелкихъ).

Во время самой операціи, какъ передали мнѣ морскіе медики, больной изрѣдка стоналъ и подносилъ лѣвую руку къ ранѣ; кровотеченіе при этомъ, въ началѣ довольно обильное, скоро остановилось.

По снятіи первой повязки, я покрылъ рану одною лишь корпіею и назначилъ холодныя примочки на время, пока принесутъ ледъ.

Въ 10-мъ часу вечера пульсъ началъ возвышаться и доходилъ до 75 въ минуту, дыханій около 30 въ минуту. Въ 11-мъ часу пульсъ 85, дыханій 30 въ минуту. Въ 12 часовъ пульсъ 100, дыханій 35. Больному отъ времени до времени давали по чайной ложечкѣ холодной воды, которую онъ глоталъ съ большимъ трудомъ.

Въ это время явилась небольшая испарина и движенія лѣвою рукою сдѣлались чаще; больной по прежнему лежалъ на спинѣ, приклонившись на правый бокъ.

Въ исходѣ 1-го часа пульсъ упалъ на 80 ударовъ въ минуту, дыханіе на 32, конечности холоднѣе, правая рука неподвижна, лѣвая постоянно протягивается къ головѣ.

Въ 6 часовъ утра 29-го іюня пульсъ 76, дыханіе 24 въ минуту, больной началъ открывать глаза и лѣвую руку чаще проводить къ ранѣ. Когда ему мѣшали въ этомъ, то онъ едва внятнымъ голосомъ, по донесенію дежурнаго медика, разъ проговорилъ; «эхъ, Боже мой, что за вздоръ!»

До 9-ти часовъ утра не обнаруживалось никакой перемѣны. Теперь я велѣлъ сдѣлать больному обливаніе головы холодною водою съ извѣстной высоты. Но обливанія эти, нѣсколько разъ повторенныя, не обнаружили въ это время непосредственной реакціи.

Спустя лишь $^1/_2$ часа, больной сталъ чаще открывать глаза, и пополудни, движеніемъ лѣвой руки, казалось, давалъ знакъ, чтобы ему дали одѣваться, и потомъ немного посидѣлъ.

Въ 6-мъ часу вечера эти слѣды самосознанія опять совершенно изчезли; больной спалъ и дышалъ довольно спокойно.

Когда онъ проснулся, часъ спустя, я велѣлъ опять повторить довольно продолжительныя холодныя обливанія, но дѣйствіе ихъ было не весьма значительно; пульсъ ускорился отъ 60 до 75 и сталъ нѣсколько полнѣе; онъ открывалъ нѣсколько разъ глаза, но сознаніе не пробудилось. Корпія на ранѣ была перемѣнена. До 9-ти часовъ больной часто переворачивался, сколько ему это позволяло ограниченное владѣніе членами, то на бокъ то на спину, брался постоянно за голову и нѣсколько разъ покашливалъ.

При посѣщеніи моемъ въ 12-мъ часу ночи я засталъ больнаго лежащаго неподвижно, со значительно храпящимъ и поверхностнымъ, болѣе брюшнымъ, дыханіемъ (resp. Abdominalis). Пульсъ на обѣихъ рукахъ весьма слабъ и малъ (начало агоніи).

30-го іюня съ 2-хъ часовъ по полуночи, пульсъ, до того времени нитеобразный, то исчезаетъ, то появляется снова; дыханіе такое же какъ съ полуночи, сдѣлалось только чаще, пальцы и подошвы ногъ холодны.

Въ 4 часа утра пульсъ сталъ опять нѣсколько полнѣе, но сдѣлался весьма частымъ.

Въ 6 часовъ судороги продолжались двѣ минуты, пульсъ исчезъ почти совершенно, при постоянномъ подергиваніи сгибательныхъ мышцъ руки.

Въ 8-мъ часовъ утра больной успокоился, но дыханіе по прежнему ускоренное, поверхностное, а пульсъ едва слышенъ; это состояніе продолжалось до 10-ти, съ котораго времени дыханіе стало болѣе и болѣе затрудняться.

Въ 10½ часовъ дыханіе появлялось только чрезъ каждыя ¼ минуты и въ 11-ть часовъ и 5-ть минутъ больной совершилъ послѣднее дыханіе (1).

XIX.

Извлеченіе изъ письма изъ Севастополя, отъ 8-го іюля 1855 года.

Не могу не возвратиться къ адмиралу Нахимову тѣмъ

(1) Морской Сборникъ 1855 г. Т. 17 стр. 347—350.

болѣе, что черноморскій флотъ объ этомъ только и мыслитъ. Никогда я не видѣлъ болѣе грустнаго и величественнаго торжества, какъ похороны дорогаго и славнаго нашего покойника; гробъ его покрытъ былъ синопскимъ флагомъ съ корабля «Императрица Марія» и осѣненъ тремя адмиральскими флагами; отъ главнокомандующаго до послѣдняго матроса—всѣ были въ слезахъ; стеченіе народа было такъ велико, что по всему пути шествія процессіи до склеповъ, гдѣ покоятся Лазаревъ, Корниловъ и Истоминъ, разрушенныя стѣны и обвалившіяся крыши были тѣсно покрыты людьми всѣхъ сословій, пришедшими отдать послѣдній долгъ столь любимому адмиралу. Его положили въ то мѣсто, гдѣ онъ стоялъ при погребеніи Истомина — около того, которое онъ самъ себѣ готовилъ, въ твердой увѣренности, что долженъ пасть за Севастополь (1).

XX.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПИСЬМА П. В. ВОЕВОДСКАГО.

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о послѣднихъ минутахъ жизни адмирала Нахимова, сообщаемъ выписку изъ письма капитана 2 ранга П. В. Воеводскаго.

«Вѣсть о горестной, тяжелой утратѣ нашей дошла уже до васъ. Право, не могу свыкнуться съ мыслію—все еще не вѣрится, что его уже нѣтъ. Не только мы родные, но весь флотъ оплакиваетъ адмирала, и только въ эти минуты выказалось, какою всеобщею любовію онъ пользовался.

Что потеряли въ немъ защитника Севастополя — того не выразить никакими словами.

Вотъ нѣкоторыя подробности: 28 числа открылась сильная канонада противъ бастіона № 3-й. П. С. собрался ѣхать, но у меня было много бумагъ и мнѣ удалось его удержать. Въ 4 часа по полудни онъ велѣлъ осѣдлать лошадей. Уговорить не ѣхать мнѣ не удалось; помню послѣднія слова его: «какъ ѣдешь на бастіонъ, такъ веселѣе дышешь». Меня въ то же время послалъ онъ совсѣмъ въ другую сторону, а съ собою взялъ флагъ-офицеровъ, Фельдгаузена, Костырева и Колтовскаго.

---

(1) Морской Сборникъ 1855 г. Т. 17. стр. 351.

Побывши около часа на 3-мъ бастіонѣ, онъ поѣхалъ на бастіонъ Корнилова. Артиллерійскаго огня тамъ не было, но ружейный довольно сильный. Въ то время, когда, осматривая непріятельскія траншеи, онъ взошелъ на банкетъ и сдѣлался открытъ до пояса, ружейная пуля ударила въ мѣшокъ, у котораго онъ стоялъ, но онъ не хотѣлъ оставить роковаго мѣста и продолжалъ смотрѣть въ трубу. Въ ту самую минуту, какъ онъ повернулся, чтобъ спуститься, пуля ударила его выше лѣваго виска и онъ упалъ безъ чувствъ. До самой кончины П. С. ни на минуту не пришелъ въ себя. Никакая медицинская помощь не могла возвратить его къ жизни.

Онъ скончался 30 числа въ 11 часовъ 7 минутъ по полуночи и погребенъ рядомъ съ Михаиломъ Петровичемъ Лазаревымъ вечеромъ 1-го іюля (1).

XXI.

СМЕРТЬ НАХИМОВА (2).

28-го іюня, въ 8 часовъ пополудни, адмиралъ Нахимовъ, при обычномъ посѣщеніи своемъ бастіона Корнилова, былъ смертельно раненъ пулею въ голову.

29-го числа Павелъ Степановичъ скончался....

И не стало той колоссальной личности, которая составляла надежную опору защиты Севастополя—гордость черноморскаго флота!..

Необыкновенное самоотверженіе, полное презрѣнія опасности, постоянная дѣятельность и готовность сдѣлать все, не соразмѣряя силъ, для спасенія роднаго Севастополя и флота—были отличительныя черты Павла Степановича.

Павелъ Степановичъ имѣлъ около 60 лѣтъ, былъ весьма бодръ и пользовался полнымъ здоровьемъ. Въ движеніяхъ Павла Степановича замѣтны были: какая-то постоянная суетливость и озабоченность.

Во всѣхъ вопросахъ, гдѣ суша и море сходились на

---

(1) Морской Сборникъ 1855 г. Т. 17 стр. 167.

(2) Русскіе богатыри изданія г. Погосскаго.

однихъ интересахъ—случись это хотя на Малаховомъ курганѣ—Павелъ Степановичъ всегда стоялъ за своихъ черноморцевъ.

Рѣчь Павла Степановича была отрывисто-короткая; разговоръ его, чуждый всякой изысканной любезности, былъ преисполненъ разумности.

Любилъ Павелъ Степановичъ моряковъ, любили и моряки Нахимова.

Одно его слово, недовольный взглядъ были выше всѣхъ строгостей для его подчиненныхъ, довѣріе которыхъ къ своему начальнику было безпредѣльно.

Ежедневно, и всегда въ сюртукѣ и эполетахъ, онъ объѣзжалъ бастіоны, по возвращеніи съ которыхъ неутомимо работалъ, по всѣмъ частямъ управленія города и обороны, радушно и съ готовностію удовлетворялъ безконечныя просьбы бастіоновъ изъ неисчерпаемыхъ запасовъ черноморскаго флота.

А душа-то какая была у Павла Степановича—рѣдкая, добрая!... При простой, умѣренной жизни, большую часть своихъ средствъ онъ отдавалъ бѣднымъ, неимущимъ!...

Начнутъ ли гдѣ стрѣлять сильнѣе обыкновеннаго—Павелъ Степановичъ на конѣ и несется къ опасному мѣсту....

1-го іюля тѣло доблестнаго адмирала, оплакиваемое моряками и всѣмъ гарнизономъ, было предано землѣ, въ томъ самомъ храмѣ, гдѣ уже покоились славные дѣятели царства русскаго: Лазаревъ, Корниловъ и Истоминъ.

Миръ праху твоему, герой!... ([1])

([1]) Сверхъ напечатанныхъ въ настоящемъ Сборникѣ статей, относящихся до біографіи П. С. Нахимова, мы находимъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" 1855 г. № 80. „Извлеченіе изъ формулярнаго списка П. С. Нахимова", г. Бартенева и въ Мѣсяцесловѣ (академическомъ) на 1856 годъ: „Некрологъ П. С. Нахимова."—Обѣ эти статьи, не вносящія ничего новаго для характеристики П. С., и заимствованныя изъ другихъ статей, остаются не перепечатанными, какъ не представляющія никакого значенія для желающихъ познакомить себя съ характеромъ и жизнію этого замѣчательнаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка. *Ред.*

ВИЦЕ-АДМИРАЛЪ, ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ
ВЛАДИМІРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ КОРНИЛОВЪ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

При условіяхъ общественнаго быта въ нашемъ отечествѣ, сословіе дворянъ, пользуясь необыкновенными преимуществами, весьма справедливо обязано нести наибольшую долю труда, ведущаго къ благосостоянію государства, служить ему всѣми способностями. Обработывающій поле земледѣлецъ, удовлетворяющій нуждамъ и прихотямъ жизни ремесленникъ, купецъ, облегчающій имъ средства сбывать плоды трудовъ — всѣ эти члены общества приносятъ на жертвенникъ общей пользы извѣстную дань; и, безъ сомнѣнія, каждое назначеніе человѣка въ жизни цѣлаго народа, исполняемое имъ искусно и добросовѣстно, достойно уваженія; но, указывая на сословіе дворянства, какъ на главныхъ тружениковъ, мы хотимъ выставить ту только истину, что оно обязано трудиться безкорыстно; не разсчитывая на непосредственныя воздаянія, не ожидая вознагражденія за каждое удачное усиліе принести пользу. Законъ, выведенный изъ силы обстоятельствъ и безпристрастнаго разсчета, обязуетъ дворянина, жертвуя собственными выгодами и наклонностями, избирать одну изъ отраслей государственныхъ службъ. Понимая основательность подобнаго требованія, высшее сословіе государства

стремится къ удовлетворенію его, и хотя, для должнаго выполненія справедливой воли правительства, надлежитъ каждому предварительно получить начала, на которыхъ могли бы развиться въ немъ достоинства человѣка, различныя мѣстныя условія противятся у насъ такому образованію юношества, и въ самомъ нѣжномъ возрастѣ оно передается на руки того же правительства, которому въ послѣдствіи обязано оказывать усердное, разумное содѣйствіе. Такимъ образомъ, власть сама себѣ готовитъ слугъ и помощниковъ, и вліяніе домашняго воспитанія ограничивается только впечатлѣніями, доступными ребяческому разсудку. Ребенокъ видитъ чинную, христіанскую жизнь родителей, бываетъ свидѣтелемъ постоянныхъ трудовъ ихъ, уваженія имъ оказываемаго и это глубоко врѣзывается въ его памяти. Приставленные въ послѣдствіи, внѣ родительскаго дома, наставники, способные выказать пользу добра, честныхъ правилъ и умственнаго трудолюбія, образуютъ такого ребенка, находящагося подъ впечатлѣніемъ недавнихъ отцовскихъ примѣровъ, безъ большихъ усилій и затрудненій; и если изъ него выйдетъ человѣкъ полезный, заслуживающій быть выставленнымъ въ примѣръ другимъ, родители, не смотря на раннее отчужденіе дѣтища, должны стяжать свою долю славы. По этому во всякой біографіи взглядъ на виновниковъ дней замѣчательнаго человѣка, ее заслужившаго, есть только справедливая, хотя и поздняя дань, отдаваемая, по поводу блестящаго настоящаго, скромному прошедшему. Указавши важность вліянія родителей, хотя и кратковременнаго, на образованіе, слѣдовательно и на судьбу дѣтей, мы безбоязненно начнемъ нашъ очеркъ служебной жизни адмирала Корнилова краткимъ взглядомъ на его просвѣщеннаго отца, и сдѣлаемъ это тѣмъ съ большею готовностію, что почтенный слуга четырехъ царствованій, принадлежа въ теченіе 19-ти лучшихъ лѣтъ своей жизни нашему сословію, провелъ ихъ въ немъ съ честію для себя и пользою для службы.

Алексѣй Михайловичъ Корниловъ учился въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и произведенъ въ офицеры въ 1782 г., послѣ долгой кампаніи въ Средиземномъ морѣ. Неизвѣстно

по какому обстоятельству, Корниловъ командовалъ фрегатомъ въ сраженіи при Красной Горкѣ, еще въ чинѣ лейтенанта. Впрочемъ, въ кипучій вѣкъ Екатерины, молодость не была препятствіемъ къ повышеніямъ, и что Корниловъ оправдалъ выборъ, доказываютъ полученные имъ за сраженіе орденъ св. Георгія 4-го класса и чинъ капитанъ-лейтенанта. Поощренный въ началѣ службы, Корниловъ, повидимому, посвятилъ себя ей исключительно и въ послѣдствіи составилъ весьма замѣчательную книгу—«*сигналы, посредствомъ коихъ производятся тактическія дѣйствія гребнаго флота*», указалъ въ ней, какъ исполнять эти сигналы и тѣмъ придалъ книгѣ важное тактическое значеніе. До сихъ поръ, по этой части, не издавалось у насъ ничего подобнаго, и въ прошломъ году, когда обстоятельства вынудили употребить гребную флотилію для истиннаго назначенія ея, нѣкоторые любознательные офицеры, ожидая настоящаго дѣла, прибѣгнули къ наставнику минувшаго вѣка. Книга выказываетъ способности и трудолюбіе сочинителя, и съ изданіемъ ея связано замѣчательное въ жизни Корнилова обстоятельство. Въ послѣдніе годы царствованія Императрицы, авторъ рѣшился поднести рукопись Ѓенералъ-адмиралу Павлу Петровичу, что было оцѣнено Государемъ по воцареніи, и Корниловъ, пожалованный въ чинъ капитана 2-го ранга въ 1797 году, чрезъ полтора года былъ уже капитаномъ 1-го ранга и начальствовалъ «канонерскою эскадрою державнаго ордена Іоанна Іерусалимскаго», имѣя командорскій орденскій знакъ. Потѣшая передъ Петергофомъ державнаго гроссъ-мейстера, Корниловъ работалъ для истинной цѣли, повѣрялъ свою рукопись на дѣлѣ и издалъ ее въ 1800 году. Оставя, со вступленіемъ на престолъ Александра Благословеннаго, морскую службу, Алексѣй Корниловъ продолжалъ быть полезнымъ на Ѓражданскомъ поприщѣ, въ званіи губернатора самыхъ отдаленныхъ областей имперіи—сначала Иркутска, потомъ Тобольска и, не довольствуясь добросовѣстнымъ выполненіемъ обязанностей, оставилъ преемникамъ полезное руководство: «Замѣчанія о Сибири». Въ прибавленіи къ нимъ, говоря о воспитаніи въ Китаѣ, Корниловъ, между

прочимъ, писалъ: «какъ бы законы, которыми управляется государство, премудры и совершенны ни были, они тогда только могутъ имѣть благодѣтельное вліяніе на судьбу народа, когда исполненіе оныхъ будетъ поручено людямъ благонамѣреннымъ и просвѣщеннымъ; иначе самыя лучшія учрежденія правительства получатъ превратное дѣйствіе, и законы останутся безгласны.—Природа одаряетъ человѣка бо́льшими или ме́ньшими способностями ума; воспитаніе даетъ ему правила, которыми онъ руководствуется въ жизни, внушаетъ ему уваженіе къ законной власти, любовь къ порядку, чувство справедливости, прямой чести и взаимныхъ обязанностей между собою. Природа творитъ великихъ, необыкновенныхъ мужей, имена которыхъ живутъ въ потомствѣ; воспитаніе образуетъ полезныхъ гражданъ и вѣрныхъ сыновъ отечества».

Человѣкъ, проповѣдовавшій такія истины и прилагавшій свои понятія къ дѣлу, безъ сомнѣнія, заботился, по мѣрѣ силъ и возможности, о воспитаніи дѣтей своихъ; но эти силы и возможность были скудны, недостаточны. Оставя мѣсто губернатора въ 1807 году, онъ жилъ въ небольшомъ родовомъ имѣніи своемъ, въ тверской губерніи. Тамъ Владиміръ Корниловъ, родившійся въ 1806 году, получилъ первоначальное образованіе вмѣстѣ съ людьми сосѣда-помѣщика и въ 1821 году опредѣленъ въ морской корпусъ. Вѣроятно, онъ былъ довольно далекъ въ математикѣ, потому что въ 1823 году уже выдержалъ экзаменъ въ офицеры, сдѣлавши двѣ кампаніи на фрегатѣ «Малый». И такъ, спеціальное воспитаніе Владиміра Корнилова кончилось въ два года. Въ корпусѣ онъ выучился всему, требуемому на экзаменѣ, и, съ благословеніемъ родителей, переѣхавшихъ въ Петербургъ по случаю назначенія отца сенаторомъ, вступилъ на поприще службы и жизни 16-ти лѣтъ отъ роду. Предположивши даже возможную способность и благонамѣренность въ воспитателяхъ, юный мичманъ, конечно, не могъ по выходѣ изъ корпуса дать себѣ отчета въ своемъ призваніи. Всему учившись, онъ ничего не зналъ основательно, не имѣлъ направленія; одаренный природою, былъ способенъ на все и ни на что особенно не годенъ.

Проведя нѣкоторое время въ развлекающей сферѣ столичной жизни, Владиміръ Корниловъ, по просьбѣ отца, уважаемаго прежними товарищами, занимавшими уже тогда значительныя мѣста во флотѣ, былъ назначенъ на шлюпъ «Смирный»—капитанъ-лейтенантъ *Дохтуровъ*, отправлявшійся въ Тихій океанъ для охраненія торговли нашихъ американскихъ колоній. Нѣсколько судовъ уже прежде ходили съ тою же цѣлью, и въ плаваніи ихъ, требовавшемъ настоящаго военно-морскаго порядка, образовались отличные офицеры. Въ послѣдствіи не было почти дальнихъ посылокъ, въ которыхъ офицеръ могъ бы пріобрѣсть полезную для большинства опытность и сознаніе необходимой на морѣ, строгой, основанной на разсудкѣ и убѣжденіи, дисциплины. Такъ называемыя дальнія плаванія ограничивались перевозкою на транспортахъ казеннаго груза въ Камчатку, по тому же извѣданному, не представлявшему никакихъ особенностей пути, и рѣдкіе командиры успѣвали достичь важнѣйшей представляемой такимъ плаваніемъ пользы —пріохотить подчиненныхъ къ морю въ слѣдствіе долгой жизни на кораблѣ. Посылались изрѣдка ученыя экспедиціи, обогащавшія науку, доставлявшія офицеровъ образованныхъ, способныхъ развить извѣстную часть дѣла; но, по исключительной цѣли плаванія, въ подобныхъ кампаніяхъ не могъ родиться въ большинствѣ офицеровъ точный взглядъ на службу вообще и на флотъ, какъ на средство охраненія государства, что, безъ сомнѣнія, есть главнѣйшая цѣль учрежденія всякой военной силы ([1]).

«Смирный» былъ разслабленъ памятными бурями 1824 г. въ Нѣмецкомъ морѣ, и, прозимовавши въ норвежскомъ портѣ Арендаль, возвратился въ слѣдующемъ году въ Кронштадтъ. Попытка молодаго Корнилова посмотрѣть на края отдаленные не удалась. Снова прилѣпился онъ къ

([1]) Разумѣется, во всемъ могутъ быть исключенія, и замѣчанія эти мы относимъ преимущественно къ новѣйшимъ экспедиціямъ въ Камчатку. Подобныя плаванія, сдѣлавшись обыкновенными, потеряли занимательность; къ тому же, посылаемыя суда оставались въ Камчаткѣ; служившіе на нихъ, возвращаясь берегомъ, не подвергались суду цѣлаго сословія. Устранилась важная побудительная причина, исчезло и самое рвеніе.

столицѣ и въ 1825 году былъ прикомандированъ къ гвардейскому экипажу, по недостатку въ немъ офицеровъ. Командиръ экипажа скоро удалилъ Корнилова, не найдя въ немъ достаточной для фронта бодрости. Такъ поняли мичмана, который, черезъ 30 лѣтъ, появленіемъ своимъ вселялъ увѣренность въ сердца робкія, незакаленныя еще въ бою, и поражалъ мужественнымъ спокойствіемъ духа людей, чаще его подвергавшихся опасности! Такъ угадали восторженнаго вождя, который, въ минуту явной гибели, въ присутствіи врага сильнаго числомъ и искусствомъ, при недостаточныхъ, дѣтскихъ средствахъ въ борьбѣ съ нимъ, произнесъ памятныя слова: *«отступленія не будетъ; сигналовъ ретирады не слушать, и если я велю отступать, коли меня»!* Впрочемъ, способность узнавать людей не можетъ быть общимъ достояніемъ.

Корниловъ продолжалъ служить, кажется, при 20-мъ экипажѣ, сдѣлалъ въ 1826-мъ году какой-то походъ, а въ 1827, по отношеніямъ отца съ адмираломъ *Сенявинымъ*, переведенъ въ 12-й экипажъ и назначенъ на корабль «Азовъ», отправлявшійся въ Средиземное море. Это новое назначеніе имѣло столь важное вліяніе на будущность неустоявшагося еще молодаго человѣка, что непростительно было бы пройти его подобно другимъ служебнымъ случайностямъ, видимымъ въ формулярныхъ спискахъ. Поверхностное воспоминаніе объ этомъ назначеніи отдалило бы даже цѣль настоящей статьи — не только удовлетворять любопытству, но и служить нѣкоторымъ руководствомъ желающимъ идти тою же стезею. Такъ мы понимаемъ біографію вообще. Остановимся же на время въ повѣствованіи и съ благоговѣніемъ обратимся къ памяти наставника, которому случай отдалъ молодаго мичмана, пущеннаго въ море жизни подъ всѣми парусами, но безъ руля; живаго, умственно бойкаго, но не избравшаго еще цѣли; колебавшагося между желаніемъ трудиться и весело жить, между охотою къ занятіямъ и пріятнымъ бездѣльемъ, между долгомъ и заманчивыми удовольствіями.

Жизнь человѣка слишкомъ кратковременна для приведенія въ исполненіе важныхъ предначертаній, если обстоя-

тельства ставятъ его въ завидное положеніе быть полезнымъ государству не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. Да и возможныя усилія во время самой жизни, по недостаткамъ человѣческой природы, не приведутъ къ совершенному успѣху, если дѣятель не изберетъ помощниковъ ревностныхъ, разсудительныхъ и проникнутыхъ убѣжденіемъ въ пользѣ избранной имъ цѣли. Не только важная отрасль управленія, но простое командованіе кораблемъ выказываетъ ясно, что, для достиженія удовлетворительной степени совершенства, познаній и усердія одного человѣка недостаточно; въ большей или меньшей степени, всѣ подчиненные должны способствовать дѣлу. Слѣдовательно важнѣйшая заботливость начальника должна состоять въ выборѣ способныхъ людей, которые сначала поняли бы виды его, потомъ ревностно содѣйствовали ему, и наконецъ, если начальнику выпалъ трудъ, на который недостаточно его жизни или физическихъ силъ, могли бы изъ помощниковъ обратиться въ главныхъ дѣйствователей. При такой только системѣ будетъ въ различныхъ отрасляхъ управленія постоянная цѣль, преслѣдуемая нѣсколькими поколѣніями, вырабатываемая тщательно, осторожно, отчетливо; короче: съ пользою для государства. Только при этомъ условіи отстранится тягостное для мыслящаго человѣка зрѣлище, какъ идея, на исполненіе которой тратились милліоны, напрягались труды и способности цѣлаго народа или сословія, при вступленіи лица съ новымъ взглядомъ или вовсе безъ него, отбрасывается за совершенно негодную, по пустому тщеславію или преступной гордости творчества. Начинаются новыя попытки, столь же легко разрушаемыя новымъ пришельцемъ, и въ этомъ вѣчномъ начинаніи, всегдашнемъ младенчествѣ, находится и самая отрасль и дѣятели, которые не успѣваютъ узнать сущности дѣла, не имѣя ни желанія, ни возможности воспользоваться опытностію предшественниковъ.

Есть случаи, впрочемъ рѣдкіе, когда, по несчастнымъ обстоятельствамъ, послѣ долгаго вліянія равнодушія или бездарности, требуется совершенный переворотъ, полная реформа; но трудно предположить чтобы люди, которымъ

должны доставаться главнѣйшія отрасли управленія, могли ошибаться часто, и, вообще говоря, система постоянства въ цѣли, однажды избранной, есть лучшая. Непосредственные начальники должны приготовлять подчиненныхъ, сообразно требованіямъ этой системы, и конечно лица, занимающія важныя мѣста, не могутъ оставлять по себѣ лучшаго наслѣдія. Число способныхъ, образованныхъ имъ людей, служитъ лучшимъ мѣриломъ пользы, принесенной благомыслящимъ государственнымъ мужемъ, и, разбирая его дѣянія, нужно стараться узнать, такъ же скоро и близко, кого произвелъ онъ, какъ и то, что произведено имъ. Разумѣется, счастіе создать цѣлую школу послѣдователей дается немногимъ, и чтобъ внушить помощникамъ убѣжденіе въ пользѣ трудовъ своихъ, одушевить ихъ своими мыслями, нужно приковать необыкновенными способностями, неодолимою силою генія, или, при отсутствіи столь рѣдкаго качества, истинными нравственными достоинствами, увлекательнымъ могуществомъ благонамѣренности — это доступнѣе.

Бывшій капитанъ «Азова» (въ послѣдствіи главный командиръ черноморскаго флота) Михаилъ Петровичъ *Лазаревъ*, отличался подобнымъ взглядомъ во всю служебную жизнь свою. Прекрасная, недоступная неправдѣ душа, указывала ему человѣка, познанія и опытность—способнаго офицера, а постоянство характера и свѣтлыя понятія побуждали вести за собою однажды избранныхъ, заботясь объ ихъ усовершенствованіи. Онъ замѣтилъ способности въ молодомъ Корниловѣ, и, видя ихъ тратимыми на неопредѣленную цѣль, на чтеніе легкихъ или вредныхъ французскихъ авторовъ, выражалъ негодованіе на такую ошибочную умственную дѣятельность строгими взысканіями за всѣ промахи по службѣ. Бѣдный мичманъ, съ трудомъ перенося гоненія, вспомнилъ прежняго командира и думалъ, что новый преслѣдуетъ его по той же причинѣ. Корниловъ хотѣлъ уже просить графа *Гейдена*, замѣнившаго на кораблѣ Сенявина, о переводѣ его къ другому командиру; но, сжалясь наконецъ надъ подчиненнымъ, Михаилъ Петровичъ, рѣшился объясниться съ нимъ. Онъ про-

силъ Корнилова сказать ему откровенно: желаетъ ли онъ продолжать службу во флотѣ, и, по утвердительномъ отвѣтѣ, выразилъ свой взглядъ на обязанности морскаго офицера, необходимость образовывать себя для службы, изучать языки, на которыхъ болѣе сочиненій по морской части, и наконецъ читать эти сочиненія вмѣсто бывшихъ на полкѣ въ скромной каютѣ мичмана. Покойный Владиміръ Алексѣевичъ очень любилъ разсказывать объ этой эпохѣ своей жизни и увѣрялъ, что капитанъ не удовольствовался силою убѣжденія, а выбросилъ всю его библіотеку за бортъ, замѣнивъ ее книгами изъ собственной своей. Не знаемъ, простеръ ли Михаилъ Петровичъ до этой степени свое ожесточеніе на французскихъ писателей XVIII вѣка? Убѣжденный, что подобные менторы *свернули бы* 20-ти лѣтнему юношѣ *томъ*, можетъ быть рѣзкій еще тогда въ своихъ привычкахъ, капитанъ и посягнулъ на такое истребленіе. Достовѣрно, что Корниловъ началъ заниматься дѣломъ, учиться, слѣдить за собою, короче — жить новою жизнію.

Долгая кампанія въ Средиземномъ морѣ, примѣчательная блистательнымъ эпизодомъ Наварина и послѣдовавшею за тѣмъ военною дѣятельностью, произвела нѣсколько отличныхъ офицеровъ; а соревнованіе, возбужденное присутствіемъ иностранныхъ эскадръ и самолюбіе, терзаемое при сравненіи, породило въ тѣхъ изъ нихъ, которые были созданы или находились подъ вліяніемъ способныхъ начальниковъ, желаніе вывести флотъ нашъ изъ пагубнаго, возмущавшаго душу застоя. Михаилъ Петровичъ не любилъ торопиться въ дѣлахъ нѣкоторой важности и не баловалъ подчиненныхъ, не увѣрясь предварительно въ твердости выказаннаго ими направленія; поэтому Корниловъ получилъ во всю кампанію только орденъ Св. Анны 4-й степени и возвратился въ Кронштадтъ въ 1830 году, произведенный по линіи въ лейтенанты, на томъ же кораблѣ «Азовъ», подъ флагомъ своего начальника - наставника, пожалованнаго чиномъ контръ-адмирала за наваринское сраженіе. Михаилъ Петровичъ оцѣнилъ однакожъ Корнилова, что видно изъ назначенія его, 24 лѣтъ отъ роду, командиромъ тендера «Лебедь», въ 1831 г. Къ судамъ этого

рода адмиралъ, по воспоминаніямъ молодости, имѣлъ, можно сказать, пристрастіе. — «Лебедь» былъ меньшее изъ судовъ, на которыхъ образовалась новая школа моряковъ, и теперь, когда польза въ обширномъ объемѣ, вмѣстѣ съ громкими подвигами и, къ сожалѣнію, славною смертію людей, служившихъ ей украшеніемъ, выказали плоды скромныхъ, но долговременныхъ трудовъ, врядъ ли завистъ и злоба рѣшатся мѣтать ядовитыя стрѣлы свои противъ самой системы, ея приверженцевъ и незабвеннаго учителя. По возвращеніи изъ Средиземнаго моря, М. П. Лазареву была поручена постройка и изготовленіе эскадры, долженствовавшей служить образцомъ какъ въ устройствѣ, такъ въ въ отношеніи къ военной дѣйствительности: и всякій безпристрастный морякъ-современникъ согласится, что адмиралъ Лазаревъ и избранные имъ командиры вполнѣ оправдали довѣріе новаго морскаго начальства и ожиданія флота.

На крошечномъ «Лебедѣ» Корниловъ плавалъ до 1833 года. Покровитель его былъ, между тѣмъ, сдѣланъ въ 1832 году начальникомъ штаба черноморскаго флота, и мало по малу переводилъ туда любимыхъ помощниковъ своихъ. Корниловъ явился въ Черное море, когда часть флота, подъ начальствомъ Михаила Петровича, была уже въ Босфорѣ, по случаю приближенія *Ибрагимъ-Паши* къ Константинополю. Подробности этой экспедиціи, которою началась новая эра черноморскаго флота, принадлежатъ біографіи Михаила Петровича, какъ главнаго дѣйствователя, и мы упомянемъ о ней только съ цѣлью выказать, что адмиралъ уже видѣлъ въ Корниловѣ человѣка, котораго нужно было познакомить съ разнообразными занятіями, выпадающими на долю морскаго офицера съ талантами и будущностью. Для отвоза въ Босфоръ, Корниловъ былъ назначенъ на одинъ изъ кораблей, шедшихъ туда на усиленіе эскадры Лазарева. Непріязненно смотрѣли новые сослуживцы на «балтійскаго выходца» и, не подозрѣвая отношеній его съ начальникомъ, весьма жестко приняли. На кораблѣ все рѣшалосъ сеймомъ, и новичка при первомъ случаѣ сбыли, откомандировавши на жалкое, зафрахтованное подъ войско, купеческое судно. На немъ явился Кор-

ниловъ въ Босфоръ и былъ тотчасъ же назначенъ для особыхъ порученій къ начальнику эскадры, исполняя въ то же время обязанности вахтеннаго лейтенанта. Какъ видно, Михаилъ Петровичъ имѣлъ особенный способъ отличать своихъ любимцевъ, не всѣмъ свойственный.

Главнѣйшимъ занятіемъ Корнилова въ кампанію 1833 года, проведенную товарищами его среди непрестанныхъ торжествъ въ Константинополѣ, было описаніе укрѣпленій Дарданельскаго пролива и Босфора, составленное имъ вмѣстѣ съ лейтенантомъ *Путятинымъ*. Въ экспедиціи участвовали офицеры генеральнаго штаба, и трудолюбивые лейтенанты занимались преимущественно гидрографическою стороною дѣла и укрѣпленіями, какъ средствами морской обороны обоихъ проливовъ. На долю ихъ достался трудъ и даже лишенія, тамъ, гдѣ другіе забывались въ шумномъ весельѣ и пользовались всѣми удобствами жизни подъ роскошнымъ небомъ, среди восхитительной природы. Михаилъ Петровичъ выставилъ полезные труды питомцевъ своихъ, и Корниловъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени.

Вслѣдствіе пріязненныхъ отношеній съ Портою, развитыхъ босфорскою экспедиціею, начались тѣ постоянныя кампаніи въ Средиземномъ морѣ, которыя успѣли принести черноморскому флоту существенную пользу, познакомивъ, съ 1834 по 1854 годъ, большую часть офицеровъ его съ иностранными морскими силами и пріохотивъ ихъ къ службѣ увлекательною ея стороною - пріятными, доступными всякимъ средствамъ путешествіями, представляющими самый легкій способъ образованія. Ежегодно посылались сначала три, потомъ четыре судна, на станціи въ Босфоръ и Аѳины, и въ первой серіи этихъ судовъ былъ вновь выстроенный въ Николаевѣ бригъ «Ѳемистоклъ», которымъ командовалъ лейтенантъ Корниловъ. Явившись осенью 1834 года къ нашему представителю при Портѣ, тайному совѣтнику *Бутеневу*, Корниловъ, въ кратковременное пребываніе свое въ проливѣ, успѣлъ заслужить лестный отзывъ просвѣщеннаго посланника, писавшаго о немъ своему недавнему босфорскому товарищу: «бригъ «Ѳемистоклъ», при-

мѣрнымъ попеченіемъ своего командира, содержится въ самомъ лучшемъ видѣ и смѣло можетъ соперничать съ иностранными военными судами».

Стоянка въ Босфорѣ была употреблена Корниловымъ на образованіе своихъ молодыхъ офицеровъ; но скоро затрудненія, встрѣчаемыя со стороны посольства для испрашиванія дозволенія на проходъ Дарданеллами, всякій разъ, что Корнилову хотѣлось выйти на просторъ, понудили командира «Ѳемистокла» искать поста болѣе соотвѣтствующаго его характеру, на которомъ онъ могъ бы удобнѣе заняться усовершенствованіемъ подчиненныхъ. Въ слѣдствіе просьбы его, Михаилъ Петровичъ перевелъ бригъ изъ тихихъ убаюкивающихъ водъ Босфора въ Пирей, гдѣ движенія «Ѳемистокла», подчиняясь волѣ одного посланника, были болѣе независимы.—Въ 1835 году первые черноморскіе средиземцы возвратились въ Россію, и всякій изъ насъ живо помнитъ ощущенія, возбуждавшіяся ловкимъ, быстрымъ управленіемъ «Ѳемистокла» и «Ифигеніи». Дружно соперничали они полезными упражненіями своимъ командъ и неподдѣльнымъ порядкомъ. Командиръ «Ѳемистокла» началъ пользоваться репутаціею распорядительнаго, толковаго начальника, и это достоинство, тотчасъ замѣчаемое подчиненными, всегда особенно отличало его. Въ 1836 году, Корниловъ, произведенный еще за границею къ капитанъ лейтенанты, гарцовалъ съ своимъ лихимъ бригомъ по Черному морю, а въ 1837 году назначенъ командиромъ корвета «Орестъ».

Несомнѣнныя уже достоинства и способности, еще ближе узнанныя начальникомъ, по возникшимъ отношеніямъ родственнымъ, быстро повели Владиміра Алексѣевича по пути службы. Съ 1838 по 1842 г. онъ получилъ многіе знаки отличія, чины капитана 2-го и 1-го ранговъ и сдѣлался командиромъ 120-пушечнаго корабля «Двѣнадцать Апостоловъ», заложеннаго въ Николаевѣ въ 1840 г. Во время постройки корабля и въ послѣдствіи плавая на немъ, Корниловъ былъ постоянно начальникомъ штаба на флотѣ, когда главный командиръ поднималъ флагъ; своею дѣятельностію и умѣньемъ обращаться со всѣми, отъ кого зависѣло дѣло, онъ много

способствовалъ успѣху экспедицій на восточный берегъ Чернаго моря, производившихся соединенно съ сухопутными силами, и съ того времени флотъ уже угадывалъ въ немъ человѣка, которому предстояли важныя обязанности.

Возвращаясь въ Николаевъ съ своимъ покровителемъ, Корниловъ трудился неусыпно надъ «Двѣнадцатью Апостолами» и надъ тяжкою редакціею штатовъ. Многимъ, можетъ быть, покажется страннымъ, что способности быстрыя, многообъемлющія, были употреблены на повѣрку цифръ; но не только редакція, а самая корректура, въ этомъ случаѣ, была весьма важна, требовала добросовѣстности, неутомляемой сухостію дѣла, и настойчивости въ достиженіи возможной безошибочности. Самыя данныя, въ слѣдствіе перемѣнъ, указанныхъ опытомъ, послѣ составленія рукописи, и извѣстій, сообщенныхъ изъ Англіи посылавшимися туда офицерами, во многомъ нужно было измѣнить, и такой трудъ могъ совершить только человѣкъ, понимавшій дѣло. Впрочемъ, вѣроятно на переходѣ Корнилова отъ исполнительности къ распорядительности, отъ низшихъ ступеней, требующихъ болѣе труда, нежели соображенія, къ тѣмъ, на которыхъ соображеніе становится главнымъ достоинствомъ, Михаилъ Петровичъ хотѣлъ еще разъ испытать его тяжелою безотрадною работою. Польза штатовъ 1840 года очевидна для всякаго моряка, особенно для тѣхъ, которымъ приходилось командовать судами или снаряжать ихъ подъ своею отвѣтственностію. Мелочныя подробности, въ нихъ указанныя, облегчаютъ дѣло; это лучшая справочная книга нашей части, и подобнаго труда, вмѣстѣ полезнаго и гигантскаго, нигдѣ не существуетъ. Теперь многое измѣнилось уже, въ слѣдствіе введенія новаго рода судовъ, но всѣ штаты 1840 года будутъ долго еще служить руководствомъ, базою — и дерзкая рука неопытности, конечно, не рѣшится преждевременно разбить этихъ скрижалей, начертанныхъ глубокимъ знаніемъ и горячею любовію къ дѣлу. Между служебными занятіями, Корниловъ приготовилъ и издалъ въ 1839 г. переводъ «Морской службы въ Англіи», прекраснаго руководства для молодыхъ офи-

церовъ, знакомящаго ихъ съ подробностями карабельнаго порядка и управленія.

Корабль «Двѣнадцать Апостоловъ» вышелъ въ первый разъ въ море въ 1842 году, и по 1846 годъ, за исключеніемъ одного лѣта, проведеннаго въ отпуску, Владиміръ Алексѣевичъ плавалъ на немъ по Черному морю, доводя всѣ части до возможнаго совершенства. «Двѣнадцать Апостоловъ» былъ рѣдкое явленіе во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ образецъ корабельной архитектуры, намъ не случалось видѣть ничего подобнаго до введенія винтовыхъ кораблей. Строитель разрѣшилъ въ немъ трудную задачу – соединеніе громадности съ необыкновеннымъ изяществомъ формъ и превосходными морскими качествами, и во всемъ выказывались познанія командира, его разсудительность и соображеніе. Внутреннее устройство, прекрасное въ началѣ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ плаванія, указавшихъ недостатки, стало безукоризненно. Всѣ приспособленія къ облегченію различныхъ дѣйствій и къ содержанію корабля въ всегдашнемъ порядкѣ, ненарушимомъ неожиданностью, были собраны на этомъ истинно образцовомъ суднѣ, и никакой критическій глазъ, кромѣ развѣ ничѣмъ неудовлетворимой зависти или злонамѣренности, не могъ отыскать чего-нибудь не имѣвшаго цѣли и значенія. «Двѣнадцать Апостоловъ» могъ служить прекрасною школою талантливому наблюдательному офицеру, и, въ послѣдніе годы командованія Корнилова, представлялъ во всѣхъ отношеніяхъ предметъ достойный тщательнаго изученія. Весьма полезно было бы, еслибъ подробные чертежи этого корабля, описаніе его вооруженія, распредѣленіе команды къ бою и для различныхъ маневровъ, способы принятаго обученія артиллеріею, оружіемъ и самые приказы и инструкціи командира, были извѣстны каждому служащему во флотѣ. Все это составлялъ и собиралъ человѣкъ дѣльный, чрезвычайно ревностный и особенно способный къ власти.

Когда прекращались плаванія, Владиміръ Алексѣевичъ выполнялъ различныя порученія Михаила Петровича. Одно изъ нихъ весьма памятно цѣлому сословію послѣдствіями, которыя имѣло на его умственную дѣятельность; мы хотимъ говорить о преобразованіи севастопольской офицер-

ской библіотеки. Въ отдаленномъ городѣ, лишенномъ всѣхъ средствъ разнообразящихъ жизнь, при небольшомъ неизмѣняющемся обществѣ, публичная библіотека представляетъ единственное полезное развлеченіе въ часы отдохновенія. Предшественникъ Михаила Петровича, адміралъ *Грейгъ*, понялъ необходимость подобнаго учрежденія и основалъ его ежегодными вычетами съ офицеровъ. Были изданы прекрасныя правила и начали выписывать полезныя сочиненія, но въ послѣдствіи, какъ весьма часто, къ сожалѣнію, случается, исполнители воли адмирала обратили обязанность въ рутину, и самое общество, занятое турецкою войною и послѣдовавшими за нею событіями, охладѣло къ тому, что въ мирное, ничѣмъ особенно не занимательное, время, доставляло единственную отраду. Вкрались послабленія и потомъ злоупотребленія: зданіе приходило въ упадокъ, книгъ выписывалось мало, и тѣ, странствуя едва ли не по цѣлой южной Россіи, читались всѣми, кромѣ имѣвшихъ на то право. Журналы и періодическія изданія, интересъ коихъ состоитъ преимущественно въ свѣжести, новизнѣ, были достояніемъ лицъ, пользовавшихся, по своему чину или вліянію, исключительною привиллегіею не быть невѣждами. Нужно было совершенно измѣнить такой порядокъ вещей, жертвуя легко оскорбляющимся самолюбіемъ людей привиллегированныхъ, привыкшихъ злоупотребленіе считать правомъ, и вмѣстѣ не порождая въ угнетенномъ дотолѣ большинствѣ понятій, вредныхъ составу военнаго общества. На такой переворотъ требовался человѣкъ ловкій и вмѣстѣ характерный, осторожный и настойчивый, не колебавшійся, когда нужно было искоренить зло для общей пользы, понимавшій что́ и какъ уступить сѣдому тщеславію безъ вреда юной любознательности. Выборъ Михаила Петровича палъ на Корнилова. Само собою, родились неудовольствія на секретаря-казначея; назначаемыя ежегодно, изъ неважныхъ по званію, лицъ, ревизіонныя коммисіи стали было считать опасными обществами потому только, что они вступили въ свои права и повѣряли не одни корешки выписываемыхъ книгъ, а сущность ихъ и трату общественной суммы. Многіе не хотѣли «толкаться съ мичманами

въ журнальной комнатѣ» и требовали, по прежнему, журналовъ на квартиру; другіе желали, чтобъ присылаемымъ за книгами лакеямъ вѣрили какъ, имъ самимъ. Ропотъ былъ сильный и остановилъ бы людей менѣе убѣжденныхъ въ пользѣ принятой мѣры, нежели Михаилъ Петровичъ и избранный имъ исполнитель. Мало по малу все затихло, безъ жесткихъ мѣръ, безъ ссоръ и безъ значащихъ уступокъ. Общество, понявши свою выгоду, не только не раздѣлилось на партіи, напротивъ, связалось еще болѣе, посѣщая съ охотою новую великолѣпную библіотеку. И въ ней не было «толкотни», которой такъ опасались стоявшіе за прежнія права свои; сталкивались только мысли—даръ Божій, равно блещущій дивною силою въ знатномъ и простолюдинѣ, подъ пышной тогою и бѣднымъ рубищемъ. Истекши отъ высшей надъ сословіемъ власти, тихо совершилась умственная реформа чрезъ наружныя средства, и вліяніе ея на черноморцевъ никто не оцѣнитъ справедливѣе ихъ самихъ. Главнымъ виновникомъ, послѣ адмирала, былъ Владиміръ Алексѣевичъ, и заслуга его въ этомъ случаѣ, хотя немногимъ извѣстная, есть заслуга важная: цѣлому сословію облегчены средства къ просвѣщенію.

Мы привели служебную жизнь Корнилова къ тому времени, когда достоинства его выказались уже успѣшными, важными по вліянію дѣйствіями, служившими прочнымъ залогомъ способности его занять значительное мѣсто во флотѣ. Ему оставалось пріобрѣсть общій обширный взглядъ на разныя части управленія, и съ этою, конечно, цѣлью адмиралъ Лазаревъ, по случаю заказа въ Англіи необходимыхъ для черноморскаго флота пароходовъ, командировалъ туда своего питомца въ 1846 году. Наблюденіе за постройкою нѣсколькихъ судовъ было только опредѣленною цѣлью, оффиціальнымъ значеніемъ; въ самомъ же дѣлѣ, изъ записокъ и замѣтокъ Корнилова, бывшихъ въ нашихъ рукахъ, мы видимъ, что онъ входилъ въ малосложную, но чрезвычайно правильную систему управленія огромными морскими силами, оцѣпляющими вселенную. При таинственности англійскаго правительства и даже частныхъ людей, во всемъ относящемся до флота, при неблагопріят-

номъ взглядѣ на подобныя порученія лицъ, которыя наиболѣе должны были бы способствовать успѣху ихъ для пользы нашего отечества, собраніе свѣдѣній, относящихся до всего морскаго, въ Англіи чрезвычайно затруднительно, и жизнь назидательная, доставляющая столько средствъ къ усовершенствованію, требуетъ усиленнаго труда, даже часто бываетъ непріятна. Изъ нѣкоторыхъ писемъ Корнилова видно, какъ боролся онъ между желаніями продлить срокъ своего окончательнаго, такъ сказать, образованія и выйти изъ тягостнаго, постоянно неопредѣленнаго положенія, въ которомъ находился на чужбинѣ, при холодности соотчичей и подозрительности англичанъ. Дѣятельность по постройкѣ цѣлой почти эскадры притупляла нравственныя страданія физическою усталостію, и мы не дивимся теперь восторгу, который замѣтили въ человѣкѣ, дотолѣ казавшемся намъ холоднымъ, по возвращеніи его въ отечество на борзомъ «Владимірѣ». Не вмѣняя такому офицеру въ особенную заслугу успѣшное исполненіе техническаго порученія, мы скажемъ однакожъ, что въ европейскихъ флотахъ не было колеснаго парохода, соединявшаго съ сильною артиллеріею быстроту хода и другія качества, въ такой степени какъ «Владиміръ».

По возвращеніи изъ Англіи въ 1848 году, Владиміръ Алексѣевичъ произведенъ въ контръ-адмиралы и въ началѣ 1849 г., назначенный исправлять должность начальника штаба черноморскаго флота, сталъ оффиціально первымъ, ближайшимъ помощникомъ своего покровителя. Летучія эскадры, довѣренныя Корнилову въ 1848 и 1849 годахъ, показали въ немъ способности адмирала, а полезная помощь начальнику, уже начинавшему чувствовать тягость лѣтъ, свидѣтельствовала о его административныхъ достоинствахъ. Съ жаромъ человѣка свѣжаго и, сравнительно, молодаго, убѣжденнаго въ пользѣ предначертаній опытнаго руководителя, принялся Владиміръ Алексѣевичъ за пересмотръ плановъ и предположеній адмирала, внося въ нихъ все, что указало ему послѣднее пребываніе въ Англіи, но слѣдуя къ той же цѣли; не отвергая цѣлаго, но представляя начальнику только необходимыя перемѣны, указывае-

мыя новымъ направленіемъ морскаго искусства. Опередивъ командировъ кораблей, Корниловъ предоставилъ ихъ вліянію всѣми цѣнимаго адмирала, а самъ занялся въ особенности молодыми капитанами, и въ два года между мелкими судами не было уже особенно отличавшихся искусствомъ въ управленіи. Легкіе отряды, по прежнему безпрестанно плавая и подвергаясь строгому надзору, образовывали офицеровъ и команды, и отъ нихъ выигрывала боевая часть флота, принимая выученныхъ. Разумѣется, нѣкоторые, желая угодить энергическому начальнику, вдались въ крайности и покупали совершенство слишкомъ дорогою цѣною; другіе, не понявши Корнилова, думали удовлетворить его эффектомъ, и сначала возбужденное соревнованіе произвело было вредъ; но проницательный адмиралъ не давался въ обманъ и рѣзкимъ словомъ, ему свойственнымъ, уничтожалъ тѣхъ, которые рѣшались позорить искусство, превращая его въ акробатическія представленія.

Смерть Михаила Петровича, въ 1851 году, поставила Корнилова внезапно, и можетъ быть преждевременно, въ совершенно новое положеніе: онъ сдѣлался лицомъ отвѣтственнымъ передъ Государемъ и Россіею. Понимая, что отъ него въ правѣ требовать необыкновеннаго, опасаясь показаться недостойнымъ наставника, изъ рукъ котораго перешло къ нему наслѣдіе, не привыкши еще къ общирной, самостоятельной власти, Корниловъ находился въ лихорадочномъ состояніи и для многихъ, можетъ быть, былъ непріятенъ; но исключительное положеніе — отвѣтственность безъ обнародованной власти, возложенная на него въ разрушеніе системы старшинства, безспорно вредной, но существовавшей во флотѣ издавна — извиняетъ Корнилова въ глазахъ людей практическихъ, способныхъ понимать природу человѣка при различныхъ условіяхъ. Это внутреннее волненіе скоро утихло, и отъ поднявшейся на время бури осталась только благодѣтельная свѣжесть тамъ, гдѣ прошла она. Скоро сословіе примирилось съ Корниловымъ, видя и его достоинства, и милости Царя, назначившаго его сначала въ свиту, а потомъ, въ 1852 году, генералъ-адъютантомъ, съ производствомъ въ вице-адми-

ралы. Сомнѣнія были разсѣяны: Корнилова признали будущимъ главнымъ начальникомъ.

Между тѣмъ, въ 1850 году, родилась мысль подарить флоту новыя узаконенія, или, говоря правильнѣе, согласить прежнія съ духомъ времени и пополнить ихъ соотвѣтственно распространившимся требованіямъ службы. Законы выводятся изъ обычаевъ общества и служатъ выраженіемъ его нравовъ, слѣдовательно отъ времени до времени должны измѣняться соотвѣтственно ходу общественной жизни, иначе въ приложеніи ихъ къ дѣлу встрѣтятся затрудненія и, наконецъ, вкрадется произволъ; а неисполненіе смысла законовъ вводитъ беззаконіе. И петровское дѣло, какъ трудъ человѣка, не могло имѣть вѣчнаго достоинства; уставу его во многихъ случаяхъ нельзя было слѣдовать въ наше время. Способъ пересмотра узаконеній, принятый во флотѣ, обѣщалъ, болѣе всякаго другаго, возможный успѣхъ. Образовался комитетъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-адмирала. Не довѣряя себѣ въ дѣлѣ столь важномъ, комитетъ составилъ только проектъ новаго устава и отдалъ его на обсужденіе самаго сословія, для котораго онъ долженъ былъ служить руководствомъ. Въ числѣ призванныхъ къ важному дѣлу, начальниковъ и подчиненныхъ, былъ Владиміръ Алексѣевичъ. Онъ предался труду, понимая все значеніе его; безъ опасенія, свойственнаго завистливой посредственности, выполнилъ волю Августѣйшаго предсѣдателя—дать обществу право обсудить свои законы, поручивъ различные отдѣлы пересмотру нѣкоторыхъ офицеровъ, не имѣвшихъ на службѣ важнаго оффиціальнаго значенія, и представилъ много замѣчаній, теперь встрѣчаемыхъ въ уставѣ.

Этимъ кончаются мирные труды Корнилова. Въ 1853 г. начался настоящій (восточный) вопросъ. Проводивъ князя *Меншикова* въ Константинополь, исполнивъ данное ему порученіе въ Аѳинахъ, Владиміръ Алексѣевичъ возвратился въ Севастополь, и, не сомнѣваясь въ близости разрыва, приступилъ къ боевымъ маневрамъ, которыми отличалась кампанія черноморскаго флота въ теченіе лѣта. То не были только полезныя упражненія, развязывавшія офице-

ровъ и экипажи—началась наука. Атаки при различныхъ положеніяхъ, въ которыхъ можно было ожидать встрѣчи съ непріятелемъ въ морѣ и на якорѣ, нападенія на укрѣпленные порты, взятіе дессантовъ, высадка, помощь сухопутнымъ войскамъ дѣйствующимъ у берега — всѣ случайности настоящей морской войны были пройдены, способности каждаго повѣрены и все приведено въ грозное, стройное единство.

Духъ брани протрубилъ, наконецъ, зловѣщіе свои звуки! Всколыхалась Русь—и моряки первые ринулись на защиту чести и правъ ея. Горько воспоминаніе о славномъ прошедшемъ, стоившемъ столько мыслей, трудовъ и крови!... но неудачи и несчастія не изгладятъ изъ благодарнаго истинно-русскаго сердца, усилій необычайныхъ, жертвъ безкорыстныхъ, принесенныхъ радостно, восторженно, хотя все—и мысли и жертвы—не повели къ ожиданному успѣху! Въ скорби и сѣтованіяхъ будетъ помнить правдивый народъ нашъ и отдаленный городъ, узнанный имъ только кровавою могилою, и доблестныхъ его обитателей, которые стали извѣстны только по славной гибели.

Наступило время жертвовать собою для Отечества, и Корниловъ метался всюду съ намѣреніемъ сыскать противника и пресѣчь ему однимъ ударомъ всѣ средства къ войнѣ на морѣ. Жаждущій славнаго имени, основательной извѣстности, онъ выходилъ изъ Севастополя съ цѣлыми эскадрами, не встрѣчая противниковъ и негодуя на медленность кораблей своихъ, переносился на быстрые пароходы, мчался въ Николаевъ подвинуть средства къ борьбѣ, снова бросался на море, былъ вездѣ и всѣхъ удивлялъ изумительною дѣятельностію. Эпизоды войны съ турками принадлежатъ исторіи флота и повторялись уже неоднократно въ нашихъ журналахъ: но послѣднія заслуги Корнилова еще мало или вовсе неизвѣстны. Опасаясь, по недостатку положительныхъ документовъ, оскорбить истину, предоставимъ будущему высказать подробности первыхъ дней знаменитой защиты Севастополя, хотя повѣствованіе объ этихъ страшныхъ минутахъ должно было бы имѣть мѣсто въ біографіи главнаго дѣятеля, и доведемъ бѣгло очеркъ нашъ къ горь-

кому концу, стараясь, по возможности, выставить степень участія, принятаго Корниловымъ въ сохраненіи Севастополя отъ немедленнаго нападенія.

Сбитая съ Альмы, небольшая армія наша отступила 9-го сентября 1854 года къ сѣверной сторонѣ города, а потомъ перешла на южную, откуда 12-го потянулась къ Бахчисараю, чтобъ не быть отрѣзанною отъ Россіи. Единовременно съ симъ союзники, пріостановившіеся на Бельбекѣ, направились кругомъ, къ южной сторонѣ города, и противники узнали о взаимныхъ движеніяхъ, столкнувшись на пути. Ожидая, послѣ Альмы, нападенія на сѣверную сторону, главнокомандующій оставилъ тамъ Корнилова. «Я началъ укрѣпляться на сѣверной сторонѣ», пишетъ онъ отъ 12-го сентября. «Матросы работали и день, и ночь. Всего у насъ до 10,000 свезенныхъ съ кораблей матросовъ и 2,000 резервныхъ, съ саперами вмѣстѣ». Отъ 13-го: «непріятель потянулся густыми колоннами на Инкерманъ; къ вечеру передовой отрядъ его былъ по ту (южную) сторону Черной рѣчки. О главнокомандующемъ сбивчивые слухи: казалось, онъ на Мекензіевой дачѣ, а нѣкоторые утверждаютъ, что онъ ретируется къ Бахчисараю; я же перебрался въ городъ, полагая, что тамъ будетъ дѣло и укрѣпленія сѣверной стороны останутся въ покоѣ».

И присутствіе его въ городѣ было, дѣйствительно, необходимо. Не входившія въ расчетъ обстоятельства поставили Севастополь въ гибельное положеніе. Безъ достаточнаго гарнизона, безъ защиты искусственной со стороны угрожаемой непріятелемъ, городъ находился съ начальниками, власть которыхъ не была опредѣлена на подобную случайность; Корниловъ же, по данному ему праву, могъ распоряжать только обороною сѣверной стороны. Нужно было мгновенно измѣнить такое положеніе, и, не страшась отвѣтственности при вѣроятной неудачѣ, не помысливъ даже о легкости, съ которою могъ бы отклонить ее какъ младшій, Корниловъ, произвольно, по внушенію любви къ отечеству и привязанности къ мѣсту, взялъ на себя сомнительное дѣло. Всѣ предались ему съ тою готовностію, съ которою въ минуту гибели прилѣпляются къ человѣку,

способному отдалить или устранить ее, такъ сказать инстинктивно. Страсти умолкли предъ неминуемою грозою и покорились духу, видимо росшему съ бѣдою. Надлежало рѣшиться на крайнія мѣры: по приказу главнокомандующаго, затопили корабли, чтобъ преградить непріятелю входъ въ бухту, на что флотъ его, ободренный успѣхами арміи, могъ рѣшиться при первомъ удобномъ случаѣ. По южную сторону города начали воздвигать укрѣпленія, свозить на нихъ орудія съ судовъ, рыть рвы — и работалъ русскій воинъ съ тѣмъ рвеніемъ и чудесною силою, которыя являются въ немъ при опасности, по слову вождя, заслуживающаго его довѣрія. Не время было таить истину, и Корниловъ отдалъ слѣдующій приказъ.

«Товарищи! Войска наши, послѣ кровавой битвы съ превосходнымъ непріятелемъ, отошли къ Севастополю, чтобъ грудью защитить его.

«Вы пробовали непріятельскіе пароходы и видѣли корабли его, не нуждающіеся въ парусахъ. Онъ привелъ двойное число такихъ, чтобъ наступить на насъ съ моря. Намъ надо отказаться отъ любимой мысли разразить врага на водѣ; къ тому же мы нужны для защиты города, гдѣ наши домы и у многихъ семейства. Главнокомандующій рѣшилъ: «затопить пять старыхъ кораблей на фарватерѣ. Они временно преградятъ входъ непріятелю на рейдъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ свободныя команды усилятъ войска.

«Грустно уничтожать свой трудъ! Много было употреблено нами усилій, чтобъ держать корабли, обреченные жертвѣ, въ завидномъ свѣту порядкѣ, но надо покориться необходимости.

«Москва горѣла, а Русь оттого не погибла, но, напротивъ, стала сильнѣе. Богъ милостивъ! конечно, Онъ и теперь готовитъ вѣрному Ему народу русскому такую же участь.

«И такъ помолимся Господу и не допустимъ врага сильнаго покорить себя!-Онъ цѣлый годъ собиралъ союзниковъ и теперь окружилъ царство русское со всѣхъ сторонъ. Зависть коварна! но Царь шлетъ уже свѣжую армію, и

если мы не дрогнемъ, то скоро дерзость накажется и врагъ будетъ въ тискахъ».

Въ тотъ же день (14-го) въ письмѣ его видимъ: «непріятель занялъ Балаклаву и всѣ херсонесскія бухты... Мы цѣлый день укрѣпляли городъ и респредѣлялись. Морскихъ у насъ до 10,000, резервныхъ набралось до пяти, съ разнымъ оружіемъ, *даже съ пиками*. Вотъ настоящая защита. По укрѣпленіямъ работа кипитъ; не знаемъ ни сна, ни усталости; даже арестанты усердствуютъ». 15-го: «къ вечеру непріятельскіе аванпосты утвердились на горахъ противъ города и на плоскости. Наши дѣла улучшаются. Укрѣпляемся сколько можемъ. Собрали все что могли матросовъ, взяли людей отъ обозовъ; есть теперь слишкомъ 15,000, но почти всѣ плохо пріобучены и вооружены; 4,000 порядочныхъ».—Трудно угадать, что заставило непріятеля колебаться въ немедленной атакѣ города, ибо въ письмахъ офицеровъ союзной арміи неоднократно видны увѣренія, что насыпи укрѣпленія далеко не были кончены и городъ «защищался стѣною безъ рва, не грознѣе акцизной стѣны Парижа» (une faible muraille d'enceinte sans fossé et de la force du mur d'octroi de Paris). Отъ 16-го Корниловъ писалъ: «между тѣмъ непріятель подступаетъ къ Севастополю.... Мы здѣсь не унываемъ, укрѣпляемся какъ можемъ, какъ средства позволяютъ. Цѣпь редутовъ, бастіоновъ и разнаго рода батарей скоро представитъ непрерывную линію пушечнаго огня».—17-го, волшебно-созданныя батареи сдѣлали первые выстрѣлы. «Прибавляемъ батареи изъ морскихъ орудій», писалъ Корниловъ.... «Къ вечеру явилась записка отъ.... о приближеніи 10,000 съ Жабокрицкимъ къ сѣверному укрѣпленію и о движеніи нашей арміи туда же». 18-го: «наши дѣла улучшаются. Войска наши показались на высотахъ Бельбека; укрѣпленія становятся надежнѣе и надежнѣе; осматриваемся и готовимся, въ случаѣ атаки, дать русскій отпоръ».—19-го войска наши подошли къ городу. Главнокомандующій тотчасъ усилилъ гарнизонъ—и Севастополь вздохнулъ свободнѣе. Непріятель, не рѣшившись не внезапную атаку, началъ осадныя работы, и въ городѣ имѣли время приготовиться къ долгой, отчаянной

борьбѣ. Что перечувствовалъ Корниловъ отъ 13-го до 19-го и сколько обязаны ему за эти памятные дни, узнаетъ Россія чрезъ правдиваго историка, который соберетъ подробности отъ лицъ, бывшихъ свидѣтелями его душевныхъ мукъ и распоряженій. 3-го октября Корниловъ отдалъ свой послѣдній приказъ:

«Съ перваго дня обложенія Севастополя превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ», писалъ онъ, «войска, предназначенныя его защищать, выказывали рѣшительную готовность умереть, но не отдать города, завѣщаннаго намъ любимымъ царемъ и всею Русью православной. Въ продолженіе короткаго времени, неутомимою дѣятельностію всѣхъ—и офицеровъ и нижнихъ чиновъ — выросли изъ земли сильныя укрѣпленія и пушки старыхъ кораблей разставлены на этихъ грозныхъ твердыняхъ».

Выставя удальство нѣкоторыхъ нижнихъ чиновъ въ частныхъ схваткахъ съ непріятелемъ, Корниловъ продолжаетъ: «Вчера былъ въ Севастополѣ флигель-адъютантъ Государя Императора, отправляющійся въ Петербургъ. Царь нетерпѣливо желаетъ знать все о приступѣ враговъ къ дорогимъ для него городу и флоту черноморскому; я поручилъ доложить Его Величеству, что войска рвутся сразиться и на всякомъ шагу выказываютъ свою удаль; что они, по примѣру отцовъ, не хотятъ и знать о числѣ непріятеля, а обѣщаютъ отстоять довѣренное имъ Государемъ сокровище. Да благословитъ насъ русскій Богъ! Ура! помни каждый, что для успѣха нужно думать не о себѣ, но о товарищахъ!»

Къ 4-му октябрю непріятель изготовилъ батареи, и ясно было, что на другой день начнется кровавый споръ. Сдѣлавши вечеромъ всѣ необходимыя распоряженія къ оборонѣ и нѣкоторыя семейныя, Владиміръ Алексѣевичъ высказалъ близкому къ нему человѣку опасеніе за большой уронъ отъ непривычки. Приверженный подчиненный воспользовался случаемъ и напомнилъ ему приказаніе Государя беречься. «Не время теперь думать о безопасности», отвѣчалъ Корниловъ; «если завтра меня гдѣ нибудь не увидятъ, что обо мнѣ подумаютъ?»

Роковое «завтра» оказалось послѣднимъ для героя!... Въ жестокихъ страданіяхъ, преодолѣвъ мученія самой смерти силою души и разума, Корниловъ вспомнилъ о близкихъ сердцу, о дорогомъ ему Севастополѣ, о Россіи, которую такъ любилъ, и о прежнемъ своемъ покровителѣ и другѣ! Въ коротенькомъ завѣщаніи его, написанномъ послѣ Альмы, подъ заглавіемъ «моя послѣдняя воля», находимъ, между прочимъ, слѣдующій наказъ сыновьямъ: «Избравъ одинъ разъ службу Государю, не мѣнять ее и приложить всѣ усилія сдѣлаться ею полезными обществу, не ограничиваясь уставомъ, а занимаясь съ любовью, изучая всѣми своими способностями то, что для полезнѣйшихъ дѣйствій пригодно. Лучшій примѣръ для нихъ въ отношеніи послѣдняго ихъ дѣдъ и дядя и, могу смѣло сказать, отецъ..... Мои бумаги всѣ собраны, равно какъ бумаги и все что относится къ благодѣтелю моему Михаилу Петровичу Лазареву, къ семейству котораго желалъ бы чтобъ дѣти мои сохранили особую дружбу и старались ему быть во всякомъ случаѣ полезными. Извлеченіе изъ этихъ бумагъ, особенно послѣднихъ, можетъ быть полезнымъ. Затѣмъ благословляю жену и дѣтей и съ спокойствіемъ готовъ окончить жизнь какъ желалъ, для блага моей родины, которую Богъ не оставитъ, и которая, конечно, по окончаніи несправедливо начатой съ ней войны, станетъ еще выше въ судьбахъ націй». Эти строки и послѣднія слова разлучавшагося съ міромъ постояннаго приверженца, безъ сомнѣнія, замкнутъ уста клеветы и убѣдятъ легковѣрныхъ въ несправедливости ихъ заключеній.

Другіе питомцы Михаила Петровича послѣдовали за Корниловымъ, почтивъ память учителя славною смертію! Пало много жертвъ—все «птенцы того же гнѣзда», вскормленные тѣми же началами, проникнутые тою же преданностію къ долгу и своему краю! Многіе, пережившіе ужасные дни, болѣе не въ состояніи быть полезными! Почтимъ же непритворною слезою заплатившихъ столь славно долгъ отечеству; пожалѣемъ искренно тѣхъ, которые носятъ на себѣ почетные тяжкіе слѣды геройской стойкости, и бла-

годарное памятованіе великой русской земли да будетъ имъ достойною наградою (1).

И. Шестаковъ.

II.

ПИСЬМО КЪ КАПИТАНУ 2-ГО РАНГА ШЕСТАКОВУ ПО ПОВОДУ ПРЕДЪИДУЩЕЙ СТАТЬИ О В. А. КОРНИЛОВѢ (2).

М. Г., Иванъ Алексѣевичъ. Въ жизнеописаніи покойнаго *Владиміра Алексѣевича Корнилова*, помѣщенномъ вами въ декабрской книжкѣ «Морскаго Сборника» прошедшаго (1855) года, многіе, въ похвалахъ покойному, могутъ видѣть косвенное осужденіе дѣйствій другихъ лицъ, въ первые дни осады Севастополя. Убѣжденный, что не таково было намѣреніе ваше, я позволю себѣ нѣсколько возраженій на вашу статью, не съ тѣмъ, чтобы начать письменный споръ, но чтобы объяснить факты, выставить истину и не дать повода къ несправедливому толкованію вашихъ словъ.

1) У васъ сказано: «Сбитая съ Альмы, небольшая армія наша отступила къ сѣверной сторонѣ города, а потомъ перешла на южную, откуда *потянулась* къ Бахчисараю, *чтобы не быть отрѣзанною отъ Россіи*», и нѣсколько далѣе, въ выпискѣ изъ письма Владиміра Алексѣевича: «Главнокомандующій *ретируется* къ Бахчисараю».

Слова эти могутъ заставить думать, что войска наши просто спасались отъ непріятеля и бросали Севастополь на произволъ судьбы.—Такого обвиненія не случалось мнѣ еще слышать между превратными толками о крымской

(1) Морской Сборникъ 1855 г. № 12. Статья эта перепечатана въ Русскомъ Инвалидѣ 1855 г. № 274 и 275 и въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1855 г. № 153 и 154.

(2) «Морской Сборникъ» 1856 г. № 2.

войнѣ. — Въ самомъ дѣлѣ, искусное и смѣлое фланговое движеніе къ Бахчисараю было внушено, конечно, не чувствомъ самосохраненія и, ни въ какомъ случаѣ, не было *ретирадою* уже потому, что движеніе это должно было не удалить насъ отъ противника, но сблизить насъ съ нимъ. Занимая позицію у Отаркоя, владѣя долинами Качи и Бельбека, войска наши угрожали бы флангу и тылу непріятеля, ежели бы онъ вздумалъ атаковать сѣверное укрѣпленіе, и даже сдѣлали бы атаку эту невозможною. Непріятель долженъ бы былъ сперва обратиться противъ насъ и, разбивъ насъ, ударить на укрѣпленія сѣверной стороны. Но войска наши, не принявъ боя, стали бы отступать во внутрь Крыма, ведя за собой непріятеля и удаляя его отъ города и отъ его операціонной базы — моря. Ежели бы союзники, не имѣвшіе перевозочныхъ средствъ, не могли долго продолжать преслѣдованія и обратились бы назадъ къ Севастополю, войска наши стали бы слѣдовать за ними шагъ за шагомъ, безпокоя ихъ, явились бы опять на ихъ флангѣ и въ тылу, при атакѣ сѣвернаго укрѣпленія. Раздѣливъ же свои силы, непріятель ослабилъ бы себя на обоихъ пунктахъ. Во всякомъ случаѣ выигрывалось время въ ожиданіи подкрѣпленій, и городъ могъ продолжать укрѣпляться.

Непріятель, какъ извѣстно, не остался на сѣверной сторонѣ и перешелъ на южную. Но войска наши тотчасъ же заняли единственные три выхода: Инкерманскія высоты, Мекензіеву гору и Чоргунъ и тѣмъ заключили осаждающихъ на Херсонесскомъ плато. Такимъ образомъ сообщенія города съ Крымомъ и Россіею были открыты во все время осады и непріятель, при всѣхъ средствахъ коими обладалъ въ послѣдствіи, не могъ вполнѣ обложить Севастополя.

2) «Не входившія въ разсчетъ обстоятельства поставили Севастополь въ гибельное положеніе. Безъ достаточнаго гарнизона, безъ защиты искусственной, со стороны угрожаемой непріятелемъ, городъ находился съ начальниками, власть коихъ не была опредѣлена на подобную случайность».

Севастополь до высадки непріятеля, конечно не былъ крѣпостію съ сухопутной стороны, но отнюдь нельзя сказать, чтобы онъ былъ «безъ искусственной защиты»; потому что 2, 3, 4, 5, 6 и 7-й бастіоны, редутъ Шварца, Малахова башня стояли на своихъ мѣстахъ, со множествомъ мелкихъ батарей и баррикадъ. Стѣнка, которая, по увѣреніямъ офицеровъ союзныхъ армій, называется у васъ слабой и «не грознѣе акцизной стѣны Парижа», была настоящая оборонительная стѣна, высокая, недоступная эскаладѣ, прорѣзанная бойницами и фланкируемая бастіонами.

Конечно бастіоны и батареи не были такъ сильны и такъ вооружены какъ въ послѣдствіи, но, при всемъ этомъ, Севастополь, не будучи крѣпостію способною выдержать осаду, представлялъ однакожь сильно укрѣпленную позицію противъ атаки открытою силою, и съ помощію искусно расположеннаго ружейнаго огня, съ помощію кораблей и пароходовъ обстрѣливающихъ балки, могъ дать хорошій отпоръ, и, позволяю себѣ думать, что непріятель не взошелъ бы такъ легко въ городъ, какъ вообще полагаютъ.

Отбитіе перваго штурма, преимущественно картечью, подкрѣпляетъ меня еще болѣе въ моемъ мнѣніи. На это мнѣ легко могутъ возразить, что между Севастополемъ 13-го сентября 1854 г. и Севастополемъ 6-го іюня 1855 г., не можетъ быть сравненія; что 6-го іюня онъ защищался несравненно большимъ числомъ орудій, что орудія эти были огромнаго калибра и прочее.... Согласенъ—замѣчу только, что въ началѣ войны непріятель былъ гораздо слабѣе числомъ, чѣмъ при штурмѣ; что, не имѣя траншей, ему пришлось бы пройти, открыто, гораздо большее пространство подъ выстрѣлами нашихъ батарей, по мѣстности вовсе ему незнакомой, что всходы на Сапунъ-гору не были еще имъ укрѣплены, и поэтому флангъ и тылъ его не обезпечены во время атаки города отъ нападенія нашихъ войскъ, дѣйствующихъ въ полѣ. Что́ же касается до калибра орудій, то для отбитія приступа, легкія орудія полезнѣе тяжелыхъ, потому что изъ нихъ, въ данное время, можно сдѣлать гораздо большее число выстрѣловъ.

Власть начальниковъ была опредѣлена какъ нельзя болѣе. Начальникомъ севастопольскаго гарнизона былъ генералъ-лейтенантъ *Моллеръ*, и должность начальника штаба исполнялъ при немъ генералъ-адъютантъ Корниловъ, который соединялъ съ этимъ и должность начальника штаба черноморскаго флота.

Поэтому можно думать, что Владиміръ Алексѣевичъ дѣйствовалъ не *произвольно*, какъ вы говорите, и не только «по внушенію любви къ отечеству и привязанности къ мѣсту»,—но и по чувству долга.

Отрывки изъ писемъ покойнаго, не обрисовывая его характера и не составляя полнаго описанія событій, могутъ дать неточное понятіе о происходившемъ; такъ, напримѣръ, выписка изъ его письма отъ 17-го сентября заставляетъ думать, что до этого дня Севастополь былъ въ неизвѣстности на счетъ нашей арміи; между тѣмъ какъ, передъ самымъ движеніемъ, посланъ былъ извѣстить о томъ, городское начальство, адъютантъ главнокомандующаго, капитанъ-лейтенантъ *Стеценко*, который послѣ совершенія фланговаго движенія былъ вновь, съ вторичнымъ извѣщеніемъ, отправленъ въ Севастополь. Между обѣими же посылками капитанъ-лейтенанта Стеценки, командированъ былъ, тоже со свѣдѣніями, изъ главной квартиры въ городъ, исправлявшій должность дежурнаго штабъ-офицера, капитанъ *Лебедевъ*. Оба они достигли Севастополя и, по исполненіи возложеннаго на нихъ порученія, возвратились въ главную квартиру.

Далека отъ меня мысль умалить заслуги покойнаго начальника штаба черноморскаго флота, славное имя котораго принадлежитъ исторіи. Писавши же эти строки, я хотѣлъ только—повторяю это еще разъ—разъяснить факты по правдѣ; надѣюсь поэтому, что вы найдете приличнымъ помѣщеніе этого письма въ «Морскомъ Сборникѣ».

С. Грейгъ.

III.

НЕСКОЛЬКО СЛОВЪ О ВЛАДИМІРѢ АЛЕКСѢЕВИЧѢ КОРНИЛОВѢ.

(ПО ПОВОДУ БІОГРАФИЧЕСКАГО ОЧЕРКА КАП. 2-ГО РАНГА ШЕСТАКОВА) (1).

> ...Ainsi, contribuer à exciter de plus en plus les officiers à étudier les grands capitaines, les grandes choses qu'ils ont faites, la science dont leurs actions ont posé les principes, ne saurait être qu'une chose méritoire, et à défaut d'un grand succès dans cette voie, l'avoir entrepris est une bonne action qui porte en elle-même sa recompense, laquelle suffit à ma conscience.
>
> *Durat-Lasalle. Du Généralat.*

Современныя литературы западной Европы въ особенности богаты разнаго рода біографіями, записками, корреспонденціями замѣчательныхъ людей. Этотъ родъ сочиненій имѣетъ тамъ огромную массу читателей, и не удивительно; человѣкъ останется всегда самымъ привлекательнымъ и возвышеннымъ предметомъ изученія для человѣчества. The noblest study of mankind is man. Люди спеціальные находятъ въ этихъ сочиненіяхъ тьму поучительныхъ для себя подробностей, уроки мудрости, купленной часто дорогимъ опытомъ, и обогащаютъ свое спеціальное образованіе. Большинство же читателей любитъ слѣдить въ нихъ за жизнію и земною дѣятельностію людей, которые играли болѣе или менѣе важную роль въ исторіи; а яркій отпечатокъ характера, личности, по чему-нибудь замѣчательной, приковываетъ къ себѣ вниманіе, и близкое знакомство съ великими характерами невольно возвышаетъ духъ и благотворно дѣйствуетъ на развитіе человѣка. Не даромъ мудрые наставники даютъ юношамъ въ руки Плутарха. У насъ этотъ родъ сочиненій почти не существуетъ, или ограничивается небольшими журнальными статьями, предѣлы которыхъ едва позволяютъ указать на особенно замѣчательныя черты характера и земной дѣятельности, и

---

(1) „Морской Сборникъ" 1856 г. № 7.

большею частію заставляютъ ограничиться краткимъ перечисленіемъ заслугъ и не рѣдко—увы!—не представляютъ ничего, кромѣ перефразированнаго послужнаго списка, съ примѣсью «цвѣтовъ краснорѣчія» автора, à sa discrétion. Но не въ этомъ должна состоять задача добросовѣстнаго біографа: взявъ на себя обязанность представить потомству лицо, необыкновенное по способностямъ, замѣчательное по значенію его въ жизни, заслуги котораго дороги отечеству, онъ долженъ и изобразить своего героя такимъ точно, какимъ онъ былъ въ жизни, не упустивъ ничего, что можетъ объяснить характеръ его жизни и дѣятельности, собрать всѣ его мысли, всѣ труды, могущіе имѣть значеніе для потомства. Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ слишкомъ извѣстенъ нашему флоту, какъ одинъ изъ даровитѣйшихъ учениковъ М. П. Лазарева, какъ одинъ изъ лучшихъ и самыхъ образованныхъ морскихъ офицеровъ, чтобы флотъ этотъ могъ быть равнодушенъ къ памяти и къ духовному его наслѣдію. Съ другой стороны, отечество не должно забывать людей, которыми оно можетъ гордиться, и для человѣчества вообще не должны пропадать примѣры мужей, которые могутъ служить образцами отдаленному потомству. По многимъ отношеніямъ, нельзя не желать появленія добросовѣстной, дѣльной біографіи покойнаго.

Но въ настоящее время, кажется, рано еще и думать о томъ: происшествія, въ которыхъ онъ игралъ не всѣмъ извѣстную, но слишкомъ важную роль, еще такъ свѣжи; дѣйствующія лица, которыя пощажены войною, еще не успѣли сойти со сцены, личныя страсти успокоиться,—и, наконецъ, самый трудъ требуетъ, конечно, работы тщательной, неторопливой, и долго, можетъ быть, придется еще Корнилову ждать біографіи, его достойной. Между тѣмъ, событія слѣдуютъ съ поразительною быстротою одно за другимъ, забываются великія утраты, составляются новыя репутаціи, и тотъ, чьи дѣла уже не могутъ безпрестанно говорить о немъ отечеству, нерѣдко подвергается незаслуженному забвенію и холодности. — Таковы были мысли, возбужденныя въ насъ чтеніемъ біографическаго очерка,

принадлежащаго краснорѣчивому перу одного изъ лучшихъ нашихъ сослуживцевъ-писателей. Нельзя не поблагодарить его въ душѣ за то, что, среди многочисленныхъ трудовъ, онъ находитъ еще время свой оригинальный талантъ и увлекательную теплоту сердца приложить къ такому благородному дѣлу, какъ очерки дѣятельности нашихъ знаменитостей. Будучи вполнѣ согласны съ большою частію его взглядовъ и мнѣній, мы думаемъ однако, что еще нѣсколько подробностей о послѣднихъ дняхъ необыкновеннаго человѣка, еще нѣсколько словъ объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ моряковъ нашихъ не покажутся лишними, если только они будутъ соотвѣтствовать достоинству предмета и нашей личной преданности памяти «одного изъ отличнѣйшихъ адмираловъ нашего флота».

Трудно начать говорить о человѣкѣ, не сказавъ ничего о томъ, какимъ образомъ онъ сдѣлался тѣмъ, какимъ привыкли его знать. Во всеоружіи, какъ вышла Минерва изъ головы Юпитера, никто не родится. Родители, наставники, начальники, всѣ эти лица имѣютъ большее или меньшее вліяніе на развитіе человѣка. В. А. Корниловъ принадлежалъ къ той счастливой, и увы! уже не многочисленной семьѣ моряковъ нашихъ, которымъ досталось начать службу въ школѣ М. П. Лазарева, и, говоря о Корниловѣ, трудно не обратиться мысленно къ его наставнику, преемникомъ котораго онъ сдѣлался въ послѣдствіи.

Изъ незабвенныхъ заслугъ отечеству Михаила Петровича, самая великая и, по истинѣ, безсмертная заслуга состояла, конечно, въ томъ, что онъ умѣлъ передать духъ, жившій въ немъ, людямъ избраннымъ имъ, что онъ образовалъ цѣлую семью людей, составляющихъ честь и славу нашего флота, и между ними нѣсколько человѣкъ—равныхъ которымъ, по высокому развитію, трудно бы было указать, какъ у себя, такъ и у другихъ. Но, отдавая должное памяти М. П. Лазарева, будемъ справедливы и къ тому, кому онъ передалъ свой черноморскій флотъ.

Если Михаилу Петровичу принадлежитъ неоспоримо заслуга поставить этотъ флотъ въ уровень съ лучшими флотами современными, то только при преемникѣ его флотъ

достигъ послѣдней степени совершенства, далѣе которой идти было уже трудно. Прежде у насъ были суда, которыя были бы образцами во всѣхъ флотахъ: назовемъ изъ нихъ только «*Двѣнадцать Апостоловъ*» и «*Силистрію*». Въ 1854 году, образцовыхъ судовъ не было: всѣ были одинаковы, всѣ были превосходны. Надо было внимательно всматриваться, долго слѣдить опытнымъ глазомъ за всѣми дѣйствіями, чтобы замѣтить, кто былъ слабѣе другихъ. Вотъ великій результатъ мудрой системы въ рукахъ неутомимаго и геніальнаго исполнителя; это почти предѣлъ того, что человѣку дано достигнуть. Теперь можно, кажется, безъ ложной скромности (и въ особенности тому, кто самъ не принималъ участія въ этомъ преуспѣяніи черноморскаго флота)— высказать мнѣніе, что *вообще* наши корабли были *лучше* непріятельскихъ въ отношеніи внутренняго порядка, дисциплины и самаго искусства управленія, т. е. всѣхъ предметовъ, которыми привыкли гордиться моряки. Что были въ состояніи сдѣлать эти корабли, трудно рѣшить: — не мудрено, что были люди, у которыхъ закружилась голова и которымъ показалось, что для этого малочисленнаго флота не было ничего невозможнаго.

Артиллерія достигла высокаго совершенства только при Владимірѣ Алексѣевичѣ. Та же удивительная система тревоги, которая первоначально введена была «на Двѣнадцати Апостолахъ», принята была и усвоена на всѣхъ судахъ флота, со всѣми улучшеніями и усовершенствованіями, указанными 12-ти лѣтнимъ опытомъ и наблюденіемъ. Задача дать человѣку, «взятому отъ сохи»,—тройственное образованіе—солдата, артиллериста и моряка—была, кажется, разрѣшена такъ хорошо, какъ только можно. Каковы были эти моряки въ двухъ первыхъ отношеніяхъ, свидѣтельствуетъ вся осада Севастополя; что касается до послѣдняго — мы увѣрены, что всѣ безпристрастные судьи давно отдали имъ справедливое. Флотъ, содержимый болѣе года въ *ежеминутной* готовности выйти въ море и принять бой, удѣлялъ въ то же время все, что могъ, и для сухопутной обороны. Дѣятельность Корнилова успѣвала всюду. Такъ, послѣ синопскаго сраженія и въ то время, какъ денно и

нощно шли исправленія поврежденныхъ кораблей, матросами выстроены батареи, усилившія и безъ того страшную оборону рейда и носившія названія *Двѣнадцати Апостольской, Парижской* и *Святославской*. Изъ дессантныхъ партій съ кораблей и фрегатовъ составлена, для содѣйствія сухопутнымъ войскамъ, бригада въ 4 баталіона, при коихъ состояли 2 легкія батареи, сформированныя изъ дессантныхъ орудій,— въ 8-мъ орудій каждая, съ прислугой изъ матросовъ (¹). Тому же вліянію обязана существованіемъ «Волохова» башня—плодъ усердія частнаго человѣка, которую англичане прозвали осою (wasp). Другая оборонительная башня (на Малаховомъ курганѣ), не вполнѣ оконченная, была выстроена городомъ. Наконецъ третью (на высотѣ около Голландіи), долженъ былъ подарить городу флотъ, и уже работа кипѣла, подъ личнымъ надзоромъ контръ-адмирала В. И. Истомина, когда послѣдовала высадка непріятеля, альминское сраженіе и проч.

Въ этотъ послѣдній годъ жизни, не переставая съ обычною, и ему одному свойственною, дѣятельностію заниматься всѣми отраслями многосторонняго управленія, среди безпрерывныхъ смотровъ, коими поддерживался и безпрестанно совершенствовался боевой порядокъ на судахъ флота (²), среди частыхъ выходовъ въ море нашихъ пароходовъ, кото-

---

(¹) Одинъ изъ этихъ баталіоновъ (кап. лейт. графа Рачинскаго), при 4-хъ орудіяхъ, участвовалъ въ сраженіи на Альмѣ, гдѣ часть его, разсыпанная въ цѣпь, вмѣстѣ съ 6 стрѣлковымъ баталіономъ, занимала деревню Бурлюкъ впереди центра нашей позиціи. Остальные баталіоны занимали въ это время охранительные посты по берегу въ окрестностяхъ Севастополя.

(²) Эти, образцовые въ своемъ родѣ, смотры Корнилова, поддерживая въ недремлющемъ состояніи духъ порядка и совершенствованія на флотѣ, были такъ полезны, что не разъ случалось самому Павлу Степановичу Нахимову, (который былъ старшій флагманъ на рейдѣ, и имѣлъ флагъ „на Двѣнадцати Апостолахъ“, Корниловъ—на кораблѣ „В. К. Константинъ“)—когда онъ замѣчалъ, что какой-нибудь корабль отставалъ отъ другихъ, просить Владиміра Алексѣевича съѣздить туда и сдѣлать смотръ. Мы рады случаю привести это, неважное само по себѣ, обстоятельство въ доказательство того, какъ неосновательны были слухи, распускавшіеся на счетъ взаимныхъ отношеній обоихъ адмираловъ. Эти два необыкновенные человѣка знали цѣну другъ другу, и до конца жизни сохранили короткость отношеній, порождаемую взаимнымъ уваженіемъ.

рые всѣ были имъ направляемы, Владиміръ Алексѣевичъ находилъ еще время заниматься и сухопутною частію военнаго искусства. Справочныя книги военныхъ наукъ не сходили со стола его, и постояннымъ его чтеніемъ, въ свободныя минуты, была военная исторія: одною изъ послѣднихъ книгъ, которыя читалъ онъ, были депеши и приказы Веллингтона, Gurwood'a.

Умъ, одинаково поразительный какъ обширностію общихъ взглядовъ, такъ способностію углубляться въ подробности, необыкновенная проницательность и быстрота соображенія, отличное знаніе всѣхъ отраслей службы, практическое умѣнье обходиться съ людьми и управлять ими, дѣятельность, всегда приводившая всѣхъ въ удивленіе, наконецъ смѣлость и рѣшительность, вотъ качества, въ которыхъ не отдать ему справедливости не могутъ и самые его противники; качества, которыя въ немъ всѣ находились въ степени, недоступной для человѣка обыкновеннаго разряда. Присоедините къ этому энергію, не знавшую преградъ, съ юношескою бодростію духа, и высокую преданность благу отечества, и вы увидите, что для такого человѣка едва ли было много недоступнаго на свѣтѣ.

Главнокомандующій лучше чѣмъ кто-нибудь зналъ и понималъ цѣну покойнаго, и потому, когда обстоятельства потребовали вывести изъ Севастополя всю небольшую нашу армію, съ тѣмъ, чтобы сохранить сообщенія съ Россіею, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность предпринять что либо къ спасенію Севастополя, когда главнокомандующій, сознавая необходимость устроить эту маленькую армію послѣ альминской неудачи, рѣшился отправиться къ войскамъ, онъ не покинулъ Севастополя безъ защиты: онъ оставилъ тамъ Корнилова. Не кому-либо изъ старшихъ его въ чинѣ, не сухопутному генералу, а ему предоставлено было командованіе войсками на сѣверной сторонѣ, откуда первоначально ожидали нападенія непріятеля.

И главнокомандующій не ошибся въ выборѣ.... Если кто-нибудь былъ въ состояніи замѣнить собою отсутствіе главнокомандующаго и спасти тогда Севастополь, то одинъ Корниловъ. Присутствіе его въ городѣ внушало жителямъ

спокойствіе и довѣренность. Самое удаленіе арміи и отъѣздъ главнокомандующаго не произвели смятенія и страха, столь естественныхъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, и большая (безполезная) часть жителей оставила городъ не тогда, а только когда вновь открылось сообщеніе съ арміею т. е. не прежде 19 или 20 сентября, и то по приказанію самого Корнилова.

Горячо принялся Корниловъ за дѣло: день и ночь свозились орудія и снаряды съ кораблей, заготовлялись склады и депо, устраивались средства сообщенія и доставки; запасы, изъ мѣстъ еще не занятыхъ непріятелемъ, забирались въ городъ; формировались вновь и вооружались команды; устроивались управленія. Въ нѣсколько дней воздвиглась громадная защита города: нѣсколько тысячъ человѣкъ были заняты день и ночь земляными работами, батареи росли и покрывались сотнями орудій; число вооруженныхъ защитниковъ Севастополя прибывало ежедневно, и удивился непріятель, когда, обойдя Севастополь съ востока, онъ собралъ свои силы къ югу отъ города, на возвышенной плоскости Херсонеса Таврическаго. Тамъ, гдѣ онъ разсчитывалъ найти, гдѣ, въ своихъ рекогносцировкахъ съ моря, самъ видѣлъ только нѣсколько довольно слабыхъ полевыхъ укрѣпленій, онъ встрѣтилъ почти сплошной рядъ земляныхъ работъ, покрытыхъ орудіями самаго большаго калибра, и все это росло и продолжало усиливаться въ глазахъ его. Только тотъ, кто видѣлъ дѣйствія Корнилова въ это время, можетъ вполнѣ понимать великость потери нашей въ день 5 октября. И всѣ эти страшныя средства, открытыя и двинутыя его волею, обдуманно и безошибочно были направлены къ цѣли. Корниловъ нашелъ человѣка, дѣятельность и энергія котораго были въ состояніи выполнить задачу, который не затруднился краткостію времени, не запутался въ обширности средствъ, но сразу понялъ все, что можно было извлечь изъ нихъ, и всю особенность положенія, который пришелся по плечу великому начальнику: въ Севастополѣ случился инженеръ, имя котораго должно было пріобрѣсть громкую извѣстность въ Европѣ, и сдѣлаться предметомъ національной гордости для Россіи.

Можно, не боясь обвиненія въ пристрастіи, сказать, что вся безпримѣрная оборона Севастополя была создана Корниловымъ. До послѣдняго дня, система, порядокъ сохранились такъ, какъ они были имъ заведены, и хотя нерѣдко случалось слышать въ послѣдствіи справедливыя жалобы на неудобства нѣкоторыхъ частностей, но къ нимъ какъ будто боялись прикоснуться: такъ глубоко было во всѣхъ сознаніе совершенства системы, направленія, оставленнаго Корниловымъ.

Для тѣхъ, которые были личными свидѣтелями этихъ достопамятныхъ событій, ходъ обстоятельствъ долженъ казаться совершенно понятнымъ и яснымъ. Пылкій и рѣшительный генералъ предпринялъ овладѣть Севастополемъ, внезапнымъ нападеніемъ съ сухаго пути. Разсчёты его, смѣлые до дерзости, были однакожь, какъ показали послѣдствія, вѣрны; въ одномъ только онъ ошибся, но ошибся потому, что это обстоятельство не могло входить въ его соображенія: въ защитѣ Севастополя онъ нашелъ человѣка себѣ не подъ силу (il avait trouvé son maître, какъ говорятъ французы). Борясь съ смертельнымъ недугомъ, Сентъ-Арно послѣ Альмы не показалъ рѣшительности и быстроты, которыя однѣ могли увѣнчать успѣхомъ его предпріятіе. Медленно двигалась союзная армія послѣ битвы, и эта медленность и нерѣшительность съ одной стороны, а съ другой—кипучая дѣятельность и энергія Корнилова — спасли Севастополь. Въ долинѣ Черной рѣчки, французскій главнокомандующій, сраженный давно носимою имъ болѣзнію, принужденъ былъ сдать начальство, и управленіе арміею перешло въ руки хорошихъ генераловъ, но людей осторожныхъ и разсчетливыхъ, которые не раздѣляли его смѣлаго плана и, кажется, въ началѣ противились ему. Въ настоящемъ положеніи дѣлъ, имъ оставалось только принять этотъ планъ, въ половину уже исполненный, что они и сдѣлали, но для успѣха его слѣдовало дѣйствовать стремительно, очертя голову, и не давая намъ опомниться, а они стали поступать осторожно, осмотрительно и медленно. Первою заботою непріятеля, по переходѣ на лѣвую сторону Черной рѣчки, 14 сентября, было овладѣть Бала-

клавою и херсонескими бухтами, и утвердиться въ занятой позиціи. Затѣмъ начались рекогносцировки и осмотры мѣстности, да и едва ли можно было, даже и при азартной смѣлости Сентъ-Арно, двинуться на приступъ большаго и многолюднаго города, прикрытаго полевыми укрѣпленіями, и число защитниковъ коего не могло быть извѣстно, не осмотрѣвъ въ подробности мѣстность, гористую и пересѣченную, которая, сама по себѣ, представляетъ трудности необыкновенныя, и союзникамъ была совершенно незнакома, и не обдумавши зрѣло плана нападенія. А между тѣмъ укрѣпленія наши росли и множились, и съ каждымъ днемъ и каждымъ часомъ атака открытою силою становилась труднѣе и невозможнѣе. Черезъ нѣсколько дней открылось сообщеніе съ нашею арміею; 19-го гарнизонъ былъ усиленъ, и наконецъ 21-го непріятель открылъ траншеи. И такъ, дѣло «сомнительное», которое взялъ Корниловъ на себя, но не «произвольно», а по внушенію любви къ отечеству, и только въ слѣдствіе просьбъ и убѣжденій лицъ старшихъ его, которымъ была поручена оборона южной стороны города, было имъ совершено такъ же успѣшно, какъ привыкъ онъ дѣлать все, за что ни брался. Надлежало обезпечить городъ отъ открытаго нападенія, удержать его на столько времени, чтобы дать возможность главнокомандующему дождаться грозныхъ массъ, спѣшившихъ изъ Россіи, и подавить ими непріятеля; успѣхъ казался несомнѣннымъ, и въ первый разъ, въ продолженіе этихъ дней, можно было вздохнуть свободнѣе, глядя на узенькую полоску вновь взрытой земли, коею обозначалась первая параллель непріятеля. Распорядитель оборонительнымъ работъ торжествовалъ: открывалась осада, и вмѣсто легкаго овладѣнія городомъ открытою силою, о чемъ мечталъ французскій главнокомандующій, городъ долженъ былъ достаться врагамъ только цѣною осады, безпримѣрной въ исторіи, по продолжительности, трудамъ, потери въ людяхъ и употребленнымъ средствамъ.

Всегда необыкновенная физическая дѣятельность Корнилова въ это время поражала всѣхъ удивленіемъ. Слабый и больной тѣломъ, онъ предавался такимъ трудамъ, которые

часто бывали не подъ силу окружавшимъ его, людямъ въ цвѣтѣ лѣтъ и здоровья, и у коихъ также не было недостатка въ усердіи. Адмиралъ вставалъ часу въ 6-мъ утра, и чрезъ полчаса уже начиналъ принимать лица, въ продолженіе дня спѣшившихъ съ разныхъ сторонъ за приказаніями. Въ 8-мъ часу, напившись чаю, онъ садился на коня и отправлялся осматривать оборонительныя работы. Эти поѣздки продолжались обыкновенно часу до перваго, иногда и долѣе; возвратясь домой, онъ занимался еще часъ или полтора бумагами, и потомъ садился обѣдать съ своимъ «военнымъ семействомъ», какъ онъ дѣлалъ честь иногда называть состоявшихъ при немъ. Часа въ 4 адмиралъ былъ уже опять на конѣ, и спѣшилъ опять куда-нибудь на укрѣпленія и возвращался домой не ранѣе, какъ по наступленіи уже совершенной темноты, т. е. въ 7-мъ или въ 8-мъ часу вечера. Кто знаетъ, съ какимъ вниманіемъ Владиміръ Алексѣевичъ всегда выслушивалъ всѣхъ, какъ онъ входилъ во всѣ подробности, и никогда не отпускалъ отъ себя никого безъ полнаго наставленія, не убѣдившись, что тотъ будетъ дѣйствовать именно такъ какъ нужно — тотъ пойметъ, что это занятіе поглощало не мало времени. Многихъ, переговоривъ, онъ отпускалъ; другихъ же, съ которыми хотѣлъ еще говорить, оставлялъ пить чай. Въ это же время обыкновенно и большая часть начальниковъ собиралась въ маленькій домикъ, въ которомъ жилъ онъ. Истомленный, измученный, садился адмиралъ пить чай, и оставался за столомъ часа два, занятый въ это время обыкновенно разговоромъ съ Павломъ Степановичемъ *Нахимовымъ* и другими лицами, не переставая и тутъ дѣлать распоряженія и отдавать приказанія. Наконецъ, наступала очередь получать приказанія и для тѣхъ, которые имѣли счастіе состоять при немъ. Потомъ, отпустивъ всѣхъ, адмиралъ садился еще за бумаги и писалъ обыкновенно за полночь, часто и гораздо позже. Такъ проходилъ день, но и короткій промежутокъ ночи, остававшійся для отдыха и сна, былъ часто нарушаемъ фальшивыми тревогами, случавшимися очень нерѣдко по ночамъ, частію отъ дѣйствительнаго пониманія опасности, въ которой находился городъ

отъ нечаяннаго нападенія, частію, конечно, и отъ неопытности войска. По два и по три раза въ ночь случалось адмиралу вставать, и онъ спѣшилъ верхомъ къ тому пункту, откуда начиналась тревога. И каково бы ни было физическое истомленіе силъ, каковы бы ни были страданія душевныя, никто не можетъ похвастать, что видѣлъ ихъ. Всегда сохранявшій наружное достоинство, адмиралъ и тутъ не измѣнялъ себѣ: когда другіе смутились и падали духомъ, Корниловъ думалъ или распоряжался. Жертвовать собою, умереть готовы были всѣ, но поднять на свои плеча начальство, распоряженія, отвѣтственность, рѣшился одинъ Корниловъ. Римскій сенатъ благодарилъ *Варрона* за то, что, въ критическую минуту, онъ не отчаялся въ спасеніи отечества. Въ незабвенные дни сентября 1854 года, когда, предъ грозою обстоятельствъ, самыя мужественныя сердца поколебались, и не нашлось у нихъ ничего, кромѣ личной храбрости, кромѣ готовности умереть, Корниловъ одинъ, своею несокрушимою энергіею, взялъ на себя борьбу съ обстоятельствами. Только въ такихъ случаяхъ, рѣзко выходитъ впередъ личность великаго человѣка. Быстротою соображенія и дѣятельностію замѣнить недостатокъ времени, изобрѣтательностію ума—недостаточность средствъ, увлекательнымъ примѣромъ и краснорѣчивымъ словомъ вселяя во всѣхъ геройскія чувства, одушевленіемъ восполнить малочисленность войска—всѣ эти качества и способности полководца и великаго человѣка съ блескомъ явилъ тогда Корниловъ, и если онъ говорилъ войскамъ: «отступленія не будетъ», и войска ему вѣрили и готовились умирать, то, тѣмъ не менѣе, въ тылу, всѣ средства, какія можно было принять въ случаѣ неудачи, были обдуманы и подготовлены, лица, которыя должны бы были дѣйствовать, предувѣдомлены, и имъ даны были наставленія.

Между тѣмъ, быстро летѣло время, и насталъ наконецъ кровавый день 5 октября, день крещенія Севастополя огнемъ и желѣзомъ. Рано утромъ—едва открылась канонада — адмиралъ поскакалъ на 4-й бастіонъ, ближайшій пунктъ отъ его квартиры. Не успѣвъ выѣхать вмѣстѣ съ

нимъ, я уже на бастіонѣ присоединился къ его свитѣ. Не смѣю говорить о своихъ личныхъ чувствахъ въ статьѣ, посвященной памяти героя, но не могу умолчать о впечатлѣніи, которое онъ произвелъ на меня въ эти минуты. Утро было прекрасное и мгла, обыкновенная въ этотъ часъ дня, соединившись съ дымомъ выстрѣловъ, не разносимымъ вѣтромъ, совершенно заволокла все пространство, отдѣлявшее насъ отъ непріятеля. Съ визгомъ летѣли снаряды съ трехъ сторонъ и перекрещивались внутри бастіона; потеря въ людяхъ была уже очень значительная: тѣла убитыхъ и раненыхъ, которыхъ не успѣвали уносить, валялись вездѣ. Люди, нѣсколько оторопѣвшіе съ непривычки, въ первыя минуты отстрѣливались горячо и быстро. Когда я отыскалъ адмирала, онъ стоялъ на банкетѣ и смотрѣлъ за брустверъ: покойно и строго было выраженіе его лица; легкая улыбка едва замѣтно играла на устахъ; глаза—эти удивительные, умные и проницательные глаза — свѣтились ярче обыкновеннаго; щеки пылали. Высоко держалъ онъ голову; сухощавый и нѣсколько согнутый станъ его выпрямился: онъ весь какъ будто сдѣлался выше ростомъ.... Я никогда не видалъ человѣка, прекраснѣе его въ эти минуты. — Два раза прошелъ адмиралъ быстрыми шагами по всему фронту бастіона до *грибка*, останавливаясь у орудій, заглядывая вездѣ въ амбразуры и разговаривая съ комендорами. Возвратясь на правый флангъ бастіона, въ исходящемъ углѣ котораго стоялъ начальникъ втораго отдѣленія оборонительной линіи, вице-адмиралъ *Новосильскій*, и переговоривъ съ нимъ, Владиміръ Алексѣевичъ пошелъ къ лошадямъ, оставленнымъ нами за бараками позади бастіона. Лошади пугались снарядовъ и не стояли на мѣстѣ, и, отыскивая нѣсколько минутъ свою, я отсталъ отъ адмирала, но, зная что онъ намѣренъ былъ ѣхать на 5-й бастіонъ, я отправился прямо туда. Здѣсь было почти тоже самое, что на 4-мъ бастіонѣ, только внутреннее пространство тѣснѣе, и потеря въ людяхъ, хотя тоже значительная, была, кажется, менѣе, чѣмъ тамъ. Павелъ Степановичъ Нахимовъ былъ тутъ, и, какъ всегда, дѣятельно и горячо распоряжался всѣми дѣйствіями, входя во всѣ подробности и одушевляя

людей всегда удачно сказаннымъ словомъ привѣта или одобренія. Вскорѣ пріѣхалъ и Владиміръ Алексѣевичъ, который, кажется, заѣзжалъ въ это время на промежуточныя батареи между 4-мъ и 5-мъ бастіонами. Оба адмирала довольно долго разговаривали, стоя рядомъ на банкетѣ. Въ это время ядро, пролетѣвшее около нихъ, сорвало голову одному изъ матросовъ прислуги и обдало мозгомъ и кровью нѣкоторыхъ изъ свиты, стоявшихъ у ногъ ихъ. Павелъ Степановичъ Нахимовъ остался на 5-мъ бастіонѣ, а Владиміръ Алексѣевичъ поѣхалъ дальше къ правому флангу, на 6-й, и оттуда домой.... Здѣсь, въ то время, какъ мы пили чай, я напомнилъ адмиралу о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ, которыя нужно было сдѣлать на рейдѣ, и о перемѣщеніи нѣкоторыхъ судовъ, которое направленіе непріятельскихъ снарядовъ дѣлало необходимымъ. Адмиралу угодно было согласиться съ моими предположеніями, и приказать привести ихъ въ исполненіе.—Черезъ нѣсколько минутъ, выходя изъ дома, я встрѣтилъ его на галереѣ, которая вела на крышу дома; адмиралъ остановился со мною и, сказавъ еще нѣсколько словъ, въ дополненіе уже полученныхъ мною приказаній, приказалъ ѣхать на рейдъ, чтобы поспѣшить исполненіемъ ихъ....

Послѣ этого я уже не видалъ его.

Лазаревъ, Корниловъ, Нахимовъ, Истоминъ! Какія благородныя имена! Я останавливаюсь надъ этою общею могилой, въ которой погребено столько драгоцѣннаго для флота и для Россіи, и прошу позволенія заключить мои воспоминанія о незабвенномъ начальникѣ словами рескрипта въ Бозѣ почившаго Императора супругѣ покойнаго: *«Онъ говорилъ: я счастливъ, что умираю за отечество. Россія не забудетъ этихъ словъ, и дѣтямъ Вашимъ переходитъ имя почтенное въ исторіи русскаго флота».*

И. Лихачевъ.

Николаевъ. Въ январѣ 1855 года.

IV.

ПОДРОБНОСТИ О СМЕРТИ ВИЦЕ-АДМИРАЛА КОРНИЛОВА.

Подробности описанныя очевидцемъ лейтенантомъ Жандромъ (1)

«Въ $6^1/_2$ часовъ утра, 5 октября 1854 г., когда началось бомбардированіе Севастополя, генералъ-адъютантъ *Корниловъ* поскакалъ на бастіонъ № 4-й, гдѣ, подъ сильнымъ огнемъ, подходилъ къ каждому орудію, толковалъ комендорамъ куда цѣлить, одушевлялъ каждаго человѣка. Потомъ онъ поѣхалъ по линіи съ 4-го на 5-й бастіонъ, и я слышалъ, какъ солдаты баталіона Тарутинскаго полка, бывшаго въ этотъ день по очереди въ траншеѣ между 4-мъ и 5-мъ бастіономъ, называли «*истиннымъ молодцомъ*» нашего адмирала. На 5-мъ бастіонѣ Владиміръ Алексѣевичъ осматривалъ дѣйствіе каждаго орудія, и когда командиръ бастіона, капитанъ-лейтенантъ *Ильинскій*, боявшійся за жизнь адмирала, рѣшился сказать ему: «Ваше превосходительство, зачѣмъ вы ѣздите по бастіонамъ? Вы насъ обижаете, вы доказываете тѣмъ, что вы не увѣрены въ насъ, я васъ прошу отсюда уѣхать, я вамъ ручаюсь исполнить свой долгъ»—онъ отвѣчалъ: «*А зачѣмъ же вы хотите мѣшать мнѣ исполнить свой долгъ: мой долгъ видѣть всѣхъ*». И вслѣдъ затѣмъ онъ взошелъ на площадку надъ казематомъ бастіона, куда сосредоточенъ былъ огонь противоположныхъ французскимъ батарей.

Замѣтивъ, что на бастіонахъ остается немного воды, адмиралъ отдѣлилъ двухъ офицеровъ своего штаба для наблюденія, чтобы въ водѣ не было недостатка; трое другихъ заранѣе были предназначены для снабженія батарей снарядами; послѣднее особенно заботило Владиміра

---

(1) Въ 1859 году тѣмъ-же авторомъ издана особая книга подъ заглавіемъ: „Матеріалы для исторіи обороны Севастополя и для біографіи Владиміра Алексѣевича Корнилова“.

Алексѣевича, и онъ самъ входилъ во всѣ подробности доставленія оныхъ.

Въ 10-мъ часу генералъ-адъютантъ Корниловъ еще разъ былъ на 4-мъ бастіонѣ, чтобы взглянуть на общій ходъ дѣла, такъ какъ этотъ бастіонъ находился въ центрѣ нашей позиціи. Въ это время французскій пороховой погребъ уже былъ взорванъ и огонь французскихъ батарей сдѣлался замѣтно слабѣе.

Съ 4-го бастіона Владиміръ Алексѣевичъ поѣхалъ къ бомбической батареѣ, устроенной на бульварѣ, и потомъ чрезъ бульваръ и Театральную площадь, вокругъ южной бухты, на бастіонъ № 3, а оттуда по линіи на Малаховъ курганъ. На 3-й бастіонъ преимущественно были направлены въ этотъ день усилія непріятеля: ядра и бомбы англійскихъ батарей, дѣйствовавшихъ перекрестнымъ огнемъ, изрыли выдавшуюся надъ ущельемъ Южной бухты площадку, на которой поставленъ 3-й бастіонъ; но адмиралъ тихо и спокойно говорилъ съ каждымъ, улыбаясь, когда ему напоминали объ опасности, которой онъ подвергался такъ рѣшительно.

Малаховымъ курганомъ называется возвышенность, между Ушаковой балкою и оврагомъ, идущимъ отъ доковыхъ воротъ къ юго-востоку. Съ западной и южной стороны она крутая, къ востоку оканчивается отлогой покатостью, идущею до Киленъ-балки, а къ сѣверу также отлого спускается до Ушаковой балки. На вершинѣ этого холма, командующаго окрестной мѣстностью и даже городомъ, воздвигнута въ нынѣшнемъ году башня, служащая опорной точкою оборонительной линіи, между 2-мъ и 3-мъ бастіонами. Передъ началомъ бомбардированія башня обнесена отъ запада къ югу до сѣверо-востока траншеями, а къ сѣверо-западу, шагахъ въ пятидесяти отъ нея, поставлена батарея, въ 8 орудій большаго калибра, для обстрѣливанія фаса 3-го бастіона. Далѣе къ сѣверо-западу, по отлогости Малахова кургана и у подошвы его, между Ушаковой балкою и доками, расположена Корабельная слободка.

Подымаясь отъ мѣста доковаго оврага къ Малахову

кургану, адмиралъ былъ встрѣченъ громкими «ура» 44-го флотскаго экипажа. «*Будемъ кричать «ура» тогда*», сказалъ Владиміръ Алексѣевичъ, обращаясь къ стоящему во фронтѣ экипажу, «*когда собьемъ англійскія батареи, а теперь покамѣстъ только эти замолчали.* При этомъ адмиралъ указалъ на французскія батареи, которыя уже прекратили огонь.

На Малаховомъ курганѣ адмиралъ сошелъ съ лошади, за брустверомъ батареи въ 8 орудій, о которой я говорилъ выше, и пошелъ къ башнѣ. Войдя въ первый этажъ, онъ нашелъ удобнымъ перевязывать такъ раненыхъ, и приказалъ послать за докторомъ на ближайшій перевязочный пунктъ, въ Корабельную слободку; онъ хотѣлъ идти и на верхъ башни, но контръ-адмиралъ *Истоминъ* доложилъ, что, по его приказанію, прислуга верхнихъ орудій сошла внизъ.

Въ это время ядра и бомбы съ 3-хъ англійскихъ кораблей летѣли на Малаховъ курганъ одно за другимъ. Англійскій плѣнный потомъ разсказывалъ намъ: «мы видѣли, какъ убили вашего генерала около башни». Эти слова подаютъ поводъ думать, что враги умышленно усиливали огонь на ту батарею, куда пріѣзжалъ Владиміръ Алексѣевичъ, котораго они не могли не узнать по его генералъ-адъютантской шинели, фуражкѣ и его гнѣдой, съ бѣлою гривою, лошади, на которой ежедневно посѣщалъ онъ батареи, и нѣсколько разъ выѣзжалъ далеко впередъ нашихъ аванпостовъ, съ большою свитою.

Въ половинѣ 12-го часа, адмиралъ пошелъ отъ башни къ брустверу, за которымъ стояла его лошадь, съ тѣмъ, чтобы ѣхать къ Бутырскому полку, расположенному около Ушаковой балки; но не успѣлъ дойти трехъ шаговъ до бруствера, какъ ядро раздробило ему лѣвую ногу у самаго живота. Нѣсколько офицеровъ бросились къ нему и подняли его на руки... «*Отстаивайте же Севастополь!*» сказалъ онъ намъ. Мы положили его за брустверомъ, между орудіями и скоро онъ обезпамятѣлъ: ни крика, ни стона его никто не слышалъ. Когда пришли два медика съ перевязочнаго пункта и принялись за перевязку, я поскакалъ въ госпиталь за носилками, а оттуда къ вице-адмиралу *Па-*

химову и къ генералъ-лейтенанту *Моллеру*—сообщить имъ печальную вѣсть. Болѣе я не видѣлъ въ живыхъ нашего адмирала» (1).

V.

Подробности, доставленныя капитанъ-лейтенантомъ Поповымъ (2).

Наканунѣ знаменитаго въ военныхъ лѣтописяхъ дня 5-го октября, я поздно вечеромъ былъ съ докладомъ у вице-адмирала *Корнилова*. Озабочиваясь снабженіемъ безчисленной артиллеріи, раскинутой по бастіонамъ и батареямъ Севастополя, адмиралъ далъ мнѣ нѣсколько наставленій относительно возложенной имъ на меня обязанности: удовлетворенія всѣхъ нуждъ по артиллерійской части; между прочимъ, онъ приказалъ мнѣ, на случай недостатка поддоновъ къ гранатамъ и бомбамъ, замѣнять ихъ двумя кранцевыми пыжами, стянутыми голландскою ниткою, предварительно испробовавъ этотъ способъ. Ожидая канонады на другой день, онъ, прощаясь со мною, сказалъ: «Завтра будетъ жаркій день; англичане употребятъ всѣ средства, чтобы произвести полный эффектъ; я опасаюсь за большую потерю отъ непривычки, впрочемъ наши молодцы скоро устроются; безъ урока же сдѣлать ничего нельзя, а жаль, многіе изъ насъ завтра слягутъ». Когда я напомнилъ ему приказаніе Государя, чтобы онъ берегся, онъ отвѣчалъ: «не время теперь думать о безопасности; если завтра меня гдѣ нибудь не увидятъ, то что обо мнѣ подумаютъ?»

Опасаясь опоздать къ адмиралу въ случаѣ его ранняго выѣзда, я до разсвѣта отправился на 4-й бастіонъ съ штабсъ-капитаномъ *Пестичемъ*, чтобы попробовать гранаты съ кранцами. Окончивъ опытъ уже по открытіи ка-

---

(1) „Морской Сборникъ“ 1854 г. № 12. Статья эта перепечатана: въ Сѣв. Пчел. 1855 г № 1; Одесскомъ Вѣст. 1855 г. № 8; Московскихъ Вѣдомост. 1855 г. № 3 и Журн. Воен. Учеб. Завед. № 451.

(2) Тамъ же. Статья эта перепечатана тамъ же, гдѣ и предъидущая.

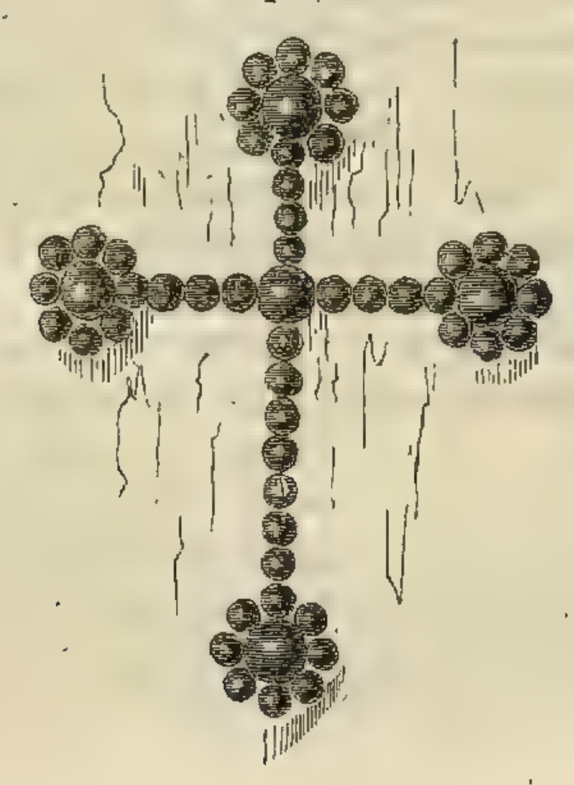
нонады, я спѣшилъ къ адмиралу, чтобы застать его дома, но, пріѣхавъ къ нему—уже не нашелъ его: съ первымъ выстрѣломъ онъ поскакалъ по бастіонамъ. Отправясь опять на 4-й бастіонъ, я долго не могъ отъискать его за дымомъ, и встрѣтился съ нимъ по возвращеніи его съ 5-го бастіона, около баракъ, расположенныхъ за 4-мъ. Онъ съ улыбкою встрѣтилъ мое поздравленіе съ началомъ канонады. Садясь на лошадь, чтобы провожать его, я ему сказалъ, что уже болѣе часа какъ его отъискиваю, и что, вѣроятно, многіе ожидаютъ его распоряженій, а потому и надобно ему возвратиться домой; онъ согласился на этотъ доводъ, внушенный мнѣ естественнымъ безпокойствомъ за его жизнь.

Входя въ свой кабинетъ, онъ послалъ за офицеромъ, назначеннымъ курьеромъ къ отправленію въ Николаевъ, и торопливо дописавъ нѣсколько строкъ своего письма, которое онъ обыкновенно писалъ, въ родѣ журнала, къ своей супругѣ, запечаталъ его и отдалъ курьеру; потомъ, снявъ съ себя золотые часы, доставшіеся ему отъ его отца, онъ вручилъ ихъ этому офицеру съ словами: «передайте пожалуйста женѣ, они должны принадлежать старшему сыну; боюсь, чтобы здѣсь ихъ не разбить». Наскоро напившись чаю, онъ хотѣлъ ѣхать на лѣвый флангъ, но я опять уговорилъ его повременить, предложивъ посмотрѣть канонаду съ терассы дома. — Взойдя на верхъ, онъ приказалъ мнѣ спѣшить всѣми мѣрами къ снабженію батарей зарядами и снарядами, прибавивъ: «я боюсь, что никакихъ средствъ не достанетъ для такой канонады...»

Въ 12-мъ часу мичманъ *Скарятинъ* прискакалъ на Екатерининскую пристань, главное артиллерійское депо, гдѣ я тогда находился, и передалъ мнѣ ужасную вѣсть о ранѣ адмирала, прибавивъ, что онъ требуетъ меня къ себѣ. Тотчасъ же бросившись на катеръ, я поѣхалъ къ доковымъ воротамъ, откуда, поднявшись къ мосту, узналъ, что адмирала перенесли въ госпиталь. Мгновенно явившись къ носилкамъ, которыя были поставлены въ одной изъ комнатъ госпиталя, я съ рыданіями бросился къ нему. Узнавъ меня, онъ повторялъ: «не плачьте, Поповъ», и старался меня утѣшить, говоря: «рана моя не такъ опасна. Богъ мило-

стивъ, я еще переживу пораженіе англичанъ». Не смотря на усилія перенести боль хладнокровно, страшныя мученія отъ раны заставляли его часто вскрикивать. Подозвавъ доктора *Павловскаго*. онъ просилъ его облегчить боль желудка; нѣсколько ложекъ горячаго чаю успокоили его; взявъ меня обѣими руками за голову, онъ произнесъ: «Скажите всѣмъ, какъ пріятно умирать, когда совѣсть спокойна», потомъ, повременивъ, онъ продолжалъ: «благослови, Господи, Россію и Государя, спаси Севастополь и флотъ». Чрезъ нѣсколько минутъ вбѣжалъ въ комнату контръ-адмиралъ *Истоминъ*, за которымъ онъ также посылалъ. Успокоивъ Владиміра Алексѣевича, относительно хода дѣлъ на бастіонѣ, Истоминъ выразилъ надежду, что рана не смертельна. «Нѣтъ, туда, туда къ Михаилу Петровичу»—былъ его отвѣтъ. Попросивъ благословленія Владиміра Алексѣевича и получивъ его, Истоминъ бросился ему на шею и, расплаканный, побѣжалъ на бастіонъ. Услышавъ отъ докторовъ приговоръ немедленной смерти, я спѣшилъ предложить Владиміру Алексѣевичу причаститься Святыхъ Тайнъ но онъ отвѣчалъ, что уже исполнилъ долгъ христіанина на перевязочномъ пунктѣ. Желая напомнить ему, предъ смертью, о его супругѣ, и опасаясь, чтобы вопросъ не обнаружилъ ему послѣднихъ минутъ жизни, я спросилъ его: не хочетъ ли онъ, чтобы послать въ Николаевъ курьера къ ней, чтобы она пріѣхала. Тотчасъ понявъ настоящую цѣль моего вопроса, онъ пожалъ мою руку и сказалъ: «неужели вы меня не знаете? смерть для меня не страшна; «я не изъ тѣхъ людей, отъ которыхъ надо скрывать ее. «Передайте мое благословеніе женѣ и дѣтямъ. Кланяйтесь «князю и скажите генералъ-адмиралу, что у меня остаются «дѣти».—Докторъ Павловскій, не рѣшаясь прямо дать ему капли для успокоенія желудка, предложилъ выпить еще нѣсколько ложекъ чаю съ тѣмъ, чтобы съ чаемъ дать ему капли; догадавшись объ этомъ извинительномъ обманѣ, онъ сказалъ: «напрасно вы это дѣлаете, докторъ; я не ребенокъ и не боюсь смерти; говорите прямо, что надо дѣлать, чтобы провести нѣсколько спокойныхъ минутъ». Принявъ лекарство, онъ успокоился, благословилъ меня и какъ будто задремалъ; въ это время пришелъ лейтенантъ *Львовъ*

съ извѣстіемъ, что англійскія батареи сбиты, остались только 2 орудія: я не хотѣлъ безпокоить Владиміра Алексѣевича, но онъ, услышавъ шумъ за дверью, спросилъ меня, «что тамъ такое?» Я разсказалъ ему; въ отвѣтъ на это, собравъ послѣднія силы, онъ произнесъ «*Ура! Ура!*» потомъ забылся, чтобы не пробуждаться болѣе. Чрезъ нѣсколько минутъ его не стало... Общее отчаяніе, общія слезы сопровождали его въ могилу; узнавъ о его кончинѣ, раненые, презирая собственныя страданія, плакали, потерявъ любимаго начальника. Смотритель госпиталя, маіоръ *Комаровскій*, все время почти отъ него не отходившій, старшій докторъ г. Павловскій, человѣкъ, двое гребцовъ его гички и я — вотъ свидѣтели послѣднихъ минутъ адмирала. Носилки, на которыхъ покоился отшедшій въ вѣчность, были тихо подняты мною и гребцами; мы понесли его въ Михайловскую церковь. По выходѣ изъ госпиталя насъ окружили нѣсколько юнкеровъ нашей школы; они вмѣстѣ со мною донесли прахъ адмирала до церкви, не уступая никому этой чести. Вмѣсто единодушнаго неумолкаемаго «*ура*», которымъ постоянно вездѣ встрѣчали Владиміра Алексѣевича въ послѣднее время въ Севастополѣ, теперь попадавшіеся намъ узнавали о его смерти со слезами и рыданіями. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ генералъ-адъютантъ Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ, сложенъ крестъ изъ непріятельскихъ бомбъ и ядеръ, имѣющій слѣдующій видъ:

VI.

Подробности, сообщенныя въ частномъ письмѣ изъ Севастополя.

«Всѣ мы глубоко и невыразимо поражены были смертью вице-адмирала Владиміра Алексѣевича *Корнилова*. Въ послѣдніе дни онъ явился въ истинно-геройскомъ и величественномъ видѣ: много онъ сдѣлалъ, многаго могли ожидать отъ него въ будущемъ Государь и Россія. 15-го сентября, когда Севастополю угрожала сильная опасность, объѣзжая оборонительную линію, онъ говорилъ войскамъ: «Государь надѣется, что мы отстоимъ Севастополь. Не вѣрь отступленію; и если я самъ прикажу отступить—коли меня!»—И всѣ съ восторгомъ обѣщали ему скорѣе умереть, чѣмъ отступить. Съ разсвѣтомъ 5-го октября непріятель открылъ сильный огонь по нашимъ батареямъ, которыя отвѣчали ему мастерски; воздухъ сгустился; въ дыму солнце обозначалось блѣднымъ мѣсяцемъ. Дѣятельный и рѣшительный, адмиралъ поскакалъ на бастіонъ № 4-й—центръ нашей позиціи, и мы, его приближенные, едва могли поспѣвать за нимъ. Ядра и бомбы летѣли на 3-й бастіонъ одно за другимъ, а Корниловъ, съ сверкающимъ взглядомъ, подходилъ къ каждому орудію, вдохновлялъ каждаго человѣка. Потомъ поѣхали по линіи съ 4-го на 5-й бастіонъ; тамъ капитанъ-лейтенантъ *Ильинскій*, командиръ бастіона, говорилъ ему: «Ваше превосходительство, зачѣмъ вы ѣздите по бастіонамъ; вы доказываете тѣмъ, что вы въ насъ не увѣрены; я васъ прошу уѣхать отсюда, я вамъ ручаюсь—я исполню свой долгъ».—На эти слова, внушенныя боязнію за жизнь адмирала, онъ отвѣчалъ среди ядеръ и бомбъ: «А зачѣмъ же вы хотите мѣшать мнѣ исполнить свой долгъ? мой долгъ — видѣть всѣхъ». — И онъ былъ правъ; дѣйствительно, ему необходимо было показаться войскамъ, которыя принимали его съ восторгомъ, и вотъ почему, убѣждая его возвратиться домой, мы не очень на-

стаивали въ своихъ доводахъ.—Замѣтивъ, что на 5-мъ бастіонѣ нѣтъ воды для питья, онъ послалъ меня позаботиться о водѣ, и когда я возвратился донести ему, что отправилъ по нѣскольку бочекъ воды на каждый бастіонъ, то засталъ его дома за чаемъ. Вскорѣ пріѣхалъ къ нему главнокомандующій, князь Александръ Сергѣевичъ *Меншиковъ*, и вмѣстѣ съ его свѣтлостію адмиралъ поѣхалъ къ Графской пристани: князь отправился на сѣверную сторону, а мы снова на 4-й бастіонъ (около бульвара); по дорогѣ адмиралъ разослалъ адъютантовъ съ порученіями, такъ что при немъ остался одинъ я. На 4-мъ бастіонѣ мы встрѣтились съ полковникомъ гвардейскаго генеральнаго штаба *Поповымъ*; переговоривъ съ нимъ о первыхъ распоряженіяхъ, въ случаѣ штурма 4-го бастіона, адмиралъ оставилъ Попова для этой цѣли на Театральной площади, а самъ поѣхалъ вокругъ Южной бухты, на бастіонъ № 3-й (за Татарской слободой), оттуда на Малаховъ курганъ. На 3-мъ бастіонѣ, ядра и бомбы сыпались, какъ градъ; но адмиралъ тихо и спокойно говорилъ съ каждымъ; признаюсь, мнѣ было весело ѣхать рядомъ съ нимъ; я слѣпо вѣрилъ въ его счастливую звѣзду и былъ спокоенъ, даже доволенъ ужаснымъ перекрестнымъ огнемъ, чрезъ который мы проѣзжали. На Малаховомъ курганѣ мы сошли съ лошадей, и вскорѣ я почувствовалъ какъ бы ударъ въ правую ногу около колѣна, упалъ и началъ тереть больное мѣсто: это была контузія, отъ которой я почти оправился, доказательствомъ чего служитъ то, что 6-го числа я несъ адмирала нашего изъ Михайловской церкви, вокругъ Петропавловской, до могилы — въ склепѣ Михаила Петровича Лазарева. — Нѣсколько разъ предлагалъ я Владиміру Алексѣевичу ѣхать домой, но какой-то злой духъ его удерживалъ. «Постойте, говорилъ мнѣ адмиралъ, мы поѣдемъ еще къ тѣмъ полкамъ (Бутырскому и Бородинскому), а потомъ госпитальной дорогой домой». Наконецъ, въ половинѣ 12-го часа, мы пошли къ лошадямъ... и онъ упалъ: лѣвая нога, у самаго живота, была оторвана. «Отстаивайте же Севастополь»—сказалъ онъ намъ, офицерамъ взявшимъ его на руки. Мы положили его за брустверомъ, между орудіями,

и скоро онъ обезпамятѣлъ. Ни крика, ни стона его не слышалъ никто. Пришли два медика, за которыми я посылалъ на ближайшій перевязочный пунктъ, а самъ я поскакалъ въ госпиталь и сказалъ *Комаровскому* и *Генриху*. Тотчасъ лучшій нашъ хирургъ *Лаврентьевъ* и носилки были отправлены за Владиміромъ Алексѣевичемъ, а я поѣхалъ съ его же порученіями къ вице-адмиралу *Нахимову* и къ генералъ-лейтенанту *Моллеру*.—Послѣ меня адмирала перенесли на перевязочный пунктъ, гдѣ онъ исповѣдывался и причастился Святыхъ Таинъ. «Скажите моимъ сыновьямъ — сказалъ онъ священнику—чтобы они вѣрно служили царю и отечеству». Андрей Алексѣевичъ Поповъ, бывшій при немъ въ послѣднія минуты, говорилъ мнѣ слѣдующее: «Когда Истоминъ хотѣлъ успокоить его надеждою выздоровѣть, адмиралъ сказалъ: «Нѣтъ, нѣтъ — туда, гдѣ Михаилъ Петровичъ!» Потомъ онъ сказалъ: «Спаси, Господи, Царя и Россію; сохрани Севастополь и черноморскій флотъ! Я счастливъ, что умираю за отечество». — Передавъ Попову порученія къ князю, онъ прибавилъ: «Кланяйтесь всѣмъ, скажите, какъ сладко умирать, когда совѣсть чиста». Ему пришли сказать, что англичане дѣйствуютъ всего двумя орудіями; онъ закричалъ «ура!»—и вскорѣ скончался. Въ 6-мъ часу вечера, 6-го октября, всѣ суда приспустили флаги, и погребальная церемонія тронулась. Это была, дѣйствительно, мрачная церемонія: сумерки, освѣщаемыя факелами и полетами бомбъ, горесть всѣхъ окружающихъ—гармонировали одно съ другимъ; ни слова, ни звука не было слышно, кромѣ треска бомбъ и свиста ядеръ, кромѣ оглушительнаго грохота пушекъ. Адмирала положили рядомъ съ гробомъ Михаила Петровича, въ одномъ склепѣ. Миръ праху твоему, нашъ добрый начальникъ!» (¹).

VII.

КОПІЯ СЪ СОБСТВЕННОРУЧНО НАПИСАННАГО ВЫСОЧАЙШАГО ПОВЕЛѢНІЯ ОТЪ 12 ОКТЯБРЯ 1854 ГОДА, О МИЛОСТЯХЪ СЕМЕЙСТВУ ВИЦЕ-АДМИРАЛА КОРНИЛОВА И О ПАМЯТНИКѢ ЕМУ.

Вдовѣ покойнаго генералъ-адъютанта *Корнилова*, пад-

(¹) Морск. Сборн. 1854 г. № 10.

шаго при оборонѣ Севастополя, производить изъ государственнаго казначейства, вмѣстѣ съ дѣтьми, по 5,000 руб. сер., независимо пенсіона, слѣдующаго ей изъ инвалиднаго комитета.—Сыновей въ пажи.

Бастіонъ, гдѣ онъ убитъ, назвать по немъ.

Витали заказать памятникъ ему, который воздвигнуть на мѣстѣ, гдѣ онъ погибъ (1).

VIII.

ВЫСОЧАЙШІЕ РЕСКРИПТЫ НА ИМЯ ВДОВЫ ВИЦЕ-АДМИРАЛА КОРНИЛОВА.

Елисавета Васильевна! Славная смерть вашего мужа лишила нашъ флотъ одного изъ отличнѣйшихъ адмираловъ, а меня одного изъ моихъ любимѣйшихъ сотрудниковъ, которому я предназначалъ продолжать полезные труды Михаила Петровича Лазарева. Глубоко сочувствуя скорби всего флота и вашей горести, я не могу болѣе почтить память покойнаго, какъ повторивъ съ уваженіемъ послѣднія слова его. Онъ говорилъ: «я счастливъ, что умираю за отечество». Россія не забудетъ этихъ словъ, и дѣтямъ вашимъ переходитъ имя, почтенное въ исторіи русскаго флота (2).

Пребываю къ вамъ навсегда благосклоннымъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ“.

14-го октября 1854 г. Гатчино.

Елисавета Васильевна! Судьбамъ Всевышняго угодно было посѣтить васъ тяжкимъ несчастіемъ: вы лишились достойнаго супруга вашего, генералъ-адъютанта Корнилова, павшаго героемъ при защитѣ Севастополя. Но не вы однѣ оплакиваете славную смерть его: вамъ сочувствуютъ Государь Императоръ, отечество, весь черноморскій флотъ,

(1) Одесск. Вѣстн. 1854 г. № 121.
(2) Морск. Сборн. 1854 г. № 10.

который справедливо гордился имъ, и въ лѣтописяхъ котораго имя его останется незабвеннымъ. Въ этой отрадной увѣренности и христіанской покорности волѣ Божіей да найдете вы возможное, въ настоящемъ положеніи вашемъ, утѣшеніе.

Съ моей стороны, принимая въ скорби вашей самое искреннее участіе и желая въ лицѣ вашемъ почтить заслуги покойнаго, я, съ соизволенія Его Императорскаго Величества, приняла васъ въ число кавалерственныхъ дамъ ордена *Святыя Великомученицы Екатерины* второй степени, знаки коего при семъ препровождая, пребываю къ вамъ навсегда благосклонною (1).

На подлинномъ Собственною Ея Императорскаго Величества рукою написано:

„*АЛЕКСАНДРА*".

Въ Гатчинѣ, 15-го октября 1854 года.

IX.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ ОБЪ УПЛАТѢ ДОЛГОВЪ ВИЦЕ-АДМИРАЛА КОРНИЛОВА.

Министръ финансовъ увѣдомилъ Его Императорское Высочество управляющаго морскимъ министерствомъ, о докладѣ Государю Императору, что послѣ генералъ-адъютанта *Корнилова* осталось въ залогѣ заемнаго банка имѣніе въ тверской губерніи (46 душъ крестьянъ), по которому числится долгу 2,445 руб. 79 коп. и въ залогѣ С.-Петербургской Сохранной Казны имѣніе въ той же губерніи (95 душъ), по которому остается долгу 5,124 руб. и, сверхъ того, около 20,000 руб. частныхъ долговъ; Его Императорское Величество всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: 1) помянутый долгъ сохранной казны уплатить изъ резервнаго капитала заемнаго банка, замѣнивъ изъ сего же капитала и долгъ заемному банку; и 2) на уплату частныхъ

---

(1) Морск. Сборн. 1854 г. № 11.

долговъ отпустить вдовѣ генералъ-адъютанта Корнилова 20,000 руб. сер. изъ государственнаго казначейства (¹).

X.

ОТРЫВОКЪ ПИСЬМА ИЗЪ СЕВАСТОПОЛЯ КЪ Д. Н. К. ВЪ ПОЛТАВУ, ОТЪ 25 ЯНВАРЯ 1855 ГОДА.

Скажу вамъ нѣсколько словъ о Севастополѣ. Теперь Севастополь въ модѣ. Цѣлый свѣтъ говоритъ о немъ; одни съ завистью, другіе изъ боязни, третьи съ удивленіемъ; есть и такіе, которые толкуютъ объ немъ отъ нечего-дѣлать или по привычкѣ много говорить; словомъ, всѣ пять частей свѣта изобилуютъ различными сужденіями о Севастополѣ; мы же русскіе, по привычкѣ, говоримъ о себѣ меньше всѣхъ. Севастополь всегда былъ извѣстенъ своей превосходной гаванью и флотомъ, о которомъ французы и англичане, а за ними и другіе умники, не могли вспоминать хладнокровно, — ужь такая у нихъ несчастная привычка.... Впрочемъ, надо отдать справедливость нашимъ *пріятелямъ*: дѣйствительно, нельзя было говорить о черноморскомъ флотѣ, какъ о предметѣ обыкновенномъ, — вѣдь онъ, нашъ голубчикъ, какъ русскій богатырь въ народныхъ сказкахъ, росъ и мужалъ не по днямъ, а по часамъ. Помню, какъ незабвенный нашъ начальникъ, Владиміръ Алексѣевичъ *Корниловъ*, незадолго до появленія у нашихъ береговъ непріятельской армады, говорилъ, что, если намъ придется дать сильнѣйшимъ врагамъ сраженіе на морѣ, то останется пожалѣть о томъ только, что некому будетъ донести о ходѣ дѣла: мертвые не воскресаютъ! Всѣ мы хорошо знали Корнилова, знали, что онъ никогда не любилъ говорить много и даромъ, и, признаюсь, мы гордились собою, съ гордостью готовы были ежеминутно умереть за честь нашего флага... Но провидѣніе рѣшило иначе. Когда непріятель, послѣ альминскаго дѣла, перешелъ на южную сторону Севастополя, знаменитый покойникъ въ приказѣ по флоту,

(¹) Морск. Сборн. 1854 г. № 12.

между прочимъ, говорилъ: «Товарищи! намъ нужно отказаться отъ любимой мысли разразить врага на морѣ, — защита города требуетъ нашего присутствія въ немъ». И въ эти минуты сильной опасности для Севастополя, Корниловъ сохранилъ свое обычное хладнокровіе и необыкновенную дѣятельность. Нужно сказать, что адмиралъ пользовался плохимъ здоровьемъ, часто лечился, не оставляя своихъ обширныхъ занятій, среди которыхъ всегда можно было видѣть его. Наканунѣ открытія бомбардировки, объѣзжая оборонительныя линіи, Владиміръ Алексѣевичъ говорилъ матросамъ, постоянно встрѣчавшимъ его громкимъ единодушнымъ ура: «Смотри, молодцы, палить хорошенько, не торопиться, безъ суеты; вѣдь это дѣло вамъ хорошо знакомо; Государь надѣется, что мы покажемъ себя на сушѣ такими же молодцами, какими были всегда на морѣ. Никому не оставлять своей пушки, покуда можно стоять на ногахъ: за это Богъ помилуетъ и Государь наградитъ; отступленія не будетъ: если горнистъ затрубитъ отступленіе, не вѣрь ему! если я прикажу отступить — коли меня штыками». Надо было видѣть въ это время нашихъ матросовъ: ихъ загорѣлыя обвѣтренныя лица и бойкіе блестящіе глаза выражали необыкновенную отвагу, рѣшимость защищаться до послѣдняго, живыми не отдаваться врагу. Энергическій, восторженный крикъ «ура!» заключилъ драгоцѣнныя слова любимаго начальника. Потомъ, обратясь къ офицерамъ, Корниловъ сказалъ: «Господа! намъ придется жарко, но считаю лишнимъ говорить, что каждый изъ насъ исполнитъ священный долгъ свой такъ, какъ этого ждетъ Государь Императоръ, Россія и нашъ родной Севастополь». Помолчавъ нѣсколько секундъ, онъ прибавилъ: «я надѣюсь, господа, что мы скоро будемъ праздновать побѣду въ клубѣ...» Но дни его уже были сочтены. На другой день, 5-го октября, поутру, во время самой сильной канонады, Корниловъ объѣзжалъ всѣ батареи, давалъ наставленія частнымъ начальникамъ, ободрялъ прислугу у орудій, узнавалъ обо всемъ, что было нужно на бастіоны, и тутъ же распоряжался о немедленномъ доставленіи; какъ бы предчувствуя близкую кончину свою, онъ

хотѣлъ видѣть всѣхъ и распорядиться обо всемъ. На просьбу подчиненныхъ не ѣздить въ болѣе опасныя мѣста, онъ отвѣчалъ: «вы исполняете свой долгъ, оставьте же и меня исполнять мои обязанности». На Малаховомъ курганѣ (нынѣ Корнилова бастіонъ) роковое ядро оторвало ему ногу, и онъ упалъ, вынулъ изъ кармана платокъ и приложилъ его къ ранѣ; ни крика, ни малѣйшаго стона... Въ этотъ же день онъ умеръ, умеръ такъ же славно, какъ и жилъ, сохранивъ до послѣдней минуты память и присутствіе духа. Послѣднія слова его были: «я счастливъ, что умираю за отечество». Печальная вѣсть дошла къ намъ на бастіонъ вечеромъ..... Я не берусь описать впечатлѣнія, произведеннаго на насъ смертью Владиміра Алексѣевича: всѣ мы были полны того невыносимо-тяжелаго чувства общей потери, которое трудно высказать словами. На другой день вечеромъ хоронили его. При свѣтѣ факеловъ, при заревѣ канонады, вынесли гробъ изъ церкви: могильная тишина въ городѣ нарушалась только трескомъ разрывавшихся бомбъ; дрожащія длинныя тѣни печальной процессіи подвигались тихо, тихо; лица провожавшихъ гробъ, полуосвѣщаемыя факелами, были какъ-то необыкновенно угрюмы, неподвижны; голоса пѣвчихъ и грустныя до глубины души звуки похороннаго марша, отъ густоты воздуха, казалось, раздавались изъ-подъ земли; когда гробъ опускали въ могилу, нельзя было не плакать.... Господи! услыши молитвы наши за душу человѣка, котораго всѣ мы любили и уважали!... ([1])

В. Кдт.

Замѣчанія на статью «Изъ записокъ Севастопольца», помѣщенную въ № 12 Русскаго Архива 1867 г. ([2]).

Статья эта, по содержанію своему, не заслуживаетъ ни-

([1]) „Одесскій Вѣстникъ“ 1855 г. № 24.

([2]) Статья „Изъ записокъ Севастопольца“ по своей клеветѣ и ни на чемъ не основанномъ порицаніи лицъ заслужившихъ безсмертную славу, своею безупречною и полезною дѣятельностію и положившихъ свою жизнь за отечество,

чего болѣе какъ полнаго забвенія, но, по отведенному ей мѣсту на страницахъ историко-литературнаго сборника, посвященнаго изученію Россіи, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, она получаетъ значеніе источника историческаго. Невѣдающіе, что этотъ источникъ отравленъ желчью автора, могутъ изъ него черпнуть и тѣмъ распространить неправду и затемнить самую истину. А какъ такихъ невѣдающихъ очень много, т. е. вся нынѣшняя наша молодежь, а за нею и все грядущее потомство, то намъ, современникамъ севастопольской эпохи, должно защитить безпощадно омраченную въ «Запискахъ Севастопольца» славу многихъ отшедшихъ личностей, особенно же героевъ Севастополя—Нахимова и Корнилова. Мы обязаны выставить всѣ невѣрности въ статьѣ безъименнаго автора записокъ и слова наши должны подтвердить фактами.

Авторъ начинаетъ съ основанія Севастополя въ 1783 г. и говоритъ, что онъ становится замѣтнымъ городомъ только при Грейгѣ и Лазаревѣ. Тутъ авторъ и принимается по своему чертить (или, вѣрнѣе, чернить) ихъ характеристику.

Перваго онъ признаетъ, правда, *человѣкомъ необыкновенныхъ способностей, но страстнымъ и слабымъ*. Далѣе, авторъ жалуется на нестерпимое наше равнодушіе къ отечественной исторіи, отъ чего изъ нея погибло много страницъ и Грейгъ одна изъ такихъ страницъ. Затѣмъ авторъ пишетъ, что въ николаевской библіотекѣ хранится 47 отдѣльныхъ чертежей по предмету укрѣпленія Севастополя, сдѣланныхъ подъ руководствомъ Грейга, о которыхъ нигдѣ не упомянуто.

Правда, что мы не имѣемъ полной біографіи, какой достоинъ этотъ ученый адмиралъ и администраторъ, но объ немъ немало писано, только статьи эти разбросаны и

не заслуживаетъ помѣщенія на страницахъ настоящаго Сборника. Возраженіе же на нее помѣщается здѣсь единственно только потому, что открываетъ новые черты характеровъ и дѣятельности двухъ лучшихъ представителей черноморскаго флота, адмираловъ: Нахимова и Корнилова. Сверхъ того замѣчанія эти должны служить будущему безпристрастному историку хорошимъ противувѣсомъ противъ „Записокъ Севастопольца“. *Ред.*

ожидаютъ своего собирателя. Были объ немъ хорошія статьи и въ «Морскомъ Сборникѣ» (наприм. статья Н. Соина № 8, 1862) и въ одной изъ нихъ, взятой изъ воспоминаній моряка, помѣщенной въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» и перепечатанной въ декабрской книжкѣ М. Сб. за 1861 годъ, (стр. 136, смѣсь), о Грейгѣ сказано: «Въ его головѣ впервые зародилась мысль о необходимости укрѣпленія Севастополя, кромѣ береговъ, и съ сухаго пути, доказательствомъ чему служатъ его планы, доселѣ хранящіеся—если не ошибаемся въ черноморскомъ дѣпо (бывшее черном. гидрограф. депо въ Николаевѣ). По словамъ спеціалистовъ, эти планы отличаются мѣткостію и глубиною соображеній». Слѣдовательно, о планахъ Грейга и о достоинствѣ ихъ мы знали, а теперь узнаемъ только ихъ число 47—и за то спасибо автору, хотя ему, упрекая всѣхъ насъ въ равнодушіи, и слѣдовало показать примѣръ любви къ дѣлу и сообщить всѣ возможныя подробности объ этихъ замѣчательныхъ чертежахъ. Но бойкое перо автора скользитъ лишь по верхушкамъ, когда дѣло идетъ о достоинствахъ, и рѣжетъ какъ бритва, когда пишетъ о недостаткахъ. Справедливость этихъ словъ подтвердитъ все нижеслѣдующее.

О Лазаревѣ неизвѣстный авторъ говоритъ, что онъ имѣлъ *характеръ преимущественно ровный и* былъ *безъ всякихъ чрезвычайныхъ способностей, но твердой, крѣпкой воли*. . . . .

Михаилъ Петровичъ Лазаревъ, въ царствованіе императора Александра I, совершилъ три путешествія вокругъ свѣта, командиромъ трехъ судовъ: «Суворовъ» (1813—1816), «Мирный» (1819 -1821) и «Крейсеръ» (1822—1825). Объ этихъ экспедиціяхъ, коротко и ясно, сказано въ книгѣ: «Обозрѣніе русскихъ кругосвѣтныхъ путешествій», составленной г. Ивашинцовымъ и изданной въ 1850 году. Эти три плаванія обнимаютъ въ сложности 7 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ корабельной жизни. Съ тогдашними средствами эти путешествія были несравненно труднѣе и опаснѣе нынѣшнихъ. Лазаревъ совершилъ ихъ совершенно благополучно. Старые балтійскіе моряки вѣрно помнятъ еще, какимъ щеголемъ возвратился въ 1825 г. изъ вояжа фрегатъ «Крей-

серъ». Насъ, гардемаринъ, возили тогда осмотрѣть это образцовое судно. Живо помню, какъ поразили меня развѣшанные въ батарейной палубѣ росписанія и ордонансы на чертежахъ фрегата; какая была чистота и все дышало порядкомъ. Тутъ показали намъ трисель-мачты и триселя—какъ новость, впервые введенную на «Крейсерѣ». Но это мои воспоминанія, тогда 14-ти лѣтняго мальчика, а ежели припомнятъ объ этомъ достопочтенные наши старые адмиралы, то вѣрно подтвердятъ, что «Крейсеръ» былъ тогда во всѣхъ отношеніяхъ фрегатъ образцовый. На слѣдующій годъ Лазаревъ привелъ изъ Архангельска такой же образцовый корабль «Азовъ», который, подъ его командою, заслужилъ въ наваринскомъ сраженіи (8 окт. 1827 г.) георгіевскій флагъ, а Михаилъ Петровичъ чинъ контръ-адмирала. Въ 1833 г. начальствуетъ онъ на Черномъ морѣ большою эскадрою, посыланною въ Константинополь на помощь турецкому султану противу паши египетскаго; а потомъ Лазаревъ остается уже главнымъ начальникомъ черноморскаго флота на мѣсто Грейга. Тогда, по словамъ автора, онъ *началъ съ уничтоженія во флотѣ грековщины-грейговщины*; выстроилъ береговыя батареи, оборонительную стѣнку по южной сторонѣ, окончилъ доки, построилъ театръ, собраніе и библіотеку; въ послѣдней авторъ восхищается мебелью, какой онъ не видалъ нигдѣ (хоть это похвалилъ). Далѣе онъ говоритъ: что *Севастополь росъ не по днямъ, а по часамъ*; *что тамъ живетъ семья лихихъ моряковъ, и ими правитъ необыкновенный дѣятель, подъ рукою котораго все такъ и кипитъ, вращаются и крѣпнутъ удивительныя силы*. И это говоритъ авторъ о томъ человѣкѣ, въ которомъ самъ не признаетъ никакихъ чрезвычайныхъ способностей — какая непослѣдовательность, даже противорѣчіе...

Лазаревъ уничтожалъ грейговщину? Выраженіе равно обидное для памяти обоихъ администраторовъ: ученаго моряка Грейга и чисто-военнаго моряка Лазарева. Каждый изъ нихъ принесъ черноморскому флоту свою пользу, полную по тѣмъ средствамъ, какими могъ располагать, и память ихъ равно достойна уваженія потомства. Въ подтверж-

деніе этого ссылаемся на статью «о памятникѣ адмиралу Грейгу» (М. Сб. 1863 г. мартъ). Сколько въ ней теплыхъ словъ и чувствъ задушевной признательности къ этимъ двумъ высокимъ личностямъ. Хорошо, что желчное перо автора мало коснулось Грейга и Лазарева, это потому, что ихъ надо было изучать, что не легко; и еслибъ авторъ принялся за это, то, конечно, никогда не написалъ бы такихъ легкихъ отзывовъ о такихъ солидныхъ людяхъ. Но за то уже Нахимовъ и Корниловъ попались ему подъ руку и онъ натѣшился же надъ ними; да, впрочемъ, отъ него нѣтъ никому пощады.

Теперь мы попросимъ читателя внимательно слѣдить вмѣстѣ съ нами, по «Запискамъ Севастопольца», шагъ за шагомъ и на каждое его положеніе или мнѣніе—терпѣливо выслушать наше замѣченіе. При этомъ только условіи надѣюсь по возможности возстановить истину.

1. Авторъ говоритъ, что *мы ни съ какой стороны не были готовы къ восточной войнѣ, особенно не имѣли солдатъ, которые были только красивы на парадахъ и больше ничего.* На это уже прекрасно отвѣтилъ ему *старый русскій солдатъ* въ № 360 «Русск. Инв.», 30 декабря минувшаго (1867) года. Тамъ сказано: «спора нѣтъ, что мы тогда многое существенное приносили въ жертву внѣшнему блеску, но отъ этого до совершенной негодности войскъ очень и очень далеко......» А что русскіе солдаты годились не для однихъ парадовъ, то знаютъ наши непріятели и не одни турки (какъ полагаетъ авторъ), а и другіе, наприм. венгерцы. Кромѣ того, если авторъ дѣйствительно севастополецъ (если), то долженъ кое что знать о томъ, какъ дрались русскія войска, отстаивая Севастополь.

2. Далѣе авторъ говоритъ: *до какой степени неудачливо дѣйствовала наша дунайская армія—это вы знаете. Я не стану распространяться объ этомъ потому, что имѣю предметомъ Крымъ и Севастополь.* Легко сказать, двумя словами, *неудачливо дѣйствовала* о 90-тысячной арміи за два года ея трудовъ; а прочитайте только что вышедшую въ свѣтъ книгу «Война съ Турціею и разрывъ съ западными державами въ 1853 и 1854 годахъ», соч. Ег. Ковалевскаго,

извѣстнаго писателя нашего, который составлялъ ее на мѣстѣ по наличнымъ матеріаламъ и живымъ разсказамъ возвращавшихся съ поля битвы; книгу, удостоенную высшей преміи военно-ученаго комитета и на его счетъ изданную; прочитайте ее, и вы увидите, что дунайская армія, подъ предводительствомъ князя М. Д. Горчакова, а нѣкоторое время и подъ главнымъ начальствомъ фельдмаршала Паскевича, дѣйствовала всегда храбро и мужественно; но эти дѣйствія парализованы были сильнымъ вліяніемъ австрійской политики; «этой политикѣ, говоритъ г. Ковалевскій, принуждены мы были принести ту жертву, которой не могли исторгнуть сами союзники». Авторъ разумѣетъ тутъ отступленіе наше отъ Силистріи, 9 іюня 1854 г., за нѣсколько часовъ до ея штурма, переходъ нашъ на лѣвый берегъ Дуная и очищеніе княжествъ, которыя послѣ насъ тотчасъ заняли австрійскія войска. Въ эту кампанію дипломація Австріи оттягивала значительныя силы наши отъ военнаго поля, заставляя держать ихъ на юго-западной нашей границѣ въ бездѣйствіи, но на стражѣ. (Ковалевскій стр. 224).

3. Корниловъ, по словамъ автора, былъ человѣкъ *ловкій* (пожалуй бойкій), *способный* (и весьма), *довольно образованный* (нѣтъ, очень образованный и весьма свѣдущій), *но сухой* (скорѣе серіозный). *Въ началѣ осады Севастополя удивлялись его дѣятельности, но все таки это была не любовь.* Это личный взглядъ автора, а почитайте книгу капитанъ-лейтенанта А. Жандра: «Матеріалы для исторіи обороны Севастополя и для біографіи Владиміра Алексѣевича Корнилова». С.-Петербургъ, 1859 г.—и вы получите о характерѣ и дѣятельности этого адмирала понятіе истинное, а не относительное.

4. По мнѣнію автора, *Корниловъ могъ быть хорошимъ командиромъ порта, по крайней мѣрѣ лучше его не было.* Корниловъ служилъ 30 лѣтъ морскимъ офицеромъ съ постояннымъ отличіемъ во всѣхъ чинахъ и должностяхъ. Мичманомъ былъ въ наваринскомъ сраженіи на славномъ кораблѣ «Азовъ»; съ лейтенантскаго чина началъ командовать военными судами отъ тендера и до 120-ти пуш. ко-

рабля, и командовалъ ими 16 лѣтъ сряду; два года былъ въ командировкѣ въ Англіи, наблюдая за постройкою и вооруженіемъ четырехъ пароходовъ, изъ которыхъ «Владиміръ» извѣстенъ какъ образцовый военный пароходъ того времени (1848). Въ декабрѣ 1848 года Корниловъ произведенъ былъ въ контръ-адмиралы (на 26 году офицерства), а въ апрѣлѣ слѣдующаго года назначенъ начальникомъ штаба черноморскаго флота. Черезъ два года умеръ Лазаревъ; мѣсто его занялъ престарѣлый вице-адмиралъ Бергъ, а управленіе флотомъ лежало вполнѣ на Корниловѣ; служебная дѣятельность его должна быть извѣстна автору изъ книги Жандра, къ которой онъ такъ часто прибѣгалъ, какъ видно изъ его цитатъ. Такъ вотъ какая служба давала Корнилову всѣ права на постъ главнаго командира, а не та пустая причина, что лучше его не было!

5. *Въ февралѣ 1853 г. Корниловъ ѣдетъ при Меншиковѣ въ Константинополь; потомъ уже одинъ въ Аѳины, гдѣ осматриваетъ остатки древней архитектуры, и въ исходѣ марта возвращается въ Николаевъ.* Тутъ авторъ невѣрно цитируетъ Жандра, у котораго сказано, что Корниловъ отправился изъ Константинополя въ Грецію, осмотрѣть стоящія тамъ на станціи суда (что входитъ въ прямую обязанность начальника штаба). При этомъ, проходя какъ туда, такъ и обратно чрезъ Босфоръ и Дарданеллы, онъ замѣтилъ перемѣны въ укрѣпленіяхъ обоихъ проливовъ, которые онъ же описывалъ въ 1833 году вмѣстѣ съ Е. В. Путятинымъ (нынѣ генералъ-адъютантъ, адмиралъ и графъ), и наконецъ, на всякій случай, исправилъ карты этихъ проливовъ; а бывши въ Аѳинахъ, онъ, конечно, осмотрѣлъ тамъ памятники древности. Но не за этимъ собственно отправился Корниловъ въ Аѳины, какъ пишетъ авторъ, придавая адмиралу, и въ такое серьозное время, роль какого-то туриста! Корниловъ, съ разрѣшенія князя, уѣхалъ изъ Константинополя марта 12-го, а по выдержаніи карантина, вернулся 18-го марта въ Николаевъ, куда князь Меншиковъ пріѣхалъ изъ Турціи ровно двумя мѣсяцами позже.

6. Теперь авторъ говоритъ о Нахимовѣ, что *онъ былъ*

самый простой морякъ, извѣстный въ то время только въ одномъ Севастополѣ; честная, добрая душа.... небрежный и грязноватый въ одеждѣ и въ быту (напротивъ, всегда щеголялъ бѣльемъ, какъ джентльменъ)... *рѣшительно безъ всякихъ талантовъ. Все, что можно сказать о немъ вдругъ и подумавши* (замѣтьте, *подумавши*): *не глупый человѣкъ, добрая душа — и только.* Мнѣ, какъ и всѣмъ знавшимъ Нахимова, ясно какъ день, что вышесказанное о немъ все невѣрно, кромѣ того, что это была честная и добрая душа; но для потомства, ежели дойдутъ до него какъ эти строки, такъ и строки Русскаго Архива, мы все-таки обязаны отдѣлить бѣлое отъ чернаго.

Нахимовъ во всю свою службу, отъ школьной скамьи (1818) и до геройской смерти въ Севастополѣ 30-го іюня 1855 г., былъ славный и боевой морской офицеръ, лихой капитанъ и искусный адмиралъ. Онъ сдѣлалъ путешествіе вокругъ свѣта, подъ командою Лазарева на фрегатѣ «Крейсеръ». За сраженіе подъ Навариномъ, на кораблѣ «Азовъ», у того же капитана, получилъ Георгія 4-й степени за храбрость и чинъ капитанъ-лейтенанта. Вскорѣ послѣ того назначенъ командиромъ взятаго у турокъ корвета «Наваринъ» и съ того времени 17 лѣтъ съ честію командовалъ военными судами, прежде въ балтійскомъ, а потомъ и въ черноморскомъ флотѣ. Въ послѣднемъ водилъ онъ эскадры и училъ моряковъ. которые такъ блистательно выдержали публичный свой экзаменъ у Синопа, куда привелъ ихъ тотъ же Нахимовъ.

Съ своей стороны, я долженъ сказать, что лично познакомился съ Павломъ Степановичемъ только года за два до перевода его въ Черное море. По совѣсти говоря, это былъ человѣкъ честный, добрый, прямой, иногда горячій, всегда энергичный и благородный въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ всецѣло преданъ былъ службѣ и спеціальности морскаго дѣла, которая доводила его до односторонности; о чемъ бы ни говорили, онъ свернетъ на морское, и, увлекшись разсказомъ, невольно преувеличивалъ: шквалы у него всегда были самые сильные, стеньги вѣчно

трещали, а матросы лихо работали, каждый за двоихъ, и, тому подобное.

Затѣмъ, проведенныя имъ на югѣ слишкомъ 20 лѣтъ не измѣнили заслуженную имъ здѣсь свѣтлую репутацію: она по прежнему была безупречна. Для характеристики его и вмѣстѣ Корнилова за эти годы, лучше всего, опять-таки, обратиться къ сочиненію г. Жандра, гдѣ особенно интересно описаны взаимныя ихъ отношенія въ разныя эпохи (см. 24 и 34 стр.).

7. Еще о Нахимовѣ авторъ говоритъ: *обыкновенно онъ глядѣлъ добренькимъ Пробовалъ прикинуться генераломъ — не выходитъ! и остался чѣмъ-то въ родѣ.... матроса. Я беру слово на удачу, какое поближе.* Такъ вотъ отъ чего зависитъ у этого автора характеристика людей — отъ попавшагося подъ руку слова!! Кто такъ поступаетъ съ отшедшимъ, тотъ съ живымъ распорядится короче: попалъ подъ руку камень, ну и бухъ имъ въ лобъ. Авторъ не насытился еще и извергаетъ такое выраженіе: *Нахимовъ не былъ похожъ ни на кого и ни на что. Это было нѣчто совсѣмъ особенное въ своемъ родѣ: Павелъ Степановичъ Нахимовъ — Алексѣй Божій-человѣкъ и только.* Странныя противорѣчія у этого автора; начертивъ такую пошлую характеристику человѣка, самъ же говоритъ о немъ въ разныхъ мѣстахъ своей статьи: что онъ *былъ самый простой и естественный съ подчиненными;* что онъ *со свойственною ему честностію исполнялъ всевозможныя порученія начальства,* и что онъ *служилъ свою службу отечеству безъ малѣйшихъ видовъ.* Вотъ будущій читатель лжелѣтописи автора, и соглашай бѣлое съ чернымъ, какъ самъ знаешь.

8. Авторъ продолжаетъ о Нахимовѣ, говоря: *Сначала ему сильно не везло. Физіономія его была не изъ такихъ, которыя могли бы нравиться въ балтійскомъ флотѣ. Онъ перемѣстился въ Черное море и затерялся въ черноморскихъ рядахъ.* Часъ отъ часу не легче! Мы уже видѣли, какъ ему не везло: въ 10 лѣтъ офицерства онъ капитанъ-лейтенантъ, командиръ военнаго корвета и кавалеръ Владиміра и Георгія 4-й степени. Черезъ два года получаетъ Анну на шею и, вслѣдъ за тѣмъ, дѣлается командиромъ,

выстроеннаго подъ его наблюденіемъ. славнаго фрегата «Паллада», который красовался на Балтикѣ въ кампанію 1833 г., все это въ 15 лѣтъ офицерства Нахимова—и это-то, по мнѣнію автора—*сильно не везетъ!* Вѣрно онъ слишкомъ избалованъ службой или мѣряетъ вещи на свой аршинъ, не примѣняясь къ масштабу общества.

Въ 1834 г. Нахимовъ былъ переведенъ въ черноморскій флотъ, а не *перемѣстился* туда, какъ выражается авторъ, какъ будто съ горя, не будетъ ли тамъ лучше? Нѣтъ г. авторъ, отъ добра добра не ищутъ. Нахимова перевелъ къ себѣ Лазаревъ, бывшій тогда уже главнымъ командиромъ черноморскаго флота, и перевелъ его какъ отличнаго капитана, и, сколько помню, въ чинѣ капитанъ-лейтенанта получилъ онъ въ команду 41-й флотскій экипажъ и вновь строющійся въ Николаевѣ корабль «Силистрія». который явился на водахъ Чернаго моря также образцовымъ кораблемъ того времени. На языкѣ автора это значитъ затеряться въ черноморскихъ рядахъ!! —Что касается до физіономіи Нахимова, которая не нравилась автору, то онъ выдумалъ, что она не нравилась и здѣсь въ балтійскомъ флотѣ. Я самъ служилъ тогда офицеромъ этого флота, а слышу это въ первый разъ. Нахимовъ былъ высокаго роста, съ приподнятымъ лѣвымъ плечомъ, не красивый мужчина, блондинъ. Такимъ я зналъ его въ 1832 и 1833 годахъ.

9. Теперь авторъ даетъ намъ минутку перевести духъ. потому что описываетъ Нахимова въ морѣ, т. е. въ своей сферѣ, и говоритъ: *Павелъ Степановичъ, попавъ въ море, становится невыносимъ: не смѣй заходить въ порта, умирай и пропадай въ смерчахъ и шквалахъ!... Нахимовъ чувствовалъ себя на палубѣ несравненно легче и вальготнѣе. чѣмъ на паркетѣ чьей нибудь залы. Свѣтскости и ловкости не спрашиваютъ никакой, ужасающихъ высокихъ лицъ не видно, женщинъ (передъ которыми онъ робѣлъ въ особенности)—также. И вотъ онъ загуливался въ своемъ любезномъ морѣ.*

На это мы замѣтимъ автору, что не ошиблись же родители Нахимова. отдавъ его для воспитанія въ морской

корпусъ. Упрекъ свой имъ авторъ выразилъ такъ: *Судьба вложила мысль въ голову его родителей, помѣщиковъ Смоленской губерніи, отдать его въ морской корпусъ, и онъ сдѣлался морскимъ офицеромъ. Радъ не радъ, годишься не годишься—служи на палубѣ!* Повѣрьте, что какъ записали въ корпусъ братьевъ Нахимовыхъ, такъ же записали и Лазарева съ братьями, родители сихъ послѣднихъ, помѣщики Владимірской губерніи, да и всѣхъ записывали тогда въ ранней молодости, когда способности еще не обнаружились; а какіе выходили люди, сколько приносили пользы, если не въ морѣ, такъ на сушѣ, по всѣмъ родамъ службъ и даже въ деревняхъ. И такъ, г. авторъ, упрекъ вашъ старымъ родителямъ—современенъ, но не совсѣмъ-то справедливъ и раціоналенъ.

10. О Нахимовѣ въ морѣ авторъ заговорилъ по случаю выхода его съ первой практической эскадрой для крейсерства между Херсонесомъ и Босфоромъ; это было въ концѣ мая 1853 г., когда, по выраженію автора, сильно пахло войною. Въ то же время два отряда судовъ находились для крейсерства у восточныхъ береговъ Чернаго моря, а въ Севастополѣ стояла вторая практическая эскадра, высылавшая по нѣскольку судовъ въ море поперемѣнно. *Всѣ эти крейсерства*, рѣшаетъ авторъ, *принесли мало пользы.* Крейсеры были такъ же полезны, какъ и всякій часовой на своемъ посту; пока онъ стоитъ, все тихо и смирно, какъ будто не зачѣмъ ему тутъ и быть; а ушелъ часовой и пиши пропало. Военныя суда наши въ теченіе цѣлаго лѣта 1853 г., покрывали все Черное море отъ Севастополя до Босфора и восточнѣе этой линіи; у западнаго же берега постояннаго крейсерства не было, тамъ изрѣдка дѣлались рекогносцировки до самаго Босфора. Ожидая безпрестанно непріятеля, всѣ эти крейсерства были тогда необходимы и, кромѣ того, это давало большую практику командамъ. Въ концѣ іюля обѣ практическія эскадры, за исключеніемъ отдѣльныхъ крейсеровъ, собрались на севастопольскій рейдъ, и тутъ, говоритъ авторъ, *настало отдохновеніе, промежутокъ бездѣйствія, на цѣлый мѣсяцъ...* Напротивъ, г. авторъ, были ежедневныя судовыя ученья

и другія занятія для общаго приготовленія флота къ военнымъ дѣйствіямъ. Посмотрите въ книгу г. Жандра и увидите, какая кипѣла тамъ дѣятельность, а не *бездѣйствіе*, какъ вы полагаете. Довольно сказать, что Корниловъ выходилъ съ половиною флота для маневровъ въ морѣ, когда другая половина оставалась на рейдѣ, для защиты порта, и августа 12-го онъ произвелъ примѣрную атаку на Севастополь съ моря.

Замѣтьте, г. авторъ, что вы безъ книги Жандра какъ безъ рукъ: пока вы ея держитесь — она охраняетъ васъ отъ ошибокъ, какъ исправный часовой; а какъ только вы ее оставите, т. е. часовой ушелъ, то фантазія сейчасъ же уноситъ васъ за предѣлы истины. Тутъ, волей-неволей, приходится вамъ иногда ссылаться на *слухи*—и вотъ ваши факты; а каковы факты, такова и основанная на нихъ лѣтопись, какъ вы величаете свои записки.

11. Говоря о перевозѣ 13-й пѣхотной дивизіи въ Сухумъ уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ, авторъ говоритъ, что *при этомъ была бездна всякихъ расходовъ, напрасной траты людей и лошадей*. Потери эти существуютъ только въ разстроенномъ воображеніи автора, а на дѣлѣ перевезено было тогда всего 16.393 человѣка и 824 лошади, въ Анакрію близъ Редутъ-Кале—только часть десанта перевезена въ Сухумъ — и всѣ высажены на берегъ благополучно; больныхъ оказалось только 11 человѣкъ нижнихъ чиновъ, именно 7 сухопутнаго и 4 морскаго вѣдомства, а люди находились на судахъ всего 9 сутокъ. Надо знать, что, одновременно съ этимъ десантомъ, перевезена была бригада пѣхоты съ своею артиллеріею, изъ Одессы въ Севастополь, и также благополучно. Это факты, и всѣ они есть въ часто упоминаемой книгѣ г. Жандра. Авторъ же выдернулъ изъ нея только замѣтку Корнилова о невыгодности мѣста высадки, которое пришлось имъ выбрать. Замѣтку эту сдѣлалъ Владиміръ Алексѣевичъ въ своей памятной книжкѣ и заключилъ ее словами: «какъ-то пойдутъ эти несчастныя войска и сколько изъ нихъ дойдетъ!» На этомъ авторъ и остановился, а у Корнилова слѣдуетъ еще такой конецъ: «какъ жаль, что не исполнилась свѣтлая

мысль Царя высадить эту дивизію,—непривычную ни къ климату, ни къ войнѣ въ дикихъ горахъ — въ Тамани, и двинуть кавказскія войска!» Надо замѣтить, что дивизію эту предполагалось прежде высадить въ Анапу и Новороссійскъ, но распоряженіе это вскорѣ было замѣнено другимъ—послать ихъ въ Сухумъ. Объ этой перемѣнѣ авторъ сообщаетъ по Жандру, а о результатѣ дессанта онъ туда не заглянулъ и нафантазировалъ. Вотъ и худо безъ часоваго, какъ я выше замѣтилъ. В. Жандръ пишетъ: «конечно, хорошая погода много способствовала быстротѣ высадки, но вообще не счастіе, а дружное содѣйствіе начальниковъ (Нахимовъ командиръ дессантной эскадры, а Корниловъ распорядитель всей операціи дессанта) и умѣнье пользоваться временемъ, даютъ успѣхъ всякому предпріятію». Но авторъ любитъ только черную сторону всякаго нашего дѣла, которую и выставляетъ публикѣ, а объ успѣхахъ русскихъ онъ говорить не любитъ, точно будто самъ иностранецъ.

Мнѣ рѣшительно неизвѣстно, кто авторъ разсматриваемой статьи, но долженъ быть русскій, потому что устыдился подписать свое имя подъ такимъ твореніемъ. Странно только, что составитель и издатель Русскаго Архива помѣстилъ такую статью, хотя и оговорился тѣмъ, «что всякое свидѣтельство очевидца о славной осадѣ Севастополя будетъ имѣть цѣну на вѣсахъ послѣдующей безпристрастной исторіи, и потому считаетъ полезнымъ напечатать эти отрывки, тѣмъ болѣе что взглядъ автора вполнѣ своеобразенъ и независимъ». Ужь точно *своеобразенъ*, да только жаль что и *независимъ*. Кромѣ этой оговорки, редакція Русскаго Архива сдѣлала въ выноскахъ къ статьѣ еще двѣ замѣтки противу мнѣній автора; мы согласны съ этими замѣчаніями, но не приводимъ ихъ, чтобы не удлинять статью свою, которая и то уже длинна. Авторъ словоохотенъ и славно владѣетъ перомъ, чего намъ не дано, и вотъ мы не умѣемъ коротко опровергнуть того, что онъ такъ бѣгло набросалъ. Ахъ, еслибъ это перо одушевлено было духомъ патріотизма, то оно бы дѣйствовало плодотворно, а не зловредно, какъ теперь.

12. Послѣ бури 8-го ноября, Нахимовъ отправилъ изъ своей эскадры два поврежденные корабля «Святославъ» и «Храбрый» для починки; ноября 11-го онъ осмотрѣлъ у Синопа 14 турецкихъ военныхъ судовъ. Сказавъ это, авторъ прибавляетъ: *Нахимовъ не рѣшился съ остальными судами вступить въ бой, и потому отправилъ бригъ «Эней» въ Севастополь просить помощи.* Эскадра Нахимова выдержала 8-го ноября штормъ: на другой день адмиралъ отправилъ для исправленій въ Севастополь два вышеназванные корабля и фрегатъ «Коварна», а 10-го числа и пароходъ «Бессарабія». За тѣмъ онъ остался съ тремя 84 пушечными кораблями: «Императрица Марія», «Ростиславъ» и «Чесьма», на которыхъ было всего 252 орудія, а у непріятеля 524 орудія на 14-ти судахъ (въ томъ числѣ два парохода) и на четырехъ береговыхъ батареяхъ. Притомъ турки были дома, а наша эскадра отдѣлена цѣлымъ моремъ отъ Севастополя, до котораго 200 миль; наконецъ—исходъ ноября и неимѣніе пароходовъ. Послѣ этого не говорите, что Нахимовъ *не рѣшился атаковать* непріятеля, а лучше скажите, что онъ, какъ опытный и искусный адмиралъ, и не долженъ былъ этого сдѣлать. Нахимовъ, донося, съ бригомъ «Эней», о произведенной имъ рекогносцировкѣ синопскаго рейда, убѣдительно просилъ прислать ему скорѣе свои два корабля, или въ замѣнъ ихъ другіе, и тогда, писалъ онъ въ рапортѣ отъ 11-го ноября № 274, *не смотря на вновь устроенныя батареи, я не задумаюсь ихъ (турокъ) атаковать.* (Жандръ, стр. 103). Обратите вниманіе еще на то, что всѣ наши разсчеты дѣлаются теперь спокойно, въ кабинетѣ и съ мирными книгами, а не на кораблѣ, въ ноябрскія непогоды, при качкѣ и еще въ виду непріятеля. Мы имѣемъ здѣсь много времени разсуждать и спорить, такъ или иначе надо было поступать тогда-то и тогда-то, а тамъ нужно дѣйствовать рѣшительно и немедленно, а иногда и моментально. Итакъ, лучше нельзя было поступить, какъ поступилъ Нахимовъ, т. е., до прибытія помощи, ограничиться тѣсною блокадою Синопа, чтобы не ушла непріятельская эскадра, которую онъ, какъ безсмѣнный часовой, стерегъ ровно недѣлю за

тѣмъ, чтобъ уничтожить ее менѣе чѣмъ въ два часа времени.

13. Дальнѣйшія размышленія автора: *можетъ быть, вы спросите о стратегическомъ значеніи синопскаго боя? Увы, тутъ слѣдуетъ быстрое и грустное разочарованіе. Мнѣ тяжело вносить въ лѣтопись эти холодныя, разочаровывающія строки въ такую минуту, когда я плачу сладкими слезами. Синопскій бой въ стратегическомъ смыслѣ былъ не бой въ правильной соразмѣрности воюющихъ силъ: это былъ разгромъ*, le massacre de Sinope, *какъ называютъ французы.* — Въ доказательство сказаннаго, авторъ приводитъ сравнительное число судовъ обѣихъ сторонъ и относительную боевую ихъ силу, выразивъ послѣднюю такъ: средній вѣсъ снарядовъ одного нашего борта относился къ таковому же турецкому, какъ 22 къ 9. — Всѣ эти данныя показаны авторомъ вѣрно, кромѣ того, что онъ умолчалъ о калибрѣ орудій на береговыхъ батареяхъ, гдѣ было нѣсколько пушекъ 68-ми фунтоваго калибра. Нашъ словоохотливый авторъ знаетъ, гдѣ ему и помолчать. Но это мелочи, а вотъ, скажите пожалуйста, что это за дикое замѣчаніе, что *синопскій бой, въ стратегическомъ смыслѣ, былъ не бой въ правильной соразмѣрности воюющихъ силъ?* Какую авторъ разумѣетъ *соразмѣрность силъ* и въ какой тактикѣ она опредѣлена? Общая тактика воюющихъ сторонъ—распоряжаться такъ, чтобы при всякой встрѣчѣ съ непріятелемъ быть его сильнѣе; и въ новой броненосной тактикѣ читаемъ тоже старую истину: «вся сущность военнаго искусства выражается немногими, но многознаменательными словами: умѣть нанести непріятелю по возможности болѣе вреда, съ наименьшею для себя потерею. (М. Сб. дек. 1867 г. стр. 9). Но что повторять эту военную азбуку; авторъ конечно, знаетъ, ее гораздо лучше насъ, *если онъ севастополецъ*; но ему хочется угодить Европѣ—и вотъ онъ выставляетъ, какъ аргументъ, что французы называютъ синопское дѣло *побоищемъ*, и заботится о мнѣніи по этому предмету императора французовъ (конечно, какъ извѣстнаго военнаго писателя) и всей Франціи и Англіи, гдѣ *выстрѣлы Синопа отозвались болѣзненно.*

Еще бы они этому радовались; а вотъ удивительно, что радуется этому авторъ и такъ хлопочетъ о послѣдствіяхъ боя не для насъ, а для запада! И какъ это онъ съумѣлъ, въ одно и то же время, отъ однихъ и тѣхъ же причинъ, и радоваться, и плакать сладкими слезами?! Опять недоумѣніе — ужь русскій ли онъ? И сей то господинъ сочиненіе свое величаетъ *лѣтописью!!* Какая самонадѣянность! Вмѣсто слезъ и ѳиміамовъ западу, авторъ лучше бы сдѣлалъ, если бы паки и паки обратился къ книгѣ Жандра; она бы и сказала ему, что 16-го ноября соединился съ Нахимовымъ контръ-адмиралъ Новосильскій съ тремя стопушечными кораблями и двумя фрегатами; что 17-го Нахимовъ созвалъ на свой корабль втораго флагмана и командировъ судовъ, и сообщилъ имъ *планъ атаки* и далъ всѣ наставленія. Въ этотъ же день онъ отдалъ по эскадрѣ приказъ, который своевременно былъ напечатанъ въ Морскомъ Сборникѣ и въ Сборникѣ извѣстій относящихся до той войны, изд. г. Путилова. Въ десяти небольшихъ пунктахъ этого приказа опредѣлительно сказано все, что слѣдуетъ дѣлать при разныхъ вѣтрахъ и перемѣнѣ обстоятельствъ. Тутъ все предусмотрѣно и ничего не забыто; подробно сказано о шпрингахъ, объ осмотрѣ якорныхъ заклепокъ; предписано не палить даромъ по судамъ, которыя спустятъ флаги, и, по возможности, не вредить консульскихъ домовъ, на которыхъ будутъ подняты національные флаги. Въ заключеніе, чтобы не стѣснять данными правилами командировъ судовъ, особенно при внезапной перемѣнѣ обстоятельствъ, то предоставлено каждому совершенно независимо дѣйствовать по своему усмотрѣнію, но непремѣнно исполнить свой долгъ.—Довольно прочесть одинъ этотъ приказъ, чтобы убѣдиться, что синопское сраженіе такъ блистательно выиграно по тому главнѣйше, что въ немъ каждый исполнялъ въ точности всѣ приказанія и распоряженія начальника эскадры. — Это былъ бой, совершенный по всѣмъ правиламъ морскаго искусства, и потому примѣрный и поучительный, но лишь для парусныхъ судовъ, исторію которыхъ такъ славно заключилъ Нахимовъ въ послѣдніе дни многочисленныхъ своихъ плаваній. И этотъ

то бой авторъ, вмѣстѣ съ французами, называетъ побоищемъ;—назовите его лучше концертомъ, мастерски разыграннымъ по нотамъ и по смычку Нахимова.

14. *Турецкій адмиралъ Османъ-Паша взятъ въ руки живьемъ и отправленъ въ Петербургъ, какъ звѣрокъ на показъ. Нахимовъ опоясался его шашкой, и вычинивъ какъ можно скорѣе корабли, снялся съ якоря и полетѣлъ въ Севастополь.* Какое глумленіе надъ заслуженными стариками и еще надъ раненымъ и плѣннымъ иностранцемъ! А что Нахимовъ скоро вычинилъ корабли, такъ это сущая правда; въ полторы сутки послѣ битвы, исправлены всѣ поврежденія на столько, что корабли наши, при крѣпкомъ вѣтрѣ (прежде NO, потомъ къ счастію O) и волненіи, благополучно достигли Севастополя 22 ноября, на третій день по выходѣ изъ Синопа. Прибытіе эскадры - побѣдительницы, при такомъ состояніи моря и погоды, доказало, что исправленія были сдѣланы съ совершеннымъ знаніемъ морскаго дѣла. Корниловъ называлъ этотъ переходъ второю побѣдою Нахимова—побѣдою надъ труднѣйшимъ ноябрскимъ плаваніемъ. Корабли наши немало пострадали подъ Синопомъ, особенно флагманскій корабль Нахимова, «Императрица Марія», который имѣлъ 60 пробоинъ въ надводной части; сильно поврежденныя мачты его остались почти безъ вантъ, не говоря уже о верхнемъ рангоутѣ. Чтобы получить наглядное понятіе о поврежденіяхъ этого корабля, стоитъ взглянуть на рисунокъ, снятый съ него по возвращеніи изъ Синопа и помѣщенный тогда въ «Морскомъ Сборникѣ». Вотъ какъ дѣлаются дѣла, г. авторъ, не такъ легко, какъ сказываются подобныя вашимъ сказки, а вы еще упрекали Нахимова, что онъ не пошелъ въ Синопъ съ тремя кораблями,—хорошъ бы онъ былъ! Мудрено судить о томъ, чего не понимаешь.

15. Явленіе отрадное: авторъ хвалитъ одного человѣка, конечно, хвалитъ по своему. Эта счастливая доля досталась не севастопольцу, но все-таки старому моряку, старшему брату адмирала, Платону Степановичу Нахимову. Его авторъ называетъ *лучшимъ инспекторомъ перваго изъ университетовъ Россіи* и тутъ же прибавляетъ, что они (братья На-

химовы) *разыграли одну и ту же роль, только на разныхъ подмосткахъ* и затѣмъ восклицаетъ: *кто не знаетъ*, что (курсивъ у автора) *былъ за человѣкъ этотъ пресловутый Платонъ Степановичъ!... Еще до нынѣ нельзя тронуть въ московскомъ университетѣ памяти этого страннаго, необъяснимаго созданія. Все самое честное и самое горячее встанетъ поголовно, подымется буря*...

Мы знали Платона Степановича какъ одного изъ лучшихъ офицеровъ морскаго кадетскаго корпуса, откуда онъ и перешелъ въ московскій университетъ и тамъ стяжалъ себѣ почетную извѣстность (не знаю, такъ ли думаетъ авторъ, не мистифируетъ ли онъ насъ похвалою его? Похвала такихъ господъ ужь лучше ли брани?), удержавъ флотскій чинъ капитана 2-го ранга. Ужь извините, г. авторъ, и смѣйтесь этому, если вамъ угодно, а такъ сильна была тогда привязанность моряковъ къ своей службѣ, что такой умный человѣкъ, какъ Платонъ Степановичъ, дорожилъ хоть флотскимъ званіемъ. Здѣсь кстати замѣтить, что и теперь еще многіе старые морскіе офицеры, уволенные отъ службы съ чиномъ генералъ-маіора, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ отставки, просятъ о переименованіи въ контръ-адмиралы — на томъ основаніи, какъ сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, что всякій контръ-адмиралъ можетъ быть генералъ-маіоромъ, а далеко не всякій генералъ-маіоръ можетъ быть контръ-адмираломъ. Мы уважаемъ такую привязанность къ службѣ, это—нравственная нить, связующая русскихъ моряковъ въ одно цѣлое. Не рвите эту нить — и грѣшно, и не разсчетливо: при случаѣ она послужитъ вамъ не хуже брони; припомните Мобиль и оставьте насъ при своихъ преданіяхъ. Умоляю васъ, неизвѣстный авторъ, не трогать эту нить, не трогать нашихъ преданій и оставить въ покоѣ дорогія намъ имена, какъ корнеея народной славы. Вы сами говорите, что московскій университетъ горячо стоитъ за Платона Степановича и готовъ за него подняться бурей, то позвольте и флоту точно также вступиться за Павла Степановича. Не вамъ, г. авторъ, цѣнить заслуги его въ синопскомъ дѣлѣ, когда самъ покойный Императоръ Николай I не взялъ этого на себя, начертавъ,

въ рескриптѣ данномъ вице-адмиралу Нахимову, 28 ноября 1853 г., такія слова: «.....Статутъ Военнаго Ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія указываетъ награду за вашъ подвигъ. Исполняя съ истинною радостію постановленіе статута, жалуемъ васъ кавалеромъ Св. Георгія второй степени большаго креста.....»

16. По ходу событій, авторъ берется опять за Корнилова и говоритъ, что *онъ былъ, дѣйствительно, самый способный для управленія флотомъ и всѣмъ, однако и онъ былъ далеко не то, что требовалось тогда Севастополю. Требовался новый, ясный лучъ для озаренія этого хаоса, а имъ то не могъ быть Корниловъ, всосавшій въ себя съ колыбели стародавніе русскіе порядки.* Мы поняли это такъ, что авторъ находитъ Корнилова старымъ для выполненія должности главнаго командира, и что ее бы лучше исправилъ человѣкъ молодой, которому еще некогда было набраться старыхъ русскихъ порядковъ. Корнилову, въ концѣ декабря 1853 г. (время, о которомъ говоритъ авторъ), было 47 лѣтъ; по нашему, это лучшіе годы для главнаго начальника на такомъ важномъ посту, а замѣните его человѣкомъ молодымъ, хотя и геніальнымъ (у автора, вѣрно, есть таковые въ запасѣ)—откуда же онъ возьметъ житейскій опытъ, необходимый для управленія людьми, особенно въ такую трудную эпоху? Давно ли былъ здѣсь знаменитый и *единственный* адмиралъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, *Фаррагутъ;* ему уже лѣтъ 70, а какія онъ дѣлалъ чудеса на морѣ, и такъ еще недавно—въ послѣднюю междоусобицу федералистовъ съ сепаратистами.

Но главное дѣло не въ лѣтахъ, а въ способностяхъ, въ которыхъ самъ авторъ не отказываетъ Корнилову, а все таки подавай ему другаго. Такія скорыя перемѣны главныхъ начальниковъ, да еще въ военное время, можно *безнаказанно* дѣлать только на словахъ, а не на дѣлѣ.

Далѣе авторъ говоритъ, что *въ безконечныхъ приказахъ Корнилова не было ровно никакого плана, системы и порядка.* А сейчасъ только называлъ его способнымъ управлять *всѣмъ.* Что за логика! Но авторъ, желая подтвердить сказанное имъ о приказахъ Корнилова, говоритъ: *никто*

бы не могъ объяснить ни тогда, ни теперь, съ какою цѣлью стали строить прежде всего батареи по рейду, а не озаботились укрѣпленіемъ южной стороны и другихъ открытыхъ воротъ. Люди спеціальные, конечно, могутъ отвѣчать на это автору положительно. а мы замѣтимъ ему только то, что въ январѣ 1854 г. (къ которому времени относится теперь имъ сказанное) никто и не думалъ о высадкѣ въ Крымъ. Самъ же авторъ, въ слѣдъ за своимъ сѣтованіемъ, пишетъ, что *въ февралѣ начали укрѣплять южную сторону Севастополя; въ мартѣ снова бросились на Сѣверную, гдѣ строили Волохову башню и послѣ* говоритъ: *въ это время въ первый разъ заговорили о возможности высадки непріятеля на крымскій берегъ.* Вотъ ему и отвѣтъ на его же сѣтованія. съ прибавленіемъ того, что теперь, черезъ 14 лѣтъ. разжевывая дѣло, мы всѣ хорошіе совѣтники; все знаемъ, что и какъ кому слѣдовало сдѣлать,— а вы бы тогда же, если были сами въ Севастополѣ, такъ на мѣстѣ и давали бы ваши мудрые совѣты, а теперь къ чему они?

17. Говоря объ отправленіи союзной армады. въ числѣ 250-ти судовъ, изъ Варны и Бальчика 23 августа (4 сентября) 1854 г. и потомъ описывая сраженіе при Альмѣ, гдѣ было 33 тыс. нашихъ войскъ противъ 62 тыс. союзныхъ—авторъ не упоминаетъ о *соразмѣрности силъ*, о которой хлопоталъ въ Синопѣ. Тутъ, изволите видѣть, теорія эта теперь ему не нужна. какъ не подходящая къ дѣлу. какимъ желаетъ онъ его представить, мало заботясь о томъ, какъ оно дѣйствительно происходило.

Авторъ говоритъ еще, что *подъ Альмою у насъ не было никакой позиціи: кто сталъ фронтомъ сюда, кто туда, и всякій расположился по собственному усмотрѣнію.* Ну, ужь кажется, авторъ самъ потерялъ всякую позицію и, просто сказать, зарапортовался.

18. Какъ видѣли. авторъ не щадилъ мертвыхъ, то чего же ждать живымъ? Конечно. имъ очень досталось, каждому поимянно, безъ церемоніи и съ ними, и съ цензурой. Но это ихъ дѣло вѣдаться съ нимъ; кстати же «Петербургская

Газета», 13-го января № 5, приглашаетъ оскорбленныхъ статьею «Русскаго Архива» — къ единодушному протесту. А наше дѣло сказать автору, что крайне рисково такъ несправедливо поносить цѣлое почтенное сословіе трудолюбивыхъ нашихъ штурманскихъ офицеровъ, говоря, что *они всѣ имѣютъ привычку сильно заливать за галстухъ.*

Вообще питейная часть играетъ у автора не малую роль; онъ, какъ акцизный, хлопочетъ измѣрить, кто сколько выпилъ марсалу и т. п. Какъ любопытна и поучительна будетъ для потомства сія хмѣльная хроника.

Перечитавъ все написанное: мнѣ пришло въ голову, что, быть можетъ, прочтетъ это и виновникъ статьи, часто упоминаемый авторъ, и что онъ скажетъ? Я думаю, что въ душѣ, или про себя, онъ будетъ съ нами согласенъ если не во всемъ, такъ очень во многомъ; но нельзя же ему сознаться въ этомъ передъ всѣми, такъ онъ и скажетъ: ну, что они сердятся, развѣ я первый такъ отношусь о людяхъ заслуженныхъ? нынѣ это довольно въ модѣ, въ нашей исторической литературѣ, — вѣрно они не слѣдятъ за нею, а тутъ случайно прочли мою статью, да и обрушились на меня стѣной. Или, еще проще: онъ расхохочется и скажетъ: да что имъ вздумалось дѣлать изъ мухи слона; вѣдь я писалъ *сказку*, а они приняли ее за быль.— Надо знать, что обсуждаемая нами статья начинается такъ: «Знаете ли вы старую сказку, сударыня: это необыкновенная сказка, только ужь слишкомъ меланхолическая».

И такъ, статья Архива сказка, а не лѣтопись—и прекрасно (¹).

С. Крашенинниковъ.

ОТВѢТЪ МОРЯКА «РУССКОМУ АРХИВУ».

Мертвые сраму не имутъ.
Древній русскій военный кличъ.

Въ послѣдней книжкѣ «Русскаго Архива», № 12 за

(¹) „Морской Сборникъ" 1868 г. Т. 94, № 2.

прошлый годъ. мы прочли *невѣроятную* статью *Изъ Записокъ Севастопольца*. Статья эта имѣетъ характеръ самой неразборчивой сплетни и, безобразно уродуя непонятыя событія, безсовѣстно смѣется надъ личностями, которыхъ память свято уважается тысячами ихъ сослуживцевъ.

Это поразительное явленіе еще болѣе возбуждаетъ чувство крайней обиды, что оно прикрыто знаменемъ «Русскаго Архива», который, по подстрочному замѣчанію редакціи, призналъ полезнымъ закрѣпить печатью эти отрывки, въ томъ убѣжденіи, что они *будутъ имѣть цѣну на вѣсахъ послѣдующей безпристрастной исторіи*.

Мы понимаемъ, что «Русскій Архивъ» есть сборникъ матеріаловъ для русской исторіи, и было бы странно, съ нашей стороны, требовать отъ него исторической критики, для очистки помѣщаемыхъ въ немъ статей; но мы совершенно въ правѣ ожидать отъ всякой редакціи деликатности, требовать, чтобы заявленіемъ очевидно ложнаго и шутовскаго отзыва о нашихъ адмиралахъ, безъ имени автора и, слѣдовательно, на полную отвѣтственность редакціи, не раздражали въ насъ чувства справедливости.

Судъ безпристрастной исторіи далекъ отъ насъ и не намъ его услышать. Мы свидѣтели и участники славныхъ дней черноморскаго флота, еще живемъ и, справедливо гордясь гражданской доблестью, заявленной нами въ массѣ, всецѣло относимъ свою славу къ тѣмъ знаменитымъ своимъ вождямъ-адмираламъ, прахъ которыхъ вѣнчаетъ могилу севастопольскаго мученичества. Увлекаясь достойнымъ примѣромъ безпредѣльнаго самоотверженія этихъ высокочтимыхъ нами людей и безупречно отстаивая русское дѣло, мы честно отдали свои цвѣтущія силы на призывъ государственной нужды. Теперь, съ разбитымъ на всегда здоровьемъ, мы живемъ лишь воспоминаніемъ тѣхъ святыхъ дней, благоговѣя передъ памятью славныхъ, дѣла которыхъ яркимъ блескомъ вѣнчаютъ честь русскаго флага и имена которыхъ достойно почтилъ народъ названіемъ своихъ героевъ.

Неужели же это иллюзія? Кто и во имя какого права смѣетъ бросать въ эту свѣжую могилу доблести камень

позора? И неужели наши общесознанныя въ народѣ заслуги не могутъ охранить нашу святыню отъ кощунства?

Мы не заискивали общественнаго поклоненія. Но если наша, быть можетъ и гордая, но достойная уваженія скромность, не допускала съ нашей стороны публичныхъ заявленій самовосхваленія, то, тѣмъ не менѣе, народное чутье сознало заслугу моряковъ. Московскія оваціи въ 1856 году, при проходѣ черноморскихъ флотскихъ экипажей, убѣдили насъ, что Россія знаетъ и цѣнитъ тѣхъ, кто съумѣлъ, въ тяжкую для нея годину, свято сберечь русское имя отъ позора и придать возможный блескъ русскому оружію. Вынеся на своихъ плечахъ славу русскаго богатырства, мы, моряки, и не могли еще ничего заявить о нашей прошлой дѣятельности публично, для исторіи, безъ того, чтобъ не затронуть щекотливое чувство ревности въ нашихъ соратникахъ. Мы дружески приняли русскую армію, откликнувшуюся на громъ устроенной нами защиты, и, подъ звуки потрясающаго боя, братались съ ними, крестя ихъ именемъ *севастопольцевъ*. Они съ гордостью приняли это, родное намъ, имя и, какъ дѣти одной съ нами матери, честно и безупречно раздѣлили съ нами общую могилу. Память ихъ соратничества для насъ священна. Но все же душой севастопольской защиты были моряки. Воспитанные въ строгой школѣ единодушія и безукоризненнаго исполненія долга, они отстаивали свой портъ съ истиннымъ самоотверженіемъ, какъ отстаивали бы корабль, попавшій на каменья, испытывая всѣ средства къ его спасенію съ твердостью и терпѣніемъ и, по чувству долга, не считая возможнымъ оставить его въ критическую, но не крайне-безъисходную минуту. Положа руку на сердце, нельзя не сознать, что геній М. П. Лазарева, создавшаго самоотверженную преданность моряковъ дѣлу чести, витая надъ каждымъ черноморцемъ, живилъ защиту Севастополя, и, воодушевляя моряковъ геройствомъ, сообщался черезъ нихъ съ пришедшими къ намъ на выручку. Это говоритъ не корпоративная гордость. Это во очію проявлялось ежечасно на дѣлѣ и сознано было тогда же лучшими людьми нашей арміи, всѣми тѣми, которые связали свое оружіе съ нашимъ, об-

щимъ боемъ на бастіонахъ; а московскія оваціи дали намъ понять, что объ этомъ знаютъ, кому слѣдуетъ знать. Я не желалъ бы говорить въ корпоративномъ духѣ; но все. высказанное мною, считаю необходимымъ для выясненія гражданскихъ заслугъ нашихъ адмираловъ, которымъ мы обязаны своимъ воспитаніемъ, и которыхъ память недостойно чернятъ *Записки Севастопольца*.

Честь и слава тѣмъ, кто дѣйствительно дѣлилъ съ нами смертельный трудъ защиты роднаго намъ города. Но въ семьѣ не безъ урода, и, конечно, въ такой массѣ войскъ не обошлось безъ такихъ личностей, которыя, удостоивъ себя чести взглянуть съ Качи на дымящійся Севастополь и строя никѣмъ непризнанные планы, позволяютъ себѣ теперь именоваться севастопольцами и чернить недосягаемую для нихъ славу. Противъ такихъ кротовъ, роющихся подъ прикрытіемъ неизвѣстности, мы не можемъ не заявить, что гордая слава черноморскихъ моряковъ справедливо пріобрѣтена ими въ блестящемъ погромѣ Синопа и въ геройской защитѣ Севастополя; что слава эта не дѣло случая во всеобщемъ безпорядкѣ и ошалѣлости (такъ заявляетъ статья «Русскаго Архива»), но что она всецѣло приписывается нами высокой чести, разуму и блестящимъ способностямъ нашихъ адмираловъ; что эта слава и это поклоненіе черноморцевъ могилѣ своихъ вождей-героевъ есть лучшее доказательство необыкновенныхъ дарованій адмираловъ: Лазарева, Нахимова, Корнилова.

Записки севастопольца въ «Русскомъ Архивѣ» замѣчательны только положительною неспособностью автора судить о дѣлахъ и лицахъ, которыя для него чужды, которыхъ онъ не понимаетъ, и которыя выворачиваются имъ въ шутку изъ желанія, можетъ быть, пощеголять оригинальностью знатока-очевидца и потѣшить свою непризнанную геніальность. Изъ такой цѣпи неприличныхъ шутокъ и лживыхъ увѣреній составлена вся статья; недоступность для автора къ серьезному разумѣнію всего того, о чемъ онъ хочетъ говорить, проглядываетъ на каждомъ словѣ. Изъ его очерка синопскаго сраженія можно заключить, что авторъ не военный человѣкъ и вовсе не понимаетъ нера-

венства морскаго боя, хотя и съ слабѣйшимъ непріятелемъ, но подъ выстрѣлами береговыхъ укрѣпленій. Въ 1848 году, въ Кильской бухтѣ, у Экернферде, датскія военныя суда: корабль «Христіанъ VIII» и фрегатъ «Гефіонъ» имѣли дѣло съ береговой 4-хъ пушечной батареей; корабль былъ сожженъ, а фрегатъ, избитый, едва могъ выбраться изъ-подъ выстрѣловъ на буксирѣ подошедшаго парохода.

Войдя въ Синопъ съ 8-ю судами, мы имѣли противъ себя 15 военныхъ вымпеловъ, прикрытыхъ цѣпью береговыхъ укрѣпленій, которыя стрѣляли въ наши деревянные корабли калеными ядрами. Только хорошая артиллерійская выучка людей и совершенство нашихъ бомбическихъ батарей, единственныхъ въ то время въ Европѣ, могли оправдать рѣшительность адмирала и дали, дѣйствительно, блестящій результатъ смѣлой предпріимчивости. Синопскій бой—вовсе не шуточное дѣло. Легкое, повидимому, исполненіе выказываетъ только совершенство черноморскаго флота, которому могла позавидовать любая морская нація. Въ Англіи, конечно, знали, что флотъ этотъ—не потѣшная эскадра, но никто не подозрѣвалъ въ немъ такой могучести. Нахимовъ не спроста полѣзъ въ Синопъ, хотя авторъ *Записокъ* силится выставить его какимъ-то идіотомъ. Этотъ адмиралъ никогда не дѣлалъ того, чего не знаетъ, или знаетъ худо; онъ хорошо зналъ свою эскадру, зналъ на что можно съ нею рѣшиться — какъ зналъ самого себя и все то, что онъ дѣлалъ и дѣлаетъ. Всякій смыслящій сколько-нибудь морское дѣло и имѣющій понятіе объ октябрскихъ буряхъ Чернаго моря, дивится настойчивой твердости адмирала, который, выслѣдивъ пробиравшагося на Кавказъ непріятеля, съ увѣренностію держится подъ зарифленными марселями противъ жестокихъ NO, почти у входа въ Синопъ, и потомъ смѣло бросается въ заливъ, съ полнымъ убѣжденіемъ въ своей непобѣдимости. Результатъ боя извѣстенъ; въ продолженіе $1^1/_2$ часа турецкая эскадра сожжена и береговыя укрѣпленія вынуждены замолчать. Такія дѣла не дѣлаются на-обумъ и въ этомъ спокойномъ сознаніи своей могучести выказывается разумъ и величіе духа главнокомандующаго.

Синопъ, поразившій Европу совершенствомъ нашего флота, оправдалъ многолѣтній образовательный трудъ адмирала М. П. Лазарева и выставилъ блестящія военныя дарованія адмирала П. С. Нахимова, который, понимая черноморцевъ и силу своихъ кораблей, умѣлъ управлять ими.

П. С. Нахимовъ былъ типъ моряка-воина, личность вполнѣ идеальная, а потому и трудно доступная пониманію, въ особенности въ нашемъ русскомъ обществѣ, совершенно чуждомъ всего, что касается моря. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, служа для товарищей и подчиненныхъ образцомъ правды, чести, строгаго исполненія долга и выслѣживанія пользы дѣла, онъ всю жизнь отдалъ своему призванію. Доброе, пылкое сердце; свѣтлый, пытливый умъ; необыкновенная скромность въ заявленіи своихъ заслугъ. Онъ умѣлъ говорить съ матросомъ *по душѣ*, называя каждаго изъ нихъ, при объясненіи, *другъ* и былъ дѣйствительнымъ для нихъ другомъ. Преданность и любовь къ нему матросовъ не знали границъ. Всякій, кто былъ на севастопольскихъ бастіонахъ, помнитъ необыкновенный энтузіазмъ людей при ежедневныхъ появленіяхъ адмирала на батареяхъ: истомленные до-нельзя матросы, а съ ними и солдаты, воскресали при видѣ своего любимца, и съ новой силой готовы были творить и творили чудеса. Это лучшая черта къ характеристикѣ Нахимова и лучшая оцѣнка его нравственныхъ достоинствъ. Матросъ простодушенъ, но умѣлъ цѣнить этого человѣка и любить его по его качествамъ. Намъ, воспитаннымъ въ другой средѣ, не всегда выпадаетъ талантъ понять матроса или солдата и овладѣть имъ; надо имѣть много личныхъ достоинствъ, чтобъ умѣть найти въ такой полнотѣ это дорогое чувство преданности подчиненныхъ. Это секретъ, которымъ владѣли немногіе, только избранники, и который составляетъ душу войны.

Я служилъ подъ флагомъ П. С. Нахимова на кораблѣ «Ягудіилъ» три мѣсяца, юнкеромъ, дѣлая первую кампанію, и командовалъ его гичкой. Всегда на гротъ-марсѣ, или возлѣ адмирала, я постоянно, весь день, бывалъ на палубѣ, какъ и адмиралъ, и никогда не видѣлъ, чтобъ онъ вышелъ изъ себя, кричалъ, топалъ и т. п.; всегда справедливый,

ровный, спокойный, но быстрый въ своихъ движеніяхъ, онъ краснѣлъ только когда сердился, и въ то время замѣтно сдерживалъ себя и говорилъ медленнѣе. Въ продолженіе этихъ 3-хъ мѣсяцевъ, замѣчая отъ всѣхъ, въ каютъ-компаніи и на верху, безпредѣльное уваженіе къ слову адмирала и необыкновенную преданность къ нему матросовъ, я, конечно, не могъ найти границъ своего удивленія къ его достоинствамъ; каждое его слово, сказанное мнѣ лично, глубоко ложилось въ мою душу и вспоминается теперь, хотя съ тѣхъ поръ прошло 20 лѣтъ. Впослѣдствіи, во время осады, случай опять толкнулъ меня близко къ адмиралу и, состоя въ его штабѣ, я имѣлъ возможность повѣрить свои первыя о немъ впечатлѣнія; я остался вѣренъ своему взгляду и навсегда сохраню благоговѣйное воспоминаніе о немъ, какъ о разумномъ, ласковомъ начальникѣ и необыкновенно симпатичномъ человѣкѣ.

На 1581-й страницѣ «Русскаго Архива» (№ 12, 1867 г.), мы читаемъ портретъ неизвѣстнаго намъ человѣка, но вовсе не Павла Степановича Нахимова:

Небольшой, нѣсколько тучный, небрежный и грязноватый въ одеждѣ и въ быту, съ полнымъ невыразительнымъ лицомъ, слегка соннымъ и сопѣвшимъ; съ тихими голубыми глазами, которые никогда не могли угрожать; странный, ужасно неопредѣленный характеръ, какого еще не бывало, но рѣшительно безъ всякихъ талантовъ.

Совершенная неправда!

П. С. Нахимовъ былъ большаго роста, нѣсколько сутуловатый и не тучный; всегда опрятный, онъ отличался свѣжестью своихъ воротничковъ, называвшихся у черноморцевъ лиселями; наружная чистота, любимая имъ во всемъ, соотвѣтствовала его высокимъ нравственнымъ качествамъ; скуластое, живое лицо выражало всегда состояніе духа, а мягкіе голубые глаза свѣтились добромъ и смысломъ; характеръ энергическій и вполнѣ понятный морякамъ; человѣкъ высокихъ талантовъ, и притомъ хорошо образованный и много читавшій.

П. С. Нахимовъ пользовался большимъ довѣріемъ М. П. Лазарева, съ которымъ онъ познакомился въ молодыхъ

лѣтахъ и подъ командою котораго служилъ—въ кругосвѣтномъ плаваніи, на фрегатѣ «Крейсеръ», и въ наваринскую кампанію, на кораблѣ «Азовъ». За наваринское сраженіе онъ получилъ георгіевскій крестъ и чинъ капитанъ-лейтенанта. Потомъ, командуя въ Балтійскомъ морѣ фрегатомъ «Паллада», онъ считался замѣчательнымъ командиромъ. Старики наши до сихъ поръ разсказываютъ необыкновенный случай, надѣлавшій въ свое время много шуму: какъ молодой капитанъ «Паллады», плавая въ эскадрѣ адмирала Беллинсгаузена, поднялъ своему адмиралу сигналъ—*флотъ идетъ къ опасности* — и въ то же время поворотилъ, не ожидая приказаній; пока адмиралъ повѣрилъ свое мѣсто и сдѣлалъ сигналъ флоту—*поворотить*, корабль «Арсисъ» былъ уже на камняхъ. Лазаревъ вызвалъ Нахимова въ Черное море, какъ стараго друга и надежнаго помощника, и поставилъ его образцомъ для черноморцевъ.

Вице-адмиралъ В. А. Корниловъ былъ человѣкъ иного склада. Живой, пылкій, горячій, съ блестящими талантами, онъ, съ увлеченіемъ принимаясь за всякую дѣятельность, работалъ до истощенія и былъ разностороннѣе Нахимова; за то не былъ такъ глубокъ въ морскомъ дѣлѣ. При своихъ замѣчательныхъ административныхъ способностяхъ, онъ былъ хорошій, опытный морякъ и достойный адмиралъ, но далекъ былъ отъ той типичности, которая выработалась въ Нахимовѣ, при исключительномъ морскомъ направленіи послѣдняго. Нахимовъ охотно подчинялся первенству Корнилова въ послѣднее время, въ ежедневной дѣятельности по устройству флота и защиты Севастополя, подчинялся столько же по своей прямодушной скромности, какъ и по сознанію высокихъ достоинствъ и полезныхъ дѣйствій Корнилова. Съ своей стороны, Корниловъ умѣлъ понимать эту уступчивость Нахимова и, цѣня въ немъ, по справедливости, рѣдкія морскія дарованія, сознавалъ неподражаемость Нахимова во всемъ, что касается моря и боевой жизни на немъ, и уступалъ ему на этомъ полѣ. Вотъ причина рѣдкаго согласія и честнаго единодушія, ознаменовавшаго совокупную дѣятельность соперничествовавшихъ въ славѣ адмираловъ и доставившаго нашей исторіи блестящія стра-

ницы Синопа и Севастополя. Напрасно намъ хотятъ, коверкая книгу г. Жандра, представить ихъ соперничество въ ложномъ свѣтѣ! Нѣтъ, между ними не было и не могло быть ни вражды, ни зависти; они оба умѣли честно поставить границы своему благородному славолюбію.

Нельзя, къ сожалѣнію, не замѣтить, что древній военный кличъ нашихъ предковъ—*мертвые срама не имутъ*—въ наше время забывается, и находятся такіе отщепенцы, которые осмѣливаются клеветать на свѣжую память народныхъ героевъ.

Въ 1856 году, по заключеніи мира, смѣняя французскіе караулы въ Севастополѣ, мы нашли французскаго часоваго и у могилы нашихъ адмираловъ. При осмотрѣ въ могилѣ П. С. Нахимова замѣчено святотатственное покушеніе, чрезъ пробитое въ сводѣ отверстіе, прикрытое потомъ камнемъ, и я видѣлъ собственными глазами сорванную съ гроба крышу, изорванный мундиръ и проч.

Теперь какой-то безъименный авторъ, подъ знаменемъ «Русскаго Архива», публично заявляетъ, что нашъ рыцарь добра и чести, этотъ Баярдъ севастопольской защиты — былъ пьяница, безтолковый крикунъ, лишенный всякихъ способностей, забитый, грязный, голландскій фермеръ, случайно попавшій во флотъ и т. п. Не кощунство ли это?

Въ этомъ необыкновенномъ совпаденіи оскорбленія праха и памяти адмирала Нахимова особенно замѣчательно то, что французскій генералъ Базенъ, бывшій губернаторомъ Севастополя во время занятія его французами, замѣтивъ дерзость своихъ мародеровъ, немедленно принялъ мѣры къ охраненію уважаемой могилы и поставилъ къ ней часоваго. «Русскій Архивъ» поступилъ обратно и даже принялъ весь грѣхъ на себя, не заявивъ намъ своего автора. Прости имъ Господи!—не вѣдаютъ бо что творятъ (¹).

Капитанъ-лейтенантъ **Афанасьевъ.**

15-го января 1868 г.

(¹) „С.-Петербург. Вѣдом." 1868 г. 26 января № 25. Статья эта перепечатана также въ „Морскомъ Сборникѣ" 1868 г. Т. 94, № 2.

СТАТЬЯ КРОНШТАДТСКАГО ВѢСТНИКА.

Статья, напечатанная въ 12-мъ номерѣ «Русскаго Архива» за прошлый 1867 годъ и носящая заглавіе «Изъ Записокъ Севастопольца» въ настоящее время болѣе всего интересуетъ наши морскіе кружки. Статья эта произвела у насъ самое грустное, самое тяжкое впечатлѣніе. Нашимъ морякамъ никогда и въ голову не могло прійдти, чтобы было возможно такъ непочтительно, такъ дерзко, такъ оскорбительно относиться къ памяти тѣхъ изъ славныхъ защитниковъ Севастополя, именами которыхъ, по всей справедливости болѣе всего гордится наша морская семья. Эти имена—имена нашихъ героевъ, адмираловъ *Нахимова* и *Корнилова!!* И что же, рядомъ съ этими именами, дорогими каждому русскому, и въ особенности близкими каждому имѣющему честь носить морской мундиръ.... выставлены такія догадки и инсинуаціи, такіе эпитеты, которые заставляютъ содрогнуться каждаго изъ насъ.

Мы слышали, что между моряками всего нашего флота идетъ въ настоящее время поголовная подписка для протеста противъ дерзкаго *анонимнаго сочиненія*, осмѣливающагося называть себя историческими записками очевидца. Грустно подумать, что, четырнадцать лѣтъ послѣ славной защиты Севастополя, нашимъ морякамъ пришлось защищать память лучшихъ и самыхъ славныхъ изъ его защитниковъ.

Статья «Русскаго Архива» возмутительно дѣйствуетъ на каждаго читателя; намъ непріятно, намъ тяжело говорить о ней, но она надѣлала такъ много шуму, что редакція «Кронштадтскаго Вѣстника» не можетъ обойти молчаніемъ этого уродливаго явленія нашей современной литературы. Мы надѣемся въ непродолжительномъ времени напечатать особую критическую статью по этому предмету, а теперь ограничиваемся заявленіемъ того негодованія, которое «Записки Севастопольца» вызвали въ кругу нашего морскаго сословія ([1]).

([1]) Кр. Вѣстн. № 8, 21 января 1868 г..

ПО ПОВОДУ ЗАПИСОКЪ СЕВАСТОПОЛЬЦА, НАПЕЧАТАННЫХЪ ВЪ 12-Й КНИЖКѢ РУССКАГО АРХИВА ЗА 1867 Г.

I.

Адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ (1).

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ) (2).

Но семья не позабыла
Тотъ родной гранитъ,
Гдѣ Нахимова могила,
Гдѣ Корниловъ спитъ.

(Стихи г. Амосова на одномъ изъ севастопольскихъ обѣдовъ).

Въ 12-й тетради *Русскаго Архива* 1867 года явилась анонимная статья, подъ заглавіемъ: *Изъ Записокъ Севастопольца*, которая отозвалась тяжелымъ, болѣзненнымъ чувствомъ не только морякамъ бывшаго черноморскаго флота и ихъ балтійскимъ товарищамъ, не только героямъ-защитникамъ всѣхъ родовъ оружія безсмертной обороны Севастополя, но, я вполнѣ убѣжденъ, и всѣмъ русскимъ, любящимъ свою родину и чтущимъ память *великихъ именъ*,

---

(1) Хотя статью эту, какъ прекрасный самостоятельный трудъ, слѣдовало бы помѣстить въ число біографій Павла Степановича Нахимова, но такъ какъ появленіе ея вызвано „Записками Севастопольца" и авторъ посвящаетъ нѣсколько страницъ разбору этихъ записокъ, то мы нашли болѣе удобнымъ помѣстить ее среди возраженій на „Записки Севастопольца". *Ред.*

(2) Очеркъ этотъ помѣщенный въ „Русскомъ Инвалидѣ" 1868 г. № 32, былъ напечатанъ съ слѣдующею оговоркою: „Печатаемая сегодня въ нашей газетѣ статья, въ отвѣтъ на появившійся въ послѣдней книжкѣ Русскаго архива за прошлый годъ, отрывокъ изъ „Записокъ Севастопольца", была готова двѣ недѣли тому назадъ и отправлена въ Москву къ редактору „Архива", съ просьбою напечатать ее въ февральской тетради этого журнала.

Г. Бартеневъ съ сожалѣніемъ отвѣчалъ, что февральская книжка у него уже печатается, и что онъ съ особеннымъ удовольствіемъ напечатаетъ ея въ мартовской и приложитъ портретъ покойнаго адмирала П. С. Нахимова.

Прим. авт.

Дѣйствительно, напечатавъ въ извлеченіи статью г. Асланбекова, редакторъ „Русскаго Архива" предпослалъ ей примѣчаніе такого содержанія: „съ дозволенія многоуважаемаго автора извлекаемъ изъ „Русскаго Инвалида" статью эту, написанную по поводу и въ опроверженіе *Записокъ Севастопольца*, невѣр-

снискавшихъ заслуженную славу, признательность отечества и справедливое уваженіе враговъ. Объ этой статьѣ всѣ громко заговорили, начиная отъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, во всѣхъ слояхъ петербургскаго общества, пораженные неожиданностію и новизною разсказа. Авторъ этой статьи съ невыразимою злобою, съ непонятною желчью, которыми пропитано каждое его слово, подъ благовиднымъ предлогомъ исторической правды, задался недостойною цѣлію: поколебать въ соотечественникахъ ту дань удивленія и восторга къ великимъ сподвижникамъ безпримѣрныхъ въ военныхъ лѣтописяхъ подвиговъ, тѣхъ доблестныхъ подвиговъ, которые самые враги достойно оцѣнили; и какъ въ этой статьѣ онъ особенно извратилъ, изуродовалъ личность глубоко чтимаго всѣми адмирала Павла Степановича Нахимова, и такъ какъ вымыселъ его мы, сослуживцы, болѣе и ближе другихъ знавшіе адмирала, не можемъ иначе принять какъ за пасквиль или карикатуру,—то я, посвятивъ мой отвѣтъ памяти падшаго героя Наварина, Синопа и Севастополя, постараюсь всѣ мои слова доказать фактами и ссылками на разнородныя доказательства, сопоставляя ихъ съ мнѣніями и словами неизвѣстнаго автора.

Вотъ какъ рисуетъ авторъ адмирала:

«Нахимовъ былъ самый простой морякъ, извѣстный въ то время только въ одномъ Севастополѣ; честная добрая душа, «Алексѣй, Божій-человѣкъ», небольшой, нѣсколько тучный, небрежный и грязноватый въ одеждѣ и въ быту, съ полнымъ, невыразительнымъ лицомъ, слегка соннымъ и сопѣвшимъ; съ тихими, голубыми глазами, которые никогда не могли угрожать; странный, ужасно неопредѣленный характеръ, какого еще не бывало, но *рѣшительно* безъ всякихъ талантовъ. Все, что можно сказать о немъ вдругъ и подумавши: не глупый человѣкъ, добрая душа! и только. Такая фигура и свойства были облечены въ довольно-неопрятный сюртукъ и штаны. Впрочемъ, сюртукъ постоянно украшался эполетами, которые, точно также постоянно, были

ныя умозаключенія и желчные отзывы котораго вызвали собою столь знаменательный и въ то же время утѣшительный взрывъ общественнаго чувства. Заявленія противъ «Записокъ Севастопольца» приходили къ намъ со всѣхъ концовъ Россіи и также отъ лицъ живущихъ за границею. Обвиняемые въ неосторожномъ допущеніи этихъ записокъ на страницы „Русскаго Архива", позволяемъ себѣ находить если не оправданіе, то утѣшеніе въ томъ обстоятельствѣ, что они послужили къ блистательному уясненію исторической истины, какъ читатели убѣдятся изъ нижеслѣдующаго біографическаго очерка.

моложе чиномъ и старше Чернаго моря. При осадѣ Севастополя адмиралъ одинъ-одинешенекъ щеголялъ въ сюртукѣ и въ эполетахъ. Впрочемъ, мнѣ случилось видѣть его въ шинелькѣ изъ люстрина, тоже довольно невѣроятнаго фасона.

«Необыкновенная доброта адмирала нарушалась иногда, хоть и рѣдко, какимъ-то шумнымъ вихремъ безтолковыхъ криковъ, которыхъ, въ сущности, никто не боялся и которые ровно ничего не значили. Онъ даже, временами, представлялся жестокимъ и закатывалъ матросамъ неопредѣленное количество линьковъ, но рѣшительно всегда безъ злобы, а такъ, изъ рутины. Сегодня приметъ васъ очень грубо, не знаетъ вашей фамиліи, глядитъ на васъ тупо, а завтра бросится со всѣхъ ногъ (точно спохватившись), становитъ вамъ стулъ, ухаживаетъ какъ за любовницей. Почти всегда откажетъ съ перваго раза и даже нашумитъ, но потомъ непремѣнно отмякнетъ и уступитъ: только не останавливайтесь, идите на проломъ, безъ всякой церемоніи. На третьемъ словѣ, если вы не выскочили сразу изъ комнаты отъ дикаго крику и топотни (а коли вы попроще званіемъ, напримѣръ какой нибудь мѣщанинъ, онъ васъ собственноручно возьметъ за хохолъ), на третьемъ словѣ вы уже видите, что у него нѣтъ характера. Энергическій человѣкъ могъ выпросить что угодно, даже Севастополь, въ который онъ посадилъ столько хлопотъ и крику.

«Само собою разумѣется, масса служащихъ, все-таки, по человѣчески, подавалась въ ту сторону, гдѣ было больше чести и простоты (ибо ничто на свѣтѣ не сильно задавить въ человѣчествѣ окончательно его человѣческихъ инстинктовъ). Изъ всѣхъ начальниковъ, занимавшихъ болѣе или менѣе видные посты въ Севастополѣ, Нахимовъ былъ самый простой и естественный въ обращеніи съ подчиненными. Если я упомянулъ о нѣкоторыхъ неровностяхъ его нрава, о дикихъ крикахъ и тому подобномъ, это было въ немъ исключеніемъ изъ общаго правила. Обыкновенно онъ глядѣлъ добренькимъ. Иной разъ ему приходила блажь и прикинуться генераломъ, какъ надо быть, но это не удавалось: природа отказала ему въ генеральскихъ свойствахъ. Сколько ни пробовалъ, ничего не могъ онъ сдѣлать по этой части, и, наконецъ, въ отчаяніи махнулъ рукой: «не выходитъ!» и остался чѣмъ то въ родѣ... матроса. Я беру слово наудачу, какое поближе. Нахимовъ не былъ похожъ ни на кого и ни на что. Это было нѣчто совсѣмъ особенное въ своемъ родѣ: «Павелъ Степановичъ Нахимовъ—Алексѣй, Божій-человѣкъ», и только. Онъ представляется мнѣ еще въ видѣ голландскаго мызника, съ кружкой пива и удочкой, въ полосатой голландской курткѣ изъ толстаго тика... вечернее солнце бросаетъ мягкій лучъ на его большой и добрый лобъ, съ клочками свѣтлыхъ волосъ; вокругъ зеленая травка, по которой ползаютъ бѣлокурые, пузатые мальчуганы; какъ хорошо и тихо!»

Мой бѣдный Ленскій, сердцемъ онъ
Для оной жизни былъ рожденъ!

«Но оная жизнь не выпала ему на долю. Мало ли какія случаются перестановки! Судьба, fatum, назовите какъ угодно, вложила мысль въ голову его родителей, помѣщиковъ Смоленской губерніи, отдать его въ морской корпусъ и онъ сдѣлался морскимъ офицеромъ. Радъ не радъ, годишься или не годишься—служи на палубѣ! Впрочемъ Нахимовъ не задавалъ себѣ никогда подобныхъ вопросовъ по этой части.

«Сначала ему сильно не везло. Физіономія его была не изъ такихъ, которыя могли нравиться въ балтійскомъ флотѣ. Онъ перемѣстился въ Черное море

и затерялся въ черноморскихъ рядахъ; послуживалъ, сѣкъ матросовъ, такъ какъ была тогда на это лазаревская мода, или духъ времени; совершалъ морскіе вояжи и, наконецъ, какъ водится, достигъ до адмиральскаго чина».

Спрашиваю васъ, любезный читатель: какое вы должны составить понятіе о личности, вамъ представленной?

Человѣкъ безъ характера, не только рѣшительно безъ всякихъ талантовъ, но даже и не позволяющій себѣ задать вопросъ: какъ онъ очутился во флотѣ? Небрежный, грязный, часто грубый, всегда безтолковый, безтактный крикунъ, слабый и добренькій — однимъ словомъ, почти идіотъ.

Вотъ что говорятъ документы:

Павелъ Степановичъ родился въ 1803 году; отецъ его былъ секундъ-маіоръ временъ Екатерины II и пользовался особеннымъ уваженіемъ и довѣренностію своихъ сосѣдей, дворянъ Смоленской губерніи. Опредѣленный въ морской кадетскій корпусъ, онъ, какъ избранный и лучшій воспитанникъ, назначенъ былъ на бригъ «Фениксъ», имѣвшій заграничное плаваніе въ Данію и Швецію, и въ 1818 г., т. е. 15-ти лѣтъ отъ роду, *вышелъ въ мичманы.* Уже эти первые шаги свидѣтельствуютъ о способностяхъ, прилежаніи и дарованіяхъ 15-ти лѣтняго юноши [1].

---

[1] Одинъ изъ сослуживцевъ гардемарина Нахимова сообщаетъ частнымъ письмомъ въ Кронштадтскій Вѣстникъ:

«Павла Степановича Нахимова, какъ товарища по воспитанію, я коротко зналъ въ молодыхъ лѣтахъ. Мы сошлись близко съ нимъ въ 1817 году, когда были назначены, въ числѣ двѣнадцати гардемаринъ, на бригъ „Фениксъ" для плаванія въ Балтійскомъ морѣ, по портамъ Швеціи, Даніи и Россіи. Самое назначеніе было сдѣлано изъ числа отличныхъ воспитанниковъ по успѣхамъ въ наукахъ. Назначены были: трехъ-кампанцы, П. Станицкой, З. Дудинской, П. Нахимовъ и Фофановъ; двухъ-кампанцы: П. Новосильскій, С. Лихонинъ, Д. Завалишинъ, П. Адамовичъ, А. Рыкачевъ, В. Даль (*) и П. Калычевъ, и однокампанецъ И. Бутеневъ. Тогда уже между всѣми нами Нахимовъ замѣтенъ былъ необыкновенной преданностью и любовью къ морскому дѣлу, и тогда уже усердіе или, лучше сказать, рвеніе къ исполненію своей службы, во всемъ, что касалось морскаго ремесла, доходило въ немъ до *фанатизма.* Я помню какъ впослѣдствіи, когда знаменитому моряку, Михаилу Петровичу Лазареву, назначенному командиромъ фрегата „Крейсеръ", предоставлено было право выбора офицеровъ, и онъ предложилъ Нахимову служить у него, съ какимъ восторгомъ Нахимовъ согласился. Онъ считалъ за верхъ счастія службу

(*) Впослѣдствіи извѣстный писатель и докторъ медицины.

Отправленный въ 1821 году сухопутно въ Архангельскъ, въ команду строившагося тамъ корабля, онъ вызванъ оттуда и назначенъ на фрегатъ «Крейсеръ», подъ командою капитана 2-го ранга М. П. Лазарева, въ послѣдствіи знаменитаго адмирала, совершавщаго тогда третье кругосвѣтное путешествіе. Не считаю нужнымъ говорить, что подобное назначеніе человѣку безъ протекціи, въ то время, когда

въ числѣ офицеровъ фрегата «Крейсеръ», который тогда, по всей справедливости, былъ признанъ товарищами и моряками вообще за образецъ возможнаго совершенства военнаго судна. Фрегатъ «Крейсеръ» отправлялся въ дальній вояжъ на три года.

«Потомъ я зналъ Нахимова, подъ начальствомъ того-же знаменитаго моряка, лейтенантомъ на кораблѣ «Азовъ». Въ наваринскомъ сраженіи онъ получилъ за храбрость георгіевскій крестъ и чинъ капитанъ-лейтенанта. Во-время сраженія мы всѣ любовались «Азовомъ» и его отчетистыми маневрами, когда онъ подходилъ къ непріятелю на пистолетный выстрѣлъ. Вскорѣ послѣ сраженія я видѣлъ Нахимова командиромъ призоваго корвета «Наваринъ», вооруженнаго имъ въ Мальтѣ со всевозможною морскою роскошью и щегольствомъ, на удивленіе англичанъ, знатоковъ морскаго дѣла. Въ глазахъ нашихъ, тогда его сослуживцевъ въ Средиземномъ морѣ, онъ былъ труженикъ неутомимый. Я твердо помню общій тогда голосъ, что Павелъ Степановичъ служитъ 24 часа въ сутки. Никогда товарищи не упрекали его въ желаніи выслужиться тѣмъ, а вѣровали въ его призваніе и преданность самому дѣлу. Подчиненные его всегда видѣли, что онъ работаетъ болѣе ихъ, а потому исполняли тяжелую службу безъ ропота и съ увѣренностью, что все, что слѣдуетъ имъ, или въ чемъ можно сдѣлать облегченіе, командиромъ не будетъ забыто.

«Такимъ помню я его въ Средиземномъ морѣ, въ счастливые дни нашей молодости, и увѣренъ, что, когда онъ командовалъ кораблемъ въ Черномъ морѣ, на кораблѣ этомъ все рвалось, чтобы онъ былъ *первымъ*. Я убѣжденъ, что Нахимовъ съумѣлъ ввести въ Синопъ нашу эскадру, съумѣлъ уничтожить и разгромить турецкій флотъ. Убѣжденъ наконецъ, что въ Севастополѣ его боготворилъ весь гарнизонъ. Судя по тому, какимъ онъ былъ прежде, я увѣренъ, что онъ былъ всегда впереди тамъ, гдѣ опасность; я вѣрю, что онъ обрекъ себя не пережить паденія Севастополя и свято исполнилъ свой завѣтъ... И такого человѣка смѣть называть гласно *Алексѣемъ-Божьимъ человѣкомъ*, въ значеніи, которое придалъ этому эпитету *Севастополецъ* «Русскаго Архива»......

Печатая этотъ отрывокъ, мы должны сказать, что авторъ письма, сослуживецъ, только годомъ младшій Павла Степановича, вышелъ въ отставку въ 1833 году и съ тѣхъ поръ почти безвыѣздно живетъ въ деревнѣ или въ одномъ изъ нашихъ приволжскихъ губернскихъ городовъ. Онъ разстался съ Нахимовымъ въ Средиземномъ морѣ и вскорѣ за тѣмъ разстался и съ флотомъ. Въ наваринскомъ сраженіи авторъ письма находился на кораблѣ «Гангудъ», подъ командою капитана Авинова, и, бывши молодымъ лейтенантомъ, получилъ за это сраженіе владимірскій крестъ.

кругосвѣтныя плаванія были чрезвычайно рѣдки, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ, что молодой мичманъ обратилъ на себя особенное вниманіе. Скоро капитанъ Лазаревъ оцѣнилъ бравато, расторопнаго офицера и такъ къ нему привязался, что съ той поры они почти не разставались. Возвратясь въ 1825 году, послѣ трехъ-лѣтняго кругосвѣтнаго плаванія, лейтенантомъ, онъ получилъ орденъ Владиміра 4-й степени. Въ 1826 году онъ пришелъ изъ Архангельска на вновь выстроенномъ кораблѣ «Азовъ» (столько извѣстномъ всему флоту, какъ образцовый во всѣхъ отношеніяхъ), подъ командою тогда уже капитана 1-го ранга Лазарева, и, отправясь на другой годъ на немъ въ Средиземное море, онъ плавалъ тамъ до 1830 года. Корабль «Азовъ» былъ флагманскимъ кораблемъ адмирала графа Гейдена и за отличную храбрость, выказанную лейтенантомъ Нахимовымъ въ наваринскомъ сраженіи, онъ былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты и награжденъ орденомъ Георгія 4-й степени въ декабрѣ 1827 года (при этомъ замѣчу, что на кораблѣ «Азовъ», въ наваринскомъ сраженіи, было убитыхъ и раненыхъ болѣе, чѣмъ на всей остальной эскадрѣ). Итакъ, 24-хъ лѣтъ отъ роду, Нахимовъ былъ штабъ-офицеромъ и кавалеромъ Георгія, Владиміра, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ назначенъ уже командиромъ корвета «Наваринъ». Мнѣ кажется, нечего добавлять отъ себя; факты говорятъ краснорѣчивѣе моихъ словъ, что такой командиръ не только былъ извѣстенъ флоту, но былъ его украшеніемъ. Возвратясь изъ Средиземнаго моря, онъ былъ назначенъ въ 1832 году командиромъ вновь строющагося фрегата «Паллада». Это былъ такой красавецъ, что весь флотъ имъ любовался, и весьма многіе пріѣзжали учиться чистотѣ, вооруженію и военному порядку на немъ заведенному. Въ первую же кампанію на немъ, въ 1833 году, крейсеруя въ эскадрѣ почтеннаго и всѣми уважаемаго вице-адмирала Ѳ. Ѳ. Беллингсгаузена, ему удалось заслужить признательность начальства и уваженіе сотоварищей за тотъ ночной сигналъ, которымъ онъ предупредилъ эскадру отъ угрожавшей ей опасности курса на каменья. Въ январѣ 1834 года Нахимовъ былъ переве-

денъ въ Черное море по ходатайству адмирала Лазарева— сдѣлавшагося въ это время главнымъ командиромъ черноморскаго флота—какъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ и образцовыхъ командировъ, съ назначеніемъ командиромъ 41-го экипажа, и въ томъ же году произведенъ въ капитаны 2-го ранга. Въ 1836 г. назначенъ командиромъ вновь строющагося корабля «Силистрія», а въ 1837 году произведенъ въ капитаны 1-го ранга. Командуя этимъ кораблемъ до производства въ контръ-адмиралы, въ 1845 году, онъ ежегодно плавалъ на немъ по Черному морю, и имѣлъ, кромѣ практическихъ занятій, нѣкоторыя важныя порученія. Такъ, въ 1840 году, онъ былъ у восточнаго берега при занятіи мѣстечекъ Туапсе и Псезуапе, гдѣ, при высадкѣ дессантнаго отряда на берегъ, онъ командовалъ лѣвымъ флангомъ перваго отдѣленія. Въ этомъ же году и въ слѣдующихъ ему поручено было положить въ Новороссійскѣ мертвые якоря и потомъ бочки для мертвыхъ якорей новаго устройства. Здѣсь кончается поприще Павла Степановича Нахимова какъ капитана, а потому я позволяю себѣ остановиться на его дѣятельности.

Корветъ «Наваринъ», фрегатъ «Паллада» и корабль «Силистрія» были постоянно тѣми образцами, на которые всѣ указывали и къ которымъ всѣ стремились. Я спрошу всѣхъ сотоварищей, служившихъ въ то время въ Черномъ морѣ, кто изъ нихъ, встрѣтясь въ морѣ съ кораблемъ «Силистрія» и входя на рейдъ, гдѣ онъ красовался, не осматривалъ себя съ ногъ до головы, чтобы показаться въ возможно лучшемъ, безукоризненномъ видѣ зоркому капитану «Силистріи», отъ котораго не скроется ни одинъ шагъ, ни малѣйшій недостатокъ, такъ точно, какъ и лихое управленіе? Одобреніе его считалось наградою, которую каждый старался заслуживать, — такъ было велико нравственное вліяніе этого человѣка.

Онъ имѣлъ особенный даръ пріохотить къ морскому дѣлу, внушить энергію и любовь къ службѣ, какъ своимъ примѣромъ, своимъ постояннымъ сосредоточеннымъ вниманіемъ, такъ и своими всегда интересными разсказами о томъ, какъ это дѣлалось на «Крейсерѣ» и на «Азовѣ»,

что говорилъ и какъ думалъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ въ томъ и другомъ случаѣ, какъ бы забывая, изъ врожденной ему скромности и глубокаго уваженія къ наставнику своему, что «Наваринъ», «Паллада» и «Силистрія» были вполнѣ новыми авторитетами и примѣромъ для подражанія. Онъ постоянно всецѣло принадлежалъ своей профессіи.

Выходитъ ли эскадра или даже отдѣльный корабль изъ гавани, идетъ ли въ гавань, возвращается ли съ моря или снимается съ якоря, — вы увидите Павла Степановича на графской пристани съ его неизмѣнною трубою. Скажу болѣе: всякая шлюпка, катающаяся по рейду подъ парусами, была имъ замѣчаема и, не смотря на то, что за малѣйшее упущеніе, при удобномъ случаѣ, молодежь подвергалась его замѣчаніямъ, она его обожала, потому что всякій морской офицеръ, сколько-нибудь обратившій на себя его вниманіе своею привязанностію къ службѣ, могъ вполнѣ разсчитывать на его готовность научить, облегчить, заступиться, ходатайствовать, на его всегда протянутую руку помощи, и даже на его кошелекъ.

Радушіе и гостепріимство его были извѣстны всякому. Изысканная чистота и порядокъ были на кораблѣ и въ квартирѣ; сердечная доброта, прямодушіе были написаны на его открытомъ, благородномъ лицѣ. Вниманіе его къ своимъ ближайшимъ подчиненнымъ офицерамъ и матросамъ 41-го экипажа было неисчерпаемо. Онъ слѣдилъ за ними не только въ Севастополѣ, но и на Кавказѣ и за границею. Они могли обращаться къ нему, какъ къ родному отцу. Не понятно ли послѣ всего мною сказаннаго (что, опять повторяю, подтвердятъ всѣ оставшіеся въ живыхъ моряки Чернаго и Балтійскаго морей), не понятно ли, что эта честная, благородная, безкорыстная личность, что это доброе, великодушное, золотое сердце, что эта искренняя, безграничная любовь къ своему дѣлу—весьма скоро привлекли къ нему сослуживцевъ, готовыхъ съ нимъ идти въ огонь и въ воду. Во всемъ черноморскомъ флотѣ не было ни одного матроса, который бы не зналъ, если не лично, то по наслышкѣ, и не любилъ, хотя бы и заочно, капитана

«Силистріи», Павла Степановича Нахимова. Никто не умѣлъ такъ понимать ихъ нужды, такъ говорить съ ними, и потому они были слѣпо ему преданы.

Теперь я снова обращаюсь къ вамъ, любезный читатель, и попрошу отвѣтить мнѣ: какое выработалось у васъ понятіе объ этомъ лицѣ моего разсказа, основаннаго на документахъ его происхожденія, службы и на тѣхъ чертахъ, которыя засвидѣтельствуютъ адмиралы и капитаны русскаго флота? Вы видѣли юношу, съ прекрасными способностями, окончившаго курсъ и вышедшаго въ офицеры 15-ти лѣтъ. Вы видѣли лихаго, браваго мичмана, избраннаго изъ всей среды знаменитымъ капитаномъ Лазаревымъ; вы видѣли отлично храбраго лейтенанта, украшеннаго Георгіемъ за побѣду подъ Наварином; вы видѣли молодаго 25-ти лѣтняго капитана корвета «Наваринъ», въ послѣдствіи образцоваго командира фрегата «Паллада» и корабля «Силистрія», капитана всѣми уважаемаго, горячо любимаго, непрестаннаго наставника молодежи и съ огромнымъ нравственнымъ вліяніемъ на всю среду, т. е. съ сильнымъ, опредѣленнымъ характеромъ, съ безграничною любовію къ своему дѣлу, съ сердцемъ великодушнымъ и благороднымъ, обожаемаго командою.

Есть ли хотя одна черта изъ того портрета, который угодно было нарисовать, по какому-то дикому, необузданному произволу, злому перу анонимнаго автора, который, какъ очевидно, не будучи морякомъ, могъ писать свои детальныя подробности подъ нашептываніе ядовитой зависти или шипучей злобы. Мы оскорблены, въ качествѣ сослуживцевъ и почитателей доблестнаго адмирала, не тѣмъ, что нашелся человѣкъ (въ семьѣ не безъ урода), который съ необдуманною наглостью попытался бросить изъ-за угла комокъ грязи на этого рыцаря чести и благородства, но тѣмъ, что статья эта могла найти мѣсто на страницахъ журнала, столько извѣстнаго своею оцѣнкою и критическимъ взглядомъ. Считаю нужнымъ здѣсь присоединить, что на вопросъ мой — приметъ ли возраженіе, почтенный издатель «Русскаго Архива», П. И. Бартеневъ, тотчасъ же

отвѣтилъ, что онъ сердечно радъ, и что печаталъ «Записку Севастопольца», скрѣпя сердце, для *дознанія истины.*

Разсмотрѣвъ критически, съ полнымъ и должнымъ вниманіемъ, все поприще Павла Степановича Нахимова до адмиральскаго чина, я сдѣлаю послѣдній вопросъ автору: могъ ли такой капитанъ затеряться во флотѣ, и имѣлъ ли право онъ задать себѣ вопросъ, какъ онъ очутился на палубѣ и почему онъ служилъ во флотѣ?

Въ 1845 году Павелъ Степановичъ Нахимовъ произведенъ въ контръ-адмиралы, съ назначеніемъ командиромъ 1-й бригады 4-й флотской дивизіи. Кромѣ ежегодныхъ практическихъ плаваній по Черному морю, онъ въ 1848 и 1850 годахъ, командуя эскадрами, держалъ крейсерство у кавказскихъ береговъ по шести мѣсяцевъ; въ мартѣ 1852 года онъ назначается командующимъ 5-ю флотскою дивизіею, и въ октябрѣ того же года производится въ вице-адмиралы, съ утвержденіемъ начальникомъ дивизіи.

Горизонтъ дѣлается обширнѣе, поле дѣйствія расширяется, онъ получаетъ возможность не косвеннымъ, не нравственнымъ только вліяніемъ имѣть силу, но и непосредственно властью начальника.

Гумбольдтъ говоритъ: особенность жизни человѣка заключается въ томъ, что если онъ не заботится о своемъ счастіи, а только объ исполненіи долга, то счастіе превозможетъ, какъ бы плохо ни было первоначальное положеніе человѣка.

И счастіе видимо начинаетъ обнимать своего избранника. Черноморскій парусный флотъ, подъ его флагомъ, состоящій изъ 12 кораблей, 2 фрегатовъ, 7 пароходовъ и 11 транспортовъ, дѣлаетъ одинъ изъ самыхъ баснословно-счастливыхъ переходовъ, съ дессантомъ цѣлой дивизіи, въ полномъ составѣ. Флотъ, поставивъ бомъ-брамсели, снимаясь на севастопольскомъ рейдѣ, закрѣпилъ ихъ у кавказскихъ береговъ и, снимаясь подъ ними у Анакріи, закрѣпилъ, становясь на якорь въ Севастополѣ, въ бурное время года, во второй половинѣ сентября мѣсяца. Хочу припомнить здѣсь, что перевозъ войскъ въ 1801 году изъ Мальты въ Египетъ, съ такимъ же количествомъ дессанта,

былъ произведенъ болѣе чѣмъ на 200 военныхъ и купеческихъ судахъ (1).

Переходъ изъ Севастополя въ Анакрію совершенъ въ 7 дней. Дебаркація началась въ 7 часовъ утра и кончилась въ 5 часовъ пополудни. Всего на отрядѣ перевезено 16 баталіоновъ пѣхоты и 2 легкія батареи, въ числѣ 16393 человѣкъ и 824 лошадей, со всѣми необходимыми тяжестями. Больныхъ было всего только 7 человѣкъ сухопутнаго вѣдомства и 4 человѣка морскихъ чиновъ. 13-го числа было получено приказаніе изъ Петербурга, а 24-го войска были на Кавказѣ.

Но авторъ «Записокъ Севастопольца» не вѣритъ оффиціальнымъ донесеніямъ и говоритъ съ сарказмомъ:

«Князь Меншиковъ получилъ новое повелѣніе перевезть 13-ю пѣхотную дивизію, съ ея артиллеріею, изъ Севастополя въ Сухумъ-Кале. *Это бросились исполнять* и потратили на перевозку войскъ цѣлый мѣсяцъ. Всякихъ расходовъ и напрасной траты людей и лошадей было бездна».

По окончаніи этого порученія, за которое адмиралъ получилъ Владиміра 2 й степени, онъ выходилъ въ октябрѣ мѣсяцѣ въ трудное крейсерство, какъ по времени года, которое, кромѣ соотечественниковъ, вполнѣ оцѣнили моряки и публицисты иностранные, понимая, сколько надобно знанія, увѣренности и бдительности съ парусным флотомъ держаться близко у береговъ въ ноябрскія бури, такъ и по ходу политическихъ событій. Войны ожидали съ минуты на минуту, и вотъ, наконецъ, 23-го октября, состоялся манифестъ; открытіе военныхъ дѣйствій привело Нахимова къ славному синопскому бою 18-го ноября 1853 года.

Я не стану описывать всѣ подробности этого славнаго и незабвеннаго для моряковъ черноморскаго флота, дня, которымъ какъ бы высказался для Россіи и Европы результатъ тѣхъ постоянныхъ усилій, того искренняго труда, той задушевной любви къ своему дѣлу, которыми была воодушевлена эта крѣпкая, дружная семья, потому что описаніе синопскаго сраженія было составлено по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ въ декабрской книжкѣ «Морскаго

(1) Нѣсколько указаній о дессантахъ Б. Стеценко. (М. Сб. №№ 2 и 4, 1865 г).

Сборника» 1853 года, но отвѣчу только на слова автора разбираемой мною статьи. Онъ и здѣсь, какъ и вездѣ, старается всячески умалить, даже уничтожить значеніе этой рѣшительной и славной побѣды.

Онъ говоритъ:

«Можетъ быть, вы спросите о стратегическомъ значеніи этого боя? Увы, тутъ слѣдуетъ быстрое разочарованіе. Мнѣ тяжело вносить въ лѣтопись эти холодныя, разочаровывающія строки въ такую минуту, когда я плачу *сладкими слезами*. Синопскій бой, въ стратегическомъ смыслѣ, былъ не бой въ правильной соразмѣрности воюющихъ силъ; это былъ разгромъ, le massacre de Sinope, какъ называютъ французы. Въ доказательство довольно привести сравнительную таблицу судовъ и батарей, бывшихъ въ дѣлѣ: у насъ 6 кораблей (три 84-хъ и три 124-хъ-пушечные), 2 фрегата и, подъ конецъ, три парохода; всего 11 судовъ. На каждомъ изъ кораблей у насъ были 68-ми фунтовыя пушки, а у турокъ—ни одного корабля, 7 фрегатовъ, 3 корвета и 2 парохода, всего 12 судовъ, гдѣ самый большой калибръ орудій доходилъ только до 32-хъ англійскихъ фунтовъ (на трехъ фрегатахъ и одномъ корветѣ); остальныя суда имѣли пушки отъ 12-ти до 24-хъ русскихъ фунтовъ. Средній вѣсъ снарядовъ одного нашего борта относился къ таковому же турецкому, какъ 22 къ 9.

«Пароходъ *Таифъ*, состоявшій подъ командою одного англичанина, Слэда, который назывался у турокъ Мушаверъ-паша, сейчасъ увидѣлъ невозможность сопротивленія и, пользуясь *нерасторопностію* нашихъ судовъ, ушелъ.»

Посмотримъ, на сколько это справедливо, и скажемъ, что Нахимовъ, крейсеруя, по приказанію князя Меншикова, съ эскадрою изъ 5-ти 84-хъ пушечныхъ кораблей: «Императрица Марія», «Чесма», «Ростиславъ», «Святославъ» и «Храбрый», держась близъ анатолійскаго берега, чтобы не пропустить турецкую эскадру съ дессантомъ въ Сухумъ, находился въ лихорадочномъ состояніи въ ожиданіи извѣстія о войнѣ. Наконецъ, 1-го ноября, онъ сдѣлалъ эскадрѣ радостный и короткій телеграфъ: война объявлена! отслужить молебствіе и поздравить команду, а вечеромъ 2-го числа, какъ только стихло, онъ отдалъ приказъ:

«Непріятель не иначе можетъ исполнить свое намѣреніе (атаковать Сухумъ-Кале), какъ пройдя мимо насъ, или давъ намъ сраженіе. Въ первомъ случаѣ, я надѣюсь на бдительный надзоръ командировъ и офицеровъ; во-второмъ, съ Божіею помощію и увѣренностію въ своихъ офицерахъ и командахъ, надѣюсь съ честію принять сраженіе. Не распространяясь въ наставленіяхъ, я выскажу свою мысль, что въ морскомъ дѣлѣ близкое разстояніе отъ непріятеля

и взаимная помощь другъ другу есть лучшая тактика. Увѣдомляю гг. командировъ, что, въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, *превышающимъ насъ въ силахъ*, я атакую его, будучи совершенно увѣренъ, что каждый изъ насъ сдѣлаетъ свое дѣло».

Весь характеръ адмирала вылился въ этихъ словахъ: точно, смѣло, опредѣлительно и скромно. Можно написать томы приказовъ передъ морскимъ сраженіемъ, но всѣ они сведутся или на трафальгарскій Нельсона: «Англія надѣется, что каждый исполнитъ свой долгъ», или на тождественный, его несчастнаго соперника Вильнева: «каждый капитанъ на своемъ мѣстѣ, если онъ въ огнѣ!» Вся сила, къ кому относятся эти слова, приготовлены-ли дѣятели къ воспріятію ихъ, и въ чьихъ устахъ онѣ раздаются! «Посмотрите, какъ храбрый Коллингвудъ ведетъ свою колонну», говорилъ окружающимъ его передъ трафальгарскимъ сраженіемъ Нельсонъ, котораго колонна, въ слѣдствіе перемѣны вѣтра, осталась нѣсколько сзади, и въ то же время Коллингвудъ, указывая на корабль «Викторія», произноситъ: «что бы далъ Нельсонъ быть на моемъ мѣстѣ!» Не видно-ли въ словахъ этихъ залога побѣды! А въ тотъ же день 10 кораблей авангарда Дюмануара бѣгутъ, не зная куда, подобно какъ и въ лисскомъ сраженіи три броненосца авангарда Вакка. Сами по себѣ слова самыя громкія ничего не значатъ—это часто пустой звукъ: вся суть—кто ихъ говоритъ и кто ихъ слушаетъ! Вотъ въ чемъ вопросъ! И отвѣтомъ на нихъ бываетъ побѣда или пораженіе. Нахимовъ сознательно понималъ, что онъ говоритъ черноморцамъ, а они съ увѣренностію слушали эти отрадныя слова, какъ побѣдный кликъ, и нетерпѣливо ждали случая, который скоро подошелъ.

Послѣ шторма 8-го ноября, адмиралъ, отправивъ вслѣдствіе поврежденій корабли «Святославъ» и «Храбрый», заглянулъ въ синопскій заливъ съ тремя оставшимися у него кораблями, и, замѣтивъ, что на рейдѣ стоитъ турецкая эскадра подъ прикрытіемъ 6-ти береговыхъ батарей, рѣшился съ той поры держать самую строгую блокаду въ ожиданіи возвращенія своихъ кораблей. Во все время по-

года была постоянно мрачная, шли дожди, вѣтеръ дулъ свѣжій восточный, волненіе сильное. 16-го числа, вмѣсто ожидаемыхъ кораблей, оставшихся въ Севастополѣ, къ нему присоединилась эскадра контръ-адмирала Новосильскаго, состоявшая изъ трехъ 120-ти пушечныхъ кораблей: «Парижъ» (флагманскій), «Великій Князь Константинъ», «Три Святителя», и двухъ фрегатовъ: «Кагулъ» и «Кулевчи». 17-го адмиралъ сигналомъ пригласилъ къ себѣ на корабль втораго флагмана и командировъ, для сообщенія имъ плана атаки и необходимыхъ наставленій, и въ тотъ же день состоялся приказъ по эскадрѣ [1].

Здѣсь все предвидѣно, все предусмотрѣно, и съ 9½ часовъ, 18-го ноября, все начало исполняться какъ на маневрахъ. Около полудня эскадра подъ марселями, имѣя національные флаги на всѣхъ брамъ-стеньгахъ, шла въ сжатомъ, стройномъ порядкѣ двухъ колоннъ, съ тѣмъ, чтобы развернуться вѣеромъ противъ турокъ, стоявшихъ лунообразно подъ прикрытіемъ своихъ батарей, и стать правой колоннѣ правымъ бортомъ, а лѣвой—лѣвымъ. Увидавъ на адмиральскомъ кораблѣ сигналъ, команды, готовыя къ бою, ожидали только приказанія—*начать*—но адмиралъ показалъ полдень (какъ это ежедневно дѣлается въ эскадрахъ). Какое величавое спокойствіе!! Въ половинѣ перваго, по первой пушкѣ турецкаго флагманскаго фрегата, открытъ былъ огонь со всѣхъ непріятельскихъ судовъ и батарей. Турки долго ожидали, какъ потомъ объяснилось, начать бой, когда люди пойдутъ крѣпить паруса; но парусовъ не крѣпили, а взяли на гитовы. Тогда грянулъ тотъ бой, который кончился совершеннымъ истребленіемъ турецкой эскадры и взятіемъ въ плѣнъ начальника эскадры, вице-адмирала Османа-паши, и двухъ командировъ: фрегата «Фазли-Алахъ» (бывшій «Рафаилъ») и корвета «Фейзи-Меабудъ. Я уже сказалъ, что не описываю подробностей боя, но не могу умолчать о нѣкоторыхъ эпизодахъ. Корабль «Парижъ» (капитанъ Истоминъ), дѣйствуя про-

---

[1] Здѣсь авторъ приводитъ извѣстный приказъ Нахимова, два раза уже напечатанный въ настоящемъ Сборникѣ на стр. 164 и въ приложеніи на стр. 27. *Ред.*

тивъ корвета и фрегата, въ скоромъ времени взорвалъ первый и заставилъ броситься на берегъ второй; послѣ, поправивъ цѣпь, онъ сталъ бить двухъ-полосный 64-хъ пушечный фрегатъ «Низаміе», сбилъ ему мачты и его принудилъ броситься на берегъ, гдѣ онъ скоро и загорѣлся, а, въ заключеніе, вытянувъ снова шпрингъ, открылъ огонь противъ береговой батареи № 5-й. Адмиралъ въ пылу боя тотчасъ замѣтилъ эти правильно-отчетливыя движенія, совершаемыя на кораблѣ съ такимъ спокойствіемъ, и приказалъ сигналомъ объявить свою благодарность, но, къ сожалѣнію, не на чемъ было сдѣлать сигналъ: всѣ фалы были перебиты.

Командиръ фрегата «Фазли-Аллахъ» (бывшій «Рафаилъ») былъ взятъ въ плѣнъ, и самый фрегатъ взорванъ на воздухъ, и этимъ исполнилось давнее приказаніе, 1829 года, Государя Императора бывшему главному командиру черноморскаго флота, адмиралу Грейгу—выраженное въ концѣ слѣдующими словами:

«Уповая на помощь Всевышняго, пребываю въ надеждѣ, что неустрашимый флотъ, горя желаніемъ смыть безславіе фрегата «Рафаилъ», не оставитъ его въ рукахъ непріятеля. Но когда онъ будетъ возвращенъ во власть нашу, то, почитая фрегатъ сей недостойнымъ носить флагъ россійскій и служить на ряду съ прочими судами флота, повелѣваю вамъ предать оный немедленно огню».

И такъ, синопскій бой заканчивалъ и прежніе разсчеты.

Эскадра шла какъ на пиръ, ожидая, конечно, безъ всякаго сомнѣнія, и большаго сопротивленія съ турецкихъ судовъ, и каленыхъ ядеръ съ батарей, и бомбовой артиллеріи съ пароходовъ. Не ея вина, что непріятель ничего не предпринялъ; она ко всему была готова, обо всемъ предупреждена опытнымъ, зоркимъ наставникомъ, подошла на ружейный выстрѣлъ, распоряжалась, какъ на маневрахъ, срыла батареи, сожгла, взорвала на воздухъ суда— словомъ, *истребила своего врага*, и, что всего замѣчательнѣе, исправивъ сдѣланныя непріятелемъ весьма значительныя поврежденія въ корпусѣ, рангоутѣ и парусахъ— черезъ 36 часовъ ушла, чтобы совершить плаваніе попе-

рекъ всего Чернаго моря въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Несомнѣнно, что перевѣсъ былъ на нашей сторонѣ по силѣ залпа, но нельзя забыть, что береговыя батареи имѣютъ громадное и неисчислимое преимущество передъ кораблями, а прибавивъ, что онѣ могли дѣйствовать перекрестнымъ огнемъ и калеными ядрами противъ деревянныхъ и парусныхъ кораблей, сдѣлается вполнѣ понятно значеніе боя. Вице-адмиралъ Корниловъ, котораго авторъ постоянно укоряетъ въ зависти и интригахъ противъ Нахимова, первый ясно и громко произносилъ оцѣнку этого боя, отдавая полную справедливость и утверждая, что синопское сраженіе знаменательнѣе наваринскаго. Можно-ли послѣ всего сказаннаго не видать стратегическаго значенія боя и *плакать сладкими слезами*. На западѣ совсѣмъ иначе поняли и оцѣнили это событіе, и лучшимъ тому доказательствомъ служитъ то, что и зависть, и злоба обуяли національную гордость. Журналы начали изобрѣтать, клеветать, но нашлись и безпристрастные цѣнители, которые писали такъ въ англійскихъ журналахъ: «какъ бы ни смотрѣли на обстоятельства публицисты, мы, моряки, не можемъ относиться безъ уваженія о невѣдомомъ для насъ флотѣ, который смѣло борется съ бурями въ теченіе мѣсяца, даетъ сраженіе тотчасъ послѣ жестокаго вѣтра, уничтожаетъ противника и съ торжествомъ благополучно возвращается въ портъ, не смотря на поврежденія».

Что же касается до французскаго выраженія «le massacre de Sinope», которое авторъ прочелъ въ газетахъ, то я порадую его еще лучшимъ разсказомъ. Писали, что офицеръ Нахимова отряда, взявши турецкій фрегатъ, дорубилъ оставшагося единственнаго турка, отрѣзалъ кусокъ его мяса и съѣлъ, за что получилъ отъ Императора Георгія.

Послѣ наваринскаго сраженія, которое, какъ я уже сказалъ, по авторитету знаменитаго адмирала Корнилова, уступаетъ въ значеніи синопскому, французы и англичане кричали и кричатъ, праздновали и празднуютъ день этой побѣды, какъ знаменитый въ лѣтописяхъ флота. Пароходъ «Таифъ» убѣжалъ потому, что онъ ходилъ несравненно лучше нашихъ пароходовъ, и въ подобномъ случаѣ ника-

кая расторопность не поможетъ. Чтобы окончить разсказъ о синопскомъ боѣ, который былъ Пѣснью Лебедя для морской боевой службы черноморскаго флота и, вмѣстѣ, последнимъ морскимъ боемъ парусныхъ флотовъ, скажу, что весь остальной флотъ привѣтствовалъ съ искреннимъ, дружескимъ, неподдѣльнымъ восторгомъ, съ горячею любовью побѣдителя Синопа и нѣсколько дней ликовалъ и чествовалъ героевъ-сотоварищей, и имя адмирала, стязавшаго эту славу, было ежеминутно на устахъ у всѣхъ и каждаго, душевно преданныхъ этому общему любимцу (1)......

И такъ, признательность Царя, восторгъ и уваженіе соотечественниковъ, слава, извѣстность, народное имя и лавры побѣды осѣнили доблестнаго адмирала, горячо любимаго всѣми сослуживцами. Но судьба предназначала ему отслужить еще долгую, суровую, грандіозную службу, но уже не на морѣ, а на бастіонахъ Севастополя! Но прежде чѣмъ перейти къ этому послѣднему эпизоду его жизни, я хочу пояснить причину той задушевной популярности, той искренней любви, которою такъ долго, такъ постоянно пользовался Павелъ Степановичъ, и беру собственныя слова его изъ прекраснаго характеристическаго разсказа, посвященнаго его памяти, подъ названіемъ: Фрегатъ «Бальчикъ» (2).

---

(1) Здѣсь авторъ цитируетъ донесеніе адмирала Меншикова о синопскомъ боѣ (напечатанное, на стр. 166 настоящаго Сборника), высочайшій рескриптъ ему же и грамоту вице-адмиралу Нахимову (обѣ напечатаны на стр. 175 и 176 настоящаго Сборника). *Ред.*

(2) "Морск. Сб." 1856 г. № 13. Талантливый авторъ этого морскаго разсказа В. И. З. дѣлаетъ предварительно слѣдующее замѣчаніе:

«Авторъ считаетъ долгомъ предупредить читателей, что имена, фамиліи, названія судовъ, обстоятельства—никого и ничего не обозначаютъ въ этомъ вымышленномъ разсказѣ. Одна личность адмирала Нахимова со всѣми его монологами, изображена здѣсь съ такою добросовѣстностію, которая зависѣла отъ памяти разскащика; все же остальное служитъ общей обстановкой того человѣка, которому посвящается этотъ разсказъ».

Разсказъ В. И. З. написанъ надъ свѣжей могилой Павла Степановича Нахимова, когда не прошло еще и года послѣ его геройской смерти. Разсказъ рисуетъ намъ морскую жизнь двадцать лѣтъ тому назадъ, со всѣми ея подробностями; но въ особенности рельефно выставленъ адмиралъ Нахимовъ: передъ читателемъ живой человѣкъ и изъ разсказа «Фрегатъ *Бальчикъ*» всякій не-

«Мало того, что служба представится намъ въ другомъ видѣ, говорилъ Павелъ Степановичъ, да сами-то мы совсѣмъ другое значеніе получимъ на службѣ, когда будемъ знать, какъ на кого нужно дѣйствовать.

«Нельзя принять поголовно одинаковую манеру со всѣми. Подобное однообразіе въ дѣйствіяхъ начальника показываетъ, что нѣтъ у него ничего общаго со всѣми подчиненными, и что онъ совершенно не понимаетъ своихъ соотечественниковъ. А это очень важно. Представьте себѣ, что вдругъ у насъ, на фрегатѣ, смѣнили бы меня и командира фрегата, а вмѣсто насъ назначили бы начальниковъ англичанъ или французовъ, такихъ, однимъ словомъ, которые говорятъ хорошо, пожалуй, по-русски, но не жили никогда въ Россіи. Будь они отличные моряки, а все ничего не выходило бы у нихъ на судахъ: не умѣли бы дѣйствовать на нашихъ матросовъ, вооружили бы ихъ противъ себя безплодною строгостію, или распустили бы такъ, что ни на что не было бы похоже. Мы всѣ были въ корпусѣ; помните, какъ рѣдко случалось, чтобы иностранные учителя ладили съ нами; это хитрая вещь—причина ея въ различіи національностей. Вотъ вся бѣда наша въ томъ заключается, что многіе молодые люди получаютъ вредное направленіе отъ образованія, понимаемаго въ ложномъ смыслѣ. Это для нашей службы чистая гибель! Конечно, прекрасно говорить на иностранныхъ языкахъ, я противъ этого ни слова не возражаю и самъ охотно занимался ими въ свое время, да зачѣмъ же прельщаться до такой степени всѣмъ чужимъ, чтобы своимъ пренебрегать? Нѣкоторые такъ увлекаются ложнымъ образованіемъ, что никогда русскихъ журналовъ не читаютъ, и хвастаютъ этимъ; я это навѣрное знаю-съ. Понятно, что господа эти до такой степени отвыкаютъ отъ всего русскаго, что глубоко презираютъ сближеніе съ своими соотечественниками-простолюдинами. А вы думаете, что матросъ не замѣтитъ этого! Замѣтитъ лучше, чѣмъ нашъ братъ. Мы говорить умѣемъ лучше, чѣмъ замѣчать,

---

знавшій адмирала скорѣе познакомится съ его личностію, чѣмъ изъ «Записокъ Севастопольца». *Прим. ред. Морск. Сбор.*

а послѣднее ужь ихъ дѣло; а каково пойдетъ служба, когда всѣ подчиненные будутъ навѣрное знать, что начальники ихъ не любятъ и презираютъ ихъ? Вотъ настоящая причина, что на многихъ судахъ ничего не выходитъ, и что нѣкоторые молодые начальники однимъ только страхомъ хотятъ дѣйствовать. Могу васъ увѣрить, что такъ. Страхъ подчасъ хорошее дѣло, да согласитесь, что не натуральная вещь нѣсколько лѣтъ работать на пропалую ради страха. Необходимо поощреніе сочувствіемъ; нужна любовь къ своему дѣлу-съ, тогда съ нашимъ лихимъ народомъ можно такія дѣла дѣлать, что просто чудо. Удивляютъ меня многіе молодые офицеры: отъ русскихъ отстали, къ французамъ не пристали, на англичанъ также не похожи; своихъ презираютъ, чужому завидуютъ, своихъ выгодъ совершенно не понимаютъ. Это никуда не годится».

Нѣсколько далѣе:

«Пора намъ перестать считать себя помѣщиками, а матросовъ крѣпостными людьми. Матросъ есть главный двигатель на военномъ кораблѣ, а мы только пружины, которыя на него дѣйствуютъ. Матросъ управляетъ парусами, онъ же наводитъ орудія на непріятеля; матросъ бросится на абордажъ, если понадобится, все сдѣлаетъ матросъ, ежели мы, начальники, не будемъ эгоистами, ежели не будемъ смотрѣть на службу какъ на средство для удовлетворенія своего честолюбія, а на подчиненныхъ, какъ на ступени для собственнаго возвышенія. Вотъ кого намъ нужно возвышать, учить, возбуждать въ нихъ смѣлость, геройство, ежели мы не себялюбцы, а дѣйствительные слуги отечества. Вы помните трафальгарское сраженіе? Какой тамъ былъ маневръ —вздоръ-съ! Весь маневръ *Нельсона* заключался въ томъ, что онъ зналъ слабость непріятеля и свою силу, и не терялъ времени, вступая въ бой. Слава *Нельсона* заключается въ томъ, что онъ постигъ духъ народной гордости своихъ подчиненныхъ и однимъ простымъ сигналомъ возбудилъ запальчивый энтузіазмъ въ простолюдинахъ, которые были воспитаны имъ и его предшественниками. Вотъ это-то воспитаніе и составляетъ основную задачу; вотъ чему я посвятилъ себя, для чего тружусь неусыпно и

видимо достигаю своей цѣли: матросы любятъ и понимаютъ меня; я этою привязанностію дорожу больше, тѣмъ отзывомъ чванныхъ дворянчиковъ-съ. У многихъ командировъ служба не клеится на судахъ отъ того, что они невѣрно понимаютъ значеніе дворянина и презираютъ матросами, забывая, что у мужика есть умъ, душа и сердце, такъ же, какъ у всякаго другаго».

Сколько мудрости, знанія сердца, опытности, глубокаго познанія народнаго духа заключается въ этой философіи. Она остается лучшимъ завѣщаніемъ не только намъ — его сослуживцамъ, но и всѣмъ соотечественникамъ. Я позволилъ себѣ привести его слова, потому что онѣ вполнѣ очерчиваютъ весь характеръ славно пройденнаго имъ поприща и выказываютъ вполнѣ тѣ возвышенныя чувства, то высокое пониманіе обязанности начальника, ту нравственную силу, которыми будутъ гордиться отдаленные потомки, указывая съ уваженіемъ на этого достойнѣйшаго воина-гражданина.

1-го сентября 1854 г. городской телеграфъ далъ знать сигналомъ, что видитъ непріятельскій флотъ. Вскорѣ показалось нѣсколько пароходовъ противъ Севастопольской бухты, и наконецъ потянулась вдоль сѣвернаго берега новая армада, *втрое* превосходящая первую ([1]). Тотчасъ сдѣланы были распоряженія по флоту, которымъ командовалъ Нахимовъ, и по сухопутнымъ войскамъ.

Я вышелъ бы изъ предѣловъ статьи, если бы день-за-день сталъ описывать ту полную смысла и значенія, ту распорядительную и нравственную роль, которую игралъ Нахимовъ, какъ помощникъ начальника гарнизона въ теченіе 10-ти мѣсяцевъ обороны. Дѣйствія эти принадлежатъ исторіи, но я въ нѣсколькихъ словахъ, которыя подкрѣплю мнѣніями очевидцевъ, выясню характеръ дѣйствій этого рыцаря безъ страха и укоризны.

Послѣ альминскаго сраженія и предъ знаменитымъ фланговымъ движеніемъ генералъ-адъютанта *князя Меншикова*,

---

([1]) Испанская армада состояла изъ 21,000 дессанта, а англо-французско-турецкая имѣла 63,000.

которое мы, моряки, не только не могли своевременно достойно оцѣнить, но, видя оставленные, какъ бы на жертву, портъ и флотъ, произносили недостойные упреки, которые могу обрисовать прекрасными словами Пушкина:

Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Смѣялся надъ твоей священной сѣдиною,

но которое уже оцѣнила исторія, главнокомандующій поручилъ оборону сѣверной стороны *Корнилову*, а южную— *Нахимову*. Нахимовъ явился къ князю и высказалъ, что для блага Россіи онъ не задумается умереть, готовъ подчиниться младшему и съ радостію будетъ содѣйствовать ему, но самъ не можетъ быть хорошимъ сухопутнымъ генераломъ (1). Князь отвѣчалъ, что не принимаетъ этотъ отвѣтъ за серьезный отказъ, и уѣхалъ изъ Севастополя, не перемѣнивъ назначенія. *Нахимовъ* находился въ самомъ мрачномъ настроеніи. Зная, что непріятельская армія приближается къ Севастополю, онъ видѣлъ одинъ честный исходъ: *лечь костьми*, и, подобно Святославу, 14 сентября въ своемъ приказѣ сказалъ такъ:

«Непріятель подступаетъ къ городу, въ которомъ весьма мало гарнизона; я въ необходимости нахожу затопить суда ввѣренной мнѣ эскадры, и оставшіяся на нихъ команды съ абордажнымъ оружіемъ присоединить къ гарнизону. Я увѣренъ въ командирахъ, офицерахъ и командахъ, что каждый изъ нихъ будетъ драться, какъ герой; насъ соберется до 3000; сборный пунктъ на Театральной площади».

Когда сѣверная сторона, въ слѣдствіе передвиженія всей непріятельской арміи на южную, сдѣлалась внѣ опасности, и *Корниловъ* съ войсками перешелъ на южную, то *Нахимовъ* снова доказалъ полную готовность жертвовать для пользы отечества своимъ личнымъ значеніемъ и старшинствомъ, и просилъ *Корнилова*, вмѣстѣ съ генералъ-лейтенантомъ *Моллеромъ*, принять общія распоряженія по оборонѣ города. . . . .

Дѣлая все человѣчески - возможное, команды, не зная

(1) Жандръ (Севастополь и Корниловъ).

сна, обѣда, отдыха, съ минуты на минуту ожидали штурма, но, къ общему удивленію, его не было, а начиналась правильная осада той крѣпости, которая, можно сказать, почти не существовала, но которая росла не по днямъ, а по часамъ и воздвигалась вмѣстѣ съ осадою. Если когда нибудь русскій духъ и мощь великаго народа поднялись на высоту, достойную Пожарскихъ и Мининыхъ, такъ это именно въ эту торжественную и приснопамятную всѣмъ намъ пережившимъ минуту. Нахимовъ былъ всюду и вездѣ, своимъ примѣромъ воодушевлялъ, помогалъ словомъ и дѣломъ, и результатомъ общихъ усилій было то грандіозное явленіе, что когда, 5-го октября, непріятель съ разсвѣтомъ открылъ свое первое бомбардированіе съ сухаго пути, а въ полдень съ моря, то мы совершенно были готовы его встрѣтить. Сухопутныя батареи его въ два часа должны были замолчать, а соединенный англо-французско-турецкій флотъ, выбросивъ 150,000 снарядовъ, отошелъ поврежденный, безъ всякихъ результатовъ.

Но день этотъ незабвененъ великою потерею для Россіи — она потеряла *Корнилова*, который, по всей справедливости, былъ душою и главнымъ двигателемъ обороны! Въ послѣдній разъ эти два соперника славы, закаленные любовью къ отчизнѣ и безграничною преданностью долгу, увидѣлись на 5-мъ бастіонѣ, гдѣ долго слѣдили за дѣйствіемъ артиллеріи; тутъ они разстались, чтобы болѣе уже не встрѣтиться. Узнавъ о смерти *Корнилова*, я поѣхалъ вечеромъ поклониться его праху и взошелъ въ залъ, гдѣ онъ лежалъ, именно въ ту минуту, когда *Нахимовъ* стоялъ у гроба и цѣловалъ прахъ, оплакивая, какъ *Колингвудъ* своего *Нельсона*, не смотря на успѣхъ цѣлаго дня.

Выдержавъ съ такимъ успѣхомъ первый день огня, мы начали считать себя непобѣдимыми и спокойно ожидали инкерманскаго сраженія. Результатъ его, при всей неудачѣ, былъ тотъ, что огонь замѣтно сталъ слабѣть, а мы, укрѣпляясь всю зиму, съ весною начали подвигаться впередъ тремя редутами: волынскимъ, селенгинскимъ и камчатскимъ.

Труды адмирала были неусыпны и неимовѣрны; онъ

каждый день, въ качествѣ помощника начальника гарнизона, объѣзжаетъ два раза всю линію, осматриваетъ госпитали, перевязочные пункты, воодушевляетъ и поощряетъ словомъ и дѣломъ.

13-го января онъ получилъ отъ Его Императорскаго Высочества генералъ-адмирала такой рескриптъ, который останется навсегда незабвененъ:

«Павелъ Степановичъ! Генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ, свидѣтельствуя предъ Государемъ Императоромъ о заслугахъ вашихъ во время обороны Севастополя, ходатайствовалъ о наградѣ васъ орденомъ Бѣлаго Орла, и Его Величество на сіе Высочайше соизволилъ. Орденскіе знаки вы получите вмѣстѣ съ грамотою, а Я вмѣняю Себѣ въ удовольствіе выразить вамъ нынѣ личныя чувства Мои и всего балтійскаго флота. Мы уважаемъ васъ за ваше доблестное служеніе; Мы гордимся вами и вашею славою—какъ украшеніемъ нашего флота; Мы любимъ васъ какъ почтеннаго товарища, который сдружился съ моремъ и который въ морякахъ видитъ друзей своихъ. Исторія флота скажетъ о вашихъ подвигахъ дѣтямъ нашимъ, но она скажетъ также, что моряки-современники вполнѣ цѣнили и понимали васъ. Примите, почтеннѣйшій Павелъ Степановичъ, въ этомъ письмѣ доказательство тому и вѣрьте, что Я всегда пребуду искренно къ вамъ доброжелательнымъ (¹)».

Адмиралъ, до глубины сердца тронутый этими теплыми, задушевными словами, отвѣчалъ:

«Ваше Императорское Высочество!

«Вмѣстѣ съ новою милостью Государя Императора къ слабымъ моимъ заслугамъ, Ваше Императорское Высочество осчастливили меня письмомъ, въ выраженіяхъ драгоцѣнныхъ сердцу вѣрноподданнаго.

«Спѣшу принести Вашему Императорскому Высочеству чувства глубокой признательности и при этомъ осмѣливаюсь прибавить, что, привыкнувъ съ юныхъ лѣтъ гордиться сословіемъ и ремесломъ, къ которымъ принадлежу, я вмѣстѣ съ товарищами чту себя еще болѣе счастливымъ, что въ настоящую великую эпоху намъ выпалъ завидный жребій имѣть руководителемъ Васъ, Государь! Вѣрьте, что мы съумѣемъ оправдать это довѣріе Августѣйшаго Монарха и побѣдимъ или умремъ достойно имени русскаго».

28-го марта, на второй день Пасхи, непріятель произвелъ такъ называемое *второе усиленное бомбардированіе*, хотя, собственно говоря, начиная отъ 5-го октября огонь не пре-

---

(¹) См. также въ прилож. стр. 33 настоящ. Сборника. *Ред.*

кращался до 28-го августа. Много было новыхъ трудовъ и пало много жертвъ. Государь Императоръ мыслью и сердцемъ постоянно жилъ между героями-защитниками и не переставалъ ихъ награждать, и вице-адмиралъ Нахимовъ былъ произведенъ въ адмиралы; вотъ какими словами онъ сообщилъ объ этой царской милости своимъ сослуживцамъ:

«Геройская защита Севастополя, въ которой семья моряковъ принимаетъ такое славное участіе, была поводомъ къ безпримѣрной милости Монарха ко мнѣ, какъ старшему въ ней.

«Высочайшимъ приказомъ отъ 27-го минувшаго марта я произведенъ въ адмиралы. Завидная участь имѣть подъ своимъ начальствомъ подчиненныхъ, украшающихъ начальника своими доблестями, выпала на меня.

«Я надѣюсь, что гг. адмиралы, капитаны и офицеры дозволятъ мнѣ здѣсь выразить искренность моей признательности сознаніемъ, что, геройски отстаивая драгоцѣнный для Государя и Россіи Севастополь, они доставили мнѣ милость незаслуженную.

«Матросы! Мнѣ ли говорить вамъ о вашихъ подвигахъ на защиту роднаго намъ Севастополя и флота; я съ юныхъ лѣтъ былъ постоянно свидѣтелемъ вашихъ трудовъ и готовности умереть по первому приказанію; мы сдружились давно; я горжусь вами съ дѣтства. Отстоимъ Севастополь, и если Богу и Императору будетъ угодно, вы доставите мнѣ случай носить мой флагъ на гротъ-брамъ-стеньгѣ съ тою же честью, съ какою я носилъ его, благодаря вамъ, и подъ другими клотиками; вы оправдаете довѣріе и заботы о насъ Государя и генералъ-адмирала и убѣдите враговъ православія, что на бастіонахъ Севастополя мы не забыли морскаго дѣла, а только укрѣпили одушевленіе и дисциплину, всегда украшавшія черноморскихъ моряковъ».

Можно ли безъ умиленія и глубокаго сочувствія читать эти слова, въ которыхъ вылилась эта благородная душа со всею скромностью, столь ей свойственною, забывая себя и свое значеніе и отдавая все дорогимъ ему сослуживцамъ.

25-го мая непріятель открылъ *третье усиленное бомбар-*

дированіе и 26-го, вечеромъ, штурмовалъ съ успѣхомъ волынскій, селенгинскій и камчатскій редуты. 27-го мая былъ военный совѣтъ въ квартирѣ *Нахимова*, гдѣ рѣшено было оставить ихъ во власти непріятеля. Убыль людей становилась все болѣе и болѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ духъ русскаго воинства закалялся, какъ сталь. *Нахимовъ*, своимъ словомъ и примѣромъ, своимъ бдительнымъ вниманіемъ къ стоявшимъ на бастіонахъ и душевнымъ теплымъ участіемъ къ страждущимъ раненымъ, былъ какимъ-то ангеломъ-утѣшителемъ.

Ободренный успѣхомъ на сказанныхъ редутахъ, непріятель, послѣ *четвертаго усиленнаго бомбардированія*, открытаго имъ 5-го іюня, съ разсвѣтомъ 6-го числа пошелъ на штурмъ 3-го и 4-го отдѣленій оборонительной линіи, но былъ повсемѣстно блистательно отбитъ и потерпѣлъ сильный, значительный уронъ.

Начальникъ севастопольскаго гарнизона, генералъ-адъютанъ *графъ Остенъ-Сакенъ*, въ своемъ приказѣ по случаю отбитаго штурма, между прочимъ, говоритъ:

«Доблестная служба помощника моего, командира порта адмирала *Нахимова*, одушевляющаго примѣромъ самоотверженія чиновъ морскаго вѣдомства и столь успѣшно распоряжающагося снабженіемъ обороны Севастополя, *извѣстна всей Россіи*. Но не могу не упомянуть, что подкрѣпленія, посланныя на атакованную часть Севастополя, раздѣленную южною бухтою, переходили по устроенному адмираломъ *Нахимовымъ* пѣшеходному мосту на бочкахъ, безъ чего корабельная сторона, вмѣщающая въ себя Малаховъ курганъ—ключъ позиціи—могла пасть, ибо прежній мостъ на судахъ легко былъ поврежденъ непріятельскими выстрѣлами и въ 11-ти-дневное бомбардированіе помянутое сообщеніе было прервано».

Могу ли что-нибудь прибавить о важности значенія Нахимова въ Севастополѣ послѣ такого авторитета; но я не могу забыть, съ какою неподдѣльною искренностью онъ отзывался всѣмъ окружающимъ, что онъ чувствуетъ себя недостойнымъ своей новой награды — аренды, 25-го іюня имъ полученной.

Это была последняя предсмертная награда.

26-го іюня, какъ бы прощаясь съ этимъ міромъ, адмиралъ присутствовалъ на торжественномъ молебнѣ и крестномъ ходѣ на площади, совершенномъ знаменитымъ духовнымъ витіею архіепископомъ Иннокентіемъ, который въ сильной, могучей рѣчи выразилъ значеніе Севастополя для Россіи—рѣчи, имѣвшей особенную силу при громѣ ядеръ и бомбъ. По окончаніи этой церемоніи, каждый изъ бастіоновъ получилъ въ благословеніе икону.

28-го іюня, съ 4-хъ часовъ утра, открылась сильная канонада по 3-му бастіону. Адмирала всячески старались удерживать, но онъ рвался туда, по обыкновенію, гдѣ была опасность, говоря: какъ ѣдешь на бастіонъ, такъ веселѣе дышешь. Побывши на 3-мъ бастіонѣ, онъ поѣхалъ на бастіонъ Корнилова, гдѣ въ это время не было артиллерійскаго огня, но былъ сильный ружейный. Адмиралъ, не смотря на просьбы приближенныхъ, ставъ на банкетъ, осматривалъ въ трубу работы; скоро провизжала одна пуля и ударилась въ мѣшокъ; не успѣлъ онъ выговорить: «какъ ловко стрѣляютъ», какъ упалъ, смертельно раненый: пуля прошла выше лѣваго виска и тронула мозгъ; до самой кончины онъ не пришелъ ни на минуту въ сознаніе и скончался 30-го іюня, въ 11 час. 7 м. пополуночи. Я былъ при умирающемъ почти все время до послѣдняго вздоха, и слѣдующія слова выписываю изъ моего журнала, веденнаго тогда въ Севастополѣ: войдя въ комнату, гдѣ лежалъ адмиралъ, я нашелъ у него докторовъ тѣхъ-же, что оставилъ ночью, и прусскаго лейбъ-медика, пріѣхавшаго посмотрѣть на дѣйствіе своего лекарства. *Усовъ* и баронъ *Крюднеръ* снимали портретъ, больной дышалъ и по временамъ открывалъ глаза; но около 11-ти часовъ дыханіе сдѣлалось вдругъ сильнѣе; въ комнатѣ воцарилось молчаніе. Доктора подошли къ кровати: вотъ наступаетъ смерть, громко и внятно сказалъ *Соколовъ*, вѣроятно не зная, что около меня сидѣлъ его племянникъ, *П. В. Воеводскій*; третій на диванѣ былъ *Костыревъ* (флагъ-офицеръ). Итакъ, послѣднія минуты Павла Степановича оканчивались! Больной потянулся первый разъ и дыханіе сдѣ-

лалось рѣже, у всѣхъ пробѣжала мысль о смерти, но послѣ нѣсколькихъ вздоховъ онъ снова вытянулся и медленно вздохнулъ; этотъ разъ обманъ былъ такъ силенъ, что даже доктора ошиблись, прикладывая ухо къ сердцу, и утвердительно и печально кивнули намъ головою; но жизнь героя Синопа еще боролась со смертью и какъ бы не хотѣла такъ легко оставить этотъ міръ. Умирающій сдѣлалъ еще конвульсивное движеніе, еще вздохнулъ три раза, и никто изъ присутствовавшихъ не замѣтилъ послѣдняго его вздоха. Но прошло нѣсколько тяжкихъ мгновеній, всѣ взялись за часы, и когда *Соколовъ* громко проговорилъ: скончался—было 11 ч. 7 м.

Послѣдній переѣздъ адмирала чрезъ севастопольскую бухту (онъ скончался въ баракахъ на сѣверной) былъ величественъ: гробъ поставили на кожуховую лодку, буксируемую катерами, вѣтръ вдругъ засвѣжѣлъ, какъ бы посылая прощальный поцѣлуй тому, кто боролся съ нимъ въ теченіе 34-хъ шести-мѣсячныхъ морскихъ кампаній; враги провожали ядрами, а русская эскадра приспустила флаги и уныло салютовала.

Въ 6 часовъ, 1-го іюля, со всѣхъ мѣстъ обороны съѣхались начальствующія лица отдать послѣдній долгъ. Я видѣлъ, какъ князь Горчаковъ, стоя у гроба, нѣсколько разъ горько плакалъ. Мы вынесли гробъ изъ квартиры, предшествуемый тремя адмиральскими флагами, и понесли его въ церковь между двумя баталіонами, армейскимъ и флотскимъ, составленными отъ всѣхъ бастіоновъ, батарей и судовъ флота; по ту сторону церкви стояло 6 орудій; по окончаніи панихиды дозволено было всѣмъ матросамъ бастіона проститься съ адмираломъ, и замѣчательно, что солдаты тотчасъ же стали просить, чтобы и имъ позволили. Въ 8 часовъ мы подняли прахъ, чтобы отнести его на мѣсто успокоенія, рядомъ съ Михаиломъ Петровичемъ. Вся дорога, весь подъемъ былъ унизанъ провожавшими; многіе ожидали, что непріятель откроетъ канонаду по площади, но, однако, онъ велъ себя прилично; даже разнесся слухъ во время погребенія, что будто англійскіе корабли приспустили флаги, но онъ оказался несправедливымъ.

Гробъ опустили; баталіоны и артиллерія сдѣлали обычные залпы и толпы начали расходиться.

И такъ, герой Наварина, Синопа и Севастополя, этотъ рыцарь безъ страха и укоризны, окончилъ свое славное поприще.

Извѣстіе о кончинѣ его какъ громовой ударъ разнесся по Севастополю, и начальникъ гарнизона отдалъ слѣдующій приказъ:

«Храбрые защитники Севастополя!

«Провидѣнію угодно испытать насъ новою тяжкою потерею: адмиралъ *Нахимовъ*, пораженный непріятельскою пулею на Корниловомъ бастіонѣ, сего числа (30-го іюня) скончался.

«Не мы одни будемъ оплакивать потерю доблестнаго сослуживца, достойнѣйшаго начальника, витязя безъ страха и упрека—вся Россія вмѣстѣ съ нами прольетъ слезы искренняго сожалѣнія о кончинѣ героя синопскаго.

«Моряки черноморскаго флота! Онъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ вашихъ доблестей, онъ умѣлъ цѣнить ваше несравненное самоотверженіе, онъ раздѣлялъ съ вами опасности, руководилъ васъ на пути славы и побѣды.

«Преждевременная смерть доблестнаго адмирала возлагаетъ на меня обязанность дорогою цѣною воздать непріятелю за понесенную нами потерю.

«Каждый воинъ, стоящій на оборонительной линіи Севастополя, жаждетъ, я несомнѣнно увѣренъ, исполнить этотъ священный долгъ; каждый матросъ удесятеритъ усиліе для славы русскаго оружія».

Теперь посмотримъ, какъ смотрѣли на эту потерю многіе другіе (1)......

Докторъ *Зейманъ* говоритъ слѣдующее:

«Когда въ октябрѣ 1854 года ко многимъ другимъ неразлучнымъ съ блокадою бѣдствіямъ присоединилась и холера въ Севастополѣ, труды медицинскихъ чиновъ усугу-

(1) Здѣсь авторъ цитируетъ письмо профессора Гюббенета, напечатанное въ приложеніи на стр. 152—157 настоящаго Сборника. *Ред.*

бились. Не могу безъ душевнаго восторга не упомянуть здѣсь объ особенномъ участіи и распоряженіи незабвеннаго адмирала *Нахимова*, который, съ свойственною ему всегдашнею добротою и человѣколюбивою заботливостью, высказалъ и въ этомъ случаѣ свою истинно-отеческую любовь къ любимымъ (какъ онъ называлъ ихъ) дѣтямъ его (морякамъ) и вообще всѣмъ страждущимъ, заботясь не только о предохраненіи людей на бастіонахъ отъ холерныхъ недуговъ, но и доставляя *имъ на собственный счетъ* всѣ необходимые медикаменты, коихъ выборъ и употребленіе мнѣ были предоставлены».

Статскій совѣтникъ Мансуровъ (1) отъ 30-го іюня изъ Севастополя доноситъ:

«Сегодня настала та тяжкая, печальная минута, которой Севастополь такъ долго страшился. Сегодня черноморскій флотъ лишился своего героя-вождя и облекся въ тотъ сердечный трауръ, который не знаетъ ни мѣры, ни срока! Доблестный нашъ адмиралъ, незабвенный *Нахимовъ*, скончался сего числа, въ 11 часовъ и 7 минутъ утра, и скончался, не увидавъ конца начатаго имъ достославнаго дѣла, въ то именно время, когда всѣ ожили въ ожиданіи того блаженнаго часа, въ который черноморской семьѣ суждено будетъ отпраздновать освобожденіе Севастополя подъ побѣдоноснымъ флагомъ своего возлюбленнаго начальника. Павелъ Степановичъ такъ часто и такъ явно былъ хранимъ Промысломъ, что всѣ невольно привыкли считать жизнь его завѣтною, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока самъ Севастополь не погребетъ его въ своихъ развалинахъ.

«Среди общей скорби, я едва смѣю говорить о собственной своей печали; нѣтъ матроса и офицера, который бы не оплакивалъ въ Нахимовѣ заботливаго отца; нѣтъ храбраго воина, который бы не потерялъ въ немъ путеводителя на стезѣ долга и отваги».

Наконецъ, въ заключеніе, приведу нѣсколько словъ одного изъ самыхъ увлекательныхъ и краснорѣчивыхъ писа-

---

(1) Нынѣ тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь.

телей *Морскаго Сборника* (1855 г. № 8, отд. 1.), капитана 2-го ранга Шестакова (¹).

«Еще потеря тяжкая, хотя и предвидѣнная; еще смерть, поражающая значеніемъ жертвы, новая могила, внушающая благоговѣніе и полная назиданія! Свершилось предопредѣленіе—и бодрый духъ, витавшій надъ бастіонами мученика Севастополя, живившій его защитниковъ въ теченіе 10-ти мѣсячной томительной, однообразно-кровавой обороны, отлетѣлъ въ вѣчность! Не стало любимца черноморцевъ, ихъ вожатаго къ славѣ, товарища въ лишеніяхъ, утѣшителя въ неудачахъ и бѣдствіяхъ! Такія могилы не орошаются слезами; не скорбь и сѣтованіе возбуждаются въ тѣхъ, кои удалены отъ мѣста тризны. Удивленіе и уваженіе замѣняютъ печаль сердечную, и, сознавая вполнѣ великость потери, невольно увлекаешься желаніемъ изслѣдовать причины соединенія въ одномъ и томъ же смертномъ достоинствъ, дѣлающихъ изъ него примѣчательную особенность, выставленную случаемъ въ подражаніе современникамъ и образецъ потомству».

Къ этимъ столь торжественнымъ и отраднымъ заявленіямъ русскаго дворянства, стоявшаго на различныхъ ступеняхъ служебнаго поприща и близко и хорошо знавшихъ адмирала, имѣвшихъ и непосредственное, и косвенное отношенія къ нему, мнѣ хочется прибавить нехитрое слово одного солдата.

Рядовой пѣхотнаго графа Дибича Забалканскаго полка (къ сожалѣнію, имя его неизвѣстно), во время штурма, 6-го іюня, лежалъ на землѣ, близъ Малахова кургана, въ предсмертныхъ мукахъ. «Ваше благородіе», вскричалъ онъ проѣзжающему ординарцу начальника гарнизона, скакавшаго съ Малахова кургана въ городъ, «а, ваше благородіе»! Офицеръ, посланный съ важнымъ приказаніемъ, не останавливался. «Постойте, ваше благородіе, я не помощи хочу просить, а важное дѣло есть»... Офицеръ возвратился къ нему, и въ то же время подошелъ къ нему морякъ. «Что нужно, любезный, говори скорѣе»!—«Скажите, ваше благородіе, адмиралъ *Нахимовъ* не убитъ»? — «Нѣтъ». — «Ну, слава Богу.... Я могу теперь умереть спокойно». Солдатъ перекрестился, обратилъ очи къ небу и со вздохомъ закрылъ ихъ на вѣки.

Собравъ факты, изложивъ событія, приведя слова, мысли, чувства, взгляды и мнѣнія боевыхъ сотоварищей,

---

(¹) Нынѣ свиты Его Величества контръ-адмиралъ.

подчиненныхъ, начальниковъ, Великаго Князя и двухъ Императоровъ, я перехожу къ заключенію.

Говорятъ, что всѣ вещи познаются черезъ сравненіе; но мѣра всѣхъ вещей есть самъ человѣкъ, а потому, сравнивая людей, мы никакъ не можемъ ихъ, такъ сказать, уровнять, уподобить. Каждый человѣкъ есть отдѣльный, самостоятельный индивидуумъ, который развивается, дѣйствуетъ, вліяетъ и оставляетъ или ничтожный, легкій или глубокій слѣдъ, какъ по мѣрѣ своихъ нравственныхъ силъ, энергіи, характера, такъ и по силѣ окружающихъ его обстоятельствъ. Иной могъ бы сдѣлать, но ничего не дѣлаетъ, другой и съ однимъ талантомъ, но работаетъ и достигаетъ. Вся эта масса отдѣльныхъ индивидуальныхъ личностей сливается въ одно гармоническое цѣлое—человѣчество. Величіе человѣка состоитъ въ той пользѣ, которую онъ приноситъ. Будь тѣмъ великъ, чѣмъ можешь быть великъ.

«Мы здѣсь—говоритъ Эпиктетъ—на сценѣ, гдѣ каждый долженъ сыграть назначенную ему роль. Великая обязанность, лежащая на человѣкѣ, заключается въ томъ, чтобы выполнить свою роль въ совершенствѣ. Мы можемъ говорить, что роль не по нашему характеру, что мы выполнили бы лучше другую, но, въ большинствѣ случаевъ, распоряженіе не въ нашей волѣ. Все, что отъ насъ зависитъ, это совершенствоваться въ роли, которая выпала намъ».

Можно ли опредѣлительно, близко и вѣрно сравнить Суворова съ Румянцовымъ, Ермолова съ Беннингсеномъ, Каменскаго съ Кутузовымъ, Паскевича съ Дибичемъ! Или у насъ во флотѣ (оставляя безъ сравненія державнаго героя-моряка, основателя флота, генія-просвѣтителя Россіи), Ушакова съ Спиридовымъ, Грейга съ Лазаревымъ, Нахимова съ Корниловымъ, хотя каждый изъ нихъ вполнѣ заслуживалъ и заслуживаетъ дань удивленія и уваженія, признательности современниковъ и благодарности потомства. Хотя каждый изъ нихъ оставилъ славныя страницы исторіи русскаго народа, хотя каждымъ изъ нихъ справедливо гордятся соотечественники и Россія. Но, сознавая невозможность правильнаго сравненія, мы все-таки сравниваемъ, а

потому по смерти *Нахимова* сопоставляли его съ великими и дорогими именами какъ русскаго, такъ и съ знаменитостями иностранныхъ флотовъ.

Не беру на себя смѣлости сказать свое слово, но постараюсь изъ всего вышесказаннаго обрисовать эту высокознаменательную и отрадную личность.

Адмиралъ *Нахимовъ*, одаренный счастливыми способностями ума и воспитанный въ молодости въ суровой школѣ могучаго наставника, скоро изучилъ знаніе и искусство моряка и пламенно на всю жизнь привязался къ своей профессіи. Воодушевленный безграничною любовью къ родинѣ и священнымъ исполненіемъ своего долга, онъ закалилъ свою волю на это высокое призваніе и тѣмъ получилъ ту нравственную силу на все окружающее, которая составляетъ его высшую заслугу отечеству.

Онъ вполнѣ сознавалъ свое сильное вліяніе и слѣпую преданность къ нему сослуживцевъ, отъ адмирала до матроса, и, особенно искусно и прозорливо пользуясь ими, велъ ихъ къ благотворной цѣли. Это былъ глубокій знатокъ человѣческаго сердца, мудрецъ, вполнѣ постигшій духъ народа, великодушный начальникъ, великій гражданинъ, герой безъ страха и укоризны, славный адмиралъ, украсившій русскій флотъ, озарившій русскій флагъ и стяжавшій себѣ народное имя.

Я думаю, что угадаю въ настоящую минуту мысли и желанія всѣхъ моихъ сослуживцевъ, если окончу мой біографическій очеркъ адмирала Павла Степановича Нахимова теплыми, отрадными словами рескрипта генералъ-адмирала.

«Мы уважаемъ васъ за ваше доблестное служеніе, Мы гордимся вами и вашей славой, какъ украшеніемъ нашего флота. Мы любимъ васъ, какъ почтеннаго товарища, который сдружился съ моремъ и который въ морякахъ видитъ друзей своихъ».

Да! Высоко чтимое имя его будетъ всегда жить съ глубокою признательностію и великимъ значеніемъ въ сердцахъ русскаго флота и да не коснется его впредь:

Ни зависть съ глазомъ ядовитымъ,
Ни ложный другъ съ коварствомъ скрытымъ.

А севастопольская семья не забыла и никогда не забудетъ:

...тотъ родной гранитъ,
Гдѣ Нахимова могила,
Гдѣ Корниловъ спитъ.

Теперь обращаюсь къ вамъ, милостивый государь, авторъ статьи: «Воспоминанія Севастопольца». Вы видите, вы понимаете, вы, наконецъ, должны видѣть и понимать, что, по вашему же выраженію, вы разсказали сказку, что вы не знали и не хотѣли знать, о комъ вы писали, и вамъ единственный и вмѣстѣ благородный исходъ отказаться отъ своихъ словъ, отъ чужихъ мыслей, видимо составлённыхъ подъ диктовку какого нибудь измѣнника своей семьи. Вы должны это сдѣлать, если въ васъ есть любовь къ родинѣ и къ отечественной исторіи, которая гордится именами доблестныхъ мужей.

Тогда, и только тогда, мы повѣримъ искренности вашихъ сладкихъ слезъ, и да простится вамъ, какъ многое прощалось Алексѣю, Божію-человѣку ([1]).

Капитанъ 1-го ранга **А. Асланбеговъ.**

С.-Петербургъ 18-го января 1868 г.

II.

Отрывокъ изъ статьи капитанъ-лейтенанта Ф. Нарбута.

Статья «Изъ Записокъ Севастопольца» произвела на всѣхъ насъ моряковъ самое болѣзненное впечатлѣніе,— всѣ спѣшили прочитать ее, и многіе рѣшились возражать по мѣрѣ возможности. Считаемъ не лишнимъ предпослать будущему опроверженію «выписки изъ шканечныхъ журналовъ», изъ которыхъ всякій ясно увидитъ самое полное

([1]) „Русскій Инвалидъ" 1868 г. № 32. Статья эта перепечатана въ „Морскомъ Сборникѣ" 1868 г. № 3. „Русскомъ Архивѣ" 1868 г. № 3 и „Кронштадтскомъ Вѣстникѣ".

непониманіе того, о чемъ осмѣлился такъ самоувѣренно писать сотрудникъ Русскаго Архива. Но прежде выпишемъ нѣсколько строкъ «Изъ Записокъ Севастопольца»:

(стран. 1599—1601): 5-го ноября, съ разсвѣтомъ, «*Владиміръ*» увидѣлъ 6 большихъ судовъ, которыя были ни что иное, какъ часть турецкаго флота, открытаго *Корниловымъ*, еще прежде до ухода его въ Севастополь, и составлявшаго теперь предметъ его изысканій. Но какъ-то случилось, что эти 6 судовъ показались ему эскадрой Нахимова. Нужно было явиться именно такому числу. Корниловъ, безъ сомнѣнія, пошелъ бы къ этой эскадрѣ, и тогда бы все разоблачилось, но тутъ мелькнулъ передъ нимъ пароходъ, признанный непріятельскимъ. Захотѣлось взять призъ, а потому, отложивъ предполагаемое свиданіе съ *Нахимовымъ*, погнались за пароходомъ. Онъ былъ взятъ и сильно избитъ. Возня съ нимъ заняла всю ночь и слѣдующій день, а это были въ общемъ счетѣ *роковыя сутки*. Партія въ шахматы была проиграна. Затѣмъ, не видя турокъ и притомъ нуждаясь въ топливѣ (да тутъ еще призъ!), Корниловъ рѣшился смахать въ Севастополь. Но что дѣлать съ кораблями *Новосильскаго*, которые въ углѣ не нуждались и могли очень легко выждать возврата Корнилова въ морѣ? Но такъ же легко они могли случайно или не случайно соединиться съ Нахимовымъ и разыграть ту увертюру, исполненіе которой Корниловъ предоставлялъ себѣ. Задумываться нечего: отдать приказъ по эскадрѣ, *чтобы она шла въ Севастополь*,—и приказъ былъ отданъ. Какъ приняли этотъ странный приказъ неизвѣстно, но дѣлать было нечего: Новосильскій, скрѣпя сердце, поворотилъ домой. 5-го ноября онъ сошелся нечаянно съ Нахимовымъ; они вздохнули другъ о другѣ, выпили по чаркѣ-другой марсалу и разстались. Къ разсвѣту, 6-го ноября, Новосильскій вышелъ изъ виду эскадры Нахимова. Нахимовъ былъ брошенъ совершенно одинъ и... пошелъ къ Синопу. Я думаю, что всякій, кто не можетъ быть равнодушенъ къ успѣху русскаго оружія, въ высшей степени заинтересованъ этой минутой. Всякаго деретъ по кожѣ пріятный морозъ, и всякому хотѣлось бы въ эту славную минуту быть на палубѣ корабля «Императрица Марія», подлѣ добродушнаго адмирала Нахимова, который служилъ свою службу отечеству безъ малѣйшихъ видовъ, которому и во снѣ не снились приказы, подобные отданному сейчасъ эскадрѣ Новосильскаго».

Послѣ подобнаго словоизверженія всякій долженъ назвать Корнилова человѣкомъ въ высшей степени честолюбивымъ, котораго всѣ помышленія были лишь только о своемъ возвышеніи, и что пользы отечества и долгъ гражданина и воина ему были рѣшительно невѣдомы. И это все о томъ Корниловѣ, который создалъ впослѣдствіи всю оборону русской Сарагоссы; о томъ Корниловѣ, который говорилъ намъ на бастіонахъ: «*отступленія не будетъ; коли меня, если велю отступать*»—слова знаменательныя. О томъ Корниловѣ, который былъ все: и опытный адмиралъ, и образованный генералъ, и наилучшій администраторъ, и отличный инженеръ. Кому изъ насъ не приходи-

лось видѣть, и весьма часто, задолго до высадки союзниковъ въ Крыму, этого великаго человѣка и за военной исторіей, и за фортификаціей, не смотря на многотрудныя и разнообразныя его занятія. Онъ хлопоталъ и о сооруженіи батарей очень задолго до высадки, — подтвердятъ это всѣ тѣ, кто окружалъ въ ту пору Владиміра Алексѣевича. Въ книгѣ Жандра еще не достаточно собраны всѣ матеріалы для составленія біографіи этого рѣдкаго и великаго человѣка; еще не настало время для его историка. *Корниловъ* былъ не только уважаемъ своими подчиненными за свои глубокія познанія по всѣмъ отраслямъ морскаго и военнаго дѣла и за рѣдкую справедливость въ оцѣнкѣ ему подчиненныхъ людей,—но мы *утвердительно* говоримъ, что онъ былъ искренно любимъ всѣми тѣми, кто самъ честно служилъ, *а ихъ былъ легіонъ.* Кто не помнитъ его величавую особу на бастіонахъ Севастополя! кто изъ насъ душевно не кричалъ *ура* ему въ слѣдъ, при его объѣздѣ этихъ бастіоновъ? Правда, не любили его (но все-таки уважали) всѣ тѣ *весьма немногіе*, у которыхъ было рыльце въ пушку, не любили его и тѣ бездарные отцы, обремененные многочисленнымъ семействомъ, которые, единственно опираясь на эти свои достоинства, не могли разжалобить его для полученія лучшихъ назначеній. Корниловъ смотрѣлъ такъ: сначала службѣ, потомъ себѣ; взглядъ этотъ унаслѣдовалъ Владиміръ Алексѣевичъ отъ общаго учителя нашего, Михаила Петровича *Лазарева*, да и не онъ одинъ такъ смотрѣлъ на службу: смотрѣлъ такъ и Павелъ Степановичъ *Нахимовъ*, смотрѣлъ такъ и *Истоминъ*, и многіе уцѣлѣвшіе дѣятели севастопольской обороны, перечислять имена которыхъ не позволяетъ только одна скромность. Умолчимъ о нихъ, чтобы не вывели изъ этого перечисленія какую нибудь небылицу сотрудники разныхъ архивовъ и фельетонисты разныхъ газетъ. Теперь разсмотримъ, на сколько справедливы «Записки Севастопольца» въ отношеніи того, что Корниловъ якобы бросилъ Нахимова на произволъ судьбы передъ синопскимъ боемъ. Приводимъ для этого *офиціально-засвидѣтельствованную выписку* изъ шканечныхъ журналовъ, изъ

которой всякій увидить, что *Корниловъ* послалъ къ Нахимову эскадру *Новосильскаго* и вмѣнилъ ей въ исполненіе дать *Нахимову* такія силы, какія потребуются, и что встрѣча эскадръ была не случайная, и что, дѣйствительно, та эскадра, состоящая изъ 6 судовъ, которую счелъ Корниловъ за эскадру Нахимова, была не турецкая, а Нахимова. Нахимовъ слышалъ выстрѣлы сраженія «*Владиміра*» съ *Перваз-Бахри* и даже буксировался на эти выстрѣлы. Откуда же взялъ Севастополецъ, что видѣнная эскадра была турецкая? Въ разъясненіе же не только солидарныхъ отношеній между Корниловымъ и Нахимовымъ, но и крайне дружественныхъ (адмиралы взаимно цѣнили другъ-друга), приведемъ письмо перваго къ послѣднему, изъ Жандра стр. 88.

Севастополь, 28-го октября.

«Посылаю вамъ, любезный Павелъ Степановичъ, *Крюднера*; онъ, какъ самовидецъ, разскажетъ, что мы съ пароходами видѣли и дѣлали. Кажется, турки не на шутку озлобились; посылаемую ими флотилію въ Батумъ или Сухумъ вы расколотите въ пухъ (эта же флотилія и была потомъ расколочена въ Синопѣ). Жаль, что не могу прибавить вамъ парохода—всѣ починяются. Я сегодня съ тяжелыми кораблями выступаю къ Каліакрѣ, дабы встрѣтить эскадру кораблей, видѣнную *Штофрегеномъ*, и о которой *Крюднеръ* вамъ разскажетъ....... Вѣроятно, не найду ея ни въ Варнѣ, ни въ Бургасѣ; отъ послѣдняго проберусь къ вамъ на свиданіе, и тогда разскажемъ, буде Богъ благословитъ, другъ-другу, что произошло.... Поздравляю съ новой звѣздой (за перевозку 13-й дивизіи на Кавказъ). Желаю побѣды».

ВЫПИСКИ ИЗЪ ШКАНЕЧНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ:

120 пуш. корабль «Великій Князь Константинъ».
Подъ флагомъ вице-адмирала Корнилова.

4-го ноября съ полудня случаи. . . . .

....Въ 35 мин. 1-го часа, телеграфомъ было объявлено: «непріятель въ Константинополѣ, якорнаго дѣла не предвидится, канаты можно убрать». Въ часъ прибылъ на корабль контръ-адмиралъ *Новосильскій*. Около половины

3-го часа сигналомъ было велѣно: «эскадрѣ быть въ вѣдѣніи старшаго флагмана», а вслѣдъ за симъ былъ сдѣланъ сигналъ: «при спускѣ вице-адмиральскаго флага не салютовать»; послѣ этого отбылъ на свой корабль «*Три Святителя*» контръ-адмиралъ Новосильскій; а начальникъ штаба черноморскаго флота и портовъ перешелъ со своимъ штабомъ на пароходъ «*Владиміръ*» — эскадра же, построившись въ 2 колонны, послѣдовала на R OSO 3/4 O.

. . . .

5-го съ полуночи случаи. . . .

Находясь въ эскадрѣ въ Черномъ морѣ и слѣдуя на соединеніе съ крейсерующимъ отрядомъ (Нахимова) у мыса Керемпе......

120-пуш. корабль «Три Святителя».
Подъ флагомъ контръ-адмирала Новосильскаго.

5-го ноября съ полудня случаи. . . .

Въ 3/4 1-го часа контръ-адмиралъ *Новосильскій* воротился съ парохода «*Владиміръ*» на корабль со словеснымъ приказаніемъ начальника штаба «слѣдовать къ эскадрѣ вице-адмирала *Нахимова* для перемѣны его кораблей другими кораблями, если будетъ нужно, и уже потомъ возвратиться въ Севастополь.

6-го ноября съ полуночи случаи. . . .

Въ 8 часу утра по распоряженію вице-адмирала Нахимова, корабли нашей эскадры «*Ростиславъ*» и «*Святославъ*» и бригъ «*Эней*» поступили въ эскадру в.-ад. Нахимова, а корабль «*Ягудіилъ*» и бригъ «*Язонъ*» въ нашу эскадру.

84-пуш. корабль «Императрица Марія».
Подъ флагомъ вице-адмирала Нахимова.

5-го ноября съ полуночи случаи. . . .

....Около 1/2 11-го часа фрегатъ «*Коварна*» корабль «*Храбрый*» сигналомъ дали знать, что слышны пушечные выстрѣлы: 1-й отъ W, а 2-й отъ NW.

Въ 3/4 12 часа только что взятый призовой пароходъ взялъ насъ на буксиръ и пошелъ къ WNW. Въ 1/2 2-го часа пароходу «*Бессарабія*» было велѣно взять на буксиръ корабль «Храбрый».

По приведеніи «Храбраго», «Бессарабіи» велѣно идти за «Чесмой»; въ 1/2 7-го призовой пароходъ привелъ корабль «*Ягудіилъ*» къ эскадрѣ. Въ исходѣ 12 часа (ночью съ 5-го на 6-е ноября) подошли къ эскадрѣ контръ-адмирала Новосильскаго (¹), состоящей изъ 6 кораблей и 1 брига; въ 1/4 8 утра (6 числа) сигналомъ было велѣно кораблямъ «Ростиславъ» и «Святославъ» и бригу «Эней» быть въ вѣдѣніи начальника 5-й флотской дивизіи (вице-адмирала Нахимова), а кораблю «Ягудіилъ» и бригу Язонъ въ вѣдѣніи начальника 4 флотской дивизіи (контръ-адмирала Новосильскаго)—7-го ноября въ 4 часа пополудни (подходя къ Синопу) велѣно сигналомъ расклинать людей по боевому росписанію и въ слѣдъ за симъ было велѣно зарядить орудія ядрами. . .

(¹) *Эскадра адмирала Нахимова*: корабли: «Императрица Марія», «Храбрый», «Чесма» и «Ягудіилъ», фрегатъ «Коварна», бригъ «Язонъ» и пароходъ «Бессарабія».

Эскадра адмирала Новосильскаго: «Три Святителя», «Великій Князь Константинъ», «Парижъ», «Двѣнадцать апостоловъ», «Ростиславъ» и «Святославъ» и бригъ «Эней».

Въ 5 час. маловѣтріе, пасмурность, дождь.... Въ исходѣ 6 часа сдѣлался вѣтръ SO, почему сигналомъ было велѣно привести въ бейдевиндъ на правый галсъ.

Ноября 11-го съ полуночи случаи. . . .

....Около половины 12 часа сигналомъ велѣно: «приготовиться стать на якорь со шпрингами, которые имѣть у обоихъ якорей».

....Въ исходѣ 3 часа по сигналу поворотили оверштагъ всѣ вдругъ, находясь отъ Синопа на SO въ 3/4 миляхъ. На рейдѣ стояло: фрегатовъ 7, корветовъ 3, пароходовъ 2 и транспортовъ 2. Городъ укрѣпленъ батареями, на молѣ, на мысѣ Кюй-Хисаръ, и нѣсколькими не значительными на полуостровѣ; когда мы приближались къ мѣсту якорной стоянки, то оба парохода снялись съ якоря и пошли къ намъ на встрѣчу, а суда, стоящія въ боевой позиціи, вытягивали завезенные съ кормы шпринги, а когда мы стали отходить отъ Синопа, то пароходы поворотили назадъ.

«Выписку эту извлекалъ прапорщикъ Присѣка. Въ вѣрности сей выписки удостовѣрилъ предсѣдатель коммиссіи, капитанъ Васильевъ».

Каждый морякъ хорошо знаетъ *значеніе* этихъ журналовъ, а не для моряковъ пусть будетъ извѣстно, что журналы эти чтутся во всѣхъ флотахъ какъ святыня; въ нихъ записывается *все* и *всегда справедливо*, не только на военныхъ судахъ всѣхъ флотовъ, но даже и на лучшихъ купескихъ (1)......

Рѣчи, произнесенныя на севастопольскомъ обѣдѣ 11-го февраля 1868 г.

Рѣчь генералъ-адъютанта Тотлебена.

Защитники Севастополя!

Съ обороною Севастополя неразлучно связано воспоминаніе о двухъ достойнѣйшихъ и главнѣйшихъ ея дѣятеляхъ, имена коихъ извѣстны всѣмъ и каждому.

Кому изъ защитниковъ Севастополя могло придти на умъ, что при насъ еще настанетъ время, когда нужно будетъ привести убѣдительные факты въ удостовѣреніе истинно высокихъ заслугъ *Корнилова и Нахимова?*

Въ отвѣтъ на статью «Русскаго Архива» — подписанную какимъ-то севастопольцемъ, котораго, мы конечно, не признаемъ севастопольцемъ, и который, безъ сомнѣнія, не осмѣлится показаться въ нашемъ обществѣ—явилась въ «Русскомъ Инвалидѣ» правдивая статья капитана 1-го ранга Асланбегова. Статья эта, заключающая въ себѣ

---

(1) „Николаевскій Вѣстникъ“ 1868 № 16.

рядъ историческихъ фактовъ, встрѣчена со всеобщимъ участіемъ, но нигдѣ она не можетъ найти такого горячаго сочувствія, какъ въ нашемъ кругу.

Въ ней *Корниловъ* и *Нахимовъ* представлены такъ, какъ мы ихъ видѣли на полѣ чести въ Севастополѣ:

Корниловъ, давшій душу начинающейся оборонѣ; Нахимовъ, который въ теченіе 10-ти мѣсяцевъ поддерживалъ духъ гарнизона и, распоряжаясь подъ огнемъ на батареяхъ, неутомимо заботился какъ объ усиленіи средствъ обороны, такъ и объ облегченіи участи раненыхъ.

Никто изъ насъ въ жизни своей не встрѣчалъ человѣка, который до такой степени всею душою былъ бы преданъ дѣлу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ забывалъ бы свое я, какъ Нахимовъ.

Для Павла Степановича его собственное я положительно не существовало.

Позвольте мнѣ, господа, прочитать приказъ Нахимова, отданный имъ въ мартѣ 1855 года, когда, до прибытія *князя Горчакова*, *графъ Сакенъ* исполнялъ обязанности главнокомандующаго крымской арміи, а Нахимовъ исправлялъ должность начальника гарнизона.

Въ это время, какъ вамъ извѣстно, мы ежедневно ожидали открытія втораго усиленнаго бомбардированія. По недостатку пороха, положеніе наше было критическое: потери въ людяхъ предвидѣлись огромныя, исходъ бомбардированія былъ весьма сомнителенъ.

Приказъ по севастопольскому гарнизону отъ 2-го марта 1855 года, № *34-й*.

«Усилія, употребленныя непріятелемъ противъ Севастополя 5-го октября и въ послѣдующіе за тѣмъ дни, даютъ основательный поводъ думать, что, рѣшившись продолжать осаду, враги наши разсчитываютъ на средства еще болѣе громадныя; но теперь шестимѣсячные труды по укрѣпленію Севастополя приходятъ къ концу; средства обороны нашей почти утроились, и потому кто изъ насъ, вѣрующихъ въ правосудіе Божіе, усомнится въ торжествѣ надъ дерзкими замыслами непріятеля? Но разрушить ихъ, при большой потерѣ съ нашей стороны, не есть еще полное торжество, и потому-то я считаю долгомъ напомнить всѣмъ начальникамъ священную обязанность, на нихъ лежащую, именно предварительно озаботиться, чтобы при открытіи огня съ непріятельскихъ батарей не было ни одного лишняго человѣка, не только въ открытыхъ мѣстахъ и безъ дѣла, но даже прислуга у орудій и число людей для неразлучныхъ съ боемъ работъ было ограничено крайнею необходи-

ностью. Заботливый офицеръ, пользуясь обстоятельствами, всегда отыщетъ средства сдѣлать *экономію въ людяхъ* и тѣмъ уменьшить число подвергающихся опасности.

«Любопытство, свойственное отвагѣ, одушевляющей доблестный гарнизонъ Севастополя, въ особенности не должно быть допущено частными начальниками. Пусть каждый будетъ увѣренъ въ результатѣ боя и спокойно останется на указанномъ ему мѣстѣ; это въ особенности относится къ гг. офицерамъ.

«Я надѣюсь, что гг. дистанціонные и отдѣльные начальники войскъ обратятъ полное вниманіе на этотъ предметъ и раздѣлятъ своихъ офицеровъ на очереди, приказавъ свободнымъ находиться подъ блиндажами и въ закрытыхъ мѣстахъ. При этомъ, прошу внушить имъ, что жизнь каждаго изъ нихъ принадлежитъ отечеству, и что не удальство, а только истинная храбрость приноситъ пользу ему и честь умѣющему отличить ее въ своихъ поступкахъ отъ перваго.

«Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы еще разъ повторить запрещеніе частой пальбы. Кромѣ невѣрности выстрѣловъ, естественнаго слѣдствія торопливости, трата пороха и снарядовъ составляетъ такой важный предметъ, что никакая храбрость, никакая заслуга не должны оправдать офицера, допустившаго ее. Заботливость объ охраненіи города, ввѣреннаго Государемъ нашей чести, пусть будетъ ручательствомъ за мѣткость и хладнокровіе нашихъ молодцовъ артиллеристовъ».

Приказъ этотъ, вылившійся изъ глубины души *Нахимова*, навсегда останется драгоцѣннымъ документомъ, характеризующимъ вѣрный военный взглядъ Нахимова, его теплую душу и его высокія чувства истиннаго патріотизма, равно какъ и необыкновенную отвагу и самоотверженіе севастопольскаго гарнизона.

Въ ожиданіи жестокаго бомбардированія, въ которое непріятель дѣлалъ ежедневно по 30 тысячъ артиллерійскихъ выстрѣловъ, когда мы, по недостатку пороха, въ состояніи были на три выстрѣла союзниковъ отвѣчать только однимъ выстрѣломъ, когда гарнизонъ, слабо прикрытый невысокими, полуразрушенными укрѣпленіями, подверженный страшному огню, *долженъ былъ оказать сверхъестественную стойкость*, въ это время Нахимовъ, зная духъ гарнизона, вынужденнымъ нашелся приказать офицерамъ умѣрить свое удальство и сдѣлать, какъ онъ выражается, *экономію въ людяхъ*, дабы торжество наше было достигнуто меньшею потерею храбрыхъ защитниковъ.

Подобный приказъ могъ имѣть, и дѣйствительно имѣлъ, полный успѣхъ только при доблестной личности Нахимова, высокоуважаемаго и искренно любимаго всѣмъ гарнизономъ, и при желѣзной настойчивости и геройскомъ увле-

ченіи нашихъ моряковъ и нашей арміи, которые, не уступая непріятелю ни на шагъ, всѣ готовы были умирать за честь Государя и за славу отечества.

Припомнимъ, господа, съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія, имена павшихъ при оборонѣ Севастополя: адмираловъ: Корнилова, Нахимова и Истомина; капитановъ: Юрковскаго, Будищева, Скоробогатова, Коцебу, Рачинскаго, Лесли, Швенднера, Липкина, Серебрякова, Шестакова, Орлова и князя Ширинскаго-Шихматова; лейтенантовъ: Троицкаго, Бѣлавенца, Титова, Львова, Бутакова-Петрова и проч.; генераловъ: Реада, Соймонова, Лисенко, Адлерберга, Тимофѣева, Юферова, Веймарна, Буссау, Щелканова и Гогинова. Полковниковъ: Нейдгардта, Хитрово, Краевскаго, Уважнова-Александрова, Богенскаго, Темирязева, Мезенцова, Бельгарда, Скюдери, Лушкова, Смѣлкова, Рудановскаго, Аршеневскаго, Фрейнда, Селезнева, Абазу и Веревкина. Генеральнаго штаба: полковника Грандидіера, штабсъ-капитановъ: Лаврова и Мейендорфа. Артиллеристовъ: полковника Загоскина, подполковника Розенталя и капитановъ Глазенапа и Фіалковскаго. Инженеровъ: полковника Зацѣпина, капитановъ Ахбауера, Тонагеля, Небольсина и штабсъ-капитана Сахарова,—и многихъ, многихъ другихъ достойныхъ офицеровъ, матросовъ и солдатъ, а также князя Михаила Дмитріевича Горчакова, покоящагося въ Севастополѣ. Вѣчная память и слава павшимъ героямъ!

Какъ свидѣтели ихъ подвиговъ, наша священная обязанность защищать ихъ честь.

Затѣмъ предлагаю тостъ за здоровье нашихъ молодцовъ моряковъ и храброй русской арміи—«ура!»

Рѣчь генералъ-адъютанта Зеленаго:

Слова, сказанныя Эдуардомъ Ивановичемъ Тотлебеномъ, были приняты съ полнымъ одобреніемъ и сердечнымъ сочувствіемъ. Да и могло ли быть иначе? — Мы всегда съ благоговѣніемъ вспоминаемъ имена героевъ, могучихъ избранниковъ судьбы, положившихъ основу славной защитѣ Севастополя, умѣвшихъ, непоколебимою силою своего ду-

ха, создать эту крѣпкую боевую семью, которая отстаивала выпавшее на ея долю дѣло съ высокимъ сознаніемъ долга и съ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ. Имена Корнилова и Нахимова сдѣлались близкими, родными для насъ. Они стали честью, славою, гордостью не только севастопольской боевой семьи, но и всего народа русскаго. Мы благоговѣйно вспоминаемъ ихъ доблестную жизнь, славные подвиги и геройскую смерть, низко преклоняемъ головы предъ ихъ прахомъ, какъ предъ святынею.

Мы говоримъ съ увѣренностью, что нѣтъ ни единаго изъ севастопольской семьи, который не раздѣлялъ бы этихъ чувствъ, не воздавалъ бы, отъ чистаго сердца, памяти героевъ должной дани глубокаго почтенія.

Потому невольно является вопросъ: кто же посягнулъ, подъ именемъ севастопольца, кощунствовать надъ дорогими намъ именами? Кто рѣшился бросить грязь на славныя могилы и клеветать на падшихъ героевъ? Непонятно, въ комъ могло, чрезъ 14 лѣтъ послѣ кровавой драмы, родиться преступное желаніе, извращая истину, искажая факты, святотатственно тревожить священный прахъ героевъ.

Авторъ жалкой статьи, напечатанной на страницахъ «Русскаго Архива», скрылъ свое имя. Да и не надо намъ знать его имени! Мы твердо увѣрены, что онъ не изъ нашей семьи. Могъ ли кто изъ дѣйствительныхъ защитниковъ Севастополя вознамѣриться внести въ исторію, вмѣсто истины, недостойные вымыслы! Могъ ли кто изъ севастопольцевъ, раздѣлявшихъ славные труды и подвиги нашей доблестной арміи, говорить о ней съ такимъ возмутительнымъ недостаткомъ уваженія! У кого изъ севастопольцевъ поднялась бы рука чернить свѣтлые и всѣмъ намъ столь дорогіе образы Корнилова и Нахимова!

Мы утвердительно говоримъ, что авторъ жалкой статьи не изъ нашей семьи. И какъ дерзнулъ онъ самозванно присвоить себѣ имя севастопольца? Пускай же имя его останется навсегда неизвѣстнымъ! Клеветы его не произведутъ никакого дѣйствія. Онѣ разоблачаются фактами, представленными въ разныхъ статьяхъ, появившихся для

возстановленія оскорбленной истины, и особенно въ прекрасной статьѣ капитана 1-го ранга Асланбегова, напомнившаго всю жизнь, все служебное поприще, пройденное покойнымъ Павломъ Степановичемъ Нахимовымъ, стяжавшее ему такую завидную и невыпадающую на долю обыкновенныхъ людей неувядаемую славу, заслужившее ему общую любовь и уваженіе. Мы не можемъ не выразить А. Б. Асланбегову нашей сердечной благодарности за то, что онъ взялъ на себя трудъ удовлетворить общую душевную потребность, и надѣемся, что редакторъ «Русскаго Архива», давшій мѣсто въ своемъ журналѣ статьѣ неизвѣстнаго автора, сдержитъ обѣщаніе, и непремѣнно, на страницахъ мартовской книжки «Русскаго Архива», напечатаетъ статью А. Б. Асланбегова. Это необходимо не для насъ, но для того, чтобы будущіе историки, собирая факты, ясно могли бы отличить ложь отъ истины. Въ насъ же, современникахъ Корнилова и Нахимова, очевидцахъ ихъ славной службы и геройской смерти, клевета вызоветъ не сомнѣніе къ заслугамъ падшихъ героевъ, но лишь глубокое презрѣніе къ ней и сожалѣніе къ тѣмъ пигмеямъ, которые дерзаютъ хулить то, что имъ непонятно и недоступно. Мы, севастопольцы, никогда не забудемъ [1]

Тотъ родной гранитъ,
Гдѣ Нахимова могила,
Гдѣ Корниловъ спитъ.

---

[1] „Морской Сборникъ“ 1868 г. № 3. Независимо отъ возраженій, напечатанныхъ въ настоящемъ Сборникѣ, появилось много другихъ статей, написанныхъ въ опроверженіе „Записокъ Севастопольца“. Таковы, напримѣръ, статья Н. Рыкачева („Кронштадтскій Вѣстникъ“ 1868 г. № 14 и 19), передовая статья „Петербургской газеты“ 1868 г. № 5 и друг. Изъ всѣхъ этихъ статей мы сочли необходимымъ перепечатать только тѣ, которыя вмѣстѣ съ возраженіемъ прибавляютъ новыя черты для характеристики Павла Степановича Нахимова и Владиміра Алексѣевича Корнилова. *Ред.*

АЛФАВИТЪ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ АВТОРОВЪ.

АЛФАВИТЪ ИМЕНЪ УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ТЕКСТѢ.

АЛФАВИТЪ СУХОПУТНЫХЪ ВОЙСКЪ И ФЛОТА.

УКРѢПЛЕНІЯ, ПОСТРОЕННЫЯ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

ОПЕЧАТКИ.

Страницы	*Строки* Съ верху	Съ низу	*Напечатано*	*Должно быть*
42	»	4	4-го августа 1853 г.	1-го августа 1853 г.
53	10	»	Люизу	Люизъ.
124	»	1	Бернадскаго	Вернадскаго
166	»	4	бвтареями	батареями
171	7	»	„Фейзе-Мсабуръ“	„Фейзи-Мсабудъ“
193	4	»	Османъ-паша	Османъ-паши
250	1	»	Гранье-дв-Кассаньяка	Гранье-де-Кассаньяка
309	10	»	потверждені़е	подтвержденіе

ПРИЛОЖЕНІЯ.

16	»	14	природлежитъ	принадлежитъ
30	»	2	племенемъ	пламенемъ
44	15	»	армирала	адмирала
96	»	12	защитника	защитники
142	4	»	взгнуть	взглянуть
163	»	9	продолжатъ	продолжаетъ
168	»	20	*не рѣтился*	*не рѣшился*
183	14	»	*Пасимова*	*Пахимова*
189	5	»	совершавщаго	совершавшаго
204	2	»	тѣмъ	чѣмъ

2007081640